МИР-ЦИРК. ГОРОД БАРАБУ ПЕСНЬ СЛОНА

МИР-ЦИРК ГОРОД БАРАБУ ПЕСНЬ СЛОНА

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

БАРРИ ЛОНГЙЕР

ЗОЛОТАЯ
БИБЛИОТЕКА
ФАНТАСТИКИ

BARRY B.

LONGYEAR

CIRCUS WORLD

CITY OF BARABOO

ELEPHANT SONG

БАРРИ

ЛОНГИЕР

МИР-ЦИРК

ГОРОД БАРАБУ

ПЕСНЬ СЛОНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2002

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7США)-44
Л76

Серия основана в 1999 году

Barry B. Longyear
CURCUS WORLD
1981
CITY OF BARABOO
1980
ELEPHANT SONG
1982

Перевод с английского
И. Клигмана («Мир-Цирк»), С. Самуйлова («Город Барабу»),
А. Бушуева и Т. Бушуевой («Песнь слона»)

Художник А. Дубовик

Серийное оформление А. Кудрявцева

Печатается с разрешения автора
и литературного агентства Александра Корженевского

Подписано в печать 6.05.02 г. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 35,28. Тираж 10000 экз. Заказ № 924.

Издание подготовлено при участии А/О «Титул»

Лонгиер Б.
Л76 Мир-Цирк. Город Барабу. Песнь слона: Пер. с англ. / Б. Лонгиер. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. — 666, [6] с. — (Золотая библиотека фантастики).

ISBN 5-17-014252-8

Барри Лонгиер знаком отечественному читателю по эпическому циклу «Враг мой». Но теперь перед вами — Барри Лонгиер в ИНОМ АМПЛУА!

Веселые, озорные приключения людей из последнего земного цирка! Людей, бежавших с Земли, потерпевших крушение и обживших планету Мом! Людей, даже не представлявших, что однажды их радостный Мир-Цирк станет объектом борьбы двух противоборствующих сил Вселенной! Однако неунывающие циркачи способны найти выход из самой безвыходной ситуации...

Перед вами — произведение в духе ранних Гаррисона и Шекли! Циркачи могут умирать, но шоу должно продолжаться вечно!

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7США)-44

© Barry B. Longyear, 1981, 1980, 1982
© Перевод. И. Клигман, 2002
© Перевод. С. Самуйлов, 2002
© Перевод. А. Бушуев, Т. Бушуева, 2002
© Художник. А. Дубовик, 2002
© ООО «Издательство АСТ», 2002

ЗВЕЗДНЫЕ САЛЬТО-МОРТАЛЕ БАРРИ ЛОНГИЕРА

Поскольку первые увлечения научной фантастикой приходятся у большинства читателей на детские годы и в этом же нежном возрасте «важнейшим из искусств» для ребенка становится цирк, то легко предположить, что научно-фантастическое произведение о цирке будет изначально обречено на успех! В среде фэнов хорошо помнят те незабываемые восторги детства, когда внезапно гас свет под куполом, оркестр переходил на холодящую душу барабанную дробь и прожектор выхватывал на манеже очередного смельчака — жонглера, акробата или канатоходца, готового совершить смертельный трюк...

Да и по сути они похожи — эти два способа честно морочить голову благодарным и готовым к тому зрителям.

И писатели-фантасты, и циркачи обрушивают на их голову каскад головокружительных трюков и фокусов, создают красочный мир-феерию, полный действия и захватывающих воображение картин, — и хоть на время, но отвлекают зрителей от унылой прозы бытия. Фокусники на манеже и те, что склонились над клавиатурой пишущих машинок и компьютеров, творят прямо на наших глазах чудеса, не скрывая, а наоборот — всячески подчеркивая, что это лишь ловкость рук «и никакого мошенства».

А клоуны-рыжие из обоих профессиональных «цехов» дают возможность зрителю вволю потешиться над нелепыми фортелями коверных и почувствовать себя более умными и зна-

чительными. И лишь позже сообразить, что это еще вопрос: кто над кем смеялся!

Литературная карьера американского писателя-фантаста Барри Лонгиера многими деталями напоминает ударный цирковой аттракцион. Вначале — фанфары и несколько особо удачных трюков, досадный (или только талантливо сымитированный?) срыв в середине, от которого на секунду замирает зрительный зал, и новая попытка — на сей раз удачная, сорвавшая дополнительные аплодисменты.

Впрочем, трудно было ожидать иного от автора одного из самых популярных циклов о космическом цирке...

Барри Брукс Лонгиер родился 12 мая 1942 года в городе Харрисбурге (штат Пенсильвания). После окончания средней школы он поступил было в Университет Уэйна в Детройте, но, проучившись два года, бросил его и вынужден был заняться поисками работы. Так или иначе, но она оказалась связана с книгоизданием: вместе с женой Лонгиер владел небольшими издательствами в Филадельфии и Фармингтоне, что в штате Мэн (там он живет по сей день), а затем такой же небольшой типографией. Крупных успехов на издательской ниве он, судя по всему, не добился — чего не скажешь о литературном творчестве Лонгиера.

Его выход на арену и первые трюки сразу же расположили к новичку сердца зрителей.

Дебютировал Лонгиер рассказом «Репетиции», опубликованным в 1978 году в одном из ведущих американских научно-фантастических журналов — том, что «имени Азимова» (Isaac Asimov's Science Fiction Magazine). В рассказе речь шла о межзвездной цирковой труппе, не по своей воле застрявшей не планете Момус и вынужденной приспосабливаться, обустраиваться в чуждом, негостеприимном мире. Впрочем, циркачам ли привыкать к невзгодам и спартанскому быту кочевой жизни!

А уже в следующем году дебютант вызвал шквал восторгов новым произведением — повестью «Враг мой». Тут уж на арену полетели цветы, то бишь литературные премии. Обе главные в жанре научной фантастики — «Хьюго» и «Небьюла», плюс премия, присуждаемая ежегодным голосованием среди читателей журнала Locus, и та, что названа именем легендар-

ного Джона Кэмпбелла и вручается «самому многообещающему молодому автору» года в указанном жанре.

Что-то не припомню, кому еще из дебютантов доставался столь же впечатляющий урожай наград. И во всяком случае можно точно утверждать, что никто — ни до, ни после — не завоевывал все указанные премии в один год.

Так взошла звезда Лонгиера — быстро, мощно, стремительно. По крайней мере в начале 1980-х годов его рассматривали как едва ли не главную сенсацию наступавшего десятилетия.

Дебютная повесть, что и говорить, была славная. Добрая, мудрая, человечная, она вызывала не только удовлетворение от лихо закрученного сюжета (как в 90% произведений научной фантастики) и не одни только интересные новые мысли (как в оставшихся 10%), но и эмоции — а с последними в данной литературе дело все еще обстоит не шибко. Справедливости ради стоит отметить, что скептики уже тогда заявляли: молодого автора несколько перехвалили и лавину высших премий следует считать всего лишь авансом, а не адекватной оценкой конкретного произведения.

Сказать, что повесть Лонгиера о Контакте — значит ничего не сказать. О чем же она? О том, как нащупываются ниточки взаимопонимания с существами иной космической расы, ведущей войну с землянами? О ксенофобии, уступающей место дружбе, сотрудничеству и взаимовыручке? О солдатах двух враждующих армий, оказавшихся в ситуации, не оставляющей им иного шанса на выживание, кроме как в мире и согласии? Это уже теплее.

Напомню вкратце, о чем там идет речь. Земной астронавт совершает вынужденную посадку на весьма неуютной планете и встречает там попавшего в аналогичную переделку воина противника. Поначалу их отношения сковывает взаимная враждебность и подозрительность, но в конце концов оба «робинзона» не только становятся друзьями, но землянин еще и усыновляет детеныша, родившегося у инопланетного родителя.

Или родительницы? Дело в том, что появление младенца оказалось сюрпризом и для звездного «солдатика», и, не сомневаюсь, для большинства читателей. Ибо кто мог подозревать в инопланетном монстре представительницу «их» пре-

красного пола, к тому же готовившуюся стать матерью! Хотя говорить уверенно о ее прелестях могли, вероятно, лишь соплеменники, да и с разделением половых функций у инопланетян все, оказывается, не так просто...

То, что Лонгиер — мастер таких рискованных сальто-мортале, зрители не раз убеждались на всем протяжении его увлекательного номера на арене.

Между прочим, и путь данного произведения к отечественному читателю — тоже своего рода цирк. Потому что первыми оказались вовсе не читатели, а кинозрители! По печальной традиции, именно вторые раньше других познакомились с пиратской видеокопией одноименного фильма, снятого режиссером Вольфгангом Петерсеном (снятого, надо признать, мастерски). И только спустя несколько лет появился перевод повести, представивший нового, неизвестного доселе американского автора.

Но к тому времени другой американский писатель-фантаст, Дэвид Джерролд, успел написать новеллизацию сценария — роман «Враг мой» (1985), а его соавтор* — завоевать сердца американских фэнов другими произведениями. Тем самым циклом о приключениях звездной цирковой труппы на планете Момус, с которого, если помнит читатель, начиналась литературная карьера Лонгиера. В этот цикл входят (в порядке внутренней хронологии): сборник «Город Барабу» (1980), роман «Песнь слона» (1982) и еще один сборник «Мир цирка» (1981), объединивший ранние рассказы писателя.

«Раннее творчество Лонгиера, — пишет критик Даррелл Швейцер, — начиная с первого его опубликованного рассказа, связано с циклом о Цирковом мире, образовавшемся на планете Момус в результате крушения земного звездолета со странствующей по космическим мирам труппой. Циркачам пришлось стать первыми колонистами планеты, и в результате образовалась парадоксальная смесь из цирковых традиций, фольклора и сурового быта первопоселенцев на негостеприимной планете! А потом планету заново открывает экспедиция из Девятого Квадранта ФОП (Федерации Обитаемых Планет) — и успевает сделать это, прежде чем данная область

* Книга вышла с двумя именами на обложке — Джерролда и Лонгиера. — *Здесь и далее примеч. автора.*

космоса будет завоевана злодеями из Десятого Квадранта. Послу из Девятого Квадранта необходимо убедить обитателей Момуса, что опасность нападения более чем реальна. Но, поскольку в мире цирка все имеет какую-то цену, «бесплатное» предупреждение было расценено аборигенами как не имеющее никакой цены — и, соответственно, проигнорировано. Только когда сообразительный посол догадался выйти на большую дорогу в роли ходячего пророка-рассказчика и люди стали платить ему за его рассказы, циркачи решили, что нужно отнестись к его словам серьезно...

Произведения цикла напоминают серию Кита Ломера о Ретифе, однако если Ломеру удается избежать больших порций насилия, делающего самый веселый цикл совсем не смешным, Лонгиер порой сам загоняет себя в угол. На его «цирковую» планету высаживаются агрессивные пришельцы, и тогда искренне веселившие публику клоуны и канатоходцы вмиг забывают о своем ремесле актеров и становятся бойцами Сопротивления...»

Итак, в роли очередных космических «робинзонов» на сей раз предстают члены цирковой труппы — неунывающие, живущие одной семьей и ни в каких обстоятельствах не изменяющие своим цирковым традициям. Результат можно себе представить...

«Ну кто сможет устоять перед цирком!» Эту искреннюю, а отнюдь не дежурно-рекламную реплику известной нашему читателю Джоан Виндж издательство Berkley поместило на традиционную «комплиментарную страницу» первого издания новой книги Барри Лонгиера. Книгой был сборник «Город Барабу» (1980), наводивший американских читателей на вполне понятные ассоциации: в штате Висконсин расположен реальный городок с тем же именем и главная достопримечательность Барабу — крупнейший в мире Музей цирка!

Читатели и не устояли. На протяжении нескольких лет, пока публиковались произведения о Мире-Цирке, имя Лонгиера стабильно обеспечивало аншлаг в том огромном цирке-шапито, шумном, пестром и не скрывающем своей «балаганности», который называется миром американской science fiction. Замечены были и немногочисленные внесерийные рассказы и повести писателя, лучшие из которых составили

сборники «Очевидная цель» (1980) и «Это пришло из Скенектеди» (1984).

А затем — на самом гребне успеха, когда, казалось, автору оставалась лишь успевать за лентой издательского конвейера, обещавшего деньги, тиражи, славу! — это имя разом исчезло из анонсов издательств и журналов. Вызвав у поклонников Лонгиера острое уныние и чувство образовавшейся пустоты.

Долгое время причину отсутствия писателя на фантастическом манеже публично не называли, предпочитая глухие отговорки типа «различные обстоятельства, никак не связанные с литературой» (как без затей сказано в известном биобиблиографическом справочнике «Писатели-фантасты XX века»). Но затем в ряде изданий — назову, к примеру, фундаментальную Энциклопедию под редакцией Джона Клюта и Питера Николлса — все было названо своими именами. А после того, как автору этих строк посчастливилось лично пообщаться с Барри Лонгиером на одной из «локальных» конвенций в Чикаго в 1990 году (где мы оба участвовали в одной дискуссии) и он сам рассказал обо всем прямо и откровенно, то дальше скрывать причину его кратковременного «выпадения» уже не имеет смысла.

Все оказалось прозаичнее некуда: на протяжении трех с лишним лет, начиная с 1981 года, Барри Лонгиер лечился от хронического алкоголизма и наркомании. О чем впоследствии написал честный и жестокий роман «Сент-Мэри Блю» — совсем не фантастический, а напротив, посвященный своему горькому и, увы, до предела реальному опыту.

К счастью, курс лечения прошел успешно. И в 1987 году сорвавшийся с трапеции акробат под одобряющие аплодисменты зала вновь взобрался под купол цирка. И начал вытворять такое, чего от него никак не ждали!

Смена амплуа — испытание нешуточное, публика редко прощает такое. Пойти на подобный риск могут позволить себе только сильные личности. Новые романы, выходившие отныне из-под пера Лонгиера, ничем не напоминали его ранние вещи — яркие, человечные, но, если честно, все-таки не обремененные какими-либо оригинальными философскими и социальными идеями. Теперь же писатель обращался к темам

предельно серьезным и решал их умно, жестко, не заигрывая с читателем, а постоянно ставя его перед больными и неприятными вопросами.

Так, в романе «Море стекла» (1987) рассказ ведется от лица маленького Тома Уиндома, с рождения носящего на себе печать «деклассированного ребенка», поскольку родители произвели его на свет незаконно. Всеми демографическими процессами в перенаселенном мире, куда пришел Том, управляет Центральный электронный мозг (MAC III). Во всех отношениях бездушная машина решает свою задачу: «минимизировать» количество людей на планете, — не останавливаясь и перед таким радикальным и хорошо испытанным в истории человечества способом, как война. Однако неразумные люди никак не могут понять высшего замысла «электронного управляющего» — направленного на их же благо! — и в своем неприятии и упрямстве доходят до откровенного саботажа. С саботажниками и криминальными типами (к которым относятся и родители Тома) в этой мрачной демографической антиутопии обходятся сурово: преступников публично — и главное, медленно — поджаривают на электрическом стуле, а их «деклассированных» детей отправляют в концлагеря.

В другом романе Лонгиера, «Нагим пришел робот» (1988), писан мир недалекого будущего, в котором прекратились все войны — даже «холодная». Единственным полем брани стала транснациональная экономика, в которой боевые действия от имени своих конфликтующих корпораций-монополий ведут между собой опять-таки роботы и андроиды. Забавно? Да как сказать: воюющие силы в запале битвы не пожалеют и людей, попавшихся им под горячую руку...

Далеки от безудержного оптимизма и два романа по мотивам популярного телесериала «Чужой народ» (Alien Nation) — «Изменение» и «Такой же шлак, как я» (оба вышли в 1994 году). И даже юмористический роман «Возвращение домой» (1989) открывается незабываемой сценой, от которой становится не по себе: на орбите спутника Земли появляется инопланетный корабль с экипажем, состоящим из разумных... динозавров. Отдаленные потомки тех, кто, вопреки данным науки, вовсе не вымерли в доисторическом прошлом (точнее,

вымерли, да не все), теперь требуют ни много ни мало — вернуть им «их» планету!..

И наконец, совсем непохоже — по идеям, настроениям, общему колориту — на «Врага моего» произведение, действие которого развертывается в том же пространстве-времени. Роман «Заповедь завтрашнего дня» (1983), названный популярным журналом Science Fiction Chronicle «лучшим произведением писателя, убедительной и логичной историей, полной сюжетных поворотов, повествовательных планов, экзотической инопланетной философии, лихо закрученного действия и хорошо выписанных образов героев, — словом, книгой на любой вкус».

Война в нем — все та же, между землянами и инопланетными чудищами-«дракошками». Только теперь главный персонаж, носящий форму земных космических сил, — женщина-военнопленный. Ей, как и ее предшественнику*, тоже предстоит понять и принять иную культуру, только на сей раз контакт происходит в еще более деликатной сфере — религии. Что касается последней, то верования «дракошек» выписаны Лонгиером с глубиной и блеском, позволившими критику Дарреллу Швейцеру назвать роман «одной из самых успешных попыток исследовать инопланетные религию и психологию».

Впрочем, читатель сам, надеюсь, оценит последнее утверждение, познакомившись с переводом романа.

Я же закончу этот беглый портрет «фантастического циркача» точной репликой уже неоднократно цитированного Швейцера, в которой явно сквозит надежда на новые увлекательные — и самое главное, неожиданные цирковые номера нашего героя: «В целом Лонгиер проделал необычную эволюцию. Его явно переоценивали в начале карьеры — и до обидного недооценивают сейчас, когда появились его действительно серьезные работы. Он уже продемонстрировал способность создавать действительно серьезные вещи, но одновременно и тен-

* «Половой» сдвиг — очевидная дань требованиям времени: сегодня бравый «космический волк» в американской научной фантастике почти наверняка окажется «волчицей»

денцию к соскальзыванию в фривольность. Однако у него еще все впереди, и, вспоминая его резкий и неожиданный для всех литературный дебют, можно предположить, что этот писатель еще всех нас удивит».

Что ж, хорошо, если так оно и будет. Пока же поаплодируем актеру на арене — он честно отработал наши ожидания.

Вл. ГАКОВ

МИР-ЦИРК

РЕПЕТИЦИЯ

Огонь, бьющий из недр планеты Момус, освещал небольшую лощину у дороги в Тарзак. Возле кратера сидел, скрестив ноги, человек в низко надвинутом черном капюшоне и пристально смотрел на огонь. Лица его не было видно; только танцующие языки пламени отражались в немигающих глазах. Из пустыни налетел ветерок, и лощину наполнил тяжелый запах серы. Огонь осветил появившегося из-за скал полного человека в серой мантии и переднике. Незнакомец жестом указал на место у огня.

— За огонь не платят, — промолвил человек в капюшоне.

Толстяк присел на корточки, вытащил из мешка комок теста и положил на камень поближе к огню. Спустя несколько мгновений благоухание кобитового хлеба вытеснило из лощины запах серы.

— Хочешь кобита, незнакомец?

— Два мовилла за половину. Не больше.

— Два? Да это все равно что отдать хлеб даром!

— В таком случае я охотно взял бы все.

— Три.

— Два.

Толстяк разломил кобит и отдал половину незнакомцу; взамен тот дал ему две медные бусины. Торговались они не всерьез, только чтобы соблюсти обычай.

Доев кобит первым, человек в сером ткнул себя в грудь.

— Я Аарел, каменщик. Есть новости? — Он позвенел кошельком. Человек в черном покачал головой. — Ты же носишь черное, как новостник.

— Верно, Аарел, но я лишь ученик. Скоро придет мой учитель.

— Какая удача! Мастер-новостник у огня! Он известен?

— Нет.

Аарел пожал плечами:

— Не люблю расхолаживать юношей. Это его первая новость?

— Не первая, однако до сих пор были только мелкие. Он рассчитывает сегодня вечером сыграть эту новость в Тарзаке.

Аарел вскинул бровь:

— В Тарзаке? Надеюсь, его энтузиазм обусловлен опытом, а не отсутствием оного.

— Так оно и есть.

Они молча любовались пламенем, пока в свете огня не появились два купца в коричневых мантиях.

— Эй, Аарел! — окликнул тот, что повыше.

— Парак! — отозвался каменщик, потом кивнул второму: — Джум.

Парак указал на огонь.

— Присоединяйтесь, — предложил Аарел.

Оба купца присели на корточки у костра и положили на камни по комку кобитового теста. Дружески поторговавшись, четверо путников съели кобит. Парак достал флягу с вином; поторговались еще, затем фляга пошла по рукам, а Парак убрал в карман мовиллы.

— Дорога из Дальнеземья была утомительной. — Кивнув на человека в черном, он спросил Аарела: — Есть у него новости?

— У его учителя, который скоро будет здесь, есть новость, которую он рассчитывает сыграть в Тарзаке.

— Ого! — Парак в предвкушении потер руки. — А ученик что-нибудь рассказал?

— Нет.

В тот же миг еще один человек в черном капюшоне подошел к костру и указал на пламя.

— Никаких медяков за огонь, новостник, — улыбнулся Парак. — Ты учитель этого ученика?

— Да. Я Бустит из новостников Фарранцетти. — Бустит уселся у огня и приготовил кобит, который нетерпеливые путники, быстренько поторговавшись, поспешно проглотили.

Мастер-новостник доел кобит и стряхнул крошки с одежды. Потом поинтересовался:

— Какие новости вы бы желали услышать?

Аарел, зажмурившись, подбросил кошелек в воздух и поймал.

— За хорошую новость я могу заплатить хорошую цену, Бустит. Но, признаться, твое имя мне незнакомо.

— Верно, — кивнул Парак. — Может, расскажешь немного об этой новости, чтобы мы могли судить, насколько справедлива назначенная тобой цена?

Бустит поднял руку и покачал головой:

— Фарранцетти ничего не рассказывают заранее.

— Почему? — спросил Джум.

— Мы считаем, что беглый обзор лишен изящества логической конструкции целого.

Аарел пожал плечами:

— Как же нам судить о цене?

— Сколько бы ты заплатил за великолепную новость?

Каменщик и купцы серьезно задумались.

— Двадцать мовиллов, — ответил Аарел, — но именно за великолепную.

— Я бы заплатил двадцать пять, — сказал Парак. — В Тарзаке это хорошая цена за великолепную, отлично изложенную новость.

— Согласен, — кивнул Джум. — Двадцать пять.

Аарел погрозил купцам пальцем.

— Друзья, мы не в Тарзаке. Разве мы не заслуживаем скидки за то, что тащились по дороге, чтобы послушать новость Бустита?

Парак улыбнулся:

— Аарел, ты настоящий разбойник. Новостник, чтобы рассказать эту новость, тащился не ближе нашего, а мы в любом случае были бы в пути.

Аарел пожал плечами:

— Ладно, двадцать пять мовиллов.

Бустит кивнул:

— Я расскажу вам новость за эту цену, но деньги вперед и никакого возврата.

— А если?..

— Дай мне договорить, Аарел. По двадцать пять мовиллов с каждого вперед — или сохраните пока свои медяки, но тогда удвойте цену, когда я закончу, если сочтете новость великолепной.

Аарел открыл рот от изумления.

— Большая честь встретить новостника, способного сделать такое предложение. — Парак и Джум согласно кивнули. — Мы пока придержим медяки.

Бустит расправил мантию, закрыл глаза и начал:

— Это новость о лорде Эшли Алленби, специальном после Девятого Квадранта Федерации Обитаемых Планет на Момусе. Его задание весьма важно для правительства Квадранта и для народа планеты Момус. А его странствие — пример великого героизма и в то же время высокой комедии.

— Необычное вступление, — заметил Аарел, — увлекает. Намек на серьезные события, связанные с Момусом, — хорошая наживка, верно?

— Согласен с тобой, Аарел, — сказал Парак. — Но что за интерес у Федерации на Момусе? Мы не торгуем с ними и отказались им служить. В чем состоит задание Алленби? Что скажешь, Джум?

— Меня интригует обещание комедии. Я слыхал, Фарранцетти экспериментируют, обходясь без молитв и восхвалений, и многие считают это радикальным. Но мне понравилось.

Бустит подождал минуту, затем продолжил:

— На Земле, древней отчей планете, лорда Алленби вызвали в Совет Семи, расположенный на одном из верхних этажей ярко освещенного шпиля Федерального комплекса.

«Алленби, — сказал председатель Совета, — вы назначены специальным послом на Момусе со всеми правами и привилегиями посла первого ранга».

«Это высокая честь», — ответил Алленби, принимая назначение.

Лорд Алленби высок ростом, его мужественное лицо всегда невозмутимо, изящный мундир застегнут на все пуговицы.

Джум поднял руку:

— Бустит, и это все, что можно сказать о герое?

— Да.

Аарел поскреб подбородок:

— Мы привыкли к более подробным описаниям... Для такой краткости есть основания?

— Возможно, — вмешался Парак, — это для того, чтобы мы сами додумали остальное. Бустит, повлияет ли ошибочный образ на истинность твоей новости?

— Нет.

Аарел нахмурился:

— Изложение, несомненно, странное... — Он закрыл глаза. — Но я могу представить себе героя. Да, я вижу этого Алленби.

— И я, — сказал Джум.

— И я, — подтвердил Парак.

Бустит откашлялся.

— Алленби был в недоумении, поскольку Момус вряд ли заслуживает посла первого ранга.

Аарел, Парак и Джум кивнули.

— Это верно, — заметил Парак. — Что мог задумать Совет Семи?

Аарел и Джум покачали головами.

— Алленби спросил о причинах такого назначения, — продолжал Бустит, — и вот что ответил председатель: «Момус расположен на самой границе Девятого и Десятого Квадрантов. Собственно, к основным населенным центрам Десятки он ближе, чем к нашим. Мы узнали, что Федерация Десятого Квадранта планирует оккупировать Момус и превратить его в передовую базу для начала агрессии против Девятого Квадранта».

Аарел, Парак и Джум ахнули.

— Мы беззащитны против вооруженного вторжения! — воскликнул Парак.

— Это действительно серьезно, — заметил Аарел.

— Но в чем же заключается задание? — спросил Джум.

— Лорд Алленби тоже задал этот вопрос, — продолжал Бустит. — Председатель объяснил Алленби, что он должен установить связи между Федерацией Девятого Квадранта и Момусом для совместной обороны против грядущего вторжения.

— Достойное дело, — кивнул Аарел. — По-моему, вполне достаточная мотивация для героя. Что скажешь, Парак?

— Похоже на то. Ты согласен, Джум?

Джум потер переносицу:

— Алленби только сказали об угрозе. Если угроза реальна — в действительности, а не в рассказе, — то и мотивация достаточная. Я повременю с оценкой.

Бустит ждал. Наконец стало так тихо, что слышно было потрескивание пламени.

— Лорд Алленби не мог подготовиться к своей миссии — не хватило времени. Ему следовало торопиться на Момус, чтобы предупредить нас об угрозе. Это нелегкая задача, поскольку регулярного сообщения с Момусом нет. Федеральный крейсер довез Алленби до системы Капеллы, но там кораблю пришлось повернуть назад из-за проблем с двигателем. Пока лорд Алленби ждал на пятой планете Капеллы грузового судна, вроде бы направлявшегося в эту сторону, у него украли багаж, а также деньги и федеральный проездной билет.

Аарел покачал головой:

— Выходит, ему оставалось только ждать возвращения федерального крейсера?

— И никак иначе, — вставил Парак. — Печальный день для Момуса, если все это правда. Да, Джум?

— Вот именно, если все это правда, Парак. Такая новость была бы бессмысленной и бесполезной. Ни один новостник не стал бы беспокоиться из-за такой новости и тем более огорчать ею нас. Надо думать, у героя твердый характер и он выполнит свою задачу.

— Но как? — Парак покачал головой. — Нельзя путешествовать без денег и билета.

Бустит улыбнулся.

— Лорд Алленби не из тех, кто пасует перед трудностями. Он обратился в Федеральное консульство. Консул в свою очередь запросил подтверждение его полномочий, прежде чем санкционировать предоставление корабля или денег. Алленби был в ярости, поскольку на поступление ответа с Земли потребовалось бы много недель; но формально консул поступил правильно, и повлиять на него было невозможно.

Стараясь раздобыть транспорт, Алленби безуспешно донимал космопорт, консульство и даже фирмы, занимающиеся

экспортом товаров, пока не услыхал случайно о вакансии на грузовом корабле. Продав мундир и медали, он приобрел простую одежду и добыл в Федеральном консульстве подходящие документы. Потом нанялся грузчиком на «Звездный ветер», который, направляясь в Десятый Квадрант, должен был пройти недалеко от Момуса.

— Кажется, я понимаю его план, — сказал Аарел. — Смело, хотя и нечестно.

Парак покачал головой:

— Цель оправдывает средства, Аарел. Кроме того, Федерация, конечно же, заплатила бы за угнанную спасательную шлюпку.

— Возможно. Что скажешь, Джум?

— Я принимаю мотивацию; думаю, она правомерна.

Бустит наклонился к огню, потирая руки.

— Как вы догадались, лорд Алленби украл шлюпку с грузовика, когда тот проходил мимо Момуса. Увы, траектория полета оказалась далеко не идеальной. О выходе на орбиту для коррекции курса не шло и речи, а медлить было нельзя. Алленби надеялся перейти в конце полета на ручное управление и совершить посадку возле большого города, но потерял сознание раньше, чем достиг внешнего слоя атмосферы. Случилось, однако, так, что автопилот посадил шлюпку возле Куумика на краю Великой пустыни. Два дня Алленби бродил по пустыне, пока случайно не встретил Гарока, собирателя кобита.

— Ха! — воскликнул Аарел. — Знаю я Гарока. Разбойник!

— Я слыхал о нем, — сказал Парак. — Сильный торгаш.

— Алленби спросил Гарока: «Послушай, приятель, не можешь указать мне направление на Тарзак?» — Бустит улыбнулся и подавил смешок. — Гарок похлопал по кошельку и сказал: «Сколько дашь за информацию, незнакомец?»

Алленби прибыл из богатого мира, где подобная информация бесплатна, как огонь. Он был потрясен. «Ты требуешь платы за *это*? Абсурд!»

Гарок пошел было прочь, но все-таки вернулся и объяснил: «То, что я сейчас скажу, незнакомец, ничего мне не стоит, и потому я ничего не спрошу с тебя. Я знаю, где находится Тарзак, а ты нет. Направление на Тарзак для тебя ценно, не так ли?»

«Конечно».

«Значит, оно имеет ценность и для меня».

И Гарок снова похлопал по кошельку.

Лорд Алленби кое-что отложил после продажи мундира и теперь нашарил в кармане клочки бумаги, которые у них считаются деньгами.

Аарел схватился за бока и хохотал, пока у него не перехватило дыхание.

Парак и Джум качали головами и посмеивались.

— Алленби протянул Гароку бумажку. Тот взял ее и внимательно осмотрел. «Что это?»

«Деньги. Ты ведь этого хотел, не так ли?»

Гарок вернул бумажку и сказал: «Незнакомец, сколько ты гулял по пустыне? Сама бумага, может, и стоит чего-то, но она испачкана краской. — Гарок открыл кошелек и достал один мовилл. — Вот это деньги».

«А скажи, приятель, где я могу конвертировать мои деньги в ваши?»

Гарок похлопал по кошельку.

Алленби пришел в недоумение. «Тебе и за эту информацию нужна плата?»

«Это ценная информация?»

«Да, но...» Гарок продолжал похлопывать по кошельку. Когда он повернулся, чтобы уйти, Алленби сделал последнюю попытку: «Скажи-ка, приятель, ты принял бы что-то ценное в обмен на информацию?»

«Обмен?»

«Да».

Гарок потер подбородок, потом ткнул пальцем в дешевый костюм Алленби.

«Да нет же! — возмутился Алленби. — Я приземлился на спасательной шлюпке. Это имеет ценность для тебя?»

Гарок заинтересовался. Топливо и припасы шлюпки были израсходованы, а сам корабль неработоспособен, но аппаратура цела, как и провода и прочие материалы. Гарок предложил сто мовиллов, и Алленби согласился.

Аарел фыркнул:

— Я же говорил, что Гарок вор. Я взял бы не меньше четырехсот мовиллов. А, Парак?

— Согласен, но я запросил бы больше. Джум, не выставляет ли это героя дураком?

— Не думаю. Шлюпка выполнила свое предназначение и больше не имела ценности для лорда Алленби. Кроме того, если бы я застрял в Куумике и не знал дороги на Тарзак, то, возможно, взял бы и меньшую сумму.

Аарел и Парак обдумали замечание Джума, потом кивнули.

— Гарок отсчитал сотню мовиллов, — продолжал Бустит, — и отдал их Алленби. Алленби взял два медяка и вернул их Гароку. «Ну а теперь ты можешь сказать мне, где Тарзак?» Гарок указал направление и полез в кошелек, чтобы заплатить Алленби за информацию о местонахождении спасательной шлюпки. «Где спасательная шлюпка, незнакомец?»

Алленби указал верную дорогу к спасательной шлюпке, не заметив, что Гарок роется в кошельке. Гарок же, поскольку платы с него не потребовали, предположил, что эта информация бесполезна. Поэтому он повернул в другую сторону и отправился искать свое новое имущество. Говорят, будто Гарок все еще бродит по Момусу, разыскивая спасательную шлюпку.

— Хватит, Бустит, — пропыхтел сквозь смех Аарел. Парак и Джум с хохотом катались по песку. — Довольно! Давайте передохнем!

Они поели кобита и выпили вина. Потом Аарел показал пантомиму, а Парак забавно изобразил свадебную церемонию, для которой поставил подарки по цене, вызвавшей восхищение зрителей. Джум продекламировал комическую поэму о своих попытках жениться на дочери торговца сыром. Обмен был совершен, и вокруг огня воцарилась тишина. Все ждали продолжения.

— Путешествие лорда Алленби в Тарзак было полно лишений и невзгод, ибо он не знал, что прямо у него под ногами лежат жирные корни кобита, которые надо просто взять. Вместо этого он приходил к придорожным огням и покупал кобит у других путников, пока не потратил все мовиллы.

— Бустит, разве Алленби не с чем было выступить? — Парак нахмурился и покачал головой. — У него не было ничего ценного?

— Новостью Алленби было его задание, Парак, но об этом он помалкивал.

— Почему? — удивился Аарел.

— В самом деле, почему? — спросил Джум.

— Как ни странно, таковы обычаи народа Алленби: подобную информацию играют только перед правительствами. Он хотел добраться до Тарзака, — Бустит засмеялся, — и там сыграть перед *нашим* правительством! — Путники смеялись и качали головами. — Да, в конце концов он нанялся носильщиком к одному жрецу — в обмен на кобит и информацию — и узнал, что на Момусе нет правительства.

— Бедняга, — захихикал Аарел.

Парак кивнул:

— Может ли такой персонаж быть героем великолепной новости? Я опасаюсь за твой гонорар, Бустит.

Джум поднял руку:

— Не горячись, Парак. Подумай, каково бы пришлось *нам*, окажись мы на древней Земле, планете Алленби? Информация там бесплатна, а огонь, как я слыхал, нет!

— Но, Джум, разве в искусство дипломата не входит знание места, куда его посылают?

— Только вспомни, с чего начал Бустит, Парак. — Джум закрыл глаза. — Во второй части, рассказывающей о путешествии Алленби на Момус: «Лорд Алленби не мог подготовиться к своей миссии — не хватило времени».

— Ах да, — сказал Парак. — Признаю ошибку.

— Согласен, — присоединился Аарел.

Бустит кивнул и улыбнулся.

— Алленби нес пожитки жреца, а тот рассказывал ему о нашей свободе. От жреца и других путников посол узнал, как у нас принимаются решения: чтобы вся планета Момус согласилась на что-то, половина каждого города должна ходатайствовать о собрании, потом половина всех городов должна проголосовать «за», ибо таков закон.

Алленби сказал жрецу: «На Момусе, видимо, немного законов?»

«Только один, — ответил жрец. — Закон о принятии законов. Этого достаточно».

Лорд Алленби, прибывший с планеты, где законов миллионы, был ошеломлен.

«Если Момусу нужен новый закон, как к этому подступиться?»

«Чтобы жители каждого города ходатайствовали о собрании, они должны захотеть принять новый закон. А чтобы захотеть принять закон, они должны осознать его необходимость».

Алленби кивнул, признавая мудрость изреченного, и сказал: «Поскольку за все время странствий по Момусу я не видел даже колесного транспорта, вряд ли на планете есть радиовещание».

Путешественники засмеялись, и Бустит вместе с ними.

«С тех пор, как судьба забросила первопоселенцев на Момус, мы общались при помощи искусства, — ответил жрец. — Прошло много земных лет, прежде чем небо Момуса увидело другой звездолет, а к тому времени мы были многочисленны и вполне довольны своими обычаями».

«А средства массовой информации, как я понимаю, не искусство?»

«Полагаю, могли бы им быть, — ответил жрец, — да только никто не знал, как сделать радио. Так или иначе, мы этим не занимались».

Алленби все больше сомневался в успехе своей миссии. «А чем же занимались первые поселенцы Момуса?» — спросил он жреца.

«О, у них было множество профессий. Акробаты, мимы, рассказчики, клоуны, механики манежа...»

«Так это был цирковой корабль?»

«Не просто цирковой корабль, — ответил жрец, — а «Большое шоу О'Хары», лучшие артисты и аттракционы во всем Квадранте».

Бустит умолк, чтобы слушатели могли помолиться в тишине. Когда они подняли головы, Аарел задумчиво потер подбородок.

— Бустит, я не понимаю, зачем герою нужен новый закон. По-моему, Федерация Девятого Квадранта могла бы сама, без затей, оккупировать Момус. Мы не в силах помешать им.

— А узнав об угрозе из Десятого Квадранта, — добавил Парак, — мы бы и не возражали.

— Закон кажется ненужным, — заключил Джум.

Бустит поднял руки:

— Это сложно, друзья, но я объясню. В Девятом Квадранте есть Великий Закон, скорее даже, собрание множества законов. Там сказано, что федеральная защита не может быть распространена на планету, которая не просила об этом. Из-за нашего единственного закона о принятии законов Момус считается управляемым обществом. Если Федерация Девятого Квадранта займет Момус без нашего разрешения, Федерация Десятого Квадранта сочтет это вторжением — по своим законам. Были бы нарушены еще более Великие Законы, управляющие всеми Квадрантами...

Парак зажал уши.

— Теперь мне ясно, почему наши предки решили остаться на Момусе!

— Верно, — согласился Аарел. — Разве не легче Девятому и Десятому Квадрантам изменить свои законы?

— Невозможно, — ответил Джум. — Цели Квадрантов различны. Они не в состоянии договориться. Бустит, выходит, герой должен решить задачу по уже существующим законам?

— Правильно.

— Отсюда следует, что он должен побудить народ Момуса принять еще один закон.

— И это правильно, Джум. Алленби спросил жреца, как это сделать, и жрец велел ему подождать. «Сам увидишь у вечернего огня. Я слыхал, что сегодня будет выступать Летт из Дофстаффлов».

В тот вечер лорд Алленби впервые увидел, как работает новостник. Летт выступил хорошо, и его кошелек потолстел. Позже Алленби спросил жреца: «Вот так и распространяются новости?»

«Да».

«Тебе это не кажется неэффективным?»

«Ба! Об искусстве не судят по эффективности!»

«Но если необходимо быстро сообщить какую-либо новость всему народу?»

«Ты утомил меня бесконечными вопросами! Не представляю новость, для которой понадобилась бы такая спешка».

«У меня есть такая новость, — ответил Алленби. — Выслушай, пожалуйста».

Жрец забрал у Алленби свои вещи. «Чужак, — сказал он, — твоя цена — давать ответы на вопросы — за то, что ты носишь мои вещи, и так достаточно высока. Но сидеть и слушать самозваного новостника?.. Ты считаешь меня дураком!»

С этими словами жрец оставил Алленби у огня и поспешно скрылся в ночи.

Аарел, нахмурившись, уставился в огонь:

— Я понимаю трудности героя, Бустит, ибо даже я поступил бы, как жрец. Я не стал бы слушать.

— Я тоже, — сказал Парак.

Джум потер руки и посмотрел на друзей.

— Здесь очень важен герой. Лорд Алленби, посол первого ранга, пытаясь исполнить задание, унизился до положения вьючного животного. Будет ли он и дальше стараться донести свою новость до народа Момуса или признает поражение, позволив Момусу пасть жертвой злых умыслов Десятого Квадранта?

— Три ночи лорд Алленби провел у огня, пытаясь рассказать свою новость путникам, и каждый раз терпел неудачу, — продолжал Бустит. — На четвертую ночь Алленби признал свое поражение. У странствующего волшебника он выменял за обручальное кольцо карточный фокус и так зарабатывал мовиллы, пока не добрался до Тарзака, где надеялся найти транспорт на Землю.

Ожидая корабль, Алленби приобрел еще два карточных фокуса и трюк иллюзиониста. Так он платил за квартиру, еду и одежду и даже начал откладывать на перелет до Земли. И вот тогда-то Алленби случилось услышать, как Визон из новостников Дофстаффла играет новость на Главной площади Тарзака.

Бустит снял капюшон.

Аарел улыбнулся.

— Великий Визон вдохновит Алленби?

— В прошлом году я слышал, как Визон играл пожар в Тарзаке, — сказал Парак. — Это вдохновило меня ходатайствовать о создании в городе пожарной команды.

— Да, — кивнул Джум, — я слышал всего лишь ученика, купившего лицензию на повтор новости Визона, и это вдохновило меня ходатайствовать о создании пожарной команды в моей родной Мийре. Отличная была новость.

— Верно, — сказал Бустит, — Алленби был вдохновлен, но не новостью Визона, где речь шла о втором извержении вулкана Аркадия. Внимание Алленби привлекло количество новостников и учеников новостников среди слушателей. Когда Визон закончил, новостники окружили его и начали торговаться за лицензии на повтор его новости. Я тоже пытался пробиться через толпу, чтобы предложить цену, когда лорд Алленби остановил меня.

«Пусти меня, фокусник, — сказал я, ибо он носил черно-алую мантию мага. — Мне надо попасть на торги».

Он пустил меня, но я, как ни старался, не успел добраться до Визона. Все лицензии разошлись. Дела шли плохо, а мне страшно нужна была новость, которая имела бы успех на дороге. Упустив такую возможность, я решил отыскать фокусника, чтобы излить свой гнев. Он стоял у меня за спиной. «Видишь, что ты натворил? Я не могу повторить новость, сыгранную в Тарзаке, потому что из-за тебя пропустил торги».

Алленби указал на новостников, столпившихся вокруг Визона. «Они будут повторять новость Визона?»

«Конечно».

«Но в Тарзаке ее уже слышали».

«Ее не будут повторять в Тарзаке, дурак. Они будут играть в дороге и в других городах. Некоторые выдадут вторичные лицензии неизвестным новостникам и ученикам. В считанные дни новость об извержении Аркадии разойдется по всему Момусу».

«Разве ты не можешь приобрести одну из этих вторичных лицензий?»

Признаться, этот кретин взбесил меня.

«Я мастер-новостник, фокусник. Я не пользуюсь вторичными лицензиями и не подбираю придорожные слухи, чтобы играть их вместо новостей. Мне нужна новость, которую можно было бы сыграть в Тарзаке!»

«Значит, новость, сыгранная в Тарзаке, распространится?»

«Конечно! Ты мне надоел, убирайся».

Алленби постоял минуту, глядя, как разбегаются новостники, потом снова повернулся ко мне.

«Новостник, — сказал он, — сколько ты запросишь, чтобы выслушать мой рассказ — рассказ, который, должным образом представив, можно будет сыграть в Тарзаке?»

Я засмеялся.

«Фокусник, на Момусе не хватит медяков, чтобы соблазнить меня выдержать твои любительские потуги».

Он кинул мне кошелек, и, поймав его, я почувствовал вес пятисот мовиллов. Как уже говорилось, я был в отчаянном положении.

«Отлично, — сказал я, запихивая кошелек за пояс, — только давай покороче».

Алленби рассказал мне свою историю: необработанную, нескладную и изложенную в плохом порядке. Но я увидел в ней великолепный потенциал — возможно, новость, которую можно будет сыграть в Тарзаке.

«Можешь сейчас сыграть это в Тарзаке?» — спросил он меня.

«Конечно, нет. Над текстом нужно поработать, отполировать, потом сыграть на дороге, чтобы проверить действие. Если мы будем иметь успех у придорожных огней, то можно попробовать и Тарзак».

Алленби потер глаза, вздохнул и кивнул.

Аарел, широко раскрыв глаза, повернулся к ученику новостника.

— Но тогда...

— Да, друзья, — сказал Бустит, — хочу представить вам лорда Эшли Алленби, специального посла на Момусе от Девятого Квадранта Федерации Обитаемых Планет.

Ученик встал и откинул капюшон.

— О, великолепно, Бустит! — воскликнул Аарел.

— Действительно, великолепно! — сказал Парак.

Алленби обернулся к Джуму:

— А ты что скажешь?

— Великолепно, просто великолепно!

Алленби вытащил пустой кошель.

— В таком случае, друзья, по пятьдесят медяков с каждого.

* * *

Когда они в темноте устало тащились по дороге к Тарзаку, Алленби сказал Буститу:

— Нам заплатили двойную цену. По-моему, мы готовы для Тарзака. Не понимаю, зачем и дальше играть у огней.

— Надо еще поработать над некоторыми мелочами, Алленби. О твоем бегстве на спасательной шлюпке слишком легко догадались.

Некоторое время они шли молча, потом Алленби заговорил:

— Бустит...

— Да?

— Поскольку мы задержимся на дороге, стоит, пожалуй, поработать и над комическими сторонами моего персонажа. Не кажется ли тебе, что если новость слишком серьезна...

— Ба! — Бустит шагал, сердито поднимая клубы пыли. — Все хотят быть критиками, — крикнул он в ночь. — Все!

УЧЕНИЦА ФОКУСНИКА

Три брата молча смотрели на погибшее поле. Еще вчера здесь зеленела молодая пшеница, а сегодня осталась лишь сухая бурая солома.

Юдо кивнул:

— Рогор разгневался. А все твой болтливый язык, Арум.

— Ба! — Арум сорвал пучок соломы и поднял его над головой. — Рогор! С тех пор, как цирковой корабль привез наших предков на Момус, у нас не было господ...

— Арум! — Юдо воздел руки и бросил испуганный взгляд на третьего брата.

Лэйз, подскочив к Аруму, схватил его за плечо:

— Тебе что, мало? Еще хочешь?

Арум стряхнул руку с плеча и, отшвырнув высохшие колосья, повернулся к братьям.

— Хороша парочка! Так и трясетесь от страха — смотреть противно!

Лэйз, ломая руки, посмотрел на Юдо, потом снова перевел взгляд на Арума.

— Мы происходим из зазывал, Арум. Наверно, нам лучше уйти в Тарзак и снова стать зазывалами.

Арум покачал головой:

— Я же сказал, хороша парочка. — Он обвел взглядом их поля. — Мы столько труда положили, а ты предпочитаешь быть мальчишкой на побегушках, да еще с прибаутками? — Арум подбоченился. — Мы — собственники. Никакой балаганный трюкач не изменит этого...

Арум вдруг схватился за лицо, его красно-пурпурную полосатую мантию внезапно охватило пламя. Лэйз и Юдо застыли от ужаса. Прошло всего лишь несколько секунд, и Арум был мертв. Его тело обгорело до неузнаваемости. А потом оно исчезло.

— Арум! — Юдо шагнул было туда, где только что стоял брат, но замер: на этом месте возник человек в черно-алой мантии. Лицо его было скрыто капюшоном. — Рогор!

— Арум оскорбил меня. Ты согласен с его словами? — Человек ткнул пальцем в Лэйза.

Лэйз сжал руки и поклонился:

— Нет, Великий Рогор. Пощади меня.

— Лэйз, исполнишь ли ты мое повеление?

— Да, Великий Рогор.

— Тогда обойди все города Изумрудной долины. Вели всем идти в Рис. Пусть ждут меня там.

— Да, Великий Рогор.

— Ступай.

Лэйз бросил взгляд на Юдо, снова посмотрел на Рогора и, спотыкаясь, бросился через поле к Иконе.

Рогор обернулся к Юдо:

— Для тебя, зазывала, у меня важное поручение. Иди к фонтану в Иконе. Инструкции будут ждать там.

Юдо зажмурился и кивнул. Когда он открыл глаза, Рогора не было.

Восемь дней спустя далеко на юге, в Тарзаке, молоденькая девушка, почти ребенок, взволнованно смотрела на дверь дома фокусника. Черно-алый полосатый занавес висел неподвиж-

но, чисто выбеленная стена ослепительно сверкала под лучами полуденного солнца. Собравшись с духом, девочка сжала кулаки, прижала выпрямленные руки к бокам и решительно шагнула в дверь. В доме она чуть не налетела на высокого, понурого зазывалу. Человек был весь в пыли, от него пахло дорогой. У дальней стены маленькой комнаты сидел на скамейке, вцепившись в тяжелый сучковатый посох, крохотный старичок в черно-алой мантии. Старик кивнул зазывале.

— Минутку, Юдо. Я только узнаю, кто моя незваная гостья. — Он пристально поглядел на девочку.

— Фикс, я Кризаль. Я не знала, что ты не один.

— Полагаю, Кризаль, спросить разрешения войти было бы слишком хлопотно. Итак, гадалочка. Что тебя привело?

— Фикс, я хотела бы стать фокусником.

Старик оглядел гостью от взъерошенных рыжих волос до пыльных босых ног.

— Во-первых, ты девочка; во-вторых, ты предсказательница; в-третьих, ты грубиянка. С какой стати мне учить тебя ремеслу фокусника?

— Во-первых, Фикс, женщины бывали фокусниками и раньше. Только вчера на Главной площади Тарзака играла Мира из Куумика.

Старик кивнул:

— Такое бывало, хоть и редко. Но Мира — дочь фокусника. А ты носишь голубую мантию, — по крайней мере мне кажется, что под всей этой грязью она голубая.

— Я из предсказателей Тарзака, дочь Салины. Я сказала ей, как говорю тебе, что решила стать фокусником. Срок моего ученичества закончился, и никто не может заставить меня стать предсказательницей. — Кризаль скрестила руки на груди и задрала нос.

— Салина? Хм... — Фикс почесал в затылке, потом потер подбородок. — Говоришь, ты сказала это Салине?

— Ага.

— И что ответила Великая Салина?

— Что моя жизнь — это моя жизнь и я вольна распоряжаться ею.

Уголки рта Фикса поползли вниз, а брови вверх.

— Правда? А твой отец, Иэрен?

Кризаль нахмурилась.

— Он не понимает.

— Ясно. Ну и третье: твоя грубость. Даже родные сыновья не называют меня просто Фиксом.

Кризаль склонила голову набок:

— Ты настаиваешь?

Старик кивнул:

— Попробуй разок.

Девочка низко поклонилась:

— Великий Фикс. — В голосе появился сарказм.

— Похоже, твое уважение было бы для нас обоих еще бóльшим бременем, чем твоя грубость. Теперь главное. С какой стати мне брать тебя?

— Я знаю, как ты делаешь фокус с недостающей картой.

Старик кивнул, улыбнулся и указал на подушку у стола.

— Сядь там, Кризаль. Мы поговорим позже. Не хочу дальше задерживать посетителя.

Девочка обошла зазывалу и села.

Зазывала поклонился.

— Великий Фикс, разве об этом можно говорить при ребенке? — Юдо указал на Кризаль.

Фикс оглянулся на нее, потом снова повернулся к гостю:

— Эта упрямица — моя ученица, Юдо. Я обещаю молчать за нас обоих, — и уж это-то она будет уважать!

Фикс снова повернулся к девочке. Кризаль кивнула и улыбнулась.

Юдо пожал плечами:

— Как скажешь, Великий Фикс. Ты придешь в Икону?

Кризаль увидела в глазах зазывалы страх, но боялся он не Фикса.

— Так, говоришь, гонорар — двадцать тысяч мовиллов?

— Плата вперед. — Юдо указал на груду мешков на полу.

Фикс кивнул:

— Серьезная сумма. Нас прервали до того, как ты сказал, что я должен сделать, чтобы заработать ее.

— Икона — фермерская деревня, Великий Фикс, а наш урожай гибнет...

Фикс поднял руку:

— Побереги свои медяки, Юдо. Я фокусник, а не фермер.

— Урожай, Великий Фикс, губит фокусник. Рогор Черный.

— Рогор... я слыхал о нем, но он называет себя колдуном, а не фокусником.

Юдо склонил голову:

— Вы все взываете к одним и тем же нечистым духам. Иконе некуда больше обратиться за помощью. — Зазывала полез за пазуху и вытащил конверт. — По воле Черного это появилось у фонтана в Иконе. Адресовано тебе.

Фикс разорвал конверт и вытащил лист бумаги. Подняв голову, он повернулся к Кризаль.

— Предсказатели ведь не умеют читать?

— Я умею.

Фикс протянул ей письмо. Девочка встала и подошла к старому фокуснику.

— Читай вслух.

Кризаль поднесла бумагу к свету:

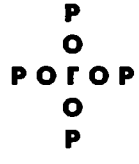
— «Фиксу, ветхому и никчемному патриарху Фокусников Тарзака, привет! Один дурак из Иконы попросит тебя прийти и сразиться со мной в моем королевстве. Он дурак, потому что будет просить тебя; ты же еще больший дурак, если согласишься.

Оставайся в городе, балаганный трюкач, — и избежишь опасности. В Дальнеземье никто не смеет оспаривать мою власть, ибо в моих руках сила Момуса». — Кризаль посмотрела на Фикса. — Подписано «Рогор», но как-то странно.

— Что странного?

— Крестом. Посмотри.

Фикс посмотрел на лист и увидел внизу подпись заглавными буквами:

— Что это означает, Фикс?

Фокусник нахмурился:

— Это палиндром: слово, которое читается одинаково и слева направо, и задом наперед. Больше это ничего не значит.

Юдо покачал головой:

— Великий Фикс, это знак Черного. В Иконе выказать к нему неуважение — значит погубить свой урожай. Заплатишь Рогору — и он не тронет тебя.

Фикс уставился на темное пятно на потолке.

— «...ветхий и никчемный патриарх». — Он пристально посмотрел на зазывалу. — Юдо, дурак. «Еще больший дурак» принимает твое предложение. Так и скажи Рогору.

— Не могу. Никто не знает, где живет Рогор.

Фикс пожал плечами:

— Ну и как же я должен сразиться с этим загребущим Рогором?

Юдо задрожал:

— Пожалуйста, Великий Фикс. Говори все, что хочешь, но только когда я уйду. — Зазывала поклонился, попятился и задом вывалился за дверь.

Фикс посмотрел на Кризаль:

— Что ты увидела в глазах зазывалы?

— Страх. Словно Рогору стоит только протянуть руку, чтобы достать его в твоем доме.

Старый фокусник кивнул. Встав, он доковылял до сундука, порылся там и, вынув черно-алую мантию, подал девочке.

— Выстирай и одевайся. За домом есть пруд. Завтра до рассвета мы отправляемся в Дальнеземье.

Кризаль подняла с песка усталую голову и посмотрела на старого фокусника. Они были на полпути в Тьерас. Фикс пек у огня кобит. Он пробовал лепешки и, выбрав те, что казались ему готовыми, совал их в мешок Кризаль.

— Вот. Когда все испекутся, нам должно хватить до Мийры.

Девочка уронила голову на песок. Ноги ныли.

— Фикс, неужели ты не устал? Мы шли весь день.

Фокусник хихикнул.

— Итак, ученица, ты, похоже, уже готова определиться на ночлег?

— А ты не готов?

— Я был бы скверным учителем, если бы упустил случай преподать тебе урок.

— Урок?

Фикс кивнул и побросал в мешок оставшиеся кобитовые лепешки.

— Сядь.

Кризаль с трудом поднялась и села напротив фокусника, скрестив ноги. Перед ней был камень, на камне лежало перо. Фикс сидел напротив.

— Что я должна сделать?

— Перевернуть перо без помощи рук. Касайся его только разумом.

Кризаль нахмурилась:

— Не понимаю.

— Смотри. — Фикс указал пальцем на перо, и оно перевернулось, словно само по себе. Потом еще раз. — Как будущую предсказательницу тебя учили смотреть дополнительной парой глаз. Теперь ты должна научиться пользоваться дополнительной парой рук.

Кризаль уставилась на перо:

— Разве это не фокус?

— Нет. Однако ты должна научиться этому, прежде чем сможешь исполнять лучшие фокусы и иллюзии. Попробуй.

Кризаль вперила взгляд в белое перо, задержала дыхание, хрюкнула, вытаращила глаза, лицо ее начало синеть. Перо не шелохнулось. Она перевела дыхание и покачала головой:

— Не получается.

— Возьми его в руки, пощупай; потри о лицо. Твой разум еще не осознает, что пытается сделать; ты должна научить его. — Кризаль подняла перо, погладила, прижала к лицу. — Теперь попробуй еще раз.

Девочка положила перо на камень, прикрыла глаза и представила, как крохотные пальчики тянутся к перу, хватаются за его край. Она почувствовала сопротивление, словно пыталась поднять огромную каменную плиту. Напрягаясь, она тянула изо всех сил, и вдруг что-то поддалось. Она резко выдохнула. Перо слетело на песок.

— Так я?..

— Нет, дитя. Ты сдула его с камня. Но я видел, как оно качалось, прежде чем полететь. Для первой попытки совсем неплохо.

Кризаль покачала головой:

— Оно казалось таким тяжелым.

Старый волшебник положил перо на камень:

— Если бы ты никогда раньше не ходила, вес тела показался бы ногам неподъемным. С опытом ты наберешься сил.

Девочка, нахмурившись, уставилась на перо, потом мысленно крепко прижала его к камню. Фикс улыбнулся беззубой ухмылкой и снова указал на перо. Кризаль подскочила, когда оно соскользнуло с камня.

— И это не фокус!

— Не фокус.

— Фикс, это один из тех нечистых духов, к которым, как сказал Юдо, вы с Рогором взываете?

Старик поднял перо и воткнул в мантию Кризаль:

— Дитя, чтобы перевернуть перо, ты должна воззвать к своей собственной силе. И никто, кроме тебя, не может сказать, чиста ли она. Ложись спать. Я хочу добраться до Тьераса завтра к вечеру.

Фикс снова повернулся к огню, а Кризаль вырыла в песке ямки для бедер и плеч. Устроившись и положив голову на руку, она увидела, что фокусник смотрит в огонь, совсем как ее мать высматривала секреты в стеклянном шаре. В глазах старика был страх; более того, в них была печаль. Она хотела задать вопрос, но он обернулся и посмотрел ей в глаза. Разум Кризаль затуманился, и все исчезло.

Следующий вечер застал путников на окраине лежащего на краю пустыни города Тьерас. Встречные фермеры и ремесленники откладывали дела, чтобы встать и поклониться им. Фикс отвечал на приветствия разве что резким кивком, но даже это было больше, чем удостоилась Кризаль со вчерашнего вечера. За время пути ей немногое открылось в будущем, но зато она кое-что увидела в настоящем. Душа ее учителя явно была неспокойна. Казалось, с каждым шагом в направлении Иконы морщины на лице старого фокусника становятся глубже.

— Мы остановимся здесь, Фикс?

Старик посмотрел на нее так, словно впервые осознал, что девочка весь день шла рядом.

— Что такое?

— Время к ночи, и мы в Тьерасе. Где мы остановимся?

Фикс огляделся:

— Да, неплохо прошлись. У тебя здесь есть родственники?

Кризаль кивнула:

— Здесь живет тетя Диаманд со своим братом Лоркой. Нам сегодня обязательно ночевать под крышей?

Фикс указал на собирающиеся на западе тучи:

— Не надо быть предсказателем, чтобы понять, чем это кончится.

Девочка нахмурилась:

— Я не уверена, что нас хорошо примут, Фикс. Диаманд — сестра отца, и они во многом сходятся во мнениях.

— Насчет твоего желания стать фокусником?

— Ага. Но, конечно, у Великого Фикса должен быть в Тьерасе поклонник-трюкач, которому можно навязаться.

— Возможно.

Когда они перешли по маленькому каменному мосту через грязный ручей, Фикс указал посохом на темную улочку, такую узкую, что они едва могли идти рядом. У занавеса в черные и алые полосы Фикс остановился и постучал посохом в стену:

— Эй, в доме! Это Фикс с учеником. Вассик, ты дома?

Из-за занавеса показалась старуха, одетая в алую с черными отворотами мантию ассистентки фокусника.

— Фикс, это ты?

— Ага, Бьянис. Вассик дома? Он здоров?

— Входите, пожалуйста. — Фикс и Кризаль прошли за старухой в комнату. На подушке у стола сидел, как показалось Кризаль, старейший из живущих. — Вассик, это Фикс с учеником.

На старческом лице засияла улыбка.

— Фикс? Фикс, неужто ты?

— Ага, Вассик. Это Кризаль. —Фикс подтолкнул девочку к старику.

— Кризаль? Подойди сюда, дитя. — Кризаль встала перед стариком, и он осторожно провел руками по ее лицу. — Фикс, твои глаза еще хуже моих. Это девочка!

— И тем не менее моя ученица. Сколько бы ты взял за ночлег?

Вассик покачал головой:

— Для тебя, Фикс, особая ставка. Расскажи, что привело тебя в Тьерас? Садись, садись.

Кризаль и Фикс опустились на подушки у стола. Бьянис вышла и вернулась с горячими лепешками, сыром и вином, потом уселась рядом с Вассиком.

— Мы идем в Дальнеземье. В Икону.

— Ах да.

— Значит, ты слыхал об их неприятностях?

— Я слеп, но не глух, Фикс. Изумрудная долина далеко на севере, но Черного Рогора боятся даже в наших краях. Ты-то тут при чем?

— Икона наняла меня избавить их от колдуна.

Вассик кивнул, потом потер подбородок:

— Как ты планируешь это сделать?

— У меня нет плана, Вассик. Только знание, что силы его, какими бы они ни были, не потусторонние.

— Хорошо сказано, но не слышу должной убежденности. Ты сомневаешься?

Фикс пожал плечами:

— Мы знаем далеко не все, и с Рогором я не встречался уже много лет.

Вассик махнул Бьянис рукой:

— Забери ученицу Фикса на кухню, пусть поможет тебе готовить. Нам нужно поговорить наедине. — Старик бросил на стол два медных мовилла.

Бьянис поднялась, а Кризаль посмотрела на Фикса. Тот кивнул. Девочка встала и вышла из комнаты следом за ассистенткой фокусника. Оказавшись за занавесом, Бьянис схватила Кризаль за руку:

— Деточка, почему ты носишь черно-алое?

— Хочу стать фокусником. — Девочка попыталась высвободить руку, но не смогла. — Не похоже, что ты платишь за информацию.

— Фикс использует тебя в своих целях, дитя. Ты хоть знаешь, во что впуталась?

— Откуда ты столько знаешь о моем учителе?

Бьянис фыркнула.

— Сейчас ты ученица Фикса, а много лет назад Фикс был учеником Вассика.

Кризаль пожала плечами:

— Какое отношение это имеет ко мне и к нашей миссии в Дальнеземье?

Бьянис покачала головой:

— У Вассика тогда было три ученика: Фикс, Дорстан и Аманч. Дорстан был лучшим, и Вассик очень им гордился. Но Дорстан умер, и обвинили в этом Аманча. Его изгнали в пустыню. Понимаешь, Фикс, Аманч и Дорстан были братьями.

— Я все еще не понимаю...

— О дитя! Аманч и есть Рогор! А ты как клочок тумана, попавший между молотом и наковальней.

На следующее утро лучи показавшегося над горизонтом солнца залили холодную пустыню, отражаясь от текущей вдоль дороги на Порс реки и согревая кусты и деревья, начинающиеся по другую сторону дороги. Низкие холмы, на которых они росли, предупреждали о приближении к Змеиным горам. Кризаль устало брела за Фиксом, не замечая ни окрестностей, ни посвежевшего после дождя воздуха. Она смотрела только на спину старика, упорно тащившегося к Порсу.

— Фикс.

Фокусник словно и не слышал. Кризаль догнала его и заглянула в лицо.

— Фикс, Рогор и правда твой брат?

Фикс глянул на нее и снова сосредоточился на дороге.

— Не твое дело.

— О, так, значит, не мое дело? Тогда зачем я здесь?

— Ты этого хотела.

Кризаль отстала и переложила мешок на другое плечо. Спустя несколько минут она полезла за пазуху и извлекла прозрачный стеклянный шарик. Держа его в левой руке так, чтобы ловить солнечные лучи, девочка пристально всматривалась в глубину шарика. Разум предсказательницы работал: разрозненные, случайные осколки знания складывались в подобие целого, делались кое-какие заключения, — но из-за скудости информации и неопытности Кризаль будущее было сокрыто от нее. Прошлое, однако, прояснилось. Фиксу не нужны были

ученики, Фиксу нужны были глаза Кризаль — глаза предсказательницы. Она снова нагнала старика.

— Фикс.

Фокусник покачал головой:

— Что теперь, зануда?

— Что нас ждет в Иконе?

— Я не предсказатель, Кризаль. Разве ты не посоветовалась с шаром?

Кризаль нахмурилась:

— Старик, у тебя что, глаза на затылке?

Фикс хихикнул:

— Нет, дитя, нет. Но я умею поворачивать голову, не двигая капюшон.

Кризаль улыбнулась.

— Я не вижу дальше этой дороги, Фикс. Но стекло сказало, что тебе нужны мои глаза, а не ученица. Объясни.

Фикс нахмурился, искоса глянул на девочку, перевел взгляд на дорогу. Потом посмотрел себе под ноги и хмыкнул:

— Твои глаза видят во мне вину?

— Ага. Вину, страх и печаль.

Фокусник кивнул:

— Рогор, прозванный Черным, действительно мой брат Аманч. Я узнал это много лет назад от Великой Тайлы.

— Это, как ты знаешь, мать моей матери.

— Ага, верно. Ты уже знаешь о смерти моего брата Дорстана?

— Бьянис упоминала об этом.

Фикс продолжал:

— Дорстан был лучшим из нас. Во время первого же упражнения с пером он поднял его со стола и удержал на весу полминуты. — Кризаль увидела, что глаза Фикса увлажнились. — Он очень быстро все схватывал, и было известно, что он станет мастером раньше, чем мы с Аманчем освоим простейшие навыки. Аманч завидовал, его зависть и ненависть были безграничны. И однажды Дорстана нашли мертвым.

— Как?

Фикс пожал плечами:

— Аманч сказал Вассику, что Дорстан бросил ему вызов и что его магия оказалась сильнее. Он ожидал похвалы, но Вас-

сик притащил его в городской суд Тьераса. Его изгнали в пустыню. Тайла как-то узнала об этой истории и пришла к выводу, что Дорстана отравили.

— Значит, тут не было магии?

Фикс остановился и посмотрел Кризаль в лицо:

— Дитя, никакой магии нет. Тот, кто называет себя Рогором, не использовал против моего брата Дорстана магической силы, потому что таковой не существует!

Кризаль была в недоумении.

— Но, Фикс, я сама слышала, как ты на представлении взываешь к духам...

— Игра, дитя. Аттракцион. С тех самых пор, как случай забросил наших предков на Момус на цирковом корабле «Город Барабу», у фокусников было только одно дело: развлекать. Мы делаем возможное, но так, чтобы оно казалось невозможным. Как часть иллюзии мы творим магию: жжем благовония, взываем к мифическим существам и духам, бормочем бессмысленные заклинания, закатываем глаза, размахиваем волшебными палочками — все, чтобы создать ауру таинственности. Мы обращаемся к живущему в каждом человеке сомнению, что вещи могут не быть тем, чем кажутся, усиливаем его — и идем домой с кошельками, набитыми мовиллами.

— Но перо? Разве это не магия?

— Не бóльшая, чем твои глаза предсказательницы. Заглядывая в будущее, ты используешь магию?

— Конечно, нет. Все в мире движется по определенным тропам. Если знать, какая тропа привела к настоящему, не надо магии, чтобы увидеть, к чему все придет в будущем.

Старик кивнул:

— Но, полагаю, эта способность предсказателей кажется магией тем, кто этого не понимает.

Кризаль пожала плечами.

— На это способны только предсказатели. Но какие способности у фокусников?

Фикс покачал головой:

— У многих есть способности фокусников и предсказателей, дитя, но очень немногие развивают свои силы. Ты предсказательница, однако смогла покачнуть перо. Я вижу в будущем достаточно, чтобы хватило здравого смысла отойти с пути падаю-

щего камня. Обученный фокусник может смутить разумы других людей или даже усыпить их, как я тебя ночью в дороге.

Кризаль нахмурилась:

— Уснуть я могу и сама по себе. Это не объясняет, почему движется перо.

— Дополнительными руками фокусник может двигать предметы. Именно так исполняются лучшие карточные фокусы. Когда-нибудь ты сможешь вложить в умы других людей картину или замедлить для них время. Ты будешь заниматься своим ремеслом, но зрители будут считать это магией.

Кризаль кивнула, и они продолжили путь.

— Кое-что разъяснилось, Фикс. А есть другие силы?

— В свое время ты узнаешь о них.

Кризаль обернулась к старику:

— Я вижу на твоем лице страх. Это Рогор играет на твоих сомнениях в темных силах?

Фикс кивнул:

— Я не могу примирить знания с чувством. Рогора никто не видел, никто не знает, где его логово. Однако он уничтожает поля и, как говорят, вызывает болезни и смерть, просто пожелав этого. Существуют ли темные силы, служащие Рогору? Я не могу доказать, что их нет.

— Но вина, Фикс? Почему я вижу вину?

— Ты из предсказателей Тарзака, Кризаль. Из-за меня ты изменила своим традициям...

— Ерунда! По-твоему, раз я молода, то и глупа.

Фикс хихикнул и покачал головой:

— Извини, малышка. — Он сунул руку за пазуху и бросил Кризаль мовилл.

— По-твоему, одного достаточно?

— Считай, что это уравновешивает уважение, которое ты мне выказываешь.

Кризаль бросила медяк в кошелек и искоса посмотрела на старого фокусника:

— Я не забыла свой вопрос.

— Я так и думал.

— Ну?

Лицо Фикса стало серьезным. Он замедлил шаги, потом остановился:

— Кризаль, я не знаю, с чем встречусь в Иконе. У меня есть фокусы и иллюзии, но они не скажут мне, как Рогор убивает, просто пожелав этого. Нужны глаза предсказателя, чтобы увидеть недоступное мне. Но...

— Но ты боишься бросить ребенка в битву между тобой и твоим братом. — Фикс кивнул. Кризаль прошла несколько шагов, потом обернулась, взглянув в лицо старику. — Я вижу кое-что еще, Фикс.

— Да?

— Я вижу, что ты договорился с моей матерью, Салиной. Да... и Иэрен, мой любящий отец, изо всех сил изображал неодобрение, только бы я не изменила решение... ха! Мое решение. Бьянис была права. Меня используют.

Фикс пожал плечами:

— Иэрен и Салина — мои друзья и знают о Рогоре. Тебя выбрали как лучшую из их учеников...

— Пытаешься льстить?

— Это чистая правда, Кризаль.

Кризаль бросила мешок с лепешками на дорогу и пнула его ногой.

— Я сама себе хозяйка, Фикс. И не пляшу под чужую дудку. Найди себе другие глаза. — Она повернулась в сторону Тьераса и протопала мимо старого фокусника, не оглядываясь.

За первым же поворотом дороги Кризаль остановилась, нашла удобный камень и села. Салина, наверное, все еще считает меня ребенком, подумала она, а Фикс — дурой. А отец! Он метал громы и молнии: предсказательница желает стать фокусником! Неслыханно! Позор!

Кризаль вскочила и так пнула ближайший камень, что тот перелетел через дорогу.

Она повернулась к темнеющему небу:

— Если старому трюкачу нужен предсказатель, что ж он не нанял мастера? Зачем разыгрывать из меня ученицу фокусника?

Она вытащила из-за пазухи перо и нежно погладила его. Вот чего я хочу больше всего на Момусе: быть фокусником. Не хочу сидеть в темной комнатушке, вглядываясь в будущее, давая советы и устраивая жизни. Выступать перед толпой, изум-

лять ее фокусами — вот чего я хочу. Но неужели и это все обман?

Она положила перо на песок, подсунула под его край воображаемые руки и напряглась изо всех сил. Перо качнулось раз, другой, потом перевернулось. Минуту она сидела, не сводя с пера глаз, потом подняла его и встала. Дорога была совершенно пустынна. Она посмотрела на чернеющее небо.

— Фикс, неужели я сделала это? Или ты все еще играешь со мной? — Все было тихо, лишь ветер принес брызги дождя.

Кризаль посмотрела на дорогу, ведущую в Тьерас и далее в Тарзак, где она все еще может стать ученицей у фокусника помельче. Вероятно, можно заняться и ремеслом предсказательницы. Но она знала, что на дороге в Порс величайший фокусник Момуса ждет ее решения. Повернув за поворот, она увидела, что Фикс стоит там, где она его оставила. Он протянул ей мешок с провизией:

— Надо торопиться, Кризаль. Боюсь, мы промокнем.

Кризаль подошла к фокуснику и, не останавливаясь, взяла мешок. Шагая вперед, она размышляла, будет ли она когда-нибудь знать, как поступит, раньше, чем об этом узнает кто-то другой.

Добравшись в тот вечер до Порса, путники обнаружили, что все занавесы для них закрыты. Отговорки не отличались разнообразием: «Рогор увидит». На улицах было безлюдно. Наконец они вышли на площадь и в тусклом свете звезд, проглядывающих сквозь разрывы в тучах, увидели посреди площади высокого человека с повисшей головой и согнутыми плечами. Подойдя ближе, они разглядели, что ноги его не касаются земли.

Фикс придержал Кризаль:

— Постой здесь, дитя, пока я разберусь.

— Что это?

— Это не для твоих глаз, Кризаль.

— Я думала, тебе нужны глаза предсказателя. Я не могу видеть, не имея информации.

Фикс кивнул:

— Тогда пойдем, но приготовься к ужасному. Его посадили на кол.

Только совсем близко они рассмотрели пурпурные полосы на теле зазывалы. Кризаль застыла, а Фикс обошел тело, чтобы увидеть лицо мертвеца.

— Это тот зазывала, что приходил к тебе?

— Да, Юдо.

Кризаль медленно обошла жуткое пугало и посмотрела в искаженное мукой лицо. Когда позади раздался крик, она вздрогнула.

Старый фокусник метался по площади, размахивая посохом над головой.

— А ну, мерзавцы! — вскричал он сильным и пронзительным голосом. — Отрывайтесь от мягких подушек, трусы! Я, Фикс из фокусников Тарзака, не оставлю от этого города камня на камне, если не получу ответа на свои вопросы! А ну, вставайте, мерзавцы!

Кризаль смотрела, как дряхлый фокусник ходит от дома к дому, колотя посохом по стенам и выкрикивая проклятия. Никто не посмел выйти на площадь.

Фикс минуту постоял молча, потом полез за пазуху.

— Хорошо же, трусливые жители Порса, пусть вашего города не станет! — Фокусник махнул рукой, и ближайший дом охватило пламя. От воплей жителей у Кризаль застыла кровь. Из соседнего дома выбежал человек в оранжевой мантии клоуна и упал на колени перед Фиксом:

— Великий Фикс, прошу тебя! Пощади нас. У нас не было выбора.

— В этом? — Фикс указал на неподвижное тело Юдо. — У вас не было выбора в этом?

— Великий Фикс! — взвыл клоун. — Здесь был Черный!

— Рогор? Так это его дело?

— Да, Великий Фикс. Смотри. — Клоун указал на стену на площади. В мерцающем свете горящего дома Фикс прочитал:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ

Р
О
РОГОР
О
Р

Фикс подошел к стене, рассмотрел ее, потом вернулся к телу в центре площади.

— Клоун, поди сюда!

Клоун метнулся к ногам фокусника, почти не поднимаясь с колен.

— Да, Великий Фикс?

Фикс указал палкой на мертвого зазывалу:

— Кто это сделал?

— Великий Фикс должен понять. Рогор...

— Я ничего не должен понимать! — Фикс так пнул клоуна в бок, что тот растянулся в грязи. — Кто совершил это злодейство?

— Рогор заставил нас, Великий Фикс. Те, кто не работал, были вынуждены наблюдать.

— Вынуждены? Он что, привел с собой армию?

— Он... у него великая сила. Мы боялись...

— Боялись? И из-за этого отказали путнику в защите города? Ба! И не только это — еще и совершили убийство!

— Великий Фикс, у Черного страшные силы...

— Проклятье! Клянусь бородой Момуса, я покажу вам страшную силу!

Фикс снова пнул клоуна, махнул рукой в сторону тела, и внезапно площадь залил ослепительный свет. Прикрыв рукой глаза, Кризаль увидела, что тело Юдо охватило бело-голубое пламя, с ревом вздымающееся к ночному небу. За несколько секунд кол, поддерживавший тело, сгорел.

— Клоун, гони негодяев, населяющих этот город, на площадь.

— Великий Фикс, а если они не придут?

Фикс воздел руки и заорал:

— Если не придут, я зажарю их прямо в домах!

Клоун метнулся прочь, и жители Порса начали потихоньку выбираться на площадь, прикрывая глаза от пламени погребального костра и от взгляда Фикса. К тому времени, как все собрались, от костра остались тлеющие угли, а тело Юдо обратилось в пепел. Фикс наклонился, взял горсть углей и поднял над головой.

— Возьмите этот прах и смешайте с грязью с этой площади. Слышите меня, подонки Порса?

Люди склонили головы:

— Да, Великий Фикс.

— Выкрасите этой смесью дома. Отныне таков будет цвет Порса. Живите со своим позором и будьте верны ему, ибо, если мне случится когда-либо снова пройти здесь и увидеть хотя бы одну белую доску в заборе, Порс перестанет существовать. — Фикс оглядывал толпу, пока не нашел клоуна. — Ты!

Клоун выбежал из толпы и упал на колени у ног фокусника:

— Да, Великий Фикс.

— Покажи мне тех, кто вонзил в зазывалу кол и установил его.

— Но мы не...

— Покажи, или в мгновение ока от тебя останется лишь пепел!

Клоун поклонился, встал и начал обходить собравшихся на площади. Шесть человек отделились от толпы и подошли к Фиксу со склоненными головами. Клоун встал рядом:

— Я был одним из них.

— Так явите же миру свой позор! — Фикс коснулся лба каждого большим пальцем, оставив уродливую букву «У». — Теперь — в пустыню, и никогда больше не попадайтесь на глаза добрым людям!

Семеро оглядели соседей, склонили головы и пошли прочь с площади. Люди расступались, не смея даже смотреть на них. Фикс бросил остывшие угли на остатки погребального костра Юдо.

Кризаль смотрела, как старый фокусник повернулся и идет к ней, но не могла прочесть его горящий взгляд. Остановившись перед ней, старик поднял руку, в которой держал угли. Она была грязной, но не обожженной. Фикс положил руку ей на плечо.

— Пойдем, дитя. В этом городе невозможно отдохнуть, ибо они не узнают покоя, пока не смоют свой позор.

Фикс выбрал улицу, ведущую к дороге на Мийру, толпа расступилась, и Кризаль пошла за ним, пытаясь решить про себя, что она испытывает к Фиксу: страх или любовь?

Всю ночь Фикс шагал к Мийре словно одержимый. Кризаль ковыляла следом, удивляясь силе старика. Дважды их секли

дождь и ветер, из-за чего уже раскисшая, покрытая противными темными лужами дорога стала скользкой, как жир. Фикс шагал по грязи и лужам, не замечая их, словно по пыльной улице в Тарзаке. Когда перестал дождь, сквозь черные тучи пробился тусклый серый рассвет. Фикс остановился и огляделся:

— Светает.

— От тебя ничего не укроется, Фикс. — Кризаль дотащилась до старика. Он повернулся и посмотрел на девочку, промокшую и покрытую грязью, как и он сам.

— Ты, должно быть, устала, дитя.

— Ах, Фикс, в твоих жилах течет кровь предсказателя.

Фокусник вскинул бровь:

— Я вижу, ты всю ночь точила язычок. Хочешь отдохнуть или нет?

— Конечно. Но где? — Кризаль склонила голову набок. — Везде мокро.

Фикс полез за пазуху и подал Кризаль комок сырого кобитового теста. Комок был покрыт твердой коркой и казался тяжелым для детской руки.

— Найди местечко, где нет ни деревьев, ни сорняков, ни травы.

Кризаль огляделась и подошла к песочной проплешине к востоку от дороги:

— Здесь?

Фикс кивнул:

— Слушай внимательно. Когда я скажу, сильно сожми кусок теста и брось в центр проплешины. — Кризаль посмотрела на невинный комок в руке. — Только очень быстро, понимаешь?

— Да.

— Тогда давай!

Кризаль смяла комок и, еще не успев бросить, почувствовала, как он согревает руку. Даже не долетев до земли, он вырос в колонну ослепительного пламени. Кризаль повернулась к Фиксу:

— Погребальный костер Юдо?

— Да. Правой рукой пошарь в рукаве мантии. Нашла карман?

Кризаль нащупала отверстие:

— Да.

Фокусник подал ей еще пять черных комков.

— Положи в этот карман. Теперь ты знаешь, как их использовать. — Фикс указал на огонь, почти погасший за неимением топлива. — Он горит жарко, но недолго. Песок будет сухой и очень теплый.

Кризаль положила шары в карман в рукаве:

— Это будет моим первым фокусом, Фикс?

Фокусник засмеялся:

— Нет, дитя. Первым фокусом будет научиться спать, не перекатываясь на бок!

Кризаль опустилась на теплый песок, легла и уснула, вытянув правую руку в сторону.

Самым заветным желанием Кризаль было выспаться. Небо расчистилось, восходящее солнце согрело и высушило мантию, и она, совершенно счастливая, ворочалась, отбиваясь от бодрствования, грызущего края сна. Девочка свернулась калачиком, подложив правую руку под голову, и тут вспомнила о кобитовых шариках. Села прямо и увидела, что умудрилась не навалиться на широкий рукав мантии.

— А, дитя, вот ты и проснулась.

Кризаль обернулась. Рядом с ней сидели женщина в бело-зеленой мантии певицы и высокий блондин, одетый в черно-алое. Мужчина кивнул Кризаль:

— Дорна пригласила меня погреться на вашем песке, маленькая волшебница.

Кризаль кивнула в ответ. Мужчина был молод и с виду очень силен; у женщины, тоже молодой, были распущенные черные волосы и темно-карие глаза. Рядом с такой красавицей Кризаль особенно остро осознала, какая она грязная и конопатая.

— Вы видели моего учителя?

Молодой фокусник пожал плечами. Певица покачала головой.

— Думаю, тебе лучше подождать его здесь. — Дорна поглядела на руку фокусника, обвивавшую ее талию, и кивнула

на Кризаль. Пожав плечами, он убрал руку и лег на песок, опираясь на локти.

Кризаль рассматривала молодого фокусника:

— Ты ведь не с этой планеты, а, фокусник?

Тот рассмеялся:

— Нет, дитя. Меня зовут Эшли Алленби. Я прибыл с отчей планеты.

— Однако же ты носишь черно-алое.

— Даже мне надо есть. Как тебя зовут?

— Кризаль. Я ученица великого фокусника.

— И как его зовут? — Алленби сел.

Кризаль посмотрела на Дорну. В глазах певицы что-то мелькнуло.

— Его имя не имеет значения, Алленби. — Девочка указала на высушенный песок.

Молодой человек удивленно вскинул брови:

— Немногие оставшиеся у меня мовиллы уже плачут от одиночества. Хочешь взамен посмотреть мой новый фокус?

Кризаль пожала плечами:

— Если я смогу определить, как ты его делаешь, я все равно запрошу плату.

Алленби фыркнул и вытащил из-за пазухи колоду карт. Передав колоду Кризаль, он рукой разгладил перед собой песок.

— Выбери и запомни семь карт. Сможешь?

— Хоть семь, хоть всю колоду. — Кризаль отложила первые семь карт и протянула их Алленби.

— Нет, не давай их мне. Разложи на песке картинками вверх. — Кризаль выложила карты. — Запомнила?

— Конечно.

Алленби растопырил пальцы над картами, и они перевернулись, словно сами по себе.

— Ты уверена, что запомнила?

— Да.

— Тогда переверни тройку треф.

Кризаль посмотрела на третью слева карту, вообразила, как подсовывает под край крохотные ручки, и напряглась. Карта перевернулась. Восьмерка бубен. Алленби засмеялся над выражением ее лица.

— Но восьмерка здесь. — Она указала на крайнюю справа карту.

— Ты уверена?

Кризаль протянула руку и просто перевернула карту. Шестерка пик.

— Великолепный фокус, Алленби, — восхитилась Дорна. Молодой фокусник благодарно улыбнулся и собрал карты. Кризаль насупилась.

— Можешь угадать, как я сделал это?

Кризаль довольно долго хмурилась, потом вежливо сказала:

— Неплохой фокус.

Алленби забросил край мантии через плечо и указал на юг подчеркнуто драматическим жестом.

— О небо! Вдохновленный столь щедрой хвалой, я должен спешить в Тарзак и поражать толпу!

Дорна встала:

— Ты должен идти, Эшли?

Алленби поклонился и, взяв руку Дорны, коснулся ее губами.

— Увы, прекрасная Дорна. Я должен идти в Тарзак. По слухам, туда сейчас прилетел грузовой челнок. Первый с тех пор, как я прибыл на Момус, мне необходимо застать его, чтобы сообщить свои новости Государственному секретарю Квадранта. — Он поклонился Кризаль, легко подхватил свой мешок и пошел по дороге на юг. Дорна и Кризаль еще долго смотрели ему вслед, когда он давно уже скрылся из виду.

Девочка повернулась к певице:

— Дорна?

— Да, дитя?

— Я прочитала что-то в твоих глазах, но не могу измерить глубину увиденного. Где мой учитель?

Красавица Дорна улыбнулась, закрыла лицо рукавом мантии, затем опустила руку. Девочке беззубо ухмылялся Фикс.

— Фикс, клянусь ошпаренным задом Момуса — это ты?

Старик хихикнул:

— Отвернись, дитя.

— И что ты тогда сделаешь? Превратишься в ящера или сделаешь меня мальчиком?

— Отвернись. Мне надо вывернуть мантию.

Кризаль отвернулась:

— И чего ты добился своей комедией?

— С Великим Фиксом молодой фокусник внимательнее следил бы за своим языком, чем с прекрасной Дорной. Можешь повернуться.

Кризаль обернулась, перед ней был Фикс в черно-алой мантии.

— И здесь тоже нет магии, Фикс? Куда делись твои морщины?

— Нахмурься, Кризаль, и пощупай лоб.

Кризаль сделала, как велено.

— Ну?

— Ты молода, однако можешь наморщить лоб. Я стар и могу сделать кожу гладкой, хотя это требует бóльших усилий.

— Ладно, Фикс, но как же зубы прекрасной Дорны? У тебя-то нет ни одного.

— У Дорны тоже.

Кризаль скрестила руки на груди:

— У нее были!

— Подумай, Кризаль. Эти полные, чувственные губы улыбались, но открывались, только если их прикрывала рука или рукав.

Девочка нахмурилась:

— Я помню... нет, я убеждена, что помню. Ты прав; я не видела зубов. — Кризаль покачала головой. — И что ценного сказал фокусник?

— На-ка поешь. — Фикс залез в мешок и вытащил две непропеченные кобитовые лепешки. — Алленби идет с дальнего севера, из Дирака, что за Змеиными горами. Он прошел и через Мийру. Оба города почернели от отчаяния. Рогор везде оставляет свою метку.

Кризаль проглотила кусок кобита, а остатки бросила в мешок.

— Фикс, мы можем обойти Мийру?

— Ты вспоминаешь вчерашнюю ночь в Порсе?

Кризаль кивнула:

— Эти люди не знают, с чем столкнулись. Мы тоже. Я не хочу больше ужасов.

Фикс доел лепешку и посмотрел на девочку:

— Считаешь, я был чересчур суров?

Кризаль пожала плечами:

— Я понимаю, почему они поступили так, как поступили.

Фикс кивнул:

— Представь себе, Кризаль: у тебя в руке нож и ты держишь его у горла Салины, твоей матери; а я держу нож у твоего горла. И говорю тебе, что, если ты не убьешь Салину, я убью тебя. Что бы ты сделала?

Кризаль склонила голову и прошлась по сухому песку.

— Хотелось бы думать, что я предпочла бы смерть. Ты это ждал услышать?

— Такой выбор стоял перед жителями Порса, и они выбрали неправильно.

Девочка посмотрела в глаза старику:

— Мы пройдем через Мийру?

— Так надо. Мы пополним запасы еды и найдем кого-нибудь, кто поможет перебраться через горы. — Старик поднял мешок и подал девочке. — Пора идти, если мы хотим добраться туда до наступления ночи.

Дорога становилась все круче. Солнце окрасило красным, оранжевым и желтым неухоженные поля, наполовину срубленные и обтесанные бревна и безлюдные улицы Мийры. Деревянные дома были пусты. Фикс постучал в несколько дверей, но его знакомых не оказалось дома. Наконец они вышли на площадь. Кризаль схватила Фикса за руку:

— Смотри, Фикс, еще одно убийство!

Старый фокусник присмотрелся. На задке ручной двухколесной повозки распростерся на мешках огромный человек в зелено-желтой мантии циркового уродца; его массивные руки и ноги свешивались с повозки.

— Пойдем, Кризаль. Он просто спит.

Когда они подошли, великан открыл один глаз:

— Ты Великий Фикс.

Фикс кивнул:

— А ты?

Быстро и ловко для своих размеров мужчина сел, потом соскочил с повозки. Он поклонился, мотнув в сторону Фикса лысой башкой.

— Великий Фикс, я Зума, силач из уродцев Дирака.

— Дирака?

— С той стороны Змеиных гор, Великий Фикс.

Старый фокусник кивнул, потом обвел рукой площадь:

— Где они?

Зума фыркнул так громко, что земля, как показалось Кризаль, задрожала.

— Вести о твоем правосудии в Порсе прибыли несколько часов назад. Добрые граждане Мийры удрали в горы.

— А ты?

— Я?

— Мы же нашли тебя храпящим на площади посреди всего этого стремительного возврата к природе?

— Ха! — Зума засмеялся и хлопнул Кризаль по плечу, так что она растянулась на земле. — Я — Зума. Этим все сказано.

Кризаль поднялась и сердито посмотрела на силача:

— Он здесь неспроста, Фикс.

Зума кивнул:

— Эта кроха верно говорит. Город Дирак послал меня перевести тебя через горы.

Фикс потер подбородок:

— Значит, Дирак знал, что Мийра устроит себе отпуск?

Зума плюнул на землю.

— Рука Рогора чувствуется даже по эту сторону гор. В Дираке не хотели рисковать. Они боялись, что ты опоздаешь, потому что не найдешь проводника через горы.

— Так ты, значит, не боишься Черного?

— Бояться его? Ха! — Зума размял могучие руки, наклонился и обхватил деревянную повозку. Выпрямившись, он поднял повозку над головой. — Зума никого не боится. — Силач опустил повозку на землю легко, как перышко, потом повернулся к Фиксу и нахмурился. — Если бы я мог найти колдуна, ты уже не понадобился бы, фокусник. Но... — Великан пожал плечами.

Кризаль прищурилась: она пыталась читать в глазах силача.

— Зума, моего учителя наняли жители Иконы, чтобы избавить их от колдуна. А ты из Дирака.

Зума кивнул:

— Все города Изумрудной долины сбросились: Дирак, Икона, Рис и даже рыбацкая деревня Аноки. Иконе пришлось хуже всех, потому они и заключили договор.

Фикс смотрел на девочку, выгнув брови. Кризаль пожала плечами.

— Значит, едем? — Фокусник бросил силачу кошелек.

Фикс и Кризаль залезли в повозку и устроились между ящиков и мешков. Зума подлез под ручку впереди повозки, выпрямился и схватил ее мощными руками. Пока они катились по Мийре, Кризаль пристально смотрела в затылок Зумы. Повернувшись к старому фокуснику, она дернула его за рукав:

— Фикс...

Фикс прижал палец к ее губам и покачал головой:

— Попробуй уснуть.

— Уснуть? — Кризаль только руками всплеснула.

Фикс посмотрел ей в глаза:

— Спи. — Кризаль боролась, но разум ее затуманился, и наступила темнота.

Кризаль смотрела вниз с огромной высоты. Сильный мужчина тащил деревянную повозку, в которой скорчились две фигурки в черно-алом. Дома остались позади, и повозка катилась вверх по пологому склону. Иногда поворот дороги или высокое дерево загораживали путников, но, когда повозка оказалась на высоком плато и поехала вдоль берега маленького озера, ее потянуло туда. Она устремилась вниз и оказалась чуть позади и выше повозки. В повозке она увидела себя, спящую; ее голова лежала на коленях Фикса.

— *Фикс!* — позвала она беззвучно. — *Фикс, что это?*

— *Видишь человека, тянущего повозку?*

— *Фикс, мне страшно.*

— *Видишь его?*

— *Да-да, но, Фикс...* — Кризаль увидела, как повозка сворачивает от берега озера на крутую дорогу в горы.

Кризаль, ты войдешь в разум Зумы и расскажешь мне об увиденном.

Кризаль посмотрела на свое спящее лицо, потом на Фикса:

— *Не могу, Фикс. А если это Рогор?*

— *Ты, значит, что-то заподозрила?*

— Я не смогла прочитать в его глазах.

— Возможно, то, что ты прочитала, вне твоего опыта. Ты когда-нибудь читала убийцу?

— Нет.

— Потому и не узнала его.

— Фикс, если это Рогор, он узнает, что я там?

Кризаль увидела, как старый фокусник посмотрел на спящую девочку и ласково отвел от глаз локон спутанных рыжих волос.

— Если это Рогор, он узнает, но я защищу тебя. Ты веришь?

— Да, Фикс. Что я должна делать?

— Посмотри на голову Зумы. Видишь ауру?

Кризаль пригляделась и увидела бледное сияние, окутывающее все тело силача.

— Да, вижу.

— Когда я скажу, приблизься к нему и смешайся с ней. Но помни, дитя, что бы ни случилось, не пытайся говорить со мной. Не кричи, не борись с тем, что найдешь там, и не пытайся ничего изменить. Понимаешь?

— Да, Фикс.

— Тогда иди.

Уклон дороги стал круче, и, когда Кризаль коснулась ауры Зумы, повозка повернула, и слева показался обрыв. Аура была чуждой, но она чувствовала постепенные перемены в себе, пока не достигла гармонии между собой и аурой.

Зума поглядел вниз и хмыкнул. «Никто не найдет старика и девчонку, — подумал он. — Рогор набьет его кошелек медяками вместо того, чтобы погубить урожай. — Силач стряхнул угрызения совести. — Никто не может бороться с магией Рогора». Он должен сделать, как велено.

Увидев впереди крутой поворот дороги и ровную площадку, вырубленную в скале, Зума оглянулся на старого фокусника.

— Мы остановимся здесь и отдохнем. — Он вытащил повозку на площадку, опустил ручку и пролез под ней. — Через минуту я согрею еду. — Силач начал собирать хворост.

Фикс кивнул и тряхнул спящую девочку за плечо. Кризаль вскочила, в ее глазах плескался ужас. Фикс коснулся ее губ и погладил по лицу.

— Вставай, дитя. Пока Зума готовит еду, я тебе кое-что покажу. Это высочайшая из Змеиных гор. Они прекрасны даже при свете звезд.

Кризаль, дрожа, вылезла из повозки; Фикс следом. Старый фокусник взял ее за руку и подвел к самому краю обрыва.

— Фикс...

— Тише, дитя. Просто смотри вниз и слушай.

Кризаль посмотрела вниз, подножие утеса терялось в темноте. Свист ветра эхом отражался от скал, а где-то очень далеко ей послышалось журчание воды. Фикс наклонился, взял камень и пододвинулся так близко к краю, что пальцы его ног оказались над обрывом.

— Фикс, стоит ли стоять так близко...

— Созерцай красоту природы, дитя, и слушай.

Кризаль прислушалась. Потрескивал разожженный Зумой костер. Потом за спиной послышался звук крадущихся шагов. Она попыталась отстраниться от края, но старик крепко держал ее. Шаги приблизились, потом участились. Кризаль повернула голову. В трех шагах справа Зума подбежал, раскинув руки, к краю обрыва — и полетел в темноту, оставив за собой хвост удивленных восклицаний.

Кризаль посмотрела на Фикса:

— Почему?..

— Он видел нас там, дитя. У бедняги, видно, проблемы с глазами. — Фикс хихикнул и повернулся к огню. — Пойдем, Кризаль. Зума был так любезен, что разжег для нас костер, но, боюсь, еду нам придется готовить самим. Жаль.

Кризаль посмотрела в темноту, скрывающую растерзанные останки силача, потом повернулась к старому фокуснику: тот, улыбаясь, расставлял у костра камни, чтобы приготовить лепешки. Медленно идя к огню, она снова вспомнила слова Бьянис о клочке тумана, оказавшемся между молотом и наковальней.

На следующее утро, убедившись, что ни магия, ни их объединенные усилия не могут сдвинуть тяжелую повозку, Фикс занялся приготовлением завтрака, а Кризаль тем временем обшаривала мешки и ящики, надеясь найти провизию, которой хватило бы до Дирака.

— Здесь больше чем достаточно, Фикс, если бы мы смогли унести все; даже одеяла для ночлега в горах. — Кризаль продолжала перетряхивать содержимое повозки, осматривая каждый ящик и мешок.

— Дитя, если еды хватит, оставь повозку в покое. Нам следует поесть и отправляться. — Фикс, увидев, что на него не обращают внимания, пожал плечами и сел у потухшего костра. Когда он откусил кусок кобитовой лепешки, намазанной заболонным джемом, Кризаль слезла с повозки и подошла к костру. В руках у нее была маленькая коробка.

— Видишь, Фикс?

Фокусник отложил лепешку, взял коробку и повертел в руках. Белая коробка из двух половинок, с закругленными углами, обтянутая цельным прозрачным чехлом. Никаких пометок.

— Глаза предсказательницы говорят тебе, что это?

— Я увидела в мыслях Зумы: он что-то везет для Рогора. Посмеем ли мы открыть?

Фикс поднес коробку к уху, встряхнул и пожал плечами. Подцепив ногтем край прозрачного чехла, подсунул туда палец и тянул, пока не появилась возможность сдвинуть чехол. Сняв его, Фикс положил коробку на колени и поднял крышку. В точно подогнанной выемке нижней половинки лежало сине-черное устройство с рукояткой, торчащей из изогнутой пластины. На верхней части пластины были многочисленные черные, красные и оранжевые кубики, от которых тянулись тоненькие проволочки. К передней части пластины проволочки собирались в кабель и заканчивались цилиндром с резьбой, болтающимся на конце кабеля. На передней части рукоятки пять колец; ближайшее к пластине больше других и в нем — металлический рычажок, уходивший в рукоятку. На задней части рукоятки два одинаковых соединенных кольца. Фикс посмотрел на Кризаль:

— Ну?

— Что это, Фикс?

Фокусник вынул устройство из гнезда и повертел. Держа его изогнутой пластиной кверху, он обхватил рукоятку рукой, просунув большой палец в верхнюю заднюю дырку, а остальные пальцы в четыре верхние передние дырки. Старик поглядел на Кризаль, склонив голову набок.

— Отойди в сторонку.

Кризаль отступила, а Фикс прицелился в скалу по ту сторону пропасти. Он оттянул металлический рычаг указательным пальцем; ничего не произошло. Фикс опустил устройство на колени и пожал плечами:

— Я думал, что это, может, пистолет необычной конструкции, но он не работает.

— Смотри, Фикс. — Кризаль ткнула в дополнительные кольца под мизинцем и большим пальцем Фикса. — Если это рукоятка, то предназначена она не для наших рук.

Фокусник кивнул и отдал устройство Кризаль.

— Каким твои глаза предсказательницы видят теперь наше будущее?

Кризаль села на песок у костра. Посмотрела на рукоятку, повертела устройство в руках и покачала головой:

— Фикс, я не собрала достаточно информации, чтобы понять смысл настоящего, что уж тут говорить о будущем. — Она положила устройство в коробку, натянула чехол и убрала в свой мешок.

— Оно не работает, дитя. Зачем тащить лишний вес?

Кризаль взяла лепешку и заговорила с набитым ртом:

— Алленби, тот молодой фокусник с Земли собирался встретить грузовой челнок. По-моему, эту коробку для Рогора Зума получил там. Она нужна Рогору, а теперь она у нас.

— Но мы не знаем ни как это действует, ни откуда взялось.

Кризаль покосилась на колени, потом на Фикса:

— Алленби говорил, что хочет послать сообщение на Землю... нет, Государственному секретарю Квадранта. Какое сообщение?

Фикс пожал плечами и потянулся за еще одной лепешкой.

— Что-то о прибытии на Момус дипломатической миссии. А еще, что его новости привлекли новостников и необходимый им закон должен быть принят ко времени, когда эти типы окажутся здесь.

Кризаль запустила остатками кобитовой лепешки в голову старого фокусника:

— Старый шарлатан!

Глаза Фикса сузились от гнева. Он встал:

— Соплячка. Ума лишилась? Я мог бы испепелить тебя в мгновение ока.

— Э-э! — Девочка показала ему язык. — Я вижу невидимое для тебя, Фикс. Теперь расскажи мне всю правду. Без этого я не могу видеть то, что надо.

Старый фокусник поджал губы, кивнул и снова сел у костра.

— Алленби — чиновник из Девятого Квадранта. Он прибыл на Момус, чтобы договориться о военной защите нашей планеты.

— Защите? От кого?

Фикс пожал плечами:

— Девятый Квадрант подозревает, что на Момус готовится вторжение из Федерации Десятого Квадранта.

Кризаль кивнула:

— А что за закон?

— Момус должен сам попросить о защите, иначе нарушится закон, который управляет всеми Квадрантами.

Кризаль ощупала коробку у себя в мешке, потом взяла еще одну кобитовую лепешку и начала медленно жевать.

— Фикс, что ты знаешь о мирах Десятого Квадранта?

— Столько же, сколько о мирах Девятого, дитя: почти ничего. — Фикс встал и подхватил свой мешок. — Можешь продолжать размышления на ходу? Утро стремительно стареет.

Кризаль кивнула, подняла свой мешок и подошла к повозке.

— Магия может согреть или тебе понадобится одеяло?

Фикс фыркнул, отвернулся от нее и начал карабкаться по крутой дороге. Кризаль взяла два одеяла, пристроила их себе под мышку, забросила на плечо мешок и побрела следом.

Три дня спустя Фикс и Кризаль стояли на северном склоне Змеиной горы и смотрели на Изумрудную долину. До самого горизонта тянулись к солнцу зеленые поля с разбросанными там и сям бурыми пятнами и голубое озеро. Фикс указал посохом на деревню на берегу:

— Это Икона.

— А два города прямо перед нами?

— Первый — Дирак, а второй, у подножия горы, называется Рис.

Кризаль посмотрела налево. Снова зеленые в бурых пятнах поля тянулись до воды. Она указала на дома на берегу:

— Аноки?

Фикс кивнул:

— А бурые пятна в полях, должно быть, погибший урожай.

Кризаль присмотрелась; пятен не было только в полях, ближайших к горе на другой стороне долины.

— Как называется гора напротив?

— Расколотая гора. Поймешь почему, когда доберемся до Иконы. Движение коры Момуса раскололо гору, и кривая расселина тянется до самого центра.

Кризаль указала на город впереди:

— В Дираке нас по крайней мере ждут.

Фикс потер подбородок.

— Держись настороже; Рогор тоже нас может ждать. — Он указал на трех человек, неподвижно стоявших перед городскими воротами.

Старый фокусник подхватил мешок и пошел по дороге к Дираку. Кризаль шла в нескольких шагах позади, рассматривая людей у ворот. Все трое были в черно-коричневых коротких мантиях униформистов. Разглядев их глаза, Кризаль догнала Фикса:

— Их взгляды говорят о готовности убивать, Фикс.

Фокусник кивнул. Когда они приблизились к воротам, Кризаль увидела, как левая рука Фикса на миг исчезла в рукаве и вынырнула, сжатая в кулак. Старик старательно изобразил улыбку и кивнул трем головорезам:

— Чудесное утро, друзья.

Стоявший в середине униформист поглядел на товарищей, потом вышел навстречу путникам.

— Ты Великий Фикс? — Он ничего не предложил за информацию.

— Да. А как зовут тебя, друг?

Мужчина посмотрел на дорогу, ведущую к Змеиным горам, потом снова на фокусника.

— Я Джагар. Где Зума?

Фикс пожал плечами:

— Силач лишился рассудка и бросился с обрыва. Мы не успели остановить его.

Джагар внимательно посмотрел на Фикса, потом глянул на Кризаль:

— Это правда?

Кризаль посмотрела на Джагара и задрала нос:

— Ты сомневаешься в словах моего учителя?

Джагар схватил Фикса за грудки:

— Повозка, старик. Что ты... — Фикс провел левой рукой перед лицом Джагара, и униформист, корчась, упал на землю.

Фикс поправил мантию и, переступив через тело, направился к двум оставшимся униформистам. Видя, как корчится в пыли их товарищ, они повернулись и, проскочив в городские ворота, исчезли в проулке. Фокусник повернулся и опустился на колени возле Джагара.

— Кризаль, иди сюда. — Девочка встала над телом и посмотрела в лицо Джагару. Его глаза закатились от ужаса, из уголков рта тонкими струйками текла слюна. — Я задам ему несколько вопросов, дитя. Скажешь мне, что ты видишь.

— Да, Фикс.

Фокусник полез за пазуху и вытащил крохотный пузырек, наполненный бесцветной жидкостью. Открыв его, Фикс заставил Джагара разжать зубы и капнул в рот три капли. Через несколько секунд униформист затих.

— Джагар, слышишь меня? — Фикс подождал, потом дал ему такую пощечину, что Кризаль поморщилась.

— Пощади меня, Великий Фикс, — прошептал тот еле слышно.

— Пощадить? Джагар, я задам тебе несколько вопросов, и ты дашь на них правдивые ответы. Тогда, возможно, мы поговорим о сохранении твоей жалкой жизни.

— Не могу... говорить о Рогоре, Великий Фикс. Ведь ты об этом спросишь?

— Да. Что сделает Рогор, если ты заговоришь?

— О Великий Фикс, он убьет меня!

Фикс хмыкнул.

— Послушай меня, Джагар: ты расскажешь все, что я хочу знать, иначе я покараю тебя таким ужасом, что ты будешь молить меня о смерти.

— Тогда спрашивай, Великий Фикс.

— Что за устройство вез Зума?

— Не знаю. — Фикс посмотрел на Кризаль, и девочка кивнула.

— Это для Рогора?

— Да. Нам было велено ждать здесь.

— Что вы должны были сделать с этой штукой?

— Ее надо было отнести к фонтану в Иконе.

— И?..

— Это все, Великий Фикс. Клянусь!

Кризаль опустилась на колени возле Джагара:

— Он не лжет. Спроси, видел ли он когда-либо Рогора?

Фикс тряхнул Джагара за плечо:

— Ну?

— Нет. Никто и никогда не видел Черного.

Кризаль повернула лицо Джагара к себе и заглянула в глаза:

— Джагар, где жители Дирака?

— Они в Рисе, дитя. Все жители Изумрудной долины собрались в Рисе.

— Зачем?

— Чтобы сформировать армию и провозгласить Рогора королем Момуса.

Фикс посмотрел в лицо девочке:

— Ты что-нибудь видишь?

Кризаль кивнула:

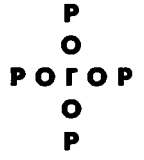
— Да, я чувствую, что у меня есть части ответа. Их еще надо приладить на место. Давай сойдем с дороги и найдем спокойное местечко.

Когда Фикс шел через поля к Иконе, Кризаль останавливалась осмотреть зеленые и бурые колосья пшеницы, пятна гнили на дынях. Добравшись до деревьев у озера, на берегу которого стояла Икона, Кризаль вытащила прозрачный стеклянный шар и опустилась на колени. Фикс сел рядом. Она подставила шар солнцу, поймала лучи и попыталась сосредоточиться. Кусочки головоломки начинали складываться, но что-то по-прежнему ускользало. Она бросила шар на колени и покачала головой:

— Этого недостаточно.

— Можешь ты по крайней мере увидеть вопрос?

Кризаль разгладила песок перед собой и пальцем нарисовала крест Рогора.

— Фикс, я должна знать, что это означает.

Старый фокусник покачал головой:

— Я уже говорил тебе, Кризаль. Ничего.

— Скажи мне, что можешь, Фикс. Это очень нужно.

Фикс потер подбородок:

— Возможно, это тайный крест магического квадрата.

— Магического квадрата?

— В этом нет магии. Когда-то люди верили, что так можно исцелить болезнь или отогнать злых духов. На Момусе некоторые фокусники берут имена, образующие тайный крест.

— Покажи мне магический квадрат.

Фикс разгладил песок рядом с крестом Рогора.

— Вот очень старый. Он образован словами «*sator*» и «*opera*». Слова должны читаться слева направо, справа налево, сверху вниз и снизу вверх. Вот так. — Старый фокусник быстро нарисовал пальцем слова и образуемый ими квадрат*. — Ну а теперь надо добавить в середину «N», и слово «*TENET*» станет тайным крестом этого магического квадрата. — Фикс добавил «N» и стер лишние буквы. — Никакой магии, просто игра в слова.

Кризаль изучила крест, снова нарисовала стертые Фиксом буквы, потом стерла весь квадрат. Стерев крест Рогора, Кризаль снова уставилась в шар.

---

* Древнейший из сохранившихся суперпалиндромов, написан на латыни приблизительно в IV веке нашей эры: «Sator Arepo tenet opera rotas», что означает «Сеятель Арепо с трудом держит колеса». Эту фразу обычно записывают в виде квадрата. В таком виде палиндром читается четырьмя способами: слева направо, справа налево, сверху вниз и снизу вверх. Этому квадрату в древности приписывали некую магическую силу. Считалось, что составляющие его слова спасают от болезней и защищают от злых духов. Квадраты с «Формулой Sator» высекали на стенах храмов и дворцов, а в Средневековье — даже на фасадах христианских церквей.

Фикс выгнул брови, когда Кризаль снова начала что-то чертить на разглаженном песке.

— А если использовать название города Дирак как «*sator*» в квадрате «*tenet*»? Видишь?

Фикс пожал плечами:

— А остальное?

Палец Кризаль порхал по песку.

— Названия Икона и Аноки мы используем как «*arepo*» и «*opera*» в квадрате «*tenet*»... добавим «г» — и вот, пожалуйста.

Фикс кивнул:

— И вот тайный крест Рогора. Но что нам с того?

— Фикс, будь это карта и находись Дирак на месте нижнего «д» квадрата, — Кризаль ткнула пальцем, — и будь Икона здесь, — она постучала по «и» над нижним «д», — а рыбацкая деревушка Аноки здесь, — она ткнула в «а» в нижнем ряду, — где бы оказалась дополнительная буква, центр квадрата?

Фикс встал, посмотрел на квадрат, потом присел на корточки и нарисовал грубую карту.

— «Г» окажется в конце расселины в центре Расколотой горы. — Фикс встал и указал на пик за Иконой. — Отсюда видно, где начинается расселина.

Кризаль встала и оглядела кривой проход, ведущий в глубь горы; стены его были увиты густым виноградом. Сама гора густо поросла лесом — кроме вершины, где были только чахлые деревца и кусты.

— Вот приглашение от Рогора. — Кризаль указала на «г» в кресте Рогора. — Мы найдем его логово в конце трещины. Это ловушка.

Фикс кивнул:

— Рогор приложил столько сил, чтобы убить меня, и, однако же, указывает мне путь к его уничтожению.

— Больше того, Фикс. Та штука у меня в мешке, которую я нашла в повозке Зумы, оружие или деталь оружия. Того, что погубило урожай фермеров. Вот. — Кризаль вытащила из-под мантии несколько колосьев. — Нижняя часть у них здорова, но посмотри на бурую. Ее словно бы окунали

в кипяток. Могут твои порошки и прочие фокусы защитить от такого?

Фикс посмотрел на девочку:

— Здесь больше, гораздо больше. Рассказывай.

— Фикс, что произойдет, если Рогор станет королем Момуса и попросит Федерацию Десятого Квадранта о военной защите от Девятого Квадранта?

Фикс пожал плечами, потом посмотрел на квадрат.

— Насколько я понимаю, Девятому останется только позволить им оккупировать Момус — согласно закону. Но, дитя, король на Момусе? — Он хихикнул. — Наверное, Рогор может затравить эту маленькую долину, но как он сможет стать королем всего Момуса? Правитель Изумрудной долины не может говорить за всю планету.

— Фикс, мы видели страх по другую сторону Змеиных гор, в Мийре и Порсе.

— Я выправил Порс, дитя. Не сомневайся. Мы можем сделать то же самое повсюду к югу от Змеиных гор. Ни один из нас не доживет до появления в Тарзаке короля.

— Но когда ты умрешь, Фикс, кто сможет остановить Рогора и его армию гонимых страхом головорезов?

— Умру? — Старый фокусник ткнул себя в грудь. — Я не собираюсь умирать, дитя.

— Это препятствие Рогор и Десятый Квадрант и хотели бы убрать. Вот почему Рогор предложил двадцать тысяч мовиллов.

— Рогор? Это он предложил договор? — Фикс покачал головой и нахмурился. — Мой брат не отличается умом, Кризаль. Откуда взялся такой дьявольский замысел? Что за силы он обнаружил?

Кризаль расстелила одеяла и растянулась на одном из них.

— Замысел оттуда же, откуда и оружие, Фикс, из другого мира. — Она похлопала по соседнему одеялу. — Отдыхай. Нынче вечером нам следует быть начеку.

— Нам? — Фикс опустился на одеяло и отложил посох. — Дитя, я обещал Салине отправить тебя домой, как только ты увидишь ответы на мои вопросы. Теперь осталось только испытать мои фокусы против Рогора.

— Я говорила тебе, что у Рогора могучее оружие, а не фокусы.

— Обещай, что не войдешь в расселину.

— Но ты...

— Я дал слово Салине, дитя! Обещай мне.

— Ладно. — Кризаль повернулась к фокуснику спиной. — Обещаю не приближаться к расселине.

Кризаль проснулась черной беззвездной ночью. Перекатившись на другой бок, она хотела дотронуться до фокусника, но нашла только давно остывшее одеяло. Даже напрягая зрение, она едва различала смутные очертания Расколотой горы на фоне ночного неба. Фикс был где-то там в темноте: готовился к битве с Черным, а может, уже погиб.

Кризаль встала, размышляя о глупом обещании, которое заставил ее дать Фикс.

— На что ты рассчитываешь, старик, против оружия, которое может поджарить целое поле?

В темноте она споткнулась о свой мешок и с трудом удержалась на ногах. Хотела было пнуть мешок, но, помедлив, присела на корточки и достала белую коробку. Униформист у ворот Дирака сказал, что должен отнести ее к фонтану в Иконе.

— Да! — Кризаль вспомнила, как зазывала Юдо говорил, что письмо для Фикса появилось у фонтана в Иконе. Девочка сунула коробку под мышку и, повернувшись спиной к озеру, а лицом к деревне, посмотрела на пик Расколотой горы. Сунув руку за пазуху, она обхватила стеклянный шар.

— Бурые пятна... а у подножия горы нет ни одного. Оружие, наверное, там, наверху, на вершине. — Ноги сами несли ее к деревне и фонтану. — И если у друзей Рогора есть машины, которые могут погубить целое поле, то перенести письмо, коробку или, — она улыбнулась, — ребенка не должно быть сложной задачей.

Кризаль стояла перед непримечательным фонтаном на крохотной площади Иконы. Дома и улицы были безлюдны, и девочка осматривала площадь, не опасаясь, что ее заметят. Сам фонтан оказался простым, сложенным из камней столбиком, из центра которого била слабая струйка воды. Вода капала в корыто, окружающее столбик, потом стекала по желобу в каменных плитах, покрывающих центр площади. Оглянувшись,

Кризаль увидела, что ее следы единственные на площади, — по крайней мере после последнего дождя. Тропинка же, по которой она шла от озера в деревню, была хорошо утоптана.

— Разве они ходили бы за водой к озеру, не будь на площади опасно? — Кризаль посмотрела поверх фонтана и увидела пик Расколотой горы. Не наступая на плиты, она обошла фонтан, внимательно осматривая их. Из-за темноты разницы видно не было, но со стороны, обращенной к горе, плита была больше других. Она, казалось, сверкала, словно ее много раз терли песком. Взяв горстку пыли с площади, девочка подбросила ее, так что между плитой и горой образовалось облачко. Подхваченное ветерком, облачко без помех рассеялось и опустилось на землю.

Кризаль оглядывала площадь, пока не нашла камень размером с кулак. Взяв его, она опасливо ступила на каменные плиты. Ничего не произошло. Она перевела дух и медленно подобралась к большой плите, обращенной к Расколотой горе. Присев рядом с ней на корточки, девочка покатила камень в центр сверкающей поверхности. Мгновение камень лежал неподвижно, потом исчез; в воздухе возник резкий запах.

Сжав зубы, Кризаль обеими руками ухватила белую коробку и прыгнула в центр каменной плиты. Глядя на пик Расколотой горы, она почувствовала, как по щекам текут слезы. Она закрыла глаза:

— Я не боюсь.

— Приятно слышать.

Кризаль открыла глаза. Перед ней стоял ухмыляющийся человек в черно-алой мантии. Он был стар, сутул, на его морщинистом лбу стояла метка «У».

— Рогор! — Кризаль уронила коробку и потянулась за спрятанным в рукаве огненным шариком Фикса. Но ее движения невероятно замедлились. Фокусник подошел к ней и спокойно достал из рукава шарики.

— Ты напугала меня, дитя. Я уж думал, это Фикс съежился. — Рогор убрал огненные шарики к себе в рукав. — Вот гадость.

Фокусник поднял Кризаль и снял с платформы, где она стояла. Рогор внимательно проверил все карманы ее мантии, потом проволокой, снятой с пояса, связал ей руки за спиной.

Надежно связав, толкнул ее на землю и щелкнул пальцами. Кризаль почувствовала, что снова может двигаться с нормальной скоростью, и всхлипнула, когда Рогор подошел к платформе и подобрал коробку. Он открыл ее и ухмыльнулся, вытаскивая черно-синюю рукоятку.

— Ах, дитя, мне следовало бы заплатить тебе. Я так долго ждал этого.

Рогор пересек платформу и спустился на твердую гладкую площадку. Кризаль впервые заметила, что вся поверхность вокруг нее одинакова, кроме дыр, из которых росли маленькие деревца. Фокусник остановился возле длинного тонкого цилиндра, лежащего на телеге с металлическими колесами. Он взял маленький цилиндр с резьбой, свисающий из отверстия на нижней части устройства, и соединил с рукояткой. Закончив, Рогор толкнул рукоятку вверх, к большему цилиндру, и вставил его на место.

— Ты принесла мне королевскую власть над Момусом. — Он посмотрел на Кризаль. — Знаешь, что это?

— Нет. — Она попыталась шевельнуться, но проволока резала запястья.

Рогор засмеялся.

— Смотри! — Фокусник работал с невидимой для Кризаль панелью, установленной у основания механизма. Свет от панели бросил зеленоватый отблеск на лицо Рогора. Он отступил от механизма. С низким гудением колеса слегка повернулись, и длинный цилиндр наклонился вниз. Гудение на миг стало громче, потом стихло.

— Вот так ты и губил поля, Рогор.

Он кивнул:

— Еще у одного неверующего погиб урожай. Но с этим новым пусковым устройством, — он подошел к механизму и направил его вверх, — в моих руках оказалась сила самого Момуса. — Слепящий белый луч расколол воздух и заставил расступиться тучи. Рогор остановил луч и толкнул машину на другую сторону гладкой площадки. — Я могу даже расплавить горы, если захочу. — Кризаль, извернувшись, поднялась на колени, а потом и на ноги. Посмотрев, куда целится Рогор, она увидела огромную расселину в горе.

— Нет!

Рогор удивленно посмотрел на нее:

— Вот как? Ты так любишь мою гору, что не в силах смотреть, как я делаю в ней дырку? — Он хихикнул. — Или там, в расселине, старичок, которому будет больно? — Рогор подошел к Кризаль, железной хваткой взял за подбородок и заставил посмотреть ему прямо в лицо. — Фикс там?

Кризаль попыталась плюнуть в Рогора, но во рту пересохло. Засмеявшись, фокусник снова толкнул ее на землю.

— Нет, дитя, эта пушка могла бы показать фокус, но Фикс не узнал бы об этом. — Оставив пушку, Рогор подошел к кустам и раздвинул их, показав еще одно приспособление: черный куб на колесах. Из верхней грани торчало несколько больших призм на металлических ручках. Он подтолкнул машину к краю расселины и начал работать с панелью.

— Это перенесло тебя от фонтана в Иконе, дитя. С его помощью я могу видеть все, что угодно, в пределах двух дней пути и, если захочу, перенесу к себе на вершину.

Рогор повернул ручки настройки, не сводя глаз с экрана. Он нахмурился, потом улыбнулся:

— Многие тропы у подножия горы не видны из-за поворотов и изгибов, но отсюда я вижу силовую станцию в конце расселины. Рано или поздно... да, вот он, Фикс.

Рогор нажал еще несколько кнопок, потом вытащил из-под мантии пистолет. Через мгновение на платформе появилась фигура в черно-алой мантии с посохом в руке.

— Фикс? Это ведь ты?

— Рогор?

— Именно так, Фикс. — Рогор выстрелил из пистолета, и тонкий, как карандаш, луч света пронзил фигуру на платформе. Посох упал, мантия осела. Рогор шагнул туда, потом выругался, увидев, что под мантией ничего нет. Он быстро навел пистолет на Кризаль. — Фикс, твоя соплячка у меня на прицеле. Выходи туда, где я тебя увижу, или я разрежу ее пополам. Выходи, и если я хотя бы почувствую, как твои мысли тянутся ко мне, я убью ее! — Рогор посмотрел направо, потом налево. — Слышишь меня, Фикс?!

— Слышу, Рогор! — Фикс появился из-за кустов слева от Рогора; он был обнажен и казался маленьким и беспомощным.

Рогор улыбнулся, потом засмеялся, наставив пистолет на брата.

— Я чувствовал, как ты пытаешься воздействовать на мои мысли, Фикс, но я сильнее.

Кризаль увидела, как Рогор выпрямляет правую руку, нацелив пистолет в неподвижную мишень. Она закрыла глаза, и крохотные ручки проникли в рукав Рогора. Найдя то, что искали, они схватили почерневший шар из теста и стиснули его. Уже уплывая в черную пустоту, Кризаль почувствовала, как жаркое пламя омыло ей лицо.

Кризаль открыла глаза и увидела над собой лицо, озаренное красным светом. Лицо смотрело поверх нее на источник света.

— Фикс, это ты. — Фокусник опустил взгляд и улыбнулся беззубой ухмылкой. Кризаль поняла, что старик обнимает ее. Она обхватила Фикса за шею и крепко прижала к себе. — Фикс, это ты.

— Дитя, — пропыхтел Фикс, — у тебя может получиться то, чего не сумел Рогор. Дай мне вздохнуть.

Кризаль ослабила хватку и прижалась головой к груди Фикса:

— Я убила его, правда?

— У тебя не было выбора, Кризаль.

— Он был твоим братом.

— Говорю тебе, у тебя не было выбора. — Кризаль заглянула в глаза старого фокусника и прочитала в них только любовь. Она повернулась к свету и увидела, что горят склоны расселины. Саму расселину от края до края заполнял расплавленный камень.

— Пусти меня, Фикс. — Твердо встав на ноги, Кризаль отвела взгляд от расселины. Гладкая, твердая площадка была пуста. — Где машины и платформа?

Фокусник кивнул на реку расплавленного камня:

— Там, внизу.

— Фикс, это могло бы сделать тебя величайшим фокусником Момуса!

Старик повернулся к девочке, вскинув брови.

— Дитя, я и есть величайший фокусник Момуса.

Кризаль кивнула.

— А как же законы Квадранта? Рогор не сам построил эти машины. — Она махнула на красные жидкие камни. — Но как мы без машин докажем, что Рогор получал помощь извне?

— Никак. Следовательно, нельзя доказать ни одного военного действия. Никто из Десятого Квадранта не расскажет о том, что здесь пытались сделать, — и мы тоже.

— Но если закон...

— Дитя, могут твои глаза предсказательницы увидеть, что было бы, если бы Девятый Квадрант узнал об этом?

Кризаль нахмурилась:

— Они бы послали свои войска в противовес войскам Десятого... и они бы улаживали свои разногласия здесь, на Момусе.

Фокусник кивнул:

— Великие силы обычно находят для своих войн чей-нибудь задний двор. Мы избавили Момус от этого.

— А армия Рогора, собирающаяся в Рисе?

Фикс отвернулся от расселины и направился к склону горы. Кризаль пошла следом, и они начали долгий спуск. Нащупывая дорогу вниз, Фикс говорил:

— Им надоест ждать короля Рогора. Через денек-другой они разойдутся по домам. Кто-то по-прежнему будет говорить о Рогоре со страхом, но следующей весной взойдет новый урожай. Через несколько лет от Рогора не останется ничего, кроме детских страшилок, они будут пугать друг друга призраком Расколотой горы.

Кризаль шла за ним, пока не споткнулась, ободрав подбородок.

— Фикс, подожди. Дай мне отдохнуть.

Старик обернулся и подошел к ней:

— Вон растет немного травы. Мы можем отдохнуть здесь до утра.

Девочка добралась туда и села, потирая ноги. Фокусник опустился рядом с ней и положил посох на землю. Приподняв ногу, вытащил из-под нее камень и бросил вниз. Кризаль прикусила губу и повернулась к старику.

— Фикс, я знаю, что Салина согласилась отпустить меня к тебе в ученицы по твоей просьбе, но что будет теперь? Рогор побежден. Я больше не нужна?

Фикс медленно опустил голову на землю и посмотрел на облачное небо.

— Момус привлек интерес могучих сил. Я вернусь в Тарзак и сделаю, что могу. Наши неприятности здесь не закончились.

— А я?

— Тебе надо отдохнуть. Спи.

Кризаль почувствовала, как затуманивается разум.

— Фикс, мне не нравится, когда ты заставляешь меня спать... — Она увидела себя свободно плывущей в черном тумане. Все вокруг было черным, кроме плывущего рядом белого облачка.

— *Фикс?*

— *Да, дитя.*

Черный туман расступился, и Кризаль увидела над головой звезды, а внизу — пушистое одеяло облаков. Белое облачко повернулось и понеслось на восток. Кризаль полетела следом.

— *Фикс! Фикс, что это?*

— *Мы мало занимались магией, дитя. Теперь я покажу тебе одну игру!*

— *Куда мы летим?*

— *Навстречу солнцу. Торопись, мы можем лететь быстро — так быстро, как хочется.*

Кризаль рванулась от облаков к звездам, засмеялась, потом нырнула в черный туман — и снова вверх, к Фиксу. Фокусник улыбнулся и хихикнул.

— *Фикс, я задала вопрос. Я останусь твоей ученицей?*

Белое облачко облетело вокруг нее, потом устремилось к желтеющему небу впереди.

— *Ну же, Фикс?*

— *Да, ты останешься моей ученицей.*

Она помедлила, потом понеслась вперед, оставив фокусника далеко позади.

— *Когда-нибудь, Кризаль, ты станешь величайшей фокусницей.*

Солнце обожгло глаза Кризаль, и она затмила его.

ВТОРОЙ ЗАКОН

Поднимаясь к своим местам в зрительской секции Большой Арены, лорд Эшли Алленби остановился послушать поэта из Порса (судя по его виду — не из лучших). Круглолицый малый в мантии с синими и серыми полосами откашлялся, встал, поклонился и начал читать:

Должны принять Второй Закон,
Хотя зачем нам нужен он?
В ушах от этих споров звон,
А выручки — пустяк.
Нас Алленби созвал на сход,
Сказал: «Десятый нападет.
Девятый только нас спасет».
Ужасно, коли так.

Алленби нахмурился и шагнул было к поэту, но Дисус потянул его за руку. Заметив, что патрон обернулся, клоун покачал головой.

Но, люди «Града Барабу»,
Потомки циркачей!
Один вопрос хочу задать,
Он жжет все горячей.
Свободу дал Один Закон,
Живем так сотни лет.
Зачем же нам теперь Второй?
Я отвечаю: «Нет!»

Несколько слушателей зааплодировали. Дисус подтолкнул Алленби к их местам; дипломат сел и покачал головой.

— Трах-тибидох-тибидох, надеюсь, войска Десятого Квадранта этот дурак позабавит. — Он откинул капюшон черноалой мантии фокусника и откинулся на спинку каменной ступени амфитеатра.

Дисус поправил оранжевую мантию и устроился подобным образом. Подождав, пока посол Девятого Квадранта немного остынет, клоун полез в кошелек.

— Мовилл за твои мысли.

Алленби протянул руку, и клоун вложил в нее медяк.

— Моя миссия кажется им чересчур смешной, а я, возможно, — он улыбнулся, — чересчур серьезным.

— Тебе есть чем гордиться, Алленби. Ты только погляди. — Дисус кивнул на трибуны, заполненные фокусниками, наездниками, дрессировщиками, клоунами, мимами, жонглерами, уродцами, акробатами, купцами и ремесленниками. — Погляди: все до одного мастера! Вон Великий Визон из Дофстаффла. А вон смотри! Сам Великий Камера!

Алленби улыбнулся, зная, что Дисус, и сам мастер-клоун, будет с обожанием пожирать глазами Великого Камеру, мастера-клоуна и главу делегации Тарзака. Тут и его сердце замерло: в делегации он увидел Великого Фикса, старейшего мастера-фокусника. И Алленби, и Дисус встали поклониться, когда делегация поравнялась с трибуной зрителей. Камера кивнул Дисусу, а Фикс отделился от делегации и дал Алленби знак спуститься к нему. С колотящимся сердцем Алленби лавировал среди зрителей, пока не добрался до нижнего ряда и остановился перед Великим Фиксом.

— Алленби, я бы сам поднялся, но годы берут верх над магией. Сколько запросишь за эту прогулку?

— Ничего, Великий Фикс. Это честь для меня.

Фикс кивнул, потом улыбнулся беззубой ухмылкой:

— Спускайся на Арену. Я хочу поговорить наедине.

Алленби перешагнул через низкий каменный барьер и оказался рядом с великим фокусником.

— Чем могу служить тебе?

Фикс подошел ближе, поднес к губам сложенную чашечкой заскорузлую руку и шепнул:

— Хочу купить у тебя фокус с семью картами.

— Весьма польщен.

— Сколько?

Алленби покачал головой:

— Прости, Великий Фикс, но я, кажется, потерял способность соображать. Ты хочешь купить фокус у меня... Я потрясен.

— Хороший фокус есть хороший фокус, каков бы ни был источник, Алленби. Я видел, как ты показывал его на дороге в Мийру.

Алленби нахмурился:

— Невозможно. Прости меня, Великий Фикс, но я бы узнал тебя. Ты не мог видеть его на дороге в Мийру.

Фикс хихикнул и топнул тонкой, длинной ногой.

— Ты мастер-фокусник, Алленби, но, однако же, новичок. Смотри. — Фикс замер, на секунду закрыл глаза и заслонил лицо рукавом мантии. Когда он опустил руку, Алленби увидел перед собой лицо молодой женщины. — Я бы пошла с тобой за дюны, лорд Алленби... — Она призывно улыбнулась. — Эшли... но я должна сохранить себя для суженого...

— Дорна! — Алленби залился краской, потом расхохотался, когда перед ним снова оказалось веселое морщинистое лицо Великого Фикса. — Великолепно, Фикс! Ведь с тех самых пор эта дева снится мне по ночам.

— Ты умеешь уговаривать, Алленби, но хорошо, что я не поддался твоему обаянию; даже я не настолько хороший иллюзионист! — Фокусники смеялись, пока на глазах у них не выступили слезы.

— Да, Великий Фикс, вот моя цена за фокус с семью картами: правда о Дорне. Возможно, теперь я смогу видеть во сне что-нибудь другое. — Алленби полез за пазуху и вытащил бумажник. Просмотрев бумаги, вытянул одну и подал ее старому фокуснику. Фикс запихнул листок в свой бумажник, вынул другой и отдал Алленби.

— Твоя магия становится все лучше, Алленби, но умение торговаться вызывает жалость. Возьми. Просто мелкая иллюзия в обмен на фокус.

Алленби взял листок дрожащими руками:

— Это великая честь для меня. Спасибо.

Фикс посмотрел на центр Арены, где человек в ярко-красной мантии деловито отдавал указания сотне людей в белом.

— Инспектор манежа инструктирует кассиров, я должен присоединиться к своей делегации. — Алленби поклонился, старик кивнул и заковылял к сектору Тарзака.

Алленби посмотрел на бумажку, которую дал ему Фикс. Это была инструкция к иллюзии смены личности — мелкая иллюзия для Фикса, но гвоздь программы для репертуара фокусника помельче. Пряча листок в бумажник, он поднялся на

трибуну к Дисусу. Занимая место, Алленби заметил промелькнувшую желто-зеленую мантию уродца.

— Дисус, это Йехудин?

Дисус обернулся, заслонив глаза от солнца:

— Да, он. Торопится. Думаешь, миссия уже высадилась?

Алленби нахмурился, и оба поднялись навстречу уродцу. Запыхавшийся Йехудин остановился перед ними и протянул руку. Алленби вложил в нее медяк. Кожа на ладони Йехудина, как и на всем теле, была орехового цвета, толстая и складчатая.

— В чем дело?

— Алленби, Хэмфрис здесь. Он хочет немедленно видеть тебя.

— Что он здесь делает? — Алленби повернулся к Дисусу и вложил в руку клоуна несколько медяков. — Следи, что здесь и как, и быстро ко мне, если понадоблюсь.

Алленби и Йехудин спустились с трибуны и, обойдя Арену, добрались до входа для зрителей. Свернув в вырубленный в камне туннель, Алленби сжал плечо Йехудина.

— Хэмфрис сказал, что ему надо?

— Я его просто не понял, Алленби. Он казался очень расстроенным. — Они вышли из прохладного туннеля и свернули на пыльную улицу, по обеим сторонам которой стояли белые одноэтажные дома. — Сначала Хэмфрис просто ходил с высокомерным видом, пока я не показал ему его офис в посольстве, тогда он начал обзываться.

— Приношу извинения за него.

— Извиняться должен не ты.

Алленби кивнул. Они пришли к двухэтажному глинобитному дому. Над входом была надпись:

ПОСОЛЬСТВО, ФЕДЕРАЦИЯ ДЕВЯТОГО КВАДРАНТА ОБИТАЕМЫХ ПЛАНЕТ

В дверях стоял розовощекий, круглолицый и сердитый человек в полной форме вице-посла Квадранта: как понял Алленби, Бертрум Хэмфрис, его заместитель.

— Я Алленби.

Хэмфрис оглядел Алленби от кончика черно-алого капюшона до сандалий и грязных ног, потом, махнув рукой на здание, закричал:

— Алленби, что все это означает? Вы ожидаете, что приличный представитель Квадранта может работать в... в сарае? И почему вы одеты в это нелепое платье?

— Во-первых, Хэмфрис, вы будете называть меня либо «лорд Алленби», либо «господин посол». — Хэмфрис замер, опустил руку и прищурился. — Далее. Мне кажется, вы задолжали моему секретарю извинения.

Хэмфрис ткнул пальцем в Йехудина:

— Это... существо — ваш секретарь?

— У «этого существа» есть имя, Хэмфрис! Это Йехудин, человек-аллигатор из уродцев Тарзака. Его семья — одна из самых известных на Момусе, и он мой секретарь, господин вице-посол!

Правая щека Хэмфриса задергалась. Повернувшись к Йехудину, он слегка склонил голову:

— Прошу прощения за мои высказывания, господин...

— Йехудин. — Человек-аллигатор улыбнулся, показав два ряда острых зубов, и протянул руку вперед. Хэмфрис посмотрел на протянутую руку, потом на Алленби.

— Хэмфрис, вы задолжали ему извинения. Двадцати мовиллов было бы достаточно. — Йехудин кивнул.

— Вы серьезно ожидаете, что я заплачу этому... этому...

— Секретарю. Да, ожидаю.

Хэмфрис извлек бумажник из нагрудного кармана и вытащил несколько кредитов.

— Каков обменный курс?

Йехудин сложил руки.

— Все кассиры Тарзака на Арене.

Алленби взял у Хэмфриса несколько кредитов и подал ему двадцать медных бусин.

— Вот, я обменял для вас, Хэмфрис.

Озадаченный Хэмфрис взял бусинки и отдал Йехудину. Йехудин убрал мовиллы в карман, снова улыбнулся, а потом обошел Хэмфриса и отодвинул занавес на дверях посольства.

— Джентльмены?

В квартире посла вокруг низкого стола были разбросаны коричневые подушки. Алленби сел, наблюдая за Хэмфрисом. Тот с каждой минутой чувствовал себя все неуютнее. Стоячий

воротничок форменного кителя явно душил его. У Алленби не хватило духу сказать заместителю, что, прислонившись к побеленной стене, он вымазал известкой спину темно-синей формы.

— Послушайте, Хэмфрис, мне ужасно жаль, что мы так плохо начали. Очень важно, чтобы наши отношения строились на взаимоуважении и взаимопомощи.

— Полагаю, на меня слишком сильно подействовали новости, лорд Алленби.

— Какие еще новости?

— Какие новости... да ведь Момус еще не ратифицировал отношения с Квадрантом!

— Такие вещи требуют времени, Бертрум... можно называть вас Бертрум?

— Берт.

— Прекрасно, Берт.

— Вы провели на планете два года, лорд Алленби. По-моему, времени было достаточно.

Алленби пожал плечами и поднял руки:

— Сначала новость должна распространиться, потом — городские ходатайства, собрания, формирование делегаций, путешествие в Тарзак. Делегации городов сейчас собрались на Большой Арене, чтобы принять Второй Закон...

— Второй Закон? — Хэмфрис нахмурился. — Вы сказали «Второй Закон»?

Алленби опустил руки на колени и кивнул:

— Понимаете, Берт, на Момусе действует только один закон. Первый Закон был принят больше ста лет назад, и никто уже не помнит, почему его вообще приняли.

— Что за Первый Закон?

— Это закон о принятии законов. И он требует таких хлопот, что с тех пор не принято ни одного закона. Во-первых, жители каждого города должны ходатайствовать о городском собрании для выборов делегации...

Хэмфрис поднял руку:

— Пожалуйста. — Он опустил руку и покачал головой. — Вы хотите сказать, что здесь нет авторитетного политического органа, с которым можно вести дела?

Алленби улыбнулся:

— Наконец-то вы поняли.

— Невозможно. Это против всех догматов общепринятой политической теории о жизни популяций такого размера... Я имею в виду, что они делают с налогами, преступностью или мелочами, вроде представительства планеты в Федерации Девятого Квадранта?

Алленби постукивал пальцами по столу, пристально глядя на своего заместителя. Потом вздохнул и покачал головой:

— Что до налогов, Берт, то каждый платит за то, чем пользуется, в соответствии с тем, как пользуется.

Хэмфрис фыркнул:

— А преступлений, надо думать, здесь не бывает?

— Редко, но случаются. Совершивший мошенничество либо кражу должен заплатить жертве — или будет изгнан. За убийство изгоняют.

— Изгоняют откуда?

— Из общества добропорядочных людей. Изгнанников клеймят и отправляют в пустыню. Ни просто так, ни за плату они не получат ни разговора, ни отдыха, ни пищи, ни помощи.

— И кто выносит приговор?

— Народ... Берт, вы когда-нибудь были в цирке?

У Хэмфриса отвалилась челюсть, а глаза вылезли на лоб.

— В цирке?

— Да.

Хэмфрис пожал плечами:

— Наверное, в детстве смотрел по телевизору...

— Это очень замкнутое общество, Берт, пропитанное обычаями и традициями. Самая природа их обычаев и традиций — причина того, почему на Момусе только один закон, да и без него, наверное, можно было бы обойтись.

— Если бы не одно: Десятый Квадрант.

Алленби кивнул:

— Верно.

— Это возвращает нас к вопросу о том, чем вы тут занимались последние два года.

— Берт, мне пришлось украсть спасательную шлюпку, чтобы попасть сюда, и когда я приземлился, у меня была только одежда. Сначала мне надо было привлечь их внимание, потом — завоевать их уважение.

— Уважение? Вы посол первого ранга!

Алленби пожал плечами:

— Политика и дипломатия не считаются здесь легитимными профессиями...

— Легитимными?! И, полагаю, вы завоевали уважение, напялив это смешное одеяние?

— Я заслужил цвета фокусника. И, сказать вам правду, Берт, эта одежда гораздо удобнее, чем ваша смирительная рубашка.

— О боже, приятель, ваши брюки! Под этой мантией что, ничего нет?

— Что вы, Берт, все отлично работает. — Алленби тихонько засмеялся. Хэмфрис покачал головой:

— Лорд Алленби, вы хоть представляете, насколько стара эта шутка?

— Дисус говорил, это классика. Стоило мне десять медяков.

— Дисус?

— Мой советник.

— И, полагаю, комедиант.

— Нет. Клоун.

— И вы заслужили уважение этих людей?

— Я могу доказать это. — Алленби полез за пазуху и достал бумажник. Вынув из него листок, он положил бумагу на стол перед Хэмфрисом. — Великий Фикс, самый уважаемый фокусник Момуса, дал мне это в обмен на фокус с семью картами. Это его иллюзия смены обличья.

Хэмфрис покачал головой:

— Могу ли я быть откровенным, лорд Алленби?

— Продолжайте. — Алленби спрятал листок и убрал бумажник.

— Перед тем, как я покинул Солнечную систему, Бенсонхерст, Государственный секретарь Квадранта...

— Я знаю его.

— И, похоже, он знает вас, лорд Алленби.

— Ясно.

— Секретарь информировал меня, что вас выбрали послом на Момус из-за вашего несколько неортодоксального подхода к дипломатическим заданиям. — Хэмфрис развел руками, словно обнимая всю планету. — Я догадывался, что он

имел в виду. Но это... — Он опустил руки на колени. — Это вызывает жалость.

— Уже второй раз за сегодняшний день меня назвали жалким. Как человеку, стоящему выше меня по положению, Великому Фиксу это дозволено. Но поскольку я по положению выше вас, вам лучше объясниться.

— Объясниться? Дипломатическая миссия провела на орбите Момуса уже десять дней, а военная миссия прибудет через три недели. А вы тут сидите в купальном халате, устроили штаб-квартиру в грязной лачуге и упиваетесь своей новой игрушкой...

— Иллюзией.

— Ну иллюзией. Так или иначе, вы тут играете в магию с уродцем и клоуном, когда легальность и дипломатической, и военной миссий еще не утверждена!

— По-моему, для одного дня откровений достаточно, Хэмфрис.

— Вы должны знать кое-что еще.

— И что же?

— Я обязан доложить о вас напрямую Секретарю.

Алленби кивнул. Меньшего он не ожидал.

— Что вы знаете о Момусе?

— Конечно, меня проинструктировали.

— Я спрашивал не об этом.

— Ладно. Сто девяносто девять стандартных земных лет назад цирковой звездолет «Город Барабу» по пути к первой системе начинающегося турне по планетам Десятого Квадранта вследствие проблем с двигателем вышел на орбиту Момуса. Его орбита — вследствие все тех же проблем с двигателем — была непостоянной, поэтому только актеры и кое-какая скотина...

— Животные.

— Простите, кое-какие животные смогли спастись в спасательных шлюпках, прежде чем корабль и команда сгорели в атмосфере.

— И?..

— Боюсь, это все, если не считать астрофизических данных, координат в Квадранте и тому подобного.

— Другими словами, вы не знаете о Момусе почти ничего.

— Судя по тому, что я видел, лорд Алленби, он всего в одном шаге от примитивного общества. Самое главное для меня... для нас здесь — противостоять территориальным устремлениям Десятого Квадранта. Я уверен, что мы и генерал Каан сможем выполнить задание, чрезмерно не увлекаясь заботами о стаде загримированных папуасов.

— Папуасов... — Не меняя выражения лица, Алленби поправил мантию и наклонился к вице-послу. — Хэмфрис, старина.

— Да?

— Видите черную метку у меня между глаз?

Вице-посол наклонился вперед и прищурился:

— Х-м-м... да. Откуда это?

— Смотрите на нее. А теперь положите руки на стол. — Хэмфрис медленно поднял руки и положил ладони на прохладную поверхность. Алленби улыбнулся, заметив, что ладони Хэмфриса становятся все горячее.

— Что происходит?

— А теперь, Хэмфрис, посмотрите вниз. Смотрите на стол.

Хэмфрис опустил взгляд, его глаза расширились. Через секунду он завопил, пытаясь отнять ладони от стола. Алленби знал, что Хэмфрис видит себя погружающимся в бездонную яму пламени и серы, его кожа высыхает, плоть поджаривается, отделяясь от костей. Он побывал там сам, потому и заплатил Норману две тысячи мовиллов за иллюзию. Он был почти счастлив, что появился Хэмфрис: ему еще не встречался человек, вызывающий такую неприязнь и желание отправить его в ад. Алленби хлопнул в ладоши, и Хэмфрис повалился на стол.

— О боже... боже...

— Хэмфрис, старина?

— Алленби, во имя Господа, что...

— Это мелкая иллюзия называется «Видение Ада». Понравилось?

— Боже милостивый, Алленби! — Вице-посол с трудом поднялся, трясущейся рукой расстегнул ворот кителя и вытер пот с лица.

— Момус — не колония папуасов, Берт, старина. И в ваших же интересах хранить подобные идеи при себе. Как я уже упомянул, это всего лишь мелкая иллюзия. — Алленби повернулся к двери. — Йехудин!

Человек-аллигатор вошел и остановился у стола:

— Так ты наконец испробовал грелку для ног?

— Да. Йехудин, пожалуйста, проводи вице-посла Хэмфриса к его катеру. — Йехудин помог Хэмфрису встать и убрал в карман медяки, которые Алленби положил на стол. — Хэмфрис?

— Да?

— Вы не должны больше высаживаться на планету без моего разрешения. Ясно?

— Да.

Алленби махнул рукой, и человек-аллигатор вывел трясущегося дипломата за дверь. Еще долго после их ухода Алленби сидел, барабаня пальцами по столу. Он понимал позицию Хэмфриса. Хотя он и считался *enfant terrible* дипломатического корпуса Квадранта, Алленби прослужил в нем бóльшую часть жизни, знал и уважал его обычаи и традиции, основанные на веках дипломатического опыта.

Он улыбнулся, вспоминая свое первое знакомство с обитателями Момуса, потом нахмурился, вспомнив угрозу Хэмфриса насчет Бенсонхерста. С первой их же встречи Секретарь ясно дал понять, что вышибить Алленби из корпуса — цель его жизни. Алленби вытащил из-за пазухи карманный коммуникатор, оставленный ему первой высадившейся группой миссии. То, что это единственное радио на планете, казалось угрожающим, но чем и для чего, он не мог определить. Он нажал кнопку вызова.

— Звездолет Квадранта «Элита» на связи. — Коробочка размером с ладонь потрескивала магией из другого времени.

— Это Алленби.

— Да, господин посол, чем могу помочь?

— Я хочу поговорить с командующим военной миссией.

— Генерал Каан. Минутку, пожалуйста, господин посол. — Коробочка затихла на несколько ударов сердца, потом заговорила глубоким, сильным голосом: — Лорд Алленби, это генерал Каан.

— Генерал, мне нужна информация.

— Конечно, лорд Алленби.

— Генерал, план оккупации и защиты Момуса готов?

— Да.

— Я хочу его посмотреть — здесь, внизу.

— Понимаете, лорд Алленби, все на кристаллах памяти.

— Это проблема?

— Все наши портативные считывающие устройства у военного контингента. На «Элите» есть только корабельные компьютеры и полевой командный комплекс. Катера «Элиты» не предназначены для перевозки командного считывателя. Проблема не в весе, а в размере.

— Генерал, меня не волнует, придется ли вам разобрать катер на части и снова собрать вокруг считывателя.

— Да, сэр. И когда он вам нужен?

— Как быстро вы сможете доставить его сюда?

— Так спешно?

— Так спешно. Отбой связи. — Алленби убрал передатчик под мантию, встал и, подойдя к открытому окну, поглядел на пыльную улицу. Увидев человека в мантии в красных и пурпурных полосах, он окликнул: — Эй, зазывала!

Зазывала перебежал улицу и встал на солнцепеке под окном, протянув руку. Алленби бросил в нее медяк.

— Чем могу услужить, фокусник?

— Можешь найти мне Великую Тайлу, предсказательницу?

— Такая цена запомнится надолго.

— Я заплачу, сколько бы она ни запросила, и двести мовиллов тебе лично, если она будет здесь в течение часа.

Зазывала исчез за углом раньше, чем пыль от его первого шага осела на землю.

В тот же вечер в пустыне к западу от Тарзака Алленби рассматривал внутреннее помещение тесного катера и размышлял, какую магию использовал Каан, чтобы пропихнуть огромное голографическое считывающее устройство через крохотный шлюз катера. Сфера, изображающая Момус при гипотетической атаке войск Десятого Квадранта, едва не упиралась в потолок. Перед сферой сидела Тайла, впитывая каждую деталь гипотетического сражения. Генерал Каан, все еще раздраженный отсутствием у Тайлы проверки на благонадежность, стоял между ней и оператором считывателя.

Предсказательница провела морщинистой рукой между глазами и сферой, потом откинула голубой капюшон и посмотрела на генерала.

— Каан, сделай планету снова большой.

Каан кивнул оператору, тот нажал кнопку. Сферу заполнила планета: леса, пустыни, океаны и города с бьющей ключом жизнью.

— Покажи мне военные сооружения, Каан, но на этот раз объясняй, что к чему.

Каан указал на экран пульта под сферой:

— Все, что вы хотите знать о базе, появится там.

Тайла посмотрела на Алленби.

— Она предсказательница, генерал. И не умеет читать. Читайте вслух.

Каан кивнул оператору, и сфера стала черной; виднелись только несколько крохотных красновато-желтых, зеленых и бурых крапинок.

— Дайте мне тарзакскую базу. — Все крапинки, кроме одной, красновато-желтой, исчезли. Оставшаяся увеличивалась, пока не заполнила часть сферы перед Тайлой. Генерал откашлялся. — Это тарзакская база. Она будет первой и самой большой и будет служить главным образом штаб-квартирой военной миссии, а также жильем для не находящегося на орбите личного состава и членов семей.

Тайла подняла руку:

— Сколько?

— Чего сколько?

— Солдат и прочих?

Каан протиснулся к сфере и набрал запрос на пульте.

— Суммарный личный состав военных и гражданских лиц двести двадцать тысяч.

Тайла кивнула.

— Следующее сооружение, Каан.

Генерал и предсказательница тщательно разобрали полный цикл военных сооружений Квадранта: от учебного полигона, расположенного в Великой пустыне, до защитных спутниковых систем. Старуха внимательно изучила орбитальные и наземные военные базы, склады, здания магазинов при полевых почтах, процессы приобретения сырья, даже условия для образования, медицинского обслуживания и развлечений для иждивенцев. Закончив, Тайла закрыла глаза и склонила голову.

— Выключи это, Каан.

Генерал кивнул оператору, и сфера стала прозрачной и безжизненной. Алленби подошел к предсказательнице и сжал ее плечо:

— Великая Тайла, ты здорова?

Она устало посмотрела на него.

— Алленби, я увидела в твоем хрустальном шаре такое... такое... — Она покачала головой. — Мне понадобится время, и я должна проконсультироваться со своим бедным шариком. — Она снова посмотрела на считыватель. — Я бы многое отдала за такую штуку, и, однако, — Тайла кивнула, — даже она — часть проблемы.

Она вытащила из-за пазухи стеклянный шар размером с ладонь и подняла, ловя луч служебного огонька на пульте считывателя. Через несколько секунд ее дыхание замедлилось, и она уставилась на шар немигающим взглядом.

Генерал Каан толкнул оператора считывающего устройства в плечо и указал на кабину катера. Солдат тихо встал и вышел из отсека. Каан отошел от считывателя, взял Алленби за локоть и отвел к задней части пассажирского салона.

— Лорд Алленби, чтобы исполнить ваш приказ, мне пришлось обойти, нарушить или не посчитаться с половиной правил Квадранта, но это действо с хрустальным шаром уже перебор. Что она увидит там такого, чего не увидела в считывателе?

Алленби покачал головой:

— Она ничего не видит там, Каан. Просто использует шар, чтобы сфокусировать мысли. Сейчас ее разум работает на максимальной скорости, систематизируя, связывая и обобщая все, что она знает, включая информацию, которую она получила от считывателя. Тайла возьмет эту информацию, взвесит вероятности и выведет заключение.

Каан нахмурился:

— И вы называете это предсказанием.

— Можете называть это статистическим прогнозированием...

— Но у нас на борту есть оборудование для социологических прогнозов и прекрасно подготовленные ученые, чтобы интерпретировать и проверить информацию. А у вас есть только слово какой-то старухи.

— Нет, Каан. У меня есть слово Великой Тайлы, величайшей предсказательницы Момуса. Больше того, у нее есть возможности, которых нет у вашего оборудования.

— Например?

— Здравый смысл, чувства и сердце, настроенные на интересы Момуса и его народа.

Тайла вскинула голову и поднялась; ее шар разбился о стол.

— Алленби!

Бросившись к ней, Алленби подхватил ее, не дав упасть.

— Тайла, что с тобой?

— Они уничтожат нас. Не подпускай их близко. Солдаты не должны ступить на планету.

Позже в тот же вечер, когда на улице стало прохладно и тихо, Алленби и Каан сидели в темноте и пили вино. Йехудин проводил Тайлу домой, вернулся и пожелал им спокойной ночи. Алленби, кошелек которого события дня весьма облегчили, поставил бокал и посмотрел на Каана. В темноте генерал походил на большого медведя, ссутулившегося над столом.

— Ну, генерал?

Он медленно кивнул.

— Старуха совершенно права, Алленби. Я уже видел такое на Маркабе VIII.

— Что же вас беспокоит?

— Я видел такое раньше, но никогда не задумывался об этом. Это всегда было просто неизбежным злом военной оккупации. — Каан осушил бокал и снова наполнил его. — Вводятся войска, вокруг порхают кредиты, начинается резкий рост экономики, увеличиваются доходы и объемы продаж, а через мгновение оказывается, что базы окружены борделями, наркопритонами и дорогущими барами. После этого только вопрос времени, чтобы преступность дошла до стадии, где единственный ответ — человек с ружьем. — Каан осушил второй бокал. — Потом военщина вмешивается и формирует правительство. Сам размер военной миссии, намеченный для оккупации Момуса, привлечет торговцев со всего Квадранта.

— Что означает еще больше людей, больше подонков, больше преступности...

— И больше правительства. — Каан покачал головой. — Знаете, это не должно бы задевать меня за живое. Как я говорил, я видел такое и раньше. Но та старуха... она описывала гибель целого народа; она описывала свою смерть.

— Что хуже, Каан: это или оккупация Десятым Квадрантом?

— Это не альтернатива. Зависит от того, предпочитаете вы медленную или быструю смерть. — Каан снова наполнил бокал, пролив немного вина на стол. — Простите.

— Ничего.

Каан выпил залпом и поставил бокал на стол.

— Что ж, это ведь все равно не наше дело, верно?

— Как так?

— Уверен, вице-посол Хэмфрис уже указывал, что мы все работаем на Квадрант. Надо не просто не пускать Десятый Квадрант на Момус; на кону больше. Десятый собрал армаду, которой нет равных в галактике, и готовится использовать ее. Если они смогут войти без боя — прекрасно. Но они не боятся боя. У нас уже было несколько стычек.

— Я ничего не слышал об этом.

— Ни наш Квадрант, ни Десятый ни в чем не признаются. Любое официальное упоминание означает неизбежную войну. Просто они забрались так далеко, как смогли, не расходуя корабли и жизни. Им нужен весь Квадрант, и если сравнивать интересы Момуса и интересы всего Квадранта...

— То мы жертвуем пешкой.

— Слова истинного дипломата. — Взмахнув рукой, Каан сбил бокал на пол. — Черт, я пьян!

— Ну а предложение Тайлы?

— Предсказательницы? — Каан покачал головой. — Невозможно. Единственный способ, которым мы могли бы изолировать их, это поместить всю треклятую военную миссию, иждивенцев и все прочее, на орбиту. И то нам все равно понадобятся энергия и сырье.

— Энергию и сырье можно было бы обеспечить с минимумом контактов, не так ли?

— Пожалуй. Но вот проблема. Я о затратах на то, чтобы поднять и содержать миссию на орбите... Секретарь не поддержит этого. Издержки.

— Так все дело в этом? В затратах?

— Технически это возможно.

Алленби засмеялся.

— Что ж, Каан, к этому нечего добавить! Момус сам заплатит за свою защиту.

— Что?

— Если не придется платить, здешний народ будет думать, что защита ничего не стоит. Предстоит здорово поторговаться, но Момус заплатит за вашу орбитальную миссию.

— Это что-то новенькое.

— Как скоро вы сможете состряпать план с учетом изменений?

— Расходы не имеют значения? — Алленби засмеялся и кивнул. Каан на миг задумался. — Возможно, часа через три-четыре, когда протрезвею. В компьютере есть все. Надо будет только изменить несколько факторов.

— Завтра в полдень?

— Нет. Понадобится час, чтобы попасть на корабль, еще больше, чтобы затащить считыватель. Что, если сделать все на Земле? Я могу отправить катер и подключить считыватель к корабельному компьютеру. Тогда можно закончить к полудню.

— Хорошо. Буду ждать к этому времени.

— Где мне спать?

— Просто сгребите несколько подушек и вытягивайтесь.

Каан несколько минут, спотыкаясь, бродил по комнате, потом свалился на подушки. Через несколько мгновений он уже глубоко дышал — что предвещало храп. Дисус встал из темного угла и положил несколько медяков на стол Алленби.

— Прогулка по чужому разуму — это было великолепно, Алленби. Иллюзия смены личности вдесятеро окупила себя.

— Удивительно, что у меня все получилось с первого раза. Фикс никогда не заработает на жизнь писцом.

— Когда я почувствовал, что сближаюсь с аурой, он вроде бы заметил, да налакался твоего заболонного вина.

Алленби кивнул:

— Когда как следует поупражняюсь, научусь находить правильное сочетание. Ну а мой вопрос?

— Каан — честный человек, Алленби. Он сделает все, что от него зависит.

Алленби сдвинул несколько подушек и лег.

— Мне надо отдохнуть, Дисус. Завтра я хочу быть на Арене с утра.

Дисус кивнул и собрался уходить.

— Завтра ты понадобишься. Будет говорить Великий Камера, а он против Второго Закона.

Рано утром, когда солнце только согревало верхние ряды западной трибуны амфитеатра, Бустит из рассказчиков Фарранцетти с учеником еще раз пересказывали новость, принесенную Алленби на Момус. Роль Алленби играл ученик, и, поскольку новость была не нова, элемент неожиданности пропал. Но представление было безукоризненным и собрало немало медяков. Когда два рассказчика поклонились Алленби, сидевшему на зрительской трибуне, кассиры в белых мантиях взяли подносы для денег и заняли места среди делегатов. Инспектор манежа дунул в свисток, и делегаты заговорили тише. Кассир, сидевший среди делегатов Тарзака, прошел в центр Арены и передал Инспектору манежа листок бумаги.

Еще раз дунув в свисток, Инспектор манежа обратился к трибунам:

— Да-амы-ы-ы и господа! Великий Фикс из делегации Тарзака хотел бы обратиться к Большой Арене!

Кассиры ходили среди делегатов, принимая медяки от тех, кто желал послушать Фикса, и рассчитываясь с теми, кто не хотел слушать мастера-фокусника. Закончив, кассиры собрались на краю Арены и сдали остатки старшему кассиру, который, в свою очередь, передал выручку Фиксу. Старый фокусник взял мовиллы, встал и вышел на Арену. Фикс вскинул руки, и высоко над ареной появился шар оранжевого пламени, превратившийся затем в черный дым, медленно унесенный тихим ветром.

Фикс указал на дым:

— Песчинка в сравнении с горой — что это облачко дыма в сравнении с войной. — Делегаты зааплодировали вступлению фокусника, и Алленби хлопал громче всех. Это был старый прием, но он привлек внимание.

Толпа снова затихла; Фикс опустил руки и оглядел трибуны, заполненные делегатами.

— Мы слышали рассказ Бустита из рассказчиков Фарранцетти о новости, принесенной Алленби на Момус. Мы слышали о зловещих замыслах Федерации Десятого Квадранта. Они подчинят планету с нашего согласия или без оного. Если мы согласимся, то станем рабами; если нет, — Фикс указал на уплывающее облачко дыма, — они используют против нас ужасное оружие и возьмут то, что хотят. — Он опустил руку. — Защищая Момус, Девятый Квадрант избавит нас от необходимости принимать одно из этих решений, но мы не можем получить эту защиту, не дав согласия на нее.

Старый фокусник махнул делегации Тарзака, и с трибуны прибежал ученик с сучковатым посохом в руках. Подав посох Фиксу, ученик вернулся на трибуну. Фокусник оперся на посох обеими руками. Он на мгновение склонил голову, потом продолжал:

— Второй Закон должен, во-первых, просить Федерацию Девятого Квадранта защитить нас. Во-вторых, он должен обеспечить представительство Момуса как планеты для планирования и формирования характера этой защиты с чиновниками Девятого Квадранта. — Он поднял голову и воздел посох. — Мы должны сделать это. Помните, что нас ждет в ином случае! — Тут арену заполнил густой белый дым. Когда дым рассеялся, старый фокусник снова сидел с делегацией Тарзака.

Когда толпа зааплодировала, Алленби обернулся и увидел, что к нему поднимается Дисус.

— Я пропустил выступление Камеры, Алленби?

— Нет. Фикс выступил очень неплохо, но я даже не видел Камеры в секторе делегации.

Дисус сел и потер руки:

— Он величайший клоун Момуса, Алленби. Это должно быть настоящее антре.

— Как там Каан?

Дисус на мгновение смутился, потом кивнул:

— Он говорит, что приготовит новый план к тому времени, как солнце согреет Арену. — Дисус протянул руку и взял у Алленби медяки. Убирая мовиллы в карман, он смотрел на северный вход на Арену. Оттуда выбежал кассир и подал Инспектору манежа листок бумаги.

— Да-амы-ы-ы и господа! Великий Камера хотел бы обратиться к Большой Арене Тарзака!

Кассиры засуетились, и старшему кассиру пришлось взять ученика, чтобы отнести Камере остаток, ибо многие высоко ценили его представления. Двое исчезли в темноте северного входа, потом вернулись на Арену и заняли свои места, пытаясь подавить смешки.

Алленби оглядел трибуны, потом посмотрел на Дисуса. Все, кроме него самого, смотрели на северный вход и готовились глупо смеяться. Успокоившись, он и сам посмотрел на вход. Но опасения быстро вернулись, когда из ворот донеслось жалобное поскрипывание, вызвав волну смеха. Когда смех начал стихать, из темноты появилась плоская бумажная маска, посмотрела налево, потом направо, потом прямо, чтобы увидели все, кроме немногих, сидевших над входом. Алленби бросило в дрожь и от раскатов смеха, вызванных маской, и от самой маски. Это было лицо изумленного мальчика: с широко открытыми огромными голубыми глазами, розовыми щеками и ртом в форме буквы «о», — но также и гротескное изображение лица самого Алленби.

Под звуки «скрип! скрип!» на Арену вышел клоун. Звуки, издаваемые привязанными за спиной огромными ногами, скоро утонули в смехе и аплодисментах толпы. Мастер-клоун, держащий маску перед лицом, носил на правом плече мантию фокусника, а на левом — рассказчика. Свободные концы были свернуты и намотаны вокруг тела и удерживались поясом, на котором болтались и гремели разнообразные предметы. Выйдя почти на середину Арены, Великий Камера остановился и поднял свободную руку, призывая к тишине. Из развивающегося над головой рукава немедленно повалил дым, и Камера так старательно затаптывал огонь большими задними ногами, что скоро даже Алленби качал головой и смеялся.

Когда огонь, судя по всему, погас, Камера снова поднял свободную руку с по-прежнему болтающимся над головой рукавом. Он обратил лицо и маску к поднятой руке, и прикрытая рукавом рука задрожала. Толпа притихла. Через мгновение рукав соскользнул, обнажив кулак Камеры. Рука перестала дрожать, и клоун, казалось, съежился, наблюдая, как медленно разжимается кулак. Пальцы полностью раз-

жались, Камера повернулся и показал раскрытую ладонь всем зрителям.

— Да-амы-ы-ы и господа! Я показал вам иллюзию Возрожденной Руки. Ту-ту-у-у!

Алленби нахмурился и повернулся к Дисусу:

— Он зашел слишком далеко! Хотел бы я показать ему иллюзию жареного клоуна!

Уже смеющийся Дисус, услышав Алленби, согнулся пополам и свалился с трибуны. Алленби покачал головой и снова посмотрел на Камеру. Тот поднял руку, прося тишины.

— Я обращаюсь к вам, дамы и господа, как фокусник Алленби... — Камера посмотрел на левый черный рукав своего одеяния. — Нет, это рукав рассказчика. Значит, я обращаюсь к вам как рассказчик Алленби... — Переложив маску из одной руки в другую, клоун посмотрел на черно-алый рукав на правой руке. — А-ах! Я фокусник! Как еще я смог бы поразить вас своей превосходной магией? — Он сделал паузу. — Но, если я не рассказчик, как же я принес вам новость о предложении Девятого Квадранта? — Снова переложив маску, он посмотрел на свой левый рукав. Вздрогнул, потом потянулся к поясу и снял с него ленту. Используя ленту, он закрепил маску на лице, потом вытянул обе руки перед собой. Посмотрел сначала на один рукав, потом на другой. Опустил руки и покачал головой. — Оставим пока это; я вскоре вспомню. — Он протянул руки. — В любом случае я обращаюсь к вам, как Алленби из города... города... Ну вот, я, кажется, и этого не помню. — Камера обратился к делегации Тарзака. — Я живу в Тарзаке, но был ли я принят городом?

В секторе делегации поднялся жрец, носивший мантию в черные и белые ромбы:

— Нет.

Камера отвернулся от делегации Тарзака и покачал головой. Он простер руки ладонями наружу и начал обходить Арену. Огромные ноги говорили «скрип, скрип!».

— Я из Куумика?

Жрец из делегации Куумика встал:

— Нет.

Скрип! Скрип! Скрип!

— Я из Мийры?

— Нет.

Клоун шел от делегации к делегации, качая головой, почесывая в затылке, потирая подбородок, шмыгая носом. Наконец он остановился в центре Арены и пожал плечами.

— Не важно, вспомнится со временем. — Он поднял правую руку и указал на толпу. — По крайней мере я обращаюсь к вам как Алленби! В этом я уверен! — Он опустил руку и почесал в затылке. — Вполне уверен...

Алленби повернулся к Дисусу:

— Неужели это никогда не кончится? Он же просто убивает меня!

Задыхающийся Дисус, по лицу которого текли слезы, смог только кивнуть. Алленби посмотрел на делегацию Тарзака и увидел, что сидящий впереди Фикс спокойно и внимательно смотрит на Камеру.

Великий клоун снова поднял руки:

— Теперь я вспомнил. Я действительно Алленби! — Когда веселая толпа затихла, Камера опустил руки и сжал их перед собой. — И я посол; это я тоже помню. Я из Федерации Обитаемых Планет Девятого Квадранта, и у меня есть план. План таков: представителем Момуса в Девятом Квадранте вы должны выбрать клоуна...

— НЕТ! — заорали делегаты, большинство которых клоунами не были.

Камера почесал в затылке:

— По крайней мере я думал, что план таков... может, фокусника?

— НЕТ!

— Уродца?

— НЕТ!

Клоун покачал головой:

— Теперь я вижу, что план был не таков. Возможно, речь идет о городе. В городе есть все профессии, самый большой город — Тарзак. Будет ли Тарзак представлять все города. Таким ли был мой план?

— НЕТ! — заорали делегаты, большинство которых были не из Тарзака.

Камера кивнул:

— Теперь я вижу, что не таким. Уверен, что план есть... — Клоун выпрямился и воздел палец (поза называлась «Эврика!»). — Вспомнил! Эта Большая Арена представляет все города и все профессии Момуса. План таков: вы все останетесь здесь до конца своих дней, здесь, на Большой Арене, чтобы представлять Момус в Девятом Квадранте! Таким и был мой план, верно?

— НЕТ!

Камера ссутулился и покачал головой:

— Теперь я вижу, что не таким. — Слегка выпрямившись, он пожал плечами и пошел к северному входу. «Скрип! Скрип!» — А ведь все казалось так ясно... Возможно, я думал о другой планете, — «Скрип! Скрип!» Он остановился в воротах, снял маску и поклонился.

Алленби готов был поклясться, что даже камни Большой Арены задрожали от аплодисментов.

Когда аплодисменты затихли, Алленби повернулся к Дисусу. Клоун вытирал слезы рукавом оранжевой мантии.

— Ну, Дисус?

Дисус посмотрел на Алленби и расхохотался. Другие посмотрели в их направлении, и скоро весь зрительский сектор сотрясался: кто хихикал, кто гоготал.

— Прости, Алленби... — Клоун вложил несколько медяков в руку посла. — О чем ты спрашивал?

— Как, по-твоему, хлопали за выступление или за позицию?

Дисус кивнул и тихонько хихикнул.

— И за то, и за другое. Он не против того, чтобы Девятый Квадрант защищал Момус, и в этом нам сильно повезло. Но, Алленби, с кем ты, как посол Девятого, будешь вести дела? Вот вопрос, на который ты должен ответить.

Алленби так глянул на уродца в зрительском секторе, что тот притих, потом покачал головой:

— На этот вопрос отвечать не мне, Дисус.

— Верно. Момус должен решить сам. — Дисус кивнул на Арену. — Но, думаю, этот вопрос еще возникнет.

От делегации Тарзака прибежал кассир и подал Инспектору манежа еще один листок. Алленби посмотрел на делегацию

и увидел, как встает человек в голубой мантии предсказательницы.

— Тайла!

Дисус прищурился:

— Да. Не знал, что она в делегации.

Алленби ударил правым кулаком по левой ладони:

— Она и не была. Наверное, присоединилась сегодня утром.

— Да-амы-ы-ы и господа! — Толпа притихла. — Великая Тайла из делегации Тарзака хотела бы обратиться к Большой Арене!

Кассиры сновали среди делегатов, потом старший кассир подошел к Тайле. Алленби заметил, как она залезла под мантию и подала старшему кассиру кошелек.

— Тайлу уважают. Почему ей пришлось доплачивать остаток?

Дисус понимающе улыбнулся:

— Трудно выступать после Великого Камеры.

Алленби кивнул.

Тайла встала и простерла руки.

— Я, Тайла, говорю как видевшая то, что может быть. — Голос старухи был слаб, и толпа затихла, чтобы услышать ее. — Я многое видела в большом хрустальном шаре со звездолета Федерации Девятого... многое. Я видела, как огромная армия спускается на Момус, чтобы уничтожить нас. Она превратит наши мовиллы в бумагу, а наши деяния — в позор. Она соблазнит наших детей пышностью, отвратив их от обычаев отцов и матерей и услав их с Момуса... чтобы сгноить в клоаках тысячи миров. Эта армия направляется к нам из Федерации Девятого Квадранта...

Толпа взорвалась криками, и Инспектор манежа засвистел в свисток, призывая к тишине. Шум уменьшился до жужжания, потом затих. Алленби сделал знак кассиру. Зритель у края Арены что-то шепнул кассиру и указал на Алленби. Пока Тайла продолжала говорить, кассир забрался на трибуну и наклонился к нему.

— Ораторский остаток — двенадцать сотен мовиллов, — прошептал кассир.

Алленби вытащил из-под мантии два тяжелых кошелька и бросил на поднос кассира.

— Не возражаю; я хотел бы выступить. Я Алленби, фокусник.

— Из какого города? — Кассир поднял глаза от блокнота.

— У меня нет города.

Кассир нахмурился, потом поднял брови, узнавая. Скатившись с трибуны, он пробежал по арене и передал бумагу Инспектору манежа. Инспектор прочитал написанное и подождал, пока Тайла закончит. Алленби заметил зазывалу, указывающего на него от зрительского входа, потом увидел рядом с зазывалой Хэмфриса.

Хэмфрис начал карабкаться на трибуну, когда Тайла закончила и вернулась на место.

— Да-амы-ы-ы и господа! Фокусник Алленби хотел бы обратиться к Большой Арене.

Когда кассиры торопливо занялись своим делом, запыхавшийся Хэмфрис оказался рядом.

— Алленби, что вы делаете?

— Пытаюсь спасти Второй Закон. Но мне казалось, что я приказал вам оставаться на корабле.

Хэмфрис сел рядом с Дисусом:

— Я здесь по прямому приказу Секретаря...

Алленби знаком велел Хэмфрису замолчать, когда старший кассир забрался на трибуну и преподнес послу четыре мешка мовиллов. Алленби отдал мешки Дисусу, встал и простер руки.

— Я, Алленби, говорю как посол на Момусе от Федерации Обитаемых Планет Девятого Квадранта. — Толпа загудела, потом умолкла.

— Великая Тайла права. — Тишина стала глубже. — Сказанное ею обернется правдой, если военная миссия Квадранта будет базироваться на планете, как предусматривал первоначальный план. Но план изменился. — Алленби заметил, что солнечный свет постепенно подбирается к Арене. — В данный момент генерал Каан из военной миссии Квадранта заканчивает новый план, по которому военная миссия расположится на орбите, а не на планете — вдали от народа Момуса...

Алленби почувствовал, что его дергают за рукав, и, повернувшись, увидел, что это Хэмфрис.

— Стойте, Алленби! Вы не можете так говорить. У меня приказ от Секретаря...

— Меня сместили с должности посла?

— Нет, но...

— Тогда помолчите. Пока здесь приказываю я.

— Но Секретарь...

— Тихо! — Алленби повернулся к собравшимся, глубоко вздохнул и продолжал: — За пятьсот мовиллов я попрошу Великую Тайлу рассказать вам, что будет, если войска будут таким образом отделены от народа, и что будет, если у Момуса не будет защиты от Федерации Десятого. — Алленби сел, и Дисус заплатил кассиру. Тайла встала, взяла медяки, а оставшиеся кассиры рассчитывались за ответ Тайлы. Пока они занимались своим делом, Алленби повернулся к Хэмфрису. — А теперь объяснитесь.

— По приказу Секретаря я отослал Каана на корабль и спустился сюда, чтобы сдвинуть дело с мертвой точки...

— Дайте-ка посмотреть на эти приказы. — Хэмфрис залез во внутренний карман кителя и подал Алленби сложенный лист бумаги. Алленби развернул, прочитал, и его глаза расширились от ужаса. — Вы так все и сделали?

— Да...

— Вы заняли посольство и выставили вооруженную охрану?

— Приказы... — Прежде чем Хэмфрис смог договорить, Алленби промчался по рядам на вершину стены. Поглядев на юг, в сторону посольства, он увидел тонкое облачко дыма и луч лазера, прорезающий полуденное марево. Через несколько секунд Хэмфрис оказался рядом с ним. — Что это?

— Болван! — Слезы жгли глаза Алленби. — Ах ты, проклятый болван!

В посольстве, сидя за столом, Алленби пристально смотрел на Хэмфриса, надеясь, что гнев выжжет из памяти сцену бойни, свидетелем которой он стал. Две лавки на другой стороне улицы еще горели, а четверо солдат Квадранта и семнадцать граждан Тарзака лежали мертвыми в пыли, и среди них Йехудин, человек-аллигатор. Хэмфрис сидел, поставив локти на низкий столик, стиснув кулаки, и сверлил взглядом моло-

дого рассказчика, сидевшего напротив. Рассказчик склонил голову в медитации, а Дисус перевязывал ему раненую руку.

— С меня хватит! Говори! Что тут произошло?

Алленби схватил Хэмфриса за воротник и сжал его.

— Заткнись, осел! Мало ты натворил?

Хэмфрис вырвался, потирая горло.

— Это непростительно, Алленби. Секретарь услышит...

— Я сказал, заткнитесь, Хэмфрис! — Алленби кивнул на рассказчика. — Помолчите. Он должен приготовить материал.

Дисус закончил перевязку:

— Это все, что я могу сделать, Алленби. Повязка должна держаться.

— Спасибо. — Алленби вложил несколько медяков в руку Дисуса. — Позаботься о Йехудине. — Дисус кивнул и вышел. В комнате на миг стало тихо, потом рассказчик поднял голову и откинул черный капюшон. Лицо его было в поту, пыли и синяках.

— Алленби, — сказал он, — ты заработал черную мантию с Буститом на дороге в Тарзак из Куумика. Ты знаешь, что мне следовало бы сначала опробовать новость на дороге.

Алленби кивнул:

— Я понимаю, Зат, и клянусь, что это не повторится. Расскажи нам, что ты видел, и получишь наше молчание и тысячу мовиллов.

— Это будет сыграно на Большой площади.

— Знаю.

Рассказчик пожал плечами:

— Ладно. — Он на мгновение закрыл глаза, потом открыл и посмотрел на двух дипломатов. — Это новость о славной битве на Посольской улице между солдатами Девятого Квадранта, путниками и жителями улицы.

Алленби кивнул:

— Хорошее вступление, Зат. Продолжай.

— Горго, силач из уродцев Тарзака, стоял на улице напротив посольства, болтая с Йехудином, человеком-аллигатором, когда мимо прошла Эллена, ассистентка фокусника, и пожелала им доброго дня.

Алленби поднял руку:

— Я бы больше пользовался диалогами, Зат...

Хэмфрис хлопнул рукой по столу:

— Вы прекратите мешать ему?

— Как еще он узнает, где надо улучшить номер?

Хэмфрис нахмурился и покачал головой. Зат продолжал:

— Солдат, стоявший перед дверью посольства, присвистнул и сказал грубость. Горго подошел к солдату и попросил его извиниться. Солдат засмеялся. Тогда Горго одной рукой приподнял солдата за шкирку и попросил снова.

Другой солдат, подошедший к входу посольства, увидев это, вытащил оружие и выстрелил в Горго. Силач упал замертво. И тут... — В глазах Зата зажегся огонек. — И тут Йехудин издал древний боевой клич. «Эй, деревенщина!» — вскричал он. Призыв к войне.

Йехудин вонзил зубы в шею второго солдата, убив его, но еще двое солдат выбежали из посольства, их оружие испускало огонь. Йехудин пал, разрезанный надвое их ужасными ружьями.

К тому времени прохожие: уродцы, униформисты, зазывалы, даже купцы — сбежались и набросились на солдат с палками, камнями, зубами и ногтями. Ужасные ружья убили семнадцать и ранили много больше, прежде чем все солдаты упали мертвыми.

— Великолепно, Зат. Над этим надо поработать, но очень неплохо. — Алленби подтолкнул два лежащих на столе кошелька к рассказчику. Зат спрятал кошельки под мантию, встал и вышел. Хэмфрис кипел от злости:

— Клянусь Господом, я прикажу расстрелять всех виновных!

— Собираетесь совершить самоубийство?

— Что вы имеете в виду?

— Виновный сидит сейчас на одной подушке с вами, Хэмфрис.

— Чепуха!

— Да ну?

— Я не совершил никакого преступления, Алленби. Я выполнял приказ Секретаря...

— И пренебрегли моим.

— Я выполнял приказ Государственного секретаря Квадранта, и четверо моих людей были жестоко убиты. У нас на

«Элите» достаточно офицеров для трибунала. Вы сформируете его и покараете виновных!

Алленби побарабанил пальцами по столу, потом налил себе вина.

— Не будет никакого трибунала, Хэмфрис. — Он залпом выпил вино и поставил бокал на стол. — Пока не принят Второй Закон, Квадранта не обладает на Момусе ни юрисдикцией, ни правом на экстрадицию. Но в одном вы правы.

— В чем?

— Преступление было совершено. Вы сделали его возможным, но совершили его не вы.

— А виновная сторона?

— Следствие уже состоялось, приговор вынесен и приведен в исполнение.

Хэмфрис с трудом встал:

— Вы не собираетесь ничего делать?

— Как я упомянул, суд Момуса уже состоялся; это вне юрисдикции Квадранта.

— Великий Боже, Алленби! Вы забываете свой обет? Вы член дипломатического корпуса или один из этих уродцев? На чьей вы стороне, черт побери?

Алленби посмотрел на крышку стола и не ответил.

— Уходите, Хэмфрис. Возвращайтесь на корабль.

— Думаете, Секретарь проигнорирует это?

— Я сказал, проваливайте!

Хэмфрис вылетел из комнаты. Снова наполнив бокал, Алленби продолжал сидеть и пить в одиночестве. Свет за окном потускнел, потом погас, а Алленби по-прежнему не мог ответить на вопрос Хэмфриса. Он плакал, думая о своем друге Йехудине. Молодой рассказчик недоработал: ему следовало бы узнать имена мертвых и раненых. Но Алленби был благодарен за это. Он мог только представить себе друзей, погибших или искалеченных в этой битве. Он услышал, как вошел Дисус, но было слишком темно, чтобы видеть полными слез глазами.

— Ты позаботился о Йехудине?

— Да, Алленби, все сделано.

— Кто... кто еще был убит?

— Завтра. — Дисус зажег лампу и поднес ее к подбородку. Над набеленным лицом с большими красными губами словно появился огромный парик со стоящими дыбом пурпурными волосами. Прыгая по полу (его оранжевая мантия сменилась большими клетчатыми штанами, болтающимися на широких желтых подтяжках), он зажег еще одну лампу и, покатившись кувырком, шлепнулся носом вниз.

— Прекрати, Дисус. Ты заставляешь меня смеяться!

— Для того и существуют клоуны, Алленби. Смейся, ибо завтра наступит слишком скоро.

Пока Дисус развлекал Алленби, Фикс и Камера сидели рядом, глядя на Большую Арену. Пустой и темный амфитеатр, казалось, поглощал голоса. Одетый в оранжевую клоунскую мантию Камера покачал головой:

— Ужасно.

Фикс откинулся назад и оперся локтями на другой ряд.

— Пока это слухи, Камера. Мы еще не слышали рассказчиков.

— Ты веришь слухам?

Фикс кивнул:

— Похоже, Тайла права. Даже если Девятый защитит нас, мы не должны подпускать их близко.

Камера откинулся назад и махнул рукой на черное небо.

— Как мы можем не подпускать их, Фикс, если некому отстаивать наши интересы?

— Ты очень хорошо показал это сегодня утром. — Фикс подался вперед и повернулся к клоуну. — Но разве столь тягостные и отвратительные разговоры годятся для слуха клоуна?

Камера пожал плечами:

— Н-да, смеяться особо не над чем.

— Не хотел бы величайший клоун Момуса купить шутку у бедного фокусника?

Камера поднял бровь и улыбнулся:

— Комедия от фокусника?

Фикс дернул плечом:

— Сегодня я видел фокус в исполнении клоуна.

Камера выпрямился:

— Что у тебя там в рукаве, старый трюкач?

— Это-то я тебе расскажу: кое-что посущественней, чем прославленная Иллюзия Возрожденной Руки.

— Сколько ты хочешь за эту любительскую попытку?

Фикс улыбнулся:

— Сколько бы ты заплатил за величайшую шутку, какую только играл в жизни?

Камера засмеялся:

— Вот это да! Старость сделала тебя скромным.

— Камера, перед этой шуткой побледнеют все твои прошлые представления, ибо о ней услышат по всему Квадранту — возможно, даже по всей галактике.

— Фикс, в твоих жилах течет кровь зазывалы. — Великий клоун потер подбородок, потом кивнул: — Ладно, слушаю.

На следующее утро трибуны амфитеатра были набиты битком. В полной тишине Инспектор манежа взял листок бумаги, поданный ему кассиром зрительского сектора. Он прочитал, посмотрел на молчащих делегатов и откашлялся.

— Да-амы-ы-ы и господа! Фокусник Алленби хотел бы обратиться к Большой Арене!

Кассиры тихо сновали среди делегатов. Старший кассир взобрался на трибуну и наклонился к Алленби.

— Алленби, если хочешь говорить, ты должен восемьсот тридцать мовиллов.

Алленби повернулся к Дисусу:

— Заплати ему. — Клоун отсчитал медяки и передал их старшему кассиру. Алленби встал и оглядел Арену.

— Я, Алленби, обращаюсь к вам... просто как Алленби. Сегодня утром, всего несколько минут назад, Государственный секретарь Девятого Квадранта Федерации Обитаемых Планет приказал сместить меня с должности посла на Момусе. — В толпе зашептались, кое-кто зашикал. Алленби опустил глаза, уставившись на спины сидящих перед ним. Толпа затихла. — Если вы останетесь без защиты, Десятый Квадрант принесет вам быстрое и полное уничтожение. А уничтожение, которое принесет Девятый Квадрант, будет хоть и не таким быстрым, зато не менее полным. Вы слышали слова Великой Тайлы. — Алленби обвел взглядом трибуны и остановился на Камере. — Вы также слышали Великого Камеру и знаете, почему Момус

не может выбрать представителя для переговоров с Девятым Квадрантом. Но вот что я скажу вам: если Второй Закон не назначит никого блюсти интересы Момуса, то никто и не позаботится соблюсти их.

Сегодня днем посол Хэмфрис будет говорить перед Большой Ареной и убеждать вас поручить форму и методы защиты Момуса его ведомству. Государственный секретарь постановил, что это будет соответствовать законам Квадранта. Если вы сделаете это, то слова Великой Тайлы осуществятся... — Он запнулся и снова опустил глаза. Дисус встал и подошел к нему. — Я... я считаю, что это я довел вас до этого. В копях Момуса не хватит медяков, чтобы получить мне прощение. — Склонив голову, Алленби сел. Дисус обвел взглядом арену, потом сел рядом с Алленби.

Из северного входа выбежал кассир и подал Инспектору манежа листок бумаги.

— Да-амы-ы-ы и господа! Великий Камера хотел бы обратиться к Большой Арене!

Когда кассиры засновали среди делегатов, Дисус повернулся к Алленби:

— Хочешь уйти?

Алленби покачал головой:

— Даже когда дети играют во время пожара, они имеют право на игру. Я останусь.

Когда старший кассир с учеником вынырнули из темноты северного входа, Алленби заметил, что со стороны входа для зрителей появились Хэмфрис с двумя референтами и заняли места в нижнем ряду. Тишину Арены нарушило знакомое «скрип, скрип!», потом смех. Смех звучал по-другому: почти горько.

Маска, появившаяся на свет, по-прежнему представляла лицо мальчишки, но на этот раз грустное. В больших голубых глазах стояли студенистые слезы, уголки рта опущены вниз. Раздались аплодисменты, и на Арене появился Камера в одеянии полуфокусника-полурассказчика и с фальшивыми ногами за спиной. Он поднял руки, требуя тишины.

— Я обращаюсь к вам как Алленби Неприкаянный. Но я не был бы неприкаянным, если бы какой-нибудь город принял меня. — Он протянул руки к трибунам. «Скрип, скрип!» — Неужели ни один город не примет меня?

Посреди смеха отчетливо прозвучало несколько «нет». Камера опустил руки, ссутулился и повесил голову.

— Раз ни один город не принимает меня, то и я не связан ни с одним городом. — Двойные ручейки слез буквально забили из глаз маски, потом перестали. Камера поднял руку и выпрямился. — Погодите! Я по крайней мере фокусник...

— Нет! — Все обернулись: из рядов делегации Тарзака поднялся Фикс. — Ты не фокусник, Алленби. Ты не прошел ученичества и к тому же носишь черное, как рассказчик. Фокусники ничем не обязаны тебе! — Фикс сел под аплодисменты.

Камера повернулся и побежал к делегации Сины. «Скрип, скрип, скрип!»

— Бустит, я был твоим учеником. Я рассказчик?

Бустит встал и покачал головой:

— Нет, Алленби. Ты отказался от мантии рассказчика, захотел выдавать себя за фокусника. Рассказчики ничем не обязаны тебе.

Охваченный притворной паникой Камера побежал. «Скрип, скрип!» И остановился перед Хэмфрисом.

— Но я по крайней мере посол?

Хэмфрис встал и нервно посмотрел на гротескное изображение Алленби, обращающееся к нему.

— Я думал... — Он указал на Алленби на трибуне, потом повернулся к Камере. — Эшли Алленби был смещен с должности посла на Момусе. Кроме того, вы... э-э... он исключен из дипломатического корпуса Девятого Квадранта. Он больше не может претендовать ни на какие полномочия.

Из маски Камеры снова забили слезы, промочив мундир Хэмфриса. Он обернулся к делегатам. «Скрип, скрип!»

— Так значит, мне ничего не осталось! Ничего! — Слезы забили фонтаном, потом перестали. — Ничего, кроме как быть представителем Момуса в Девятом Квадранте. — Трибуны затихли. — Ставлю на голосование. Стать ли мне Великим Алленби, Государственником Момуса, чтобы вести дела с Девятым Квадрантом от имени Момуса?

Алленби тихонько захихикал, потом заметил, как на него пялится сбитый с толку Хэмфрис. Алленби ткнул пальцем в Хэмфриса и засмеялся. Волна смеха пробежала по зрительс-

кому сектору и охватила всю Арену. Делегаты, встав, скандировали: «ДА! ДА!» Камера снял маску и поклонился Алленби, но жест пропал даром. Алленби, Великий Государственник Момуса, свалился с сиденья.

Всадник, властный над конем

Но конь живой — чудесное созданье!
В нем все прекрасно: сила, пыл, дерзанье.
С широкой грудью, с тонкой головой,
С копытом круглым, с жаркими глазами,
С густым хвостом, с волнистою спиной,
С крутым крестцом, с упругими ногами —
Был конь прекрасен! Нет изъянов в нем...
*Но где же всадник, властный над конем?**

От холмов, окружающих Мийру, по изрытой колеями дороге в Порс двигалась четверка лошадей. Две пары белых жеребцов шествовали ровным шагом, согласно встряхивая головами. Юноша в коричневой куртке, сидевший подбоченившись на левом коне первой пары, сердито повернулся к старику, оседлавшему левого коня второй пары. Одна рука старика лежала на бедре; в другой он держал пару грубых костылей.

— Ладно, отец, продавать мы их не будем. Но можно ведь отдать их в аренду лесорубу Даввику...

— Молчи! Хватит об этом!

Юноша отвернулся, надувшись еще больше.

Слева от дороги начиналась пустыня. Заметив уходящие в низину отпечатки копыт, юноша слегка прижал левое колено к плечу коня, и передняя пара коней повернула налево; вторая пара последовала за ними. Юноша обернулся и посмотрел на горы, густо заросшие большими деревьями. Даввик платил бы за коней по четыреста мовиллов в день.

— Я знаю, о чем ты думаешь, Джеда, — крикнул старик. — Ты хотел бы сделать из них ломовиков. Пока я жив, этого не будет, Джеда. Ни за что.

— Отец...

— Придержи язык!

---

* Уильям Шекспир, «Венера и Адонис». — *Пер Б. Томашевского.*

Юноша пожал плечами. Когда они достигли твердого песка, он сжал колени, и передняя пара коней остановилась.

— Я видел, как они двигаются, — сказал старик. — Оба раза я видел, как твои колени двигаются.

— Что с того, отец? — Юноша раскинул руки, словно обнимая пустыню и безлюдные холмы. — Где зрители?

— Никакие зрители не станут смотреть на подобную неуклюжесть. — Старик перекинул правую ногу через спину коня. — Помоги мне спуститься.

— Да, отец. — Юноша легко соскользнул на песок и подошел к левому боку отцовского коня. Он обхватил старика, и тот, прислонив костыли к коню, положил обе руки на плечи сыну и соскользнул вниз. Опираясь на костыли, старик встал на твердый песок.

— Где корда?

Юноша размотал веревку на поясе и подал старику конец. Туго натянув корду длиной шесть с половиной метров, Джеда обошел старика по кругу, приволакивая ногу каждые несколько шагов. Закончив круг, он вернулся в центр, сматывая веревку.

— С чего начнем, отец?

— Выездка. Тебе надо отрабатывать движения.

Старик заковылял за пределы круга, обернулся и посмотрел на Джеду. Четыре жеребца выстроились в ряд и замерли. Началась работа: курбеты, крупады, кабриоли, лансады, пассажи, пиаффе, шанжэ, испанский шаг, пируэты. Старик наблюдал за юношей вблизи, но не смог заметить ни одного знака, который юноша подавал коням, когда те совершенно синхронно гарцевали, кружились, маршировали и поднимались на дыбы. Ему не нужны тренировки, подумал старик; ему нужны только зрители. Он хорош. Лучше, чем был сам старик в молодости.

— Теперь вольтижировка, Джеда.

Джеда подбежал к переднему коню, перепрыгнул через него, приземлившись в идеальной позиции, чтобы перепрыгнуть через следующего жеребца в ряду. Юноша перепрыгнул через третьего и через четвертого; упругие мускулы выступали на загорелой коже. Старик представил себе вольтижера, облаченного в сверкающее серебряное трико, серебряные ленты в

развевающихся гривах белоснежных жеребцов. Когда-то он уже видел такое: тогда он сам был маленьким мальчиком, а его отец, мать и дядя поражали толпу на Большой Арене Тарзака. Солнце опустилось за горизонт. Джеда начал джигитовку: кони скакали по кругу, а наездник балансировал на одном коне, слетал на землю, вскакивал на следующего и балансировал на руках. Он соскакивал со спины коня на землю и, сделав пируэт, оказывался на следующем. По лицу Джеды старик видел, что сын больше не думает об их споре. Сияющий от восторга юноша составлял с жеребцами единое целое.

Вот так должно быть всегда, подумал старик. Но через мгновение покачал головой, понимая, что этого, возможно, не будет никогда. Сегодня дома будет гнетуще тихо, пока либо Джеда, либо Зани, его мать, не начнут спор заново. Чары разрушились, и старик отвернулся от импровизированной арены.

— Идем, Джеда. Поехали домой.

Даввик повернулся к Зани, пожал плечами и снова посмотрел на старика; тот ел молча и сосредоточенно. Джеда, сидевший на подушке за низким столом напротив Даввика, между Зани и стариком, покачал головой и принялся пальцем катать по тарелке тунговые ягоды. Даввик оперся о стол:

— Хамид, ты неблагоразумен. Посмотри только на Зани, твою жену. Когда у нее будет новое платье?

Старик сломал кобит и бросил два куска лепешки на тарелку.

— Ты пришел ко мне в дом, Даввик, ты сидишь за моим столом, и ты оскорбляешь мою жену?

— Это не оскорбление, Хамид, а истина. Не веришь мне на слово, посмотри сам.

Старик поднял голову и повернулся к Зани. Ее одежда, как и одежда Джеды и его собственная, была вся в заплатах и заштопанных прорехах. Седые волосы обрамляли усталое лицо. Она пристыжено склонила голову. Хамид снова посмотрел на лесоруба:

— Мийра — город небогатый, Даввик. Не мы одни ходим в заплатах.

— Я не хожу в заплатах, Хамид. — Даввик обвел комнату рукой. — Никому в Мийре, да и на всем Момусе, кстати гово-

ря, не требуется ходить в заплатах. Если, конечно, иметь здравый смысл. Новые торговые центры процветают, и мой лес идет по хорошей цене. Подумай, что бы ты смог сделать с четырьмя сотнями мовиллов...

Хамид хлопнул рукой по столу:

— Это вольные кони, Даввик! Они не будут таскать твои волокуши. Никогда их губы не почувствуют удил, а спины сбруи. — Хамид покачал головой и вернулся к еде. — Что может униформист понимать в вольных конях?

Даввик сжал кулаки и побагровел:

— А ты, Великий Хамид из наездников Мийры, ты-то, конечно, понимаешь, да?

— Да.

— Тогда пойми и кое-что другое. Я не униформист; я лесозаготовитель... предприниматель. Униформистов больше нет, Хамид, потому что цирк умер, ушел навсегда! Это всего лишь навязчивая идея одного-единственного старика!

Старик оттолкнул тарелку и пристально посмотрел из-под лохматых седых бровей на жену и сына. Оба, казалось, поглощены едой.

— Зани.

Она подняла голову, стараясь не встречаться с ним взглядом.

— Да, Хамид?

— Почему ты пригласила этого балаганного фигляра есть наш хлеб?

Даввик встал, скривив губы в непроизнесенном ругательстве, и, повернувшись, поклонился Зани.

— Мне жаль тебя. Я пытался, но это бесполезно. — Он повернулся к Джеде. — Парень, мое предложение — тридцать пять медяков в день — остается в силе. Мне может пригодиться хороший наездник... — он посмотрел на Хамида, — чтобы править лошадьми в полезном деле. — Он еще раз поклонился и вышел.

Хамид вернулся было к еде, но Зани яростно сжала ему руку. Он увидел слезы в ее глазах.

— Старик, ты задал мне вопрос, теперь послушай ответ! Я хочу, чтобы мои сыновья вернулись домой. Вот почему Даввик был здесь сегодня, а ты осрамил меня. Твоему сыну и мне — нам стыдно!

— Жена...

— Да, твоя жена, Хамид. Пока твоя — если Джеда не останется дома и трое моих сыновей не вернутся домой!

Хамид поморщился. Угроза старухи была пустой, но все равно ранила. Он смотрел, как она встала и ушла в свою комнату, задернув за собой занавес. Старик вздохнул и снова посмотрел на сына. Джеда сидел, опустив глаза и сложив руки на коленях.

— А ты, сын мой?

Джеда дернул плечом:

— Разве я зазывала, отец, чтобы находить слова, когда сказать нечего?

— Значит, ты тоже считаешь, что я не прав.

Юноша уставился в пространство невидящим взглядом.

— Не знаю. — Он посмотрел на Хамида, прижав руку к груди. — Душа и сердце согласны с тобой, отец, — он опустил руку и покачал головой, — но все, что я вижу, говорит о правоте Даввика. Мы не похожи на фокусников и клоунов; мы не можем играть у придорожных огней. Нам нужна арена.

— Арены есть, Джеда. Здесь, в Мийре. В...

— Отец, чтобы работать на арене, наш номер должен собирать медяки. Когда арена Мийры или Большая Арена в Тарзаке в последний раз видела конный аттракцион?

Старик пожал плечами. Они оба знали ответ.

— Может быть, снова будут ярмарки. Когда я был ребенком, на ярмарках всегда были шапито.

— С тех пор прошло уже много лет. — Джеда ласково положил руку на плечо старика. — Отец, тех ярмарок больше не будет. Народ Момуса теперь торгует по-другому: есть лавки, магазины, рынки.

— Тогда почему цирку не существовать самому по себе? На древней Земле цирки были сами по себе. Даже корабль, привезший наших предков на эту планету, пролетел по сотне секторов, принеся цирк на бесчисленные планеты. Они были богаты.

— У них были зрители, отец. А Момус стал зрелищем без зрителей. Прошло почти двести лет. Люди занялись другими делами. Нам надо есть.

Старик пристально смотрел на юношу.

— Ты хочешь быть наездником, не так ли? Должен хотеть; это у нас в крови.

— Да, хочу. — Джеда убрал руку. — Как до меня хотели Мика, Тарамун и Деза, мои братья. Но они хотели также жениться, есть, растить детей. Это неправильно?

— Ба! — Старик покачал головой. — Они не наездники. Они... погонщики! Они оставили этот дом... — Старик сжал кулак, потом уронил его на колено. — Они... оставили этот дом. Ну а ты, Джеда? Будешь править ломовиками у Даввика?

— Отец, мы не выживем без зрителей. Укротители хищников, воздушные гимнасты, танцующие медведи — где они теперь? Один номер, вроде нашего, это не цирк. Нам нужно много номеров и нужны зрители, готовые платить за зрелище.

Хамид вспомнил след в небе.

— Солдаты, Джеда. На спутниках много солдат.

Джеда покачал головой:

— Они не могут увидеть нас, отец. Так решил Великий Алленби. И ты это знаешь.

— Алленби! Рассказчик, обернувшийся трюкачом!

— Большая Арена сделала его нашим Государственником, отец. Это закон. — Джеда встал и стряхнул крошки с одежды. — Мне надо позаботиться о конях.

Хамид кивнул:

— Джеда?

— Да, отец?

— Джеда, ты пойдешь к Даввику?

— Я еще не решил.

Старик с трудом встал, опираясь на костыль:

— Если пойдешь, Джеда, можешь остаться здесь, в моем доме.

Джеда кивнул:

— Спасибо. Я знаю, как трудно тебе было сказать такое.

Хамид кивнул, и юноша вышел на улицу. Доковыляв до двери, старик смотрел вслед сыну, пока тот не исчез в темноте. Прислушавшись, Хамид разобрал, как у фонтана напевает Пинот. Нет больше певицы, подумал Хамид, есть собирательница кобита, продающая корни вместо песен. И его сыновья теперь не наездники, а погонщики. И где, где львы, слоны и медведи? Где те золотые юноши и девушки, что ходили по

проволоке и перелетали над манежем с трапеции на трапецию? Где оркестры? Музыка и смех исчезли, сменившись варкой сыров и набивкой подушек.

Хамид вышел из дому и посмотрел на ночное небо. Даже напрягая глаза, он не мог увидеть их.

— Эй, вы, там, даже если мне придется сдвинуть небо и Момус, я заполучу вас в зрители для моего сына, наездника!

В болотах к северу от Аркадии огромный ящер подставил брюхо солнцу и поудобнее устроился в тине. Соскоблив немного донного ила, ящер намазал брюхо, вздохнул и погрузился в мечты о пирожках матери Мамута. Начиненных тунговыми ягодами и покрытых толстой коркой соли. Приоткрыв щелевидный глаз, ящер оценил положение солнца. Мамут не появится у края болота еще два часа. Заметив движение, глаз уставился на толстую водяную осу, следя, как она жужжит все ближе и ближе к невинному с виду комку грязи. Свернув язык кольцом, ящер напрягся, потом расслабился, и розовая змейка языка плюхнулась из пасти в воду. Улетай, закусочка, подумал ящер. Мамут рассердится, если я испорчу аппетит.

— Горбунок! Горбунок!

Ящер поднял большую голову и повернул на голос. Это Мамут, подумал он. Он сегодня рано, и я не закончил купаться.

— Горбунок, немедленно сюда, мерзкий дурень!

Перевернувшись, ящер встал на задние лапы и начал пробираться к источнику шума.

— Горбунок! Ты идешь?

— А-а мут-дешь! — ответил ящер.

— Уже идешь?

— Же-дешь! — Ящер покачал головой и свернул язык. Мамут уже сердится. Тут уж не поможешь, надо торопиться. Добравшись до кустов, ящер вылез на топкую землю и продрался через подлесок.

— Тебе лучше поторопиться, толстая, вонючая жаба!

Ящер протиснулся на поляну и посмотрел вниз. Мамут, подбоченившись, сердито топал ногой. Рядом с Мамутом стояло более крупное подобие мальчика. В одной руке оно держало какую-то бумагу, другой зажимало нос.

— Рожок?

Мальчик подбежал к ящеру и быстро ударил ногой по голени, защищенной толстой, почти не имеющей нервных окончаний шкурой.

— Посмотри на себя, вонючка! Ладно, я дам тебе пирожок! Иди мыться! Я привел отца посмотреть на тебя.

Ящер посмотрел на человека с любопытством. Мужчина указал на озеро с чистой водой и нарочито зажал нос.

— Ходно.

Мальчик пнул ящера по хвосту:

— Мне наплевать, если там и холодно, зловонная, противная змеюка! Марш мыться!

Представив себе, как ледяная вода смыкается над головой, ящер наклонился над берегом и попробовал воду пальцем ноги. Дрожь пробежала по всему покрытому глинистой коркой телу. Он снова повернулся к мальчику и улыбнулся.

— Рожок?

Мальчик сложил руки на груди:

— Мыться, Горбунок! Сейчас же!

Горбунок посмотрел на мальчика, выпрямился во весь рост и сложил лапы на груди.

— Рожок!

Мальчик прищурился, пытаясь заставить ящера опустить глаза. Тщетно. После нескольких напряженных мгновений мальчик топнул ногой и повернулся к отцу.

— Покажи ему, папа.

Мужчина взял мешок с земли и поднял так, чтобы Горбунок видел.

— Рожки?

— Да, — ответил мужчина. — Все пирожки, какие сможешь съесть.

Горбунок ухмыльнулся и прыгнул в воду, почти не чувствуя холода при мысли о пирожках, целом мешке пирожков. Голова ящера появилась над водой: чистый Горбунок шел к берегу. Мамут стоял на берегу мокрый насквозь.

— Ах ты, Горбунок, ах ты! Посмотри на меня!

Ящер вышел из воды и ухмыльнулся мальчику.

— Рожок?

— Вот, Горбунок. — Мужчина показал пирожок. — Подойди сюда и возьми.

Горбунок подошел, тяжело ступая, взял пирожок из руки мужчины и, осев на задние лапы, начал есть. Подбежал сердитый Мамут и встал рядом с отцом.

— Ну, папа?

Мужчина посмотрел на бумаги, потом на Горбунка:

— Н-да, согласен, он довольно большой. Что он умеет делать?

— Горбунок умеет все, что умел делать слон, и еще много чего в придачу. Я обучал его так же, как, по твоим рассказам, прапрадедушка обучал слонов.

Мужчина покачал головой:

— Если бы мы только могли, Мамут. Момус не видел номера с крупными животными больше ста лет! И вот теперь — цирк. — Он подал мальчику одну из бумаг. — Но послушай, Мамут, нам понадобится больше животных. Одного мало.

Мамут взял плакат, гласивший:

БОЛЬШОЙ АТТРАКЦИОН ХАМИДА НА БОЛЬШОЙ АРЕНЕ В ТАРЗАКЕ! ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЕЖЕДНЕВНО!

Ниже была нарисована процессия больших земных животных, с украшенными кисточками латунными набалдашниками на кончиках длинных белых бивней. Хобот каждого животного переплетался с хвостом идущего впереди.

Мамут протянул плакат Горбунку. Тот взял его одной лапой, пока другой, выпустив когти, выковыривал тунговую ягоду, застрявшую между зубами. Ящер вздрогнул при виде страшных земных животных, но что-то шевельнулось под зеленой броней при виде знамен, клоунов, лошадей и... только представить: все эти человеческие существа разных форм и размеров выстроились рядами, а мимо идут грозные животные...

— Видишь слонов, Горбунок? — Мамут дернул плакат.

— Ви-и-иш-ш-шь.

— Это наш аттракцион, но нам нужны еще ящеры. Толковые. Еще одиннадцать.

Горбунок опустил плакат, чтобы мальчику было видно, и проткнул картинку выпущенным когтем.

— Лоны?

Мамут покачал головой:

— Нет, их больше нет. Последний слон на Момусе умер еще до того, как ты вылупился.

Горбунок кивнул:

— А-а, щеры. Олько?

— Четыре пирожка в день для каждого ящера, но ни кусочка, если не будет еще одиннадцать.

Горбунок потер подбородок:

— Ять.

— Четыре, и все!

Горбунок сложил лапы и посмотрел на мальчика сверху вниз. Дружба дружбой, но дело есть дело.

— Ять.

Мамут злился, топал ногами, размахивал руками и скрежетал зубами.

— Ладно! Пять, ворюга, но тебе лучше вернуться сюда через час еще с одиннадцатью ящерами, иначе пирожков не получит никто!

Горбунок встал на четыре лапы и побежал к болоту, проламывая широкую просеку в подлеске. Шлепаясь в воду, он услышал крик Мамута:

— Горбунок!

— А-а? — Ящер замер в воде.

— Скажи им, что все будут мыться каждый день. Слышишь?

Горбунок почесал голову и обругал себя, что не потребовал шесть пирожков. Он пожал плечами, думая о человеческом зрелище в цирке. Через мгновение Горбунок решил, что зрелище — достаточное возмещение за недостающий пирожок.

— Слышишь меня, Горбунок?

— А-а, — отозвался Горбунок, — се мыся.

Ящер нырнул в жидкую грязь, надеясь найти еще одиннадцать ящеров, достаточно толковых, чтобы научиться говорить и исполнять трюки, но не слишком, а то ведь могут и сообразить, что им придется по одному пирожку каждый день отдавать Горбунку в уплату за найденную работу.

Тессия держала перекладину, ожидая, пока отец, висящий на подколенках с вытянутыми руками, достигнет выс-

шей точки раскачивания. Когда он взлетел — тело почти параллельно заросшей травой земле внизу, — она толкнула трапецию. Та качнулась вниз, прочертив в воздухе дугу, достигшую зенита в тот миг, когда отец достиг нижней точки своего маха, так что его тело оказалось перпендикулярно земле. Она представила себе, как выпускает гриф, группируется и, делая сальто, подлетает к отцу — его спина и руки изгибаются дугой, чтобы принять ее, — когда он достигнет средней точки наибольшего маха. Полет будет долгим, но для сальтомортале в пять оборотов необходимо пространство. Легкий ветерок ласкал ей лицо, она увидела, как шевелятся листья на деревьях. Поймав перекладину, она рассчитала время и снова толкнула — пустую.

— Хорошо, — крикнул отец. — Выжди самого подходящего момента. Встречный ветер.

Тессия посмотрела вниз, и сетка, как всегда, показалась слишком маленькой. Но она ловила гимнастку каждый раз, когда та раньше пыталась открутить пять оборотов. Сетка была достаточно большой. Рядом с сеткой стояла ее мать Канта и улыбалась. Тессия помахала рукой и снова посмотрела на деревья. Ветки по-прежнему качались. На этот раз я сделаю это, подумала она, ловя перекладину и снова толкая ее. В душе гордость уверенности смешалась с болью. Когда она выполнит пять оборотов, аппаратура — тросы, трапеции, ловиторки, мачты и сетка — будут проданы за бесценок; они станут придорожными акробатами. Но, если у меня сейчас не получится, подумала она, трапеции останутся. Мы еще денек побудем воздушным гимнастами.

Ветер стих. Перекладина прилетела обратно.

— Подожди следующего раза, — крикнул отец.

Тессия поймала перекладину и толкнула снова. Забираясь на мостик, она поняла, что не сможет провалить трюк нарочно. Великий момент настал. И Канта, и Ведис знали это; Тессия знала это. Когда перекладина качнулась вверх, Тессия бросилась с мостика ей навстречу. Схватившись за прохладный гриф, она использовала свой вес, чтобы усилить мах — пятки над головой, она достигла высшей точки. Снижаясь, она направила ноги и тело вниз; ветер бил в лицо.

— Готов! — Голос отца донесся словно издалека.

Когда Тессия достигла высшей точки раскачивания, используя руки, чтобы выжать плечи повыше над перекладиной, странная тишина опустилась на безлюдную поляну. Зрители — насекомые, птицы, земляные зверьки — остановились посмотреть, как золотая девочка в голубом с блестками трико летит вниз, вниз, вынося ноги вперед. В высшей точке маха она выпустила гриф, накручивая обороты: два, три, четыре и... пять! Она даже не заметила, как сильные руки отца обхватили ее запястья. Все кончилось. Она выполнила пять оборотов. Слезы подступили к глазам, когда она осмотрела в сияющее лицо отца.

— Ты сделала это, Тессия! Ты сделала это! — Ведис подтянул ее и поцеловал в лоб.

— Но ведь это конец, папа. Пусти, я хочу спрыгнуть.

Ведис выпустил ее в нижней точке раскачивания, и Тессия упала на сетку. Один отскок, второй, потом она ухватилась за край сетки и, сделав кульбит, спрыгнула на землю. К ней подбежала Канта и стала целовать ее. Тессия крепко обняла мать, страстно желая, чтобы этот миг никогда не кончился. Открыв глаза, она увидела на краю поляны старика калеку в коричневой мантии наездника. Поняв, что его заметили, старик поднял костыль и помахал им:

— Привет! Я Хамид из наездников Мийры.

Канта обернулась. Через несколько секунд Ведис спрыгнул с сетки и встал рядом с женой и дочерью.

— Что привело тебя, наездник? Мы пришли сюда побыть одни.

Старик доковылял до них и остановился рядом с сеткой. Посмотрев на Тессию, он улыбнулся:

— Я видел тебя, дитя. Это было прекрасно.

— Спасибо, но ты вмешался в очень важный для моей семьи миг.

Старик обвел взглядом всех троих и остановился на Тессии:

— Дитя, я здесь, чтобы этот миг никогда не кончился.

Великий Камера отвалился от стола и сцепил руки на толстом животе. Перед ним стоял зазывала в пыльной красно-пурпурной мантии.

— Ты что-то там болтал на улице, зазывала. Повтори.

Зазывала низко поклонился:

— Конечно, Великий Камера, но есть одна мелочь...

— Будет тебе плата.

— Конечно, я и не сомневался...

— Выкладывай!

— Да, конечно. — Зазывала ухмыльнулся, показав пожелтевшие зубы. — Великий Камера, я извещаю зрителей о величайшем аттракционе Момуса, о большом цирке, которым руководит Великий Хамид из наездников Мийры...

— Наездник?

— Да, Великий Камера. Владелец величайшего...

— Хочешь сказать, что наездник руководит аттракционом?

— Да. Но, как Великий Камера, несомненно, узнал за свою долгую жизнь, первый цирк был организован наездником, Филиппом Эстлеем...

— Зазывала, ты смеешь учить меня истории цирка?

Зазывала низко поклонился:

— Нет-нет, Великий Камера. Если позволишь повторить...

— Нет! — Камера поднял руку. — Не это. Что у него за аттракцион?

— Будет Джеда, Герой и Император конников, на принадлежащей самому Хамиду четверке белых жеребцов. Воздушные гимнасты Джаветты представляют Тессию и сальто-мортале в пять оборотов. Потом Семья Рум и их Большие Слоноящеры представляют Мамута и...

— Стой, зазывала. Слоноящеры?

— Аттракцион больших животных, Великий Камера, со свирепыми чудовищами из болот Аркадии, укрощенными и дрессированными маленьким мальчиком, который...

— Продолжай. Что еще?

— Великие Риетты, канатоходцы, поразят толпу четырехуровневой пирамидой. Йаруз, отважный укротитель львов, представит зрелище отчаянной...

— Зазывала, я никогда не слышал ни одного из этих имен. Что это за люди, притязающие на воскрешение цирка? — Камера поскреб лысую голову и на мгновение задумался. — На самом деле я вообще не помню, видел ли канатоходца хоть раз в жизни. Как и воздушных гимнастов, не говоря уже об этих ящерах. Это что, какая-то шутка?

— Клянусь жизнью, Великий Камера. Аттракционы сейчас монтируются на Большой Арене.

— Куулис, несомненно, знает об этом.

— Да, конечно. Инспектор Большой Арены заплатил десять тысяч мовиллов за честь представить Большой Аттракцион Хамида.

— Говоришь, Куулис заплатил за честь?

— Я сам оформлял договор.

Камера потер подбородок:

— Куулис расстался с деньгами, это значит, что он ожидает возврата еще большей суммы.

— Это правда, Великий Камера. В уплату Куулис получит четверть всех сборов.

— И полагаю, зазывала, Хамид, кем бы он ни был, ищет клоунов, да?

— Цирк — самое подходящее место для клоуна, Великий Камера. Разве я не прав?

Камера кивнул. Много лет назад он выступал в цирке — очень убогом, на одной из последних на Момусе ярмарок. Это был прекрасный, почти духовный опыт.

— Я хорошо... нет, великолепно зарабатываю, выступая один, сам по себе, на площадях Тарзака. Сколько заплатил бы этот Хамид, если бы я снизошел одолжить свое имя и талант для его программы?

Зазывала ухмыльнулся и покачал головой:

— Великий Камера не понимает. Поскольку ты мастер-клоун Момуса, Великий Хамид предоставит тебе рекламу всего за тысячу мовиллов.

— Я должен заплатить, чтобы выступить?

— Да.

— Что за ерунда? Ты сам сказал, что я мастер-клоун Момуса!

— Верно, верно, Великий Камера. — Зазывала потер руки. — Но ведущий клоун Большого Аттракциона Хамида *будет* мастером-клоуном Момуса.

Камера кивнул:

— Ясно. Куулиса убедили подобной же логикой?

— Великий Куулис также получает четверть сборов. Ты, Великий Камера, получишь полпроцента за свои медяки.

— А Куулис получит двадцать пять, заплатив десять?

— У Куулиса есть еще и Арена.

— Хм-м. — Камера потянулся под стол, вытащил из-под него кошелек и бросил перед зазывалой. — Прежде чем ты возьмешь эти медяки, ответь на один вопрос.

— Если смогу, Великий Камера.

— Цирки на Момусе умерли из-за отсутствия зрителей. Этот Хамид нашел решение?

Зазывала пожал плечами:

— Великий Камера, когда я задал этот же вопрос Великому Хамиду, его ответ был загадочен.

— Он же не рассчитывает на солдат, а? Алленби не пустит их на планету.

— Великий Камера, он только посмотрел вверх и сказал: «Зрители обеспечены».

Куулис посмотрел на старика, сидящего на низком каменном барьере, окружающем Большую Арену. Хамид смотрел на манеж. Инспектор Арены оглянулся на Джеду и Даввика, пожал плечами и попытался еще раз.

— Хамид, я говорил не только с Дисусом, но и с самим Великим Алленби. Он не растрогался; солдаты останутся на спутниках.

Хамид шевельнул губами:

— Алленби видел парад-алле?

Куулис вздохнул:

— Это не имеет значения.

— Если бы Алленби видел парад, он не смог бы отказывать цирку в жизни.

— Хамид, Алленби заботится обо всей планете Момус. В отличие от нас, цирк для него не весь мир.

— Нас?

Куулис, казалось, обиделся.

— Да, нас.

— Если цирк умрет, Куулис, у тебя все равно останется Большая Арена. У нас не останется ничего.

Куулис плюнул в опилки.

— Хамид, ты не понимаешь. Ради твоего цирка я разорил семью.

— За четверть сборов.

— Без зрителей это двадцать пять процентов от нуля. — Куулис хлопнул руками по ногам. — Без солдат твой цирк — и моя Арена — пропадут. Это и мой мир, Хамид!

Старик поднял голову и кивнул:

— Я должен извиниться перед тобой, Куулис. — Он потянулся за кошельком, потом пожал плечами. — Но я стольким людям должен за очень многое.

Куулис улыбнулся и сел рядом со старым наездником, потрепав его по колену.

— Я запишу это на твой счет.

Джеда поднял руку, потом опустил ее:

— У нас нет медяков, отец. Я не вижу иного выхода.

Старик повернулся к лесорубу:

— Что ж, Даввик, будь по-твоему. Кони... твои.

Даввик посмотрел вниз и покачал головой:

— Это не то, чего я хочу, Хамид. Поверь, я бы предпочел, чтобы ты сохранил их. — Он кивнул на больших ящеров, дрессируемых на дальней стороне Арены, потом наверх, где униформисты устанавливали опорные стойки для проволоки и трапеции. — Но ни мои желания, ни твоя воля не накормят артистов и животных.

Хамид кивнул:

— Заботься о них, Даввик.

Джеда подошел к Хамиду и ласково положил руку на плечо старика:

— Я буду там, отец. И присмотрю за ними.

Старик посмотрел сыну в лицо:

— Ты пойдешь с Даввиком?

Джеда кивнул:

— Я наездник, а... в твоем цирке нет коней.

— Я буду хорошо платить ему, Хамид. — Даввик обнял Джеду за плечи. — А если твой цирк все-таки заработает, я продам тебе коней обратно.

— Спасибо, Даввик.

Лесоруб кивнул, потом повернулся к Джеде:

— Нам надо идти.

— До свидания, отец.

Хамид, закрыв глаза, накрыл руку сына своей и сжал ее. Потом он услышал удаляющиеся шаги.

Куулис покачал головой:

— После того, как мы отсыплем немного мовиллов кредиторам, мы сможем прожить на медяки Даввика еще месяц, — возможно, меньше. А потом?

— У меня в голове пусто, как в кошельке, Куулис... — Старик поднял голову и увидел, как на платформе, установленной на мачте, униформист изображает, будто оступается с проволоки. Он споткнулся, но быстро схватился за стойку позади платформы. Куулис вскочил и поднес к губам сложенные рупором руки.

— Сломаешь шею, дурак, и сам потом оплачивай свои похороны!

Куулис повернулся и увидел, что Хамид ковыляет на костылях прочь.

— Быстро, Куулис! Собери труппу. Торопись!

Старший сержант Левек осмотрел индикаторы и отрегулировал настройку, едва касаясь кнопок. Когда огромный механизм пережевывает сине-зеленую сульфидную жилу, лишняя капля масла, упавшая в дробилки, может рассеять легкую пенную массу.

— Ты должен следить за этим, Бейлис. Избыток пены может по-настоящему застопорить все работы.

— Прошу прощения, сержант. — Бейлис оторвал руку от пульта и потянулся за кошельком под бело-лиловой мантией жонглера.

— Не отрывайся от пульта! — Рука жонглера торопливо вернулась к управляющим кнопкам. Левек покачал головой. — Послушай, Бейлис, я думал, мы договорились: ты не платишь мне каждый раз, когда совершаешь ошибку. Просто больше так не делаешь.

— Да, сержант. Я сбился.

Левек погладил стену кабины, на которую опирался, и похлопал по ней.

— Ты насобачишься. Еще пару недель, и Горные Егеря вернутся на спутники, а вы, ребята, будете разрабатывать карьер сами.

Бейлис оглядел ручки настройки, индикаторы и подающую ленту:

— Мы вышли на финишную прямую, сержант.

— Хорошо. Можешь запустить автоматику.

Бейлис щелкнул переключателем, откинулся в кресле и вздохнул.

— Столькому научиться за две недели — многовато.

— Потруднее, чем подбрасывать мячики, а, Бейлис? — Жонглер улыбнулся, полез за пазуху и вытащил четыре красных шарика. Левек взял их и отступил к задней стене кабины, чтобы было побольше места. Решительно сжав челюсти, сержант встал поустойчивее, сосредоточил взгляд на воображаемой высшей точке траектории и начал подбрасывать мячи. Его руки двигались в ровном ритме, так что в воздухе было не меньше двух мячиков одновременно.

— Теперь одной рукой, сержант! — Левек подбросил три полных цикла одной рукой, потом сбился с ритма и уронил шарики. Бейлис засмеялся. — Ты насобачишься.

Левек собрал шарики и подал Бейлису:

— Вот.

— Оставь себе, сержант. Я принес их для тебя.

Левек кивнул:

— Конечно, только чтобы оплатить извинения.

— Конечно. — Бейлис улыбнулся. — Мне будет не хватать тебя, когда Егеря вернутся на спутники.

Левек открыл рабочую сумку и убрал шарики. Выпрямившись, он кивнул жонглеру.

— Что ж, Егерь должен выполнять приказы. — Левек хлопнул Бейлиса по плечу. — Но это не означает, что мы никогда больше не увидимся. Каждые несколько недель сюда будет спускаться команда техобслуживания.

— Однако...

— Мы отвлеклись. Тебе лучше проверить индикаторы. — Левек повернулся и посмотрел на карьер через пыльный бортовой иллюминатор.

Километр в поперечнике и восемьсот метров в глубину в самой нижней точке, карьер походил на огромную ступенчатую чашу. На каждой ступени вереницы огромных механизмов, с подведенными к ним энергетическими кабелями и тру-

бами с водой и цементным раствором, грызли стенки чаши, расширяя ее и добывая медь, серебро, железо и мышьяк для оборонительных спутниковых линий и орбитальных баз военной миссии.

Его взгляд привлекло движение в карьере, и Левек, дотянувшись до пульта перед Бейлисом, хлопнул по оранжевой клавише. Подача энергии к механизмам прекратилась.

— Что случилось, сержант?

— Что-то в карьере. Звони. — Пока Бейлис связывался по радио с контрольным центром карьера, Левек открыл боковую дверь и вышел на узкий мостик. Далеко справа по ступеням карьера прыгало огромное зеленое животное. За считанные секунды оно достигло дна и нырнуло в дурно пахнущую лужу жидкой глины.

— Бейлис, иди сюда и принеси монокуляр. — Когда Бейлис подошел, Левек взял монокуляр и сфокусировал на животном в луже. — Ты только погляди! Бейлис, клянусь, можешь забрать мои нашивки, если я когда-либо видел нечто подобное!

Бейлис прищурился от бьющего в глаза солнца:

— Это большой аркадский ящер, сержант. Никогда не видел их здесь, в пустыне, так близко к Куумику.

— Он что-то тащит. — Левек проследил через монокуляр путь, проделанный ящером. — Похоже на трос или веревку. Посмотри-ка. Наверху справа.

Бейлис взял монокуляр и навел резкость. За ящером наблюдала уже целая толпа. Веревка, похоже, была прикреплена к высокому столбу на краю карьера. Бейлис повернулся. По другую сторону карьера собралась еще одна толпа. Ящер, переплыв лужу жидкой глины, прыгнул на ступени слева, по-прежнему таща веревку. Когда животное исчезло за противоположным краем карьера, провисшая веревка натянулась. Левек взял монокуляр и увидел, что веревку закрепляют на другом высоком столбе. На столб вскарабкался человек и встал на верхушке, помахав толпе. Левек даже расслышал приветственные крики. Человеку подали длинный, белый шест. Балансируя шестом, человек пошел по веревке над карьером. Через несколько мгновений только воздух был между узкой раскачивающейся тропой и верной смертью. Левек переклю-

чился на более сильную линзу и увидел, что это мужчина, старик.

— Бейлис, кто это?

— Сержант, это Великий Тара из канатоходцев Риеттов. Дух захватывает.

— Он так стар...

Бейлис наблюдал за Левеком: сержант Егерей буквально шел по веревке вместе с Великим Тарой. Когда тот достиг середины пути, над карьером поднялся ветер и подхватил желтую мантию старика. Левек затаил дыхание. Старик сел на веревке и наклонил шест навстречу ветру. Ветер стих. Старик сделал на веревке кувырок назад снова оказался на ногах. На мгновение он зашатался, потом пошел дальше. Несколько жизней спустя Великий Тара стоял на вершине столба на противоположной стороне карьера. По обеим сторонам веревки раздавались приветственные крики, и взвились плакаты, на каждом по букве, гласящие: «БОЛЬШОЙ АТТРАКЦИОН ХАМИДА — ТАРЗАК». Толпа разошлась.

Левек озадаченно посмотрел на Бейлиса:

— На этот цирк собрались все.

— Да.

— Но Егерей и стажеров в карьере не может быть больше двадцати человек.

— Верно, сержант, но я слыхал, что вчера Тара выступил на микроволновой ретрансляционной станции, поднявшись по одной из проволочных оттяжек, поддерживающих радиоантенну. На станции было всего восемь солдат.

Левек покачал головой:

— Я мало знаю о рекламе, Бейлис, но, по-моему, они выбрали неверный путь. Солдат не пустят на планету. — Левек посмотрел в монокуляр на раскачивающуюся на ветру веревку. — Но мне, конечно, очень хотелось бы увидеть этот аттракцион.

Бейлис улыбнулся и вернулся в кабину. Там он вытащил из-под мантии несколько билетов. И быстро запихнул их в рабочую сумку Левека.

Капитан Бостани знала, что пот, текущий по спине, лишь плод воображения, но, стоя по стойке «смирно» перед генера-

лом Кааном, кружащим по маленькому пятачку командного пункта с устрашающего вида стеком, она готова была поклясться, что в ботинках уже хлюпает.

Каан швырнул стек на пульт, скрестил руки и поджал губы.

— Давайте попробуем еще раз, капитан, ладно?

— Я... я жду соизволения генерала.

Каан нажал клавишу на пульте, отчего переборка позади него раздвинулась, открыв активированный голографический командный считыватель.

— Полагаю, вы знаете, что это такое?

— Так точно, сэр.

Каан улыбнулся:

— Это сбережет время. Как видите, капитан, у Девятого Квадранта Федерации на орбите Момуса достаточно «железа», чтобы полностью уничтожить любые войска, которые Десятому Квадранту вздумается послать против нас... — Генерал поднял палец. — Если, повторяю, если все функционирует штатно. Согласны?

— Да, сэр.

Каан взял со стола пачку бумаг:

— Это протоколы дисциплинарного суда, капитан. Как офицеру социологической службы миссии вам будет небезынтересно знать, что у военной миссии на Момусе худший уровень дисциплины в Квадранте.

— Так точно, сэр.

— Капитан, здесь учтены и базы Квадранта вокруг всех штрафных колоний!

— Так точно, сэр.

— Капитан, мужчины и женщины, которыми укомплектована эта миссия, — Горные Егеря, самые профессиональные и дисциплинированные солдаты в войсках Квадранта. Так продолжаться не может. Во-первых, я хочу, чтобы вы сказали мне, в чем дело. Далее, я хочу знать, что вы намерены предпринять.

— Так точно, сэр. Определенные социо...

— Ей-богу, капитан, если вы снова начнете говорить о социологических параметрах, обратных биологических связях или негативных воздействиях, я вам голову отверну!

— Ну, генерал, здесь имеет место сочетание различных факторов... то есть если говорить о причинах проблем с дисциплиной. Исследование только что завершено...

— Пропустите это и переходите к сути.

— Э-э, так точно, сэр. Ну, сэр, чрезмерно упростить...

— Невозможно.

— Так точно, сэр. Ну, сэр, это то, что мы называем острым осознанием окружающей среды.

— Это вы так называете; как бы назвал это я?

— Синдром каюты? Повышенная раздражительность, вызванная длительным пребыванием в одиночестве или взаперти.

— Продолжайте.

— Ну, сэр, дело в том, что изоляция от поверхности планеты начинает негативно возде... э-э, ну, сэр, это начинает раздражать людей.

— Итак, капитан, мы пришли к тому, к чему могли бы прийти еще час назад. Значит, синдром каюты, да?

— Так точно, сэр.

— Я могу, не задумываясь, назвать около двадцати военных миссий, подобным же образом изолированные по политическим причинам, условиям окружающей среды и массе других причин. — Генерал помахал пачкой бумаг. — И нигде эта проблема не возникает.

— Так точно, сэр, то есть никак нет, сэр. На данный момент все провинившиеся подверглись обследованию для определения соци... э-э, на предмет наличия общей причины. Используя эту информацию, мой отдел провел дополнительные исследования и обнаружил, что эта модель поведения распространяется также на иждивенцев и гражданских служащих.

— И?..

— Ну, сэр, вероятно, все это сложнее, чем может показаться. Доктор Грейвер, главный психоаналитик, говорит, что, возможно, это символизирует...

— Что «это», капитан?

— Сэр, э-э... личный состав, они... хотят пойти в цирк.

— Цирк.

— Так точно... сэр.

Каан пристально смотрел в пустоту, пока капитан Бостани не поняла, что ей придется либо нарушить тишину, либо с пронзительным визгом сбежать из отсека.

— Сэр, мы проследили информацию о цирке до экипажей ретрансляционных станций и открытых разработок...

— На Момусе нет цирка.

Бостани залезла в папку и положила перед генералом какие-то бумажки.

— Мы получили это от сменных экипажей, побывавших на планете.

Каан внимательно рассмотрел билеты и покачал головой:

— Капитан, пожалуйста, объясните мне, почему мужчины, женщины и дети, в распоряжении которых множество самых изощренных способов развлечений, известных современной науке, хотят в цирк?

— Есть, сэр. — Бостани улыбнулась и вытащила из папки пачку сколотых листов. — Я пишу статью об этом...

— Почему, капитан?

— Так точно, сэр. Исключая занятия спортом, все наши развлечения — телеметрические. Именно их нереальность оставляет некоторые потребности неудовлетворенными.

— Нереальность? Капитан, вы когда-нибудь пользовались виртуализатором? При желании можно совершить восхождение на Эверест и даже обморозиться.

— Так точно, сэр. Но до и после опыта вы знаете, что опыта на самом деле не было и что никакого испытания не существовало. Доктор Грейвер согласен со мной, что фактически этот феномен есть тяга к реальности.

Каан взял билет с изображением огромного ящера в розовом трико с кисточками, одной лапой поднимающего высоко над головой маленького мальчика в чалме.

— Вы называете это реальностью?

— Похоже, именно так представляется личному составу.

Каан посмотрел на билет и кивнул:

— Думаю, для Момуса так оно и есть. — Он поднял голову. — Ваши рекомендации?

— Генерал, нам надо позволить личному составу проводить время на планете на регулярной основе: сходить в цирк, в турпоход или просто погулять по округе и подышать свежим воздухом.

— У вас есть другой план? Алленби зарубит это на корню, и вы знаете почему.

— Никакой другой план неосуществим. Либо позволить им бывать на планете, либо заменить весь личный состав. Мы

провели социологический анализ; посещение планеты на основе ротации не должно иметь отрицательных последствий. Воздействие, которого боится лорд Алленби, возможно только при существовании планетарных баз.

— Значит, ваш отдел подтвердил заявление предсказательницы?

— Так точно, сэр, и ее точность невероятна, за исключением этого. Она рекомендовала полное разделение. Странно, что она могла быть так точна в одном и так промахнуться в другом. Но она-то, в конце концов, не компьютер.

Каан коротко хохотнул.

— Предсказательницу Тайлу, в отличие от вашего компьютера, Алленби слушает. — Каан протянул руку к вмонтированному в пульт коммуникатору. — Найдите мне посла Хэмфриса. — Он снова повернулся к Бостани. — Подготовьтесь как можно лучше, капитан, подберите самые яркие случаи. Вам предстоит встреча с уволенным бывшим послом и нынешним Государственником Момуса Великим Алленби, фокусником и рассказчиком. — Каан пожал плечами. — Часть реальности, к которой нас, видимо, тянет.

Пока капитан Бостани объясняла таблицы, графики и диаграммы социологических последовательностей, Алленби смотрел на людей, сидящих на подушках вокруг стола. Посол Хэмфрис, как обычно, раздраженно хмурился. Сидевший рядом с послом генерал Каан оставался совершенно невозмутимым. Хамид из наездников Мийры, сидящий напротив Алленби, невидящим взглядом смотрел в центр стола. Рядом с Хамидом сидела предсказательница Тайла, из-под полуприкрытых век наблюдающая за выступлением Бостани.

Капитан собрала бумаги и заключила:

— Следовательно, лорд Алленби, хотя полное разделение и защищает Момус от нежелательного социовоздействия, оно имеет нежелательное воздействие на военную миссию. Как я уже говорила, по расчетам моего отдела, негативное воздействие не будет результатом ограниченного взаимодействия между...

— Нет! — Тайла подняла руки ладонями к Алленби. — Я видела, что будет и что может быть, Великий Алленби. Я заявляю, что солдаты должны оставаться в небе.

Алленби пожал плечами:

— Тогда, посол Хэмфрис, это мой ответ. Личный состав миссии остается на орбите.

— Лорд Алленби, будьте благоразумны, приятель. Капитан Бостани более чем компетентна, чтобы определить, возникнут или нет проблемы от ограниченного контакта. В ее распоряжении новейший инструментарий для компьютерных исследований. А вы противопоставляете этому слово спиритуалиста?

— Хэмфрис, с самого рождения Тайлу обучали впитывать информацию, анализировать ее, взвешивать вероятности и проецировать последствия, произведенные некоей совокупностью обстоятельств. В этом нет ничего сверхъестественного, никакого спиритуализма. Она не смогла бы рассказать, как пришла к отдельному заключению, но скажу вам: заключения эти точны. Думаю, генерал подтвердит мои слова.

Каан кивнул:

— Я видел, как Тайла изучила наш первоначальный план оккупации и защиты Момуса, а потом по пунктам перечислила социологические результаты. Капитан Бостани подтвердила их... то есть, кроме необходимости полного разделения, как она, по-моему, показала.

Алленби обратился к Бостани:

— Капитан, я не сомневаюсь в вашей компетентности. Однако опытная предсказательница может сделать все, что делают ваши компьютеры, и гораздо быстрее. Кроме того, Тайла знает Момус. Может существовать некий фактор, какая-нибудь незначительная на первый взгляд мелочь, которую вы не учли. Персонал миссии не спустится на планету.

— Великий Алленби! — Он обернулся. Хамид смотрел на него выцветшими голубыми глазами. Лицо старого наездника было смертельно уставшим. — Великий Алленби, прошу тебя. Если солдаты не придут, цирк погибнет. Мы проработали всего три дня, и трибуны Большой Арены уже заполнены наполовину. Главные номера не могут продолжаться без солдат.

— Ты слышал слова Тайлы. Разве могу я пожертвовать образом жизни целой планеты ради нескольких номеров?

— Я хотел бы задать Великой Тайле вопрос. — Хамид повернулся к предсказательнице. — Великая Тайла, как могут

несколько солдат, пришедших в мой цирк, уничтожить нас, когда предки Момуса, артисты старого цирка, веками путешествовали среди чужих миров?

Тайла закрыла глаза:

— Я вижу то, что вижу.

Алленби встал:

— Итак, если других вопросов нет...

Хамид тащился на своих костылях, пока не увидел огни Большой Арены. Он стоял перед входом для зрителей и не мог заставить себя войти. Стоя один в темноте, старик слушал играющую на Арене музыку. Он видел, как прискорбно мало посетителей расхаживают по главной улице, заглядывая в ларьки и палатки, читая надписи и слушая зазывал. Придорожные номера тоже приходят в упадок. «Но, — подумал Хамид, — для них это пустяки. Когда цирк умрет, они, как и раньше, будут выступать на площадях и у огней. Но для нас...» Он подошел к входу и мгновение смотрел на Тессию и ее партнеров, парящих высоко над манежем. Отвернулся. Для них не будет завтра. Когда с Арены донеслись приветственные крики и аплодисменты, Хамид поднял голову. И увидел палатку предсказательницы. Внутри женщина в голубой мантии раскладывала пасьянс, не обращая внимания на шум и музыку. Хамид задумался, покачал головой и снова задумался. Все было так просто. Причмокнув губами, он перехватил костыли поудобнее и вскоре исчез в темноте.

— Великая Тайла. — Хамид склонил голову.

Старая предсказательница прищурилась на него со своего места у стола, потом кивнула.

— Входи, Хамид. Присаживайся. — Старик проковылял в темную комнату, прислонил костыли к стене и опустился на единственную подушку перед столом Тайлы. На столе стояла масляная лампа, единственный источник света в комнате. — Что привело тебя?

— Меня привело твое всесилие.

Она прочитала взгляд старика, и увиденное ей не понравилось.

— Говори яснее, старый наездник.

Хамид кивнул:

— Капитан-предсказательница не понимает. И я не понимал.

— Что?

— Алленби был прав, когда говорил, что ты можешь все, что могут делать машины капитана, и к тому же быстрее. — Хамид ухмыльнулся. — Но наш Государственник недооценил тебя.

— Выкладывай, зачем пришел, Хамид.

— Великая Тайла, ты можешь то, чего не могут машины капитана.

— То есть?

— Ты можешь лгать.

Лицо Тайлы застыло.

— Я сказала то, что видела. Если бы все эти солдаты и прочие пришли на Момус, они бы поглотили нас. Нам, нашему образу жизни, пришел бы конец. Это правда!

Хамид кивнул:

— Частично. Но все эти солдаты находятся на орбитальных базах и станциях. Нашему образу жизни они не угрожают.

— Нет! — Тайла покачала головой. — Они должны оставаться там. Мы будем в безопасности, только если они не будут посещать Момус — никто из них.

Хамид потер подбородок:

— Тайла, каким ты увидела цирк, если солдаты будут посещать нас? Ты увидела, что цирк возродится, не так ли?

Тайла закрыла глаза:

— Я устала, Хамид. Оставь меня.

— Ты увидела, что он возродится.

— Да! — Это прозвучало так громко, что Тайла сама вздрогнула. — Да, но только среди многого другого...

— Ты увидела наездников, канатоходцев, воздушных гимнастов, номера с крупными животными и хищниками, такими, какими они не были уже много лет: звезды манежа, гвозди программы...

— Хамид, не только это.

— Да, ты увидела не только это, Тайла. Ты увидела, как предсказатели прячутся в палаточках в стороне от главной ули-

цы: второстепенные номера. Гадать по руке и картам, говорить деревенщине то, что они хотят услышать.

На глазах старухи замерцали слезы.

— Старик, Алленби будет слушать только меня.

— А что, если я пойду к твоей дочери Салине? Ее уважают. Что увидит она? Что, если я обращусь ко всем великим предсказателям Момуса? Алленби не поверит капитану, но поверит он десяти, пятидесяти, ста предсказателям?

— Они увидят то же, что и я.

Старик пожал плечами:

— Может, и нет. Они моложе. Возможно, они увидят больше второстепенного номера.

Тайла засмеялась:

— Ну и что же, по-твоему, они увидят, старый наездник?

— Думаю, они увидят, что со времен заселения Момуса предсказательство изменилось. Наездники, воздушные гимнасты, дрессировщики — мы те же, какими были. Но предсказатели изменились. Они выросли. Богатые предприниматели, мужчины и женщины, приходят к твоему столу, чтобы узнать будущее и составить планы. Вы переросли цирк. Думаю, они увидят это.

Старуха нахмурилась, потом пошарила под столом и вытащила прозрачный стеклянный шар. Положила его на стол и подкрутила лампу. Всего мгновение вглядывалась она в глубины стекла, потом закрыла глаза и кивнула:

— Я не заглянула за пределы этого видения. Пойми мою преданность предсказателям, Хамид. Я увидела это и...

— И солгала! — Хамид ухватился за край стола и встал. Он взял костыли, приладил их под мышки и повернулся к Тайле. — Ты скажешь Алленби?

Тайла посмотрела в сердитое лицо старика:

— Да, я скажу ему. — Хамид заковылял к двери. — Хамид!

Он повернулся и посмотрел ей в лицо:

— Да?

— Мне стыдно. Но сегодня вечером у Алленби я видела старого калеку, готового уничтожить весь народ, только бы посадить сына на коня. Разве мой позор больше, чем его?

Хамид посмотрел на старуху, потом опустил голову:

— Нет, Великая Тайла. Ты разобралась в моей душе лучше, чем я сам.

— Это мое ремесло.

Хамид посмотрел на нее и улыбнулся:

— Я должен тебе за визит?

Старуха улыбнулась и покачала головой:

— Нет, Хамид. По-моему, мы в расчете. Ты должен идти?

Хамид рассмеялся.

— Да. Хочу напиться как лошадь.

Алленби простился с Куулисом, Инспектором манежа, и оглядел трибуны, заполненные Егерями, штатскими и толпами возбужденных детей, смотрящими вокруг широко открытыми глазами. Арена была ярко освещена восемью прожекторами, предоставленными генералом Кааном взамен масляных ламп, а музыканты на оркестровой площадке играли энергичный марш, готовясь к параду-алле. Подошел Дисус, главный советник Алленби, и тоже остановился возле Арены.

— Чудесное зрелище, правда?

Алленби кивнул:

— Настоящее чудо, однако, человек, организовавший все это. Куулис рассказал мне, что Хамид затеял все это без единого мовилла в кошельке; а теперь погляди на собранные им номера и привлеченных зрителей.

Дисус пожал плечами и лениво махнул рукой на солдат:

— Если Хамид не может идти к Горе...

— Не заканчивай, если тебе дорога жизнь. Лучше найди нам места.

Ухмыляясь, Дисус поклонился и ушел договариваться о местах.

На верхнем ряду напротив входа опирающийся на костыли старик оглядел амфитеатр. Незадолго до начала программы Куулис стоял перед ним и качал головой.

— Все до единого проценты сборов пошли на еду, материалы и припасы. Я веду счета, Хамид. Несмотря на успех, ты не станешь ни на мовилл богаче.

— Я уже вознагражден, Куулис, — сказал он в ответ.

Инспектор манежа пожал плечами и покачал головой:

— Дорогая цена за сантименты, друг мой.

— Дело не в сантиментах.

— В чем же твоя награда? Я не понимаю. — Куулис ушел, качая головой и поглаживая набитый кошелек.

Когда начался парад-алле, старик наклонился вперед, чтобы лучше видеть, как четыре брата в расшитых серебряными блестками трико на четырех белоснежных жеребцах первыми выезжают на Арену. Четыре брата, чьи сыновья и дочери, а потом и внуки будут наездниками.

— Да, Куулис, — прошептал старик, — вот мое богатство.

ПОЕДИНОК КЛОУНОВ

Лорд Алленби вопросительно поглядел на ученика рассказчика, но тот только пожал плечами. Алленби снова посмотрел на мастера-рассказчика. Бустит сидел скрестив ноги, поставив локти на колени, положив подбородок на руки, с мрачным выражением на лице, и не сводил глаз с огня.

— Ну же, Бустит. Мы так давно знаем друг друга. — Рассказчик не шелохнулся.

Ученик почесал в затылке:

— Бесполезно, лорд Алленби. Он всю неделю такой.

Алленби пожал плечами:

— Я пришел к огню, увидел старого друга и собирался с удовольствием провести время за воспоминаниями. Когда я впервые прибыл на Момус в качестве посла Девятого Квадранта, именно Бустит выслушал мою новость и сыграл ее в Тарзаке.

Ученик кивнул:

— Он даже не хочет говорить со мной.

Алленби пригляделся к ученику:

— Ты ведь из Горных Егерей, не так ли?

— Да. Через год я выйду в отставку и поселюсь на Момусе. Сейчас в отпуске и хочу поучиться будущей профессии.

— И как тебя зовут?

— Прошу прощения. Старший сержант Гэддис. Я служу на двадцать шестой орбитальной военной базе.

Алленби кивнул:

— Рад познакомиться, сержант. Занятия интермедией пришлись вам по вкусу?

Ученик поглядел на Бустита, покачал головой и снова повернулся к Алленби.

— Понятия не имею, лорд Алленби. Я провел с ним неделю, но еще не слышал никаких новостей.

Алленби посмотрел на Бустита:

— Послушай, дружище, тебя, часом, не поразило заклятье сухости, а? — Бустит нахмурился еще больше. — Ведь только что появилась новость галактического значения: на Момус прибывает комиссия Объединенных Квадрантов. А вот еще: Десятый Квадрант наращивает вооружения в ответ на присутствие Девятого на этой планете. И через несколько дней здесь будет посол Десятого Квадранта, чтобы представить свои верительные грамоты. Даже мое положение Государственника Момуса подвергается сомнению. Комиссия установит...

Бустит поднял руки:

— Успокойся, Алленби, у меня есть новость!

Старший сержант зааплодировал:

— Поздравляю. Это больше, чем я услышал от него за целую неделю.

Бустит сердито зыркнул на ученика, потом повернулся к Алленби.

— Как я сказал, у меня есть новость. Но я решил не излагать ее.

Алленби улыбнулся и кивнул:

— Так плохо, да? Я понимаю...

— Это лучшая новость за всю мою жизнь. Великая новость! И ты не понимаешь!

— Дорогой друг, — Алленби примирительно поднял руки, — мы столько пережили и повидали за последние шесть лет. Думаешь, мне не хватит понимания или я не оценю великой новости?

— Именно так я и думаю.

— Но почему? У рассказчика великая новость и он отказывается представить ее? Думаешь, я бы не заплатил?

Бустит встал, отошел к камням, куда не проникал свет от огня, потом вернулся и сел. Он посмотрел на Алленби, выгнув бровь.

— Ты действительно хочешь услышать мою новость?

— Конечно. А еще хочу, чтобы ты объяснил свое странное поведение.

Бустит поджал губы, потом кивнул:

— Ладно. Сначала я расскажу, почему упирался. — Он повернулся к старшему сержанту. — Я изложил эту новость другим, вроде этого парня, и со мной дурно обошлись.

Алленби нахмурился:

— Ты имеешь в виду — солдатам?

— Это были ученики, как и этот, но, да, солдаты.

Алленби повернулся к Гэддису:

— Правила посещения планеты строго соблюдаются, не так ли?

— Да, лорд Алленби. Мы все ознакомлены с обычаями, традициями и профессиями. В мои служебные обязанности входит обучение всему этому.

Алленби потер подбородок и снова повернулся к рассказчику:

— Расскажи, что произошло, Бустит.

Бустит бросил на ученика подозрительный взгляд, потом поднял руки.

— Ладно. Это случилось несколько дней назад у первого огня от Тарзака. Я проговаривал свою новость вслух и очень хотел рассказать ее на дороге. Как я уже говорил, это великая новость.

— Да, говорил.

Бустит пожал плечами:

— Вечером я подошел к огню и услышал смех, доносящийся из-за камней. Про себя я подумал, что мне повезло: хорошие зрители в первый же вечер. Но, обойдя камни, увидел, что это солдаты.

— Ты сказал, что это были ученики. Откуда ты знаешь, что они солдаты?

— Они плохо носили мантии и смешно сидели. — Бустит кивнул на ученика: тот стоял на коленях, крепко сжав их.

Гэддис пожал плечами:

— Нужно время, чтобы привыкнуть ходить без штанов.

Алленби кивнул:

— Я помню. Продолжай, Бустит.

— Ну, я хотел уйти, но они так суетились, уговаривая меня остаться, что я передумал. Это означало, конечно, что придется выдержать все их любительские представления, но, подумал я, дело есть дело. И остался. Там был ученик жреца, ученики, представляющие рассказчиков, акробатов, метателей ножей, и даже один из твоих родных фокусников, Алленби.

Мы поторговались и поели, и потом первым встал ученик жреца. Его работа была почти приемлемой: он продекламировал эпическую поэму о цирковом корабле «Город Барабу», принесшем на Момус наших предков. Хоть и неохотно, я расстался с двумя мовиллами за представление этого типа, думая собрать в двадцать раз больше, поразив этих учеников моей новостью.

Потом выступил метатель ножей (доску он носил с собой), но это было так себе, потому что перед доской никто не стоял. Тем не менее я расстался еще с двумя мовиллами. Достаточно сказать, что акробаты и фокусник были подобного же уровня. Я с трудом удерживал глаза открытыми.

— Потом, чтоб глотка его учителя окаменела, начал ученик рассказчика. Он говорил и говорил о каком-то мальчишке в странном месте, называемом Питтсбург, и я не мог найти ни начала, ни конца этой истории. Конец я распознал только потому, что он перестал болтать, и еще один мовилл покинул мой кошелек. Но потом... — рассказчик уставился в пространство, и в глазах его вспыхнул странный огонек, — потом наступила моя очередь. Я обвел взглядом напряженные лица и начал: «Я, Бустит из рассказчиков Фарранцетти, сижу нынче вечером у огня, дабы рассказать вам о великом поединке между Камерой, мастером клоунов Тарзака, и Спахтом, новым мастером клоунов из Куумика. Это эпическая новость о могучем герое, отражающем наскоки голодного шакала. Я, Бустит, был свидетелем этого события...»

Четыре дня назад я сидел за столом Великого Камеры, обменивая свои новости на угощение, когда уличный занавес распахнулся. В дверях стоял Спахт, облаченный в желтые штаны в черный горошек и зеленый в белые полосы жилет на голое тело. На шее он носил воротничок и галстук-бабочку. На намазанном белилами лице выделялись красный нос и нама-

леванная улыбка до ушей; венчали все всклоченный рыжий парик и котелок. Он поклонился Камере и сказал:

— Настало время, Камера. Будь на улице через пять минут.

Камера засмеялся.

— Дурак, я не собираюсь утруждаться вызовом от каждого ученика, которому случилось пройти мимо моей двери.

— Ученика?! Я Спахт, мастер клоунов Куумика!

Камера лениво махнул рукой на дверь:

— В таком случае вон, гнусный Спахт! Вон, я сказал!

Спахт поклонился:

— Вижу, я ошибся дверью и нашел только великую химеру.

Камера прищурился:

— Оставь меня. Я выйду, когда ты просил. — Спахт снова поклонился и вышел. В тиши комнаты я увидел, как великий клоун вздохнул и достал из-под стола грим. На лице его запечатлелась печаль.

— Разумеется, Великий Камера, — спросил я, — этот выскочка не беспокоит тебя?

Камера приладил зеркало и начал накладывать грим.

— И вот так всегда, Бустит, с величайшими клоунами Момуса. Всегда где-то в углу прячется еще один молодой словоблуд, жаждущий сделать себе имя. Это нелегкая жизнь.

Камера закончил гримироваться и надел белоснежный костюм с большими помпонами спереди. На лысую голову он нацепил белый остроконечный колпак, на ноги — белые башмаки. Я видел, как он хмур под гримом.

— Поведение Спахта отличается от обычных поползновений бросить вызов Великому Камере, да?

Великий клоун кивнул:

— Ты видел, как он одет. Этот кричаще яркий костюм и галстук-бабочка... этот тип заводит его, и тот крутится! У Спахта нет ни чувства традиции, ни чести. Сегодня на улице можно ожидать чего угодно.

Два клоуна встали лицом к лицу посередине пыльной улицы. Сначала они осторожно кружили друг против друга, потом Спахт заговорил:

— Был у меня дядюшка-портной, и случилось ему как-то крепко разозлить одного фокусника: сшил рубашку, а та не подошла.

— Довел его до разлива желчи, да?

— Ага. И он превратил дядю в дерево.

Все видели, как Камера пожал плечами, но у него не было выбора. Оставалось только идти по проложенной Спахтом дорожке.

— Это беспокоило твоего дядю?

— Он не говорил: он был деревянным.

— А сучки были?

— Но я отомстил за дядю: задал фокуснику трепку и бросил невежу к дядиным деревянным ногам.

— Некоторые мечут бисер перед свиньями, а ты — грубиянов перед соснами.

Когда пыль после первой схватки рассеялась, противники оглядели друг друга. Камера встал так, чтобы солнце не било в глаза. У Спахта был весьма самоуверенный вид.

— А ты знал, — снова заговорил Спахт, — что мой племянник в родстве с крохотными пещерными летунами?

— Да, Спахт, знаю. Я как-то наступил на такого и услышал, как твой племянник лопочет: «Ох, родненький мой!»

Толпа застонала. Для Спахта это стало сигналом к ответу.

— С чего бы это клоунам почитать тебя, Камера? Ты, похоже, живешь только старой славой. Это просто-напросто старческая болтливость.

Камера улыбнулся:

— Почтение усиливает любовь.

Спахт, пошатнувшись, сделал пару шагов и начал крутить галстук-бабочку.

— Мой дядюшка, тот, что стал деревом... — начал он.

— Я видел его на следующий день, Спахт. И сказал: «Ну прям типичный тис».

— Мы были так бедны, что на его похоронах не могли позволить себе музыки. Слышен был только кашель...

— Значит, играла простудная музыка?

— Ну... был там гроб. — Спахт еще пытался овладеть собой, но Камера почуял запах крови. — Мой... племянник потерял сознание и свалился в бочку с краской...

— Нанюхался. Обалденно хороший краситель. — Спахт упал на четвереньки и пополз прочь из города. Радостный крик вырвался у толпы, а Камера шел за побежденным клоуном по

улице. — Ползи по прямой, Спахт, иначе больно ушибешься об извилины...

Бустит опустил взгляд, чтобы обрушить на Алленби кульминацию, но Великого Государственника Момуса уже не было.

— Он... — Рассказчик обернулся и обнаружил, что Гэддис тоже исчез. Пробежав между камнями, он разглядел две темные фигурки, бегущие в сторону Тарзака.

— Странно, — рассказчик потер подбородок, — если Алленби знал, что сделали солдаты, зачем он спрашивал?

В ПОИСКАХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Есть на планете Момус, к югу от города Тарзак, деревушка Сина. Приютилась она между дельтой реки Проходимки и сверкающими просторами моря Барабу, названного в честь корабля, на котором и свалился двести лет назад на Момус цирк. Только что выглянувшее из-за края моря солнце подрумянило плоские крыши, клочки облаков лениво грелись над водой, глядя сверху на две фигуры в пурпурных мантиях, стоящие на полуразрушенном причале. Высокий человек не сводил взгляда с моря Барабу. Он почесался, дернул себя за длинную белую бороду, потом повернулся к насупившемуся спутнику.

— Дерки, пожалуйста. Постарайся понять.

Тучный Дерки поднял густую черную бровь и нахмурился еще сильнее.

— Ты просто убьешь себя, старый дурак! — Его высокий, гнусавый голос резал слух. — Умрешь от старости, даже если тебя пощадят бури, изгнанники и чудовища. Повторяю еще раз, Палсит, ты — старый дурак! — Дерки сложил руки на груди.

Палсит вскинул брови:

— Послушай, Дерки, с учителем так не разговаривают. Ты отвратительный ученик.

Дерки фыркнул:

— Я тоже мог бы сказать кое-что о том, каков из тебя учитель, Палсит. Мне за сорок, а я все еще ученик!

Палсит поморщился.

— Ах, Дерки, этот визг невыносим. Пожалуйста, потише. — Он покачал головой. — Как могу я натравить тебя, с таким-то голосом, на слушателей? Вот почему другие учителя-рассказчики не брали тебя. Но я принял тебя, Дерки. И ты у меня в долгу.

Уголки рта Дерки опустились, он выгнул брови и кивнул:

— Верно. — Он полез за пазуху, вытащил медную бусинку и вложил ее в руку Палсита. — Надеюсь, это улаживает наши счеты?

— Один мовилл? Это, по твоим подсчетам, ты должен мне за восемь лет ученичества?

Дерки пожал плечами:

— Возможно, я слишком щедр, но сдачу можешь оставить себе. Это поможет мне приглушить укоры совести за то, что я позволил тебе уехать и убить себя.

Палсит снова отвернулся к морю.

— Ба! Тебе-то что за дело, непочтительный паршивец?

— Я намерен стать рассказчиком, Палсит, а не соучастником твоего самоубийства. Ты никогда не покидал Центральный континент; сомневаюсь, что ты добирался хотя бы до Куумика...

— Добирался!

— А теперь ты хочешь совершить кругосветное путешествие! Проехать весь Момус! Ты не представляешь, какие опасности тебя ожидают! Совершенно не представляешь!

— Приглуши этот визг! — Палсит оглядел причал и перевел взгляд на дома вдоль берега. — Вся Сина будет требовать у нас медяки за то, что их вытащили из постели в такую рань. Где этот рыбак?

Дерки посмотрел на причал, потом снова оглядел океан:

— Вероятно, Растр передумал. Возможно, он чувствовал бы себя в ответе за твое самоубийство.

Нахмурившийся Палсит повернулся к ученику:

— Прекрати твердить это! Я не собираюсь убивать себя. Я рассказчик, Дерки, и должен приобретать опыт, чтобы воображению было откуда черпать. Жрецам надо только вести летописи; рассказчики рассказывают о произошедших событиях; рассказчик же, — Палсит постучал себя по виску, — должен иметь воображение.

Дерки покачал головой:

— Ты был рассказчиком многие годы, и тебе не требовалось покидать континент в поисках новой пищи для воображения.

— Мои огни...

— Начать с того, что они никогда не отличались жаром.

— Мои огни... холодны. Только великое приключение, вроде того, что я задумал, может снова разжечь их. — Палсит снова посмотрел на причал. — А, наконец. Вот и Растр.

Дерки обернулся. Между домами появился чудовищных размеров детина, облаченный в желто-зеленую полосатую мантию уродца, и нетвердой походкой двинулся к причалу. Под мышкой левой руки он нес два больших кувшина; третий висел на пальце. Четвертый кувшин гигант сжимал массивной правой рукой, каждые несколько шагов прикладываясь к содержимому, а между глотками вытирал черную бороду рукавом не слишком чистой мантии. Дерки покачал головой и посмотрел на Палсита.

— Кому мне послать твои пожитки?

Уродец остановился рядом с рассказчиками и посмотрел на них сверху вниз, изрыгнув клуб испарений заболонного вина. Дерки замахал руками и попятился. Растр улыбнулся, показав зубы, которым больше бы подошло слово «плиты».

— Извиняюсь, Палсит, коли заставил тебя ждать. — Из кувшина выплеснулось вино. — Мне потребовалось немало времени, чтобы убедить купца Фунгарта выбраться из постели и продать мне это лекарство. — Растр выгнул бровь и наклонился к Дерки. — Чтобы не подпускать морскую болезнь.

Палсит поднял руку:

— Не надо извинений, Растр. Который корабль твой? — Палсит указал на множество прекрасных парусников, принадлежащих рыбакам Сины.

Растр, прищурив затуманенные глаза, посмотрел в указанном направлении, потом покачал головой. Он шагнул к краю причала, наклонился и указал, не выпуская из руки кувшина:

— Вон.

Палсит и Дерки посмотрели вниз и заметили судно, на которое указывал Растр. Одномачтовое деревянное суденышко покачивалось рядом со сваями среди мусора, выброшенно-

го с других кораблей. Если оно когда-то и было раскрашено, то краска давно облезла. Обрывки веревок свисали с мачты и фальшборта, бухты и спутанные клубки веревок разбросаны по палубе — там, где не были навалены пустые кувшины. На корме выцветшей желтой краской написано название корабля: «Королева Сины».

Дерки оглядел судно и кивнул:

— Ты был прав, Палсит. Это не самоубийство; это убийство!

Растр соскочил с причала на палубу «Королевы», и кораблик закачался; рассказчики затаили дыхание. Уродец удержался на ногах и понес свое лекарство к крохотной каюте. Палсит положил руку на плечо Дерки.

— Итак, ты не отправишься со мной на поиски приключений?

— Я всего лишь ученик рассказчика, Палсит. Нужен сам великий фокусник Фикс, чтобы уцелеть в плавании на этом прохудившемся корыте.

Палсит опустил руку:

— Ладно. До свиданья, Дерки. Надеюсь, рано или поздно ты сможешь найти другого учителя. — Мастер-рассказчик подошел к трапу и начал спускаться на корабль.

Дерки свесился над краем причала.

— Другого учителя? Палсит, где мне — с моим голосом — искать учителя? Вернись, старый дурак! Тебя ж съедят рыбы, ты это понимаешь?

Палсит спустился к «Королеве Сины» и, прыгая через борт, споткнулся и упал на палубу. Встал, оправил мантию. Из каюты выбрался Растр и потянул за гафель. Когда-то белый, а теперь раскрашенный черной и серо-зеленой плесенью парус, нерешительно запинаясь, пополз к верхушке мачты. Палсит помахал рукой, потом повернулся и ушел в каюту. Не выпуская веревку, Растр посмотрел на Дерки и бросил на причал несколько медяков.

— Отдай концы, ладно?

— Хочешь сделать меня соучастником убийства?

Дерки фыркнул, наклонился и подобрал медяки. Запихнув их в кошелек, он подошел к сваям возле носа и кормы, поднял потрепанные концы швартовых и бросил в воду. Добравшись до вершины мачты, треугольный парус наполнился

ласковым бризом и потянул корабль прочь от причала. Дерки поднял глаза к чистому небу, пробормотал то ли проклятие, то ли молитву, потом скатился по трапу и плюхнулся на палубу «Королевы Сины».

Растр закрепил мачтовый линь и посмотрел на Дерки, не сводившего тоскливого взгляда с удаляющихся домов Сины.

— Если ты плывешь с нами, Дерки, это будет стоить тебе пятьдесят медяков, как и твоему учителю.

Дерки повернулся и сердито посмотрел на уродца:

— Ты получишь медяки, Растр, когда я живым доберусь до места назначения.

Растр пожал плечами:

— По рукам. — И уродец занялся румпелем.

Дерки снова посмотрел на Сину, до тошноты уверенный, что его пятьдесят медяков в такой же безопасности, как если бы были отданы взаймы тарзакскому кассиру.

Земля давно уже исчезла из виду. Летний шторм нес «Королеву Сины» сквозь тьму. Дерки, лицо которого приобрело нежный желто-зеленый оттенок, отвернулся от крохотного застекленного окошка и смотрел, как Растр в очередной раз прикладывается к кувшину. Трое искателей приключений сидели за грубым дощатым столом, занимающим бóльшую часть каюты. Под потолком раскачивалась и шипела вонючая лампа на рыбьем жире. Растр рыгнул, и лицо ученика рассказчика стало желто-зеленым. Дерки трясущимся пальцем указал на корму:

— Растр... кто правит этой несчастной посудиной?

— Правит? — Уродец поскреб в затылке, потом пожал плечами. — Не знаю, Дерки. Раз, два, три. — Он по очереди ткнул пальцем в Палсита, Дерки и себя. — Мы все здесь — значит, править вроде бы некому.

Ученик с грохотом опустил локти на стол и закрыл лицо руками.

— Поведай же мне, о великий мореход, что хранит нас от гнева бури и коварных скал?

Растр покачал головой и улыбнулся:

— Хороший вопрос, приятель. Но, понимаешь, интел... ик! интеллектуальные беседы — это не мое...

— Клянусь косыми глазами Джамбо! — Дерки опустил руки. — Растр, почему ты не на руле?!

Растр ухмыльнулся и так хлопнул рукой по столу, что все — и локти Дерки — подскочило в воздух.

— Ха! Клянусь моими медяками, на это я могу ответить! Там мокро.

— Мокро? Мокро!

Палсит ласково положил руку на плечо Дерки:

— Успокойся. По-видимому, Растр закрепил румпель. Этот превосходный корабль может сам править собой. Понимаешь?

— Что?!

Палсит кивнул:

— По словам капитана, до земли и скал еще много дней.

— Дней? — Дерки зажал рот обеими руками и, перемахнув через приделанную к полу скамью, выскочил на палубу.

Привстав, Растр протянул длинную руку и захлопнул дверь каюты. Потом уселся, взвесил в руке кувшин и сделал большой глоток.

Палсит потянулся, сцепил руки за головой и откинулся на стенку каюты.

— Ах, мой капитан, я прямо-таки чувствую, как во мне закипает кровь рассказчика. Это будет прекрасное приключение. — Он опустил руки и склонил голову набок. — Послушай! — До них донесся долгий, тихий стон. — Прислушайся к этим стенаниям. Это морской дракон? Призраки с погибшего корабля?

Растр опустил кувшин и прислушался:

— Это Дерки. У него морская болезнь.

Палсит вздохнул:

— Конечно, Растр, конечно. Но эти унылые звуки... разве они не чаруют воображение?

Уродец еще раз приложился к своему пойлу, опустил кувшин и прислушался к стонам и ругани ученика и завыванию ветра. Потом кивнул:

— Теперь, когда ты сказал об этом, Палсит, это похоже... ну, я всегда думал, что именно так рыдают подневольные души.

Палсит вскинул бровь:

— Подневольные души?

Растр покачал головой:

— Это такая сказка местных рыбаков. Подневольные души, жертвы пирата-колдуна по прозванью Кровавый Ковш. Он околдовывал их, а потом привязывал к грот-мачте — нести вахту.

Дерки снова застонал, и Палсит потер руки.

— Кровавый Ковш! Великолепно! — Взгляд рассказчика заволокло сонной пеленой. Он простер руки. — Вой страждущих душ жертв Кровавого Ковша предупредил, что ночью ветер и шторм усилятся, когда... — Палсит опустил руки и посмотрел на Растра. — Как назывался корабль?

— Корабль?

— Корабль Кровавого Ковша.

Растр недоуменно сморщился.

— Я ж говорил, Палсит. Это просто сказка.

— Знаю-знаю. Но я рассказчик. Я должен давать волю воображению. Мы берем сказку, облекаем ее верой и сочиняем... нет, проживаем рассказ! — Палсит схватил кувшин Растра и сделал большой глоток. Поставил кувшин на стол, покачал головой и поднял палец. — Корабль!

Растр азартно потер руки.

— Корабль его зовется «Черная волна» — подлейшая, отвратительнейшая посудина, какую только носило море.

— Прекрасное имя. — Дерки снова испустил стон. — Капитан! Капитан Ковш! Что говорит вахтенный? — Палсит кивнул на Растра. — Ты будешь Кровавым Ковшом.

Растр ухмыльнулся:

— Тогда, помощник, зови меня просто Кровавый. Я вырву кишки любому, кто назовет меня Ковшом. — Растр еще раз приложился к кувшину. Снова раздался стон Дерки. С грохотом поставив кувшин, Растр поднес руку к уху. — Стоп! Помощник, остановить корабль!

Палсит еще раз глотнул из кувшина.

— Есть, Кровавый! Что там?

Растр махнул рукой над головой:

— Эти паршивцы наверху дают знать, что добыча близка. Зови команду!

— Есть, Кровавый! — Палсит распахнул окошко и закричал: — Все наверх! Кровавому нужны ваши преступные руки и стальные клинки! — Пронзительный крик, потом вой засви-

детельствовали, что Дерки еще не смыло за борт. — Команда собралась, Кровавый.

Растр свирепо уставился на стену:

— Ха, жалкий сброд! — Оглядев каюту, уродец оторвал от стены под потолком две узкие дощечки и подал одну Палситу. — Твой клинок, помощник.

Палсит встал и взмахнул дощечкой над головой:

— Он всегда готов сослужить злому делу, Кровавый.

Растр взмахнул своей дощечкой, попытался встать, но покачнулся и с грохотом врезался в стену.

— Стоять, салаги! На горизонте паруса жирного купца. Рулевой, полный вперед, цепь ему в глотку, а вы, обезьяны, — наверх! Па-аднять паруса, задраить люки, крепить бизань-мачту! Хей! То-то пограбим да поубиваем нынче... — Растр ткнул себя большим пальцем в грудь. — Не будь я Кровавый Ковш!

Оба упали на скамьи и подкрепились живительной влагой. Уродец глубоко вздохнул и поставил кувшин на стол.

— Что теперь?

Палсит кивнул:

— Другой корабль. Как его назовем?

Растр потер подбородок:

— Это должно быть особенное имя?

— Да. «Черная волна» — воплощение зла. Для борьбы со злом нам нужно добро. Название купеческого корабля должно отражать добро.

Растр кивнул:

— «Зерцало чести». И он везет груз... — его затуманенный взгляд упал на кувшин, — лекарств, которые облегчат страдания пораженного эпидемией города.

Палсит попытался хлопнуть в ладоши и промахнулся.

— Великолепно, а я буду капитаном «Зерцала чести». Меня зовут капитан Джон Отвага.

Растр, покачиваясь, встал, одной рукой заслонив глаза от воображаемого солнца, а другой указывая куда-то вперед.

— Капитан Отвага! Капитан Отвага! Там, на траверзе!

— Да, боцман Верное Сердце! Что случилось?

— Капитан, нас настигает пиратский корабль. — Уродец прижался к стене и схватился за горло. — «Черная волна»!

Палсит подошел к Растру и обнял его за огромные плечи. Легкая улыбка заиграла на губах рассказчика.

— Мужайтесь, боцман Верное Сердце. Наш корабль быстр, а команда — лучше не найти ни в одном порту.

— Но, капитан, это же Кровавый Ковш! — Дерки испустил утробный вой. — Прислушайтесь! Слышите, это его призраки-вахтенные! — Вой перешел в стон, потом в какое-то поскуливание.

Палсит торжественно кивнул:

— Бедные души. Но приободритесь, боцман, иначе мы потерпим неудачу, и тогда город погибнет.

Растр выпрямился, держа перед собой дощечку, и кивнул:

— Есть, капитан! Теперь я воспрял духом.

Палсит поглядел на свою дощечку:

— Нам нужна кровь. Есть у тебя что-то подходящее?

Уродец открыл рундук возле двери. Обеими руками он вывалил оттуда обрывки веревок, пустые кувшины, полрулона парусины, затвердевшие от краски кисти и, наконец, большое закрытое ведро с краской.

— Вот. Мне надо метить бакены-ловушки.

— Какого она цвета?

Растр открыл деревянную крышку. Краска была ярко-алой.

— Вот и кровь.

Палсит закрыл глаза и простер руки:

— Хоть и быстроходно было «Зерцало чести», «Черная волна» стремительно настигала его, подгоняемая колдовством Кровавого Ковша. Взлетели абордажные крючья, и в мгновение ока корабли оказались сцеплены. Команда Кровавого хлынула через борт. — Палсит окунул свою дощечку в краску и вскочил на скамью. — Защищайся, Кровавый!

Растр тоже макнул дощечку и залез на скамью напротив.

— Ха, капитан Отвага! Твоя душа будет привязана к моей бизань-мачте, не будь я Кровавый Ковш! — Уродец сделал выпад, ударив рассказчика дощечкой по руке. — Первая кровь!

Палсит отбил следующий удар, но яростная атака Растра загнала рассказчика к двери каюты. Едва избежав смертельного удара, Палсит сделал выпад и ткнул Растра в живот.

— Ха, Кровавый! Получай!

Растр размазал краску по груди:

— Проклятье, Отвага! Ты и вправду поставил мне метку. Но я Кровавый Ковш, и во мне сила десятерых!

— Тогда выше клинок, пират, и держись!

Палсит бросился вперед, и отброшенное пинком ведро пролетело по каюте, забрызгав краской не только обоих воителей, но и все вокруг. Растр поскользнулся на луже краски и с грохотом рухнул на пол. Палсит подскочил к упавшему, занес дощечку и обрушил ее вниз, словно снеся уродцу голову.

— Умри же, Кровавый Ковш! Умри! — Палсит выпрямился и возвел взгляд к потолку. — И капитан Отвага, сам раненый и истекающий кровью, стоял на палубе «Зерцала чести», ощущая сладость победы, меж тем как тело злого пирата холодело у его ног. — Палсит прислушался, но услышал лишь поскрипывание корабля, пронзительный вой ветра и храп Растра. — И вы, бедные души, наконец, свободны! — Рассказчик привалился к стене, сполз на пол и затих.

Дерки заглянул в каюту. И его учитель, и рыбак лежали на полу, залитые чем-то красным. Стены, стол и потолок тоже были покрыты красными пятнами.

— О-ох! — Дерки зажал рот, и его качнуло обратно на палубу. Через мгновение над водой снова разнеслись стоны подневольных душ.

Наутро море успокоилось. Дерки оторвался от фальшборта и осторожно погладил себя по ноющим ребрам. Поразмыслив и решив, что желудок наконец сдался, он оглядел палубу, нашел парусиновое ведро на веревке и, зачерпнув немного морской воды, плеснул себе на голову. Ласковый северо-восточный ветерок высушил ему лицо.

— Возможно, — заметил он показавшемуся над горизонтом солнцу, — возможно, в конце концов все будет не так уж плохо.

Он пошел к каюте, но остановился на носу. «Королева Сины» летела, слегка зарываясь в волны, и, к радости Дерки, его кишечник не реагировал на это.

— Это приключение весьма послужит и моему воображению сказителя. Теперь я узнал, что такое пытка.

Дерки сцепил руки за спиной, напустил на себя хмурый вид и начал расхаживать перед каютой.

— Это королевский военный корабль, Понсонберри, а не прогулочная яхта! Если я сказал «пятьдесят плетей», то это означает именно пятьдесят плетей! Ну-ка, обдери этого мерзавца до костей, да поторопись — а то сам встретишься с кошкой-девятихвосткой!

Дерки остановился, повернулся и протянул руки:

— Капитан Лютый, я лучше сам выдержу порку, чем подвергну ей невиновного.

— Не напрашивайся, Понсонберри! Впрочем, негоже простому моряку заголять спину королевскому офицеру. Я поиграю кошкой сам!

— Помилосердствуй, Дерки, давай потише! — донеслось из каюты.

Дерки присел на корточки возле окошка:

— А, Растр, пьяница несчастный! Так ты проснулся?

— Конечно, проснулся, и моя бедная голова гудит, как котел!

Дерки фыркнул.

— Приходится расплачиваться за свои привычки, Растр. — В каюте началась возня, потом уродец произнес имя Палсита. — Растр, что там?

В окошке возникло лицо уродца. Глаза у него были красными, как пятна на коже.

— Быстро сюда, Дерки. Кажется, твой учитель умирает.

Дерки и Растр сидели за столом друг против друга, а на третьей скамье лежал Палсит, укрытый до шеи парусиной. Лицо его осунулось и посерело, седая голова перекатывалась с боку на бок в такт покачиваниям корабля. Дерки отвернулся и закрыл глаза.

Амар посмотрел на разбитое тело великого воздушного гимнаста Данто, потом на трапецию, все еще раскачивающуюся под парусиновым куполом. Он снова посмотрел на Данто, а потом начал карабкаться по лестнице, не обращая внимания на боль в покалеченной левой ноге. Толпе обещали, что сегодня они увидят заднее четверное сальто, и они увидят его, пусть даже это будет стоить мне жизни!

— Дерки, что ты бормочешь? — Растр хлебнул из кувшина и стукнул им по столу.

Дерки пожал плечами:

— Так, размышлял. Бдение у постели умирающего — не новый сюжет.

— Слишком уныло. Мне нравятся истории с действием, пышностью и хорошенькими девчонками. — Растр рыгнул.

— Не рановато ли ты начал хлестать заболонное вино?

Растр пожал плечами:

— Лучший способ излечиться — выбить клин клином. — Уродец, склонив голову набок, посмотрел на неподвижное тело Палсита. — Как по-твоему, твой учитель оправится?

Дерки покачал головой:

— Не знаю. Он очень стар.

Подобно стервятникам, собрались они у смертного ложа: потирая руки, тайком улыбаясь друг другу, подсчитывая наследство, — когда тело старика еще не остыло...

Дерки потянулся за кувшином, хлебнул и поставил сосуд на стол.

— Ты прав, Растр. Это слишком уныло. О чем бы тебе хотелось поговорить?

Растр потер подбородок и выгнул брови:

— Что ты думаешь о новом после на Момусе — том, что из Десятого Квадранта?

Дерки пожал плечами:

— Я рассказчик, Растр. Я не слежу за политикой.

Растр засмеялся.

— Я не рассказчик, но мне интересно, стану я рабом или нет.

— О чем это ты?

— Посол — ворлианец по имени Инак — сейчас как раз в Тарзаке. Он будет уговаривать Большую Арену проголосовать за отказ от защиты Девятого Квадранта и принять ее от Десятого.

Дерки потер подбородок:

— А от кого нас защищает Девятый Квадрант?

— Да от Десятого же Квадранта и защищает.

Дерки пожал плечами:

— Значит, под защитой Десятого мы были бы в безопасности, да?

Растр нахмурился, воздел палец, потом опустил его и покачал головой.

— Наш Государственник Алленби другого мнения. Он считает, что нам не следует пускать ворлианцев на Момус. И я с ним согласен.

Дерки нетерпеливо махнул рукой:

— Давай поговорим о чем-нибудь другом, Растр. Это мне не интересно.

— Не интересно? — Растр вытянул руки, его брови удивленно изогнулись. — Происходят события, которые изменят

жизнь многих планет... Квадрантов, а возможно, всей галактики! Кровь рассказчика действительно жидка в тебе, если не может черпать вдохновение из таких событий.

— Как я говорил, я не настоящий рассказчик. — Дерки потянулся за кувшином.

— Ты хочешь сказать, что мысль о великой войне — возможно, космической — не интересна рассказчику?

Дерки поставил кувшин, запрокинул голову и закрыл глаза.

Таджа едва успел вывести самолет из-под удара. Он пытался прицелиться в ворлианца, но след пролетевшего корабля мешал видеть...

Дерки снова посмотрел на кувшин и пожал плечами.

— Может, кому-то подобные истории и интересны, но вряд ли такие любители отыщутся среди порядочных людей.

Растр нахмурился, потом ткнул себя большим пальцем в грудь:

— Мне подобные истории нравятся!

Дерки кивнул:

— Давай не будем это обсуждать. Понимаешь, Растр, пропитанные вином, сверхмускулистые уродцы-неудачники составляют меньшинство среди слушателей, внимающих нам, рассказчикам, у придорожных огней или на городских площадях. — Дерки вскинул брови. — Не в обиду будь сказано.

Растр схватил кувшин и протопал к выходу.

— Мне нужно на палубу.

Дверь каюты захлопнулась за уродцем, и Дерки повернулся к Палситу, услышав, что учитель начал бормотать и стонать.

— Палсит?

— Дерки... это ты? — Голос старика был еле слышен.

— Да. Как ты? Как ты себя чувствуешь?

Палсит протянул руку и схватил Дерки за ворот мантии.

— Ты видел его? Где тело?

— Его? Кого видел?

— Кровавого Ковша. Мы сражались всю ночь. — Рука Палсита разжалась, и он снова упал на скамью. — Ах, это было восхитительно!

Дерки уставился на него.

Угомоните его, доктор, иначе маньяк убьет всех нас!

— А этот, э-э, господин Ковш хорошо сражался, Палсит?

Старик хмыкнул.

— Хорошо ли он сражался? Посмотри на меня, дурак! Разве можно назвать плохим бойцом того, кто сумел уложить капитана Джона Отвагу! — Глаза Палсита закатились, а через мгновение старик расслабился и уснул.

Дерки покачал головой.

Ты запер меня за этими дверьми, трусливый мошенник в белом! Но кому судить о здравости рассудка? Ты прячешь меня от разумных? Или же оберегаешь меня от тех, кто снаружи? Все так, не правда ли? Я последний разумный человек на свете... ха-ха-ха-ха-ха...

Следующие несколько дней плавания по морю Барабу Палсит бредил, Растр беспробудно пил, а Дерки блевал. Но вот наконец показался континент. Сказать «они увидели землю» в данном случае было нельзя, потому что «увидеть» что-то могла разве что «Королева Сины», но никак не ее пассажиры. Постоянная слепота Растра ослабевала только на время поиска новой порции лекарства, Палсит по-прежнему лежал на скамье в каюте, странствуя по своему поврежденному разуму, а Дерки висел на фальшборте, моля о смерти.

Континент Развлекуха, названный в честь сборища артистов второразрядных номеров с челнока, севшего здесь во время крушения циркового корабля «Барабу», был изолирован от остальной планеты. Корабли редко подходили к его берегам, и потому все жители прибрежной деревушки Мбвебве высыпали на берег, когда «Королева Сины» показалась на горизонте.

Поскольку первопоселенцами Развлекухи были труппа «Дикари Убанги», которые также подхалтуривали «Дикарями Борнео», и труппа лилипутов-акробатов, то «Королеву» встречала довольно чудна́я компания. Через некоторое время Азонго, деревенский староста, пришел к очевидному заключению. Он посмотрел сверху вниз на деревенского жреца Митэ и указал на приближающийся корабль.

— Все ясно, Митэ. На это несчастное судно напали морские разбойники. Погляди только на обрывки тросов и паруса, на гниющие тела. Вон, одно свешивается с фальшборта, а другое валяется на полубаке.

В каюте Палсит сел на скамье, поглядел в окошко и тоже пришел к очевидному заключению. *Каннибалы!* Он перевел взгляд с темнокожих дикарей с большими косматыми голова-

ми на светлокожих лилипутов, стоящих рядом с ними. *Великаны-людоеды!*

Палсит прислонился к стене каюты и прижал руку ко лбу.

Что я здесь делаю? Команда рассчитывает на меня... и тот город! Мы не доставили лекарство в город... город... почему я не могу вспомнить название?

Рука старика упала на колено, он повернул голову и посмотрел в окошко. Жители Мбвебве подошли ближе к воде.

Каннибалы собираются напасть, моя команда обезглавлена!

Палсит с трудом встал, шатаясь, прошел по каюте и подобрал измазанную краской дощечку, прислоненную в углу. Взвесил ее в руке, взмахнул над головой.

Пока в груди моей есть дыхание, а в руке клинок, Джон Отвага не побежден. Я не отдам своих людей на съедение дикарям!

Палсит распахнул дверь каюты, с трудом поднялся по четырем ступеням на палубу и привалился к крыше каюты.

— Боцман Верное Сердце! Где вы, приятель? Зовите матросов на палубу! Готовьтесь отразить нападение!

Растр убрал с лица груду тряпья и веревок, которыми укрылся прошлой ночью, разлепил глаза и увидел над собой нечто худое и мрачное, кричащее и размахивающее окровавленным клинком. Широко открыв глаза, он подался назад. Его губы зашевелились в немом крике, когда он увидел спутанные клубки веревок на руках и ногах. *Змеи! О, Момус милосердный, бог Насмешки, пощади меня!* Растр соскочил на палубу, разбросав веревки, потом подбежал к борту и бросился в море.

— Боцман Верное Сердце! — Палсит, шатаясь, подошел к борту и посмотрел, как Растр плывет к берегу. — Верное Сердце, трус! Вернись и прояви твердость, приятель! — «Королева» села на мель, сбив Палсита с ног.

С трудом поднимаясь, он выглянул за фальшборт. Жители Мбвебве шли к кораблю. Он прижался спиной к стене каюты, потом повернулся и побежал к другому борту.

Еще каннибалы! Море каннибалов!

Увидев Дерки, повисшего на фальшборте, он шлепнул ученика по заднице дощечкой.

— Эй, просыпайся, матрос! Вооружайся!

Дерки застонал, открыл глаза — и увидел золотой песок и деревья.

— Земля! Сухая, твердая, надежная земля! — Со счастливой улыбкой он перевалился через борт и бултыхнулся в мел-

кую воду. Палсит посмотрел вниз и увидел, как Дерки бредет к берегу.

Что это? Неужто мои подчиненные — сплошь трусы? Или это боги так испытывают мою храбрость?

За борт схватилась коричневая рука, потом еще одна и еще. Палсит шлепнул одну из них дощечкой, услышал проклятие, следом за которым раздался всплеск.

— Ха! Защищайтесь, язычники! — Палсит бегал вдоль борта и бил по рукам дощечкой, торжествуя при каждом проклятии и звуке падения тела в воду. — Да коли придется, Джон Отвага возьмется за все ваше людоедское племя! — Мгновение ни одной новой руки не появлялось над бортом, и Палсит, перегнувшись за борт, увидел, как последние из темнокожих аборигенов бредут прочь от «Королевы». Старик погрозил берегу кулаком. — Я Джон Отвага, капитан «Зерцала чести»! Я непобедим! Вот что я вам скажу: «Пришлите мне еще каннибалов!»

Он вскинул голову, засмеялся и тут почувствовал, как сильные руки хватают его сзади. Он обернулся. Палубу затопили темные лица и лохматые головы. *Я в плену!* Из руки у него выхватили дощечку, и он почувствовал, как его несут к другому борту, поднимают над фальшбортом и опускают в ожидающие коричневые руки.

Однако я Джон Отвага!

— Слышите меня, языческие дьяволы!

— Прошу прощения! — раздалось в ответ.

— Не очень-то распускайте слюни! Вы подавитесь Джоном Отвагой!

Палсит засмеялся, потом затих, погрузившись во тьму. Те, кто нес его, обменялись озадаченными взглядами, потом пожали плечами и направились к берегу.

Несмотря на бросаемые на еду подозрительные взгляды и новообретенную привычку подскакивать при малейшем шуме, к вечеру Палсит казался достаточно здоровым, чтобы присоединиться к своим спутникам за столом Азонго. Медяки обменяли на еду, и Дерки блаженствовал, наслаждаясь первым за много дней ощущением твердой земли. Но, вспоминая собственный визг, он с завистью прислушивался к глубокому, звучному голосу Азонго. Дождавшись паузы в разговоре, Дерки кивнул старосте.

— Я многое бы отдал, чтобы родиться с таким голосом, как у тебя, Азонго.

Староста засмеялся, сверкнув остро заточенными зубами.

— Я тоже многое отдал бы, рассказчик. Но я не родился с таким голосом. Он появился только после долгих тренировок в роли дикаря.

Дерки оглядел стол и снова повернулся к Азонго:

— Поскольку все уже поели, я готов вложить в твою ладонь несколько медяков, чтобы посмотреть этот номер.

Растр махнул рукой и покачал головой:

— Я видел несколько дикарских номеров. Как снотворное — неплохо, но никак не вечернее развлечение. Ими не напугаешь и ребенка.

Азонго выгнул брови:

— И ты готов поставить на это медяки, уродец?

— Нет, но я поставлю кувшин заболонного вина против кувшина этого вашего кобитового варева. — Растр поднял кубок.

Азонго потер подбородок, потом кивнул:

— Идет.

Он протянул руку и погасил масляную лампу в центре стола, оставив для освещения комнаты только лампу на стене. Потом встал и, повернувшись спиной к гостям, снял мантию.

— У-ур-р-ра-а-а-а!

Азонго запрыгал, припадая к земле: тело покрыто шрамами и татуировано яркими фантастическими узорами, лицо перекошено так, что глаза и заточенные зубы казались больше, чем на самом деле. В мерцающем полумраке почти не было сомнений, что перед ними какое-то первобытное, неразумное, кровожадное существо, сжавшееся в готовности нанести удар. Азонго перескочил через низкий стол и приземлился рядом с Растром, протянув вперед руки с выпущенными когтями.

— А-а-ар-р-р!

Растр прислонился к глинобитной стене.

— Ладно, Азонго! Хватит!

Староста снова зажег лампу на столе, собрал медяки и вино, потом сел на место. Палсит наблюдал, храня молчание.

Туземцы очень беспокойны. Когда придет пора, мне надо будет постараться убедить их, что я бог.

Растр покачал головой:

— Даже то, как играют дикарей тарзакские уродцы, не сравнится с твоим представлением, Азонго. Если бы ты вернулся с нами на Центральный континент, то мог бы собирать медяки мешками.

— Ну да.

Растр кивнул:

— Номер, конечно, получше, но не намного, да и не очень отличается. — Он потер подбородок. — Тебе нужна жертва. Надо сыграть драму жизни и смерти. — Растр еще раз кивнул. — Да, такой номер вполне сгодился бы для Большой площади в Тарзаке.

Азонго прихлебывал из кубка, размышляя над словами Растра.

— Неплохо было бы снова зарабатывать на жизнь выступлениями. — Он вздохнул. — Поскольку мы в основном все дикари, на подобные представления здесь небольшой спрос. И к тому же есть многие и получше меня. Для меня быть старостой этой деревни — единственный способ сохранить крышу над головой. — Азонго пожал плечами. — Но где мне найти такую жертву?

Растр ткнул себя большим пальцем в грудь.

— Да хоть я. — Он наклонился вперед. — Для уродцев Сины я силач, но есть множество других, кто сильней и у кого номера лучше. Жалкие потуги на роль рыбака — единственное, что позволяет мне добывать заболонное вино. Но вместе мы разбогатеем! — Растр повернулся к Дерки. — Дерки, как думаешь, твой учитель может придумать историю, которую мы с Азонго могли бы разыграть?

Дерки повернулся и посмотрел на Палсита. Старый рассказчик невидящим взором таращился на настольную лампу. Дерки снова посмотрел на Растра и пожал плечами.

— Палсит по-прежнему в плену воображения. Будь он здоров, то смог бы разработать потрясающую историю.

Азонго почесал в затылке, потом ткнул пальцем в Дерки:

— Поговаривают, будто в двух днях пути отсюда есть доктор.

— Он согласится лечить моего учителя?

Азонго кивнул:

— По слухам, доктор лечит тех, кто приходит к нему в обмен на растения и животных. А еще говорят, будто у него по семь пальцев на руках.

Растр пожал плечами:

— Это ничего. У Воруба из тарзакских уродцев шестнадцать пальцев, однако зарабатывать этим он не может.

— Ты не понимаешь, Растр. — Азонго понизил голос. — Ходят слухи, будто доктор родом не с Момуса.

— Ворлианец?

Азонго пожал плечами:

— Это все слухи. Однако, возможно, он сможет помочь твоему учителю. Если Палсит выздоровеет и напишет нам с Растром историю, мы вместе сможем сделать великолепный номер.

Дерки кивнул:

— Возможно, доктор сможет что-то сделать и с моим голосом.

Азонго засмеялся:

— Это и я могу. Тебе надо упражнять голос, резко выдыхая воздух и рыча при этом горлом. Вот так. — Азонго сделал глубокий вздох, потом с силой выдохнул. — О-о-о-ова-а-у-у! — Староста кивнул. — Если тренироваться при каждом удобном случае, это сделает голос ниже и гуще. Попробуй.

Дерки глубоко вздохнул:

— О-ова!

Взгляд Палсита ожил и заметался между Дерки и Азонго.

Что это? Что за языческий обряд?

Азонго покачал головой:

— Нужно выдыхать быстрее. О-о-о-ова-а-у-у!

— О-о-ова!

— О-о-о-ова-а-у-у!

— О-о-овау!

— Гораздо лучше. — Он кивнул Растру. — Если ты будешь моей жертвой, тебе надо хорошо вопить. Попробуй-ка так. — Азонго снова вздохнул. — А-а-а-а-а-а!

Растр кивнул:

— Ага. Аж кровь стынет. — Он глубоко вздохнул. — А-а-а-а-а-а!

Все трое вопили и рычали на разные голоса. По щеке Палсита скатилась слеза.

Там, в полях... селяне... послушайте, как они страдают, какие муки! Смотрите, вон там! Дракон! Какой ужас!

— О-о-о-ова-а-у-у-у!

— А-а-а-а-а-а-а-а-а!

Палсит, пошатываясь, встал и положил руку на плечо Растра.

— Не бойся, нежная дева, ибо я, Золотой Рыцарь, убью дракона и сложу тушу к твоим ногам!

Азонго наклонился к Дерки:

— Твой учитель достаточно здоров, чтобы рассказать нам историю?

Дерки вздохнул:

— Для поврежденного разума Палсита это не история, а реальность. Он видит дракона. И, — он кивнул на Растра, — деву.

Азонго покачал головой:

— Завтра же на утренней заре отправимся искать этого странного доктора.

В двух днях пути от Мбвебве, в глубине Донникеровой котловины находилась усадьба, окруженная высокими, увитыми виноградной лозой заболонями. За деревьями стояла высокая металлическая ограда, а вся территория была разделена на небольшие загоны, содержащие типичных представителей форм жизни Момуса. В центре усадьбы стояло голубое металлическое здание, ощетинившееся необычными приборами и похожее на стриженного «под горшок» дикобраза. В доме доктор Шарт, сжимая семипалые руки, лебезил перед изображением на лабораторном экране.

— Мне надо только еще немного времени, посол Инак. Если бы у меня было побольше времени...

— Хватит! — Посол нахмурился и ткнул в Шарта пальцем. — Не знаю, какой недоумок утвердил финансирование вашего проекта, Шарт, но, когда Совет Военачальников получит мой рапорт, кое-кому не поздоровится!

Шарт сжал руки:

— Инак, эксперименты очень сложны, а я на станции совсем один. Если бы вы не препятствовали удовлетворению моей заявки на ассистента...

Изображение подняло тонкие желтые брови.

— Вы меня поражаете! Вы ожидаете, что Десятый Квадрант потратит еще деньги в поддержку ваших сумасшедших теорий? Бред. Полный и абсолютный бред!

— Инак, только подумайте о выгодах для правительства в случае моего успеха. Подумайте о возможности контролиро-

вать весь животный мир планеты. Подумайте об этом: возможность распространять болезни по своему усмотрению, используя специально приспособленных бациллоносителей...

— Подумать об этом! Подумать о том! — Инак нахмурил брови. — Мы можем только думать об этом, Шарт. Результатов мы так и не видели.

Шарт улыбнулся и развел руками:

— Если посол вспомнит, Военачальники благосклонно отнеслись к моему проекту. Это вложило бы им в руки мощное оружие, и...

— Только в том случае, если бы у вас появились результаты, Шарт. Хватит об этом. Когда у вас появится нечто реальное, о чем я смогу доложить?

Шарт пожал плечами:

— Возможно... дней через тридцать. Эксперимент с вирусом почти завершен. После этого останется только наладить его производство.

Посол Инак потер остроконечный подбородок, потом кивнул Шарту.

— Тогда, возможно, мы сможем послать Военачальникам весьма впечатляющий доклад. Да, это будет очень кстати.

— Если можно задать вопрос, Инак, для чего кстати?

— Сюда скоро прибудет комиссия из Объединенных Квадрантов, и тогда начнется длительный период расследования и переговоров. Алленби, марионетка Девятого Квадранта, отказывается обсуждать наши предложения... — Инак наклонился вперед. — Но если я смогу показать Великому Государственнику Момуса, что отказ от принятия наших предложений принесет несчастье его народу... Понимаете, о чем я?

— Я приложу все силы, Инак...

— Нет, Шарт! Вы добьетесь успеха! — Изображение потускнело, и экран опустел.

Шарт приставил большой палец правой руки к кончику носа и покачал оставшимися шестью пальцами в направлении экрана.

— Й-а-а-а-а-а-а-а-а! — Он уже опустил руку и почти отвернулся, когда зазвенел автоматический датчик тревоги. — Что там еще? — Шарт вздохнул и включил следящую камеру. К станции приближалась повозка, запряженная одним из неповоротливых момусских ящеров; в повозке сидели четверо пассажиров. —

Только не еще один пациент. — Шарт покачал головой и вспомнил давнюю идею обучить момусианина управляться со множеством простых работ по лаборатории, поглощающих его время. Теперь, когда этот Инак отклонил последний запрос об ассистенте и ускорил график, разве у него есть выбор?

Шарт выключил камеру, повернулся и вышел в коридор, ведущий к выходящей к дороге двери. На улице его оглушили вопли и рычание. Он прищурился и оглядел приезжих. На задке повозки орали друг на друга один из местных дикарей, крупный человек в желто-зеленой полосатой одежде и маленький толстяк в пурпуре. В сторонке клевал носом спокойный старик, тоже в пурпуре. Шарт потер руки:

— Великолепно!

Повозка остановилась перед доктором, и огромный ящер, служащий двигателем экипажа, сел и протянул вперед правую лапу вперед.

— Иехали. Лати.

Дикарь соскочил с повозки, потом поймал мешок, брошенный гигантом в желто-зеленом. Мешок передали ящеру, и тот на глазах Шарта залез в мешок и начал набивать пасть крупными кобитовыми корнями. Дикарь пнул ящера.

— Эй, ты, жди здесь. Понял?

— Онял.

Дикарь обошел ящера и остановился перед ворлианцем.

— Доктор? Ты, как я понимаю, лечишь больных за плату.

Шарт перевел взгляд с дикаря на вопящую и рычащую пару в повозке, потом снова посмотрел на дикаря.

— И чем же они больны?

Дикарь смутился, а потом рассмеялся.

— С ними все в порядке, доктор. Они репетируют роли. А больной — тот старик. Его зовут Палсит. Те двое — Дерки и Растр, а я Азонго из дикарей Мбвебве, староста деревни.

Шарт нахмурился, потом кивнул:

— А чем болен старик?

Азонго покрутил пальцем у виска:

— Ему мерещится всякое.

Шарт махнул рукой на повозку:

— Снимите его оттуда и дайте поглядеть на него.

Азонго поднял руку:

— Минутку, доктор. Какую цену ты запросишь? В деревне у подножия плато нам говорили, что тебе нужны растения и животные.

Шарт пожал плечами:

— Теперь мне все это не нужно. Но я все-таки посмотрю его.

Азонго нахмурился:

— Ты хочешь сказать, что будешь лечить его даром?

Шарт вспомнил, что, по любопытному завороту в мозгах момусиан, бесплатная услуга считается не имеющей никакой ценности. Если он ничего не запросит, то потеряет больного... и, возможно, голову.

— Конечно, нет. Мне нужны деньги... эти медные штучки.

— Сколько?

Шарт потер узкий подбородок:

— Двадцать пять.

На телеге человек по имени Дерки залез старику за пазуху и вытащил маленький мешок. Он повернулся к Азонго:

— У Палсита с собой всего двадцать три медяка.

Шарт кивнул:

— Сойдет.

Азонго отступил и тоже потер подбородок:

— Ну же, доктор, сколько же ты просишь? Так торговаться можно на рынке, но от доктора я ожидал твердой цены за определенную услугу.

Шарт вздохнул.

— Моя цена — двадцать пять, но, конечно, вы трое можете набрать еще два медяка.

Азонго покачал головой:

— Покупка корней для ящера обчистила нас. Можно, чтобы Палсит остался тебе должен два медяка?

— Конечно.

— И под какие проценты?

— Д-д-д... — Шарт хотел сказать «да никакие», но успел оборвать себя.

— Так сколько, доктор?

— Девять.

— Девять! Девять процентов! — Азонго выпятил нижнюю губу, потом пожал плечами. — Ладно. — Дикарь сделал знак спутникам. — Спускайте его.

Шарт и дикарь помогли Палситу спуститься на землю, и доктор тотчас же начал осматривать голову старика. Повыше

линии волос он нашел большой, темный синяк. Азонго сложил руки на груди.

— И сколько времени это займет? Нам подождать?

— Нет. Понадобится некоторое время. Вы можете уезжать. Я пришлю его, когда он оправится.

Азонго покачал головой:

— Как он заплатит за обратную дорогу?

Шарт выпучил черные глаза:

— Клянусь богами! — Он повернулся к Азонго. — К тому времени он будет достаточно здоров, чтобы самому обсуждать условия!

Дикарь кивнул и протянул руку:

— Вот.

— Что это?

— Твои мовиллы.

Шарт протянул руку и взял медяки. Дикарь снова залез в повозку, взял палку и ударил ящера.

— Поехали в Мбвебве!

Ящер поднял бровь, проверил мешок, чтобы убедиться, что он пуст, потом отшвырнул его и начал разворачивать повозку. Когда повозка скрылась из виду, Шарт бросил двадцать три медяка в траву и повел старика в дом.

Палсит проснулся в маленькой комнатке, где из мебели имелись только койка да маленький столик, заставленный всякими медицинского вида штучками. Образы пиратов, каннибалов и драконов мелькали в уме, но были вполне отличимы от мира яви. Он отправил образы на свою мельницу историй, вздохнул от нового ощущения здоровья, потом спустил ноги на пол и сел.

— А! Вижу, ты проснулся.

Палсит расширенными глазами оглядел пустую комнату.

Призрак Харви Марпоула плотоядно смотрел на новую жертву. Вильям чувствовал себя беспомощным и одиноким, он был в ловушке. Холодные, гниющие, невидимые руки потянулись к горлу. Ледяные пальцы сомкнулись на шее, пережимая кровеносные сосуды, перекрывая доступ воздуха в легкие Вильяма... Это был конец...

Палсит подскочил, когда открылась дверь и вошел доктор Шарт.

— Хорошо, что тебе лучше. Пойдем, у нас много дел.

Палсит нахмурился:

— А?

Шарт сунул семипалые руки в карманы лабораторного халата и посмотрел на старика сверху вниз.

— Это плата за твое исцеление. Ты должен работать на меня.

— Работать на тебя? И я согласился?

— Да.

Рассказчик нахмурился, потом кивнул:

— Ну, раз я согласился... — Он посмотрел на ворлианца снизу вверх. — И что это за работа?

Шарт вытащил руку из кармана и указал на дверь:

— Пойдем.

Проведя Палсита по лаборатории, семипалый объяснил ему задачи: управлять автоматическим очистителем стекла, менять и чистить воздушные фильтры, следить за системой сигнализации на случай побега переносчиков инфекций, плюс прачечная и всякие разности от подшивки документов до выноса мусора. Палсит смотрел, слушал, потом кивнул ворлианцу:

— Доктор, я вижу, ты — великий ученый со множеством важных обязанностей. Как же случилось, что у тебя нет помощника для выполнения этих несущественных задач?

Шарт покачал головой и кивнул:

— Даже момусианин в состоянии понять то, что недоступно Военачальникам. — Ворлианец вздохнул. — Ты должен понять, Палсит, что нет на свете никого вернее Военачальникам Десятого Квадранта, чем я. Но... — Шарт пожал плечами, потом обвел рукой лабораторию. — Это труд всей жизни — жизни, полной слишком мало оцененными борьбой и лишениями. — Ворлианец подошел к высокому, от пола до потолка, стеллажу с прозрачными пробирками. В пробирках свернулись темные спирали, клубился розовый пар. — Знаешь, что это?

Палсит подошел к стеллажу и покачал головой:

— Не знаю, доктор.

Шарт погладил одну из подпорок для пробирок:

— Это... это труд тридцати лет — во многом финансируемый из моих собственных скудных запасов. Ни у кого нет моей интуиции... моего прозрения! Я был всего лишь простым студентом Ворлианской Академии Всеобщего Военного Дела, когда сфор-

мулировал теорию, которая сделала возможным все это. — Шарт потряс сжатыми кулаками. — Но понадобились все эти годы, чтобы за все свои усилия получить то немногое, что я сейчас имею. Эта станция и я, сам себе ассистент!

Палсит нахмурился и кивнул:

— Великолепно.

Шарт поднял брови:

— Великолепно?

— Я имею в виду, твоя жизнь — ее обстоятельства — великолепный материал для рассказчика.

— Для кого?

Палсит поклонился:

— Я Палсит из рассказчиков Сины. — Старик выпрямился и потер заросший подбородок. — А еще я составляю жизнеописания. — Рассказчик протянул руку к стеллажу. — Что это? Чтобы составить твое жизнеописание и сыграть его перед толпой Момуса, мне надо познакомиться с твоей работой.

Шарт улыбнулся, показав три ряда остроконечных зубов.

— Мое жизнеописание?

— Конечно. Жизнеописания великих людей очень популярны. Твоя борьба, твои достижения — это примеры героизма.

Шарт посмотрел на стеллаж, потом прижал руку к щеке:

— Верно, старик. Герой. Да, это верно! — Ворлианец протянул руки к стеллажу. — Вот моя работа: вирусы, предназначенные для заражения различных жизненных форм. — Шарт потер руки. — Раз уж жизненная форма заражена, я могу контролировать ее: заставить делать все, что хочу, или идти, куда захочу. И раз уж жизненная форма заражена, она распространит вирус среди других своих сородичей. Управляя передвижениями всего лишь нескольких зараженных особей, я со временем смогу контролировать все жизненные формы на этой планете — за исключением людей.

Палсит вскинул брови:

— Какой успех! Да, да. Какой успех. Но что ты мог бы сделать, обладая такой силой?

Шарт простер руки:

— Тот, кто контролирует животный мир планеты, контролирует всю планету. Можно направить эпидемии в любую часть планеты, можно нарушить экологический баланс, вызывая неурожаи, можно использовать огромные массы хищников как

армию для опустошения многочисленных поселений... Только подумай, какое это могло бы быть оружие!

Палсит кивнул:

— Еще полезнее это было бы в мирных целях, доктор.

Шарт пожал плечами:

— Да, наверное, но Военачальников моя работа интересует только как оружие. Однако в случае военного успеха я прославлюсь. Возможно, впоследствии это можно будет включить и в планы мирного характера.

Палсит простер руки:

— Доктор, почему же такая важная и впечатляющая работа, как твоя, ведется без помощников?

— Ха! Военачальники понятия не имеют о трудностях моей работы. Вот почему я не занимаюсь контролем над людьми: мне одному просто не разобраться со всеми проблемами. Каждый штамм вируса должен соответствовать определенной форме жизни, что трудно даже для простых существ. На эксперименты нужно время, а Военачальникам нужен немедленный результат. — Шарт покачал головой. — Они скептически относятся к моей работе и перекроют мне средства, если я не смогу показать им... ну, ты понимаешь.

Палсит кивнул:

— Доктор Шарт, мне хотелось бы рассказать историю твоей жизни у придорожных огней. Для этого я должен знать о тебе все.

Шарт потер руки.

— Никто лучше меня не знает, что мою историю надо рассказать, Палсит, но работы так много, а Военачальники...

— Ладно-ладно, доктор. Те немногие работы, которые я должен исполнять для погашения долга, не займут все время. Над твоим жизнеописанием я могу работать на досуге.

Шарт кивнул, затем ухмыльнулся.

— Я вел дневники еще с Академии и сохранил их все... это пригодится?

Палсит хлопнул в ладоши:

— Чудесно! Они здесь?

— Да. Подожди минуту, я их принесу. — Шарт повернулся и буквально выбежал из лаборатории.

Палсит прошелся по лаборатории, мысленно проговаривая кусочки и отрывки рассказа.

Почти с самых первых дней юный Шарт знал, что предназначен для великих свершений. Единственное, чего не знал блестящий ворлианский ученый, так это как ему придется драться, царапаться и бороться, чтобы достичь цели...

Палсит кивнул, решив, что эту биографию будут охотно слушать у огней.

— Это определенно сыграется.

Палсит остановился перед пультом с циферблатами, шкалами, счетчиками и переключателями. Панель пульта изгибалась дугой, чтобы сидящий перед ним оператор мог легко доставать до всех переключателей и видеть все приборы. Над пультом громоздился большой экран.

— Хм-м-м. — Палсит подошел к креслу и опустился на сиденье.

Капитан Нова сел перед пультом корабля, сжал квадратные челюсти и положил сильную руку на главный рычаг корабельного реактора. Он выждал, пока строй вражеской эскадры не дрогнул, подставив его кораблю бок, и нажал на рычаг, бросая всю энергию в двигатели. Ну а теперь поглядите, как этот мертвяк оживает! Его руки порхали над пультом, поворачивая рубильники, щелкая переключателями, заставляя корабль искать и уничтожать вражеские корабли. Рубку заволокло дымом, и капитан Нова едва успел заметить, что вражеский корабль открыл огонь по нему. Щелкнув еще одним рядом переключателей, Нова выпустил во врага залп торпед, затаил дыхание и засмеялся, когда негодяй разлетелся в пыль...

— Ч-ч-что ты делаешь?

Палсит обернулся. В дверях стоял Шарт с охапкой книг и тетрадей в руках. Ворлианец оглядывал лабораторию, наполненную, как вдруг заметил Палсит, серо-желтой дымкой. Рассказчик снова повернулся к пульту и отдернул от него пальцы, словно их обожгло.

— Прошу прощения, доктор. Я обдумывал рассказ нового типа и, наверное, увлекся...

Шарт с грохотом уронил дневники:

— Ты... ты выключил векторную очистку! — Он подошел к стеллажу с пробирками. Дымка в них не была больше розовой; теперь она была серой. Шарт покачал головой, положил руку на подпорку стеллажа, потом прижался к ней всем телом. — Труд тридцати лет... пропал. Все пропало.

Палсит встал, подошел к стеллажу и ласково положил руку на плечо Шарта.

— Мне очень жаль, доктор. Будь у меня медяки, я бы вложил в твою руку щедрое извинение.

— Пропало. Все пропало.

— Но, доктор... — Палсит потер руки, потом хлопнул Шарта по спине. — Только подумай, как это поможет твоему жизнеописанию.

Шарт оцепенело уставился на Палсита:

— Поможет?

— Ну да! — Палсит вытянул руки. — Быть так близко к успеху, только чтобы победа была вырвана из рук. Однако мужественный ученый не побежден. Он собирается с силами и вновь берется за работу. — Палсит потрепал ворлианца по спине. — Это весьма способствует укреплению характера героя, как по-твоему?

Шарт, оторвавшись от стеллажа, уставился на Палсита широко раскрытыми глазами, потом начал хлопать себя по карманам.

— Пистолет! Где он? Где мой пистолет?

Палсит оглядел лабораторию:

— Не знаю, доктор. Где ты видел его в последний раз? — Рассказчик повернулся и начал искать рядом с изогнутым пультом. — Когда у нас найдется свободная минутка, доктор, я хотел бы обсудить с тобой историю нового типа. Твое мнение, как ученого, было бы очень полезно. — Палсит бросил на пульт последний взгляд, пожал плечами и обернулся. — Я не вижу здесь твоего пистолета, док... — Шарт стоял с пистолетом в руке, целясь рассказчику между глаз.

— Все пропало. Вся моя работа... пропала!

Палсит поднял руки:

— Послушай, доктор...

Шарт выстрелил, но от гнева рука с пистолетом дрогнула, и выстрел зажег магниевый щиток на пульте. Густой белый дым, сильный жар и слепящий свет — не только пистолет — заставили Палсита подобрать полы мантии и броситься к ближайшей двери.

— Я убью тебя, старый псих!

Импульсные лучи отражались от стен и пола, когда старый рассказчик проскочил через дверь и закрыл ее за собой.

Палсит прислонился к двери, несколько раз глубоко вздохнул и тут заметил, что находится в одном из загонов для животных. Слышно было, как Шарт с грохотом ломится следом. Старик оттолкнулся от двери и побежал к забору. Пронзительные вопли, шипенье и рычание оглушили его, когда пернатые, мохнатые и чешуйчатые существа бросились в разные стороны. Забор был высотой в два человеческих роста — самому не перелезть. Он услышал храп и посмотрел в ту сторону. У забора спал аркадский ящер. Палсит подбежал к нему, наклонился и пнул гиганта в плечо:

— Проснись!

Ящер открыл щелевидный глаз.

— Уф?

Новый взрыв воплей и рычанья сказали Палситу, что Шарт гонится за ним по пятам.

— Быстро. Подними меня над забором.

Ящер сел:

— Олько?

— Два мешка корней и мешок пирожков с тунговыми ягодами.

Ящер улыбнулся и протянул лапу:

— Лати.

Палсит заглянул ящеру за плечо: Шарт несся по загону с пистолетом в руке. Он указал на ворлианца:

— Он заплатит за нас обоих.

Ящер кивнул, схватил Палсита за шкирку и перенес через забор. Ноги рассказчика бежали еще до того, как коснулись земли.

Ящер повернулся и заглянул в загон:

— Док'ор.

Шарт посмотрел на ящера, потом туда, куда указывала рептилия. За забором он увидел Палсита, бегущего к дороге. Он повернулся было к воротам, но резко затормозил, когда большая зеленая лапа схватила его за плечо.

— Воук! Что ты делаешь? Пусти меня!

Ящер покачал головой:

— Лати. Два ешок орни, ешок тунг рожки.

У поворота дороги Палсит замедлил бег, потом остановился.

— Это... слишком... для старика.

Он заметил камень, сел и несколько раз глубоко вздохнул. Когда в глазах прояснилось, Палсит оглянулся на станцию. Ящер держал Шарта за ноги и тряс ворлианца. С трудом, но можно было разобрать, как ящер требует:

— Лати! Лати!

Рассказчик кивнул:

— Да в общем-то ему и следовало бы!

Все еще отдуваясь, Палсит с трудом поднялся и пустился в долгий путь к Мбвебве.

Четыре дня спустя Палсит сидел за столом Азонго и ожидал мнения спутников о своем рассказе. Растр покачал головой:

— Похоже, доктор не очень-то помог.

Азонго кивнул:

— Палсит, не знаю, удастся ли тебе когда-нибудь изгнать дьявола из разума.

Палсит нахмурился, потом поднял руки:

— Погоди! Мне ничего не мерещится...

— О! — Растр улыбнулся, потом рассмеялся. — Тогда это превосходная история, Палсит. Просто превосходная.

Азонго кивнул:

— Хорошо, что ты выздоровел. — Дикарь пожал плечами. — Но вот история... — Он покачал головой.

Палсит повернулся к Дерки:

— А ты что скажешь?

Дерки скривился, потом покачал головой:

— Ужасная история, Палсит. Просто ужасная!

Старый рассказчик высоко поднял брови:

— И что же в ней такого ужасного?

Ученик покачал головой:

— Да все: все эти кнопки, пробирки, спирали и тому подобное. И потом, существо с другой планеты! Такие истории для людей вроде Растра.

Палсит нахмурился:

— Доктор Шарт действительно с другой планеты!

Дерки покачал головой:

— От этого история не становится лучше. — Ученик сжал руки и заговорил, словно учитель, читающий лекцию плохо успевающему школяру: — Люди хотят слышать только классические истории: о цирке, о борьбе черной и белой магии,

о великих предсказателях, открывающих тайны. Подобная ерунда — вся эта техническая фантастика — никогда не будет популярна.

Палсит потер подбородок, потом пожал плечами:

— И тем не менее, Дерки, эту историю я и буду рассказывать, когда мы вернемся к огням.

Дерки опустил глаза:

— Что ж, это решает дело, Палсит.

— Ты о чем?

— Мои вопли и рыки настолько улучшились, что Растр и Азонго предложили мне участвовать в их номере. Азонго будет дикарем, Растр героем, а я жертвой.

Палсит на миг задумался, потом кивнул:

— Полагаю, вы уже готовы отправиться в Сину.

Дерки пожал плечами.

— С меня хватит приключений, и нам очень хочется сыграть наше представление на дороге. Ты придумаешь историю для нашего номера?

Палсит кивнул:

— Конечно.

— Сколько?

Палсит встал, подошел к двери и обернулся:

— Мы можем обсудить это позже. Мне надо побыть одному.

Растр встал:

— Палсит.

— Да?

— По мне, так это превосходная история.

Палсит кивнул:

— Спасибо.

— Хотя в ней нет хорошеньких девчонок. Возможно, в следующий раз ты вставишь парочку?

— Возможно. — Старый рассказчик поднял дверной занавес и вышел.

Конечно, общеизвестно, что новый номер Азонго, Растра и Дерки имел огромный успех в Тарзаке, где они впервые сыграли его на Большой площади, а потом стал играться на Большой Арене как часть тамошнего представления.

Менее известен старый рассказчик, принесший к огням на дорогу из Куумика в Тарзак новый тип рассказов. Он гово-

рил о космосе, о странных существах и возвышенных приключениях, и все слушали в изумлении. Поначалу мало кто высоко оценивал его рассказы, но вскоре число поклонников выросло — немного, но достаточно, чтобы у старика не переводились медяки. Говорят, будто он рассказывал свои истории так, словно на самом деле пережил их, но на такие разговоры не стоит обращать внимания, ибо это — всего лишь часть искусства рассказчика. А Палсит из рассказчиков Сины был мастером своего дела.

ЖРЕЦ «БАРАБУ»
ЦИРК АРНХАЙМА И БУНА

Более трех (стандартных) веков
Старейший Цирк Галактики

— НА ПИРОЭЛЕ —

116 ЛУЧШИХ ВО ВСЕЛЕННОЙ
РАЗНООБРАЗНЕЙШИХ НОМЕРОВ!
ВЕЛИЧАЙШАЯ РАЗВЛЕКУХА НА СВЕТЕ!

НЕ ОШИБИТЕСЬ! Не спутайте Цирк Арнхайма и Буна — первый и старейший Аттракцион Аттракционов — с жалкой имитацией с Момуса, Большим шоу Алленби, никогда не выступавшим нигде, кроме Момуса...

— Ба! — Бансом скомкал провокационный плакат, распространяемый проворными агентами конкурирующего цирка, бросил на пыльную почву планеты Пироэль и пинком выбросил на дорогу, где его скоро раздавят тяжелые, груженные парусиной сани, запряженные ящерами. Большие рептилии Момуса, красивые чешуйки которых скрывались под слоями серой пыли, пыхтя, натягивали сделанную вручную сбрую, а дрессировщики и униформисты толкали сани или тянули вместе с ящерами. Один из дрессировщиков указал своему ящеру направление, огромный зверь остановился и пробормотал ругательство, а дрессировщик ответил тем же, только громче и выразительнее.

Происходящее в точности соответствовало его настроению. Бансом отвернулся, подобрал вышитую черными и белыми ром-

бами мантию жреца и сел, скрестив ноги, на деревянный ящик. Несколько приземистых юных аборигенов без особого интереса наблюдали за спором ящера и человека, потом вперевалку ушли туда, где другие люди и ящеры толкали и тянули огромные деревянные мачты для установки шатра шапито. Бансом покачал головой, потом уронил ее на руки, поставив локти на колени. Ему, младшему жрецу на «Городе Барабу II», поручили собирать информацию о соперничающем цирке, и он сделал это.

«Большое шоу Алленби» использовало для перемещения парусины, мачт и тяжелого оборудования ящеров и человеческие мускулы. А «Арнхайм и Бун» были полностью механизированы и боролись против местной гравитации с помощью тихих и мощных тягачей и подъемных кранов. Вместо гектаров с трудом сотканной вручную парусины «Арнхайм и Бун» щеголяли огромным, легким тканевым куполом; его накачивали прозрачным, как стекло, сжатым воздухом, и потому по ночам дополнительного освещения почти не требовалось, а днем не требовалось вовсе. Пока ящеры и люди Алленби срывали друг на друге раздражение, труппа «Арнхайма и Буна» закончила устраиваться и теперь готовилась к большому параду-алле через Кукью, главное поселение Пироэля.

И не только это, подумал Бансом, ой, не только. Хотя все три недели от Момуса «Барабу» вращался, чтобы артисты могли подготовиться к работе в условиях повышенной силы тяжести и приспособить номера, немногие из них выглядели уверенными в успехе работы при увеличенном весе. А филиал «Арнхайма и Буна» на Пироэле, всего лишь одна из двадцати четырех подобных трупп, наоборот, обыгрывал большую силу тяжести и даже привлек к участию в представлении аборигенов. Пироэль избрали как ближайшую к Момусу планету, куда можно было получить приглашение, поскольку «Большое шоу Алленби» не могло позволить себе запастись топливом для более долгого путешествия. Кто мог знать, что там окажутся «Арнхайм и Бун»?

— Эй, ты! — Бансом повернулся на голос: в задней двери обветшалого грузовика с «Барабу» кто-то стоял. — Чего сидишь? Хочешь вернуться на корабль?

Бансом кивнул:

— Да.

Фигура махнула рукой:

— Тогда давай сюда. Здесь пусто, как в кошельке Алленби.

Жрец слез с ящика и поплелся к грузовику, припоминая пять ярко раскрашенных челноков, доставивших «Цирк Арнхайма и Буна» на планету. У «Барабу» челноков в рабочем состоянии не было, и им пришлось сажать сам корабль за пределами Кукью, израсходовав для посадки остатки топлива. Разрисованный верхний слой обшивки корабля сгорел в атмосфере, и «Барабу» стал теперь черным и облезлым. Залезая в кузов, Бансом столкнулся с Егерем в черно-коричневой мантии униформиста.

— Смотри, куда прешь!

Бансом залез в кошелек и бросил пять медных бусин в руку униформиста:

— Извини.

Униформист сунул медяки в карман, ткнул большим пальцем в сиденья вдоль боковой переборки, потом снова занялся закреплением грузовых ремней. Закончив, он ушел в кабину к арванианскому водителю.

Бансом пристегнулся к жесткому сиденью и всей душой пожелал оказаться снова на Момусе. Если бы двести лет назад настоящий «Город Барабу» не забросил свою труппу на Момус, подумал Бансом, лишиться мне всех медяков, если бы мы не показали «Арнхайму и Буну», что такое цирк. Но необходимость выжить на необитаемой планете и двести лет без зрителей не прошли бесследно.

Грузовик накренился, так что Бансом стукнулся головой о переборку, и кузов наполнила густая, удушливая пыль. Жрец уставился на безухого арванианина, готовый требовать медяки за плохую езду, но заметил, что Егерь безразлично смотрит в бортовой иллюминатор; по-видимому, пыль, шум и тряска ему не мешали. Жрец пожал плечами и обратил раздражение на собственную профессию.

— Жрецы, — пробормотал он. — На что мы годимся, кроме как собирать фактики и записывать историйки? — Бансом вспомнил довинитского миссионера, встреченного на Пироэле. — Да, вот это был жрец! — Он вспомнил изысканные очертания алтаря и светящиеся пурпуром и золотом витражи. Но самое главное, довиниты поклоняются богам, которые делают для них всякие штуки — если их должным образом попросить. Но напрокат в цирк богов не дадут: Бансом спрашивал миссионера. Похоже, довиниты заключили эксклюзивный

контракт и перекупить его невозможно. Бансом не был уверен, что это — проявление деловой хватки довинитов или же ее отсутствие. Он задремал, сожалея, что много лет назад не последовал первому побуждению и не пошел учеником к каменщику или плотнику. Жрецы вели простую, спокойную жизнь, и он любил книги, но тут не наживешь ни денег, ни чего другого значительного.

Грузовик резко затормозил. Внезапно разбуженный жрец обернулся и поглядел в запыленный бортовой иллюминатор за спиной. Перед ним возвышалась громада «Барабу» в уродливых заплатах; надпалубные сооружения, лопасти и стабилизаторы прогнулись от гравитации. Бансом фыркнул. Остатки сна — о работе довинитского священника — еще крутились в голове: прихожане, вдохновленные повествованием и обещаниями довинитов. Бансом вздохнул, отвернулся от иллюминатора и расстегнул ремни.

Жрец вылез из кузова и обошел грузовик. Следующая партия притащенного ящерами оборудования ожидала погрузки. У открытой двери в грузовой отсек «Барабу» стоял Нуссет, ученик старшего корабельного жреца Шелема. Ковыряя пальцем в зубах, он наблюдал за приближением Бансома из-под полузакрытых век.

— Сходи-ка умойся. — Ученик жреца погрозил Бансому пальцем. — Тебя хочет видеть Шелем.

Бансом полез в кошелек:

— В чем там дело, Нуссет? — Ученик пожал плечами и нырнул в дверь отсека, не поглядев на медяки Бансома. Потом оглянулся через плечо.

— Ты перескажешь мне свои заметки, чтобы я мог тотчас же переписать?

— Нет. Сначала узнаю, что от меня нужно Шелему.

— Тогда я буду на шестом уровне, посмотрю, как тренируются воздушные гимнасты — если позволят.

Бансом кивнул:

— Я буду в скриптериуме.

Нуссет засмеялся.

— Где ж еще? — Ученик свернул из главного коридора, предоставив Бансома самому себе.

Бансом шел быстро, морща нос из-за вони ящеров. Если мы, вопреки «Арнхайму и Буну», ухитримся заманить в шапи-

то хоть немного зрителей, запах, возможно, снова выгонит их! Он пожал плечами, вспомнив, что дело главным образом в духоте корабля. На поверхности Пироэля ящеры смогут помыться.

Корабль утешения, фыркнул про себя Бансом, плывущий по морю бед.

Чем дальше он углублялся во внутренности «Барабу», тем чаще встречались люди: клоуны, уродцы, фокусники, униформисты ходили по коридору или стояли небольшими группами, либо громко споря, либо грустно разговаривая вполголоса. Даже обычно бесстрастные в компании арваниане кричали и потрясали кулаками. Бансом покачал головой, вздохнул и свернул направо, в узкий коридор.

В тихом, тускло освещенном коридоре, ведущем к скрипториуму Бансом запнулся: перед дверью расхаживал Алленби, наряженный в золотую пелерину и черную широкополую шляпу. Услышав шаги Бансома, Алленби поднял голову.

— А! Я надеялся, что ты скоро вернешься.

Бансом остановился перед Алленби и кивнул:

— Чем могу быть полезен Великому Алленби? — Он протянул руку, и Алленби опустил в нее несколько медных мовиллов.

— «Арнхайм и Бун» готовы к параду?

— Да. — Бансом не мог встретиться с Алленби взглядом. — Они выступят перед закатом.

— Как у них с крупными животными, Бансом?

Жрец потянул себя за губу, потом опустил руку:

— Девять номеров, Великий Алленби, с разных планет...

— Есть у них слоны?

Бансом кивнул:

— Двадцать. Внушительные животные. Раньше я видел только картинки...

— Да-да. — Алленби отмахнулся, его голубые глаза вглядывались в океан скудных возможностей, высматривая нечто неизвестное, что чудесным образом спасло бы «Барабу».

— Великий Алленби, у нас есть по крайней мере ящеры. У «Арнхайма и Буна» нет ничего подобного, — попытался ободрить Бансом.

— Хм! — Алленби покачал головой. — Горбунок, главный ящер, только сегодня потребовал увеличения платы рептили-

ям. — Алленби махнул рукой. — Из-за гравитации. Я думал, мы можем справиться с гравитацией. Я, наверное, круглый дурак! По крайней мере нам не нужно платить слонам. -- Алленби посмотрел в глаза Бансому. — А что их клоуны, фокусники?

— Я не видел их работы, но, конечно, наши лучше, Великий Алленби.

Алленби покачал головой:

— Возможно. Мне было бы легче, если бы наши лучшие не остались на Момусе.

— Они слишком стары, Великий Алленби, слишком стары для такого путешествия.

— Шелем полетел.

Бансом пожал плечами и вытянул руки:

— Жрецу не надо выступать, и, кроме того, Шелем все время неважно себя чувствовал.

Алленби нахмурился:

— Что-то серьезное?

Бансом опустил руки:

— Я не медик, но, возможно, это просто старость.

— Старость, — повторил Алленби, потом посмотрел на палубу коридора. — Как я понимаю, эта болезнь неизлечима. — Бансом пожал плечами и кивнул. — Я желаю ему поправиться, Бансом. Мне скоро могут понадобиться его услуги.

Алленби кивнул, потом обошел Бансома и неторопливо направился к главному коридору. Бансом повернулся к двери скрипториума и открыл ее, заглянув в заваленное рукописями нутро. За прикрепленным к полу металлическим столом, обычным рабочим местом Шелема, никого не было.

Бансом вошел и закрыл дверь, радуясь, что запахи чернил, кожи и старой бумаги заглушают вонь от немытых ящеров, расползшуюся по всему кораблю. Ожидая Шелема, Бансом расхаживал по пустому отсеку. На большом столе в центре комнаты, рабочем месте Нуссета, он заметил незаконченную копию рукописи Шелема. Многие жрецы на Момусе захотят получить копии... Бансом рассмеялся про себя: «Если мы вообще вернемся на Момус. Последнее наше топливо было израсходовано на посадку на Пироэль, и оставшегося не хватит даже для перебазирования куда-нибудь в другое место, подальше от «Арнхайма и Буна».

Они потратили на обустройство уже два дня, а шатер так до сих пор и не установлен. Видя столь слабого конкурента, «Арнхайм и Бун» привезли свой аттракцион в тот же город восемь часов назад — и уже готовы к параду.

Бансом окинул взглядом забитые томами полки и пробежался кончиками пальцев по блестящим кожаным переплетам, пока не добрался до надписи «Книга «Барабу», том I». Часть книги была заполнена преданиями и воспоминаниями о древней Земле — до того, как цирк вышел в космос, — а часть рассказывала о путешествиях «Города Барабу» и «Большого шоу О'Хары», лучших артистов и номеров во всем Девятом Квадранте.

«Старая труппа, — подумал Бансом, — да уж, было на что посмотреть». Старый «Барабу» начинал парад-алле через четыре часа после выхода на орбиту, используя отделяющиеся корабельные отсеки в качестве челноков.

Бансом покачал головой. На трофейном арванианском линейном крейсере, служащем теперь «Барабу II», остались только два из исходных двадцати боевых посадочных челноков, да и те на Пироэле сломались, и починить их без денег на запчасти надежды не было. Пальцы скользнули по переплетам вниз.

— Скрипториум!

— А-а-а-ах-х-х! — Бансом прижал руку к колотящемуся сердцу, быстро оглядел отсек и расслабился, только увидев интерком, встроенный в переборку над столом Шелема. «Я никогда не привыкну к этому».

— СКРИПТОРИУМ, ЭТО СУДОВОЙ ЛАЗАРЕТ.

Бансом подошел к столу и коснулся кнопки вызова.

— Да?

— Бансом?

— Да.

— Это доктор Ворр. Можешь спуститься в лазарет?

Бансом недолюбливал арванианского врача. Он недолюбливал арваниан вообще, но Ворра в особенности.

— В чем дело, Ворр? Я очень занят.

— Шелем умер. Я уже уведомил Алленби. Шелем оставил тебе письмо.

Бансом опустился в кресло Шелема.

— Я спущусь... спущусь, как только смогу.

— Пожалуйста, прими мои соболезнования.

Бансом кивнул отключившемуся интеркому.

Вернувшись из лазарета, Бансом зашел в офицерскую кают-компанию, как его просил посланный Алленби зазывала. Алленби сидел с бокалом заболонного вина и тер глаза. Он поднял голову и бросил на стол несколько медяков.

— Сюда, Бансом. У нас мало времени. — Алленби указал на койку у стола слева от себя. Бансом убрал медяки и сел. — Ты здоров, Бансом? Ужасно выглядишь.

Бансом кивнул:

— Только этого нам и не хватало... — Он слабо махнул рукой, потом опустил ее на колено.

Алленби вздохнул, оба помолчали.

— Бансом, мне нужна твоя помощь.

— Конечно; все, что смогу сделать, Великий Алленби.

Алленби кивнул; он крепко сжал челюсти, глядя на жреца немигающим взглядом.

— Полагаю, ни для кого не секрет, что у нас неприятности.

— Может, кто-то где-то во вселенной и не в курсе, хотя я сомневаюсь в этом, Великий Алленби.

Алленби приложился к бокалу, поставил его на стол и вопросительно посмотрел на Бансома:

— Хочешь?

— Пожалуйста.

Алленби потянулся к полке за койкой и достал бокал и новый кувшин. Наливая, он продолжил:

— Остался лишь один секрет, Бансом: насколько серьезны эти неприятности на самом деле. — Он заткнул кувшин и подтолкнул бокал Бансому. Жрец положил на стол несколько медяков и взял бокал. — Предсказатели увидели это еще до того, как мы покинули Момус, даже до того, как сформировали труппу. Если ничего не предпринять, сомневаюсь, что мы вообще сможем открыться, а если и откроемся, не окажется ли это просто фарсом?

— То есть?

Алленби наклонился вперед:

— Артисты... боятся выходить на манеж...

Бансом невольно расхохотался.

— Прошу прощения, Великий Алленби. — Он бросил на стол два мовилла. — Прости, пожалуйста, но я просто не могу

себе такого представить. Все наши артисты мастера своего дела, и у них за плечами много лет работы и на манеже, и у придорожных огней.

— И тем не менее это так. Сколько ты видел репетиций?

Бансом сделал глоток, потом пожал плечами:

— Всего несколько после того, как мы покинули Момус, да и те уже больше недели назад. Даже клоуны перестали пускать зрителей, даже если им предлагают плату.

— Понимаешь? Можешь себе представить, что это означает? Чтобы клоуны отказывались выступать за медяки?

Бансом кивнул:

— Теперь понимаю, о чем ты. Все происходило так постепенно, что я даже не задумывался... Но почему? Они же не перестали быть артистами и не стали хуже, чем на Момусе.

Алленби потер подбородок, потом откинулся на койку с бокалом в руке.

— И этот корабль, и Пироэль — странные площадки. И пироэлианцы — странные зрители, а теперь еще и соперники в виде «Арнхайма и Буна»... Доктор Ворр сегодня лечил жонглеру Рулиуму сломанный палец на ноге. Рулиум уронил булавы во время репетиции.

— Рулиум? — Бансом открыл рот. — Только не Рулиум!

— Теперь ты начинаешь понимать?

— Да. — Бансом покачал головой. — И да, и нет. Что такое на нас нашло? Нельзя ли это как-то наладить?

— Мы знали, что сильно рискуем, отправляясь на гастроли так скоро, но нужно было трогаться сразу, как только мы получили медяки. Если бы мы еще промедлили, спонсоры начали бы забирать средства. — Алленби пожал плечами. — Тут уж либо отправляться немедленно, либо не отправляться вовсе.

Бансом вспомнил чувства, нахлынувшие на него после наблюдений за приготовлениями «Арнхайма и Буна».

— Возможно, так было бы лучше — не отправляться вовсе.

— Это беспредметный разговор; мы уже здесь и останемся здесь, если не сможем собраться и отработать программу так, чтобы хотя бы покрыть расходы. — Алленби поставил локти на стол и сжал руки. — Я убежден, что эта труппа вполне может заставить толпу раскошелиться. Недостаток массовости и пышности мы более чем компенсируем мастерством и изощренностью. Я распорядился назначить парад-алле сегод-

ня на шестой час пополудни — за целый час до выступления «Арнхайма и Буна».

— Так ведь даже шатер еще не установлен!

— И тем не менее. Уже сейчас каждая свободная пара рук и все рептилии, включая Горбунка, отправляются работать. Думаю, оборудование будет готово вовремя, но от этого мало толку, если на улицы Кукью выйдет унылая, неорганизованная толпа, а не цирк.

— Великий Алленби, ты просил меня о помощи. — Бансом поднял брови и пожал плечами. — Но что я могу сделать? Я всего лишь жрец — простой историк.

— До отправления с Момуса Шелем работал с предсказателями. У него был ответ.

— И какой?

Алленби пожал плечами:

— Я надеялся, что он рассказал тебе.

— Нет.

— Вы ничего не обсуждали?

Бансом пожал плечами:

— Мы практически не разговаривали с самого старта. Он был полностью погружен в работу над рукописью... — Жрец полез за пазуху и вытащил листок бумаги, который дал ему доктор Ворр.

— Что это?

— Доктор передал. Он сказал, что это письмо Шелема ко мне. — Бансом развернул листок, потом испустил вздох разочарования. — Ничего.

— Что там написано?

— Сорок семь: тридцать четыре. Читай сам.

— И это все? Что означают эти числа?

— Ты должен понять, Великий Алленби, Шелем был очень стар, и его разум... ну, вот очень хороший пример. Это явно порядковые номера книги и главы, но история, которую Шелем написал для жрецов Тарзака, начинается с книги сорок первой и заканчивается сорок шестой. Сорок седьмой книги не существует.

— Бансом, возможно, именно ее он и писал.

— Несомненно, но ни один жрец не может выступить с рассказом, не утвержденным остальными жрецами Тарзака. Возможно, в Иконе такое бывает, но...

— Какой период охватывает эта глава?

— Не знаю. Молодой Нуссет — ученик Шелема — должен бы знать. Он копировал рукопись.

Алленби нажал на кнопку пульта, вмонтированного в стол, и вызвал скрипториум. Нуссет отозвался.

— Нуссет, это Алленби.

— Да, великий Алленби?

— Какой период охватывает тридцать четвертая глава в новой книге Шелема?

— М-м, не уверен. Минутку.

Алленби, подняв брови, посмотрел на Бансома; тот только пожал плечами.

— Ученики уже не те, что прежде.

— Великий Алленби?

— Да, Нуссет?

— Вот она. Так, тридцать четвертая... хм-м-м. Эта глава рассказывает о войне. Похоже, закончена.

— Нуссет, принеси ее в кают-компанию. — Алленби увидел, что Бансом хмурится. — В чем дело?

Жрец покачал головой:

— Чтобы Шелем собирался читать это труппе корабля? Самый страшный период в истории Момуса? Если труппа в таком настроении, если люди настолько неуверены в себе, как ты описываешь, Великий Алленби, эта глава может оказаться последним ударом.

— Возможно.

— Возможно? Я кое-что понимаю в жреческом деле.

Алленби кивнул:

— Не обижайся, пожалуйста, Бансом, но то, что Шелем был старшим жрецом «Барабу», приводит меня к мысли, что и он тоже кое-что понимал в своем деле.

Бансом покраснел.

— Конечно. — Они несколько минут ждали в тишине, не сводя глаз с двери кают-компании.

Когда вошел Нуссет с пачкой бумаг, Алленби взял их, подал ученику несколько медяков, и, не успел тот выйти из комнаты, как Алленби уже погрузился в чтение. Он был неподвижен, жили только голубые глаза. Дочитав страницу, он подкладывал ее в конец пачки. Наблюдая, как Алленби то посмеивается, то хмурится, то смаргивает слезы, как кивает, берясь

за следующую страницу, Бансом снова вспомнил о довинитском миссионере.

«Я еще не слишком стар, — думал он. — Я еще мог бы пойти в ученики к каменщику. А еще работа жреца очень похожа на работу интермедиста... да и рассказчика. Если я когда-нибудь вернусь на Момус».

Он вздохнул, поднял голову и увидел, что Алленби протягивает ему бумаги; жрец не смог истолковать выражение его лица. Когда Бансом взял рукопись, Алленби встал и пошел к двери, затем остановился.

— Бансом, в четвертом часу ты выступишь перед труппой с этой главой. Будь готов. — Он повернулся и вышел.

Жрец сел, несколько минут таращился на закрытую дверь, потом посмотрел на бумаги в руке. Знакомые каракули Шелема покрывали нелинованные листы. Покачав головой, Бансом начал читать.

В четвертом часу Бансом стоял на упаковочном ящике в грузовом трюме «Барабу» в окружении собравшейся труппы. Люди, арваниане и ящеры — все в парадных одеяниях — стояли молча, ожидая слов жреца. Бансом откашлялся и начал:

— Шел двести четвертый год крушения «Барабу» и пятый год пребывания лорда Алленби в должности Великого Государственника Момуса. Защита Девятого Квадранта Обитаемых Планет, послом которого Алленби некогда являлся, была снята по приказу Совета Семи Девятого Квадранта для усиления обороны центральных районов, оказавшихся в зоне особого внимания военачальников Десятого Квадранта. Остались только горсточка Горных Егерей, вышедших на пенсию или демобилизовавшихся на Момус, да заверения Объединенных Квадрантов, что они придут на защиту Момуса в случае, если планета подвергнется вторжению.

Бансом читал слова Шелема, и месяцы борьбы, боли и страданий постепенно стирались из памяти, пока и жрец, и артисты не вернулись к тому мрачному часу.

— В то же самое время, когда последний корабль Девятого Квадранта покинул небеса Момуса, лорд Алленби пригласил к себе Великих Мастеров планеты. Они собрались в доме Алленби в городе Тарзаке и встретились с представителями оставшихся Горных Егерей...

* * *

Лорд Алленби, сидевший, скрестив ноги, за столом, смотрел на мрачные лица собравшихся.

— Есть предложения? — Его взгляд остановился на лице молодого человека в черно-коричневой мантии униформиста, ярко выделяющейся на фоне стены. — Пейнтер? Ты — старший из оставшихся на планете Горных Егерей.

Стоявший поодаль бывший лейтенант пехоты пожал плечами:

— Если разведывательные прогнозы, которыми снабдил тебя генерал Каан, верны, то Десятый Квадрант использует для вторжения наемников, — возможно, арваниан — под предлогом, который даст Объединенным Квадрантам формальный повод отказаться от вмешательства. Вопрос только во времени, но можно не сомневаться, что это будет скоро.

Алленби потер подбородок:

— Размер арванианского отряда?

— Не больше батальона. На что-то большее ОК пришлось бы обратить внимание. Но... — Пейнтер опустил глаза. — Этого должно хватить. Они будут вооружены шквальными лучеметами в качестве легкого оружия и, возможно, импульсными излучателями и дезинтеграторами для тяжеловооруженной роты. К тому же арваниане — крутые ребята.

— Ну а наши Егеря? Ведь их на Момусе около двухсот?

Пейнтер кивнул:

— Примерно половина из них — технический персонал: техники, медики, электрики и компьютерщики не более годятся для боя, чем клоуны... — Пейнтер заметил, что Великий Камера, мастер тарзакских клоунов, глянул на него, подняв бровь. — Не обижайся, Великий Камера. — Лейтенант снова повернулся к Алленби. — За вычетом их и тех, кто негоден по возрасту, мы имеем, возможно, дюжину строевых солдат, экипированных разве что голыми руками.

— И?..

— И будь это задачей в офицерской школе, я бы вспомнил, осторожность — мать доблести, — и не получил бы неуд.

— Невозможно.

— Знаю.

— Ну и какова же альтернатива, Пейнтер?

— Герилья. Партизанская война. Избегать прямых столкновений, использовать тактику булавочных уколов, утомлять их... превратить для арваниан жизнь на Момусе в ад... — Пейнтер опустил глаза и покачал головой.

— Что такое? Что ты собирался сказать?

Пейнтер скривил губы, потом поднял глаза:

— Чтобы превратить планету в ад для арваниан, нам необходимо будет превратить ее в ад и для нас самих. Такая война — это противоборство духа... мужества. Чтобы увеличить для арваниан цену завоевания, народу Момуса придется и самому заплатить дорогую цену. Возможно, на это уйдут годы. Они могут измотать нас первыми...

— Ха! — Все повернулись к Доруму, силачу и мастеру тарзакских уродцев. — Пейнтер. Ты полагаешь, момусиане лишены силы духа? — Остальные одобрительно кивнули.

Пейнтер потер глаза, потом опустил руку.

— Я видел такую войну раньше, Дорум. Шесть лет назад, во время восстания на Хессифе. У меня на глазах командира роты разорвало на куски... маленькая девочка попросила воды... она обмоталась проволокой, превратившись в ходячую бомбу. — Он отошел от стены. — Хватит у тебя духу превратить себя в бомбу, Дорум? Или превратить в бомбу жену или дочь? У хессифиан на это хватило духу, и этого оказалось недостаточно. Мы разбили их. Егеря подавили восстание.

Воцарилась мертвая тишина. Алленби видел, как углубляются морщины на лицах.

— Есть другие предложения? — Никто не шелохнулся. — Прекрасно. Пейнтер, с чего начнем?

Наавон Дор, командир арванианских наемников, забыл о линейном крейсере «Меч», несущемся к планете Момус: его стило порхало по экрану, закрывавшему одну из переборок каюты, движения художника были быстрыми и уверенными. На экране появились изображения суровых гор Арвана и резких ветров, сгибающих тонкие растения. Экран Наавона мог бы оживить рисунок: серые облака скользят за горами, деревья диа раскачиваются под ветром, — но он предпочитал достигать этого эффекта рисованием. На переднем плане появился утес, а на обрыве — вихрь линий и теней, который скоро превратился в подо-

бие его самого: высокая фигура, приплющенная голова гордо вскинута, черные, как ночь, глаза пристально смотрят из-под выступающих надбровий на далекие горы. Наавон мгновение помедлил, всматриваясь в портрет. На герое была старомодная одежда: стоячий воротник и скрещенные ремни, как у старых арванианских наемников. Наавон нахмурился, потом узнал воина. *Отец, почему я сейчас думаю о тебе?*

— Наавон? — Старший офицер отвернулся от экрана. В люк просунулся его заместитель.

Наавон выключил экран, стирая изображение, и бросил стило на прикроватный столик.

— В чем дело, Госс?

— Многопалый прилетел с командного корабля и желает видеть тебя.

— Этим некорректным в расовом отношении словечком ты, полагаю, обозначаешь адмирала Садисса.

— Его самого.

— Возможно, Госс, тебе интересно будет узнать, что Садисс как ворлианец не более виноват в том, что у него четырнадцать пальцев, чем мы, арвавиане, в том, что у нас десять.

— Да, Наавон. — Госс, старый солдат и верный друг старшего офицера, потупился, изображая конфуз, в уголках рта обозначились озорные морщинки. — Хотя не знаю. Виноват он или нет, а, бьюсь об заклад, бучу поднять может.

Наавон покачал головой:

— Чего хочет представитель нашего патрона?

Госс ухмыльнулся:

— Он желает предъявить кому-то обвинение.

Старший офицер вскинул брови и кивнул:

— Ладно, Госс. Пожалуйста, пригласи адмирала.

Госс повернул голову и крикнул:

— Эй, ты! Давай сюда! — А потом вошел в каюту, сел напротив Наавона и стал ждать появления ворлианского адмирала.

Садисс вошел. Арванианский командир с интересом наблюдал, как приземистый гуманоид, одетый в черный костюм и плащ, осматривает каюту, высматривая, куда сесть. Наавон указал на табурет:

— Это лучшее, что я могу предложить, адмирал.

Садисс бросил злобный взгляд на сидящего Госса, потом повернулся к Наавону:

— Я лучше постою.

— Как хотите. — Госс поднял ногу в ботинке, положил ее на табурет, сверху закинул другую ногу. У Наавона мелькнула мысль, не следует ли ему объяснить ворлианцу, что Госс так же ведет себя и с арванианскими офицерами. Он покачал головой и снова повернулся к Садиссу. — Ну и что вам нужно, адмирал?

— Солдата из вашей третьей роты, Т'Дулна. Я официально обвиняю его в измене.

Наавон кивнул:

— Ясно. Что он натворил?

— Пораженчество. Он пренебрежительно высказывался о нашей славной миссии.

— Хм-м-м. Это серьезно. И что он сказал?

— Он назвал нашу освободительную миссию вторжением и намекнул, что выставлять современную армию против того, что он назвал «невинным обществом клоунов и жонглеров», трусость.

Наавон кивнул:

— И вы слышали, как Т'Дулна говорил это?

Садисс повернулся к открытой двери и махнул рукой:

— Эмис, Юст, сюда! — Два арванианских солдата вошли в каюту и вытянулись рядом с адмиралом по стойке «смирно». — Эти двое слышали его и доложили мне об измене.

Наавон откинулся на койку и сцепил пальцы на животе:

— Ясно. — Старший офицер внимательно оглядел солдата Эмиса, потом солдата Юста. Кивнув, он повернулся к Госсу. — Этих двоих уволить из части и вышвырнуть с моего корабля. Если адмирал не возьмет их на свой корабль, выбрось за борт, и пусть идут пешком.

Госс встал и потер руки:

— Да, Наавон, с удовольствием. — Госс подошел к солдатам, схватил обоих за руки и потащил из каюты. Тот, кого звали Эмисом, перед тем, как вывалиться в коридор, умоляюще посмотрел на Садисса.

Садисс уставился на Наавона:

— Что это все означает, старший офицер?

— Вторжение на Момус — действительно трусость, Садисс, и на моем корабле говорить правду — не измена.

— Это проявление недостатка лояльности к Десятому Квадранту!

— Верно, — кивнул Наавон. — Совершенно верно. Но и это на моем корабле не преступление. Люди в этом батальоне обязаны быть лояльны мне и друг другу. Никакой другой лояльности не требуется, вот почему вы можете забрать своих шпионов. Я не желаю, чтобы из-за них нижние чины перестали доверять друг другу.

— И что мне с ними делать?

— Добавьте их к тому сборищу преступников, которое вы называете Освободительной Армией Момуса.

— Преступников? Старший офицер Дор, это представители угнетенного народа Момуса, которые обратились к Десятому Квадранту за помощью, чтобы свергнуть...

— Заткнитесь, Садисс! Скармливайте ваши байки Объединенным Квадрантам, а не мне. Ваша освободительная армия — не что иное, как убийцы, воры и мошенники, изгнанные из момусианского общества, и предлог высадить войска на Момус без вмешательства ОК. Ведь так?

В каюту вошел Госс и уселся свое место.

— Наавон, я запихнул их в челнок Садисса.

Старший офицер кивнул и снова повернулся к адмиралу:

— Полагаю, это закрывает наше дело, Садисс.

— Не совсем, Дор. Ваши солдаты присягали...

— Мои солдаты присягали исполнять мои приказы. Ваши начальники наняли меня завладеть Момусом для Десятого Квадранта, с оплатой по факту, — что мы и сделаем... — Наавон ухмыльнулся. — Если не получим лучшего предложения. Между тем мы не обязаны быть в восторге от того, что делаем; довольствуйтесь тем, что мы это делаем. И это все.

Садисс перевел взгляд с Наавона на Госса, потом снова посмотрел на Наавона.

— Это не конец, Дор. Я назначен командующим этой миссией...

— И это все, Садисс. Желаете, чтобы Госс проводил вас на челнок?

Садисс резко повернулся и вышел из каюты. Госс покачал головой:

— Наавон, нас ждут неприятности. Военачальники Десятого могут прислушаться к его болтовне.

Наавон рассмеялся:

— Госс, дружище, ты действительно не понимаешь, а?

— Что не понимаю?

— Адмирал Садисс — неизлечимый романтик. Я уверен, он искренне считает себя освободителем, а нашу миссию — освободительной. Военачальники Десятого, однако, вовсе не мечтатели, какими их хотел бы видеть Садисс.

Госс почесал нос:

— Если я не понимал раньше, Наавон, то теперь я понимаю еще меньше.

Наавон взял стило и включил рисовальный экран. Продолжая говорить, он нарисовал гротескное изображение Садисса.

— Госс, ты должен понять философию Десятого Квадранта. Она интересна, если не оказываться у них на пути. Они убеждены, что ворлианцы предназначены править вселенной.

Госс пожал плечами:

— Садисс убежден в том же. Никакой разницы.

— Ах, Госс, но разница есть. Нынешние Военачальники, как и все их предшественники, служат идее. Садисс служит самому себе. Военачальники видят ворлианцев будущими правителями всего сущего. Садисс видит правителем себя. Военачальники жмут, пока не встретят сопротивление, потом отступают и ждут, предоставляя следующему поколению военачальников продолжать охоту. Это безжалостно медленный, тяжелый план завоевания, он не принесет быструю победу над окружающими народами, но в конце концов приведет к успеху. Например, наша маленькая миссия. Вот мы, незначительная армийка, посланы завладеть для Десятого Квадранта незначительной планеткой: в масштабе вселенной — пылинка, слишком маленькая, чтобы беспокоиться о ней. «Это мелочь, — говорят Квадранты, — пусть Десятый получит ее». И Десятый возьмет эту пылинку, друг мой, и добавит ее ко всем прочим уже собранным пылинкам, потому что из таких-то пылинок...

— И состоит вселенная, — Госс нахмурился, потом поднял брови. — А Садисс?

Наавон пожал плечами:

— Такой план рассчитан на работу тысячи поколений; у Садисса времени мало. Он служит самому себе, тогда как военачальники служат предназначению.

Госс вытащил из-за пазухи маленькую деревянную флейту, поднес к губам и сыграл несколько трелей.

— А где же наше место, Наавон? Если то, что ты говоришь, верно, военачальники в один прекрасный день обратят взоры на Арван.

Наавон откинулся к стене и вызвал на экран анимационную программу.

— К тому времени нас давным-давно не будет. — Изображение Садисса на экране дернулось и споткнулось. Офицер пожал плечами. — Хотя Арван и будет поглощен, подумай о грандиозности замысла, Госс. Призраки армии военачальников смогут оглядываться на то, что они совершили.

Госс просвистел короткую комическую фразу — как раз когда фигура на экране споткнулась, потом опустил флейту и хлопнул ею о ладонь.

— Не хотел бы я жить под Десятым.

— Не в этом дело, Госс. — Наавон вытянул руки. — Что нам с тобой, Госс, до грядущих столетий? Как солдаты, мы, возможно, приведем в действие какие-то события, но их легко можно парировать другими событиями. Я рисую картины и стираю их, ты играешь чудесные мелодии, которые тают в воздухе. Но военачальники Десятого изменяют вселенную, какими бы эти изменения ни были.

Госс поднес было флейту к губам, потом опустил ее.

— Ты одобряешь?

Наавон пожал плечами:

— Что значит одобрение простого солдата по сравнению с результатом?

— Наверное, ничего. И это относится и к Садиссу, вот почему он не может причинить нам неприятностей.

— Именно. Военачальники наняли нас для работы. Пока мы делаем эту работу, они будут довольны.

Госс сыграл еще короткую фразу, потом нахмурился:

— Наавон, что, если бы Садисс смог сам, за отмеренное ему время, довести план Военачальников до конца?

Наавон отвернулся от Госса и посмотрел на экран:

— Если бы я считал, что он сможет довести план до конца — или разрушить его, — думаю, я служил бы ему, чтобы поучаствовать в этом. Мне хотелось бы, чтобы мое имя было связано с чем-то прочным, пусть даже и негативным, но... — Старший офицер пожал плечами.

— Но тебе, Наавон, приходится довольствоваться двумя кормежками в день и отрядом из жалких восьмисот солдат.

Наавон засмеялся.

— Тех, кто доживет. — Он взял стило, выключил анимацию и несколькими штрихами состарил фигуру Садисса на восемьдесят лет. Пока он рисовал, Госс заиграл запинающуюся, рваную мелодию «Умрут последние из нас».

Присев на корточки на опушке леса на севере Аркадии, Освальд Пейнтер, бывший лейтенант Егерей, внимательно осмотрел пустыню и небо. Все было чисто.

«Так будет не всегда», — подумал он.

Алленби очень надеется, что фокусники и предсказатели собьют арваниан с толку и предвосхитят их планы.

Пейнтер фыркнул и встал.

Этого будет мало.

Он вернулся в лес и пробирался через густой кустарник, пока не дошел до небольшой поляны. Там Пейнтер остановился и посмотрел на свою оборванную команду: униформистов, уродцев, клоунов, акробатов...

И по крайней мере один метатель ножей. Возможно, хоть от него будет толк.

Пейнтер поднял руки:

— Хорошо, ребята, слушайте. — Он указал на центр поляны. Когда они подтянулись и встали полукругом, Пейнтер посмотрел на их лица. На одном была скука, на другом возбуждение, а на третьем озорство. *Дети играют в солдатиков. В них нет того, что превращает в настоящего партизана.* — У нас много работы и мало времени...

— Пейнтер. — Тип в оборванной черно-алой мантии поднял руку, и Пейнтер кивнул. — Пейнтер, я Рууз из фокусников Аноки.

— Да?

— Тут еще надо уладить вопрос оплаты.

— Оплаты? — *Великий Фетиш, чем я тут занимаюсь*?

— Конечно. То, что мы здесь, ценно для тебя, не так ли?

Пейнтер покачал головой:

— Это другое дело.

— Другое? Почему другое?

— Мы здесь, чтобы научиться защищать ваши дома... вашу планету!

Рууз опустил ресницы и поднял голову:

— То, что мы здесь, ценно для тебя?

— Конечно!

Рууз пожал плечами:

— Значит, это ценно и для нас.

Качая головой, Пейнтер полез за пазуху и извлек оттуда пустой кошелек.

— Кажется, у меня плоховато с деньгами.

Женщина в коротком белом одеянии подняла руку:

— Я Фейда из кассиров Сины. Если позволите, я выделю инструктору мелкую ссуду.

Пейнтер посмотрел на своих подопечных, потом хлопнул правым кулаком о левую ладонь.

— Глупцы, вам грозит кровавая баня, а вы стоите тут и пытаетесь заработать на этом медяки! — *Они сумасшедшие; абсолютно чокнутые!* Пейнтер перевел дух. — Ладно! Сколько?

Рекруты бесконечно долго торговались друг с другом, потом вперед выступил клоун в оранжевом.

— По два мовилла каждому.

Кассир из Сины сосчитала людей, потом залезла за пазуху и вынула сорок четыре медные бусины. Подавая их Пейнтеру, она ухмылялась.

— Есть, конечно, и такая мелочь, как проценты.

Пейнтер взял медяки и пристально посмотрел на Фейду.

— Конечно! И сколько?

— Десять процентов.

— Десять... да это грабеж!

Фейда пожала плечами и махнула рукой на товарищей:

— Ты должен признать, что я изрядно рискую.

Пейнтер кивнул, потом раздал медяки. *Она тоже это понимает. Если даже неграмотная счетчица медяков понимает это, что я здесь делаю?* Вложив последние два медяка в последнюю протянутую руку, Пейнтер снова занял место в центре полукруга, вспоминая, что за неуплату долга в разумный срок наказывают изгнанием. Он опустил глаза, почесав в затылке. *Еще несколько таких сеансов, и я буду по уши в долгах.* Он снова кивнул, потом поднял глаза.

— Прежде чем мы начнем, есть еще такая мелочь, как оплата моих услуг.

Рууз посмотрел на товарищей, потом снова на Пейнтера.

— И сколько стоит инструктор?

Пейнтер сложил руки на груди:

— Три медяка с носа.

— Вор! — крикнул уродец в заднем ряду. — Мы-то запросили по два!

Пейнтер пожал плечами:

— Война напрямую ударит по вашим кошелькам, а вы понятия не имеете, как с этим быть. А я знаю. Эти знания ценны для вас?

Под ворчание рекрутов Пейнтер услышал шаги за спиной. Он обернулся. Алленби улыбался и качал головой:

— Лорд Алленби!

— Вижу, все идет хорошо, Пейнтер.

Пейнтер фыркнул:

— Можно узнать, что привело тебя сюда?

Алленби кивнул:

— Я пришел поздравить тебя, Пейнтер. Я официально назначил тебя командующим Вооруженными Силами Момуса. — Пейнтер таращился на Великого Государственника; у него не было слов. Алленби отвернулся и, уходя, бросил через плечо: — Война — это ад, Пейнтер. Война — это ад.

Пейнтер снова повернулся к своим подопечным. Мрачный Рууз протянул ему медяки и ссыпал в протянутую руку.

— Хочешь пересчитать?

Пейнтер кивнул:

— Конечно.

Отсчитав сорок четыре медяка плюс проценты, он передал их кассиру и убрал остаток. Фейда поклонилась.

— В будущем инструктор может рассчитывать на более низкую процентную ставку от Фейды. Я вижу, он — состоятельный человек.

Пейнтер кивнул, а в уме промелькнула картина: он ведет Вооруженные Силы Момуса против арванианских наемников.

Не забыть бы спросить у Алленби насчет заработной платы. Не думаю, что ее хватит.

Куулис, инспектор Большой Арены Тарзака, стоял в центре темного амфитеатра, лаская взглядом освещенные светом звезд трибуны. Цирк, погруженный в запряженные ящерами и лошадьми фургоны, уехал несколько часов назад. Они звали его с собой, но Куулис остался. Его место здесь, с Ареной. Его долг перед цирком исполнен; цирк в безопасности.

— Отец?

Куулис повернулся к зрительскому входу и прищурился:

— Лисса?

— Да, отец. — Стройная молодая женщина пересекла манеж и опустила на землю рюкзак. — Ты должен уйти. Захватчики скоро будут здесь.

Куулис отвернулся и скрестил руки на груди:

— Нам нечего обсуждать.

— Ты все еще сердишься на меня?

Куулис фыркнул:

— Моя дочь — солдат!

— Я хотела бы быть послушной дочерью, отец.

— И тем не менее не слушаешься.

— Мы должны бороться...

— Ба! Мы — хранители Арены, Лисса, а не убийцы. И если на Момусе создана армия, где же она? Почему она оставляет Тарзак врагам? Почему она не сражается?

— Отец, если мы столкнемся с арванианами в открытую, для нас все будет кончено. Мы должны использовать другую тактику.

— Затаиться в лесу, всаживать нож в спину, когда никто не видит. — Куулис плюнул на землю. — Почему же ты здесь,

в Тарзаке, а не прячешься в холмах с остальными нашими храбрецами?

Лисса наклонилась и подняла рюкзак, закинув лямку на плечо.

— Меня послали за огненными шариками. — Она залезла в рюкзак и вытащила предмет размером с небольшую сливу. — Фокусники так вызывают сильный огонь. Из сырого кобитового теста делается оболочка, внутри которой образуются две камеры, в каждой из которых содержатся некие вещества, и, когда шарик сминают, эти вещества смешиваются. Ты много раз видел этот фокус и знаешь, какой жаркий получается огонь. А эти особенные: втрое больше тех, что используют фокусники.

Куулис покачал головой:

— Ну и денек: фокусники расстаются со своими секретами — ну и денек!

Лисса убрала огненный шарик в рюкзак и посмотрела отцу в лицо.

— Все мы с чем-то расстаемся, отец...

Куулис зажал Лиссе рот рукой:

— Тсс! — прошептал он. — Ну-ка, быстро к северному входу!

Они тихо перебежали манеж и остановились у прохода в трибуне. В зрительском входе замерцал свет факелов. Куулис осторожно выглянул из-за угла. На арену выходили люди... и он узнавал их! Кардик, убийца, осужденный и изгнанный городом Тарзаком, смеясь, хлопнул по спине спутника. Тот, поджигатель Хароман, поднял факел и помахал им над головой.

Мой отец был инспектором этой Арены, а до него — его отец.

Мисор — вор, убийца и главарь банды — шел рядом с приземистым, одетым в черное ворлианцем; вот он засмеялся и хлопнул незнакомца по плечу. Незнакомец улыбнулся.

Эта Арена видела лучших артистов Момуса.

За отрядом безухих арванианских наемников, вооруженных винтовками, шла пьяная банда изгнанников; на их лбах красовались голубые метки приговоров.

На этой Арене родились два наших великих закона.

Вор Даззул.

Джокосин, вор и убийца.

Убийца Васерат и еще множество незнакомых, но все отмеченные голубыми знаками приговоров.

— Ура, Мисор! Ура, Мисор!

Мисор встал в центре Арены и поднял руки, требуя тишины. Банда головорезов притихла.

— Кого Большая Арена признает своим королем?

— Мисора! — Заорала шайка отщепенцев. — Да здравствует Великий Мисор, король Момуса!

Куулис обернулся к дочери. В глазах Лиссы стоял ужас.

— Лисса, ты должна рассказать Алленби.

— Пойдем со мной, отец.

Куулис посмотрел Лиссе в глаза и поцеловал в лоб:

— Я должен остаться. Видишь, что они делают с моей Ареной? — Лисса закрыла глаза и кивнула. — Иди, только оставь мне немножко этих пирожков. — Куулис залез Лиссе в рюкзак и набил себе карман огненными шариками. Подняв глаза, он увидел, что Лисса плачет. — Держись, солдатик. Такое случится не раз, прежде чем Момус освободится от захватчиков. Ну, иди же!

Девушка повернулась и быстро пробежала по туннелю. На пыльной, темной улице она остановилась и оглянулась. Отца в проходе уже не было.

Командир арванианского взвода поднялся на невысокий холм, оглядел дорогу на Тьерас, прошептал пароль и спустился в окоп, занятый тремя другими наемниками; двое из них были еще живы.

— Все спокойно, Иас?

Арванианин, сидящий на корточках перед портативным радаром, поднял голову и кивнул:

— Уже больше двух часов, командир. Думаешь, они нападут снова? — Все было тихо.

— Нет. Но не теряй бдительности. Как Т'Дулну угораздило? — Он указал на мертвого наемника.

Солдат, выглядывающий из окопа, вытащил что-то из-за пояса и сунул сидящему за спиной командиру. Это был тонкий нож без рукояти. Когда взводный взял клинок, солдат кивнул на дерево у дороги.

— Этот тип был вон там, рядом с деревом. Он бросил эту штуку.

— Бросил? Да здесь шагов пятьдесят и бросок вверх.

— По-моему, здесь ближе к шестидесяти шагам.

Взводный тихо присвистнул.

— Вы слышали, что произошло в Тарзаке?

— А что?

— Помните того момусианина, Мисора?

Наблюдатель повернулся и сплюнул.

— И что с ним?

— Многопалый и его «Освободительная Армия» устроили церемонийку коронации Мисора королем Момуса, когда местный патриот воспользовался случаем разбросать вокруг что-то вроде зажигательных бомб.

Солдат засмеялся.

— Это правда?

— Клянусь.

— А Многопалый и Мисор?

Взводный пожал плечами:

— Подгорели немного, но еще живы.

Солдат снова уставился на окрестности:

— Жаль. А что бомбометатель?

— Ни кусочка не осталось. — Взводный выбрался из окопа. — Будь настороже, если не хочешь, чтобы такая бомбочка постучалась в двери твоего дворца. — Он встал. — Пришлю сменщика до рассвета.

Оператор датчика указал на мертвого наемника:

— А как с ним?

— Он тебе мешает?

— Нет.

— Мы выступаем утром. Захвати его бумаги, прежде чем закопаешь окоп, и сдай писарю.

Взводный исчез в ночи, а двое часовых избегали смотреть в глаза друг другу. Наблюдатель повел стволом в сторону мертвого метателя ножей. Во время нападения этот человек просто вышел из-за дерева и бросил клинок в окоп, попав Т'Дулне в грудь. А потом он просто потрясенно стоял, даже не пытаясь убежать. Солдат покачал головой, отвел взгляд от мертвеца и снова начал вглядываться в тени.

* * *

Предсказательница покачала головой:

— Бесполезно, Алленби. Арваниане не люди; их будущее неясно. Я не вижу их.

Фокусник согласно кивнул:

— Все верно. Они не люди; их разумы закрыты от моей силы.

Алленби посмотрел на две тени, потом повернулся к третьей.

— Ну, Пейнтер?

Тот пожал плечами:

— Если так пойдет и дальше, с нами будет покончено за месяц. К нам присоединяется все больше народу — особенно после того, что произошло в Тарзаке, — но у нас нет времени на обучение и нет снаряжения. — Пейнтер вздохнул. — Могу предложить только последовать на Запад за цирком и начать обучение заново.

— А пленник, Пейнтер? — заговорила предсказательница. — Возможно, имея пленника, мы можем многое узнать об арванианах...

— Нет! — Пейнтер отвернулся от предсказательницы и посмотрел в глаза Алленби. — Арваниане уже сражались в таких войнах, и две попытки захватить пленных стоили нам больше двадцати мужчин и женщин... У нас больше нет времени, если мы хотим еще хоть что-то спасти.

Через несколько мгновений после выхода на орбиту Момуса арванианские наемники под командованием Наавона Дора посадили челноки возле Тарзака, Аркадии, Куумика, Мийры и Риса, основных населенных пунктов и узлов дорожной сети. Несмотря на сопротивление, все пять городов были захвачены, и адмирал Садисс посадил в Тарзаке марионеточный режим и объявил его законным правительством Момуса. Шестой отряд арванианских войск на катерах на воздушной подушке и самолетах-истребителях начал зачистку сельских местностей, отыскивая партизанские отряды. Всего через девять дней остатки Вооруженных Сил Момуса — менее трети от первоначальной численности — сумели бежать в Аноки и спастись под покровом шторма на

рыбачьих лодках. На утро десятого дня Наавон Дор объявил, что на Центральном континенте наведен порядок.

Высоко над клиновидным строем катеров на воздушной подушке, несущихся над спокойными синими водами Западного моря, командирская машина Наавона Дора — один из челноков с «Меча» — заложила вираж, чтобы проверить датчиками островок, появившийся на горизонте, когда войска приблизились к почти необитаемому континенту, который момусиане называли Западным. Наавон посмотрел на девственные джунгли, потом вышел из кабины и вернулся грузовой отсек. В большом отсеке помещались командный пункт, медицинская часть и узел связи. Работники командного пункта хмуро сидели за своими пультами, равнодушно корректируя уже отрегулированные настройки. Из задней части отсека доносились рыдания флейты Госса. Наавон подошел к экрану, отделявшему их с Госсом каюту от грузового отсека, и заглянул в дверь. Растянувшись на койке, Госс играл на флейте, пристроив под рукой большой коричневый кувшин.

— Госс!

Великан опустил инструмент и обратил на дверь затуманенный взор.

— Привет, завоеватель! — Госс поднял голову и присосался к кувшину. Закончив, он вытер губы рукавом мундира, потом рыгнул. — Нашли ли мы уже неуловимого неприятеля, о могучий вождь?

— Госс, ты что, ума лишился? Да за такое и казнить можно. Что это за пойло?

Госс встряхнул кувшин:

— Это? Местное средство от укоров совести. Называется «заболонное вино». — Он сделал еще глоток, потом протянул кувшин. — Хочешь глотнуть?

Наавон взял кувшин и принюхался:

— Госс, это убьет тебя раньше, чем мне выпадет шанс подставить твою тушу расстрельной команде.

Госс сел, отобрал у командира кувшин и хлебнул еще.

— Хорошая штука. Помогает забыть, чем мы тут занимались последние десять дней. Жаль только, что весь батальон не может упиться вдрызг: было бы кстати.

Наавон сел на койку напротив Госса:

— Говори. Что за демон терзает тебя на этот раз?

— Садисс. Этот тип мог бы и бриллианты превратить в грязь. — Наавон опустил глаза. — Да, Наавон, ты знаешь, о чем я говорю. Все твои солдаты говорят то же самое. Ты видел, что славная «Освободительная Армия» Садисса сделала с тем городом? По-моему, Порс, да?

— Не знаю. Наверное.

Госс снова выпил:

— Не имеет значения, верно? Все эти грабежи и убийства — просто часть величественного плана Военачальников, так? В масштабе мироздания просто несколько песчинок уничтожают немного других песчинок?

— Командир? — Наавон поднял голову. В дверях стоял адъютант.

— Что?

— Мы приземлились. Приборы что-то засекли у подножия маленького плато в нескольких минутах отсюда.

Госс засмеялся:

— Клянусь любящими богами, Наавон, теперь мы их поймали! Торопись отдавать приказы. Это так же забавно, как стрелять ребятишек на школьном дворе...

— Довольно, Госс! — Наавон повернулся к адъютанту. — Я буду через минуту. — Ординарец кивнул и вышел. Под взглядом Наавона Госс снова растянулся на койке, высосал остатки из кувшина, опустил его на пол, закрыл глаза и захрапел.

— Госс, ты дурак, — прошептал Наавон. — На войне наемник не бывает на правой или неправой стороне. Наемник просто на стороне платежных ведомостей. — Наавон опустил голову и посмотрел на палубу.

Я твержу этому профессиональному солдату стандартную дребедень, которую скармливают новобранцам, и даже сам в это не верю.

Момусиане сражались храбро, если не искусно. То немногое современное оружие, которым они обладали, было снято с тел убитых наемников. Остальные сражались, чем могли: зажигательными бомбами, ножами... Наавон улыбнулся, вспоминая ночь в городе... как бишь его... Рис. На арванианские позиции полетели стрелы. Стрелы! Первым порывом было

засмеяться, и все засмеялись — кроме пятерых, пронзенных деревянными стрелами.

Наавон покачал головой. Приказ Садисса был четок: вырезать защитников всех до единого. Не щадить. На планете не должно остаться противников его «Освободительной Армии». Возможно, для этого хватило бы одного залпа тяжелого орудия — самое большее двух, — будь местность равнинной. Но на Западе, с его труднопроходимыми горами и густыми джунглями, момусиан придется разыскивать по одному, а такие поиски требуют много времени. От батальона потребуется гораздо большее, а солдаты уже давно не воспринимали данную работу как войну, в которой есть хоть клочок достоинства.

Наавон посмотрел на Госса. *Люди видели, что творят Садисс и Мисор со своей бандой преступников, и видели отчаяние, храбрость... честь защитников Момуса.* Наавон покачал головой и вышел из каюты в грузовой отсек, остановившись рядом с оператором связи.

— Найди мне Садисса.

Связист закодировал сигнал и повернулся к Наавону:

— Адмирал Садисс, старший офицер. Хотите с картинкой?

Наавон покачал головой.

— Адмирал? — обратился он к черному экрану.

— Офицер Дор? Вы нашли их?

— Да, адмирал. Я планирую вскоре высадить отряд и попытаться установить контакт с момусианами...

— Я снова напоминаю: это не момусиане; это — мятежники и предатели. Я также напоминаю, что командую этой миссией я и что вам приказано вырезать всех...

— Из арваниан получаются плохие мясники, Садисс. Если я смогу склонить их к капитуляции, я приму...

— Наавон Дор, вы ничего не примете! Надо ли мне напоминать вам также, что у меня есть и собственные войска?

— Вы угрожаете мне бандой душегубов?

— И моим линейным крейсером. Я отдал вам приказы, и если вы не подчинитесь им, я прикажу затравить вас, как зверя!

— Не советую, Садисс. Такой бой мог бы вызвать у моих солдат некоторое воодушевление. — Наавон кивнул оператору. — Рви связь, потом прикажи экипажам катеров высажи-

ваться. — Он нахмурился, затем кивнул. — Лучше привести «Меч» в полную боевую готовность.

— Да, командир.

— Ты чего ухмыляешься?

— Ничего, командир. Просто так.

Джеда из наездников Мийры, руководитель Тарзакского цирка на время гастролей, подошел за жонглером по имени Пуга к сырой пещере у подножия плато. Вход прятался за густым занавесом кустарника и нависающих деревьев. Он не видел охраны, но знал, что она есть.

Жонглер поднял руку:

— Подожди здесь, Джеда.

Пуга исчез за поворотом, оставив Джеду наедине со своими мыслями. Он высматривал устье пещеры на фоне зелени джунглей. За шесть дней, прошедших с высадки арваниан на Западе, защитники Момуса начали удерживать свои позиции. Захватчики стреляли, но их мишени растворялись в джунглях раньше, чем арваниане успевали выстрелить. Ценой множества жизней в руки момусиан попало еще больше арванианского оружия, и опытные, закаленные бойцы теперь разменивали жизнь за жизнь. *А мы отсиживаемся в джунглях и ничего не делаем!* Джеда услышал шаги и обернулся.

Из-за скалы высунулась голова Пуги:

— Пошли, Джеда. Алленби примет тебя.

Джеда следовал за жонглером по лабиринту проходов, пока они не вошли в низкую, освещенную факелами комнату. Алленби сидел, скрестив ноги, перед низким столом, заваленным нарисованными от руки картами. Алленби поднял голову:

— Джеда? Что привело тебя? Все ли в порядке с цирком?

Джеда скрестил руки на груди:

— Конечно, в порядке. Чего ж другого ждать?

— То есть?

— То есть мы хотели бы участвовать в боях, Алленби. Вся труппа согласна; вот почему меня послали.

Алленби кивнул:

— Ясно. — Он покачал головой. — Нет.

— Нет? У тебя столько бойцов, что ты можешь позволить себе пренебречь еще почти двумя сотнями?

— Не будь дураком, Джеда.

— Дураком?

— Да, дураком. Эти сражающиеся мужчины и женщины... ты не знаешь, чем стал для них цирк? Это причина держаться, их символ, их знамя. Понимаешь?

— Я понимаю, что мы сидим в безопасности, пока другие сражаются вместо нас. Момус жил без цирка и раньше — много лет.

Алленби потер глаза, потом сложил руки на столе:

— Джеда, сейчас цирк на Момусе есть. До войны было по-другому... все было по-другому. Но теперь каждый уродец, клоун и униформист, спрятавшийся в джунглях, нужен, чтобы все знали: цирк невредим, в безопасности. Если бы я позволил цирку развалиться и присоединиться к сражениям, я послужил бы целям Десятого Квадранта, а не нашим. Наш дух был бы сломлен.

Джеда уставился в пол:

— Великий Алленби... это трудно. Ты просишь нас о трудном деле.

Алленби кивнул:

— Знаю. Иди, объясни это труппе и заставь их понять. Я полагаюсь на тебя.

В комнату вошел Пейнтер и остановился рядом с Джедой.

— Лорд Алленби, арваниане снова выпускают катера.

— Сеть готова?

Пейнтер кивнул:

— И ракеты.

— А ракеты сработают?

Пейнтер пожал плечами:

— Мы не могли провести настоящие испытания, не выдав наших позиций. Трубки из бумаги и коры кажутся достаточно прочными, чтобы выдержать огненные шарики, но...

Алленби кивнул и встал:

— Тогда нам нужно идти.

Пейнтер нахмурился:

— Не думаю, что тебе следовало бы быть там, лорд Алленби. Если все сорвется, а это весьма вероятно, тебе лучше не быть поблизости.

Алленби сжал губы, потом посмотрел на Джеду.

— Ты прав, Пейнтер. Держи меня в курсе.

Пейнтер кивнул, повернулся и вышел. Джеда пожал плечами.

— Мне лучше вернуться к труппе.

Алленби поднялся из-за стола и проводил Джеду к выходу из тоннеля. В устье пещеры он положил руку на плечо наездника:

— Удачи тебе, Джеда.

— И тебе.

Алленби смотрел, как Пуга ведет наездника в джунгли, пока оба не исчезли из виду. Он подождал еще, потом повернул направо и нырнул в кусты — догонять Пейнтера.

В рубке катера Наавон слегка налег на штурвал и заложил правый вираж.

— Видишь что-нибудь?

Госс поднял глаза от приборной доски:

— Ничего. — В хвосте четверо вооруженных наемников смотрели сквозь прозрачный колпак на расстилающиеся внизу джунгли. Госс покачал головой. — Было ошибкой разделяться и дробить силы, Наавон.

Наавон кивнул и повел катер по пологой дуге налево.

— Возможно, но так мы охватим такую же территорию в десять раз быстрее. Если бы Садисс позволил нам использовать челноки со своего корабля, это не было бы необходимо.

Госс засмеялся.

— Наавон, если бы этот кусок дерьма держал свою банду на Центральном континенте под контролем, мы бы обошлись своими челноками.

Наавон поморщился. На Центральном континенте был наведен порядок, но громилы Мисора заварили кашу. Из-за диверсии в рабочем состоянии остались только два челнока с «Меча».

— Госс, ты слышал что-нибудь новое о втором отряде?

Госс покачал головой и снова уставился на экран радара.

— Я почти не сомневаюсь, что сопротивление на Центральном континенте не организовано и не управляется отсюда. По-моему, это просто народный ответ на политическую хватку Мисора... погоди! — Госс подрегулировал радар, потом

поднял голову и поглядел через колпак кабины. — Восемнадцать градусов направо, в долине. Я поймал какие-то передвижения, но сейчас все исчезло.

Наавон заложил вираж.

— Давай-ка, поглядим. Сначала пройдем на высоте. — Наавон пролетел над долиной, повернул и завис над противоположным концом. — Есть что-то?

Госс покачал головой:

— Никакого движения, никаких электромагнитных полей. Попробуй пониже и помедленнее, а я поищу тепловое излучение.

Наавон толкнул штурвал вперед, в долину, и выровнял катер в нескольких метрах над верхушками деревьев.

— Ну, как?

Госс внимательно смотрел на экран:

— Пока нет. — Красные вспышки и крапины, появившиеся на экране, показывали богатую животную жизнь внизу, но все эти следы были слишком малы для человека. — Погоди... нет, судя по тому, как оно уходит, это животное... — По бокам экрана появились двойные красные полосы. — Наавон...

— Вижу!

Госс поднял голову. Две ракеты поднимались в небо, таща за собой огромную сеть. Катер накренился, когда Наавон попытался увернуться, но поднятая ракетами сеть была закреплена на земле и просто накрыла катер. Наавон изо всех сил старался посадить катер прямо, но их завалило на бок и ударило о дерево, потом об увитую виноградом скальную стену. Когда Наавон открыл глаза, катер лежал на боку, колпак разбит, а на него смотрело дуло лучемета. На другом конце винтовки находился кто-то, знакомый по разведывательным совещаниям. Освальд Пейнтер.

Молодой человек ухмыльнулся:

— Ну-ну, Наавон Дор. Хорош же ты!

При свете единственного факела Наавон расхаживал по маленькой пещере-тюрьме, осматривая стены, а Госс наигрывал на флейте мечтательную мелодию. Старший офицер прекратил поиски пути к отступлению и посмотрел на сво-

его заместителя, сидящего со скрещенными ногами на полу пещеры.

— Учитывая, что четверо наших товарищей мертвы, Госс, может быть, печальный мотив был бы уместнее?

Госс опустил флейту и поднял глаза:

— В масштабе вселенной, Наавон, что такое смерть четырех наемников? Рядом со скалой, которую представляет собой план Военачальников Десятого Квадранта, мы всего лишь капелька, облачко пара...

— Ты искусно искажаешь мои слова, Госс. — Наавон скрестил руки на груди и прислонился к стене. — Ладно, дружище, выкладывай.

— Что выкладывать?

— Все, что ты хотел высказать с того дня, как «Меч» вышел на орбиту.

Госс пожал плечами, сыграл короткую фразу и замолчал, не закончив вторую.

— Мы так долго были вместе, Наавон. — Он улыбнулся. — Я знаю, что ты, если захочешь, можешь заговорить меня теориями и идеями. Я солдат и не мыслю в масштабах вселенной или тысячелетних замыслов, как умеешь ты. В том, что я говорю, есть смысл?

— Продолжай.

— Наавон, возможно, мы, как ты говоришь, всего лишь пылинки, слишком незначительные, чтобы беспокоиться о них. Но меня они беспокоят, потому что я — одна из этих пылинок. Если бы я мог увидеть и понять всю вселенную разом... Но я не могу. Я вижу эту пещеру, вижу тебя. В бою я вижу, как обливаются кровью враги и умирают друзья.

Наавон присел на корточки перед Госсом:

— Мы наемники, Госс.

Госс потер подбородок, потом похлопал флейтой по колену.

— То, что я вижу, Наавон, важно для меня. Мы разные. Ты видишь предназначение Военачальников, переделывающих вселенную; я вижу, как в один прекрасный день Арван сдается военной силе... я вижу, как эти отбросы, Мисор и Садисс, служат Военачальникам, уничтожая образ жизни...

— Наемники не находятся ни на чьей стороне, Госс, кроме...

— Кроме платежной ведомости. Знаю. Возможно, для этого нет оснований, Наавон, но я оказался в странном положении. Я участвую в войне, на которой хочу... нет, на которой я должен встать на одну из сторон, и, по-моему, сейчас я не на той стороне.

Наавон встал:

— Госс, со временем эта планета просто перестанет существовать. Как можно связывать себя с этим неустойчивым, мелким уголком настоящего, когда впереди — безграничное будущее?

— Я никогда не увижу его.

— А-ах! — Наавон отвернулся. — Что толку говорить с тобой?

— Возможно, никакого.

Командир посмотрел на Госса:

— Тогда скажи мне, Госс. Если таковы твои чувства, почему же ты не дезертировал? Почему не присоединился к жалким войскам Момуса? Почему ты по-прежнему здесь, со мной?

Госс поднял флейту и внимательно посмотрел на нее:

— В масштабе мироздания, Наавон, мои соображения — пустяк: присяга одного солдата служить другому. Как я сказал, это пустяк, но для меня это важно. — Госс снова заиграл.

Наавон поднял голову. В камеру вошел одетый в алое с пурпуром человек с факелом.

— Идите со мной. Вы, двое, будете обедать с Алленби.

Костер в центре большой подземной комнаты шипел и трещал, отбрасывая на стены большие тени сидящих вокруг него. Алленби посмотрел направо, где сидела предсказательница Генс, пытаясь поймать ее взгляд. Генс, однако, была поглощена изучением двух арванианских офицеров, сидящих напротив нее. Алленби посмотрел на обеспокоенное лицо Наавона Дора; трудно было поверить, что арванианин озабочен только фактом пленения. Тот, кого звали Госс, смотрел, как Дишну, второстепенный клоун из Дирака, исполняет комическую пантомиму о человеке, строящем дом резиновыми инструментами. Клоун закончил и поклонился.

Алленби захлопал:

— Великолепно, Дишну. — Он полез в кошелек и вытащил несколько медяков. — Вот.

Предсказательница и униформист по имени Пейнтер также подали клоуну медяки. Потом Дишну посмотрел на арванианина по имени Госс. Госс залез во внутренний карман кителя и вытащил бумажник.

— Превосходное представление, клоун. Кредиты Десятого Квадранта принимаются?

Дишну нахмурился:

— У тебя нет медяков?

Госс пожал плечами:

— Мне кажется, в сложившихся обстоятельствах эти деньги могли бы быть многообещающей валютой.

Алленби засмеялся и бросил Госсу маленький кошелек:

— Вот, я поменяю твои бумажки.

Госс подал клоуну несколько медяков, потом передал кошелек Наавону. Другой арванианин, казалось, сильно удивился, потом взял несколько медяков и вложил в руку Дишну. Алленби потер руки:

— А теперь, возможно, немножко магии?

Дишну сел и кивнул:

— Да, Великий Алленби, мне бы хотелось увидеть твою иллюзию с ночным цветком.

Пейнтер засмеялся.

— Возможно, нашим гостям хотелось бы выступить?

Госс вытащил флейту:

— С удовольствием.

Пейнтер покачал головой:

— Тебе удовольствие, а нам страдание.

Госс ткнул флейтой в Пейнтера:

— Если не ошибаюсь, Пейнтер, ты наряжен разнорабочим...

— Униформистом.

Госс кивнул:

— Может, тогда нам посмотреть твое выступление? Возможно, ты продемонстрируешь нам поднятие, погрузку и перевозку? — Пейнтер вспыхнул.

Госс поднес флейту к губам и сыграл сложное упражнение. Потом он заиграл печальный, запоминающийся мотив. Разговоры у других костров стихли; все, находящиеся в пеще-

ре, слушали. Алленби чувствовал, как в груди закипают слезы: флейта Госса вызывала в душе образы боли, одиночества и бессмысленности бытия. До войны это, возможно, был бы просто еще один мотив. Но, слушая, он понимал, что эта солдатская песня рассказывает о риске, о завоеванных и потерянных мирах, о стремлении к смерти, о жизни, переполненной событиями, но лишенной смысла. Неожиданно песня умолкла. Алленби поднял глаза. Пейнтер, кивнув, наклонился и опустил медяки в руку арванианина.

Предсказательница Генс положила руку на плечо Алленби, но тут Наавон встал, наклонился и вытащил из костра головешку. Он повернулся, вышел из круга позади Дишну и начал рисовать углем на стене пещеры. Алленби не мог уловить смысла небрежных линий и кривых, но все время, пока Наавон рисовал, он чувствовал, как рука Генс сжимает его плечо.

— Есть! — шепнула она. — Теперь я могу читать их!

Пока арванианский офицер рисовал, Генс поманила зазывалу, тихонько передала ему несколько мовиллов и что-то шепнула на ухо. Зазывала кивнул и прокрался к своему костру. Предсказательница снова повернулась к Алленби:

— Я уже послала весточку Джеде. Пусть готовит цирк к представлению.

— Зачем?

— Великий Алленби, ты должен предложить арванианам перемирие.

Алленби нахмурился:

— Ты уверена?

Генс тоже нахмурилась:

— Предсказательница я или нет?

— Ты, конечно, предсказательница, — прошептал Алленби, — но Наавон Дор захочет знать основание для перемирия.

— Скажи ему, что перемирие тебе нужно, чтобы устроить представление.

— Представление...

— Прошу прощения, — вмешался Госс. — У вас принято болтать во время представления?

Алленби поднял брови и пожал плечами:

— Извини, Госс. Никто не хотел обидеть твоего командира.

Госс кивнул и обратил взгляд к рисунку, начавшему обретать форму под головешкой Наавона.

— Помните об этом, когда придет время платить моему командиру гонорар.

Два дня спустя Алленби стоял на опушке большой поляны, наблюдая, как две роты вооруженных арванианских наемников общаются с тремя сотнями вооруженных защитников Момуса. Оба отряда собрались на поляне, ожидая начала парада-алле. *Этого достаточно, чтобы проверить, доверяешь ли ты предсказателям.* Визг паровой каллиопы послужил сигналом, и толпа на дальнем конце поляны расступилась, пропуская клоунов в ярких костюмах, а за ними — вереницу ящеров, коней, жонглеров, акробатов, платформу на колесах, везущую воздушных гимнастов, потом саму каллиопу, ревущую марш, который можно было услышать даже на расстоянии двух дней пути при встречном ветре.

Арваниане и момусиане по большей части избегали друг друга. Но вот начали образовываться маленькие группки. Момусиане указывали на различных звезд арены, объясняли любопытным наемникам номера. К заходу солнца, где-то на середине представления, факелы, закрепленные по периметру, освещали момусиан и арваниан, передающих друг другу кувшины с заболонным вином, обсуждающих достоинства различных номеров и... смеющихся.

Алленби почувствовал, что рядом кто-то есть, обернулся и встретил взгляд Наавона Дора.

— Командир Дор.

Наавон кивнул:

— Лорд Алленби. Можно задать вопрос?

— Конечно, хотя не обещаю ответить.

— Это перемирие, цирк... почему вы предложили это?

Алленби пожал плечами:

— Вы знаете о наших предсказателях, старший офицер?

Наавон нахмурился:

— Та, которую зовут Генс, что-то такое поняла в моем рисунке, не так ли?

— И в песне Госса.

Наавон опустил глаза, потом покачал головой:

— Генс увидела во мне что-то, что не допустит уничтожения этого цирка. Как она видит то, чего не вижу я?

— Она обучена этому.

Наавон кивнул.

— А увидела ли она, что это перемирие может стать миром?

— Глазам предсказателя не все ясно, Наавон Дор. Ясно только, что мы не служим ничьему предназначению, кроме собственного — цирка.

— Как Генс увидела это во мне?

Алленби пожал плечами:

— Трудно объяснить, да я и сам не понимаю. Сомневаюсь, понимает ли это сама Генс. Она увидела в твоем рисунке много смыслов, однако и много противоречий. — Алленби пожал плечами. — Я не увидел ничего. Увидел только огромную руку с сотней крохотных галактик в ладони, печальное лицо и одинокий кулак. — Алленби потер подбородок. — Наступит ли мир?

Наавон поднял голову, его глаза расширились от ужаса.

— Садисс!

Алленби поднял голову и увидел пронесшиеся в небе челноки.

— Что это? Какое предательство кроется здесь, Дор?

Но Наавон уже бежал на поляну, громко приказывая погасить факелы и всем прятаться. Потом он пропал за стеной пламени, извергшегося из поляны.

Перед смертью арванианский командир приказал заместителю объединить арванианский отряд с войсками Момуса, чтобы уничтожить Садисса и марионеточный режим Мисора. Алленби он сказал: «Возьми цирк и распространи его по всей галактике... по всей вселенной. Мы все следуем за богами; моим предназначением был... пустой дух. Следуй за своим богом: это цирк; это твоя сила».

Не прошло и четырех месяцев, как Мисор и его приверженцы погибли, а адмирал Садисс сбежал на командном корабле, успев, однако, причинить серьезный ущерб «Мечу». Цирк также пострадал, и потребовался почти год, чтобы заменить номера и оборудование. За тот же год ткачи Момуса поставили парусину, лесорубы снизили цены на древесину, а рудники Куумика предоставили оснащение для установки шатра. Арванианe и Егеря привели «Меч» в

полную готовность и переименовали его в «Город Барабу II». Два столетия спустя цирк вернулся на звездную дорогу.

Бансом опустил последний лист книги Шелема и посмотрел на собравшуюся труппу. Лисса, инспектор манежа, дунула в свисток, а арванианин Госс нажал на клавиши каллиопы. Звуки наполнили обширный грузовой трюм, смешавшись с радостными криками труппы. Все двинулись в ночь, к улицам Кукью.

Когда трюм опустел, Бансом кивнул.

Нас ждет успех: мы не можем проиграть.

Он посмотрел на открытые двери трюма.

И я буду жрецом. Спасибо, Шелем.

ГОРОД БАРАБУ

I

ПОСЛЕДНЕЕ ШОУ НА ЗЕМЛЕ

1

Спустя два с половиной столетия после первого турне знаменитых сыновей Августа Рунгелинга «Братья Ринглинг» состоявшегося в 1884 году, «Последнее шоу на Земле» стало действительно последним. Убогое сооружение под заляпанным, натянутым на трех столбах тентом расположилось на окраине Оттавы. Грязные, разбитые дороги давно уже уступили место стальным рельсам, те, в свою очередь, асфальту, а закончилось все бумажной метелью.

Старые проблемы никуда не исчезли. Пожары, ураганы, лед, грязь, аварии, дожди, вымогательства, поломки, крушения остались привычными явлениями в жизни труппы. Но в век, когда решение проблем человечества стало делом само собой разумеющимся, цирк Джона О'Хары оказался вдруг никому не нужным. Ему просто не находилось места. Площадки, подходящие для обустройства цирка, стоили слишком дорого. Каждый километр дороги обходился в семьсот кредитов, взимаемых в качестве дорожных сборов, а за удобные, поросшие травкой поляны вблизи населенных пунктов приходилось отдавать до тридцати тысяч кредитов за сутки.

Впрочем, таких полянок становилось все меньше. И тем не менее цирк выдержал и это, и многое другое. Дорога его закончилась в Оттаве по иной причине, когда на пути артистов встала самая страшная преграда, нередко непреодолимая для многих учреждений, не вписывающихся в Систему. Такой преградой оказались законы об общественном благе, проводимые в жизнь неподкупными чиновниками.

— Они не желают уступать ни дюйма, мистер Джон.

Артур Бернсайд Веллингтон по прозвищу Ловкач, занимавшийся улаживанием многочисленных проблем, покачал седой головой, не поднимая глаз на сидевшего за столом Хозяина. Похоже, впервые за свои шестьдесят с лишним лет этот высокий худощавый человек ощутил себя в безвыходной ситуации. Он беспомощно поднял руки, но тут же уронил их, признавая поражение.

— Я не в силах сдвинуть их с места.

О'Хара потер глаза и, прищурясь, посмотрел на Веллингтона:

— А ты не пытался добавить сахарку, Ловкач?

Веллингтон кивнул:

— Эти ребята сыты, мистер Джон. Им ничего не нужно.

— А подбросить грязи?

Ловкач покачал головой:

— Таких чистюль я еще не видывал. Даже за парковку платят исправно. Никаких побочных доходов, никаких романов на стороне, никаких родственников на тепленьких местечках... ничего. — Он снова качнул головой. — И надо же натолкнуться на такую честность среди поли... — Веллингтон не договорил, потер подбородок, потом невидяще уставился на Хозяина.

— Ну что, Ловкач?

Веллингтон нахмурился:

— Возможно, ничего. Возможно, кое-что. Так, соломинка. — Он повернулся и, явно погруженный в какие-то мысли, вышел из административного фургона.

Несколько часов спустя, когда уже шло вечернее представление, О'Хара сидел в темном фургоне и рассеянно слу-

шал звуки музыки, доносившиеся из-под главного купола. Прикрыв глаза, он откинулся на спинку стула. У цирковых музыкантов свой, особый звук. Конечно, профессиональные оркестры могут делать хорошие вещи, но привыкшее к звучанию цирковых инструментов ухо сразу уловит разницу. Ни один музыкант, скованный твердыми правилами нот, такта и пауз, не способен имитировать звук и ритм искусников шапито, наученных подстраиваться под пляшущих лошадей и слонов, причем так, что зрителю кажется, будто это животное танцует под музыку, а не музыка подстраивается под его движения.

О'Хара открыл глаза. На стене напротив окошечка кассы прыгали разноцветные пятнышки — отражения лампочек над главным входом. Тот парень в Бангоре — кажется, писатель? — спросил О'Хару, зачем ему это нужно. Он не сразу нашел ответ. И вправду — зачем? Работа с цирком и в цирке тяжела, опасна и не особенно прибыльна. Так зачем? Хозяин долго подбирал нужные слова, однако в конце концов укрылся за привычной фразой, затертой, но верной: «Это болезнь».

О'Хара подался вперед, положил локти на стол, опустил голову и закрыл глаза. Болезнь. Нет, хуже — пагубное пристрастие. Въевшаяся потребность, недоступная пониманию неотесанной деревенщины с пишущими машинками. А потому уважаемые представители средств массовой информации получали на свои вопросы один и тот же ответ, которым сотни лет отделывались те, кто посвятил себя цирку: «Это болезнь».

Впрочем, циркачи и сами не знают, почему ведут кочевую жизнь. Задавать вопросы — хитроумная игра, а ответы — если они и существуют — скрыты под краской, потом, шрамами, болью в глубине того, что зовется душой.

Цирк разъезжает. Это данность.

Может, мы должны спросить почему?

О'Хара распрямил спину, вытер рукавами щеки и оглядел пустой фургон. Потом тяжело поднялся, дошел до стола и вернулся к двери. Он чувствовал тяжесть прожитых лет, а Веллингтон работал в шоу еще тогда, когда Хозяином был отец О'Хары.

Может, наши лучшие годы уже позади?

Он провел ладонью по коротко подстриженной седой бороде и кивнул самому себе.

О'Хара открыл дверь и втянул запах площадки. Странная смесь — трава, солома, сладости, звери... Дневная пыль улеглась, воздух стал прозрачнее, от чего лампочки горели ярче, резче. Музыканты перешли на вальс, сопровождающий выступление воздушных гимнастов. Значит, жить цирку остается всего шестьдесят четыре минуты. Непривычно видеть, что два купола, над ареной с животными и над площадкой, где развлекали детей, до сих пор не сняты. В обычных обстоятельствах брезент уже стянули бы, скатали и уложили на место, готовясь к переезду, а рабочие собирались бы снять и главный купол, как только последний зритель исчезнет из виду.

О'Хара сунул руки в карманы пиджака, вышел из фургона и направился к небольшой группе рабочих, собравшихся у передвижного зверинца. Когда он подошел поближе, от группы отделился невысокий, плотный мужчина.

— Добрый вечер, Хозяин.

О'Хара остановился и кивнул, узнав подошедшего по комбинезону и клетчатой рубашке. Лицо мужчины оставалось в тени, отбрасываемой широкими полями замызганной шляпы.

— Привет, Дурень Джо.

— Что слышно, мистер Джон?

О'Хара опустил глаза и покачал головой:

— Похоже, нам крышка. Служащие из отдела по охране окружающей среды говорят, что конфискуют животных и засадят нас в тюрьму, если мы пересечем границу округа.

Дурень Джо стянул с головы шляпу, швырнул ее на землю и сунул руки в карманы комбинезона.

— Черт! — Он хмуро посмотрел на Хозяина. — А Ловкач может что-нибудь сделать?

О'Хара пожал плечами:

— Я бы не рассчитывал. Не тот случай. Видел бригадира?

Дурень Джо наклонился, подобрал шляпу и лишь затем, выпрямившись, протянул руку в сторону зверинца.

— Вы же знаете Раскоряку. Он где-то там. — Рабочий снова бросил шляпу на землю. — И зачем мы только сюда приехали?

— Мы там, где нужно, Джо, только опоздали лет на сто.

Он опустил руку, повернулся и направился ко входу в зверинец. В слабом свете двух фонарей можно было увидеть восемь слонов, спокойно жующих сено. Лолита, первой узнав-

шая Хозяина, подняла уши, повернула в его сторону массивную голову и тут же отвернулась, притворяясь, будто не заметила. О'Хара вошел и, увидев сидящих на перевернутых ведрах бригадира и главного дрессировщика, коротко кивнул им; затем остановился перед Лолитой, к ней спиной. Через несколько секунд слониха сунула хобот в карман его пиджака, ухватила мешочек с орехами, который был припасен специально для этого, и осторожно вытащила добычу.

О'Хара повернулся и пристально посмотрел на животное:

— Это еще что такое?

Лолита смущенно переступила с ноги на ногу и потрясла головой. О'Хара опустил руку в карман и нахмурился:

— Могу поклясться, что у меня здесь были орехи.

Он сердито взглянул на слониху. Та снова потрясла головой, а когда Хозяин пошел к мужчинам, разгребла хоботом ворох сена и отправила спрятанный мешочек в рот.

Раскоряка усмехнулся, поднимаясь навстречу:

— Лолита скоро станет настоящим карманником, Хозяин. Следите, чтобы она не добралась до ботинок.

Бригадир весьма напоминал Горго, Обезьяну-Убийцу, безмятежно отдыхавшего в клетке и вычесывавшего воображаемых блох. Правда, шерсть у Раскоряки была не такая густая, как у Горго, зато руки выглядели помощнее, чем лапы зверя.

О'Хара скорчил гримасу:

— Лучше пусть довольствуется орехами. — Он кивнул дрессировщику, который, не уступая в размерах О'Харе, казался хрупким в сравнении с Раскорякой. — Все спокойно, Пони?

Рыжий Пони Мийра кивнул:

— Немного забеспокоились, когда их не покормили вовремя, мистер Джон, но сейчас все тихо.

О'Хара перевернул ногой ведро и уселся на него. Раскоряка и Рыжий Пони тоже сели.

— Раскоряка, город хочет, чтобы мы убрались с площадки к завтрашнему дню, так что не отпускай пока своих ребят. Так или иначе, они нам понадобятся, чтобы свернуть цирк.

Бригадир покачал головой:

— Что будет с рабочими, мистер Джон? Куда им деться? Другого цирка не найти. Мы единственные. Последние на Земле. Что с ними будет?

О'Хара вздохнул, поджал губы и еще раз вздохнул:

— Просто не знаю.

Рыжий Пони указал на клетки со зверями: тиграми, львами, обезьянами и другими животными.

— А как быть с ними?

О'Хара посмотрел в глаза Рыжему Пони и отвел взгляд.

— Их не возьмут ни зоопарки, ни заповедники. Каждый раз мне приводят один и тот же довод: они уже не дикие, а потому, если поместить их в заповедник, это нарушит экологическую целостность или что-то в этом роде. — Он покачал головой. — Конечно, нам нельзя вывозить их за границу округа, потому что мы не в состоянии обеспечить требуемую экологическую обстановку, соответствующую их дикому состоянию.

Рыжий Пони сплюнул на стружки, покрывавшие землю.

— Так, значит, нам придется их уничтожить?

Раскоряка поскреб затылок:

— Полагаю. — Он взглянул на О'Хару. — Не думал, что Ловкач нас так подведет.

Рыжий Пони поднял руку:

— А как насчет того, чтобы устраивать представления где-то еще? На другой планете? По крайней мере мы бы сохранили цирк. На Земле ему места уже нет, это точно.

О'Хара покачал головой:

— Ловкач пытался, но те же чиновники, которые не разрешают нам пересекать границу округа, говорят, что мы не имеем права увозить животных с планеты, лишать их естественной среды обитания. — Он вздохнул. — Нас загнали в угол, Пони, вот в чем все дело.

Оркестр переключился на привычный тустеп, и все трое подняли головы. Раскоряка потер пальцем правый глаз.

— Проклятая пыль. — Он повернул голову и прислушался. — Ребята сегодня играют немного неслаженно.

На арене лошади Вилли Лонжа танцевали кадриль. Оставалось тридцать четыре минуты.

Внезапно зажегся свет. Раскоряка вскочил на ноги.

— Какого черта?

Рыжий Пони и Хозяин поднялись, и все трое повернулись к входу.

В шатер вошли несколько человек, по виду явно чиновников. Процессию возглавлял, очевидно, мистер Большая Шишка. За ним следовали господа калибром поменьше и с полдюжины репортеров. Мистер Большая Шишка держал за руку маленькую девочку, во все глаза таращившуюся на слонов. За спиной девочки держался, не отставая ни на шаг, высокий худой мужчина в черном.

Раскоряка ткнул О'Хару локтем и прошептал:

— Мистер Джон, это же Ловкач.

Девочка потянула Большую Шишку за рукав:

— У-у-у! Папа, посмотри! Это же слон! И это, и это...

Отец не остановился.

— Да-да, дорогая. Пойдем. — Сделав еще несколько шагов, он повернулся к Ловкачу. Пони и Хозяин подошли к гостям. — Ну, мистер Веллингтон, теперь вы можете объяснить, ради чего притащили нас сюда?

Ловкач указал на О'Хару:

— Прежде всего, господин премьер-министр, позвольте представить вам Джона О'Хару, владельца «Большого шоу О'Хары».

Мистер Большая Шишка несколько надменно посмотрел на О'Хару, сдержанно улыбнулся и сказал:

— Очень приятно. — Потом снова повернулся к Ловкачу. — Мистер Веллингтон, вы говорили о чем-то, что требует моего решения, и мой генеральный советник, похоже, согласен с вами. Мы можем перейти к делу?

Ловкач кивнул:

— Конечно. Как вы знаете, премьер-министр Франкль, в том случае, когда законы не вполне ясны, а проведение их в жизнь наносит серьезный ущерб компании или отдельной личности, пострадавшая сторона имеет право потребовать, чтобы выборное официальное лицо приняло на себя ответственность за проведение...

— Да-да. У вас есть документ? — Премьер-министр взял у Ловкача лист бумаги, посмотрел документ и потянулся в карман за ручкой. — Похоже, все в полном порядке.

Ловкач потер подбородок.

— Мистер Франкль, вы, разумеется, понимаете, что реализация этого распоряжения потребует уничтожения наших животных?

Премьер-министр еще раз посмотрел документ.

— Да, это вполне ясно. И что?

Ловкач вытащил из папки несколько фотографий и раздал по одной Франклю, его дочери, прочим чиновникам и репортерам.

— Посмотрите, господин премьер-министр. Слонов нам придется уничтожать вот таким способом. Задние ноги животного приковывают цепью к трактору, потом цепь пропускают вокруг шеи через кольцо и прикрепляют к другому трактору. Обе машины начинают двигаться в противоположных направлениях, и животные погибают от удушения.

Мистер Большая Шишка поджал губу, но тут же покачал головой:

— Да, весьма неприятно, однако... — Он поднял руку.

— Папа, ты этого не сделаешь!

Премьер-министр бросил недовольный взгляд на Ловкача и повернулся к дочери:

— Дорогая, ты должна понять: закон есть закон, а папина работа в том и состоит, чтобы проводить его в жизнь.

Девочка посмотрела на фотографию удушенного слона, потом перевела взгляд на Лолиту, неспешно пережевывающую пакетик с орехами, который выудила у одного из репортеров, и снова взглянула на отца.

— Ты чудовище! — Она пнула отца в голень остроносой кожаной туфелькой и, расплакавшись, выбежала из шатра. Проворные репортеры успели запечатлеть все сцену на пленку.

Ловкач кивнул премьер-министру:

— Сэр, вам нужно только подписать бумагу, и мы сможем и дальше убивать наших животных.

Рука, державшая ручку, опустилась.

— Мистер Веллингтон, не мне говорить вам, как неприличен ваш фокус. Подумайте только, что вы сделали с моей дочерью!

Ловкач пожал плечами:

— Я не отдаю приказаний убивать животных. Вам достаточно поставить свою подпись. — Он указал на документ.

Один из чиновников вышел из-за спины премьер-министра:

— Сэр, разве вы не видите, что он делает? Мы не вправе позволить ему вывезти животных за границу округа. Это насмешка над законом.

К первому присоединился второй:

— Сэр, их нельзя отправлять в заповедник. Мы стараемся сохранять зверей в их естественном, диком состоянии. Подумайте, как будет выглядеть в лесу цирковой слон!.. Я этого не допущу!

Мистер Большая Шишка нахмурился и посмотрел на документ, потом перевел взгляд на первого чиновника:

— А если разрешить перевозку животных на другую планету?

— Исключено. Животные окажутся в совершенно непривычных условиях. Поймите это, сэр.

Премьер-министр оглядел репортеров, посмотрел на фотографию задушенного слона, потер голень и еще раз перечитал документ. Потом снова бросил взгляд на репортеров и повернулся к первому чиновнику:

— Похоже, сэр, вы не понимаете кое-чего. Дело в том, что я выборное лицо, а вы назначенное. — Он бросил взгляд на фотографию. — Рискую предположить, что, когда наши друзья, представляющие четвертую власть... — мистер Франкль невесело усмехнулся, — поведают эту историю, я стану архизлодеем, достойным стоять рядом с Адольфом Гитлером. — Он покачал головой. — И все же...

Ловкач наклонился и шепнул что-то на ухо премьер-министру. Мистер Франкль задумчиво посмотрел на него, поджал губы и кивнул:

— Понимаю, но как...

Ловкач достал из кармана какой-то листок и протянул его премьер-министру. Тот прочитал бумагу, еще раз кивнул и подписал. Потом повернулся к первому чиновнику:

— Я только что дал разрешение на транспортировку этих животных с планеты.

Чиновник изумленно вскинул брови:

— Но, сэр, закон...

Мистер Большая Шишка откашлялся, посмотрел сначала на Ловкача, потом снова на чиновника.

— Ввиду того что на Земле условия содержания животных, обеспечиваемые этими людьми, являются неприемлемыми, а направление их в заповедники невозможно, так как они цирковые животные, я принял решение разрешить их транспор-

тировку с планеты. В конце концов... — он кивнул Ловкачу, — цирк — самое подходящее место для цирковых животных, не так ли?

— Но...

Мистер Франкль поднял руку:

— Замолчите, Бикер. Через пять месяцев выборы. Как вы думаете, каковы будут мои шансы, если это случится? — Он показал фотографию.

— Сэр, есть вещи поважнее выборов!

— Для вас. — Премьер-министр вручил документ Ловкачу, повернулся и вышел, сопровождаемый свитой чиновников и репортерами.

О'Хара положил руку на плечо Ловкачу.

— Полагаю, ты объяснил ему, что слонов не убивают таким образом уже больше ста лет?

Ловкач взглянул на документ, закрыл и тут же открыл глаза. Руки у него затряслись.

— Мистер Джон...

О'Хара подхватил его под руку, на помощь поспешил и Раскоряка.

— Ловкач, с тобой все в порядке?

Тот едва заметно кивнул:

— Посадите меня на что-нибудь, мистер Джон. Хотя бы на ведро. Весь день на ногах...

Ему помогли дойти до перевернутого ведра и осторожно опустили. Хозяин повернулся к дрессировщику:

— Приведи Костолома.

Ловкач поднял руку:

— Нет, Пони. Мне всего лишь нужно немного отдохнуть.

О'Хара тем не менее подал знак, и Рыжий Пони поспешил на поиски циркового врача.

Ловкач вздохнул:

— Мне просто нужно отдохнуть. Не думаю, что у Костолома найдется средство от недуга, который называется «когда тебе немного за тридцать».

О'Хара улыбнулся. «Немного за тридцать» Ловкачу было на протяжении по меньшей мере тридцати лет. Последние проблемы сильно подорвали уверенность этого немолодого законоведа, но сейчас, похоже, он начал приходить в себя.

— Ну вот, ты немного отдышался, а теперь тебе лучше прилечь.

Ловкач нахмурился, сложил подписанный премьер-министром документ, опустил его в нагрудный карман, а оттуда извлек другой лист бумаги.

— Не получится, мистер Джон. — Он протянул листок Хозяину. — Я всего лишь добился небольшой передышки. А вот этим придется заниматься вам.

Раскоряка встрепенулся:

— Что там еще?

О'Хара развернул листок — это оказалась телеграмма, — пробежал его глазами и посмотрел на Раскоряку:

— Наши боссы, Арнхайм и Бун... Они закрывают шоу. — О'Хара смял листок, швырнул его на землю и вылетел из шатра.

Раскоряка посмотрел на Ловкача:

— Что ты об этом думаешь?

Ловкач усмехнулся:

— Я тревожился, когда Хозяин хандрил. Именно это потрясло меня больше всего. Сейчас он в ярости. Так что я не спокоен.

2

— Поймите, мистер О'Хара, «Арнхайм и Бун конгломерейтед энтерпрайзис» не может позволить себе нести ответственность по долгам какого-то... цирка! — Бухгалтер уткнулся в свои записи, отыскивая нужные ему сведения, а О'Хара сурово оглядел шестнадцать членов правления, с безразличным видом сидевших за длинным столом из полированного оникса.

В этом зале с ослепительно белыми стенами и без окон Хозяин чувствовал себя как в клетке.

Бухгалтер поднял голову, оторвавшись от бумаг, и обвел взглядом собравшихся:

— Активы «Большого шоу О'Хары» были приобретены нами в 2137 году, когда произошло слияние с конгломератом «Таинко», занимавшимся шоу-бизнесом. С тех пор доход О'Хары составил пятьдесят шесть тысяч кредитов.

О'Хара развел руками, словно спрашивая: «Чего же вам еще нужно?»

— Видите?

Бухгалтер скорчил гримасу и продолжал:

— Это составляет менее половины процента от инвестиций. И в прошлом году... — он снова склонился над записями, — в прошлом году О'Хара сработал в убыток, потери составили сто восемьдесят семь тысяч...

— К порядку. — Один из шестнадцати поднял руку и повернулся к человеку, сидевшему во главе стола. — Карл, разве мы уже не проголосовали по этому вопросу? Не вижу смысла пережевывать одно и то же.

Карл Арнхайм кивнул:

— Вы совершенно правы, Сид, но Джон, то есть мистер О'Хара, отсутствовал, когда велись дебаты. Считаю, что будет правильно, если мы объясним ему причины исключения его из корпоративной организации.

О'Хара поднял руку:

— Я могу вставить слово?

Арнхайм кивнул:

— Конечно, можете, Джон, но вы же понимаете, что решение уже принято.

О'Хара опустил руки на край стола.

— Вы хотите сообщить мне, что просто закрываете шоу, да? И даже не попытаетесь продать его?

Арнхайм покачал головой:

— Покупателей нет, ни за какую цену. А теперь и правительство практически вас прикрыло. Что толку хлестать, так сказать, мертвую лошадь?

О'Хара закусил нижнюю губу.

— А что, если я его куплю?

Сидевшие вокруг стола захмыкали, закачали головами. Арнхайм откинулся на спинку стула, потер подбородок и повернулся к бухгалтеру:

— Милт, во что нам обойдется оплата долгов шоу и избавление от животных и оборудования?

Бухгалтер снова заглянул в свои бумажки:

— Чуть больше четверти миллиона кредитов. Разумеется, имея в виду то, что мистер О'Хара владеет тремя процентами

капитала, «Арнхайм и Бун конгломерейтед энтерпрайзис» несет ответственность только за девяносто семь процентов. — Бухгалтер с явной озабоченностью посмотрел на О'Хару. — Мистер О'Хара, вам нужно понять, что никто не желает уничтожать ваш цирк, но вы не можете принять на себя всю полноту ответственности. — Он пожал плечами. — Так просто не делается.

О'Хара посмотрел на Арнхайма:

— Так что?

Арнхайм сцепил пальцы.

— О какой цифре вы думаете, Джон?

— Равный обмен. Вашу долю и все обязательства шоу.

Арнхайм оглядел членов правления.

— Джентльмены?

Кто-то кивнул:

— Лучшего предложения у нас не будет.

Его поддержал другой:

— Послушайте, берите и сваливайте куда подальше.

Арнхайм подвел черту:

— Все за то, чтобы принять предложение мистера О'Хары?

Проголосовали единогласно. Арнхайм повернулся к бухгалтеру:

— Очень хорошо. Милт, проследите, чтобы необходимые документы были подготовлены и вручены мистеру О'Харе в течение часа. — Он взглянул на Хозяина и покачал головой. — Объясните мне кое-что, Джон.

О'Хара пожал плечами:

— Постараюсь.

— Вы только что приняли на себя непосильный долг, практически изгнали себя с планеты, обрекли себя и свое шоу на беспросветное будущее. Представить не в силах, куда вы отправитесь после Ангара. Богатых монархов не так уж много, и на одних только их днях рождения вам не продержаться. — Арнхайм развел руками. — И все это ради какого-то палаточного шоу... Вы можете сказать, зачем это вам надо?

Некоторое время О'Хара смотрел на Карла Арнхайма, подбирая нужные слова.

— Это болезнь.

3

Получив разрешение и документ на право собственности, О'Хара распорядился свернуть цирк и отправился со станции «Маниток» на межпланетный космодром в Оттаве, где его поджидал грузовой корабль «Вентура».

При погрузке необходимо принимать во внимание особые требования к безопасности животных и оборудования, а также соблюдать определенный порядок очередности. Все эти правила назубок знал главный конюх Саггс по прозвищу Погонщик и его рабочие, но начальник грузового отсека торгового корабля «Вентура» Холк имел свои соображения, думая прежде всего о балансировке, ускорении, закреплении груза на случай свободного падения и так далее. После недолгих споров обе стороны пришли к соглашению, и на планету Ангар цирк прибыл в целости и сохранности, не считая больных голов и ушибленных коленок.

Так как до дня рождения Эркева IV оставалось еще три с лишним месяца, Хозяин принял решение отправиться сначала в Оссинид, небольшой городок примерно с двадцатипятитысячным населением, где и завершить сезон. Для того чтобы у исполнителей было время привыкнуть к условиям несколько меньшей гравитации, в расписание включили только вечернее представление.

Джек Крыса, занимавшийся разработкой маршрута шоу, стоял перед оснащенной громкоговорителем палаткой с надписью «Удивительный Озамунд». Зазывала, некоторое время наблюдавший за высокими, худыми, одетыми в унылые однообразные балахоны ангарианцами, толпившимися у входа, проговорил:

— Посмотри на них, Крыса. Я продал все билеты на «Оззи»; на другие представления свободных мест тоже нет. Все заходят, садятся, смотрят, встают и уходят. Ничего подобного в жизни не видел. Ни аплодисментов, ни единого хлопка, ни даже какого-нибудь одобрительного жеста. Сидят, словно они из гранита. И вот что я тебе скажу: Оззи это сильно не нравится.

Крыса кивнул:

— Продавцы билетов у главного входа распродали все уже час назад, а зарезервированные места были распроданы за неделю до нашего приезда. — Он посмотрел на группу ангарианцев, только что вышедших из шатра, где шло шоу уродцев, и повернулся к зазывале.

Говорун пожал плечами, потом покачал головой:

— Нет. Они просто ничего не делают. Пусть бы уж начали бросать гнилые помидоры. Хоть какая-то реакция. От этого молчания у меня аж мороз по коже. — Он повернулся налево, заметив, что зрители начали выходить из шатра, где выступал Удивительный Озамунд. — Ну что ж, пора за работу.

Зазывала подхватил бамбуковую трость, сдвинул на правый глаз соломенную шляпу и затараторил:

— Леди и джентльмены, здесь, в этой палатке, вас ждут самые ошеломляющие чудеса магии, которые сотворит Удивительный Озамунд. Он продемонстрирует...

Крыса отошел от палатки, и спустя несколько секунд за билетами уже выстроилась длинная очередь желающих посмотреть представление мага. Крыса покачал головой и собрался уходить, когда заметил приближающихся Хозяина и бригадира. Трое мужчин отошли в сторону и остановились между двумя палатками.

О'Хара оглянулся через плечо и, убедившись, что их никто не подслушивает, повернулся к Крысе:

— Ты что-нибудь узнал?

— Нет. Но у меня появилось такое чувство... Не знаю, что-то здесь не так.

О'Хара кивнул бригадиру:

— После представления пусть все останутся здесь. Зверинец и кухня тоже. Раскоряка уже предупредил наших бойцов.

Раскоряка взглянул на Хозяина:

— А как насчет этого Ларвуна, представителя монарха?

— Никак не могу объяснить ему, в чем дело. Рассказываю, но он только спрашивает, в чем трудность. — О'Хара пожал плечами. — Так или иначе, он обещал прислать кого-нибудь на всякий случай.

Крыса почувствовал, как что-то коснулось его ноги, посмотрел вниз и увидел лысоватого мужчину в строгом черном

костюме, который вылезал из-под тента шатра, где выступал Удивительный Озамунд. Крыса схватил человека за шиворот и поднял на ноги. Это был сам Удивительный Озамунд.

— Оззи, ты что здесь делаешь?

Волшебник посмотрел поочередно на всех троих. В его глазах прыгали огоньки, лицо выражало отчаяние безумца.

— Ничего. Ничего! Эти остолопы приходят, садятся и пялятся на меня!.. Ни аплодисментов, ни ахов, ни охов! Пусть бы свистели, шикали, ругались! Я был бы только рад, если...

О'Хара схватил Оззи за руку:

— Что ты делаешь здесь?

Маг горько хохотнул:

— В данный момент, мистер Джон, я совершаю акт исчезновения. И я намерен довести его до конца. Исчезнуть!

Хозяин кивнул в сторону палатки:

— Сейчас ты вернешься туда, Оззи. Люди заплатили деньги, чтобы увидеть твое представление, и ты доведешь его до конца.

— Мистер Джон, вы просто не представляете, каково это! Вы просто не...

— Возвращайся на сцену, Оззи, или я возьму вот этот четырехфутовый штырь и добавлю в твое шоу кое-что новенькое!

Оззи нахмурился, заломил руки, глубоко вздохнул и лишь затем кивнул:

— Очень хорошо. — Он кивнул еще раз. — Очень хорошо.

Волшебник опустился на корточки и полез под тент.

Хозяин повернулся к Раскоряке:

— Проверь с другой стороны. Присмотри, чтобы Оззи не скрылся.

Бригадир отправился в обход палатки, а Крыса развел руками.

— Извините, мистер Джон. Если бы я знал, что все так получится, я бы выбрал какое-нибудь другое место. Но не было ни малейшего намека...

Хозяин нахмурился и почесал затылок.

— Никаких проблем с получением разрешения? Никаких вымогательств?

— В Генеральном Агентстве по контролю мне сказали, что более легкого времени у них еще не было. Мы обо всем договорились: и об афишах, и о транспарантах. Не понимаю.

Зазвучала труба, и О'Хара навострил уши.

— До главного представления пять минут. — Он посмотрел на темнеющее небо. — Стемнеет еще до конца шоу. Надеюсь, этот ангарианец из дворца не заставит себя ждать.

О'Хара повернулся, собираясь уходить.

— Мистер Джон, а что делать мне?

О'Хара остановился и потер подбородок.

— Возьми у Раскоряки пару его «зубочисток» и постой с нашими бойцами. Может быть, пригодишься.

Крыса стоял в темноте вместе с грузчиками, рабочими и теми из исполнителей, что уже закончили выступление. Каждый держал в руке «зубочистку», как называл бригадир крепкие четырехфутовые деревянные штыри. Клоун, еще не смыв грим, подошел к группе, вооружился штырем и приблизился к Крысе, негромко ругаясь себе под нос.

— Ну что, Чолли, похоже, здесь собрались одни весельчаки. Такой публике достаточно палец показать.

Клоун сердито посмотрел на шатер:

— Мне приходилось встречать ребят поживее, это уж точно. — Он прислонил штырь к ноге и вытянул руки. Они немного тряслись. — Ты посмотри на это. Только посмотри! — Чолли опустил руки. — Ужасно. Эта публика тихая, как смерть. Они смотрят на тебя, словно из пустоты. Даже не мигают! — Клоун поднял штырь и постучал им по ладони. — Надеюсь, что-то будет. Надо же мне как-то разрядиться!

— А как другие?

Чолли покачал головой:

— Кто как. Кто-то плачет, забившись в уголок. Представляешь? Стенни, который выступал в самом начале, попытался вышибить себе мозги. — Он пожал плечами. — Бедняга не нашел ничего, кроме водяного пистолета. За ним сейчас присматривают.

Крыса вздохнул:

— Никогда не видел ничего подобного.

— Знаешь, Сэм всегда призывает зрителей притихнуть, когда Риетта делает пирамиду на проволоке.

— Ну да.

— Так вот, было так тихо, что Сэм не стал вмешиваться. Но это мертвое молчание так подействовало на Поля, что он разнервничался и чуть не свалился с проволоки. — Чолли снова постучал штырем по ладони. — Ну, пусть только начнут!..

Оркестр заиграл побыстрее, и Раскоряка выступил вперед, помахивая «зубочисткой».

— Внимание все! Музыканты заканчивают, так что приготовьтесь.

Крыса шагнул вперед.

— Раскоряка, этот парень из дворца уже появился?

Бригадир кивнул:

— Пришел... только что. — Он махнул рукой в сторону освещенного главного входа. — Зашел туда с Хозяином. — Раскоряка прислушался к музыке. — Ну, вот и все.

Все замерли в напряжении, сжав штыри. Музыка оборвалась, наступила мертвая тишина. Крыса почувствовал, как на лбу выступили капли пота.

Из шатра донеслись звуки — зрители поднимались с мест и двигались к выходу. Первым появился Хозяин с каким-то ангарианцем. О'Хара кивнул гостю, помахал ему рукой и повернулся к своим людям, затаившимся в темноте.

— Всем собраться в главном шатре. И оставьте «зубочистки». — Заметив их растерянность, он добавил: — Ну же! Шевелитесь! Ночь коротка.

Крыса бросил штырь на землю, другие последовали его примеру. О'Хара уже направился к главному шатру.

— Мистер Джон, что случилось?

— Не поверишь, пока сам не увидишь.

Они вошли и остановились у нижнего ряда стульев. Джек Крыса обратил внимание, что ангарианцы спустились с верхних рядов и расположились вокруг арены. Их лица напоминали каменные маски. О'Хара показал на освободившиеся сиденья:

— Поднимайтесь туда.

Они двинулись по проходу, и Крыса заметил, что многие исполнители уже там, в том числе и клоун Стенни. Как только все уселись, в шатре снова стало тихо как в гробу. Крыса толкнул О'Хару локтем:

— Что происходит?

— Ш-ш-ш. — О'Хара приложил палец к губам. — Просто смотри.

Ангарианцы, стоявшие вокруг арены, повернулись налево и начали медленно раскачиваться, тогда как другие, оставшиеся в центре шатра, запели. Чистые, звонкие голоса наполнили все пространство, поднимаясь все выше и выше. Те же, которые окружали арену, разбились на группы по четыре и закружились в каком-то странном, быстром танце. Вскоре свободное пространство между поющими и танцующими заполнили ангарианцы, исполнявшие сложные и достойные восхищения гимнастические упражнения. Несколько молодых парней даже соорудили шестиярусную пирамиду.

Пение стало громче, и танцующие вытащили откуда-то из-под одежд красные, синие, оранжевые и желтые шарфики. Размахивая ими, они продолжали свой удивительный танец, грациозный, стремительный и красочный.

Поразительный спектакль продолжался двадцать минут, после чего все его участники сгруппировались в центре шатра и вышли в ночь. Ангарианцы, оставшиеся на своих местах в зале, тоже поднялись и стали спускаться к выходу.

О'Хара взглянул на часы, потом посмотрел на Джека Крысу:

— Мы попали в яблочко, Крыса. Это хит!

— О чем это вы толкуете, мистер Джон?

— Все четыре группы выступали по двадцать пять минут каждая. У ангарианцев это равнозначно буре аплодисментов. Видишь ли, когда наши выступали, зрители молчали, чтобы ничего не пропустить. А теперь нам устроили овацию. — Хозяин сложил руки на груди и улыбнулся. — Думаю, у нас будет очень удачный сезон. И это хорошо.

По мере того как цирк катил все дальше по Ангару, зрителей собиралось все больше и больше. Мест на всех желающих посмотреть представление не хватало, и приходилось задерживаться на два-три дня. К тому времени, когда шоу докатилось до Даррасина, многие молодые ангарианцы приходили, чтобы помочь раскатать брезент, за что получали право бесплатного прохода на представление. Во время пребывания в Йолусе неизвестно откуда появившийся и столь же внезапно умчавшийся ураган в клочья изорвал тент главного шатра и

расколол два из трех шестов. Через неделю местные торговцы заменили старые лохмотья новой, легкой и прочной тканью, а прежние, используемые с незапамятных времен шесты уступили место новым, гораздо более надежным. Но и тогда, когда представления проходили под открытым небом, публики не уменьшалось.

С течением дней все обратили внимание на перемены в поведении Хозяина. Он все чаще запирался в административном фургоне и просиживал там часами. Иногда случалось, что цирк даже переезжал на новое место, а О'Хара так и не выходил из фургона. В те редкие моменты, когда он допускал к себе кого-то, посетители обнаруживали Хозяина за столом, заваленным бумагами, книгами, планами, картами и таблицами.

После отъезда из Абитина Ловкач случайно встретил О'Хару, торопившегося из кухни к своему фургону. Погруженный в глубокое раздумье Хозяин даже не заметил юридического советника.

— Мистер Джон?

О'Хара остановился, хмуро огляделся и наконец наткнулся взглядом на Ловкача. В следующее мгновение его брови поползли вверх.

— О, это ты.

Теперь уже нахмурился Ловкач:

— Конечно, это я! Мистер Джон, вам бы лучше рассказать мне, что происходит. Если у нас неприятности, то мне следует быть в курсе.

Хозяин потряс головой:

— У нас нет неприятностей.

— Тогда в чем дело? Что вы вечно делаете в своем фургоне?

О'Хара взглянул на административный фургон, потом повернулся и посмотрел на шапито. На его лице появилось странное выражение.

— Ловкач, всю жизнь я только и делал, что старался сохранить шоу, сначала помогая отцу, теперь в одиночку.

Ловкач заметил, как дрогнули морщинки в уголках глаз О'Хары.

— Но дело не в том, чтобы поддержать шоу на плаву. Сам цирк почти на последнем издыхании. — Хозяин наморщил лоб. — Ты знаешь, что такое «Анни Оукли»?

— Стрелок?

— В ее честь они называются, но что это?

— Что?

— Компостеры.

Ловкач задумался, припоминая, потом махнул рукой.

— Компостеры? Бесплатные билеты? А какое отношение это имеет к Анни Оукли?

— Перед Анни Оукли бросали карту, и она выбирала очко, компостировала карту. А как еще называются бесплатные билеты, знаешь?

— Нет.

— Снежок, дукаты, контрамарки... у них с десяток названий. Да, мы поддерживаем шоу. Однако теряем цирк.

Хозяин кивнул, повернулся и торопливо зашагал к месту своего добровольного заточения.

— Но, мистер Джон, — крикнул ему вслед Ловкач. — Что вы делаете в фургоне?

— Спасаю цирк, — ответил О'Хара и, поднявшись по ступенькам, исчез за дверью фургона.

Колокольчик Макгерк, казначей, оторвался от гроссбухов и подался вперед. Казалось, еще немного, и его длинный нос достанет до стола, за которым сидит Хозяин. Перед О'Харой высились стопки бумаг, старых вырезок и каких-то карт. Казначей хмыкнул, чтобы обратить на себя внимание. Когда это не помогло, он откашлялся. Других вариантов не было, и Макгерк подал голос:

— Мистер Джон?

— Что? — О'Хара даже не взглянул на него.

— Мистер Джон, похоже, мы покрыли наши долги.

Хозяин поднял голову, но тут же снова вернулся к бумагам.

— Ты так говоришь, Колокольчик, словно тебя это огорчает. — О'Хара улыбнулся. — Но именно поэтому я и взял на эту должность пессимиста. Лучше иметь деньги и не верить в это, чем не иметь и считать, что у тебя их полно. — Он оторвался наконец от дел. — Думаешь, нам удастся отработать с прибылью?

Казначей поднял правую бровь и в отчаянии развел руками:

— Едва ли.

— Ужасно.

Колокольчик покачал головой и уткнулся своим длинным носом в гроссбух.

Дорммададда, Валтия, Дхаст — везде шоу имело полные сборы, а тем временем день рождения монарха становился все ближе. Цирк уже повернул к Алмандии, главному городу Ангара. В Стинье, расположенной на окраине Алмандии, на площадку явился один молодой ангарианец, сопровождаемый четырьмя крепышами, похожими на телохранителей. Вместе с другими ангарианцами и подчиненными бригадира он тоже взялся за работу. Юноши растягивали тяжелый брезент центрального шатра, а Раскоряка, подойдя поближе, наблюдал за четырьмя молчаливыми крепышами. Черные рубашки и пояса не скрывали их могучих тел. Когда бригадир оказался рядом, они, словно по команде, повернулись к нему. Он кивнул, осмотрелся и приказал раскатывать следующий рулон. Оглянувшись, Раскоряка улыбнулся:

— Этот парень — что-то особенное?

Телохранители неуверенно переглянулись, один из них хмуро посмотрел на бригадира:

— Ничего особенного.

Раскоряка поджал губу:

— В таком случае могу я спросить, что вы здесь делаете?

Трое до сих пор молчавших повернулись к четвертому, который ответил Раскоряке, и отчаянно заговорили на своем языке. Пока они что-то обсуждали, бригадир приказал раскатать следующий рулон. Когда он повернулся к телохранителям, тот, что был у них, очевидно, за главного, спросил:

— Можно поступить в цирк?

Раскоряка ухмыльнулся:

— Хотите участвовать в шоу?

Парень кивнул.

Раскоряка потер подбородок и откинул голову.

— Что ж, по этому вопросу надо обратиться к Костылю Арло, он у нас занимается номерами. А что вы можете?

Телохранители заговорили о чем-то, а Раскоряка тем временем отвлекся по своим делам. Когда он вернулся, один из четверых поклонился ему:

— Наше представление.

Первый из парней схватил второго за руки и одним быстрым и ловким движением поднял его себе на плечи. Третий поставил ногу на сомкнутые ладони первого, подтянулся с помощью второго и в одно мгновение оказался на его плечах. То же повторилось с четвертым. Колонна получилась внушительная и довольно прочная на вид.

Раскоряка остановился перед пирамидой и одобрительно кивнул:

— Неплохо, но если вы хотите произвести впечатление на Костыля, надо придумать что-то еще.

Первый телохранитель нахмурился:

— Что-то еще?

Бригадир кивнул:

— Где ваша эффектная концовка?

— Концовка?

— Да, то, чем вы заканчиваете свое выступление.

Первый телохранитель некоторое время молча смотрел на Раскоряку, затем улыбнулся:

— Концовка...

Он протянул руки, обхватил бригадира за пояс и поднял, передавая второму. Тот подхватил Раскоряку под мышки, подтянул и передал третьему напарнику. Не стоит говорить, что слова, слетавшие с языка бригадира на протяжении этой интермедии, не следует помещать на странице книги.

Как раз в этот момент Хозяин, уткнувшись в какие-то бумаги, проходил мимо бездельничавших рабочих и молодых ангарианцев. Он остановился и, заметив что-то неладное, поднял голову. О'Хара посмотрел на рабочих.

— Дурень Джо, в чем дело? Почему брезент до сих пор не растянут? Где Раскоряка?

Пятьдесят рук поднялись и указали на какую-то точку над головой О'Хары. Хозяин поднял голову и увидел ухмыляющегося ангарианца. Взгляд О'Хары скользнул выше — еще один ангарианец, еще выше — третий. Наконец он обнаружил Раскоряку, покачивающего на плечах четвертого.

— Что ты там делаешь?

— Я... я проверяю постановку, мистер Джон.

— Ладно, хватит дурачиться... все в порядке, займитесь делом.

— Первая попытка... мистер Джон.

О'Хара покачал головой, заглянул в свои бумаги и снова посмотрел на первого охранника.

— Кстати, у вас, ребята, неплохо получилось. Если вы свободны, то почему бы вам не заглянуть к нашему режиссеру-постановщику?

Телохранитель кивнул:

— Спасибо.

— Только сначала опустите на землю Раскоряку. У него много работы. — Хозяин повернулся и, уткнувшись в планы, зашагал прочь.

Первый охранник крикнул что-то, после чего четвертый приподнял Раскоряку за лодыжки, подал вперед и выпустил из рук. Короткий вскрик падающего бригадира оборвался, когда первый подхватил его на лету и осторожно поставил на землю. Гимнасты соскочили друг с друга и выстроились в шеренгу перед Раскорякой. Он сердито посмотрел на них, вытер ладонью пот с лица и, услышав смех, повернулся к рабочим. Огромный кулак взлетел над головой.

— Вы...

Не стоит говорить, что брезент был растянут в кратчайшее время. Молодые ангарианцы получили бесплатный пропуск на представление.

На следующий день цирк перебрался в Королевский зал Алмандии, чтобы дать представление по случаю дня рождения монарха. Для установки необходимого оборудования пришлось немного потрудиться, но усилия были по достоинству оценены его величеством Эркевом IV. Стоя у входа в зал, Раскоряка заметил четырех телохранителей, замерших у него за спиной. Как раз в этот момент монарх решил продемонстрировать свое искусство в верховой езде и, вскочив на лошадь, выехал на арену. Бригадир повернулся к первому охраннику:

— Вижу, вы не участвуете в шоу.

Телохранитель кивнул:

— Мы не свободны.

— А где парнишка?

Охранник нахмурился:

— Мы не можем сказать.

Раскоряка пожал плечами и повернулся к арене, на которой заканчивал свое шоу Эркев IV. Под аплодисменты землян монарх соскочил с лошади. Зал затих, на арену, кувыркаясь, вылетел клоун. В центре площадки он остановился, поклонился Эркеву и начал выделывать такую акробатическую комедию, что кое-кто из зрителей не удержался от аплодисментов. Обернувшись, бригадир заметил, что телохранители внимательно наблюдают за клоуном.

— Это же тот парень, которого вы охраняли в Стинье!

Первый охранник кивнул:

— Сюрприз для монарха и вашей труппы.

— Кто он?

— Ахссиель, наследный принц Ангара.

Некоторое время Раскоряка наблюдал за принцем.

— Неплохо.

Охранник нахмурился:

— Отлично.

Бригадир кивнул:

— Я так и сказал.

Выступление перед Эркевом IV стало последним. Сезон завершился. Хозяин оставил шоу в Королевском зале, а сам отправился на Землю, захватив с собой казначея Макгерка, режиссера Арло, Ловкача и охапку документов.

4

Карл Арнхайм взял у бухгалтера компакт-диск, положил его на стол и лишь затем посмотрел на Хозяина:

— Итак, что я могу сделать для вас, мистер О'Хара? Сразу предупреждаю, что мы не позволим вам отказаться от заключенного нами соглашения.

О'Хара улыбнулся и уронил на стол перед Арнхаймом чип.

— Я всего лишь хотел показать вам вот это.

Арнхайм осторожно взял чип двумя пальцами, недоуменно осмотрел его и взглянул на собеседника:

— Что это?

— Финансовая отчетность цирка по итогам сезона на Ангаре.

— Мы не имеем никакого отношения к вашему цирку, с какой стати мне знакомиться со всем этим?

Улыбка О'Хары стала еще шире.

— У меня есть к вам предложение, но для начала вам все же следует посмотреть. Думаю, вы будете удивлены.

Арнхайм пожал плечами, вложил чип в считывающее устройство и посмотрел на появившиеся на экране цифры. Потом он приподнялся, нажал еще одну кнопку, прочитал информацию и, вскинув брови, повернулся к О'Харе.

— Аудиторская проверка?

О'Хара наклонился вперед и набрал код подтверждения аутентичности. Экран мигнул, потом на нем появились слова: «Аудиторская проверка проведена фирмой «Фортискьюл и Эммис». Копия файла идентична оригиналу. Подтверждение».

Карл Арнхайм кивнул:

— Признаю, я удивлен. Согласно этим данным, вы не только рассчитались по всем огромным долгам предприятия, но и получили около полутора миллионов кредитов прибыли. Впечатлен. Но какое это имеет отношение к «АиБКЭ»?

— Я хочу, чтобы вы построили для меня звездолет. — О'Хара вытащил из кармана пачку бумаг и несколько чипов. — Все спецификации указаны здесь.

Арнхайм подвинул к себе документы, взглянул на представленные диаграммы, и брови его поползли вверх.

— У вас был хороший сезон, Джон, но не настолько же. Вы хоть представляете, сколько будет стоить такой космический корабль?

— Около восьмидесяти миллионов кредитов.

Карл Арнхайм кивнул:

— И где вы собираетесь взять такую кучу денег?

— У вас. — О'Хара сложил руки на груди. — Я хочу, чтобы вы построили для меня корабль в обмен на восьмидесятипроцентное участие в моем новом шоу. — Он указал на рассыпанные по столу чипы. — Здесь все данные, вся информация по

новому проекту. Если вы ссудите мне деньги, я расплачусь с вами в течение пяти лет и вы получите десять процентов прибыли. Но если вы возьмете восемьдесят процентов, то ваши инвестиции будут ежегодно приносить доход в тридцать пять процентов. Ну, как?

Арнхайм потер подбородок, затем покачал головой:

— Как ни заманчиво это звучит, вам следует понять, что «АиБКЭ» не участвует в рискованных предприятиях. Что касается предоставления кредита в форме финансирования строительства, то... — Он развел руками. — Что я скажу департаменту акций? Тем более что вас хорошо знают. Восемьдесят миллионов — немалые деньги.

— Я не прошу у вас в долг ради моего послужного списка, моей чести и тому подобного. Проверьте выкладки...

— Джон, вы не хуже меня знаете, цирк не протянет долго. Это безнадежный бизнес. Что, если... — Арнхайм остановился, заметив, что бухгалтер пытается привлечь его внимание. — В чем дело, Милт?

— Карл, мы можем поговорить наедине?

— Конечно. — Он взглянул на О'Хару. — Извините нас, Джон, мы недолго.

Хозяин заметил, что дверь у него за спиной уже открылась.

— Конечно. Только не забудьте просмотреть эти чипы.

Арнхайм кивнул. О'Хара повернулся и вышел из комнаты. Дверь беззвучно закрылась за ним. В приемной его ждал худощавый мужчина в неудачно подобранном костюме.

— Успешно, мистер Джон?

О'Хара пожал плечами:

— Пока не знаю. Этот хорек, бухгалтер Милт Стоун, захотел о чем-то с ним поговорить. Предположим, нам удастся получить корабль. Сколько времени тебе понадобится, чтобы подготовить новые номера и набрать исполнителей?

Костыль Арло, режиссер-постановщик «Большого шоу», закатил глаза к потолку и молча зашевелил губами.

— По моим оценкам, месяц... может быть, шесть недель. Это в крайнем случае.

О'Хара кивнул:

— Хорошо. Если «АиБКЭ» решит взяться за дело, то на постройку корабля на их орбитальной верфи уйдет около трех

месяцев. Составляя план, я попросил проектировщиков по мере возможности предусмотреть использование всех стандартных компонентов. А как с дополнительными животными?

— Этим занимается сейчас главный дрессировщик. По его словам, официальная политика категорически запрещает вывоз животных с Земли. Неофициально — деньги решают все.

Дверь офиса Арнхайма открылась, и из нее вышел бухгалтер с бумагами и чипами.

— Мистер О'Хара?

Хозяин нахмурился:

— Да?

— Нам придется тщательно все изучить, прежде чем подписывать какие-либо документы, но, похоже, корабль вы получите. Вы уже придумали ему название?

Некоторое время О'Хара стоял словно в оцепенении. Потом хлопнул Арло по плечу:

— Название? Будьте уверены, оно у меня есть. Он будет называться «Город Барабу»!

— Какое странное название. Что это означает?

О'Хара хлопнул бухгалтера по спине:

— Да уж конечно! Барабу, Висконсин... там родился величайший на Земле цирк — «Большая Берта», «Братья Ринглинг», «Барнум и Бейли Шоу»... И когда «Город Барабу» выйдет на звездную дорогу, он ни в чем не уступит «БР» и «ББ».

Бухгалтер кивнул и отодвинулся на шаг от О'Хары.

— Если вы хотите, чтобы все было готово как можно скорее, то мне лучше заняться делом.

5

В комнате, похожей на тысячи других, находящихся на бюджете государства — никаких излишеств! — лежавший на кровати старик поднял тарелку с обогащенной витаминными добавками овсянкой, подержал ее над полом, перевернул вверх дном и выпустил из пальцев. Дверь открылась, из-за нее просунулась голова сиделки приюта Баннис. Накрашенные губы

расщепились в подобии улыбки, отчего слой пудры на щеках пошел трещинками.

— Ну-ну, мистер Болин, мы опять уронили нашу овсянку?

— Нет. — Абнер Болин сложил на груди худые руки.

Сиделка Баннис вплыла в комнату и посмотрела на пол.

— Как же так, мистер Болин? Мы уронили нашу кашку?

— Нет. Я уронил свою кашу. Ваша уже легла еще одним слоем жира на ваши изношенные покрышки.

Сиделка покачала головой:

— Ай, мы сегодня сердимся?.. Сейчас я пришлю уборщицу, чтобы она прибрала здесь, а потом покормлю вас сама. Знаю, ваши старческие пальчики уже не те, что были раньше.

— Засунь ее себе в ухо, чертова крыса! Только подойди ко мне с этой вонючей жижей, и я откушу твой толстый нос!

Продолжая качать головой, сиделка Баннис достала из-под мышки газету и положила на одеяло перед стариком.

— Вот ваш «Билборд», мистер Болин:

Он развернул газету и, укрывшись ею от женщины, пробормотал:

— Угу.

Сиделка постучала ногой по полу и сложила руки на груди.

— Мистер Болин, если вы и дальше будете капризничать, мне придется позвать доктора.

Болин опустил газету и взглянул поверх нее на женщину.

— Мне сказать, куда еще ты можешь запихать свою кашу, старая ведьма?

Сиделка опустила руки, покраснела и, повернувшись, поспешила к выходу. У двери она оглянулась и посмотрела на старика:

— Не понимаю, зачем вы тратите свое пособие на эту глупую газетенку. Вы уже слишком стары, и в любом случае никаких цирков больше нет. Давайте я отменю подписку. А вы сможете купить себе игры с вырезанием из бумаги. Многие наши пациенты находят их весьма занимательными...

Сухая рука со сморщенной кожей вынырнула из-за газеты, ухватила графин для воды из нержавеющей стали и швырнула его по направлению к двери. Ударившись о дверь, кувшин покатился по полу. Абнер Болин положил газету рядом,

опустился пониже и откинул голову на подушку. Слезы щипали глаза, но он заставил себя сдержаться.

— Чертова карга!

Старик повернулся на правый бок и уставился в белую, пустую, гладкую стену. Перед глазами возник неясный, полустертый образ его прежнего — в пестром, красном с желтым, облачении, красном колпаке с колокольчиками. Тот Абнер танцевал и падал на арене, вызывая золотые взрывы смеха, который до сих пор стоял у него в ушах. Музыка завывала так, что волынки умолкали от зависти, а нежные ушки прикрывались ладонями...

Он покачал головой, отгоняя воспоминания, и посмотрел на дверь. Сегодня — это сегодня, подумал старик, готовясь к очередной схватке с сиделкой Баннис. Дожидаясь ее, поднял газету и перевернул страницу.

Доктор Хааг пригладил бородку и усы, нахмурился и остановился перед дверью.

— Нельзя же беспокоить меня из-за каждого каприза старых ворчунов, которые отказываются от своей овсянки, — недовольно проворчал он, поворачиваясь к сиделке Баннис.

— Доктор, мистер Болин стал буйным!

— Хм. — Доктор толкнул дверь. — Ну и где же он?

Сиделка Баннис осторожно вошла в комнату. Смятая постель была пуста, дверь туалета открыта, а газета валялась на полу. Доктор заглянул в туалет, а когда повернулся, сиделка уже поднимала газетный лист.

— Доктор Хааг! — пропыхтела она.

— В туалете никого нет. Вы что-то нашли?

— Посмотрите. — Толстый палец уткнулся в короткое объявление. Оно гласило: «Перу Абнер, где ты?»

— Что это значит?

Сиделка Баннис улыбнулась:

— Он сказал мне. Это значит, его разыскивает цирк. — Она прочитала заголовок и нахмурилась. — «Большое шоу О'Хары» в Нью-Йорке. Туда он и собрался. Нам следует... заявить о нем?

Хааг покачал головой:

— Он же не заключенный, а его место можно использовать. — Доктор повернулся и вышел из комнаты.

Сиделка Баннис еще раз перечитала объявление, смяла лист и прижала к своей могучей груди. Подумав немного, она кивнула:

— Это то, что вам нужно, мистер Болин. Хорошо.

Чу Ти Пин вошла в кабинет начальника с целой охапкой сообщений. Лю Ки Ван, ответственный за производство в «Нанкин индастриз», не успевал разбираться с бумажными делами.

Женщина нахмурилась — офис был пуст. И стены выглядели иначе. Фотография председателя Фана висела на привычном месте, но другие, изображавшие самого Лю балансирующим на двух шестах, и те, с круглоглазыми в странных костюмах, куда-то исчезли. Повернувшись к столу, она увидела стопку пустых рамок и газету. Присмотревшись внимательнее, Чу заметила, что газета на английском и что-то в ней обведено красным. Чу гордилась своим знанием английского, поэтому подошла поближе и прочитала отмеченное: «Люк Гук, где ты?»

В городке Стонтон, штат Виргиния, родители, притащившие своих сопливых отпрысков на урок верховой езды, обнаружили, что конюшня закрыта, а тренер исчез вместе с лошадьми. В Южном Уэльсе на смену не явились четверо братьев-шахтеров; их дом оказался пустым. В Германии, в санатории для страдающих ожирением, находился пациент, весивший 249 килограммов; в одно прекрасное утро он испарился, прихватив с собой огромные запасы колбасы. В Оттаве телекомпания Си-би-си объявила об отмене популярной детской программы «Капитан Билли и его ученые собаки». Полиция Лас-Вегаса сообщила, что продолжает поиски выступавшего в ночных клубах мима Антона Этрена, который, прервав представление, сошел со сцены, когда находившийся среди публики пьяница вдруг запел какую-то песню.

В Москве сержант охраны Горелов стоял навытяжку, обливаясь потом, перед начальником нового реабилитационно-

го центра. Начальник смотрел на Горелова из-под густых черных бровей.

— Что вы имеете в виду — «исчез»?

Горелов развел руками.

— Товарищ начальник...

— Смирно!

Сержант замер.

— Товарищ начальник, заключенный Александр Колин отсутствовал при вечерней проверке. Его камера пуста.

— Его не было в камере? Как такое возможно? Или кто-то из вас, придурков, оставил дверь открытой?

— Нет, товарищ начальник. Дверь была заперта.

— А что записано камерой наблюдения?

Горелов облизал пересохшие губы.

— Запись показывает спящего заключенного, укрывшегося с головой одеялом. Когда он не встал к вечерней проверке, надзиратель вошел в камеру. Под одеялом обнаружена скомканная газета, которой придана форма лежащего человека.

— Газета?

— Да, товарищ начальник. Она пришла с утренней почтой сегодня утром. Я оставил ее в приемной.

Начальник кивнул, Горелов ринулся к двери, открыл ее, взял газету у дежурного и вернулся. Захлопнув за собой дверь, сержант протянул газету.

— Мятая, но не порванная, — заметил начальник.

Листы разложили на столе, и оба мужчины стали просматривать публикации. Упустили они всего лишь одну строку в разделе объявлений: «Увертливый Саша, где ты?»

Организация по наблюдению за животными сообщила о некотором уменьшении популяции слонов в Индийском заповеднике и незначительном сокращении численности некоторых других животных в Индийском и Африканском заповедниках, объяснив потери нехарактерной для сезона засухой.

В Олбани губернатор Нью-Йорка, войдя в кабинет своего пресс-секретаря, обнаружил, что его там нет. На письменном столе губернатор нашел впопыхах написанное заявление об отставке и вырезку из газеты со следующим объявлением: «Квак-Квак, где ты?»

6

Джон Норден смотрел из иллюминатора на звездолет, висевший в невесомости у стапелей орбитальной верфи. Крошечные, похожие на муравьев фигурки рабочих облепили стойки, прикрепляя к кораблю переходные шлюзы.

— Выглядит что надо, а?

Джон повернулся и увидел начальника верфи, протягивающего ему дымящуюся чашку кофе.

— Спасибо. — Он снова посмотрел на космический корабль. — Никогда не видел, чтобы ребята работали так слаженно. Когда я ставил эти штуки на место — ты знаешь, как это трудно, — мы не могли позволить себе ни малейшей ошибки. Понимаешь, что я имею в виду, Джейк?

Его собеседник кивнул:

— Я тоже в первый раз вижу такое. Мы намного опережаем график. Боюсь, если ничего не случится, мне придется на время снять несколько человек.

Джон хмыкнул.

— Только попробуй, Джейк.

— Да шучу-шучу... Скажи-ка мне, Джон... — Начальник верфи поскреб подбородок. — Откуда такой энтузиазм? Мы ведь и раньше строили военные корабли. И даже побольше этого. Помнишь «Отази»?

Джон отхлебнул кофе.

— «Город Барабу» — совсем другое дело, Джейк. Интересно, что «Барабу» спроектирован точно так же, как военный транспорт, — видишь тяжелые грузовые шаттлы? Но он предназначен для цирка. Его никогда не станут использовать для разрушений и убийств. Не скажу, что я пацифист — если бы был им, то не смог бы здесь работать, — но... не знаю.

— По-моему, я понимаю, что ты хочешь сказать.

— Джейк, не знаешь, были ли санкционированы распоряжения на установку специального оборудования? Если не считать кое-каких мелочей и пробного полета, корабль практически готов.

Начальник верфи покачал головой:

— Нет. Все необходимое уже получено, осталось только установить.

— А разве у нас нет заказа на военный транспорт? Компания сэкономила бы кучу денег, если бы мы построили два корабля, этот и транспорт, в одно время.

Джейк пожал плечами:

— Насколько мне известно, сделку то ли отложили, то ли она сорвалась. Головной офис нажил себе кучу неприятностей из-за того, что ведет дела с Нуумианской империей. Профсоюз тоже собирался выступать против. Не думаю, что «АиБКЭ» нуждается в такой рекламе. А пресса может это устроить.

Джон еще раз посмотрел на «Город Барабу»:

— Джейк, я хочу сегодня уйти пораньше.

— Конечно. Работы осталось всего ничего, так что ты мне не нужен. Проблемы дома?

Не сводя глаз с корабля, Джон покачал головой:

— Точно не знаю.

Джон О'Хара ткнул казначея в плечо.

— Эй, Колокольчик, теперь мы покатимся веселее.

Макгерк невесело посмотрел на Хозяина:

— Если вы называете пустые счета в банке «покатимся веселее», мистер Джон... Деньги, заработанные за сезон на Ангаре, позволят нам всего лишь остаться при своих.

— Так это же хорошо!

— А такой небольшой вопрос: как расплатиться за «Город Барабу»?

— Фу! Стоит нам только выйти на звездную дорогу, и мы расплатимся за этот ящик в течение пяти лет. — О'Хара повернулся к двери арендованного им офиса. — Колокольчик, тебе следует посмотреть наши будущие номера! Люди стекаются отовсюду. Ты помнишь Вако-Вако?

— Конечно. Парень выступал с питонами. — Казначей поежился.

— Не поверишь! Он преподавал в какой-то школе на планете Ссендисс, а сейчас уже едет сюда с двадцатью змеями. На этом Ссендиссе змей полным-полно, они там главное. Но какой номер!..

Макгерк покачал головой:

— Я лучше отправлюсь в банк. У нас есть неоплаченные счета, и в банке немного нервничают.

— Оплатим, не бойся!.. Такого жуткого зверинца мне видеть не приходилось!

Казначей улыбнулся:

— Вы все еще молоды, мистер Джон. Для старика, конечно.

Когда Макгерк ушел, О'Хара нахмурился, пожал плечами и открыл вторую дверь. За столом Хозяина, заваленным бумагами и планами, сидел молодой человек. Откинувшись на спинку стула и положив ноги на стол, он кивнул:

— Вы, должно быть, Джон О'Хара.

— Так оно и есть. А кто, черт возьми, вы? И почему вы положили ноги на мой стол?

Молодой человек убрал ноги со стола и сел, подавшись вперед и опершись локтями о крышку.

— Меня зовут Джон Норден. Я работаю на верфи «АиБКЭ».

О'Хара поджал губы и опустился на второй стул:

— Какие-то проблемы?

— Если назвать проблемой то, что вы вот-вот потеряете корабль.

О'Хара встал:

— Объясните.

Джон посмотрел на него:

— Ставлю миллион кредитов против пригоршни болтов, что у вас нет документов на право собственности в отношении «Города Барабу».

— Нет. Пока я не заплачу за него.

— А когда заплатите?

О'Хара фыркнул:

— Сынок, это не твое дело!

— А я вот что скажу вам, дедуля. Если не выложите восемьдесят миллионов кредитов наличными, вы корабль потеряете. «АиБКЭ», используя вас для прикрытия, строит военный транспорт для Нуумианской империи. План состоит в том, чтобы продать им корабль, получить наличные и покончить с этим делом, прежде чем о нем узнают правительство, люди Земли и мой профсоюз. Когда их поставят перед свершившимся фактом, все пожмут плечами и разбредутся по домам, а «АиБКЭ» положит в карман кучу денег. Зацепило, дедуля?

О'Хара опустился на стул.

— Откуда вам это известно?

— Я работаю на верфи. В настоящий момент «Город Барабу» комплектуют как военный транспорт. Заказанное вами специальное оборудование не устанавливается. Я немного покопал и выяснил кое-что интересное. Все устройства, необходимые для превращения корабля в боевой, уже находятся на складах верфи. По-моему, после продажи военное снаряжение будет перегружено на борт и установлено по дороге к Нуумии.

— Но у «АиБКЭ» соглашение со мной!

Джон кивнул:

— Вы обещаете им восемьдесят миллионов, они обещают вам корабль. Но ведь вы пока еще ничего не заплатили, так? Думаю, «АиБКЭ» и не надеялась, что вы заплатите. Однако строительство корабля-цирка — хорошее прикрытие для строительства боевого звездолета. — Джон снова откинулся на спинку стула. — Ну, что собираетесь делать?

— Ты свободен, сынок?

— Нужна ли мне работа? Полагаю, она скоро мне понадобится. Что вы придумали?

— Кораблю понадобится экипаж.

Гость покачал головой:

— Вы надеетесь остановить «АиБКЭ» с помощью адвоката? Или армии адвокатов?

— Теперь моя очередь научить тебя кой-чему, сынок. Мы не станем жаловаться. Мы провернем все сами. Итак, тебя интересует работа?

7

Джон Норден сидел ссутулившись в кресле и смотрел на Ловкача, расхаживавшего по ковру в номере отеля. Ковер, казалось, вот-вот вспыхнет. Длинный, худой, одетый в черное Ловкач то смыкал руки за спиной, то размахивал ими, складывал их на груди, останавливался, качал головой и наконец повернулся к Нордену.

— Интересно, мистер Джон когда-нибудь задумывается над тем, не слишком ли многого он от меня хочет?

Норден улыбнулся и пожал плечами:

— Я и сам здесь новенький.

— Ба! — Ловкач беспомощно опустил руки и снова заходил по комнате. Он закладывал руки за голову, бормотал что-то себе под нос, хмурился, выругался пару раз и в конце концов остановился перед заваленным бумагами кофейным столиком. Поднял договор между О'Харой и «АиБКЭ», пробежал его глазами, подобрал незаконченный регистрационный сертификат. Бросил оба документа на стол. — Ба! — Снова заходил по комнате, потом остановился и обратился к Нордену: — Видите ли, мистер Норден, у Хозяина есть мечта. Хм-м, мечта... Он уже не хочет довольствоваться тем, чтобы зарабатывать на жизнь цирком, он собирается облететь весь Квадрант, может быть, даже всю Галактику! И ради этого готов настроить против себя одну из крупнейших на Земле корпораций и самую могучую военную державу! — Ловкач вытянул руки и потряс ими. — Нет! Он хочет, чтобы я перехитрил их!.. А вообще, что вы здесь делаете?

— Мистер О'Хара сказал, что я должен помочь вам, чем смогу.

— Помочь? Помочь? Как?

Норден пожал плечами:

— Он сказал, что кораблю нужен экипаж. Я, например, по специальности судовой инженер.

— Экипаж? Неужто он не знает, что, прежде чем набирать экипаж, надо иметь корабль? Что он намерен сделать — захватить «Барабу»?

— Недурная мысль.

— Что?!

— Я сказал, недурная мысль. На верфи хватает ребят, способных управлять кораблем. У нас здесь есть даже пилот шаттла, Вилли Куган. Весьма квалифицированный специалист.

Ловкач присел на край диванчика около кофейного столика и потер подбородок.

— А они захотят?

— Захотят что?

— Угнать корабль.

Норден рассмеялся и покачал головой:

— Да я же пошутил!

— Но захотят ли они? Сумеете ли вы уговорить их?

— Не знаю, как вы, приятель, но в мои планы не входит провести остаток жизни в исправительной колонии. Все Адмиралтейство навалится на нас, как тонна стали.

Ловкач откинулся на спинку дивана, скрестил ноги и сложил руки на груди.

— Небольшая деталь, дружок, небольшая деталь... Если я дам гарантию, что никто из вас не попадет в тюрьму, сможете ли вы уговорить команду захватить — извините — взять корабль?

Норден нахмурился, внимательно посмотрел на своего собеседника и кивнул:

— Пожалуй. Моему союзу никогда не нравилась идея строить корабли для нуумианцев. Но как вам удастся спасти нас от тюрьмы?

Ловкач подался вперед, похлопал по бумагам, сваленным на столике, и ловко выхватил из стопки один лист.

— Давайте сначала посмотрим, что может представить это шоу.

Норден беспокойно заерзал, потом подался вперед.

— А не лучше ли пригласить юриста, чтобы он поработал над вопросом?

Ловкач вскинул голову, сердито взглянул на Нордена поверх листа и снова уткнулся в бумаги:

— Хм!

Арнхайм посмотрел на нуумианского посланника, сидевшего в кресле напротив. Накинутый на голову капюшон наполовину скрывал лицо нуумианца, но Арнхайм чувствовал на себе презрительный взгляд холодных глаз, смотревших на него как на букашку. Посланник вытянул руку в направлении Арнхайма, и серый рукав сдвинулся, обнажая голубовато-зеленую четырехпалую руку.

— Мистер Арнхайм, когда мы можем рассчитывать на получение транспорта?

— Через шесть дней, посланник Сум. Нужно еще смонтировать фитинги и провести полетные испытания. После этого он ваш. Команда готова?

Посланник утвердительно махнул рукой:

— Команда находится на одном из наших крейсеров, дожидающихся сигнала в нейтральном пространстве. Вы понимаете, мистер Арнхайм, именно ваш экипаж должен вывести корабль за границу Солнечной Контрольной Зоны?

— Да...

Дверь кабинета с легким шипением открылась, и в комнату вбежала секретарша. Пылающие щеки и насупленные брови выдавали ее смятение.

— Мистер Арнхайм...

Арнхайм поднялся из-за стола:

— Что, Джанис?

Секретарша кивнула нуумианцу и повернулась к своему боссу:

— Извините, но вам нужно незамедлительно взглянуть вот на это.

Арнхайм склонил голову перед посланником Сумом:

— Пожалуйста, извините меня.

Он взял из дрожащих пальцев Джанис листок и начал читать. Брови его поползли на лоб после первых же слов.

— Чья-то глупая шутка?..

Посланник Сум встал:

— Если вам нужно побыть одному, мистер Арнхайм...

Арнхайм остановил его.

— Нет... нет, посланник Сум. Это касается также и вас. О'Хара... предъявил мне чек на восемьдесят миллионов кредитов. — Он помахал листком. — О'Хара получил документы на право собственности. — Арнхайм повернулся к секретарше. — Печать на чеке... она еще влажная!

Посланник Сум убрал руки в широкие рукава.

— Мне показалось, вы говорили, что этот О'Хара не успеет найти деньги за столь короткое время.

Арнхайм нахмурился:

— Разумеется! Посмотрите, чек выписан Первым национальным банком «Города Барабу». Это же название корабля!

Он протянул руку и нажал кнопку коммуникатора. В этот же момент ожил экран, на котором появилось лицо суперинтенданта орбитальной верфи.

— Йетс! Вы-то мне и нужны. Насчет корабля...

Мужчина на экране покачал головой:

— Его уже нет, мистер Арнхайм.

— Нет?

— Нет.

— То есть как? Куда он мог подеваться?

— Один из шаттлов, посланных нами два дня назад за топливом и продовольствием, вернулся несколько часов назад. С ним прилетел мужчина — его фамилия Веллингтон, высокий, худой, одет в черное, — который предъявил должным образом оформленные регистрационные документы. Потом его команда разгрузила корабль и получила разрешение покинуть верфь. Они пристыковали шаттл, взяли на борт экипаж и рабочих с верфи и улетели.

— Рабочих с верфи? Вы хотите сказать, что он забрал мою рабочую бригаду?

— Да, мистер Арнхайм. Я бы связался с вами раньше, но возникли какие-то странные помехи...

— Заткнитесь, Йетс! — Арнхайм нахмурился, на секунду опустил глаза, потом снова взглянул на экран. — Йетс, остальные девять шаттлов... где они?

Человек на экране пожал плечами:

— Насколько знаю, мистер Арнхайм, они еще под погрузкой.

Не говоря ни слова, Арнхайм отключил связь, спокойно набрал какой-то код и стал ждать ответа. Теперь на экране возникло моложавое улыбающееся лицо.

— Восточный региональный космопорт. Чем могу помочь вам?

— Дайте мне грузовой терминал. — Арнхайм повернулся к посланнику. — О'Хара и его банда находятся в отеле возле Восточного...

— Грузовой терминал.

— Мне нужен управляющий.

— К вашим услугам.

— Я Карл Арнхайм. Шаттлы с верфи «АиБКЭ»...

— О, так вы Карл Арнхайм! — Управляющий улыбнулся. — Что ж, сэр, скажу вам, я никогда не видел столь четкой работы. Шаттлы только пристыковались, как их тут же загрузили. На все ушло полтора часа. Эти ребята из цирка определенно знают свое дело и...

— Где шаттлы?

— Как... улетели более часа назад...

Арнхайм нажал кнопку и набрал очередной код. Ожидая ответа, он повернулся к нуумианцу.

— Посланник Сум, ваш корабль готов преследовать «Город Барабу»?

— Да.

Экран вспыхнул.

— Офис Адмиралтейства Девятого Квадранта.

— Говорит Карл Арнхайм. У меня захватили корабль. Мне нужен судебный исполнитель. Через десять минут он должен быть в Восточном региональном терминале. О транспорте я позаботился.

— Да, мистер Арнхайм. Вам потребуется рота усиления?

Арнхайм бросил взгляд на посланника. Нуумианец жестом попросил убрать звук. Когда Арнхайм сделал это, Сум сказал:

— Так будет лучше, мистер Арнхайм, если дело дойдет до убийства, пусть ответственность ляжет на власти Квадранта.

Арнхайм повернулся к экрану и включил звук.

— Да. Все необходимые документы у меня с собой. — Он отключил коммуникатор и снова обратился к посланнику: — Половина людей О'Хары все еще на Ангаре. Именно туда он и направится.

— Вы тоже летите, мистер Арнхайм?

Арнхайм усмехнулся:

— Никто — а когда я говорю «никто», я именно это и имею в виду — не смеет совать мне липовый чек на восемьдесят миллионов кредитов! Я лечу!

Когда шаттл пошел на сближение с «Барабу», Ловкач и Джон Норден, только что получивший кличку Пират, перешли в пилотскую кабину. Хозяин сидел в кресле второго пилота, глядя в крошечный иллюминатор. Услышав шипение двери, он повернулся навстречу входящим.

Обратив внимание, что глаза Хозяина покраснели от усталости и напряжения, Ловкач нахмурился:

— Что-то не так, Джон?

О'Хара кивнул на иллюминатор, в котором виднелась Земля:

— Перед погрузкой я совершил небольшую прогулку туда, где когда-то стоял старый Мэдисон-сквер-гарден*. Знаете, почему некоторые артисты называют главный вход на цирковую площадку Восьмой авеню, а другие входы — названиями улиц? Старый Гарден находился между Восьмой и Девятой авеню и Пятидесятой и Сорок девятой. Главный вход был со стороны Восьмой авеню. «БР» и «ББ» обычно начинали свои сезоны именно там, а уже потом пускались в путь. Люди, работавшие в цирке, привыкли называть входы на площадку в память об улицах, окружавших Гарден. — Хозяин покачал головой. — Того цирка уже нет, нет и Гардена. — Он печально посмотрел на Веллингтона и Нордена. — Улицы на месте, но это все, что осталось.

О'Хара снова повернулся к иллюминатору:

— Когда я был мальчишкой, а цирком управлял мой отец, он всегда приказывал выгружать лошадей и фургоны милях в десяти от места стоянки. Хозяин ехал дальше в легкой коляске, за ним на первом фургоне главный конюх вез в клетке Тихоню Данна, Дикаря из Джунглей и красивого, огромного сибирского тигра, который обычно спал с Тихоней. Но в клетке Тихоня Данн всегда усаживался в одном углу, а тигр сворачивался в другом. Они шипели, рычали друг на друга, а иногда даже дрались.

Дальше следовали другие повозки с клетками, каждую тянули по восемь лошадей. Потом шли остальные фургоны. На них стояли зеркала, стены были разрисованы изображениями клоунов и животных, а по краям — золотыми листьями. Дальше располагались фургоны со всем багажом, которые тащили быки, их иногда впрягали до двадцати. Потом опять фургоны с артистами, а замыкала процессию повозка с так называемым лошадиным фортепьяно.

За караваном всегда бежали дети. Как будто... как будто само прохождение цирка заставляло землю извергать из себя целый парад детей. Где мы были — не имело никакого значения. Зачастую фургоны снимали с платформ в какой-то пустоши, но уже несколько минут спустя на дороге появлялись люди. Они махали руками, смеялись, а их глаза сияли от радости...

* Нью-йоркский концертно-спортивный комплекс.

О'Хара отвернулся к иллюминатору.

— Земля осталась без цирка, а у цирка больше нет Земли. И у меня такое чувство — я никак не могу от него отделаться, — что и то и другое стали немного меньше.

Ловкач мигнул — слезы застилали глаза — и тоже посмотрел в иллюминатор на яркую точку в черной бездне космоса, которая скоро разрастется и превратится в «Город Барабу». Давным-давно в фургонах позади старого Хозяина и его розовощекого сына сидел и он. Ловкач посмотрел на О'Хару и еще раз кивнул, теперь уже самому себе. Он начал понимать, что имел в виду Хозяин, когда говорил о спасении цирка.

8

Линейный крейсер Нуумианской империи вышел на орбиту вокруг Ангара после недельного преследования и уже через несколько секунд ощетинился орудиями и сенсорами. «Город Барабу» был незамедлительно обнаружен на стационарной орбите, и к нему отправили шаттл. Находившийся на борту шаттла судебный исполнитель Али посмотрел на разгоряченного, кипящего от злости Карла Арнхайма и перевел взгляд на невозмутимого, спокойного как камень нуумианского посланника.

Вошедший в отсек командира роты усиления капитан Грин кивнул Арнхайму и Суму и повернулся к Али:

— Все готово.

Али пожал плечами:

— Они, похоже, настроены мирно, но на всякий случай держитесь наготове. Мы не знаем, чего от них ожидать... — он перевел взгляд на нуумианца, — да и от них тоже.

Второй пилот нуумианского шаттла вошел в отсек и, поклонившись посланнику, сказал ему что-то на своем языке, после чего повернулся и вышел.

— Идем на стыковку, — сообщил Сум, обращаясь ко всем. — Мне доложили, что для выхода будет использован шлюз кормового отделения.

Шаттл едва заметно задрожал, затем послышался металлический щелчок — шлюзовые замки встали на место.

Али похлопал Грина по плечу:

— Пошли.

Все перешли в кормовой отсек и встали у выхода, где уже находились тридцать солдат роты усиления капитана Грина. Каждый солдат был защищен бронированным скафандром и имел на вооружении внушительный арсенал боевых средств. Как только над дверью переходного шлюза вспыхнул зеленый свет, капитан Грин кивнул своим подчиненным, и те, повернув колесо, навалились на дверь.

На «Барабу» их уже ждали. Высокий и худой, одетый в черный костюм мужчина сделал шаг вперед.

— Добро пожаловать на борт «Города Барабу», господа. Меня зовут Артур Бернсайд Веллингтон. Я юридический советник «Большого шоу О'Хары».

Пробившись вперед, Арнхайм остановился перед человеком в черном и ткнул пальцем в сторону Веллингтона:

— Это он! Тот, кто угнал корабль. Пират!.. Чего вы ждете? Арестуйте его!

Ловкач удивленно вскинул брови:

— Неужели это вы, мистер Арнхайм? Как хорошо, что вы здесь. Не могу обойтись без комплиментов. Ваша компания проделала отличную работу, все так говорят. Корабль просто замечательный.

Указующий перст мистера Арнхайма задрожал.

— Арестуйте его! — взвизгнул бизнесмен, повернувшись к судебному исполнителю.

Али кивнул Грину, который, в свою очередь, не желая накалять обстановку, отвел пару своих солдат на несколько шагов назад.

— Похоже, мистер Веллингтон, — сказал Али, — возникли некоторые сомнения относительно того, кому принадлежит этот корабль.

Ловкач нахмурился и покачал головой:

— Поразительно, как такое случилось? В соглашении ясно сказано, что право собственности на «Город Барабу» полностью переходит к мистеру О'Харе после того, как корабль будет оплачен. — Он опустил руку в карман пиджака. — У меня имеется нотариально заверенное подтверждение того, что платежные документы поступили в офис «АиБКЭ» и приняты там.

Али улыбнулся:

— Есть определенные сомнения в подлинности чека, мистер Веллингтон.

— Сомнения!.. — Арнхайм рванулся вперед и подбежал к Али. — Этот чек недействителен. Первого национального банка «Города Барабу» просто не существует, а если он и существует, то не законен. Где он зарегистрирован?

Ловкач пожал плечами:

— Банк существует и зарегистрирован у нас. «Барабу» имеет право учредить банк, так как является независимым судном. Здесь, на борту, действуют наши собственные законы.

— Смехотворно! — Арнхайм повернулся к Али. — Скажите ему об этом, не молчите, а потом арестуйте всю эту банду пиратов!

Али покачал головой:

— Такой закон существует, мистер Арнхайм. Его приняли несколько лет назад, чтобы устранить сложности, связанные со взаимоотношениями между кораблем и планетой или страной, посещаемыми им относительно редко.

Арнхайм открыл папку и вынул из нее желтоватый кусочек бумаги.

— Тогда как быть с этим чеком? Если он недействителен, то у вас нет никакого права собственности!

Ловкач потер подбородок.

— Вы пытались его обналичить?

— Конечно, нет!

— Так попробуйте, — предложил Ловкач. — Если вы предъявите чек к оплате, ваш банкир отправит его в центральную расчетную палату, затем дальше, к нам, и вы получите свои деньги. Если вы не придерживались обычной процедуры, то не надо винить во всем нас.

Али взглянул на бизнесмена:

— Итак, мистер Арнхайм?

— Если бы я всем этим занимался, кто знает, куда они успели бы улететь! А если бы чек возвратили из-за отсутствия средств на счету плательщика?

— Поймите, мистер Арнхайм, я ничего не могу предпринять, пока чек не возвращен.

Арнхайм нетерпеливо постучал ногой по полу и, подумав, кивнул:

— Хорошо. — Он повернулся к Ловкачу. — Покажите мне, где находится банк «Барабу». Я хочу обналичить чек.

Ловкач взглянул на часы и покачал головой:

— Мне очень жаль, мистер Арнхайм, но уже четвертый час, и банк закрыт.

Али сложил руки на груди.

— Мистер Веллингтон, случай особый, и, может быть, ваш банк сделает исключение?

Ловкач внимательно посмотрел на судебного исполнителя и улыбнулся:

— Конечно. Джентльмены, будьте добры проследовать за мной. — Он повернулся, открыл дверь переходного отсека и, пройдя несколько шагов по коридору, остановился у двери с табличкой, которая гласила: «Первый национальный банк «Города Барабу».

Панель с шипением отошла в сторону; Ловкач, Арнхайм, Али, Сум и капитан Грин вошли в помещение банка. В комнате не было ничего, за исключением складного стола и стула. На столе стояла дешевая жестяная банка. Ловкач пододвинул стул, уселся, скрестил руки на груди и улыбнулся Арнхайму:

— Чем могу помочь вам, сэр?

Арнхайм швырнул чек на стол:

— Обналичьте!

Ловкач посмотрел на чек, перевернул его и подтолкнул в сторону Арнхайма.

— Вы видите? — воскликнул бизнесмен, хватая Али за руку. — Он отказывается принять чек!

Ловкач откашлялся.

— Сэр, вы забыли поставить на нем свою подпись.

Арнхайм медленно вытащил из кармана ручку, наклонился над столом, расписался и толкнул чек Веллингтону:

— Обналичьте!

Человек за столом внимательно изучил чек.

— Ну и ну, кругленькая сумма. Вы уверены, что не хотите получить вексель, который можно депонировать на Земле?

— Наличные.

— Не желаете открыть у нас счет? Наши процентные ставки наверняка заинтересуют вас и...

— Наличные! Немедленно!

Ловкач пододвинул к себе банку и еще раз взглянул на красного от злости Арнхайма.

— При открытии нового счета вы получаете в подарок набор столовой посуды, сэр.

— Деньги!!! — Арнхайм несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул. — Сейчас. Немедленно. Обналичьте мой чек.

Ловкач пожал плечами и открыл банку. Его левая рука опустилась в жестянку и извлекла оттуда несколько смятых кредитов.

— Надеюсь, миллионные купюры вас устроят, сэр? Меньших мы не держим. Один, два, три...

Арнхайм протянул руку, взял одну из купюр и изумленно поднес ее к глазам. Потом протянул Али:

— Это явная подделка! Взгляните!

— ...семь, восемь, девять, десять...

Судебный исполнитель внимательно осмотрел купюру и передал Арнхайму:

— Уверяю вас, она настоящая.

Арнхайм в ужасе взглянул на Ловкача, который не спеша отсчитывал деньги.

— ...пятнадцать, шестнадцать, семнадцать...

— Этого не может быть!

Али пожал плечами и улыбнулся:

— Может. Извините.

Вперед выступил посланник Сум.

— Мистер Али, означает ли это, что мистер Арнхайм не вступает во владение кораблем?

— Если здесь еще семьдесят девять таких же клочков бумаги, как этот, то да, не вступает. — Али предостерегающе посмотрел на нуумианца. — Советую вам проявлять благоразумие.

— ...пятьдесят один, пятьдесят два, пятьдесят три...

Все не отрываясь наблюдали за Ловкачом.

— ...семьдесят восемь, семьдесят девять, восемьдесят. Ну, вот и все, сэр. Уверены, что наши предложения вас не интересуют? У нас есть особые счета, так сказать, на черный день...

Арнхайм сгреб купюры, дважды пересчитал их, после чего сунул в карман пиджака.

— Скажите О'Харе, что это еще не все!

Ловкач улыбнулся:

— О, значит, вы все же откроете у нас счет? Есть прекрасные варианты. Рождественский...

Арнхайма, казалось, вот-вот хватит удар. Али и двое солдат вывели его из комнаты. Когда все остальные уже вернулись на шаттл, судебный исполнитель, задержавшись, спросил:

— Мистер Веллингтон, позвольте один вопрос?

Ловкач закрыл банку и поднял голову:

— Да?

— Между нами, где вы достали восемьдесят миллионов кредитов?

— Вам, наверное, будет интересно познакомиться с президентом Первого национального банка «Города Барабу».

Задняя дверь открылась, и в комнату вошел невысокого роста человек в клоунском наряде и гриме. Некоторое время Али вглядывался в незнакомца и наконец понял, что перед ним не человек.

— Позвольте представить. Его королевское величество, принц Ахссиель, наследник Эркева IV, монарха Ангара. Кроме того, он член нашей труппы. Его отец — самый крупный и, должен признаться, единственный вкладчик. Ваше высочество, это судебный исполнитель Али из Девятого отдела Адмиралтейства.

Принц поклонился и тут же выпрямился.

— Рад познакомиться с вами.

Али посмотрел на Ловкача, потом снова на принца.

— Ваше высочество, как этим людям удалось уговорить вашего отца дать им восемьдесят миллионов кредитов?

Принц покачал головой:

— Нет. Это вклад, и я нахожусь здесь, чтобы присматривать за деньгами отца. Я президент. Отец сказал, что будущему монарху стоит научиться этой профессии. — Он кивком указал на Ловкача. — После того, как мистер Веллингтон поведал монарху свой прожект, тот сказал также, что путешествие с таким человеком и необычно, и очень ценно для будущего правителя.

Ловкач нахмурился, сложил руки на груди и фыркнул.

— Ваше величество, я не называл бы это прожектом.

— Извините, я уже вспомнил. — Принц улыбнулся Али. — Это не прожект, это деловое предложение. Но самое лучшее во всем этом то, что я буду учиться у Перу Абнера Болина, величайшего клоуна Вселенной! — Принц повернулся к Ловкачу. — Я могу идти, мистер Веллингтон?

Ловкач кивнул:

— И помните, что отец наказывал вам не разыгрывать из себя клоуна.

Принц поклонился и убежал.

Али прислонился к столу.

— Так, значит, вы улаживаете в цирке все такие дела?

Ловкач кивнул.

— Тогда посоветуйте, как мне вернуться на Землю, не рассмеявшись Арнхайму в лицо?

Ловкач задумался:

— Если бы я был на вашем месте, то не выходил бы из своей каюты.

И Али последовал совету.

II

ВСЛЕД ЗА КРАСНЫМИ ФУРГОНАМИ

9

Итили Стран открыла глаза и тут же закрыла их — очередной день нес с собой только бесконечную рутину. Она повернулась на левый бок и натянула на голову термопростыню. Всегда одно и то же: одеться, пробежаться по утреннему морозцу в коровник, проверить данные по дойке и кормлению, спрограммировать контроль за ходом дел в хозяйстве, вернуться домой и отведать то, что тетя Дива называет «здоровым

завтраком». К тому времени, когда она проглотит последний кусочек соевого кекса, пропитанного соевым сиропом, Энниваат, солнце, дающее жизнь планете Долдра, уже будет высоко над горизонтом.

Потом появится дядя Чайне, прячущий за жидкой седеющей бородкой красное от пьянства лицо, и начнется настоящая работа. Починить навозоуборщик, вывести скот, обернуть утеплителем трубы сепаратора, чтобы молоко не замерзало, приготовить дрова для дома, убрать старый компост — в этом году будет что-то новенькое — и так далее, и так далее...

Итили завернулась в одеяло, проклиная то, что ее разбудило. Она пыталась избавиться от неприятных мыслей, надеясь, что сон вернет ее в другой мир, мир мечты. Но надеждам не суждено было сбыться — за окном что-то звякнуло. Откинув одеяло, Итили привстала и увидела прилипшее к стеклу веснушчатое лицо Эмили Шон, всматривающейся в полумрак комнаты из-под отороченного мехом капюшона. Итили отворила окна, поеживаясь от холодного воздуха, устремившегося внутрь.

— Эм, что это ты делаешь? Мне вставать еще только через час.

Эмили ухмыльнулась, показав крупные неровные зубы. Два передних молочных уже выпали, а коренные еще не выросли.

— Цирк, Итили! Он здесь!

— Ну и что? — Итили состроила гримасу подруге и пожала плечами. О сне придется забыть. — Где они?

Эмили повернулась к окну и показала рукой.

Итили вытянула шею, вглядываясь туда, куда был направлен палец подруги. Вдалеке, за оградой, обозначающей границу владений дяди Чайне, виднелись на фоне бледно-оранжевого утреннего неба силуэты фургонов. Кучеры, подняв воротники, нахохлившись, сидели на козлах.

Огромные быки, тащившие повозки, выдыхали облака пара, тяжелые копыта били о стылую землю. Надписи на фургонах были не видны, но все на Долдре, кому еще не исполнилось двадцати, знали их наизусть — «Большое шоу О'Хары».

— Пошли, Итили. А то они скоро уйдут.

Итили отвернулась от окна и принялась искать в темноте белье и гетры. Она быстро натянула их, просунула руки и го-

лову в стеганую рубашку, надела теплые сапожки и застегнула «молнии». У двери девочка схватила с крюка парку. Когда солнце поднимется, в верхней одежде будет жарко, но пока что она необходима. Вспомнив про открытое окно, Итили вернулась, взобралась на подоконник и спрыгнула на подмерзшую землю. Потом поднялась на цыпочках и закрыла окно.

— Пошли.

Девочки добежали до забора и остановились, чтобы посмотреть на фургоны. Отсюда уже можно было прочитать надписи и рассмотреть нарисованных тигров, львов, слонов, змей, лошадей и наездников. Под картинками вращались выкрашенные золотой краской колеса, стальные ободья шуршали по гравию.

— Вот это да! Итили, чудесно, правда?

Один из фургонов выехал немного вперед. Кучер взглянул на девочек и кивнул:

— Что, ребята, пришли посмотреть шоу? К полудню мы переедем к Коппертауну.

Эмили улыбнулась:

— Конечно, мистер. Я ни за что не пропущу представление.

Кучер помахал рукой.

— Тогда залезайте. Мальчишки всегда помогают развернуть брезент.

— Давай, Итили. — Эмили потянула подругу за рукав.

— Не знаю. — Итили нахмурилась. — Скоро тетя с дядей встанут. У меня много работы по хозяйству.

Кучер натянул поводья.

— Вы поможете с брезентом, а вас за это бесплатно пропустят на представление.

Эмили нетерпеливо притопнула:

— Ну давай же, Итили!

Итили посмотрела на дом — в окнах еще не было света. Она повернулась к подруге:

— Пошли!

Девочки перелезли через ограждение и забрались на козлы, где втиснулись на сиденье рядом с кучером, плотным мужчиной в черной шляпе. Он рассмеялся, покачал головой и издал резкий звук. Лошади тронулись.

— Выпорют вас, ребята, да? Достанется по первое число.

Эмили тяжело вздохнула, а Итили, подняв брови, бросила взгляд на кучера.

— Может быть, — ответила она. — Только я не мальчик.

Кучер, прищурившись, посмотрел на Итили и пожал плечами:

— Главное, не говори об этом Раскоряке. Он берет на работу исключительно мальчиков.

— Глупо.

Кучер кивнул:

— Прежде чем прилететь на Долдру, мы выступали на Ставаке. — Он рассмеялся. — Так там нет ни мальчиков, ни девочек. А с Раскорякой все в порядке, девочка, просто у него в душе еще осталось что-то земное.

Итили оглянулась — на козлах других идущих за ними фургонов теснились дети, а те, кому не хватило места, бежали позади.

— А что там, в последнем фургоне?

— Лошадиное фортепьяно, ночью у него от холода лопнул бойлер. Если бы оно играло, вы бы увидели, как отовсюду стекается ребятня. — Кучер тоже обернулся, удовлетворенно хмыкнул и усмехнулся. — Похоже, все в порядке. Даже без музыки. — Он взглянул на Итили. — Думаешь, оно того стоит? Сбежать из дому и получить за это ремня?

Итили нахмурилась, потом пожала плечами:

— Не знаю. Я еще никогда не видела цирк.

Кучер привстал, посмотрел вперед и снова уселся поудобнее.

— Я думаю, что стоит...

Бригадир потер подбородок и задумчиво посмотрел на девочку.

— Обычно мы берем на помощь мальчишек — если, конечно, они есть.

Итили выпятила нижнюю губу:

— Сколько этих ваших мальчишек надо выпороть, чтобы вы поверили, что я не хуже?

Раскоряка поднял голову и громко расхохотался. Потом покачал головой и внимательно посмотрел на девочку.

— Ну и ну, да ты просто молодчина! Сколько тебе лет?

— Тринадцать. И я могу все, что делают эти обезьяны.

Бригадир вскинул бровь, потом перевел взгляд на трактор, сломавшийся, когда они прибыли на место.

— Умеешь управлять этой штукой?

Итили взглянула на машину. На такой же, только побольше, ей каждый день приходилось работать в хозяйстве дяди.

— Запросто.

Тарзак кивнул:

— Тогда заведи его и подгони сюда, милочка.

Итили сердито посмотрела на него — такое обращение ей не нравилось — и направилась к машине. Забравшись на сиденье, она поставила рычаг в нейтральное положение и включила зажигание. Когда ничего не случилось, девочка еще дважды повторила операцию, потом кивнула и исподтишка посмотрела на Раскоряку. Тот стоял к ней спиной, распоряжаясь расстановкой фургонов. Рабочие и мальчишки уже сновали вокруг, вытаскивая огромные рулоны брезента.

Итили слезла с сиденья, встала на гусеницу и подняла боковую панель. Она быстро проверила систему зажигания, потрогала пальцами провода, отыскивая нарушенное соединение. Потом смахнула засохший комочек грязи с одного из проводов, обнаружила поврежденную изоляцию и потянула. Проводок порвался. Сунув руку в карман, Итили вытащила складной нож и зачистила концы провода. Срастив их, она аккуратно положила провод, чтобы он ничего не касался, и снова забралась в кабину. На этот раз зажигание включилось. Мотор взревел, и Итили, усмехнувшись, посмотрела на Раскоряку Тарзака. Тот по-прежнему стоял спиной к ней и, занятый раздачей указаний, похоже, даже не заметил, что трактор завелся.

Итили улыбнулась, отжала педаль и подала рычаг вперед. Машина тронулась с места, и девочка, развернувшись, направила ее прямо на Раскоряку. Трактор на полной скорости подъехал к бригадиру и остановился. Итили выключила двигатель. Раскоряка повернулся. Тяжелая гусеница вгрызлась в землю в нескольких сантиметрах от его ноги. Он поднял голову и посмотрел на девочку.

— Вовремя. — Он посмотрел на один из пустых фургонов. — Ребята тебе помогут. Оттащи его подальше, вон туда.

Итили кивнула, включила задний ход и подогнала трактор к фургону.

— Что за девчонка?!

Раскоряка вытащил из кармана платок и вытер вспотевший лоб, после чего повернулся к Хозяину:

— Вы видели? Чертовка чуть не задавила меня.

О'Хара кивнул:

— Сколько ей лет?

— Говорит, что тринадцать.

Хозяин покачал головой:

— Жаль. Здорово управляется.

Раскоряка потер подбородок:

— Знаете, прежде чем завести трактор, она его починила. Я и отослал-то ее, чтобы не болталась под ногами. А она взяла и починила.

О'Хара нахмурился, немного подумал и покачал головой:

— Не хотелось бы иметь дело с полицией. Еще несколько лет назад это было поселение для заключенных. Они устроили революцию и свергли правительство. Теперь здесь неплохо развивается сельское хозяйство — они дают до четверти всего продовольствия в Квадранте, — но полиция у них очень строгая. Скряги.

Раскоряка пожал плечами и сунул руки в карманы:

— Значит, никто отсюда не убежит. Никто не присоединится к цирку.

— До восемнадцати лет. — О'Хара повернулся и зашагал к своему фургону.

Раскоряка некоторое время наблюдал за работой Итили, потом вздохнул, покачал головой и пошел контролировать установку головного купола.

10

Полицейский, дежуривший в участке Коппертауна, поднял голову и посмотрел на посетителя. Чистые руки и аккуратная одежда выдавали в нем инопланетянина.

— Что вам нужно?

— Мое имя Тенсил, а вы...

— Лейтенант Саррат.

Посетитель улыбнулся:

— Лейтенант Саррат, я пришел поговорить о цирке, приехавшем в ваш чудесный город.

Дежурный пожал мощными плечами:

— А что цирк?

Посетитель кивком указал на стул:

— Позвольте сесть?

Саррат кивнул:

— Так что с цирком? И... как вас зовут?

Мужчина опустился на стул.

— Извините, лейтенант. Меня зовут Франклин Тенсил. Я представляю цирк «Арнхайм и Бун».

Саррат вздохнул:

— Цирк, который дает здесь представления, называется «Большое шоу О'Хары».

Тенсил закивал:

— Конечно, конечно. Вы, разумеется, понимаете, что репутация одного цирка влияет и на репутацию других.

— Переходите к делу, Тинсел.

— Тенсил. Тен-сил. — Посетитель улыбнулся. — Вы, возможно, не знаете, что О'Хара использует для установки цирка детский труд.

Саррат пожал плечами:

— На Долдре все используют детский труд. После революции здесь не хватает взрослых. Население планеты очень мало, Тинсел.

Посетитель вздохнул, однако, по-видимому, решил не обращать внимания на ошибку лейтенанта.

— Да, но что случится, если кто-то из детей захочет присоединиться к труппе О'Хары?

— Здесь не тюрьма, Тинсел. И что?

Теперь уже Тенсил пожал плечами:

— Так вот, когда цирк улетит с Долдры, он увезет с собой детей и...

— Нет! Тем, кому нет восемнадцати, запрещено покидать планету.

Тенсил усмехнулся:

— Тем не менее я уверен, что кое-кто попытается это сделать. Если вы проведете проверку, то...

— Переходите к делу.

Тенсил кивнул:

— Я вижу, полицейские власти на Долдре имеют больший опыт работы, чем обычно на аграрных планетах. Несомненно, это связано с вашим недавним опытом взаимоотношений с законом. — Тенсил погладил себя по щеке, опустил руку в карман и извлек кошелек. — Лейтенант Саррат, я уполномочен предложить вам определенную сумму денег в обмен на определенные услуги.

— Сколько?

— Прямо и по делу. Мне это нравится. Не буду вдаваться в детали. Я имею возможность предложить вам пятьсот тысяч кредитов.

Саррат вскинул брови.

— Понимаю. И что я должен сделать, чтобы заработать такое состояние?

Потирая руки, Тенсил подался вперед.

— Это касается представления в Коппертауне. Его нужно сорвать. Решить вопрос раз и навсегда. Законы на Долдре суровы, а наказания отличаются жестокостью. Найдите закон, который нарушает О'Хара, и тогда...

— Предъявить обвинение?

— Вот именно. — Тенсил усмехнулся и протянул руку. — Договорились?

Саррат поднялся, перегнулся через стол и с размаху врезал посетителю в челюсть. Тенсил свалился со стула. Дверь распахнулась, и в комнату вбежал еще один полицейский. Саррат показал на Тенсила:

— Возьмите его.

Полицейский поставил Тенсила на ноги, развернул и надел на него наручники. Закончив, он подтолкнул арестованного к столу.

— Лейтенант... я... я не понимаю!

— Мистер Тенсил, сейчас я преподам вам урок того, как обращаться с преступником. Их у нас на Долдре очень мало, и на то есть две причины: неотвратимость наказания и ужас перед ним. Ввиду, как вы выразились, нашего близкого зна-

комства с законом, мы оба понимаем необходимость суровых мер для поддержания мира и спокойствия в обществе. Мы также понимаем важность того, чтобы служители закона были неподкупны. На Долдре нет коррумпированных полицейских, а дача взятки является серьезным преступлением. Наша пенитенциарная система предусматривает всего три наказания: возмещение причиненного убытка, пытка и смерть. Наказание за взятку — пытка, а длительность ее определяется размерами предложения. — Саррат усмехнулся. — К несчастью для вас, ваши хозяева очень щедры.

— Саррат, вы не можете...

— Уведите его.

Полицейский потащил протестующего Тенсила к выходу, а лейтенант Саррат нажал установленную на столе кнопку. Через секунду в кабинет вошел другой полицейский.

— Проходите.

— Что случилось, лейтенант?

Саррат поджал губы и нахмурился:

— Цирк на окраине города... Думаю, нам следует его проверить. Есть данные, что они нарушают закон о вывозе детей.

Дневное представление завершилось. Итили медленно отошла от главного выхода. Глаза у нее сияли, в ушах все еще гремела музыка. Эмили потянула подругу за руку:

— Пойдем, Итили. Пора возвращаться.

Девочка нахмурилась и повернулась к Эмили:

— Что? Я не расслышала.

— Нам нужно идти домой. Все дети уже разбежались.

Итили вздохнула:

— Да, наверное. Но это было что-то! — Она посмотрела на шапито. — Правда? Это было что-то!

— Итили!

Услышав голос дяди, девочка замерла.

Красный от злости мужчина, только что появившийся у главного выхода, направился к ней. Подойдя ближе, он замахнулся, чтобы ударить девочку.

— На этот раз, дядя, вам придется убить меня. Иначе я убью вас.

Голос ее прозвучал так твердо и решительно, что Чайне невольно заколебался и опустил руку.

— Неблагодарное отродье! Убежала из дому! А работать кто будет? И это после того, как мы взяли тебя к себе, заботились, кормили, одевали...

Итили вытянула вперед мозолистые руки.

— Посмотрите, дядя! Я сто раз отработала все, что вы мне дали. Я не просила, чтобы меня вносили в список на удочерение! Я не просила, чтобы меня определяли рабыней в ваш дом! — Слезы подступили к ее глазам. — Я не просила моих родителей погибать в этой вашей дурацкой революции!

Чайне схватил ее за руку и повернул к выходу с площадки.

— Думаешь, кто-нибудь другой удочерит такую мерзавку? В твоем-то возрасте! — Он сплюнул на землю. — Убьешь меня, да? Да я не выпорол тебя на месте только из-за людей! Но подожди, сейчас мы приедем домой... — Он дернул девочку за руку и стиснул ей пальцы.

Чтобы не расплакаться, Итили закусила губу.

— Клянусь, дядя, если вы ударите меня еще раз, я вас убью, — пообещала она сквозь слезы. — Вот увидите...

Чайне, прищурившись, посмотрел на нее:

— Ты что? — Он стиснул девочке плечо. — Ты как смеешь...

Чья-то тяжелая рука развернула его, и Чайне оказался перед мужчиной размером с гору. Итили закрыла ладонями заплаканное лицо. Великан рассмеялся:

— Перестань, милочка, не робей. Познакомь меня со своим другом.

Итили засопела и исподлобья взглянула на Чайне.

— Это мой дядя... хотя он и не дядя мне вообще. Он... — Она моргнула от боли — пальцы Чайне по-прежнему сжимали ее плечо. — Он мой опекун. Дядя, это Раскоряка Тарзак. Он здесь работает.

Чайне кивнул:

— Откуда вы знаете Итили?

Раскоряка улыбнулся:

— О, эта девчушка поработала утром на тракторе, чтобы получить бесплатный вход на представление. — Он покачал головой. — У вас, наверное, крепкие пальцы, Чайне. — Тар-

зак протянул руку. — Приятно встретить человека, который знает, как обращаться с женщинами и держать в руках детей.

Чайне пожал плечами, выпустил плечо Итили и пожал протянутую руку. Итили в ужасе наблюдала за происходящим. Чайне славился крепостью рукопожатия, и теперь девочка смотрела на то, как мужчины стараются пересилить друг друга. Чайне покраснел еще больше, а его соперник только усмехался:

— Приятно... познакомиться с вами...

У Чайне подогнулись колени.

По тому, как побледнело и осунулось лицо Чайне, было видно, что состязание подошло к концу. Раскоряка разжал пальцы и похлопал фермера по спине.

— Да, приятель, дружелюбный здесь, на Долдре, народ.

Чайне неуверенно отступил на пару шагов, а Раскоряка повернулся к рабочим, игравшим в карты у одного из фургонов.

— Эй, Морковный Нос!

Высокий парень в комбинезоне поднялся и подошел ближе.

— Что случилось, бригадир?

Раскоряка еще раз хлопнул Чайне по спине, отчего фермер снова растянулся в пыли.

— Мистер Чайне что-то бледно выглядит. Будь добр, проводи его в лазарет.

Морковный Нос поднял Чайне с земли.

— Конечно, бригадир. О, мистер Чайне, да вы и впрямь побледнели. Ну, пойдемте.

Когда его потащили к лазарету, фермер успел оглянуться.

— Итили, когда я приду, ты должна быть дома.

Морковный Нос схватил его за руку, отчего Чайне снова скорчился от боли.

— Извините, мистер Чайне, всего лишь хотел помочь вам. А теперь пойдемте.

Когда они удалились, Итили посмотрела на Тарзака.

— Спасибо, но вы даже не представляете, что теперь со мной будет.

Раскоряка внимательно посмотрел на девочку.

— Где твои родители?

— Погибли. — Она умоляюще заглянула в глаза великана.

Тот кивнул:

— Тебе придется попроситься самой. Я не хочу, чтобы у кого-то были основания обвинять меня в том, что я тебя втянул.

Итили стиснула кулаки и, чувствуя подступающие к глазам слезы, затрясла головой:

— Не могу! Это запрещено по закону, и у вас будут неприятности. Они вас убьют...

Раскоряка осторожно потрепал ее по плечу.

— Предоставь мне урегулировать все детали. И ни о чем не беспокойся.

Итили бросила взгляд на лазарет, вытерла глаза и посмотрела на флаги, развевающиеся над главным куполом цирка. Потом повернулась к Раскоряке.

— Хорошо, мне нужна работа.

Тарзак кивнул, обнял ее за плечи и легонько подтолкнул к палатке, где находилась костюмерная.

— Мы пробудем на Долдре еще шесть недель, так что в первую очередь тебя надо сделать невидимкой. Посмотрим, что предложит Джилл Железная Челюсть. А мне, пожалуй, стоит переговорить кое с кем. — Он посмотрел на девочку с высоты своего неимоверного роста. — Ну, милочка, как тебе нравится быть частью шоу?

Итили фыркнула и тут же рассмеялась:

— Мне страшно. До смерти страшно.

11

Раскрасневшаяся Итили стояла в окружении танцовщиц, наблюдающих за тем, как Джилл Железная Челюсть пытается обрядить девочку в балетную пачку.

— Тут, вверху, надо бы что-то подложить, чтобы не топорщилось. — Она похлопала Итили пониже спины. — Да и здесь тоже. — Джилл сокрушенно покачала головой, почесала кончик носа и посмотрела на Раскоряку. — В балете ты ее не спрячешь. Это все равно что укрыть страуса среди слонов.

Раскоряка задумчиво кивнул, потирая подбородок:

— Однако же делать что-то надо. — Он ткнул толстым, похожим на сардельку пальцем в голову Итили. — А не лучше ли избавиться от всех этих узелков?

Джилл зашла за спину Итили и принялась развязывать ленточки. Белоснежные волосы, избавившись от пут, рассыпались густой, пышной волной, которая накрыла почти всю спину.

— Бубновая, сходи в детский фургон и приведи Рыбью Морду. Скажи, чтобы поспешил. Дело срочное.

Одна из девушек выбежала из костюмерной.

Раскоряка вскинул брови.

— Думаешь всунуть нашу Булочку в детское шоу?

Джилл кивнула и провела ладонью по волосам Итили.

— Может кое-что получиться.

Фрэнк Рыбья Морда, режиссер детского шоу, сразу же подошел к Раскоряке и кивнул Джилл:

— В чем дело? Я занят.

Джилл ухватила Итили за волосы.

— Рыбья Морда, как тебе нравится вот это? Девочка с Распущенными Волосами?

Рыбья Морда подошел поближе и начал ощупывать волосы. Итили нахмурилась.

— Да, у нас никогда не было этого номера. Давай попробуем. Старый трюк, но, по-моему, сработает. Особенно на планете, где много таких простаков. — Он выпустил волосы, поскреб затылок и еще раз кивнул. — Ладно, я могу вставить ее между Пузырем и Тростинкой. — Он заметил недоуменное выражение на лице девочки и пояснил: — Это Толстая Леди и Живой Скелет.

Итили хмуро взглянула на Раскоряку:

— Вы собираетесь включить меня в шоу уродов?

Бригадир рассмеялся:

— Только до тех пор, пока не улетим с Долдры. Отлично.

Итили надула губы.

— Шоу уродов...

Рыбья Морда покачал головой:

— Лучше им не слышать, что ты называешь их уродами.

Итили фыркнула:

— А вы как их называете?

— Артистами. Пойдем. Я тебя представлю, а потом подумаем, как превратить тебя в нечто неузнаваемое.

Когда девочка уже выходила, Раскоряка крикнул ей вслед:

— Не забудь, трактор остается за тобой! — Он покачал головой и повернулся к Джилл. — Ну а ты-то что думаешь, Железная Челюсть?

Женщина почесала нос.

— У нее все получится. Хорошая девочка.

Бригадир вышел из палатки и чуть не наткнулся на Хозяина, спешащего через площадку к административному фургону.

— Мистер Джон!

О'Хара остановился и рассеянно огляделся по сторонам.

— Что случилось, Раскоряка? Ты бежишь? В последний раз, если не ошибаюсь, ты так мчался, когда третий столб раскололся и чуть не испортил тебе прическу.

— Мистер Джон, у меня к вам небольшая просьба.

Хозяин прищурился и ткнул пальцем в грудь бригадиру.

— И во сколько лет тюрьмы мне это обойдется?

Раскоряка развел руками.

— Мистер Джон, на Долдре нет тюрьмы.

О'Хара кивнул:

— Знаю. Возмещение ущерба, пытка и смерть.

Раскоряка выразительно пожал плечами:

— Что ж, в любом случае это не отнимет у вас много времени.

Хозяин поджал губы и повернулся к своему фургону.

— Раз так, то валяй.

Когда На-На, «Двухголовая Красавица, Которая Доказывает, Что Две Головы Лучше Одной», закончила просушивать Итили волосы, девочка почувствовала, как по спине у нее поползли мурашки. Во время вечернего представления На-На приказала Итили смочить волосы каким-то омерзительным отваром. Потом, на глазах у собравшихся, На-На вооружилась щеткой и феном и придала прическе Итили окончательный вид. Работу каждого инструмента контролировала одна голова, одна На. Теперь, когда завитые волосы окутывали все ее лицо, у Итили появилось такое чувство, словно она смотрит на мир из какого-то волосяного туннеля.

— Что скажешь, На?

На нахмурилась, потом подняла руку.

— Здесь могло бы быть попышнее. Тебе не кажется, На?

— Ты права, На. Поработай немного щеткой, хорошо? А я пока еще чуть-чуть подсушу.

— Конечно, На.

— Спасибо, На.

При виде На-На Итили просто столбенела. Каждая голова была восхитительно красива, но одна явно казалась лишней. Она тряхнула головой.

— Сиди спокойно, Булочка.

— Да, На-На. — Итили нахмурилась и, прищурившись, огляделась. В самом конце туннеля из ее собственных волос виднелась Толстая Леди, Пузырь — 700-Фунтов-Превосходного-Жира. Толстуха восседала на трех стульях и наблюдала за процессом.

Гора плоти колыхнулась и величественно повела рукой.

— Надо было побольше пива добавить в ополаскиватель, На-На. Они бы лучше стояли.

— По-моему, и так стоят прекрасно. Ты согласна со мной, На?

— Да, На.

На плечо Итили опустилась чья-то рука, и девочка вздрогнула, чуть не упав с ведра, на которое ее посадили.

— Не хотела тебя напугать, дорогая, — сказала На. — Мы уже закончили. Посмотри на себя в зеркало.

— Да, посмотри, — вставила На.

Итили повернулась, еще раз взглянула на На-На и перевела взгляд на прислоненное к сундуку зеркало. Она смотрела на себя, поворачивая голову из стороны в сторону, и не знала, что сказать о своей новой внешности. Ее белые волосы торчали во все стороны, почти полностью закрывая лицо.

Толстуха хихикнула:

— Похоже на снежок на палке.

Итили еще раз посмотрела на себя и... согласилась. Она улыбнулась, потом взглянула на На-На:

— Выглядит неплохо.

— Ну, — промолвила На, — нам еще придется немного подстричь кое-где, чтобы получилось совсем кругло.

— Согласна, — сказала На. — Только понемножку.

Тростинка Ванда, Живой Скелет, вошла в палатку, даже не обратив внимания на Итили.

— Раскоряка велел заканчивать, надо сворачиваться. Остальное доделаете на шаттле.

Снаружи послышался взрыв смеха, и в палатку вбежали две карлицы. Они сразу же бросились к одному из сундуков и, повернувшись спиной друг к другу, стали переодеваться.

Смех повторился. Казалось, смеется пустая бочка. В палатку вошла Большая Сью, великанша. На пороге она пригнула голову и вытерла катившиеся по щекам слезы. Пузырь недоуменно уставилась на Сью.

— Что смешного?

Сью опустилась на сундук, стукнула себя по колену и приложила к глазам платок размером с простыню. Потом кивнула в сторону карлиц.

— Тина и Вина стояли на площадке, рядом с административным фургоном и орали друг на друга. Тина говорит: «Ты лгунья, Вина! Я намного ниже, чем ты!» А Вина отвечает: «Это потому, что ты сутулишься!» Хозяин открывает окно фургона, смотрит на Тину и Вину и со словами «детский лепет» закрывает окно!

Чтобы не рассмеяться, Итили зажала ладошкой рот, но это уже не помогло. Все расхохотались. На-На качала обеими головами, Пузырь тряслась. Карлицы переглянулись; их недовольные лица дрогнули, расплылись в улыбке, и они тоже покатились со смеху.

12

Поначалу новое окружение действовало Итили на нервы. Почти все артисты были замужем или женаты: На-На и Человек-с-Тремя-Ногами, Пузырь и Окостеневший, Тина, Вина и другие карлики. Большая Сью давно гуляла с Человеком-Волком, Диком Псиной Мордой, а Тростинка Ванда строила глазки Оггу, Недостающему Звену. Эти отношения казались ей нелепыми и даже невозможными. Но к тому времени, когда три недели спустя цирк остановился в Баттлтоне, Итили уже счи-

тала себя артисткой, тогда как все остальные — за исключением других артистов — принадлежали к «тому миру».

Человек-Волк, удобно устроившись на колене Большой Сью, любил пофилософствовать о «нашем мире».

— Уж не знаю, сколько раз за сезон мне задают один и тот же вопрос: почему я выставляю себя на всеобщее обозрение? Чаще меня спрашивают только о том, почему я не покончил с собой. — Сью почесывала ему за ушами. — Там, в том мире, внешность — это все. То же самое и здесь. Но в нашем мире мы можем гордиться нашей внешностью, гордиться тем, кто мы такие.

— Эй, Псиная Морда, — сказала однажды Итили. — Я даже жалею, что не такая, как ты. У тебя все натуральное, а мне не обойтись без перекиси и застоялого пива.

Человек-Волк улыбнулся, обнажив длинные клыки.

— Послушай, Булочка, всем нам приходится хитрить. Посмотри на это. — Он пощелкал себя по зубам. — Коротки. Я подкрашиваю нос черной краской, а послушала бы ты, как я вою и рычу. — Он кивнул в сторону Сью. — Те стальные прутья, которые она завязывает в узлы, — они из армированной резины. Важно, что видит зритель.

Утром и вечером, когда цирк становился на новое место или сворачивался, Итили работала на тракторе. Рабочие прозвали ее Полоумным Снежком за дурацкую ухмылку и текущую изо рта слюну — штрих, добавленный по предложению Рыбьей Морды. Публика с удовольствием ходила поглазеть на идиотку, а Итили избавилась от необходимости отвечать на малоприятные вопросы зрителей, среди которых вполне мог оказаться полицейский.

Поздно вечером, отогнав трактор на место, она устало тащилась в шаттл и, обессиленная, падала на койку. У нее не было времени думать о Чайне и Диве или о полиции. Перед сном она пыталась иногда вспомнить, как выглядели отец и мать, но память о них становилась все слабее и туманнее. Цирк уже заканчивал выступление на Долдре — шла последняя неделя, — когда Итили осознала, что у нее появились новый дом и новая семья.

Была, однако, одна связь, которая оставалась для нее загадкой. Она всегда делила с Раскорякой ленч, и каждый раз к

их раскладному столику подсаживалась Диана, Королева Трапеции. Раскоряка и Диана болтали и смеялись, и через некоторое время Итили почувствовала, что Диана понемногу попирает ее право собственности. Она стала наблюдать за прекрасной гимнасткой и уродливым бригадиром. Во время предпоследней стоянки Итили и Диана оказались за ленчем вдвоем. Поднялся сильный ветер, и гимнастка, посмотрев на хлопающий полог шапито, покачала головой и принялась за еду.

Итили нахмурилась:

— Разве ты не собираешься подождать Раскоряку?

Диана взглянула на нее:

— При таком ветре им придется повозиться с главным куполом. Он не станет есть, пока не убедится, что все в порядке.

Итили поковырялась в тарелке и подняла голову.

— Диана?

— Что, девочка?

Итили отправила в рот полную ложку рагу.

— Что ты думаешь о Раскоряке?

Диана удивленно вскинула брови.

— Ну... странный вопрос.

Итили пожала плечами:

— Ты всегда сидишь за столом вместе с ним. Мне просто интересно: почему?

Королева Трапеции опустила взгляд:

— А почему бы мне не сидеть с ним? Есть какая-то причина?

— Нет. Никакой причины. Просто интересно, что он для тебя.

— Видишь ли, мы видимся с ним нечасто — работаем в разных отделениях. Мне бывает трудно сказать, что он для меня значит. Поэтому приходится смотреть вот на это. — Она сняла с груди золотой кулон и показала его Итили.

Девочка нахмурилась:

— Это он дал тебе кулон?

— Да.

— И почему ты на него смотришь?

Диана открыла кулон, вытащила сложенный листок бумаги и осторожно развернула.

— Видишь? Он мой муж. — Она протянула листок Итили.

Девочка чуть не поперхнулась. Откашлявшись, она с недоумением посмотрела сначала на Диану, потом на брачный контракт.

— Но... но ты же такая красивая!

Диана улыбнулась:

— Раскоряка тоже.

В тот вечер Итили не думала о работе и не слышала предупреждения, передававшегося вполголоса от одного артиста к другому. Она сидела на стуле, испытывая приступ одиночества, и молча наблюдала за разглядывающими ее посетителями. Кто-то больно ущипнул ее за руку, и девочка повернулась.

— Пузырь, ты зачем меня ущипнула?

— Исчезни, Булочка. Полиция.

Итили испуганно огляделась:

— Где мне спрятаться?

— Уходи со сцены и забейся в уголок потемнее. Шевелись!

Итили встала, сошла со сцены и побежала вниз. Там она отыскала надежное, как ей показалось, убежище у входа, между складками брезента. Девочка затаилась и стала ждать. Когда прошла, наверное, целая вечность, до нее донесся голос Чайне:

— Она где-то здесь, в цирке. Мой брат сказал, что у нее на голове большой белый парик.

Итили замерла.

— Вы, поднимитесь туда! — приказал другой голос, низкий и суровый.

— Да, красавчик? — раздался голос толстухи.

— Где Итили Стран?

— Не знаю никакой Итили Стран, милок, но если ты покупаешь, то я продаю. Девочки, поглядите, какой красавчик, а?

Смех.

— Хватит молоть чепуху. Мне нужна Итили Стран!

— А мне, милок, нужен ты! — Снова смех.

— Эй, приятель, подожди-ка! — взвыл Окостеневший. — Перестань заигрывать с моей женушкой, а то я спущусь и угощу тебя кое-чем.

Хохот.

— Эй, а что ты тут делаешь?

Итили повернулась и увидела маленького мальчика, удивленно таращившегося на нее.

— Уходи.

— Почему у тебя такие волосы?

— Уходи!

Мальчик надул губы, потер глаза и расплакался. Подошедший мужчина положил руку ему на плечо.

— Что случилось, сынок? — Он взглянул на Итили. — Что ты ему сделала?

— Ничего, ни...

Чья-то рука отбросила полог, и перед Итили предстал высокий и сильный офицер долдранской полиции. За его спиной маячил ее дядя. Он улыбался.

Полицейский схватил девочку за руку и вытащил из укрытия.

— Итили Стран, ты арестована по жалобе твоего опекуна.

Она увидела еще нескольких полицейских, двое из которых вели Хозяина к черной машине. Из-за угла выбежали рабочие со штырями в руках. Полицейские взялись за оружие.

— Эй, попридержите коней! — прогремел голос Раскоряки, и в следующую секунду он уже поднялся на сцену. — Бросьте эти палки! Все! Живо!

Штыри полетели на землю. Рабочие смотрели на Итили, полицейских, своего босса.

Девочку потащили к машине. Обернувшись, она закричала:

— Раскоряка, помоги!

Один из рабочих поднял штырь. Последнее, что видела Итили, это прыгнувший со сцены на ослушавшегося рабочего бригадир.

13

Судья с революционной розеткой в черном воротнике обратил бесстрастное лицо к офицеру полиции.

— Какие обвинения выдвигает полиция и в чей адрес они выдвинуты?

Сидевший за боковым столом капитан полиции поднялся и подошел к судье.

— Первое обвинение предъявлено Итили Стран, которая самовольно покинула своего законно назначенного опекуна.

Капитан показал на девочку, стоявшую слева со скованными руками. Рядом с ней стоял Хозяин, тоже в наручниках. Он внимательно наблюдал за судьей.

— Второе обвинение предъявлено Джону О'Харе, который предпринял попытку похищения несовершеннолетней.

Капитан указал на Хозяина.

Судья взял со стола несколько бумаг и протянул их полицейскому.

— Взгляните на это.

Капитан подошел ближе, посмотрел документы и кивнул:

— Да, здесь изложены факты, подтверждающие предъявленные обвинения.

Судья повернулся к Итили и О'Харе:

— Вы получили копии выдвинутых против вас обвинений?

Итили, съежившаяся от страха, кивнула. Хозяин нахмурился:

— Судья, позволено ли, чтобы кто-то представлял нас на этом суде?

Судья утвердительно кивнул:

— Если вы этого пожелаете. Ваш представитель здесь?

О'Хара обернулся и окинул взглядом полупустое помещение. Ни Ловкача, ни Раскоряки не было.

— Извините, судья, но он еще не пришел.

— Тогда мы начнем. — Судья склонился над бумагами. — Когда ваш представитель появится, он сможет выступить в вашу защиту. Итак, обвиняется в оставлении семьи Итили Стран; обвиняется в попытке похищения Джон О'Хара. По обоим обвинениям — со стороны полиции капитан Хансел Мендт, со стороны суда... — он посмотрел на О'Хара, — Антоний Скьявелли.

Итили заметила, как О'Хара шевельнул губами, повторяя фамилию судьи. Обвиняемых отвели на скамью защиты, а слово для выступления было предъявлено капитану полиции. Пока он говорил, О'Хара неотрывно смотрел на судью.

* * *

Вечером, когда Итили и Хозяин сидели в комнате для задержанных, девочка долго наблюдала за О'Харой, который смотрел в окно и думал о чем-то своем.

— Мистер Джон?

Он повернулся и посмотрел на Итили. Широко раскрытые, испуганные глаза с надеждой всматривались в его лицо.

— Дела не очень хороши, да, Булочка?

Итили опустила голову.

— Извините, я знаю, вас втянул Раскоряка...

О'Хара отошел от окна и остановился перед ней.

— Посмотри на меня!

Итили вскинула голову и увидела такое страшное выражение, которого не видела никогда. Может быть, только Горго, горилла из зверинца, умел корчить подобные гримасы.

— Я Джон О'Хара. Никто не может втянуть меня во что-то, если я того не хочу.

— Да, мистер Джон. — Итили помолчала, наблюдая за Хозяином.

Тот снова отошел к окну и задумался.

— Мистер Джон?

— В чем дело? — О'Хара даже не повернулся.

— Кто такой Антоний Скьявелли?

— Судья.

— Я знаю, но кто он? Я видела, что вы смотрели на него так, как будто знакомы с ним.

Хозяин опустил голову, пожевал губы и снова поглядел в ночное небо.

— Если бы ты выступала с гимнастами, то наверняка бы услышала о Скьявелли. Лючелло. Это значит Птица. Так его называли двадцать пять лет назад. — Хозяин повернулся к Итили. — Ты бы видела его на трапеции — огонь в воздухе! Птица по сравнению со Скьявелли просто неуклюжее создание. Как он летал под куполом!..

— Он выступал в вашем цирке на Земле?

О'Хара кивнул и снова уставился в окно.

— Антоний, его жена Клиа, брат Вито — «Летучие Скьявелли». Были с нами два сезона. Два лучших сезона. — Он развел руками. — Все остальное только дополняло их. Народ

приходил посмотреть на «Летучих Скьявелли». — О'Хара потер подбородок. — Антоний и Клиа любили друг друга. Если бы не их известность как гимнастов, они, возможно, прославились бы своей любовью. Это очень давняя история.

— Вито влюбился в Клиа?

Хозяин кивнул:

— Вито работал на подхвате, и когда Клиа дала понять, что не любит его и считает его намеки оскорбительными, он решил избавиться от брата. По крайней мере так думали те, кто знал их. Скьявелли никогда не работали с сеткой. В тот вечер все шло как обычно. Клиа шла первой: раскачивалась, делала переворот в полете и повисала на руках Вито. Затем то же самое повторял Антоний. Пока он летел к брату, Клиа снова шла к перекладине. Они повторяли это шесть или семь раз, очень быстро. — Хозяин пожал плечами. — Может быть, Вито рассредоточился и перепутал сигналы, может быть, решил убить Клиа. Так или иначе, она упала. Я помню эту сцену: братья еще раскачиваются под куполом, глядя вниз, а там толпа уже окружила тело Клиа. Потом они оба спустились, Антоний спокойно подошел к Вито, схватил его за шею и сломал ее. Вито умер мгновенно. — О'Хара покачал головой. — Мы сделали все, что могли, но не сумели доказать вины Вито. Антония приговорили к большому сроку в исправительном поселении. Здесь, на Долдре.

— Мистер Джон, он винит вас в том, что попал сюда?

— Не знаю. На суде он вел себя как сумасшедший — угрожал всем. — О'Хара вздохнул.

— Мистер Джон, что с нами будет?

— Можно только догадываться.

Итили фыркнула, засопела и потерла глаза.

— Жаль, что здесь нет Раскоряки и Дианы. И моих друзей...

О'Хара подошел к ней и положил руку ей на плечо.

— Ловкач и Раскоряка работают, они придумают что-нибудь, чтобы вытащить нас отсюда. Не хотел тебе говорить, потому что может ничего не получиться... В общем, это не имеет сейчас никакого значения.

Итили умоляюще посмотрела на О'Хара:

— Так что делает Раскоряка?

— Он хочет удочерить тебя. Тогда с нас снимут сразу оба обвинения. Но, если даже им и удастся найти того, кто подпишет документы, они не успеют к нужному времени.

— Удочерить меня?

Хозяин кивнул и отошел к окну.

— Итили Тарзак. — Попробовав его на слух, она решила, что новое имя ей нравится.

14

Был уже поздний вечер, когда Итили и Хозяин вновь предстали перед судьей. Капитан полиции угрюмо сидел за столом, сложив руки на груди. Из задней двери появились Раскоряка и Ловкач. О'Хара нахмурился. Бригадир прошествовал к скамьям для зрителей и уселся рядом с Дианой. Его лицо не выражало никаких эмоций. Ловкач посмотрел на Хозяина, пожал плечами и тоже занял место в зале по соседству с Раскорякой. Некоторое время в помещении было тихо, потом из двери появился судья Скьявелли. Как заведено на Долдре, никто не встал.

Судья сел на свое место, положил перед собой какую-то бумагу и повернулся к обвиняемым.

— Мистер Тарзак и мистер Веллингтон заявили мне о намерении мистера Тарзака удочерить тебя, Итили Стран. — Он заглянул в бумагу. — Однако в связи с тем, что заявление было подано после предъявления обвинений и решение по нему еще не принято, оно не может оказать влияния на приговор суда по выдвинутым обвинениям. — Он кивнул капитану полиции. — Сторона обвинения закончила, так что теперь мы заслушаем защиту. — Судья посмотрел на девочку. — Итили Стран, что ты скажешь в ответ на обвинение в оставлении семьи?

Хозяин поднял руку.

— Минутку, Скьявелли! Вы сказали, что мы имеем право на представителя. Где он?

Судья закрыл глаза, побарабанил по столу и лишь затем посмотрел на О'Хару.

— Я уже выслушал вашего юридического советника. На мой взгляд, ему не удалось опровергнуть предъявленных вам обвинений. — Он перевел взгляд на Итили. — Так что ты можешь сказать?

Итили сглотнула и обернулась, чтобы посмотреть на Раскоряку и Диану. Потом она повернулась к судье и сложила руки.

— Я ушла от них. Интересно, а кто бы не ушел? В отделе по распределению детей меня приписали к ферме Чайне. Это все равно что тюрьма. Но теперь... теперь у меня есть... — На глазах у девочки выступили слезы. — Да, я ушла с фермы. И если закон говорит, что это неправильно, то этот закон глупый! Вот и все, что я могу сказать! — Она закрыла лицо руками и прижалась к О'Харе, который обнял ее за плечи.

— Джон О'Хара, — негромко сказал судья, — что вы можете сказать по сути предъявленного вам обвинения?

Хозяин погладил Итили по голове и посмотрел на Скьявелли.

— Она сказала за нас обоих.

Судья молча посмотрел на О'Хару и снова заглянул в бумагу.

— Капитан Мендт, ваше слово.

Капитан рассмеялся и поднялся на ноги.

— Они признают свою вину. Признают все. О чем тут говорить? Законы написаны для того, чтобы позаботиться о многочисленных сиротах, оставшихся после революции. Это хорошие законы. Законы написаны и для того, чтобы наших детей не увозили с планеты и не отдавали на черный рынок. Посмотрите на девочку! Посмотрите на ее волосы! Мы обнаружили бедняжку среди уродов! — Он скривился от отвращения. — Буква закона ясна. Оправдать их — значит надсмеяться над законом и революцией. — Капитан сел и снова сложил руки.

Судья кивнул, прочитал лежащую на столе бумагу и снова обратился к полицейскому:

— Капитан Мендт, мы совершили революцию для того, чтобы построить общество закона, которое служило бы справедливости, а не политикам. Нам не нужны привилегии. И за последние годы мы применяли наши законы со всей строгос-

тью, иногда жестокостью. — Скьявелли пожал плечами. — Возможно, это неизбежная необходимость или революционный пыл. Но революции уже десять лет, капитан. Может быть, сейчас появилось место и для справедливости, к которой мы стремились.

Капитан вскочил на ноги:

— Судья, обвинения доказаны. Нельзя признать этих людей невиновными, не совершив при этом преступления!

Скьявелли кивнул, потом расписался на листке бумаги.

— Капитан, я только что придал силу законного документа заявлению об удочерении Итили Стран. Теперь она законный ребенок Дианы и Мелвина Тарзака.

Несколько человек в зале повернулись к Раскоряке.

— Мелвин?

Бригадир не обратил на них внимания.

— В связи с тем, что Итили Стран удочерена до признания ее виновной в оставлении приемной семьи, обвинение считается безосновательным. — Он повернулся к Итили и О'Харе. — Вы свободны.

Раскоряка и Диана поспешили к девочке, а Хозяин проводил взглядом судью Скьявелли, скрывшегося за задней дверью. О'Хара прошел вслед за ним.

Скьявелли только что опустился на стул и расстегнул воротник.

— Антоний?

Судья поднял голову и улыбнулся:

— Здравствуйте, мистер Джон.

— По-прежнему «мистер Джон», вот как?

— Вы Хозяин. — Судья кивнул, приглашая О'Хару садиться.

— Я должен поблагодарить тебя за то, что ты сделал.

Скьявелли покачал головой:

— Скажите спасибо капитану Мендту. Это он показал, что суду предстоит сделать выбор: вырастет ли девочка на ненавистной ферме или в цирке. — Судья опустил голову. — Я и сам вырос в цирке. Не могу представить для Итили лучшего места, чем «Большое шоу О'Хары». — Он посмотрел на Хозяина. — Закон должен защищать интересы Итили, и это главное.

О'Хара нахмурился:

— Капитан Мендт... может доставить тебе неприятности?

Скьявелли покачал головой:

— То, что я сделал, вполне соответствует букве закона. Вам надо кое-что понять относительно капитана Мендта. — Он вздохнул. — Мы все здесь осужденные, включая и меня самого. Вы не можете представить, какой кошмар ожидал ссыльных на Долдре. Корабль прилетал, садился, открывал люк и взлетал. Абсолютная свобода в некотором смысле. Или полный ужас. Банды воров, убийц, насильников, террористов, маньяков бродили по горам, отбирая все, что им требовалось, воюя между собой, уничтожая всех, кто вставал у них на пути. — Скьявелли пригладил волосы. — Вскоре после моего прибытия на Долдру был сформирован отряд тех, кто хотел, чтобы на планете правил закон, а не сила. На протяжении четырнадцати лет мы боролись с бандитами, а потом и с властями. Сейчас мы располагаем собственными средствами защиты от жестокости, мы ведем торговлю, и никто не считает Долдру проклятым местом. Для капитана Мендта, как и для меня, сделанное нами священно. — Судья пожал плечами. — Но, как любая религия, наша система, вероятно, закрывает глаза на определенные реалии. Нашим законам не хватает гуманности, так что путь еще долгий.

Хозяин кивнул и посмотрел на судью:

— Антоний, а как насчет возвращения в цирк? У нас лучшие воздушные гимнасты, а если ты станешь наставником...

Он замолчал, видя, что Скьявелли поднял руку.

— Нет, мистер Джон. — Судья улыбнулся. — Вслед за красными фургонами... — Его глаза блеснули. — Нет, фургоны уйдут без меня. Я вложил в эту планету много лет жизни. Я не свободен.

О'Хара кивнул. Некоторое время оба молчали, потом О'Хара поднялся:

— Что ж, полагаю, у тебя есть дела поважнее...

Скьявелли тоже встал и посмотрел на Хозяина:

— Не более важные, мистер Джон, но столь же важные. Мы здесь, на Долдре, такие, как есть, потому что такими были. Это мрачное место, и в результате все мы немного мрачные. Возвращайтесь, когда сможете. Нам нужны смех, чудеса и мечта.

Они обменялись рукопожатиями, затем О'Хара направился к выходу. Он закрыл за собой дверь и оглядел пустую комнату, впервые обратив внимание на убогость всей обстановки. Весьма унылая сцена для человека, летавшего когда-то над ликующей толпой. Хозяин провел рукой по грубой поверхности скамьи и улыбнулся, почувствовав легкую зависть.

Раскоряка просунул голову в дверь:

— Вы идете, мистер Джон? Мы сорвем следующее представление, если не поторопимся.

О'Хара кивнул и вышел вслед за бригадиром в спустившуюся на город ночь.

III

МАРШРУТНЫЙ ЖУРНАЛ

15

По земному летоисчислению начался 2144 год, а для «Большого шоу О'Хары» — третий сезон на космическом корабле «Город Барабу». Диввер-Сехин Тхо никогда и мысли не допускал, что будет работать на людей, а с цирком ему сталкиваться не приходилось. Это был вполне благоразумный переводчик в Бюро жалоб в Ааргоу, столице планеты Пендия. Демократы находились у власти менее трех лет, сменив правившую на протяжении двенадцати столетий монархию. Во время революции Диввер сражался на стороне демократов, но, когда колесо реформ низвело Бюро жалоб до состояния почти неуправляемого хаоса, он все чаще ловил себя на том, что желал бы возвращения монархии.

В таком вот расположении духа, чему в немалой степени способствовали истеричные попытки начальника отдела сохранить свой дореволюционный статус путем высасывания из пальца бесконечных и никому не нужных поручений, и ока-

зался в один прекрасный момент Диввер. Устав от суеты, он принялся читать объявления о найме на работу, помещенные в разделе новостей. Нельзя сказать, что он всерьез задумался о том, чтобы оставить занимаемую должность; ему просто хотелось убедить себя в возможности самому принять решение.

Был первый день отпуска, и Диввер полностью погрузился в чтение объявлений, когда его внимание привлекли следующие строчки: «Призыв! Где ты, Билли Пратт? Бородавка Макги, оставайся на месте. Минимальный государственный оклад. Требуется! Одна вакансия! Работа с маршрутным журналом. Читать, писать по-английски, пригодится опыт в истории. Обращаться лично в «Большое шоу О'Хары», Вестховен».

Диввер нахмурился. Космический корабль с цирковой труппой опустился на планету несколько месяцев назад, но сам он в цирк не ходил ни разу. Будучи знакомым с земным языком, называвшимся английским, зная — пусть и поверхностно — историю, а также движимый неутолимым любопытством, он решил отправиться в муниципалитет Вестховена и посмотреть, что к чему.

Взяв напрокат скутер, Диввер быстро добрался до расположенного на окраине Вестховена шапито, но, едва увидев на площадке группу людей, почувствовал себя не в своей тарелке. В ходе революции Земля поддерживала бывшую монархию, лишь вмешательство сил Девятого Квадранта позволило пендианцам самим урегулировать политические разногласия.

В центре площадки стояло огромное сооружение, держащееся на трех шестах и обтянутое брезентом. Художники разрисовывали многочисленные фургоны, украшая их красными и золотистыми листьями и яркими разноцветными зубчатыми колесами. Между брезентовыми сооружениями поменьше разминались артисты — фокусник, женщина, завязывавшая себя узлами, несколько акробатов... Диввер с удивлением наблюдал за ними, когда какой-то человек, распутывавший канаты, выпрямился и повернулся к гостю. Это был громадный мужчина в грубом комбинезоне и шляпе с опущенными полями.

— Помочь?

— О, да. — Диввер взглянул на листок с выписанным объявлением. — Куда мне обратиться по поводу работы?

Человек-гора вскинул брови и перебросил окурок сигареты из одного уголка рта в другой. Опустив брови, он указал большим пальцем куда-то за спину:

— Туда. В казначейский фургон.

Диввер посмотрел в указанном направлении и увидел целый лес ярко раскрашенных фургонов.

— Который из них?

Великан потер подбородок, прищурился и ткнул пендианца в бок пальцем, больше похожим на громадного червяка.

— А вы, случайно, не тот парень, падкий на сладости?

Диввер отступил, потирая бок.

— Понятия не имею, о чем вы говорите!

Гигант еще раз потер подбородок и кивнул:

— Хорошо вы изъясняетесь. — Он протянул руку, на ладони которой могло запросто уместиться столовое блюдо. — Меня зовут Раскоряка. Я бригадир.

Дивверу уже приходилось видеть этот забавный ритуал рукопожатия. В следующий момент пальцы пендианца оказались стиснутыми с невероятной силой.

— А меня зовут... ох!.. Диввер-Сехин Тхо.

Раскоряка кивнул и ослабил тиски. Пендианец помахал рукой.

— Диввер-Сайхин... ладно, это ненадолго. Будете работать с маршрутным журналом?

— Я ищу место.

Раскоряка повернулся к фургонам:

— Пойдемте, я отведу вас к Хозяину.

Они пересекли площадку и остановились у белого с золотым фургона с покóсившимся зарешеченным окошком.

Раскоряка поднялся по ступенькам и толкнул дверь.

— Мистер Джон, к вам пришли.

Дверь открылась: за ней стоял немного полноватый, но очень высокий мужчина в пестром клетчатом пиджаке и брюках, лысый и белобородый. Человек посмотрел на Диввера и сделал жест, приглашая его войти.

— Заходите и присаживайтесь куда-нибудь. Я вас оставлю на минуту. — Он прошел в глубь фургона.

Диввер кивнул великану, уже спускавшемуся по ступенькам:

— Спасибо.

Раскоряка помахал рукой и направился к своей груде канатов. Диввер сглотнул, поднялся по ступенькам и вошел в фургон. Внутри почти все пространство занимали четыре письменных стола, стеллажи и ящики. Там, где стены были свободны от мебели, бюллетеней и окон, висели яркие рисунки диких зверей, каких-то странных людей и золотисто-белого космического корабля, украшенного необычными узорами. В дальнем углу фургона в комфортабельном кресле сидел белобородый человек. Рядом с ним стоял высокий, худой мужчина в черном костюме. Отыскав взглядом свободный стул, Диввер опустился на него и выжидающе посмотрел на людей.

Бородатый кивнул худому:

— Валяй, Ловкач.

— Так вот, мистер Джон, я ценю ваше предложение, но дорога уже утомляет старика. На «Барабу» я чувствую себя неплохо, однако путешествовать по планетам — это уж слишком.

Мистер Джон покачал головой:

— Не хочу терять тебя. Ты лучший в своем деле.

— Был, мистер Джон. Был. — Худой покачал головой. — Мне тоже неохота уходить и оставлять вас в состоянии войны с «Арнхайм и Бун», но ничего другого не остается. Мне нужно отдохнуть.

— Ты уверен, что все решено?

Ловкач кивнул:

— Дело не представляло никакого труда. — Он пожал плечами. — Эти ребята настоящие простофили.

Мистер Джон сложил руки на животе и улыбнулся:

— Не будешь скучать без цирка?

— Уверен, что буду. Надеюсь только, что работа окажется интересной. Она не связана с цирком, но такому, как я, разводиле есть чем заняться.

О'Хара поднялся и протянул руку:

— Удачи тебе и не забывай о нас.

Худой пожал руку мистеру Джону, повернулся и вышел из фургона. Диввер поднялся и приблизился к столу, за которым сидел белобородый.

— Меня зовут Диввер-Сехин Тхо. Я пришел по объявлению.

Некоторое время Хозяин смотрел куда-то вдаль, затем перевел взгляд на посетителя. Диввер увидел, что под густыми белыми бровями у него голубые глаза.

— Диввер-Сехин Тхо. Что ж, это ненадолго... Знаете английский?

— Да. — Пендианец посмотрел на дверь и опять на Хозяина. — Вы не возражаете, если я задам вопрос? Кто такой разводила?

— Советник по юридическим вопросам. Занимается тем, чтобы нас не запретили, работает с полицейскими, политиками. Не знаю, удастся ли когда-нибудь найти ему замену. — Он подался вперед, поглаживая бороду. — Разбираетесь в законах? Знаете, как положить сахар, чтобы было послаще?

Пендианец пожал плечами:

— Нет. Я пришел по объявлению. Вам нужен умеющий читать, писать и говорить по-английски. Я занимаюсь этим в Бюро жалоб.

— Хм. — Хозяин откинулся на спинку стула. — Так как, вы говорите, вас зовут?

— Диввер-Сехин Тхо.

— Хм. — Хозяин погладил бороду. — Послушайте, Диввер, я думал о человеке... землянине.

— Мне представляется, что у вас неправильная точка зрения. Те существа, которых я видел на площадке... многие из них едва ли похожи на людей!

О'Хара рассмеялся и кивнул:

— Да, у нас тут разнообразие размеров и форм.

— Особенно это касается той, с двумя головами.

— О, На-На выступает в детском шоу. Тем не менее она человек. — Хозяин подался вперед. — Мне нужен кто-то, кто занимался бы маршрутным журналом. Наш цирк первым ступил на звездную дорогу. Прошло всего два года, а уже более тридцати компаний, называющих себя шапито, занимаются тем же самым. Большинство из них не с Земли, но и те, которые оттуда, представляют собой не более чем летающие выставки технических трюков. — Хозяин ткнул пальцем в сторону Диввера. — Я не желаю, чтобы труппа забыла о том, что такое настоящий цирк.

— Но какое это имеет отношение к маршрутному журналу? — спросил Диввер.

О'Хара снова откинулся на спинку стула, расстегнул пуговицы пиджака и оттянул желтые широкие подтяжки.

— Так вот, Скивви, маршрутный журнал — это регистрационный журнал цирка. Что-то вроде судового журнала. В него ежедневно вносятся записи, которые показывают, где мы находимся, что происходит, в какой мы форме. — О'Хара щелкнул подтяжкой и снова ткнул пальцем в сторону Диввера. — Но от своего вахтенного я хочу большего, будь он человек или... не человек. Я хочу, чтобы журнал стал летописью. Мне нужен тот, кто напишет историю нашего цирка. Ну, как?

Диввер почесал подбородок.

— Интересно, что случилось с тем, кто занимался этим раньше.

— Убит на Масстоуне. В конце прошлого сезона. — О'Хара нахмурился. — Потом журнал вел я, но у меня получается не так, как хотелось бы. — Он изучающе посмотрел на пендианца и, подумав, кивнул: — У вас, пендианцев, как я слышал, хорошее зрение.

Диввер подался вперед и, понизив голос, произнес:

— Должен сказать, у меня есть серьезные сомнения насчет этой должности.

— Какие сомнения?

— Помимо прочего, я воевал против людей во время революции. Не окажусь ли я объектом враждебности?

Хозяин громко рассмеялся и покачал головой:

— Нет. Успокойтесь, Скиввер. Наша цель — развлекать, а не сводить счеты. Видите ли, мы должны обращаться ко всем, а значит, быть вне политики. — О'Хара щелкнул второй подтяжкой. — Это нерушимый принцип. — Он ухватился за лацканы пиджака и уставился через кустистые брови на потолок. — Чужак будет работать с маршрутным журналом... Что ж, возможно, это как раз то, что нам требуется. — Хозяин взглянул на Диввера. — Вы станете обращать внимание на те мелочи, которые нами принимаются как само собой разумеющееся, а мне не хотелось бы их терять...

Дверь открылась, и в нее просунулась голова бригадира.

— Мистер Джон, мои ребята пришли с участков. До конца дня я поставлю их на фургоны.

— Старый брезент залатали? Нельзя, чтобы завтрашнее представление задержалось.

— Все сделано. Дорога еще чиста?

О'Хара покачал головой:

— Ты видел на площадке того сластену?

— Да. Он тут болтается уже минут десять. — Раскоряка посмотрел через плечо. — Вон, пришел. — Бригадир остался у двери, словно охраняя вход.

— Мне нужно увидеть владельца цирка, — раздался голос с сильным пендианским акцентом.

Раскоряка отступил в сторону и протянул руку в направлении О'Хары.

— Вот он сам. — Бригадир рассмеялся и вышел, а пендианец поднялся по ступенькам и остановился у входа.

Посетитель посмотрел на Диввера, нахмурился и поклонился, как принято на Пендии, когда старший приветствует младшего. Диввер едва заметно кивнул в ответ. Посетитель задержал взгляд на Диввере и сказал:

— Я Мизан-Нье Крав, служащий отдела по надзору при муниципалитете Вестховена.

— Диввер-Сехин Тхо.

Крав повернулся к О'Харе, потом снова взглянул на Диввера:

— Могу я спросить, почему вы здесь?

— Можете. — Диввер начал закипать. Вот в чем дело! Вот что имели в виду люди, когда говорили о сладкоежке. Крав не давал разрешения на выступление, дожидаясь взятки. Наверное, принял его за следователя.

— Итак, почему вы здесь?

— Это не ваше дело.

О'Хара усмехнулся:

— Ну-ну, Скивви, не надо так разговаривать с высокопоставленным чиновником муниципалитета. — Хозяин повернулся и посмотрел на Крава. — Скивви пришел сюда получить работу. А вы что подумали, Краб?

— Крав, мистер О'Хара. — Чиновник сложил руки на груди и высокомерно взглянул на Хозяина. — Судя по афишам и плакатам, развешанным и расклеенным по всему городу, вы намерены провести парад и премьерное выступление по расписанию.

О'Хара кивнул:

— Верно. Вы очень наблюдательны. — Хозяин повернулся к Дивверу. — Я же говорил, что у пендианцев острое зрение.

— Мистер О'Хара, — заговорил Крав, — мне казалось, что мы достигли взаимопонимания.

О'Хара развел руками:

— Что я могу поделать, Краг? Они же просто тупицы. Я им повторяю раз за разом, но до них никак не доходит.

Крав прищурился.

— Я уже говорил, О'Хара, — ни парада, ни шоу... если только не будут выполнены определенные условия.

Он повернулся, промаршировал к двери и оттуда посмотрел на Хозяина.

— Только появитесь на улицах Вестховена или впустите в палатку хоть одного зрителя, и я вас всех арестую!

Когда Крав вышел, О'Хара усмехнулся и повернулся к Дивверу:

— Итак, что у нас?

Диввер, проводивший взглядом соотечественника, нахмурился:

— Негодяй! Он требует от вас денег! О нем нужно сообщить в Бюро жалоб...

Хозяин поднял руку:

— Придержите-ка коней. Кравом занимаются. Мы говорили...

Диввер пожал плечами:

— Вы объясняли мне, что цирк вне политики, когда нам помешал этот... Раскоряка, сообщивший, что его люди вернулись с участков. Разве люди голосуют на муниципальных выборах?

О'Хара поднял брови и поджал губы.

— Они находятся здесь достаточно долго, чтобы получить такое право. А что, не должны?

— Вы ведь говорили, что цирк вне политики.

— Я же не могу запретить им голосовать, так? — Он пожал плечами. — Кроме того, все три вестховенских кандидата приходили сюда и предлагали приличные деньги за голоса труппы.

Диввер поднялся.

— Покупка голосов! Это... позор! Пережить лишения революции, чтобы...

О'Хара поднял руку:

— Успокойтесь, Скивви. Вам не из-за чего расстраиваться.

Диввер опустился на место.

— Если вы отправитесь с нами, то увидите кое-что похуже.

Диввер сложил руки на груди и фыркнул:

— Вы знаете, чьи кредиты купят эти выборы?

— Давайте посмотрим. Каждый кандидат обещал по пять кредитов за участие в голосовании. Это пятнадцать. Ну как пройти мимо таких легких денег! Люди берут кредиты, а потом используют возможности тайного голосования.

Диввер снова поднялся, заложил руки за спину и начал расхаживать перед столом Хозяина.

— Это возмутительно! Да, возмутительно. Революции всего три года, а коррупция уже процветает! Взятки, подкуп избирателей... — Он остановился и посмотрел на О'Хару. — Я должен сообщить об этом! Все эти...

Хозяин покачал головой:

— Нет. Мы решаем подобные вопросы по-своему. Мы никогда не зовем полицию. — О'Хара пожал плечами. — Кроме того, от полицейских потом не так легко отвязаться. Гораздо лучше, если делом занимается Ловкач.

Диввер сел.

— Что же он может предпринять? Я не понимаю...

— Это вроде того, как мы выходили на орбиту вокруг Мастоуна в прошлом сезоне. Сейчас орешки щелкать трудно, и...

— Орешки?

О'Хара покачал головой и поднял брови.

— Господи, да откуда вы свалились? Орешки — это то, во что нам обходится каждый день работы. Нам ведь приходится много платить — за топливо для шаттлов, за продукты, рабочим, за обслуживание. А еще всякие налоги, сборы, пошлины... В общем выходит до сорока девяти тысяч кредитов в день. Это и есть наши орешки.

— Понятно.

— Так вот, как только мы выйдем на орбиту и развернем шапито, вы увидите, почему нам приходится платить по полной программе.

— По полной программе?

— Ну да, я же сказал. В общем, едва мы прибыли на Масстоун, как на нас сразу набросились эти специалисты по вымогательству. — О'Хара подался вперед и ткнул в сторону собеседника толстым пальцем. — Я понимаю, что чиновникам платят мало и наша помощь им весьма кстати, но вымогатели — совсем другое дело. Мы не идем на уступки. Это принцип.

Диввер решил, что перед ним принципиальный человек.

— И что вы сделали?

— Ловкач отправился на планету на нашем рекламном шаттле и заказал новые афиши, постеры и все такое. — О'Хара потянул себя за бороду, покачал головой и усмехнулся. — Понимаете, мы уже несколько недель вели на Масстоуне рекламную кампанию, и любители половить рыбку горели желанием поскорее встретиться с нами. Ловкач разослал рекламных агентов по всем большим городам, везде висели афиши, все средства массовой информации только и трубили о скором представлении. И тут нам говорят, что ничего не получится из-за трудностей с получением разрешения. — Хозяин хлопнул себя по колену. — Через неделю Масстоун оказался на грани революции, и власти умоляли нас поскорее начать выступление. Ни о каких разрешениях уже и речи не было. Ну, мы сели, подумали и кое-что придумали. Понимаете?

— Не уверен. Вы отказались выступать?

О'Хара расплылся в довольной улыбке:

— Нет, мы согласились, но только после того, как нам заплатили двести тысяч кредитов.

— Вы хотите сказать...

— Да, мы их нагрели.

Хозяин посмотрел на пендианца, ожидая его реакции. Диввер только кивнул:

— Теперь я понимаю, почему вам так не хватает мистера Ловкача.

О'Хара усмехнулся:

— О, я мог бы рассказать о нем тысячи таких историй. Сейчас мы ищем другого разводилу, Билли Пратта, но не знаю, смогу ли заманить его к нам.

Дверь фургона открылась, и на пороге возник бойкий парень в красном пиджаке с черными лацканами и в чер-

ных брюках, заправленных в до блеска начищенные черные сапоги.

— Хозяин, я привел ребят с участков. Вы уже определили порядок парада?

О'Хара покопался в разложенных на столе бумагах, вытащил какой-то листок и передал вошедшему, после чего повернулся к Диввeру.

— Сэм Сарасота, наш режиссер конных номеров. Сэм, познакомься со Скивви-Сеин Тоу.

Диввер поднялся и протянул руку, тут же пожалев об этом — Сэм чуть не раздавил ему пальцы.

— Меня зовут Диввер-Сехин Тхо.

Сэм улыбнулся:

— Ну, это ненадолго.

— Скивви будет заниматься маршрутным журналом.

— Пока только думаю...

Сэм взял листок и повернулся к О'Харе.

— Я этим займусь.

О'Хара кивнул, и Сэм вышел из фургона. Диввер посмотрел на Хозяина.

— Если я соглашусь, сколько вы будете мне платить?

— Восемьдесят в неделю и полный пансион.

К тому времени, когда пендианец, вернувшись домой, выспался и подумал над сделанным ему предложением, перспектива скитания по Квадранту подобно какому-нибудь кочевнику, да и еще в компании весьма необычных существ, показалась ему глупой. Это чувство усиливала обещанная оплата, которая была вдвое ниже, чем его заработок в бюро. Диввер представил себя на месте Ловкача — старый, уставший, заброшенный на чужую планету в самом конце жизни... Помимо всего прочего, английский Хозяина не вполне соответствовал уровню полученного Диввером образования.

Несмотря на бессмысленность своего пребывания в бюро и тускнеющий блеск идеалов революции, Диввер решил, что нельзя ожидать от жизни многого и следует вернуться после окончания отпуска в бюро. Случайно ему пришла в голову мысль познакомиться с последними новостями...

Отсмеявшись и поднявшись с пола, пендианец уже знал, что возьмется за новую работу. Диввер-Сехин Тхо последует

за красными фургонами в их пути по странным, непредсказуемым мирам.

Новость, сыгравшая столь значительную роль в его жизни, представляла всего лишь отчет о муниципальных выборах в Вестховене. Три кандидата, боровшихся за власть с самого начала, потерпели поражение от выдвинутого и зарегистрированного в последний момент новичка. На фотографии, размещенной рядом с текстом, был изображен немолодой уже победитель, одетый в черный костюм. Его большие водянистые глаза смотрели на читателя. Цирк получит разрешение на выступление, Вестховен увидит парад, а Ловкач найдет, чем заняться на склоне лет... в роли мэра Вестховена. Как сказал он сам, это не цирк, но дел у разводилы найдется немало.

16

На исходе третьего вечера работы с «Большим шоу О'Хары» Диввер-Сехин Тхо забрался в административный фургон, который как раз загружали в шаттл для переброски к очередной стоянке. Он сел за отведенный ему стол, расположенный неподалеку от стола казначея, подавил зевок усталости, поднял ручку и начал писать.

МАРШРУТНЫЙ ЖУРНАЛ «БОЛЬШОГО ШОУ О'ХАРЫ»

1 мая 2144 г.

Хозяин настаивает на употреблении в маршрутном журнале земного летоисчисления, и мне приходится постоянно спрашивать, какое сегодня число, потому что таблицей соответствия дат меня никто не обеспечил. Я спросил, почему так важно земное время, ведь все учреждения в Квадранте пользуются Галактическим Стандартом. Он ответил, что если мы не

будем пользоваться земным временем, то не будем знать, когда заканчивать сезон. Я предложил перейти на Стандарт, но Хозяин считает, что если обозначить первое мая — день начала циркового сезона — цифрами 12.04, то получится бессмысленно и сухо.

Прискорбно, что я так быстро привыкаю к цирковому жаргону. Канаты — «ленты», главный вход — «8-я авеню», исполнители — «чудаки»... Многие выражения, похоже, предназначены лишь для того, чтобы смутить зрителей, но в то же время они странным образом объединяют работающих в цирке в некое сообщество. Так, представление Зельды называется: «Мадам Зельда, предсказательница, хиромантка и медиум, исследует прошлое и будущее, используя обширный арсенал Темных Сил». В цирке оно именуется «кулачный сустав». «Рай Розового Лимонада» — «сочная забегаловка»; и, увидев производство напитка, я поклялся себе, что лучше умру от жажды и получу солнечный удар, чем выпью хоть один глоток. Тем не менее зрители поглощают его в огромных количествах. Ласка, парень, ответственный за разлив напитка, объяснил, что кусочки лимона, плавающие на поверхности этой ужасной смеси, называются «приманкой», и похвастал, что запасов лимонов ему хватит до конца сезона.

Пока что мы придерживаемся графика, у нас была лишь одна отмена представления (из-за урагана) и две стычки с горожанами. Лошадиное фортепьяно (англоязычные называют его «каллиопа») наконец-то починено, и его жуткие звуки снова терзают наши бедные уши. Хозяин хочет, чтобы к Вистунье все было в порядке.

Как сказал Джон О'Хара:

— Ты должен понять, Бородавка (так меня теперь зовут), цирк обращается ко всем, независимо от пола, возраста, расы, религии, морали и прочего. На Вистунье жителей раздражает грязь. Мы можем пройти всей труппой голыми вокруг арены, и никто не обидится, если мы будем чистые. Но грязь? Никогда. Все это надо помнить, выбирая маршрут.

— Маршрут выбираете вы?

— Нет, это делает Джек Сэвидж, Крыса. Он опережает нас почти на год. Джек держит связь через главного агента и подсказывает, чего стоит опасаться на той или иной планете, ка-

кие там табу. Поэтому запомни: если в дело вмешивается политика, расизм, религия, мы в нем не участвуем. Это наш принцип. Так мы поддерживаем традиции старого цирка, Бородавка, — принципами.

— Хозяин, но мне представляется, что пендианцы воспримут участие Ловкача в выборах в Вестховене именно как политику. Как быть с этим вопросом?

О'Хара вскинул бровь, поджал губы, посмотрел на меня и пожал плечами:

— Ну, Бородавка... надо же быть гибким.

Клички в цирке, даже ужасно нелестные, не являются причиной для обид. Они происходят от каких-либо физических особенностей, прежних занятий или даются случайно. Меня прозвали Бородавкой из-за наростов, имеющихся у любого пендианца. Раскоряка Тарзак имеет особую походку, у Квак-Квака, пресс-агента, специфический голос. Дурень Джо получил кличку по каким-то неясным причинам, потому что, на мой взгляд, этот парень ничуть не глупее других рабочих. Как бы там ни было, именно Дурень Джо рассказал мне о том, как возникла кличка Растяжка.

РАССКАЗ ДУРНЯ ДЖО

Я бы ничего не рассказал, если бы мы работали с главным куполом; Раскоряка не любит, когда это рассказывают при нем. Но сначала тебе надо узнать кое-что о нашем бригадире. Его родители родом из Польши, поэтому шесты главного шатра и называются так странно: Паддевски, Вассакуски и в таком же духе. Чтобы натянуть брезент на эти шестидесятифутовые шесты, мы используем слонов. Когда Раскоряка командует, он все время кричит: «Тяни на Паддевского... придержи Пэдди, тяни на Вассакуски...» Слоны тянут канат, брезент поднимается. Но, понимаешь, чтобы выучить все эти слова, надо немало поработать, а Растяжка их совсем не знал.

По-моему, это было на нашей третьей или четвертой стоянке на Оккаме. Рабочих не хватало, а тут еще ураган расколол два центральных шеста главного шатра. Раскоряка нанял несколько новичков, и одним из них оказался Растяжка. Ты

посмотри на Растяжку и сразу поймешь, почему он приглянулся бригадиру. Приятный на вид парень, большой, сильный и простак, каких поискать.

Растяжка — его тогда звали Ансель — определился к Жирному Баггу, и все шло отлично, хотя Жирный был малость «под мухой». Поставили шесты, растянули и подвязали брезент. Жирный вместе с Анселем, слоном и погонщиком взялись за Чо-пан, это третий шест. Раскоряка расставил всех по местам и кричит: «Тяни на Паддевского!» Первый слон подтягивает тент на пятнадцать футов. «Стой! Тяни на Вассакуски!» В общем, дело понемногу движется. Но тут Жирный Багг хлопает Анселя по плечу и говорит, чтобы тот справлялся без него. Сам отходит в сторонку и укладывается на травку.

«Тяни на Чо-пан!» — кричит Раскоряка. Никто не тянет. «Тяни на Чо-пан!» — опять командует Раскоряка, и опять ничего. Тогда он просовывает голову под брезент и видит, что слон стоит на месте. Бригадир показывает на него пальцем и орет: «Эй, проснитесь и тяните!» Ансель делает знак погонщику, слон начинает тянуть. «Придержи Чо-пан!» — командует Раскоряка, но брезент все ползет вверх.

Ну вот, тент затянули футов на тридцать. Раскоряка бежит к третьему шесту, приказывает погонщику остановиться и поворачивается к Анселю. «Ты что, оглох? Я же сказал придержать! Где Жирный?»

«Там», — показывает Ансель.

Раскоряка подходит и дает Жирному хорошего пинка.

«Двигай к казначею, Жирный, и получи расчет». Потом он зовет Синего Пита и ставит на место Анселя.

«А мне что делать?» — спрашивает парень. Раскоряка смотрит на него, чешет подбородок и говорит: «Сейчас мы будем ставить боковые шесты, а они у нас не того размера. Иди найди Косоглазого Майка и возьми у него растяжку для шеста». Ансель убегает, а Раскоряка качает головой и снова принимается за дело.

Ну, вот... Косоглазый Майк посылает Анселя к Зверю, тот — в грузовой фургон, оттуда его отправляют к завхозу. По-моему, Ансель все-таки понял, что если он что и растянет, то только собственные ноги.

Да, мы уже поставили примерно половину шестов, как вдруг появляется Ансель. На тракторе. И тянет за собой платформу.

На платформе здоровенный ящик с надписью «Растяжка для шеста». Раскоряка подходит к трактору, Ансель вылезает из кабины и говорит: «Ну вот, Раскоряка, то, что надо. Едва нашел».

Бригадир хмурится, потом подходит к ящику. Оттуда вдруг доносятся вой, визг, и ящик начинает раскачиваться. Из ящика появляется громадная волосатая рука. На каждом пальце коготь размером с нож. Она шарит вокруг, потом исчезает внутри. Раскоряка поворачивается к Анселю и говорит: «Что это?»

«Это и есть ваша растяжка для шеста. Открывайте и увидите, что шест растянут как надо».

Ну, Раскоряка постукивает ногой по земле, складывает руки на груди, сердито смотрит на парня и говорит: «Что ж, хорошая работа, только... похоже, у нас все шесты нужной длины. Верни ее на место».

Ансель прыгает в трактор и уезжает. С тех пор его и зовут «Растяжка». Сходи как-нибудь в зверинец, и тебе покажут то четырехтонное чудище с когтями, которое мы прихватили на планете Хессиф. Тварь оказалась слишком злобная, пришлось от нее избавиться. И как только Растяжке удалось сунуть ее в тот ящик?

2 мая 2144 г.

Сегодня мы закончили выступления в Вортнагге, загрузились и отбыли на корабле к следующей цели. Это четвертая планета в системе Гурав, называется она Уоллаби. Хозяин отправил меня с последним шаттлом, чтобы я мог понаблюдать за всем процессом. Должен признаться, всего я так и не увидел. Я спокойно сидел, думая, что досмотрю представление до конца, но не тут-то было. Еще половина зрителей не вышли из главного шатра, как рабочие повалили внутрь.

Меня выгнали на улицу вместе со всеми, а когда я вышел, то с изумлением обнаружил, что многих палаток, включая зверинец, уже нет. Я вернулся в главный шатер. Зрители ушли, и около трехсот рабочих снимали внутреннее оборудование. Складывающиеся платформы, на которых сидели зрители, загружались в поджидающие фургоны, сцены разбирали и тоже грузили в фургоны. Электрики отключили свет и снимали прожектора и стойки. Погонщики гнали слонов к шестам, под-

держивающим середину купола. Стало темно, и я поспешил наружу, не испытывая желания оказаться растоптанным.

Я был недалеко от того места, где находился главный вход, когда отъехали последние фургоны и ушли слоны. Бригадир скомандовал: «Отпускай!» Меня ударила воздушная волна, разнесшая по сторонам смешавшиеся воедино запахи цирка, и купол рухнул, чуть не придавив шестерых рабочих, выскочивших из-под падающего брезента в последнее мгновение. Еще не улеглась пыль, как десятки человек прыгнули на тент и принялись развязывать веревки, соединявшие секции. Не прошло и минуты, как их скатали и уложили в отдельные фургоны. Потом сняли шесть центральных шестов, а бесчисленные штыри и распорки просто сгребли тракторами и тоже погрузили в фургоны.

Город внезапно исчез. Я стоял на опустевшей площадке, а ветерок разносил клочки бумаги. Кто-то положил руку мне на плечо. Я повернулся и увидел незнакомое морщинистое черное лицо.

— Для вас это, наверное, в первый раз?

Я кивнул:

— Никогда не видел ничего подобного и...

Незнакомец поднял руку и показал на отъезжающие фургоны.

— Вам лучше поторопиться. Шаттлы улетят минут через двадцать.

— А вы?

Он покачал головой:

— Я Тик-Тик, человек, который не спит. Мне нужно остаться, чтобы убрать здесь все и убедиться, что город не имеет претензий к цирку.

Я посмотрел на фургоны.

— Но как вы попадете на корабль?

— Я и не попаду. Доберусь до следующей стоянки отдельно. Девять лет я с мистером Джоном и ни разу не видел представления целиком.

Он кивнул, и я побежал к фургонам. К шаттлу № 9 я успел как раз тогда, когда в него загружали шестидесятифутовый центральный шест.

* * *

Времени пялиться на «Город Барабу» не было. Едва шаттл пристыковался к корме корабля, как меня срочно вызвали для доклада в каюту мистера Джона. Поток людей захватил меня и понес, и я каким-то образом добрался куда надо. Дверь была открыта, и я вошел. Мое появление не прошло незамеченным — Хозяин поднял бровь, удостоил меня беглым взглядом и снова погрузился в чтение каких-то бумаг. У стола уже стояли двое, а когда в каюту протиснулись Раскоряка и еще один мужчина, то в крохотном помещении стало не протолкнуться.

Хозяин поднял голову и кивнул Раскоряке:

— Закрой дверь. Когда поговорим, позови Зазывалу и Грузчика.

Раскоряка повернулся, нажал кнопку, и дверь с легким свистом закрылась.

— Что случилось, мистер Джон?

Хозяин посмотрел на меня:

— Бородавка, это Джек Крыса, наш маршрутный, и Растяжка Дирак, он старший первого шаттла.

О'Хара указал в сторону стоящих у стола мужчин.

— Раскоряку ты знаешь, а парень, который пришел с ним, Лысый Вилли, пилот и старший экипажа «Барабу». — Он показал на меня. — А вот Бородавка.

Я решил не обращать внимания на это напоминание о моей, отличной от человеческой, коже и кивнул остальным.

Хозяин посмотрел на Крысу:

— Расскажи.

Джек Крыса повернулся к нам:

— Два пункта. На Уоллаби зреет гражданская война. А «Шоу Эйба» хочет опередить нас и сорвать наше выступление.

Раскоряка присвистнул и покачал головой:

— Как ты думаешь, Крыса, начнут там стрелять, пока мы будем выступать?

Крыса пожал плечами:

— Точно никто не скажет, но обстановка накаляется. — Он повернулся к О'Харе. — Что с «Шоу Эйба»? Если «Арнхайм и Бун» узнают о политической ситуации, то, может быть, отложат дуэль до другого раза?

Хозяин улыбнулся и закрыл глаза.

— Они знают. — Он снова открыл глаза. — Информация к ним идет оттуда же, откуда и к нам. Думаю, Арнхайм узнал о восстании раньше и решил воспользоваться войной с выгодой для себя.

Крыса развел руками.

— Ну так что, плюнем на эту планету и поищем травку позеленее или все же ударим по ним?

Хозяин на мгновение опустил голову, а когда посмотрел на нас, в его глазах горел огонь.

— Мы выступим на Уоллаби, как и планировали. Маршрут, контракты, реклама — все подготовлено. Чтобы внести изменения, нам нужен месяц или еще больше, а это дает Карлу Арнхайму именно то, что ему нужно, и при этом он даже кулаки не разобьет. — Хозяин повернулся к бригадиру. — Раскоряка, можешь выделить с десяток своих ребят Растяжке? Я хочу, чтобы мы нанесли упреждающий удар.

Раскоряка кивнул:

— Да уж, дельце будет веселенькое, но мы управимся.

— Хорошо. — Мистер Джон посмотрел на меня. — Бородавка, пойдешь с авангардом.

— Я?

— Да, ты. Рекламщикам придется повоевать, и я хочу, чтобы ты все записал. — Он взглянул на Лысого Вилли. — «Город Барабу» необходимо защитить любой ценой. Я не хочу, чтобы Арнхайм даже близко к нему подошел.

— Не беспокойтесь, мистер Джон. — Лысый Вилли кивнул. — Никто не знает это корыто лучше, чем я.

Хозяин постучал по столу:

— И не забывай, что корабль построили на верфи Арнхайма. — Он снова углубился в бумаги. — Это все.

Когда мы вышли из каюты, Растяжка, здоровенный, крепкий мужчина, схватил меня за руку и потащил за собой.

— Подождите, мне же надо собрать вещи!

— Нет времени, Бородавка. Нет времени. У нас, в «Авангарде», никогда нет времени.

17

3 мая 2144 г.

«Авангард» — это рекламное подразделение цирка. Во время межпланетного перелета оно размещается на рейдере под названием «Блицкриг». При нем имеются четыре шаттла: «Ядро», «Гром-Птица», «Стрела» и «Боевой орел». Как мне сказали, так назывались рекламные повозки ныне не существующего «РБ и ББ Шоу». Воинственные названия шаттлов могут создать у кого-то впечатление, что «Авангард» играет роль некоего боевого отряда. В некотором смысле так оно и есть.

До того как «Город Барабу» покинул орбиту, последний шаттл «Блицкрига», в данном случае «Боевой орел», взмыл с поверхности Пендии, унося с собой Тик-Тика. Едва он пристыковался, как «Блицкриг», опережая «Барабу», ушел к планете Уоллаби. Затем состоялось то, что можно было бы назвать собранием совета по стратегии рекламной фирмы, а на «Блицкриге» было заседанием военного совета.

В маленькой кают-компании собрались Растяжка Дирак, четверо менеджеров, Кулачище Билл Рис, босс Бригады противодействия и я. Растяжка поздоровался со всеми и уселся за стол. Мы тоже расселись вокруг стола, и Дирак перешел к делу:

— «Шоу Эйба» намеревается сорвать наше выступление на Уоллаби, и вы все знаете, что это для нас означает. Будут лепить свои афиши поверх наших, прогонять наших агентов, а если они намного опередят нас, то могут возникнуть трудности с получением рекламных щитов, разрешений на расклейку афиш...

Оскар по кличке Бельмо, менеджер «Ядра», поднял руку и тут же опустил ее на стол.

— Растяжка, действуем так же, как на Масстоуне?

— Для тебя все будет по-прежнему. Мне не хочется оставлять тебя без штанов, Бельмо, но думаю, что ребята из «Шоу Эйба» ударят по трем последним командам. По тем, где бумага. — Он повернулся к Кулачищу Биллу. — Кулачище, двадцать парней отправь на «Гром-Птицу», двадцать — на «Стрелу», а остальных шестьдесят — на «Боевого орла».

Менеджер «Гром-Птицы» покачал головой:

— Растяжка, ты же знаешь, что они будут ждать нас, а когда мы примемся за работу, то натолкнемся на самый жестокий отпор. Двадцати не хватит. У меня меньше восьмидесяти человек, включая экипаж, расклейщиков и прочих.

Растяжка кивнул:

— Я собираюсь использовать «Боевого орла» в качестве резерва. — Он посмотрел на Ивана, менеджера «Боевого орла» по кличке Шесть Подбородков. — Кроме своей команды, ты сможешь взять контролеров и Тик-Тика, но большую часть времени тебе придется провести в воздухе, наготове. Ищи неприятностей, а не найдешь — сам организуй. — Он оглядел собравшихся. — Я буду со всеми по очереди. Не забывайте поддерживать радиосвязь. Хозяину нужна чистая победа, а я хочу, чтобы в «Шоу Эйба» никогда не забыли, что связались с нами.

Потом мы с Растяжкой поработали с файлами по планете Кенгуру. «Большое шоу О'Хары» не бывало там прежде, а потому информации оказалось мало. Нитады, доминирующая раса, — это сутулые существа яйцеобразной формы. Спину их защищает толстый сегментный панцирь, а передвигаются они на двух ногах. Из-под панциря торчат руки с двумя пальцами на каждой.

Кенгуру — ближайшая к Пендии планета, и я неплохо знаю ее историю еще со времен учебы, да и в новостях о ней сообщали часто. Летописание началось у нитадов еще двадцать тысяч лет назад, и за все это время не зарегистрировано ни войн, ни революций, ни восстаний, что породило такие выражения, как «иметь сердце нитада», то есть быть мирным и спокойным, и «обладать смелостью нитада», то есть быть трусом.

Тем не менее правящий класс нитадов пошел по старому как мир пути: возомнив, что ему угрожают, он принялся уничтожать оппозицию с помощью самых разнообразных репрессивных мер, включая тюремное заключение, запрет местных выборов (хотя кандидаты представляли только этот же самый правящий класс), полную ликвидацию свободы сообщений. Вполне естественно, что тут же сформировался Фронт освобождения, быстро превратившийся в мощную оппозиционную силу. До поры организованное сопротивление властям сводилось к бойкоту поддерживающих власть торговцев и при-

нудительных церемоний, но вскоре Комиссии по Межпланетной политической стабильности Девятого Квадранта стало известно о том, что повстанцы получили большое количество оружия из Нуумианской империи. Все ждали неизбежного начала боевых действий.

В такой обстановке «Большое Шоу О'Хары» и «Шоу Эйба» намеревались начать собственную войну.

18

7 мая 2144 г.

«Блицкриг» выходит на орбиту вокруг Кенгуру. Растяжка определил меня на второй шаттл, «Гром-Птицу», под командование Резака Стампо. Мы последуем за «Ядром» через четыре дня. За это время медиаагенты и рекламщики успеют все подготовить. Нужно позаботиться о том, чтобы средства массовой информации получили наши материалы, добыть разрешение на расклейку афиш и развешивания плакатов. Оскар Бельмо сообщил на «Блицкриг», что хотя «Шоу Эйба» уже ведет работу, никаких проблем с получением разрешения не возникло. Растяжка решил отправиться к первой стоянке с «Гром-Птицей».

11 мая 2144 г.

Гарата. Когда сегодня утром «Гром-Птица» приземлился в этом городе, мы обнаружили, что он весь увешан афишами «Шоу Эйба». Резак отправляет расклейщиков с кипами свежеотпечатанной продукции и приказом клеить поверх вражеских афиш. Растяжка прошелся по городу и вернулся с каким-то озадаченным выражением на лице.

— Во всей Гарате я видел только одну рекламу, рекламу «Шоу Эйба». Выглядит впечатляюще, но я не понимаю, где же реклама самих нитадов. Надо об этом подумать.

Стычки в Гарате. Расклейщики, работающие на «Шоу Эйба» на улице Виула, вызвали подкрепление. Человек десять рабо-

чих из лагеря противника загнали в угол троих наших. Растяжка и Резак, едва узнав об этом, тут же собрали группу противодействия, как они это называют, погрузились в машины и поспешили к месту столкновения. К тому времени, когда мы прибыли, половина наших афиш была сорвана. Резак посылает вперед наших бойцов, и они набрасываются на конкурентов с четырехфутовыми штырями. Схватка длится недолго — громилы «Шоу Эйба» предпочитают ретироваться.

Пока Резак срывает афиши противника, Растяжка наблюдает за местными жителями, собравшимися поглазеть на потасовку. На афиши никто из них и не смотрит. Дождавшись конца боя, нитады расходятся. Растяжка задумчиво оглядывает окружающие строения, украшенные рекламой цирка, вскакивает в машину и уносится к шаттлу. Вернувшись час спустя на «Гром-Птицу», я застаю его беседующим о чем-то с нашим печатником. На столе перед ним расстелен какой-то плакат. Я подхожу поближе, убираю руку Растяжки и вижу, что это обычная афиша, только текст набран наоборот. Теперь его надо читать не сверху вниз, а снизу вверх. Я это понял, хотя плакаты печатают на нитадском языке.

Через два часа новая афиша уже готова, и Растяжка вызывает расклейщиков, вручает им свежие плакаты и дает инструкции. Мы не будем срывать или заклеивать рекламу конкурентов, размещенную на зданиях. Оставим им все вертикальные площади. А вот наши постеры следует помещать на тротуарах. Нитады обычно смотрят себе под ноги, ведь спина у них закрыта панцирем и они сутулятся. Поэтому чаще всего они видят именно тротуар. Расклейщики забирают афиши и расходятся по городу. Я сам видел, как один пожилой нитад наткнулся на наш постер, внимательно перечитал его и перебежал к следующему, совершенно игнорируя при этом покрывающую стену соседнего дома рекламу «Шоу Эйба».

15 мая 2144 г.

Хозяин только что сообщил, что премьерное представление прошло с аншлагом. Тогда как «Шоу Эйба» собрало лишь четверть потенциальных зрителей. И почти сразу же противник перенес борьбу на тротуары, пытаясь вытеснить нас с за-

воеванных позиций. «Боевому орлу» скучать не приходилось. Сражения шли повсюду, в больших городах и в маленьких. Афиши наклеивались, срывались, наклеивались еще раз поверх прежних. Боевые «бригады противодействия», вооруженные штырями, патрулировали улицы, и редкая стоянка обходилась без того, чтобы с десяток человек не попали в местную больницу с разбитыми лицами, сломанными ребрами или проломленными черепами.

19 мая 2144 г.

Нас известили, что Комиссия Квадранта вынесла предупреждение «Большому шоу О'Хары» и «Шоу Эйба» и призвала их прекратить войну. Комиссия опасается, что наши выступления спровоцируют восстание на Кенгуру. Предупреждение комиссии, похоже, не произвело должного эффекта, а слой бумаги на тротуарах кое-где уже мешал движению. В Стоатлудопе «Шоу Эйба» по неизвестным причинам отказалось от борьбы и поспешило к следующему пункту.

19

24 мая 2144 г.

Я был на «Молнии», шаттле № 3, и мы следовали за «Шоу Эйба», которое, в свою очередь, гналось за «Гром-Птицей». Слухи, доходившие до нас, давали основание для оптимизма. Соперничество со стариком (так называют «Шоу О'Хары») привело «Шоу Эйба» на грань экономической катастрофы. Нитады, как бы они ни были угнетены и заняты планами устройства революции, все же сумели отличить настоящий цирк от бродячей выставки технических трюков.

Когда экипаж «Молнии» высадился в Химниконе, мы обнаружили свои афиши на тротуарах в полной неприкосновенности и решили, что «Шоу Эйба» либо махнуло на все рукой, либо, как и раньше, рвануло дальше. Оба предположения оказались ошибочными.

Вечером, когда шло последнее представление, «Молния» получила сообщение, что «Шоу Эйба» посылает все свои силы против самого цирка. Конечно, мы готовились драться как сумасшедшие, потому что согласно неписаным правилам на площадке не должно быть никаких стычек, если только горожане не сражаются между собой. Кроме того, конкуренты избегают боев на площадке, чтобы не пострадали зрители. Тем не менее предупреждение поступило, и «Боевой орел» забрал «группы противодействия» с «Молнии» и «Гром-Птицы» и устремился к цели.

Когда нас перебросили к площадке и мы окружили весь район, то увидели, что бой уже начался. Нитады спешно покидали поле битвы. Мы бросились к краю площадки, похватали колья и штыри и поспешили на помощь своим товарищам. Несколько головорезов из «Шоу Эйба» бежали к главному шатру и зверинцу с факелами в руках. Сам тент сделан из огнеупорного материала, но в зверинце есть солома, и в случае пожара многих нитадов могли бы запросто затоптать.

Этические нормы, которыми руководствуются все «группы противодействия», допускают лишь такое ограниченное применение силы, которое обеспечивает победу одной из сторон; дозволено нанесение таких повреждений, при которых пострадавший отправляется в больницу, но не в морг. В битве при Гарате ограничения были отброшены. Никто не прятался, никто не дрался вполсилы, тем более что угроза нависла и над нашими патронами. Раз ребята из «Шоу Эйба» отказались от кодекса правил, то и мы не стали церемониться.

Тут и там летали измазанные кровью штыри и колья, трещали черепа, ломались ноги, падали тела. Вспыхнула конюшня, но наездники успели вывести животных из огня. Вскоре на подмогу бойцам пришли артисты, служащие и даже сам Хозяин. Все рвались в гущу боя. Доставалось и зазевавшимся нитадам. Кого-то просто пинали ногой, чтобы не мешал сражаться, кому-то попадало по ошибке. В конце концов яйцеобразные существа сгрудились в кучу, закрывшись панцирями, и стали похожи на буханки хлеба.

Я только успел расправиться с одним наглецом из «Шоу Эйба», как кто-то попал мне штырем между глаз. Когда я очнулся от звука колокольчиков в ушах, противник уже отсту-

пил, а нитады, выбравшись из-под панцирей, изумленно озирались и тоже спешили покинуть площадку. Двое рабочих вели Хозяина в административный фургон и, наверное, довели, только я этого уже не увидел, потому что снова потерял сознание.

25 мая 2144 г.

Мне аккуратно перевязали голову, и я собирался вернуться на свой шаттл, когда разнесся слух, что нас выгоняют с планеты! «Шоу Эйба» уже улетело, но Комиссия Квадранта утверждает, что мы оказываем плохое влияние на народ, старающийся избежать открытого восстания. Представление закончено, шапито свернуто, загружено и отправлено на «Город Барабу».

27 мая 2144 г.

В довольно мрачном настроении проходил я мимо каюты Хозяина. Оттуда доносился смех, но я был не в том состоянии, чтобы веселиться. Я постучал в дверь.

— Входи, входи!

Я нажал кнопку, панель со свистом отошла в сторону, и я вошел. Дверь закрылась у меня за спиной. Напротив стола Хозяина сидел Растяжка Дирак. Оба они вытирали глаза.

— Что такого веселого?

Хозяин протянул мне листок с только что полученным радиосообщением. Я прочел его и ничего толком не понял. Нитады — обе противоборствующие стороны — отказались от революции и поклялись решить все неурегулированные вопросы только мирными средствами. Похоже, за двадцать тысяч лет без войны бедняги утратили боевой дух и не были готовы к конфликту, который разгорелся у них на глазах между двумя конкурентами с Земли. Насмотревшись на это зрелище, они решили, что должен быть другой путь. Сразу же начались переговоры. В сообщении, поступившем от Комиссии Девятого Квадранта, «Шоу Эйба» и «Большое шоу О'Хары» назывались «посланцами разума и мира».

Я посмотрел на Хозяина.

— Значит ли это, что мы сможем завершить турне по планете Кенгуру?

— Нет. — Он рассмеялся и протянул мне другую бумажку. — Я обратился в Правящий Совет и попросил разрешения. Вот что они мне ответили.

Я взял листок и прочитал. Помимо прочего, там говорилось: «...вынуждены отказать. Нам хватит вашего «разума и мира». Большего планета не вынесет».

IV

СКОЛЬЗКИЕ ДЖЕНТЛЬМЕНЫ

20

Секретарша толкнула тяжелую дверь. В офисе было темно. В следующее мгновение черная масса на ярком фоне освещенного города обрела очертания Карла Арнхайма.

— Мистер Арнхайм?

Масса не шевелилась. Секретарша отступила чуть в сторону, чтобы получше рассмотреть хотя бы ту часть лица, на которую падал свет с улицы.

— Мистер Арнхайм?

— Да, Джанис?

— Мистер Арнхайм, я ухожу домой. Вызвать для вас машину?

— Нет.

Джанис неуверенно переступила с ноги на ногу и, помедлив, взялась за ручку двери.

— Я договорилась насчет вашего ежегодного медицинского осмотра на завтра...

— Отмените.

— Но, мистер Арнхайм, вы уже откладываете в третий раз за...

— Я сказал, отмените. — Масса повернулась. Секретарша не видела лица, но чувствовала на себе его обжигающий взгляд. — Вы перевели те фонды, о которых я говорил, на Ангар?

— Да, мистер Арнхайм. И приготовила документы для завтрашнего собрания Совета директоров. Голосование, похоже, будет трудным. Многие акционеры согласны с Милтоном Стоуном относительно...

— Относительно чего? — На мгновение повисшую напряженную тишину разорвал тяжелый удар кулака по столу. — Стоун! Мелкий бухгалтеришка! Что он может? Затачивать карандаши? Я буду управлять корпорацией так, как управлял всегда, и если захочу пустить последний кредит на то, чтобы смешать Джона О'Хару с грязью, я это сделаю! Более того, меня никто не остановит!

Джанис нервно стиснула руки, ожидая паузы, чтобы попрощаться со своим боссом.

— Сэр, я...

— Джанис, к концу сезона О'Хара будет уничтожен. Он уже сейчас на мели, а потому должен ухватиться за это предложение. Должен!

— Да, сэр.

Темная масса повернулась, и в немигающих глазах Арнхайма запрыгали огни большого города.

— Через несколько месяцев никто и не удосужится произнести имя О'Хары. Оно будет недостойно плевка.

Арнхайм кивнул и снова застыл неподвижной черной глыбой.

— Спокойной ночи, мистер Арнхайм.

Джанис подождала ответа, но его не последовало.

Секретарша повернулась, открыла дверь и вышла из офиса. Оказавшись в приемной, она кивнула серому как мышь человеку, одетому в серый с черным костюм.

— Бесполезно, мистер Стоун.

Милтон Стоун кивнул и улыбнулся:

— Значит, вот как. Он ведет свою личную войну, и правление ничего не может поделать. Ладно, послезавтра мы перекроем ему воду. — Он еще раз кивнул и удалился.

Джанис с сомнением посмотрела на дверь кабинета Арнхайма. Выключить свет в приемной или оставить гореть?.. Карл

Арнхайм всегда устраивал скандалы из-за необязательных расходов, хотя сейчас его, похоже, занимают другие проблемы. Но если он все же пойдет домой, то ему понадобится свет, чтобы найти лифт. Джанис пожала плечами. Карл Арнхайм не уходил домой уже три дня.

Она выключила свет и ушла.

21

МАРШРУТНЫЙ ЖУРНАЛ «БОЛЬШОГО ШОУ О'ХАРЫ»

6 июня 2144 г.

После того как нас выкинули с Кенгуру из-за небольшой стычки с «Шоу Эйба», О'Хара и его цирк оказались в незавидном положении. И дело не только в том, что срыв выступлений на этой планете сломал весь график и сказался на выплатах обитателям «Города Барабу», хотя и это отразилось на настроении Хозяина. Когда в самом начале истории космического цирка звездолет могли спасти лишь восемьдесят миллионов кредитов, на помощь пришел Эркев IV, монарх Ангара. Джон О'Хара считал для себя делом чести рассчитаться с заемщиком в заранее обговоренный срок. Если бы сезон 2144 года прошел так успешно, как ожидалось, то долг был бы возвращен. Но теперь, когда цирк изгнали с Кенгуру, у О'Хары появились сомнения в возможности произвести расчет.

Мы находились на орбите вокруг Ангара, собираясь заменить оборудование и людей, вышедших из строя за время борьбы с «Шоу Эйба». Хозяин вызвал к себе Джека Крысу, занимавшегося составлением маршрута, и они вдвоем взялись за дело, рассчитывая заполнить как-то возникшую паузу. Между нами и Вистуньей и Гролетом — двумя следующими по графику планетами — находились лишь три мира, полеты к которым были экономически целесообразными. Ни один из этих трех миров еще ни разу не видел цирка.

Новая планета — всегда риск, требующий долгого предварительного изучения. Если выступление на неизведанной планете окажется неудачным, нас ждет крах. Хозяин просмотрел всю имеющуюся информацию об этих мирах и решил завершить первую треть сезона на Ангаре. Конечно, «Большое шоу О'Хары» выступало здесь совсем недавно, и посещать большие города было бы несвоевременно, но оставалось еще много городов поменьше, где цирк ждали с нетерпением. Так мы еще могли залатать брешь в бюджете и остаться при своих.

Мы с Джеком Крысой сидели в кают-компании, ломая головы над маршрутом и приходя во все большее уныние из-за неудачно складывающегося сезона, когда заглянул Фрэнк Рыбья Морда и сказал, что нас требует к себе Хозяин. Рыбья Морда пошел с нами, и когда мы явились, О'Хара представил нас какому-то щеголеватому парню в полосатых брюках и темно-бордовом сюртуке, с кольцами на шести пальцах и большой золотой монетой, приколотой к перламутровому галстуку. Реденькие прямые усики топорщились над верхней губой, а черные волосы были гладко прилизаны.

Хозяин поочередно указал на каждого из нас:

— Это Фрэнк Джиллис, Рыбья Морда, режиссер детского шоу. Он будет командовать.

Незнакомец кивнул, протянул руку и улыбнулся.

— Джек Сэвидж, Крыса, он разрабатывает маршрут. А это Бородавка Тхо. Бородавка ведет маршрутный журнал. — Мы обменялись рукопожатиями. — Ребята, это Бостонский Франт.

Мы трое потеряли дар речи и остолбенели. Все, конечно, слышали о пресловутом Бостонском Франте, «Короле мошенников», но мы никак не ожидали увидеть его в составе труппы. Все знали, как Хозяин относится к таким типам. Мы пробормотали подходящие случаю слова и уселись на стульях вокруг стола О'Хары.

Хозяин потер подбородок, откашлялся и откинулся на спинку стула:

— Ребята, вы знаете, какие у нас проблемы. Бостонский Франт сделал мне предложение, от которого я не могу отказаться. В обмен на обычные привилегии он выплачивает нам сумму, гарантирующую возврат долга за «Барабу», и обеспечивает прибыль за первую треть сезона. Это означает...

— Мошенники! — Рыбья Морда покраснел. — Не понимаю, мистер Джон! У О'Хары никогда не было мошенников. Что будет с нашей репутацией?

Хозяин пожал плечами:

— Я не вижу другого выхода, Рыбья Морда. Надеюсь, ты поймешь...

— Я ничего не желаю понимать! Я ухожу! — Рыбья Морда повернулся и выскочил из каюты.

О'Хара повернулся к Бостонскому Франту:

— Извини, ему надо некоторое время, чтобы к этому привыкнуть.

Бостонский Франт улыбнулся, показав два золотых зуба, явно выделявшихся в его безупречном наборе.

— Человек моей профессии не может позволить себе обижаться, мистер О'Хара. — Он вынул из рукава небольшой кружевной платочек, чихнул в него и спрятал обратно. — Давайте еще раз уточним условия соглашения. Итак, я плачу вам двадцать два миллиона кредитов. В обмен на это мои ребята становятся к кассам, заправляют играми, и мы оставляем себе все, что получим. Кроме того, я сам определяю города для представлений и держу моих ребят отдельно от вашего шоу.

— Это то, что касается первой планеты. Если мы оба удовлетворены итогами первой трети сезона, ты имеешь право повторить свое предложение. — Хозяин кивнул мне. — И я хочу обсудить с тобой одну вещь.

Бостонский Франт посмотрел на меня и улыбнулся.

— Ну, это не условие. Я буду польщен.

Хозяин кивнул:

— Хорошо.

Бостонский Франт повернулся к Крысе, потом снова взглянул на О'Хару.

— Я знаю, что, где бы вы ни развернулись, сборы будут хорошие, но все же любопытно узнать, куда мы направляемся.

О'Хара посмотрел на Крысу:

— Прочти ему данные по Чайтью.

Крыса достал из кармана блокнот, открыл его и улыбнулся.

— Да, мистер Джон. Население сосредоточено в городах, где развиты производство и торговля. На планете не выступал еще ни один цирк, хотя есть кое-какие развлечения. Валовой

продукт Чайтью за 2143 год составил девяносто один квадриллион кредитов. В первом квартале этого года отмечен прирост на шестнадцать процентов...

Бостонский Франт поднял руку:

— Достаточно. — Он встал, наклонился над столом и пожал О'Харе руку. — Мои люди и деньги будут здесь через десять часов. — Он повернулся ко мне. — Пойдемте, Бородавка. Держитесь за меня покрепче. Станьте моей второй кожей.

Я оглянулся на О'Хару.

— Мистер Джон?

Хозяин кивнул:

— Бостонский Франт и его люди — это отвратительная, но исторически ценная часть цирка. Я договорился, что ты будешь сопровождать его, пока он с нами, а он пообещал до смерти заговорить тебя рассказами о своих делишках.

Дверь открылась. Бостонский Франт поклонился и сделал жест рукой:

— После вас, Бородавка.

Я поднялся, пожал плечами и вышел за дверь.

22

7 июня 2144 г.

То, что цирк превратился в какое-то прикрытие шулеров, огорчило меня не меньше, чем всю остальную труппу. Тем не менее странный мир «счастливчиков» скоро захватил меня. Мы с Бостонским Франтом спустились на планету и облетели несколько городов, в каждом из которых Франт набирал одного-двух сотрудников.

— Умелец всегда может заработать себе на жизнь, Бородавка, но чтобы сделать по-настоящему большие деньги, надо подвязаться к какому-нибудь шоу. Цирк — естественная среда обитания простофиль; следовательно, именно там их должен наблюдать и изучать подлинный ученый.

— Ученый?

Бостонский Франт усмехнулся, блеснув двумя золотыми зубами:

— Мы не игроки, мой бугорчатый друг. Игроки рискуют.

Он показал на одного из пассажиров шаттла, чересчур толстого парня в коричневом костюме. Тот сидел в кресле, ссутулясь и надвинув на глаза соломенную шляпу.

— Это Джек-Джек, один из наших наиболее выдающихся ученых. У него есть игра «Три Карты Монте»...

— Он шулер!

Бостонский Франт пожал плечами:

— Ну, это одно из самых косных утверждений, какие я когда-либо слышал. Джек-Джек не только ученый, но и артист.

Я потер подбородок и кивнул. Мне уже рассказывали об игре под названием «Три Карты Монте», ничего сложного в ней вроде бы не было. Карты кладутся на плоскую поверхность. «Простак» поднимает одну карту, смотрит ее, потом кладет рядом с двумя другими. Шулер передвигает карты, останавливается и приглашает клиента перевернуть свою. Я улыбнулся, потому что у пендианцев очень цепкий глаз, а я к тому же еще и гордился своей способностью фиксировать малейшее движение руки. Повернувшись к Бостонскому Франту, я сказал:

— Хотелось бы увидеть вашу так называемую науку.

Франт согласно кивнул, мы оба поднялись и подошли к мирно дремавшему в кресле Джек-Джеку. Сели. Франт расположился у окна, а я непосредственно напротив этого жирного карточного виртуоза. Мой спутник наклонился и произнес:

— Джек-Джек, я привел к тебе искателя мудрости.

Правая рука шулера ожила, поднялась и одним пальцем сдвинула шляпу на затылок. Маленькие, невыразительные глаза посмотрели на меня.

— Так ты, приятель, пришел учиться, а?

Я фыркнул и поднял брови:

— Хочу посмотреть твою игру. Ничего трудного в «Трех Картах Монте», по-моему, нет.

Сохраняя бесстрастное выражение лица, Джек-Джек опустил руку в карман.

— А-а... Драгоценнейший урок витает над твоей кочковатой головой, и когда этот урок опустится тебе на плечи, ты поймешь науку.

Бостонский Франт опустил откидной столик.

— Джек-Джек, я условился с Хозяином, что мы не «стрижем» членов труппы.

Джек-Джек пожал плечами.

— Под научные исследования надо выделять фонды, Бостонский Франт. Если этот приятель... как его зовут?

— Бородавка Тхо, он с Пендии. Ведет маршрутный журнал, и мистер Джон хочет, чтобы он написал немного и о нас.

Шулер кивнул и извлек из кармана запечатанную колоду карт.

— Пендианец?

— Верно.

— У пендианцев острые глаза, так ведь?

Я улыбнулся, заметив, что за фасадом уверенности что-то дрогнуло.

— Очень острые.

Джек-Джек распечатал колоду и достал карты. Потом разложил их на столе, лицом вверх и вытащил двух валетов. Посмотрел на меня:

— У тебя есть любимая карта?

Я пожал плечами, подался вперед и ткнул пальцем в червового туза:

— Эта.

Джек-Джек собрал остальные карты и убрал их в коробку, которую затем опустил в карман. Положив три выбранные карты лицом вверх, он повернулся к Бостонскому Франту.

— Как я уже говорил, на научные исследования нужно выделять фонды. У меня есть определенные расходы на оборудование. Да ты видел, сколько стоят теперь карты? Этот парень научится кое-чему, что ему всегда пригодится, а образованию, разумеется, требуются инвестиции.

Бостонский Франт посмотрел на меня, а я в свою очередь на Джек-Джека.

— О какого рода инвестициях вы говорите?

Уголки рта шулера печально опустились.

— О, приятель, ровно столько, сколько требует обычай. Один кредит — вполне приемлемая сумма, а?

Франт ткнул меня в бок:

— Не забудь напомнить мистеру Джону, что я сопротивлялся этой сделке. Договорились?

— Договорились. — Я достал из кармана один кредит и положил бумажку на стол. Рядом тут же легла другая, извлеченная Джек-Джеком из внушительной пачки. Шулер сунул деньги в карман и разложил карты так, что туз оказался посередине.

— Ну, приятель, сейчас я переверну карты, поменяю их местами, а тебе надо будет вытащить свою.

— Понятно.

На моих глазах Джек-Джек щелкнул каждой картой, перевернул их и разложил в ряд. Я заметил, что уголок средней слегка загнут. Увидеть это мог только пендианец. Джек-Джек начал двигать карты по столу, перемещая их по кругу, и следить за тузом не составляло труда. Шулер остановился, посмотрел на меня и улыбнулся:

— Ну а теперь, искатель истины, ты можешь найти туза?

Я взял правую карту и перевернул лицом вверх. Это был туз.

— Вот.

Джек-Джек удивленно вскинул брови.

— Ну, приятель, у тебя действительно острое зрение. Попробуем еще разок? — Он вытащил пачку кредитов.

Я показал на две бумажки, уже лежавшие на столе:

— Хорошо. Ставлю два.

Джек-Джек добавил кредиты, снова разложил карты, оставив туз в середине, и повернулся ко мне:

— Следи.

Его руки пришли в движение, перемещая карты по кругу, но на этот раз все происходило так быстро и запутанно, что я сбился. Он остановился, разложил карты в ряд и усмехнулся:

— А теперь, приятель, тяни.

Я смотрел на карты, чувствуя себя немного глуповато, но потом заметил слегка загнутый уголок на одной и указал на нее:

— Эта?

Джек-Джек протянул руку:

— Давай посмотрим... а! Туз! Ну и ну, вот это глаза!

Он нахмурился:

— Не против дать мне еще один шанс?

Пространство между моими ушами уже было заполнено видением толстой пачки кредитов. Я сунул руку в карман, достал сорок три кредита — все, что осталось от недельной зарплаты, и добавил их к четырем на столе. Джек-Джек поджал губы, покачал головой и извлек свое богатство.

— Бородавка, малыш, ты, похоже, очень уверен в себе.

Я кивнул, он отсчитал сорок семь кредитов и положил поверх моих сорока семи.

Процедура повторилась.

— А теперь, приятель, урок.

Карты словно летали по столу, и уследить за ними было невозможно, но я и не пытался. Я ждал, когда он остановится и положит их в ряд. И вот руки замерли — все три карты имели одинаково загнутый уголок!

— Вытяни туза, мой быстроглазый друг.

Я протянул руку к левой карте, подумал и взял среднюю. Это был валет. Собрав кредиты, Джек-Джек издал отвратительный хлюпающий звук.

Бостонский Франт убрал столик, поднялся и помог мне встать на ноги.

— Спасибо, Джек-Джек. Уверен, что сия демонстрация пойдет Бородавке на пользу. Поучительный урок.

Мне вдруг стало жарко.

— Но...

Бостонский Франт потянул меня за собой, подтолкнул к креслу и сам опустился рядом.

— Как я и говорил, это наука. — Он снова ослепительно улыбнулся. — Заметил, как Джек-Джек подловил тебя на загнутом уголке карты?

Я нахмурился:

— Вы его тоже видели?

Франт покачал головой:

— Нет, но я знал, что он должен быть. Ты пендианец, а значит, Джек-Джек подогнул уголок так, чтобы было заметно только тебе. Полагаясь на этот уголок, ты выиграл дважды и решил, что выиграешь в третий раз. Ты играл нечестно, а потому не можешь жаловаться, когда с тобой поступили соответственно.

Я раздраженно посмотрел на опять дремлющего Джек-Джека, лицо которого снова прикрывала соломенная шляпа.

— А что это был за звук?

Бостонский Франт нахмурился, потом улыбнулся:

— А, этот... Ты никогда не задумывался о происхождении термина «сосунок»? — Он потер подбородок. — Подумай. Учти, куда ушли деньги и кто из вас двоих «сосунок».

Он улыбнулся.

Я еще раз взглянул на Джек-Джека — шулер спал, сложив руки на необъятном животе, но губы его расплылись в улыбке.

23

12 июня 2144 г.

Проведя несколько дней с хитроумными джентльменами, я пришел к выводу, что к тому времени, когда цирк двинется дальше, на Вистунью, население Чайтью будет обобрано дочиста. «Наука» — слишком слабое слово для характеристики тех методов, которыми пользуются эти проворные ребята. Бостонский Франт начинал карьеру на Земле в качестве вора-карманника. Когда я выразил недоверие к тому, что кто-то может незаметно залезть в мой карман, Франт, предъявив мои кошелек, карманный нож, мелочь, объяснил, в чем состоит разница между уличной сценой и сценой, разыгрываемой в цирке.

— Бородавка, уличный карманник работает с одним, иногда двумя сообщниками. Идеальный вариант в таких обстоятельствах, когда номер один отвлекает внимание жертвы, а номер два, карманник, вытаскивает бумажник и передает номеру три, избавляясь таким образом от улики. Ужасная растрата человеческих сил. В цирке мы работаем иначе — массовая продукция. Карманники рассеиваются в толпе, я выхожу на площадку и привлекаю внимание к себе. Заинтересовав зрителей, я объявляю им, что среди них орудуют воришки, и призываю присматривать за личными вещами.

— Вы их предупреждаете?

Бостонский Франт кивнул:

— Первым делом они хватаются за те места, где у них лежат деньги. Мои ребята в толпе замечают это, а потом уж бери, сколько хочешь, только много не унесешь.

На общую кассу работают и те, кто, разгуливая по улицам больших городов, выискивают и заманивают на площадку богатых простаков якобы для того, чтобы посмотреть игру. Там они видят, как какой-нибудь счастливчик уходит с кучей монет, выиграв в одной из многочисленных предлагаемых игр, и проникаются убеждением, что победить не так уж и трудно. Разумеется, счастливчики тоже сообщники Бостонского Франта.

«Наука» действительно слабое слово для описания тех приемов, с помощью которых хитроумные джентльмены заставляют публику расставаться с ее денежками. Моя вера в несокрушимую силу глаз пендианцев заметно пошатнулась, а уважение к мошенникам столь же заметно возросло. Требуется немалая смелость — пусть и смелость плута, — чтобы изъять деньги у какого-нибудь крепыша-шахтера, когда поблизости нет никого, кроме дружков и родственников этого верзилы. Полагаю, мое уважение к ловким господам могло бы превратиться в восхищение, если бы их уроки не опустошали мои карманы.

В связи с тем, что мой исследовательский фонд истощился, я стал задавать вопросы и делать записи.

— Есть одна вещь, которой я не понимаю. Почему ты заплатил мистеру Джону двадцать два миллиона за эти привилегии? Ведь получается, ты платишь ему, чтобы продавать его билеты?

Бостонский Франт поскреб подбородок, посмотрел на потолок и зашевелил губами, производя какие-то мысленные подсчеты. Закончив, он взглянул на меня.

— Сколько заработал цирк за прошлый сезон? Миллионов двадцать—двадцать пять?

— Около того.

Он кивнул:

— Предположим, что ты зритель. Ты подходишь к окошечку кассы и покупаешь себе билет за два с четвертью кредита. Ты подаешь мне бумажку в десять кредитов. Я, продавец, возвращаю тебе сдачу, четыре с половиной кредита...

— Нет, ты должен мне семь и три четверти кредита.

Он вскинул брови:

— Не буду спорить, Бородавка. Я должен тебе семь и три четверти кредита, однако ты получаешь четыре и три четверти.

— Но как...

Бостонский Франт усмехнулся:

— Если после всех твоих изысканий у тебя еще осталась десятка, я с удовольствием отведу тебя к Тиму Десять Скальпов, и он покажет, как это делается.

Я бросил на него сердитый взгляд:

— Нет. Я не пойду.

Франт кивнул и улыбнулся:

— Видишь? Ты уже многому научился. — Он сложил руки на груди. — Когда кто-то хочет сходить в цирк, он откладывает на билет, почти всегда крупные бумажки. Может быть, один из десяти дает точную сумму. Таким образом, отдав мистеру Джону два с четвертью кредита — то, что ему полагается, — я останусь с прибылью в три кредита. А если деньги крупные, бывает и больше. Стандарт — это восемь кредитов с двадцатки и двадцать два с полусотни.

— Но что, если покупатель пересчитает сдачу и обнаружит недочет?

— К тому времени его оттеснит от окошка либо очередь, либо пара парней, работающих с кассиром. Когда простофиля подымет шум, кассир скажет, что сдачу надо считать, не отходя от окошка. — Он развел руками. — Ну не разумно же ждать, что кассир станет удовлетворять столь необоснованные претензии. Итак, парень подходит и жалуется, что ему неправильно дали сдачу. Толпа кричит на него, он чувствует себя неловко и обычно просто уходит. Если же он упорствует и начинает чересчур широко раскрывать рот или угрожает привести полицию, то я отвожу его в сторонку и расплачиваюсь, чтобы избежать проблем.

— Но все же ты заплатил Хозяину такую сумму...

— Я имею от продажи билетов столько же, сколько и сам цирк, но не несу таких расходов. При этом мы не берем в расчет карманников и шулеров. Короче, на такой планете, как Ангар, мы с ребятами снимаем от тридцати до сорока миллионов за треть сезона. На богатой, вроде Чайтью, сумма, я на-

деюсь, будет вдвое больше. — Он снова улыбнулся, блеснув парой золотых зубов. — Ты только подумай, они ни разу не видели цирка!

Франт закрыл глаза, откинулся на спинку кресла и мечтательно произнес:

— Урожай созрел. Какой урожай!..

24

14 июня 2144 г.

Накануне мы вышли на орбиту вокруг Чайтью. Я ворвался в офис Хозяина:

— Как... как вы можете пользоваться услугами этих... этих... обманщиков? После нас ни один цирк никогда не сможет выступать на Чайтью!

О'Хара потер подбородок и кивнул:

— Как продвигается твое образование, Бородавка?

— Мистер Джон... — Я никак не мог успокоиться. — Не понимаю, ради чего вы это делаете? Мы могли бы по крайней мере завершить сезон досрочно. Эркев IV не стал бы требовать свои деньги. Вы же знаете.

Он покачал головой:

— Одна буря, один пожар, пара сорванных выступлений — этого вполне достаточно, чтобы нас не стало. Я не могу пойти на риск и потерять шоу. Поэтому я взял их с собой. Есть и другая причина. — Он нахмурился и сложил руки. — Но это личное. — Он пожал плечами. — Могу ли я рисковать цирком, Бородавка? Выбросить на ветер все только из-за каких-то сомнений, которые не принесут и клочка сена нашим слонам?

— Я... я не знаю!

Я вышел из его каюты и зашагал к середине корабля, где жили семьи, надеясь поговорить с Раскорякой. На мой стук дверь открылась, на пороге стояла Диана, Королева Трапеции.

— Здравствуй, Бородавка.

— Где Раскоряка?

— Он внизу, на шаттле. — Она отступила в сторону. — Входи. Ты, похоже, чем-то обеспокоен.

Я вошел, дверь за мной закрылась.

— Да, обеспокоен.

— Что-то с куполами? — Она показала на диван, и я сел. Рядом болталась, уцепившись зубами за канат, Булочка. Диана кивнула. — Работает над номером «Железные Челюсти». Если справится, то сможет выступать уже в этом сезоне.

Я рассеянно улыбнулся девочке и повернулся к ее приемной матери:

— Насчет мошенников, которых взял мистер Джон.

— А что с ними такое?

— У нас что, самое время для шуток? — взорвался я. — Они же все испортят. Все!

Булочка опустилась на пол, а Диана, улыбаясь, уселась напротив меня.

— Уверена, Хозяин не допустит того, чтобы цирк пострадал. Понимаешь, Бородавка, это жизнь.

— Однако именно это он и делает, может быть, сам того не замечая.

Булочка подошла ко мне и остановилась подбоченясь:

— Раскоряка говорит, Хозяин всегда знает, что делает, а если Раскоряка так говорит, то мы все с ним согласны.

Я поднялся и подошел к двери:

— Слепая вера, подобно вашей, стоила пендианской монархии немало отрубленных голов!

Булочка вздернула нос:

— Бородавка, ты собираешься отрубить Раскоряке голову?

— Ба! — Я выскочил за дверь, промчался по коридорам к главному спальному отсеку, упал на койку и задумался.

Шоу для Хозяина это все. Хозяин оставался с шоу на Земле, когда цирк являл собой плачевное зрелище; Хозяин первым вывел его на звездную дорогу. Ради спасения шоу, как я полагаю, Хозяин способен даже убить. Но сотрудничество с плутами — это удар по репутации цирка, означающий уменьшение зрителей, недовольство горожан и, в конце концов, запрет выступлений на планете. Мы все слышали о том, как люди Бостонского Франта спровоцировали скандал на Ангаре, а ведь все могло закончиться куда хуже, если бы цирк вовремя не

убрался оттуда. Тем не менее представитель Эркева IV имел малоприятный разговор с О'Харой. Ладно, проблема монарха была решена, но теперь у нас появилась болезнь, которая в скором времени коснется и населения Чайтью.

Пока я выпускал пары, разговаривая сам с собой, в спальный отсек вошел режиссер детского шоу Фрэнк Джиллис. Увидев меня, он огляделся, словно хотел убедиться, что поблизости никого нет. Подслушивать было некому, Фрэнк подошел ко мне и уселся на койку напротив.

— Ты чем-то расстроен, Бородавка?

Я повернулся и внимательно посмотрел на Рыбью Морду. Его большие полузакрытые глаза, толстые губы и лицо, словно лишенное подбородка, были спокойны.

— А ты нет, и это странно, учитывая, почему ты уходишь.

Рыбья Морда кивнул:

— Я решил кое-что сделать. Не терплю шулеров, никогда их не переносил. Когда мы окажемся на Чайтью, я собираюсь разделаться с этими скользкими типами.

Я сел и удивленно уставился на него:

— Что ты собираешься сделать?

Рыбья Морда огляделся и снова повернулся ко мне:

— Мне понадобится помощь. Ты как?

Я нахмурился:

— Не знаю. А что... ты... ты хочешь привлечь полицию?

Он поднял палец и поднес его к своим губам:

— Ш-ш! Тебе давно не массировали голову штырями?

— Но... полиция...

Рыбья Морда подался вперед:

— Я не могу придумать другого способа, чтобы спасти шоу. Если мы обратимся в полицию и они схватят ловкачей с поличным на первой стоянке, то, может быть, большого шума и не будет.

Я опустил голову:

— Если об этом пронюхают, нас изгонят из цирка навсегда.

Он положил руку мне на плечо:

— Ты же знаешь, Бородавка, что так надо. Так ты поможешь?

Я подумал, подтянул ноги и улегся на койку:

— Что я должен делать?

Рыбья Морда кивнул и поднялся:

— «Боевой орел» опустится на планету первым. Мы полетим с ним. Потом пойдем в город и там решим, что делать.

25

15 июня 2144 г.

Случилось так, что Бостонский Франт решил отправиться на планету с первым шаттлом, чтобы, как он выразился, «оценить местный рынок простофиль». Никто на «Барабу», за исключением «Авангарда» и Джека Крысы, еще не бывал на Чайтью, и Франту самому хотелось посмотреть, что к чему. Мы с Рыбьей Мордой не возражали, не желая вызвать подозрений, и держались с ним дружелюбно. Это было нелегко.

На площадке возле Мартаана мы расстались с Тик-Тиком и направились пешком к видневшимся вдали высоким зданиям. Асту, народ, населяющий Чайтью, в общем, похожи на страусиное яйцо, хотя значительно выше. У них толстые, с тупыми пальцами ноги и тонкие руки с четырьмя пальцами на каждой. Бостонский Франт, прохаживаясь по улицам, несколько раз умышленно вставал на пути этих яйцеобразных существ. Асту наталкивался на него, быстро бормотал маловразумительное извинение и ковылял дальше.

Бостонский Франт ухмылялся и приговаривал:

— Хороший урожай, урожай созрел...

После того, как он столкнулся с четвертым пешеходом, я хмуро посмотрел на него и спросил:

— Зачем вы это делаете?

Франт кивком показал на толпу, стремящуюся к бирже:

— Посмотри на их глаза, Бородавка, — маленькие, расположенные практически по бокам круглой головы. Они не видят прямо перед собой. Ты представляешь, что с ними сможет делать такой человек, как Джек-Джек? — Он удовлетворенно хмыкнул, помахал рукой и влился в толпу асту. — Надо посмотреть, как они распоряжаются своими кредитами.

Мы попрощались с ним, и я придержал Рыбью Морду за руку:

— Ты понимаешь, что его банда натворит здесь?

Рыбья Морда кивнул и указал на существо, которое стояло на небольшом перекрестке и, похоже, управляло пешеходным движением. Мне стало немного не по себе, когда я понял, что без уличного полицейского асту постоянно натыкались бы друг на друга.

— Давай подойдем к нему. Попробуем выяснить, где находится участок.

Мы приблизились к яйцу, перепоясанному белым ремнем, и я спросил:

— Вы не могли бы сказать нам, где найти полицейский участок?

Я стоял перед полицейским, и ему пришлось повернуться, чтобы посмотреть на меня одним глазом. Глаз широко раскрылся, и асту отшатнулся от меня.

— Миг баллума!

— Полицейский участок? — повторил я.

Придя в себя, наш собеседник сделал шаг вперед, посмотрел на меня сначала одним глазом, потом другим.

— Эггер блей сиркис.

— Что?

Полицейский показал на меня, затем на Рыбью Морду.

— Сиркис, сиркис. Детер эт?

Рыбья Морда потянул меня за рукав:

— Послушай, он говорит «цирк».

Крохотный рот яйца тут же стал намного больше, тело качнулось взад-вперед.

— Сиркис! Сиркис!

Тем временем на перекрестке началось столпотворение, и полицейский достал из-за пояса белую с красным карточку.

— Сиркис!

Я взглянул на карточку и повернулся к Рыбьей Морде:

— Это билет на шоу. — И снова обратился к полицейскому. — Да, цирк. Полицейский участок?

Он засунул карточку за пояс и развел руками:

— Нети блё эт «полисай састок» дума? — Пешеходы неверно истолковали жест регулировщика и устремились на пе-

реход. — Гаавуук! — Полицейский огляделся и ринулся в толпу, крича, размахивая руками, расталкивая яйцеобразных. Через несколько минут порядок был восстановлен, движение возобновилось, и регулировщик возвратился. Он указал на какую-то дверь в нескольких шагах от угла. — Аг вуг, тихап, тубба.

Я протянул руку в направлении двери:

— Полицейский участок?

Он снова сделал какой-то жест руками, и на переходе вновь началось столпотворение.

— А, гаавуук! Нее гаавуук!

Регулировщику снова пришлось заняться наведением порядка.

Рыбья Морда дернул меня за руку и указал на дверь:

— Пойдем туда, пока этот тип не возвратился. Думаешь, это участок?

Я пожал плечами:

— Стоит попробовать.

Мы направились к двери. На ней были какие-то непонятные линии, точки, зигзаги и пятна. Ниже шла надпись: «Здесь говорят по-английски». Я повернулся к Рыбьей Морде:

— Это переводчик. — Я толкнул дверь, и мы вошли в узкое, без окон помещение. В дальнем углу за невысокой стойкой дремало яйцеобразное существо.

Рыбья Морда постучал меня по плечу:

— Он спит?

Я подошел к стойке:

— Извините? — Никакого ответа. Я ударил по стойке кулаком. — Извините, вы говорите по-английски?

Яйцо открыло глаз, посмотрело на меня и вздрогнуло. Глаз моргнул. Рот увеличился.

— Сиркис! — Существо отлепилось от стены, сунуло руку за широкий коричневый пояс и извлекло оттуда билет. — Сиркис!

Я кивнул:

— Да, мы из цирка. — Я повернулся к Рыбьей Морде. — Растяжка Дирак и «Авангард» неплохо поработали. — Я снова посмотрел на переводчика. — Вы говорите по-английски?

Рот раскрылся, глаза прищурились.

— Здесь говорят по-английски.

— Как вас зовут?

— Имя есть Доккор-тут, да, сэры. — Доккор-тут качнулся вперед, вероятно, у асту это означало поклон.

Я улыбнулся:

— Нам нужен переводчик.

— Здесь говорят по-английски.

— Вы можете пойти с нами? Нам надо в полицейский участок.

Доккор-тут немного повертелся, исчез под стойкой и вынырнул с какой-то книгой. Поднеся ее к одному глазу, он начал листать страницы.

— Полиция... полиция... хм. Управление общественных дел... дел... дел... хм... участок... хм. — Доккор-тут опустил книгу и уставился на меня одним глазом. — Вы хотите работать радио?

Рыбья Морда положил мне руку на плечо:

— Дай-ка я попробую. — Он поманил переводчика пальцем. — Пойдем со мной.

Доккор-тут нажал какую-то кнопку, часть стойки отъехала в сторону, он вышел и двинулся за Рыбьей Мордой к двери. Я последовал за ними. Выйдя из здания, Рыбья Морда указал на регулировщика:

— Полиция.

Доккор-тут посмотрел на моего спутника:

— Вам нужно полицейское радио?

Рыбья Морда покачал головой:

— Отведите нас к шефу полиции.

Доккор-тут возвратился за книгой.

— Шеф... круглая выпуклость... шишкообразное вздутие...

Рыбья Морда забрал у него книгу:

— Позвольте! — Он отыскал нужную статью, сунул книгу в лицо Доккор-туту и ткнул пальцем. — Шеф. Главный. Начальник...

— Вам нужен «Подразделение дорожное движение». Вы все я возьму за полкредита.

Я опустил руку в карман и обнаружил, что там пусто.

— Рыбья Морда, у тебя есть деньги?

Он достал две монеты по четверти кредита и протянул их яйцу.

Доккор-тут взял их и затрясся всем своим телом:

— Вы счет не иметь?

— Счет?

— Банк. Вы счет не иметь банк?

Мы покачали головами. Доккор-тут снова затрясся и повернулся к нам спиной. Некоторое время он смотрел на какое-то здание, потом заковылял к нему. Я догнал его:

— Куда мы идем?

Доккор-тут указал на ящик, укрепленный на стене:

— Банк. — Он остановился возле ящика, сунул в него две монеты и заговорил: — Доккор-тут, темай, ух, ух, сут, темай, дис, ух, симик чо. — Переводчик повернулся к нам. — Подразделение дорожное движение.

26

15 июня 2144 г.

После долгих разговоров и неоднократных обращений к пособию «Английский, как на ней говорить» стало ясно, что регулировщики занимаются только движением, они не полицейские. Начальник подразделения контрольной службы приказал Доккор-туту отвести меня и Рыбью Морду в местное отделение криминальных расследований. Там мы познакомились с весьма крутым на вид «яйцом» с синим поясом. Он назвался Туггет-норцом и вызвал к себе переводчика, оказавшегося, к счастью, более опытным специалистом. Мы тепло попрощались с Доккор-тутом и вручили ему еще один кредит, который он сразу же опустил в обменный ящик, после чего ушел, помахав своим билетом и сказав:

— Сиркис, увидимся.

После того, как полицейский начальник и переводчик в свою очередь продемонстрировали нам билеты, мы перешли к делу.

— Туггет-норц, в цирке работают мошенники.

Переводчик — его имя было Губин-сту — немного переваливался с ноги на ногу и спросил:

— Что такое «мошенники»?

Я развел руками:

— Мошенники — воры-карманники, жулики, карточные шулера, наперсточники... — Судя по выражению лица переводчика, он мало что понял. — Вы знаете, что такое «карманник»?

Губин-сту извлек откуда-то свое пособие «Английский, как на ней говорить», пролистал несколько страниц, нашел нужную и стал читать. Потом широко раскрытыми глазами посмотрел на нас. Затем отложил книгу, повернул меня спиной к себе и что-то сказал Туггет-норцу, указывая на мой задний карман. Его рука влезла в мой карман, извлекла бумажник, и переводчик снова что-то залопотал. Я повернулся, и Губин-сту вернул мне кошелек. Положив его на место, я посмотрел на начальника отдела. Туггет-норц рассматривал меня, сложив руки на том месте, где у нас живот. Потом прищурился, развел руками и что-то сказал переводчику. Губин-сту повернулся к нам:

— Не преступление. Не преступление влезать в карман. Туггет-норц говорит, в законе нет.

Я почесал голову:

— Вы хотите сказать, что закон не предусматривает наказания за воровство?

Губин-сту кивнул:

— А зачем? Нет карманов.

Я огляделся. Ни у кого из присутствующих асту не было карманов, только синие пояса. Я повернулся к переводчику:

— Хорошо, а где вы держите свои деньги?

— Деньги? — Он как-то странно загоготал, сказал что-то Туггет-норцу, и тот тоже принялся издавать трубные звуки.

Когда они немного успокоились, Губин-сту сообщил:

— Мы держим деньги в банке. Они все там. Иначе нам пришлось бы носить их в руках. — Он снова загоготал.

— Так как же быть с мошенниками? Они же будут надувать зрителей.

И полицейский, и переводчик непонимающе уставились на меня.

— Надувать зрителей? — спросил Губин-сту.

— Обманывать, играть нечестно.

Губин-сту почесал голову, покачался на месте и поднял руки:

— Ну и что?

К месту стоянки мы с Рыбьей Мордой возвращались в самом мрачном расположении духа. Рыбья Морда то и дело качал головой:

— Не верю, просто не верю.

Он повернулся ко мне:

— Как ты думаешь, эти яйца даже не знают такого понятия, как «нечестность»?

Я кивнул:

— Ты же видел — у них нет такого слова. Быть нечестным не считается у них преступлением.

Рыбья Морда поддал ногой валявшийся на дороге камешек:

— А значит, Бостонский Франт и его банда будут делать деньги так, как будто у них печатный станок.

Я проследил за полетом камня, ударившегося о стену кассы. Из-за решетки билетного окошка на нас смотрела мрачная физиономия Тима Десять Скальпов. Перед кассой никого не было, но на площадке толпились гогочущие асту, которыми руководили уже знакомые нам регулировщики с белыми поясами. Опоздавшие предъявляли у входа купленные заранее билеты, и их пропускали на площадку. Мы кивнули контролеру и прошли к одной палатке. Асту внимательно слушали зазывал, одни заходили в палатки, другие покидали аттракционы... Вроде бы все шло как всегда. Но что-то было не так. Никто не покупал билетов. Мы с Рыбьей Мордой окликнули Говоруна, который призывал посетителей посмотреть на Удивительного Озамунда. Он только что остановился передохнуть, и, указывая тростью на вход, наблюдал за толпящимися у палатки гогочущими асту.

Повернувшись к нам, Говорун возбужденно сказал:

— Вы когда-нибудь видели подобное? Они ж не понимают ни слова из того, что я тут несу, но стоят и слушают! Если мне удается пробудить у них интерес, они идут и смотрят представление. — Он улыбнулся и слегка понизил голос. — Сообщу по секрету, я собрал на Оззи гораздо больше зрителей, чем Губошлеп на Зельду.

Я взглянул туда, где распинался Губошлеп, и согласно кивнул — толпа у входа в палатку мадам Зельды действительно была меньше. Я повернулся к Говоруну:

— Почему вы не продаете билеты?

Он пожал плечами:

— Так распорядился Хозяин. Эти ребята не носят с собой деньги. — Он покачал головой. — Мистер Джон говорит, что им можно доверять.

Я покрутил головой:

— А где мошенники?

Говорун снова пожал плечами:

— Думаю, ушли. У них тут никакого бизнеса. — Он кивнул. — Ну, мне пора за работу, Бородавка. Кстати, мистер Джон сказал, чтобы вы двое заглянули к нему, когда вернетесь.

Мы с Рыбьей Мордой молча поплелись к административному фургону. Мистер Джон сидел на ступеньках, поглядывая на заполнявшую площадку толпу асту, и тихонько посмеивался. Увидев нас, он поднялся.

— Ну что, вы еще собираетесь притащить сюда армию полицейских?

Я скорчил гримасу, а Рыбья Морда покачал головой. Мы остановились перед ним, и я сложил руки на груди.

— Мистер Джон, что происходит? Почему никто не продает билеты? Где наши «удачливые ребята» и...

О'Хара поднял руку:

— Не спеши, Бородавка. — Он кивнул Рыбьей Морде. — Рад, что ты вернулся.

Рыбья Морда кивнул:

— Я бы тоже хотел услышать ответы на некоторые вопросы, мистер Джон.

О'Хара улыбнулся, заложил руки за спину и принялся покачиваться с мысков на пятки.

— Ну что ж, отвечу. Сначала о билетах — здесь просто никто не носит с собой деньги. Они запоминают, сколько и кому должны, и когда в следующий раз оказываются рядом с банковскими терминалами, переводят на счет нужную сумму.

Я почесал голову:

— А вы уверены, что им можно доверять?

— Ну да, Бородавка. Я и сам не верил, когда Крыса дал мне информацию по этой планете, но дело обстоит именно так. У них нет таких понятий, как обман, воровство, мошенничество. Но их не назовешь импульсивными покупателями. Каждый, кто хотел посетить шоу, заранее все обдумал и купил билет еще до нашего прибытия.

— А «удачливые ребята»?

Судя по ухмылке, О'Хара собирался поведать нам самое интересное.

— Чтобы стать жертвой мошенника, надо самому быть в душе немного мошенником. Эти же ребята просто не понимают, как можно отдать что-то ни за что.

Я потер подбородок и кивнул.

— Честного человека невозможно обжулить. — Я еще раз кивнул. — Поэтому мы заработаем на Чайтью кучу денег, а?

— Похоже, что так.

Я поджал губы:

— А деньги, полученные у Бостонского Франта, остаются у вас.

Хозяин пожал плечами:

— Я свое слово сдержал.

— Вот как?

О'Хара перестал покачиваться:

— Да, монарх Ангара предложил освободить нас от необходимости возвращать оставшуюся часть долга за «Город Барабу», если я удалю с его планеты мошенников...

Хозяин поднял голову и улыбнулся, заметив приближающегося Бостонского Франта.

— Мистер Джон. — Франт остановился, кивнул нам с Рыбьей Мордой и повернулся к Хозяину. — Как насчет того, чтобы закончить выступление на Чайтью? Может быть, мои ребята смогут перебраться на Вистунью?

Хозяин кивнул:

— Как мы условились. Если в конце нашего пребывания на Чайтью вы захотите повторить свое предложение, я соглашусь.

Бостонский Франт вскинул брови, пожевал губами и склонил голову набок:

— Еще двадцать два миллиона кредитов.

О'Хара открыл дверь административного фургона:

— Договорились. — Он улыбнулся. — Увидимся.

Хозяин вошел в фургон и закрыл за собой дверь. Рыбья Морда усмехнулся и пошел прочь. Бостонский Франт покачал головой и медленно зашагал к главному входу. Я не удержался:

— Эй, Франт!

Он оглянулся и сердито посмотрел на меня:

— Что?

И тогда я издал хорошо знакомый ему хлюпающий звук. Хитрец некоторое время смотрел на меня, потом улыбнулся, махнул рукой и удалился, смеясь.

Карл Арнхайм вошел в зал, где обычно заседало Правление компании, и сразу же заметил, что его привычное место во главе стола занято Милтоном Стоуном.

Заметив вошедшего, бухгалтер, разговаривавший о чем-то с другими членами Правления, поднял голову и кивнул Арнхайму.

— Карл.

Все умолкли. Арнхайм медленно оглядел лица сидящих за столом людей. Стоун откашлялся.

— Мы пытались связаться с вами, Карл, но последние три недели вы не отвечали на мои звонки. Видите ли, вы больше не президент корпорации. — Стоун ухмыльнулся. — Президент теперь я. — Он откинулся на спинку кресла и сложил руки на животе. — Отныне компания больше не будет личным инструментом мести безумца.

Под крики «верно!», «верно!» Карл Арнхайм повернулся и направился к двери. У порога он остановился, повернулся и еще раз обвел лица сидящих внимательным взглядом, словно хотел запомнить их на всю жизнь. Потом открыл дверь, повернулся и вышел.

Милтон Стоун хихикнул и призвал всех к вниманию.

— Первый пункт повестки дня нашего заседания, джентльмены, состоит в том, чтобы найти покупателя для «Арнхайм и Бун Серкус». Корпорация наконец-то выходит из циркового бизнеса.

V

СЛАДКАЯ МЕСТЬ

27

Адья Сум, нуумианский посланник в Соединенных Штатах Земли, холодно и вместе с тем не без одобрения смотрел на Карла Арнхайма из-под темного капюшона. Бывший президент «АиБКЭ» сидел за столом в кабинете Совета директоров на месте, отведенном для посетителей, сложив руки, скрестив ноги и твердо глядя перед собой. Многие нуумианцы относятся к людям с презрением, но не Сум — он видел, что Карл Арнхайм начал свою гоату, священную войну против Джона О'Хары.

Кое-кто из сидевших за столом директоров невольно ежился под немигающим взглядом Арнхайма, поправляя потными пальцами накрахмаленные воротнички. Карл Арнхайм оказался способным на прекрасное чувство ненависти, ненависти еще более обостренной из-за его отставки с поста президента «АиБКЭ»; нуумианец мог понять эту ненависть и относиться к ней с уважением.

Секретарь Совета откашлялся, не поднимая глаз от своих записок, кивнул Арнхайму и нуумианцу и повернулся к тому, кто сидел во главе стола. Бывший бухгалтер «АиБКЭ» Милтон Стоун, почти утонувший в мягком кресле, кивнул в ответ:

— Можно начинать, Отто.

Секретарь еще раз откашлялся.

— Очень хорошо... Карл Арнхайм, владеющий двадцатью семью процентами голосующих акций «АиБКЭ», направил Совету директоров предложение, в соответствии с которым...

— Оставьте... — Милтон Стоун улыбнулся. — Давайте перейдем к делу. Я уверен, что правила всем известны.

— Да, мистер Стоун. — Секретарь покраснел, нервно поправил воротничок и снова откашлялся.

Нуумианец едва заметно кивнул. Сум знал, что даже столь бесчувственные существа, как люди, не могут игнорировать ненависть Арнхайма. Секретарь перевернул страницу и начал читать:

— Предложение, выдвинутое мистером Арнхаймом, состоит в том, чтобы распустить нынешний Совет директоров, провести собрание держателей акций и...

— Хорошо, хорошо. — Милтон Стоун обвел взглядом присутствующих и остановился на Арнхайме. — Карл, не хочу показаться резким, но ваш фокус доставил Совету немало неприятностей. — Стоун подался вперед, положил локти на стол и постучал пальцами о крышку. — Вы маньяк, Карл. В своем стремлении уничтожить «Шоу О'Хары» вы вполне способны уничтожить корпорацию, а этого мы допустить не можем. Более двух лет «АиБКЭ» управлял цирком «Арнхайм и Бун», неся тяжкие потери. И это при том, что другие шоу, в том числе и цирк О'Хары, выйдя на звездную дорогу, получают огромную прибыль. Ради защиты собственных интересов нам пришлось убрать вас с поста председателя, и я предупреждаю — мы на этом не остановимся. — Он повернулся к секретарю. — Отто, свяжитесь с мистером Буном по закрытому каналу. Думаю, мы готовы голосовать.

Посланник Сум заметил, с каким удовольствием Арнхайм швырнул на стол пачку бумаг.

— Не трудитесь, Отто. Видите ли, с сегодняшнего утра мистер Бун уже не является держателем акций «АиБКЭ». Теперь у меня пятьдесят три процента голосующих акций.

Многие из сидящих за столом побледнели. Секретарь просмотрел бумаги, перебирая их трясущимися пальцами. Прочитав документы не менее двух раз, он взглянул на Стоуна:

— Это... это так, мистер Стоун.

Карл Арнхайм повернулся к секретарю. По его губам скользнула улыбка.

— Отто.

— Да... да, мистер Арнхайм?

— Напоследок запишите результаты голосования. Все служащие уволены, члены Совета тоже. Президентом отныне буду я, вице-президентом Адья Сум, казначеем Дирьи Ви Музздн, секретарем Сев То Линта...

Милтон Стоун поднялся и ударил ладонью по столу:

— Вы маньяк, Арнхайм, если думаете, что это вам сойдет с рук! Нуумианцы в Совете?.. Акционеры обратятся в суд! Вас признают невменяемым!

Арнхайм вытащил из кармана клочок бумаги, скатал его в шарик и выстрелил им в направлении секретаря. Бумажный шарик пролетел над столом, упал и подкатился к Отто.

— Здесь список директоров и служащих. — Арнхайм огляделся, взгляд его замер на Стоуне. — Джентльмены, в настоящий момент ваши акции в «АиБКЭ» оцениваются примерно в тысячу сто кредитов каждая. Я предлагаю — и только один раз — продать их мне по этой цене. — Он усмехнулся. — Думаю, вы прекрасно понимаете, как отразится на их стоимости любой скандал в руководстве, если он попадет в новости. Я уж не говорю об обращении в суд. Ну так что, джентльмены, возьмете то, что можно пощупать, или уйдете со своими принципами, которые к утру превратятся в кучку пепла? — Усмешка сползла с его лица. — Уверяю, имея нынешний контроль над «АиБКЭ», я отдам приказ об уничтожении корпорации еще до того, как вы успеете перейти улицу и предпринять какие-либо действия.

Посланник Сум кивнул, наблюдая за тем, как директора поспешно подписывают бумаги, продавая свои акции. Чудесная ненависть, действительно чудесная!

28

4 мая 2145 г.

Взяли курс на Мистению, пятьдесят вторую планету Нуумианской империи. Специально заключенное соглашение гарантирует получение цирком определенного минимума. Предварительные доклады хорошие...

Том Уорнер остановился у края карьера, после крутого подъема у него все еще болели икроножные мышцы. Он перевел дыхание, взглянул на темно-багровое небо Мистении, повернулся и посмотрел на дно карьера. Сквозь густую дымку

ядовитой каменной пыли ему были видны немногие из его товарищей — они рубили камень, собирали куски в корзины, втаскивали ношу на нагруженные спины и несли по крутой тропинке к входу в карьер.

— Человек! — При звуке этого голоса, донесшегося из громкоговорителя, все в карьере замерли. Постепенно, поняв, что окрик относится не к ним, рабочие по одному брались за дело. Том Уорнер поднял глаза на герметично закрытую башню. — Человек, куда ты направляешься?

— Господин, в это время мне нужно являться к начальнику деревни.

Последовала небольшая пауза, которую нуумианцы назвали бы моментом страха.

— Проходи, человек.

Том поклонился башне, повернулся и зашагал по склону к деревне, зная, что взгляд стража будет следить за ним, пока он не скроется за гребнем. И этот взгляд не упустит ни малейшего жеста. Однажды Джейсон по глупости пошутил вот таким образом: вытянул руку по направлению к башне, ладонью вперед и растопырил пальцы. Никто из людей не знал, что означает этот жест у нуумианцев, зато все стали свидетелями, как эти существа могут сердиться.

Том Уорнер прижал ладонь к бедру. Добравшись до гребня, он увидел перед собой другую герметично закрытую башню. За ней начиналась деревня: длинные ряды бараков из пластика и металла.

— Человек, куда ты направляешься?

Том резко остановился, стиснул пальцы, сделал два глубоких вдоха и поднял голову.

— Господин, мне приказано являться в это время к начальнику деревни.

Пауза.

— Для какой цели?

— Господин, я не знаю.

Пауза.

— Проходи.

Том сделал шаг и почувствовал, как противно дрожат колени. Он закрыл глаза, размял пальцы и сделал еще несколько глубоких вдохов. Ненависть у них не чувство, подумал он,

а вера, религия, философия... Немного расслабив напряженные мышцы, Том, не оглядываясь, двинулся дальше.

Слой каменной пыли, покрывавшей все вокруг, стал менее толстым, и Том попытался отряхнуться, хлопая себя по лохмотьям. Дойдя до центральной улицы деревни, представлявшей собой четкий ряд однообразных бараков, он приблизился к сторожевой башне, возвышавшейся над бараками. Страж здесь был другой.

— Уорнер, ты слишком рано вернулся из карьера.

Том пожал плечами:

— Господин, я должен явиться к начальнику деревни.

Этот страж, казалось, настроен более дружелюбно, чем другие, и Том, облизав запыленные губы, решил рискнуть.

— Господин, ты что-нибудь знаешь об этом? — Он снова облизал губы. Друзья назвали бы его сумасшедшим за разговоры со стражем.

— Не знаю, Уорнер. Может быть, это связано с новой группой рабочих, прибывающих в деревню.

Том облегченно вздохнул.

— Господин, спасибо. — Он ждал приказа.

— Проходи, Уорнер.

Том пошел дальше, мысленно качая головой. Впрочем, сторожа в зоопарке тоже проявляют интерес к животным, когда узнают их получше.

Он сошел с дороги, приблизился к двери барака и открыл ее. Сделав шаг в полутемное помещение, закрыл за собой дверь. В коридоре было еще три двери: по одной справа и слева, и одна в самом конце, которая вела в спальную секцию рабочих. Том открыл правую дверь. Сидевший за чистым столом мужчина с унылым лицом поднял голову от каких-то бумаг, прищурился и кивнул:

— Входи, Том.

Уорнер вошел в комнату, выполнявшую функции как кабинета, так и спальни, закрыл за собой дверь и опустился на раскладушку у стены.

— Что тебе от меня нужно, Френсис?

Френсис Денэйр, начальник деревни, отбросил прядь седых волос, упавших на глаза.

— Том, мы получаем новых рабочих для карьера. Их надо разместить здесь, в деревне.

Уорнер усмехнулся и покачал головой:

— Где? Нам и сейчас не хватает коек.

— Придется потесниться.

— Френсис, а как с пайками? Их уже давным-давно не увеличивали. Ты понимаешь, что из-за нехватки калорий самые слабые просто умрут?

Френсис покачал головой:

— Пайки останутся на прежнем уровне. — Его взгляд скользнул куда-то, потом вернулся к Тому.

Том опустил голову:

— Если бы нас кормили получше и дали современное оборудование, мы увеличили бы производство на тысячу процентов.

Денэйр улыбнулся:

— Как ты думаешь, Том, что они делают с этим камнем?

Уорнер пожал плечами:

— Полагал, используют для изготовления цемента... что-то в этом роде.

Френсис покачал головой:

— Камень, который мы добываем, отвозят в другую деревню, а там его засыпают в другой карьер.

— Ты... ты уверен?

Френсис кивнул:

— Прошлой ночью через холмы проходили беглецы. Они мне и рассказали.

Том прислонился к стене, положил руки на колени и закрыл глаза:

— И только из-за того, что ненавидят нас.

— Нуумианцы обвиняют людей в том, мы ограничили экспансию их Империи.

— Это сделали не мы, а Ассамблея Квадранта...

— ...в которой большинство голосов за людьми.

Том вскинул брови и кивнул:

— Наверное, этого вполне достаточно, чтобы у нуумианца зародилась ненависть. — Он взглянул на Френсиса.

— Раз уж Ассамблея взялась улаживать эти дела, то, может быть, они вспомнят и о Мистении? Было бы неплохо.

Френсис уже читал свои бумаги.

— Нас обменяли на три другие планеты. Что-то вроде компромисса. Ассамблея открывает три необитаемых мира, а Мистения остается в составе Империи.

— Но почему?

Френсис пожал плечами:

— На Мистении есть люди; для Империи мы своего рода терапия. — Он поднял лист бумаги и протянул Тому. — Вот новое распоряжение. Делай что хочешь.

Том прочитал документ, качая головой. Потом посмотрел на Денэйра:

— Откуда рабочие?

— Какие-то странствующие артисты. Нуумианец, который мне об этом сказал, сообщил, что сначала прибудет небольшая передовая группа, а уже потом, через несколько дней, основная часть. Кто-то начал против этих бедолаг гоату. Интересно, чем они это заслужили?

— Я никак не пойму, чем мы это заслужили. — Том закусил губу, но тут же сменил тему: — Слышал что-нибудь о Линде и моем мальчике?

Денэйр покачал головой:

— Из лагерей заложников уже двадцать дней нет известий. — Старик протянул руку и потрепал Тома по плечу. — Уверен, у них все в порядке. Пока мы играем с нуумианцами в эти дурацкие игры, они не тронут женщин и детей.

Том покачал головой:

— Три года. Три года. Сколько еще могут длиться эти игры? Сколько времени надо нуумианцу, чтобы удовлетворить свою ненависть?

Френсис отвел глаза и пожал плечами. Они оба подозревали, что ответ на этот вопрос — вечность.

29

Сев То Линта, консультант «Большого шоу О'Хары» по Нуумианской империи, сошел на землю с шаттла № 1 и остановился, наблюдая за тем, как люди устанавливают на пло-

щадке шапито. Человек по имени О'Хара подошел к нему, кивнул, посмотрел на рабочих и нахмурился.

— Вас что-то беспокоит, мистер О'Хара?

О'Хара поднял руку, погладил подбородок и повернулся к нуумианцу:

— Не знаю. Здесь должен быть Тик-Тик. Его почему-то нет.

Нуумианец кивнул:

— Это создает какие-то трудности?

Человек покачал головой:

— Нет. Он оставил инструкции. — О'Хара потер шею. — Однако ему следует быть здесь. Мы не получаем радиосообщений с наших шаттлов.

— Возможно, помехи, мистер О'Хара. Планета славится ими. — Нуумианец наклонил голову. — Кстати, я должен явиться к своему начальству. Прошу меня извинить.

О'Хара кивнул:

— Конечно. И поскорее возвращайтесь. Кухня откроется через двадцать минут.

Сев То Линта кивнул, повернулся и направился к низким куполообразным строениям на краю площадки. Похоже, Карл Арнхайм хорошо продумал свою гоату. Часто приходилось слышать, что люди не понимают или не ценят гоату, но человек по имени Арнхайм доказал, что это не так. По крайней мере пытается доказать. Никто не учил его искусству-науке-религии мести, однако предпринятые им шаги по осуществлению гоаты в отношении человека по имени О'Хара представлялись точными и тонко рассчитанными. Сев То Линта не испытывал ни малейшего желания заглядывать в будущее, знать, в чем именно состоит месть Арнхайма, потому что оценивать гоату лучше всего, наблюдая со стороны. И все же нуумианцу было любопытно, сумеет ли Арнхайм отомстить, имея дело с таким странным явлением, как цирк. В этом должно быть нечто особенное, уникальное, и Сев То Линта надеялся, что Арнхайм не разочарует его.

Посланник Сум снял со лба крохотную пластинку и положил ее на телефон. Кивнув, он повернулся к Карлу Арнхайму:

— Линта сообщил, что первые группы людей с корабля «Город Барабу» уже приземлились возле Шацрала.

Удобно устроившийся в кабинете Сума Арнхайм медленно кивнул:

— «Авангард» уже на пути в один из рабочих лагерей?

— Согласно вашим инструкциям, — сказал Сум.

Арнхайм изучающе посмотрел на нуумианца:

— Посланник Сум, я хочу поблагодарить вас за помощь.

Сум отмахнулся:

— Это я должен благодарить вас. Вы не только сделали меня и моих приближенных богатыми, но и позволили нам принять участие в вашей гоате. И это несмотря на расходы, понесенные в связи с покупкой цирковых компаний.

Арнхайм нахмурился. Ему пока не удалось полностью понять, что же такое эта гоата, в чем ее цель и как она работает. Месть, оцениваемая за форму и красоту исполнения? Но это просто глупо!.. Он пожал плечами. Как бы там ни было, похоже, у него все идет как надо. Арнхайм посмотрел в глаза посланнику:

— Следующий шаг — сделать так, чтобы заполнить цирк восторженной толпой. Это осуществимо?

Сум потер руки и кивнул.

— Считайте, что уже сделано. — Нуумианец глубоко вздохнул и восхищенно посмотрел на землянина. То, что творит этот человек, причем не по указке, а по трезвому расчету, — настоящая гоата.

— Затем...

Сум поднял руки:

— Нет! Пожалуйста, не говорите больше ничего. Не хочу, чтобы вы испортили мне эффектный финал.

Арнхайм снова нахмурился, но, взглянув на нуумианца, только пожал плечами. Как угодно, подумал он.

30

Френсис Денэйр стоял у подножия деревенской сторожевой башни и смотрел на толпу только что привезенных рабочих. Грубая, но забавная, пестрая одежда, недоумение на лицах... Самый высокий и плотный мужчина, стоявший несколько

впереди ста сорока своих товарищей, некоторое время пристально глядел на Френсиса, потом поднял голову и посмотрел на вершину башни. Вот уж с кем хлопот не оберешься, подумал Денэйр. Такие смутьяны есть в каждой партии.

Он откашлялся и обратился к новеньким:

— Во исполнение нуумианской гоаты эта деревня была построена с целью отомстить за ограничение роста Империи. Во исполнение этой цели мы добываем молочный камень, который никому не нужен. Похоже, вы попали сюда во исполнение другой гоаты.

Том Уорнер вышел из барака и приблизился к Френсису:

— Сделали все, что могли. Будет тесновато.

Френсис кивнул и только тут заметил поднимающуюся над карьером пыль. Он повернулся к притихшей толпе:

— Сегодня выходить на смену уже поздно. Том Уорнер покажет, где вы будете спать и есть. — Он еще раз посмотрел на стоящего впереди высокого мужчину. — Здесь очень трудно выжить. Так что... не создавайте проблем.

Денэйр повернулся к башне:

— Господин?

— Да?

— Я закончил. Вы желаете что-нибудь им сказать?

Пауза.

— Люди, чтобы выжить, нужно приспособиться. Побег, неуважение, отказ от работы, устройство беспорядков в деревне — все это наказывается. Денэйр?

— Да, господин?

— Пусть высокий останется. Остальных отправь в бараки.

— Да, господин.

Несколько секунд улица была пуста, за хлопающими дверьми раздавались приглушенные голоса и осторожные шаги.

Оставшийся на улице здоровяк сунул в карманы внушительные кулаки, оглядел опустевшую улицу и повернулся к сторожевой башне.

— Ну?

— Твое имя, человек.

Здоровяк сплюнул на землю — не ради того, чтобы очистить легкие, а просто так — и снова взглянул на башню:

— Дирак. Растяжка Дирак. Я менеджер в «Большом шоу О'Хары».

Пауза.

— Дирак. Я знаю, какова гоата тех, кто прибыл до тебя. А какова природа твоей гоаты?

Растяжка пожал плечами:

— Убей — не знаю.

— Что?

— Я понятия не имею, что такое гоата, а если бы и знал, то не представляю, какое она имеет к нам отношение.

— Любопытно. — Страж на башне помолчал. — Дирак, ты знаешь, кого ты оскорбил? Может быть, зная это, я смогу оценить гоату.

Дирак усмехнулся:

— Насколько мне известно, я никого не оскорблял. Но вот что будет, если я заберусь туда и скину тебя на землю? Это оскорбит...

Голубой луч света метнулся с башни к человеку, охватил его и погас. Дирак повалился на землю.

— Ты не должен угрожать, человек. Это наказуемо. Уорнер. — Голос усилился. — Уорнер!

Том Уорнер выскочил из барака и остановился рядом с Дираком.

— Да, господин?

— Уорнер. Ты знаешь, что я не люблю применять шок, но этот человек угрожал мне. Объясни ему — и другим — все правила. Мне бы не хотелось снова использовать силу!

Уорнер поклонился башне:

— Да, господин. — Он опустился на корточки рядом с Дираком. У Растяжки дергались руки и ноги, зрачки закатились. Уорнер похлопал его по щеке. — Тебе еще повезло. Котеночек не любит пользоваться лучом. Другой страж поджарил бы тебя до хрустящей корочки.

Дирак втянул в себя воздух, его пальцы сжались в кулаки.

— Отпусти меня, ты!.. Я все равно не подчинюсь...

Уорнер ударил его по лицу:

— Подчинишься! Как и все прочие! Если, конечно, хочешь жить!

Дирак уже перестал дрожать и теперь холодно смотрел на Тома. От этого взгляда у Уорнера по спине побежали мурашки. Он поднялся и, подхватив Растяжку, поставил его на ноги.

Дирак повернулся к башне:

— А ты немного обидчивый, а?

Долгая пауза.

— Если бы ты не поддерживал Дирака, я бы наказал его. Понимаешь, Уорнер?

— Да, господин.

Уорнер повернул Дирака к баракам. Здоровяк ухватился за своего спутника и, едва волоча ноги, побрел вместе с ним по улице.

— Послушай, что это за кошмар?

Уорнер горько рассмеялся:

— Последние три года я задаю себе этот вопрос.

Ночь на Мистении наступала рано. Пурпурное небо почернело, ветер усилился и шевелил полог главного шатра. Музыка известила переход к предпоследнему акту. О'Хара покачал головой, постукивая ногой в такт маршу. Неподалеку стоял Раскоряка Тарзак, наблюдавший за ветром. Услышав взрыв аплодисментов, О'Хара молча повернулся и зашагал к административному фургону. От «Авангарда» по-прежнему не было никаких известий.

Когда он подошел к ступенькам, из темноты появились Билли Пратт и Бородавка. Хозяин подождал, когда они приблизятся.

— Ну?

Билли Пратт покачал головой:

— Во всем городе ни единой афиши, ни одного постера. Мы с Бородавкой побывали на следующей стоянке. Там то же самое.

Пендианец потер подбородок:

— Я ничего не понимаю. — Он взглянул на О'Хару. — Мистер Джон, гимнасты сегодня задерживаются?

О'Хара нахмурился и протянул руку, указывая на то место, где недавно стояли зверинец, кухня и хозяйственные фургоны.

— Они уехали полчаса назад.

Бородавка покачал головой:

— Мы никого не встретили на обратном пути. Какой дорогой они отправились?

— До следующей стоянки здесь только одна дорога с твердым покрытием. Вы ехали по ней?

Бородавка и Билли Пратт кивнули. Билли почесал затылок:

— Мистер Джон, мы не видели ничего, ни фургонов, ни платформ, ни шаттлов. Они как сквозь землю провалились.

Хозяин взглянул на Билли и тут же посмотрел на главный шатер. Билли Пратт неплохой «разводила», но сейчас О'Харе хотелось бы видеть рядом Ловкача. Какие-то темные фигуры обошли главный шатер, постояли и двинулись к выходу с площадки. О'Хара поискал взглядом бригадира:

— Раскоряка!

Бригадир оглянулся, заметил О'Хару и тут же подошел. Остановившись, он кивнул Билли Пратту и Бородавке и повернулся к Хозяину:

— Мистер Джон.

— Сколько тебе понадобится времени, чтобы собрать всех наших бойцов?

Бригадир пожал плечами:

— Они готовы.

— Готовы?

Раскоряка кивнул:

— Я всегда держу их наготове, когда мы даем первое представление на новой планете. На случай, если кому-то из местных надо помассировать череп. Есть что-то новое?

— По-прежнему ничего. — О'Хара покачал головой и стал подниматься по ступенькам. — А теперь, похоже, и кое-кто еще тоже пропал.

Он открыл дверь фургона, вошел и включил свет. Дождавшись, пока к нему присоединятся Раскоряка, Билли и Бородавка, Хозяин подошел к пульту связи и нажал несколько кнопок. Потом сел на стул и взял микрофон.

— Это О'Хара. Погонщик, где ты? Отзовись!

Тишина. Повторив попытку еще пару раз, О'Хара откинулся на спинку стула и покачал головой.

— Что же это, черт возьми, происходит? — Он повернулся к Билли Пратту. — Билли, иди и приведи мне этого нуумианца... Линта. Хочу задать ему несколько вопросов...

Музыка оборвалась, и тут снаружи донесся топот сотен ног. Хозяин вскочил. Раскоряка открыл дверь и уже ступил на порог, но тут же попятился. В фургон с оружием в руках вошел нуумианец. Это оказался Линта. Он кивнул О'Харе:

— Гоата.

Билли Пратт шагнул было навстречу нуумианцу, но какая-то невидимая сила ударила в него, и он рухнул на пол.

31

Хаву Да Мираак повернулся на своей спальной пластине, надеясь хоть как-то растянуть период отдыха до обязательного пробуждения. Наконец он опять лег на спину и вздохнул. В голове роились тысячи мыслей. Хаву открыл глаза и посмотрел на прибор отсчета времени, установленный на консоли перед передней сферой обзора. До пробуждения еще восемь кругов. Хаву сел, проверил все четыре сферы обзора, оглядел деревню. С тех пор, как двадцать циклов назад доставили новую партию людей, здесь ничего не изменилось. В самом конце улицы стояло большое, крытое полотном сооружение с разноцветными флажками на самом верху. Ветра не было, и флажки обвисли.

Хаву потянулся, спустил ноги со спальной пластины и встал на пол. Пластина автоматически сложилась и втянулась в стену. Одним движением синей четырехпалой руки он убрал затемняющее поле вокруг капсулы, и в крохотную комнатку хлынул странный местный свет. Пройдя в центр комнаты, Хаву шагнул на притопленную пластину и несколько секунд понежился в очищающем луче, потом отступил, достал из шкафчика свой дневной паек и сел, чтобы съесть первую порцию. Закончив с едой, Хаву выбросил в рециклер упаковку, надел чистую форму, лежавшую под специальным прессом, и уселся перед пультом, чтобы начать дневную вахту, хотя у него в запасе еще оставалось полтора оборота.

Экран поля ночного контроля показал слабые следы присутствия какой-то местной животной жизни, отыскивающей добычу среди скал и сухой редкой растительности. Хаву пока-

чал головой и отключил поле ночного контроля и силовое поле, защищавшее капсулу. Интересно, почему люди решили обосноваться на этой заброшенной планете? Он обвел взглядом пустынный горизонт и наконец сосредоточил внимание на огромном полотняном сооружении. Установка этого сооружения вызвала в деревне небывалое волнение. Хаву уже не в первый раз подумал о том, что было бы любопытно выбраться из капсулы и прогуляться среди людей, но тут же остановил себя — это просто глупость.

Прибор отсчета времени подал звуковой сигнал, и Хаву перевел его в режим молчания. Глядя на прибор, он спросил себя, сколько времени прошло с тех пор, как его назначили в эту деревню. Покачав головой, страж снова посмотрел на бараки. Скоро все повторится: крики «Просыпайтесь!», привычная суета. Рабочие поднимутся с коек, потом отправятся, чтобы съесть какую-нибудь скудную пищу, затем выстроятся перед башней для проверки. И наконец потянутся в карьер, где их ждет тяжелая и никому не нужная работа.

Хаву нахмурился. Стражам не положено размышлять о подобных вещах. Если забивать себе голову такими вещами, как рутина, скука и — как ее?.. — несправедливость, то можно сойти с ума. Он устроился поудобнее в кресле и вспомнил, что гоата, постигшая всех этих людей, стала результатом решения Имперского Суда, получившего инструкцию от Королевской Семьи. Люди считали, что рождены быть свободными, чтобы завоевывать другие миры, выполнять полезную работу. Вместо этого горстка людей захвачена, порабощена и обречена на бессмысленный труд. Можно ли это считать настоящей гоатой? Тем более что те, кто страдает от мести Империи, это совсем не те, кто несет ответственность за наложенные на Империю ограничения. Нет, такая гоата не достойна Королевской Семьи.

Он подался вперед и включил систему оповещения. Оставалось надеяться, что в случае с этими циркачами гоата сработает лучше. Хава нажал кнопку, и в деревне зажегся свет. Потом включил систему односторонней связи.

— Просыпайтесь! Просыпайтесь! — Он помолчал и улыбнулся. — И с добрым утром!

* * *

Билли Пратт бросил кусок молочного камня в корзину, выпрямился и потер ладонью поясницу. Солнце пекло, в заполненном пылью карьере было нестерпимо жарко. В нескольких шагах от Пратта работал киркой Дирак. Камни падали под ноги, один кусок откатился к Билли. Он огляделся — повсюду в пыли виднелись фигуры людей, врубающихся в каменные стены или наполняющих корзины бесполезным грузом. Билли покачал головой.

— За что? — ни к кому не обращаясь, спросил он.

За стуком кирок его никто не услышал. «За что?» — подумал он. Откалывать куски камня, загружать ими корзины — и только для того, чтобы где-то кто-то высыпал эти камни в другой карьер.

— Человек! — Услышав голос из сторожевой башни, все в карьере замерли.

Билли поднял голову и оглянулся.

— Да, ты. Тот, кто стоит. Согни спину, человек. Тебе еще предстоит сдвинуть горы.

Билли нагнулся, качая головой.

— Прямо-таки поэт, — пробормотал он. — «Сдвинуть горы».

Подняв кусок скалы, Билли Пратт заметил рядом с собой знакомую фигуру. Не поворачиваясь, человек сказал:

— Продолжайте работать и разговаривайте шепотом. Я Том Уорнер. Как вас зовут?

— Билли Пратт.

— Предупреждение было первое и единственное. Если он поймает вас еще раз, то накажет.

Билли уже видел, что делает с человеком удар силового поля, а потому удвоил усилия.

— Уорнер.

— Что?

— Что такое гоата?

Том пожал плечами и потянулся за очередным камнем:

— Месть. Вот и все, что я знаю. Френсис, похоже, разбирается в этом получше меня.

— Френсис? Тот, который управляет лагерем?

— Да. — Том бросил камень в корзину. — Вы знаете что-нибудь о восстании? Эти двое, Дирак и тот, которого называют Раскорякой, они ведь задумали что-то, да?

— А почему бы и нет? Нельзя же оставаться здесь до конца жизни?

Том покачал головой:

— Одна попытка уже была. У вас ничего не получится.

Билли выпрямился, но вовремя вспомнил о предупреждении и наклонился за камнем.

— Почему? Я насчитал всего три сторожевые башни, а нас здесь не менее четырех тысяч.

— Говорю вам, попытка уже была. Эти башни неуязвимы. Я хочу, чтобы вы поговорили с вожаками, убедили их отказаться от задуманного. В противном случае пострадают все.

— Но как... — Билли замолчал, видя, что Уорнер поднял корзину, взвалил ее на плечо и, пошатываясь, двинулся по дорожке к началу карьера.

Билли вернулся к работе, думая о том, каким странным образом сегодня утром разбудили деревню. Страж пожелал им доброго утра. Еще один кусочек мозаики, которую надо сложить, хотя кусочков явно не хватает.

Он не мог повлиять на тех, кто готовил восстание. Билли скорчил гримасу, представив, как другие воспримут его слова. К нему и так относились неодобрительно, кое-кто обвинял его во всем, что произошло. Конечно, открыто никто не говорил, что ответственность лежит на нем, но хватало и фраз, типа: «Жаль, с нами нет Ловкача. Он бы знал, что делать. Ловкач бы нас всех вытащил. С Ловкачом мы бы в такую передрягу не попали». И так далее.

Билли плюнул на землю, наклонился и поднял корзину. Артур Бернсайд Веллингтон, Ловкач, постоянно был где-то рядом, не позволяя забыть о себе. Соответствовать старому «разводиле» было трудно. Ловкач сделал бы иначе; Ловкач сумел бы лучше; жаль, что Ловкач ушел. Днем раньше, вернувшись из карьера, Билли попытался поговорить об этом с Хозяином. Мистер Джон не выразил сочувствия:

— Разве не ты теперь разводила?

— Да.

— Ну так разводи, Билли. Цирку приходит конец. Твоя работа — вытащить нас отсюда.

Билли взвалил корзину на плечо и повернулся к тропинке.

— И что я должен делать? — пробормотал он.

— Прекратить работу и построиться на перекличку!

Люди в карьере облегченно вздохнули. Билли опустил корзину, а когда выпрямился, наткнулся на пристальный взгляд Дирака. Билли отвернулся и двинулся к другим, уже становившимся в шеренгу.

32

Вечером, пережевывая четвертую дневную пайку, Хаву Да Мираак наблюдал за людьми, устало тащившимися из барака, отведенного для питания. Несколько человек остановились на тускло освещенной улице и о чем-то коротко поговорили, после чего разошлись по спальным баракам. Горизонт уже утонул в серо-черной тени ночи, почти слившись с черно-фиолетовым небом, и Хаву включил поле ночного контроля. Подождав, пока на улице никого не осталось, он включил и силовое защитное поле. На экране появились лишь слабые сигналы присутствия незначительных жизненных форм за пределами деревни. А вот люди еще перемещались между бараками, оставляя на мониторе широкие красные следы. Кто-то, шедший из барака для питания, приблизился к самой башне и остановился. Хаву нахмурился и выглянул в переднюю сферу обзора. Человек — худой, в запыленной одежде, смотрел на него. Хаву увеличил разрешение, вгляделся в лицо на экране и прочел появившуюся надпись.

— Ты Билли Пратт, человек из цирка.

Человек вздрогнул, словно напуганный, огляделся и снова поднял голову.

— Да... э... господин. Я просто смотрю на башню. Я не замышлял ничего плохого.

— Ты не оскорбил меня. — Хаву помолчал.

А почему бы и нет? Ему было скучно.

— Пратт, что ты делаешь в цирке?

— Я разводила... юридический советник. — Человек рассмеялся и развел руками. — В мои обязанности входит предотвращение таких вот ситуаций. — Он посмотрел себе под

ноги, покачал головой и снова взглянул на башню. — Господин, можно я задам вопрос?

— Задавай.

— Вы находитесь там все время?

— Моя смена — один год. Все это время я нахожусь здесь.

— А вам... вам не скучно?

Хаву откинулся на спинку стула, поднес руку к кнопке излучателя, но потом опустил ее на колено. Отметив свою реакцию, он понял, что человек попал в точку, но вины человека в этом не было. С их точки зрения вопрос вполне обоснованный.

— Мне не полагается скучать. В стражи определяют тех, кто хорошо переносит одиночество.

Человек скорчил гримасу:

— Но все же... вам не скучно?

Хаву внимательно посмотрел на человека и принял решение:

— Да, иногда мне становится скучно. Мне есть чем заняться в капсуле, я наблюдаю за тем, как проходит гоата, однако временами мне бывает скучно.

Человек потер подбородок:

— Можно еще один вопрос?

— Можно.

— Мне тут пытались объяснить, но я все равно не совсем понял. Что такое гоата?

Хаву уже открыл рот, собираясь объяснить — это была его любимая тема, — но остановился. Человек показался ему достаточно разумным, жаждущим узнать новое. Нуумианец проверил личное оружие, подумал о предстоящей бесконечной череде однообразных дней впереди и повернулся к стоявшему перед башней человеку.

— Понятие гоаты требует долгого объяснения. Завтра, когда вернешься из карьера и отстоишь проверку, приходи к башне. Мы обсудим все подробно.

Все, кто еще оставался на улице, замерли с открытыми ртами, будто пораженные силовым лучом. Человек по имени Пратт опомнился первым и кивнул:

— О'кей. Увидимся. — Он указал на барак. — Я могу идти?

— Иди.

Человек пошел, а Хаву с интересом отметил, что и остальные люди ожили, зашевелились и двинулись к баракам. Два больших человека последовали за Праттом. За несколько секунд улица полностью опустела. Хаву включил защитное поле, поднялся и оглядел свое помещение. «Может быть, Пратту просто любопытно, но не надо забывать, что он заключенный», — подумал нуумианец.

Хаву достал из-под пресса уличную форму, снабженную индивидуальным защитным полем. Последний раз он пользовался ею полгода назад. Хаву с удивлением поймал себя на том, что с нетерпением ожидает первого вечера с компанией.

Едва Билли Пратт вошел в барак, как на его плечо опустилась огромная, тяжелая рука. Он оглянулся и увидел Растяжку Дирака, который сурово смотрел на него сверху вниз. Дирак кивнул, показывая на дверь напротив двери Френсиса Денэйра.

— Я устал, Растяжка, — сказал Билли Раскоряке. — Послушай, я хочу спать.

Свободной рукой Растяжка открыл дверь и запихнул Пратта внутрь. Лежавший на кровати Том Уорнер поднял голову и нахмурился:

— Что все это значит?

Растяжка и Раскоряка, вошедшие вслед за Билли, уселись на кровати напротив Уорнера. Дирак закрыл дверь и подтолкнул Пратта к кровати Тома.

— Наш Киска пригласил Билли на обед.

Том удивленно уставился на Билли, потом повернулся к Растяжке.

— Я... как... то есть...

— Ничего. Ты с самого начала был против восстания, говорил, что ничего не выйдет. А если кто-то попадет в башню?

Том сел, потер подбородок, посмотрел на Билли:

— Думаешь, что сможешь убить нуумианца?

Билли оглядел троих мужчин, поднялся и покачал головой:

— О нет! Нет, нет и нет! Только не я.

Растяжка толкнул его в грудь, и Билли рухнул на кровать.

— Сядь и заткнись. Сейчас ты — наш единственный шанс.

— Я не какой-нибудь боевик...

— Да ты и не разводила. — Растяжка повернулся к Тому. — Так что? Если он попадет в башню, у нас есть шанс?

Том кивнул и улыбнулся:

— Есть. Один. — Он отвернулся, опустился на пол и вытащил кусок стены, а из тайника извлек нечто похожее на деревянный пистолет. Том протянул его Дираку.

— Что это?

— Если Киска впустит Билли в башню, то наверняка обезопасит себя индивидуальным защитным полем. Или, что вероятнее, наденет защитный костюм. Мы узнали об этом два года назад, когда сами пытались поднять восстание.

Дирак нахмурился:

— Что случилось?

— Мы следили за тем, как происходит смена. При этом тот, который был в башне, выходит, садится в скутер и уезжает. Мы попытались попасть на них в момент смены, но нас остановило защитное поле. Потом ударили лучи... — Том поджал губы. — Внутри капсулы поле очень слабое. Иначе оно разорвало бы башню.

Растяжка взял в руку пистолет:

— А это что такое?

— Эта штука снабжена пружиной и выстреливает заостренный металлический болт. — Том помолчал и посмотрел на Билли. — Если Киска захочет поесть или поговорить, то ему придется убрать защитное поле с лица. Стреляй в него.

Растяжка положил пистолет на колено Билли. Оружие было небольшое, с крючком под дулом для освобождения пружины.

Дирак повернулся к Тому:

— Если мы захватим башню, то сможем ли воспользоваться их оружием для штурма двух других?

Том кивнул:

— Луч бьет на большое расстояние, и, когда Билли войдет в башню, мы все будем в дерьме. Так что особенно осторожничать с прицеливанием не придется. — Уорнер повернулся к Билли. — Когда ты пойдешь?

Билли почувствовал, что у него пересохло во рту:

— Сразу после возвращения из карьера.

Том кивнул:

— Тогда лучше возьми его с собой. Спрячь под рубашку на поясе. У тебя может не быть времени забрать его отсюда. И помни, стрелять надо только в лицо.

Билли посмотрел на пистолет и перевел взгляд на Дирака:

— Растяжка, я... я...

Дирак схватил его на плечо:

— Сделай хоть это для своего цирка! Неужели не сможешь?

Билли опустил голову, сглотнул и сунул оружие за пояс. Потом поднялся и шагнул к двери:

— Я ухожу.

Он уже открыл дверь, когда Растяжка тоже поднялся:

— Не подведи нас, Билли. Понятно?

— Понятно. — Билли вышел из комнаты и остановился. За дверью барака высилась башня. Он закрыл глаза и покачал головой.

33

Посланник Сум переступил порог стыковочного модуля шаттла. На борту «Города Барабу» его ждал Карл Арнхайм:

— Решили проинспектировать свой новый военный транспорт, посланник Сум?

Сум внимательно посмотрел на человека и покачал головой:

— Я прилетел, поскольку то, что мне нужно сказать вам, нельзя доверить радиоволнам.

Арнхайм нахмурился и повернулся к двери кают-компании:

— Пойдемте туда, там можно поговорить. — Он зашагал по коридору, открыл дверь, вошел и пригласил нуумианца садиться. Сам же повернулся к бару. — Выпьете, посланник?

— Нет.

Арнхайм пожал плечами, налил себе чашку пурима и опустился на кресло напротив Сума:

— Итак, посланник, какие проблемы возникли?

Сум оперся на край стола:

— Возможно, никакие, мистер Арнхайм, возможно, очень серьезные. Ваша гоата привлекла внимание Имперской Палаты.

Арнхайм сделал глоток, кивнул, поставил чашку на стол и спокойно взглянул на нуумианца:

— И что?

— Мистер Арнхайм, уничтожение «Большого шоу О'Хары» как часть искусно осуществленной гоаты вполне соответствует законам Империи. Но в Палате есть такие, кто считает, что речь в данном случае идет не о гоате. Они намерены доказать, что вы действуете, руководствуясь всего лишь интересами материальной выгоды.

Арнхайм подался вперед, глядя в глаза нуумианцу:

— Я не получу от этого ничего, если не считать сокрушение Джона О'Хары. Как вам прекрасно известно, я уже потратил кучу денег, но даже не претендую на корабль. Мы договорились, что «Город Барабу» со всем его оборудованием передается Империи.

Сум кивнул:

— Да, это и смущает большинство ваших критиков. Однако сам по себе акт уничтожения, осуществленный без какого-либо стиля, также неприемлем.

— При чем здесь стиль?

— Я понимаю, вы невежественны в том, что касается гоаты, и, если быть откровенным, мистер Арнхайм, именно это меня раздражает. До сих пор вы все делали совершенно правильно. Когда ликующая публика арестовала артистов, это было великолепно. Отличный штрих. Но, пусть мне этого и не хочется, вам все же следует рассказать мне все. Все до конца. Если гоата проведена неадекватно, нам грозит принудительная реституция. Мистер О'Хара будет восстановлен в своих правах, а нас с вами ждут большие неприятности.

Арнхайм задумчиво кивнул, сделал еще глоток и отставил чашку:

— Вы хотите сказать, что если я не уничтожу О'Хару в соответствии с определенными правилами, то он выйдет сухим из воды, а я потеряю последнюю рубашку?

Сум кивнул:

— Весьма подходящее описание.

Арнхайм допил то, что оставалось в кружке, откинулся на спинку кресла и сложил руки на груди:

— Что ж, в таком случае, полагаю, вам стоит подробно просветить меня насчет этой гоаты.

Хаву Да Мираак задумчиво смотрел на человека по имени Билли Пратт, сидевшего напротив него за складным столиком. Пратту, похоже, очень понравился подъем в капсулу на силовом поле, и он чуть было не закричал от восторга, когда попал в очиститель, избавивший его одежду от пыли. Но после того, как гость съел свой паек, он впал в долгое, непонятное молчание. Иногда Пратт вздрагивал, нервно озирался, посматривал в обзорную сферу. На улице почти никого не осталось. Большинство людей были заняты едой.

Хаву вздохнул. Встреча с человеком оказалась не такой интересной, как он надеялся. Пратт молчал, вздрагивал, запускал руку под рубашку. Хаву знал, что вскоре ему придется отправить человека в барак — надо же ему отдохнуть перед очередным рабочим днем. Хаву не вполне понимал смысл того, что объектом гоаты стали люди из цирка. Будь у него достаточно воображения, он и сам осуществил бы гоату в отношении Имперской Палаты, которая обрекла стражей на прозябание в этой глуши ради контроля за людьми.

— Пратт, ты спрашивал меня о гоате.

Человек чуть не подпрыгнул и торопливо вынул руку из-под рубашки.

— Да. — Он глубоко вздохнул и медленно выпустил воздух. — Да.

— Итак?

Пратт пожал плечами:

— Я просто не понимаю. Вы, нуумианцы, превратили в религию уничтожение людей?

— Нет, нет. — Хаву покачал головой. — Гоата — это не уничтожение людей, если не считать периферийной функцией то, что вы называете местью.

— Не вижу разницы.

Хаву нахмурился и подался к столу:

— Мы говорим «гоата», называя то, что у вас зовется местью. Но этим же словом мы обозначаем и то, что вы называете справедливостью. Если перевести на ваш язык

буквально, то гоата означает выравнивание весов, восстановление баланса.

Пратт покачал головой:

— Ну, теперь уж я точно не понимаю. — Он повернулся и кивнул в сторону обзорной сферы: по улице шли усталые люди, возвращающиеся в бараки после ужина. — Мы не называем это справедливостью. Насколько я знаю, Империя просто мстит им всем за то, в чем они совершенно не виноваты. Не знаю, при чем здесь «выравнивание весов».

Хаву кивнул и тут же пожал плечами:

— Некоторые воспринимают людей как единое целое. Предавая гоате одного человека, мы предаем всех...

— Полная чепуха.

Хаву выпрямился и положил руку на рукоятку шокового пистолета:

— Поясни.

— Если то, что вы говорите, правда, то нет никакой причины поступать с этими людьми так, как поступаете вы. То есть нет смысла делать это со всеми. Предайте вашей гоате одного человека.

Хаву убрал руку с оружия и внимательно посмотрел на собеседника. Пратт сказал то, о чем нуумианец сам думал много раз. Гоата, спланированная и осуществленная Имперской Палатой, сильно смахивала на предлог, рациональную конструкцию, причем не очень убедительную.

— Верно, это плохой пример гоаты.

Пратт откинулся на спинку стула и сложил руки на груди. Похоже, он уже не нервничал.

— Дайте мне хороший пример гоаты.

— Ладно. — Хаву ненадолго задумался. — Классический случай гоаты описан в «Нуумианских хрониках». Там говорится о двух братьях, Хаккире и Джолдасе, которые оба стремились взять в жены Айелу. Айела предпочла Хаккира Джолдасу, и последний решил опорочить брата в ее глазах. Джолдас угнал из поместья отца скот, продал его и представил дело так, будто преступление совершил Хаккир. Узнав о случившемся, отец отрекся от Хаккира и изгнал его со своей земли. После этого Айела тоже отказала Хаккиру и одарила своей

благосклонностью Джолдаса. — Хаву помолчал и добавил: — Это называется бент.

Билли Пратт нахмурился:

— Бент?

— Да. Основа каждой гоаты — бент, выведение весов из равновесия, причина, если угодно. Как бы ты чувствовал себя на месте Хаккира, что бы ты чувствовал по отношению к Джолдасу?

— Да ничего хорошего. Не знаю, убил бы я его, но желание наверняка возникло бы.

— Это было бы неартистично, такой грубый прием, Пратт, не гоата. Но ты понял бент?

— Думаю, да. Имперская Палата считает, что Ассамблея Квадранта, в которой большинство составляют люди, остановила традиционную экспансию Империи. Отсюда — бент для гоаты. Палата выбрала для своей гоаты других людей; это то же самое, если бы Хаккир выбрал первого попавшегося ему на улице нуумианца, а не Джолдаса. Примерно так?

Хаву задумчиво посмотрел на человека, хмуро усмехнулся и покачал головой:

— Давай пока остановимся на Хаккире и Джолдасе.

Нуумианец чувствовал себя не в своей тарелке. Гоата Имперской Палаты действительно не выдерживала критики. Но кто осмелится усомниться в справедливости решения Палаты, вынесенном под диктовку Королевской Семьи? Такого прежде никогда не случалось.

— Хаву, так что случилось с Хаккиром и Джолдасом? Думаю, я понял, что такое бент.

Нуумианец сделал вид, будто не заметил фамильярного обращения.

— Хорошо. Имея бент, Хаккир мог пойти либо путем джах, либо путем наджах. Джах — это устранение цели.

— Например, убить Айелу. Тогда Джолдас не получил бы ее.

Хаву кивнул. Человек, похоже, оказался способным учеником.

— Но Хаккир предпочел наджах. Наджах позволяет объекту мести достичь цели, которая стала причиной бента, или установить чаши весов в неравном положении. Но делается

это таким образом, что при достижении цели чаши весов уравниваются — это гоата.

Билли Пратт кивнул:

— Джолдас получает девушку, но оказывается, ему не по вкусу то, что он получил.

— Да. — Хаву откинулся на спинку и сделал глоток из своей чашки. Что ж, вечер, похоже, все-таки удался. — Далее, ты должен понять чувства Хаккира к Айеле и отцу. Отец не поверил ему, когда он утверждал, что не виновен.

— Таким образом, отец тоже разбалансировал весы, как и Айела. Она ведь не поверила ему.

Хаву улыбнулся и кивнул:

— К отцу и Айеле он решил применить джах. Цель отца состояла в поддержании чести семьи. Цель Айелы — найти богатого супруга. Как ты понимаешь, все эти элементы и стали составными частями одной гоаты. Искусство в данном случае то, что Хаккир сумел объединить джах и наджах в одном действии.

Билли Пратт задумчиво потер подбородок и кивнул:

— Сладкая месть.

— Не понимаю.

Билли посмотрел на нуумианца:

— Когда акт мести особенно удачен, когда возмездие в полной мере соответствует преступлению, мы, люди, называем это сладкой местью. — Он еще раз кивнул. — Думаю, теперь я понял, что такое гоата. Продолжайте. Что же сделал Хаккир?

— Хаккир исчез и начал новую жизнь под другим именем. Он оставил записку, в которой сознался во всех своих преступлениях, но сделал это так, что Джолдас оказался разоблаченным.

Билли Пратт поднял руку:

— Подождите, давайте посмотрим, смогу ли я угадать, что случилось. Джолдаса отдали под суд?

— Да.

Билли кивнул:

— И он потерял свое состояние.

— Его признали виновным и обязали выплатить суду крупную сумму. Очень крупную.

— Скандал, конечно, опорочил доброе имя отца — джах. Джолдас остался на бобах, а Айела лишилась богатого супруга — джах. — Билли довольно усмехнулся. — И, конечно, Айела, став супругой бедняка, потеряла свою привлекательность.

— Настоящее чудовище.

— Наджах для Джолдаса. — Билли снова кивнул. — Да, в этой гоате действительно есть нечто прекрасное.

— Есть еще кое-что, чего я не объяснил. Гоата дополняется хазбом, и Хаккир своей запиской также совершил хазб.

— Дайте мне угадать. Хазб — это позволить объекту мести узнать, кто совершил ее.

— Верно. И это причиняет ему дополнительные страдания.

Билли кивнул. Лицо его стало серьезным:

— Теперь я понимаю, что люди, бывшие здесь до нас, стали жертвами джаха и, конечно, хазб тоже доставил им немало мучений. Но вот связи между бентом, возникшим в результате решения Ассамблеи Квадранта, и гоатой, на которую обречены колонисты, я не вижу.

Хаву развел руками:

— Я уже сказал, это неудачный пример.

Билли выглянул на улицу. За дверями бараков триста колонистов Мистении и триста рабочих цирка ждали от него сигнала, что башня захвачена. Он повернулся:

— Мне пора возвращаться в барак. Нам обязательно нужно еще раз встретиться.

Рыжий Пони Мийра опустился на солому рядом со слонами. Им разрешалось держать животных и заботиться о них, но только в свободное от работы время, то есть отнимая минуты и часы от еды и сна. Пони удивленно поднял бровь, когда в зверинец вошел Билли Пратт. Рядом с ним шагал Хозяин. Далее следовали Растяжка Дирак и колонист Уорнер. Пони повернулся на бок и закрыл глаза. Проведя целый день в пыльном карьере, а потом присмотрев за животными, он не испытывал ни малейшего желания тратить драгоценное время на разговоры.

— Пони?

Пони открыл глаза, посмотрел на Хозяина и снова закрыл их:

— Здесь таких нет.

В следующий момент главный дрессировщик ощутил весьма чувствительный удар пониже спины. Он повернулся, стиснув кулаки, и заметил, что потревожил его ботинок Хозяина.

— Что это, черт побери, вы делаете?

— Не могу допустить, чтобы ты проспал всю жизнь, Пони. Собирай свою банду и начинай подготовку к параду.

— К па... что? — Растяжка помог Пони подняться, а Хозяин и Билли уже шли между клетками. За ними бежал Костыль Орло. Пони посмотрел на Дирака.

— Растяжка, ты можешь сказать мне, в чем дело?

Дирак пожал плечами:

— Знаю только одно: через десять дней мы устраиваем парад и даем представление. — Он усмехнулся и покачал головой. — Мне объясняли, но я все же не понял, в чем дело.

Пони хмуро посмотрел на клетки:

— Парад? — Он повернулся, сделал несколько шагов и ни с того ни с сего наградил пинком рабочего, разлегшегося на брезенте. — Клык, вставай и начинай готовить фургоны для парада. Видишь, какие они грязные!

— А? — Клык зевнул и потер пострадавшее место. — В чем дело, Пони?

— Парад на подходе: вставай, я хочу, чтобы эти фургоны сияли. Где Вощеный?

Клык потряс головой, просыпаясь, и указал в дальний угол палатки:

— Спит где-то там.

— Иди и скажи ему, что нужно все привести в порядок. Вычистить, отремонтировать и отполировать.

— Парад?

— Ты же слышал!

Клык поднялся с брезента и двинулся в другой конец палатки. Пони повернулся к Растяжке:

— Будем готовы, но... к чему?

Дирак усмехнулся:

— Гоата.

Спавший на полу Ускользающий Саша приподнялся и увидел перед собой Удивительного Озамунда, выглядевшего на изумление мрачным.

— В чем дело, дружище?

Озамунд поднял голову и тут же снова опустил ее:

— Не знаю, что и делать. Просто не знаю. Мистер Джон хочет отправить письма во все лагеря. Я сказал, что это невозможно, а он ответил, что потому и дал мне работу иллюзиониста и мага.

Саша поджал губы, нахмурился, потом улыбнулся:

— Перестань, дружище. — Он поднялся и пересел поближе к магу. — Неужто величайший во Вселенной волшебник и знаменитый эскапист не смогут придумать, как доставить куда-то почту?

Озамунд вскинул брови и посмотрел на друга:

— Есть идея?

Саша пожал плечами:

— Нуумианцы сущие тупицы, когда речь идет о том, чтобы засадить человека под замок. Напомни, чтобы я рассказал о своем знакомстве с Центром Безопасности. А, вот это было дело! Поломал я себе голову. — Он усмехнулся. — Конечно, самое трудное было попасть туда. Мне пришлось...

— У тебя есть идея?

— Конечно. — Саша вздохнул. — Но письмо — такая маленькая штуковина. — Его глаза вдруг вспыхнули. — Вот если бы нужно было увести слонов...

34

На огороде за лагерем заложников Линда Уорнер поднялась от грядки, разогнула занемевшую спину и только тогда заметила идущих по дороге людей. Это были рабочие из отвала, тащившие наполненные камнями тачки. Она оглядела огород и покачала головой. С прибытием женщин и детей из цирка количество едоков значительно увеличилось, а их еще нужно было всему учить. Линда поморщилась, вспомнив толстуху по кличке Пузырь — едва ходит, а съедает в день за пятерых, причем подметает все!

Она подобрала инструменты, повернулась и зашагала вниз по склону в направлении лагеря. Подойдя к дороге, Линда

остановилась, вглядываясь в лица проходящих мимо мужчин в надежде увидеть Тома. Она, конечно, знала, что муж в другом лагере, у карьера, но ведь всякое могло случиться. Женщина взглянула на сторожевую башню, катившуюся параллельно дороге, и сразу же опустила голову. Лучше подождать. Груженые тачки, поскрипывая и поднимая пыль, тянулись мимо. Неожиданно внимание Линды привлек брошенный кем-то на обочину толстый конверт. Чья-то нога присыпала его пылью, и он был почти незаметен.

Когда сторожевая башня проехала, Линда выронила мотыгу и наклонилась, чтобы поднять ее. Выпрямляясь, она подхватила конверт, повернувшись так, чтобы бдительный нуумианец не заметил ничего подозрительного. Линда торопливо сунула конверт под рубашку и двинулась дальше.

Уж не весточка ли от Тома? Ей хотелось поскорее добраться до лагеря, но она заставила себя идти не спеша. Через минуту ее остановил голос стража, которого колонисты прозвали Бумером.

— В чем дело, Линда? — осведомился нуумианец, который, как подозревала Линда, получал столько же удовольствия, охраняя лагерь, сколько и охраняемые от того, что их охраняют. — Ты что-то грустна сегодня.

— Конечно, господин. Это гоата.

— Верно, Линда, верно. Но не совсем удачная. Никто не должен так страдать... — Бумер не стал развивать мысль. — Решения Королевской Семьи неоспоримы.

Линда улыбнулась про себя. «Значит, запуганы даже они», — подумала она.

— Я могу идти, господин?

Пауза.

— Что ты подняла на дороге, Линда?

Она почувствовала, как в груди похолодело.

— Мотыгу, господин. Я ее уронила.

Пауза.

— Иди, Линда.

Она дошла до лагеря, не смея оглянуться, и свернула к баракам, где страж уже не мог наблюдать за ней. Рука сама метнулась под рубашку и извлекла пыльный мятый конверт. Линда смахнула пыль и, прищурившись, прочла мелко напи-

санные слова. «Джилл Железная Челюсть». Слезы подступили к глазам — она так надеялась, что письмо от Тома. Линда снова спрятала послание под рубашку. Значит, письмо предназначено той, привыкшей, как видно, командовать старухе из цирка.

Выходя из-за барака, Линда поправила юбку и направилась к навесу, где оставила свои инструменты. Она вытащила конверт, но подумала: если страж что-то заметит, наказания не избежать. Еще раз взглянув на письмо, Линда кивнула и убрала его на прежнее место. Как бы ни была ей неприятна Джилл, но ни утаить письмо, ни прочитать его она не могла. Интересно, кто же это так рискует ради какой-то старухи?

Линда вышла из-под навеса, прищурилась от еще яркого света и повернула к баракам. Войдя, она увидела, что женщины из цирка, как всегда, собрались вокруг Джилл и внимают перлам мудрости, которые изрекает седая вещунья.

Линда подошла к Джилл, вытащила конверт и протянула старухе:

— Это тебе.

Железная Челюсть стала открывать письмо, а Линда направилась к выходу.

— Дорогуша?

Линда повернулась:

— Да?

Железная Челюсть подала ей клочок бумаги:

— Тебе. От кого-то по имени Том.

Линда трясущимися руками взяла бумажку.

«Дорогие Линда и Бобби, я здоров и люблю вас обоих. Сделай все, что сможешь, убеди колонистов последовать указаниям Джилл Железной Челюсти. С любовью, Том».

Линда подошла к лавке и опустилась на нее. Потом перечитала письмо. Закончив, она взглянула на Джилл. Старуха качала головой, потирая бородавку на носу.

— Ну, девочки, я всегда говорила, что Билли Пратт сумасшедший, и вот вам доказательство. — Она снова покачала головой. — Ну и ну. Хозяин тоже спятил. — Старуха оторвалась от бумаг и передала их одной из девушек. — Пусть все в лагере подпишут вот это. Не пропусти ни души. — Она взглянула на Линду, и та кивнула в знак согласия. — Линда Уорнер по-

может тебе с колонистами. — Джилл улыбнулась. — У остальных задача полегче. Вам надо придумать, как устроить шоу без животных, без арены, без костюмов и без мужчин. — Старуха поднялась, почесала подбородок и еще раз посмотрела на Линду. — После того, как поможешь Простушке Джейн собрать подписи, мне надо поговорить с тобой. Объяснишь, что такое гоата. Только помедленней.

35

На планете Нуумия собирались депутаты Имперской Палаты. Представитель короля, Зереб Ни Су, поклонился депутатам и занял свое место. Специальную сессию созвали по требованию трети делегатов, и это означало, что молодые радикалы предпримут, вероятно, еще одну попытку навязать монархии новое правительство. Разглядывая рассевшихся депутатов, Зереб улыбнулся. Ему не впервой защищать короля.

Внизу, под подиумом представителя монарха, поднялся Председатель Палаты.

— Сессия Палаты объявляется открытой. Согласен с предложением обойтись без обычных предварительных формальностей.

Председатель повернулся и улыбнулся Зеребу. Тот кивнул в ответ — с предложением обратился именно он. Не стоит давать воли этим молодым крикунам.

Кое-где послышались голоса согласных. Председатель поставил предложение на голосование, и его приняли без какого-либо сопротивления.

В заднем ряду поднялся один из депутатов:

— Прошу слова.

Председатель кивнул:

— Предоставляю вам слово, депутат Мису Цхе Бану.

Депутат Бану обвел взглядом собравшихся и обратился непосредственно к Председателю:

— Досточтимый Председатель... — Он наклонил голову набок. — Братья депутаты. — Взгляд в зал. — Я уже несколько

раз пытался поставить перед этим собранием вопрос о королевской гоате против колонистов Мистении...

— Протестую! — Кто-то из депутатов вскочил на ноги. — Гоата короля направлена не против колонистов Мистении, а против Ассамблеи Квадранта!

Зереб улыбнулся лоялисту, а тот улыбнулся в ответ.

Депутат Бану посмотрел на Председателя:

— Я бы хотел, чтобы Председатель указал моему брату депутату на недисциплинированность.

Председатель кивнул:

— Я указываю вам на недисциплинированность, депутат Вааг. Вам не предоставляли слова. — Вааг склонил голову и сел на свое место. — Можете продолжать, депутат Бану.

Бану посмотрел в зал:

— Мы уже слышали выступавшего в этом зале представителя короля, который пытался, довольно неуклюже, утверждать, что бент, созданный решением Ассамблеи Квадранта, может быть решен через предание людей на Мистении варианту джах. Зереб Ни Су рассуждает таким образом, что бент одного человека это бент всех людей и что джах в отношении колонистов это джах в отношении Ассамблеи Квадранта. — Он снова оглядел собравшихся и остановил взгляд на представителе короля. — Полагаю, мы все понимаем, насколько глупо подобное рассуждение.

В зале послышались голоса несогласных. Бану поднял руку, и Палата затихла.

— Тем не менее гоата — если мы можем это так сказать — поступила в Палату от имени короля, и мы посчитали возможным согласиться с таким решением. — Бану немного помолчал, затем посмотрел на Председателя. — Если мы усматриваем связь между бентом Ассамблеи и джахом колонистов, то должны согласиться и с тем, что хазб колонистов это также и страдания Ассамблеи Квадранта.

Среди сторонников короля поднялся гул согласия.

Зереб, пользуясь привилегией королевского представителя, встал и поклонился Председателю.

— То, что наши депутаты-диссиденты подтвердили свое согласие с решением большинства, идет на благо Империи,

но для этого вряд ли стоило созывать специальную сессию. Что еще желает изложить Палате депутат Бану?

Бану улыбнулся:

— Немногое. — Он кивнул своему помощнику, который сразу же ненадолго вышел из зала и вернулся с какими-то бумагами. Бану обратился к собранию: — Если мы соглашаемся с тем, что хазб колонистов в некоей абстрактной форме доставляет страдания Ассамблее Квадранта, то нужно согласиться и с тем, что если этого не происходит, если хазб не достигает цели, то и гоата превращается в некий гротескный акт агрессии, направленный против беззащитного мирного населения!

Помощник положил принесенные бумаги перед депутатом Бану, и пока тот перелистывал их, Зереб снова решил вмешаться.

— Неужели депутат Бану всерьез намерен убедить собрание, что люди, колонисты Мистении, обреченные на тяжелый, невыносимый, бессмысленный труд, не страдают?

Он опустился на скамью под смех и улыбки депутатов-лоялистов.

Бану наконец нашел то, что искал, и поднял лист бумаги:

— Я сейчас прочитаю кое-что и хочу, чтобы это было занесено в протокол. Каждый лист из имеющихся здесь начинается одинаково. «Королевской Семье Нуумианской империи и Палате Депутатов. Мы, нижеподписавшиеся, желаем выразить нашу искреннюю признательность за обращение с нами, которому мы подвергнуты Имперской Палатой. Тяжкий труд, упорядоченный режим и унижение показали нам всю бессмысленность нашего прежнего существования. Теперь наша жизнь стала целенаправленной, и нет среди нас ни одного, кто не испытывал бы благодарности Королевской Семье за ее заботу и внимание».

Бану поднял стопку бумаг:

— Все это было представлено в посольство Мистении стражем и незамедлительно отослано в Палату работниками посольства, понимающими важность вопроса. Обращение подписано всеми находящимися на Мистении людьми, колонистами и работниками цирка, всеми, кто стал объектом гоаты, решение о которой было принято этой Палатой. — Бану по-

вернулся к депутату, пытавшемуся сорвать его выступление по поручению посланника Сума и Карла Арнхайма. — Кстати, брат, я бы сказал, что гоата вашего мистера Арнхайма тоже не достигла цели.

Королевский Представитель только покачал головой, когда вся Палата поднялась и потребовала слова.

— Придержи коней! Слоны идут!

Хаву Ди Мираак прыгнул к панели, готовясь применить оружие — ужасные пронзительные звуки, вырвавшиеся из звуковых колонок, наполнили всю его капсулу. Из брезентового сооружения, стоявшего в конце улицы, показалась колонна белых лошадей, за которыми следовали прелюбопытные земные животные, слоны. Люди в каких-то гротескных одеждах, с разрисованными лицами дудели в огромные рога, прыгали и толкались. Далее следовали фургоны и опять люди. Они танцевали, шли на руках, подбрасывали в воздух мячи, несли огромных змей. Вся эта процессия повернула направо и двинулась к башне.

— Люди! Остановитесь! Остановитесь немедленно!

По сигналу возглавляющего колонну парад остановился и умолк. Колонисты, стоявшие вдоль дороги, захлопали в ладоши.

— Тишина. Тишина, или я включу поле!

Люди замерли, и Хаву перевел дыхание. Взглянув на панель, он увидел предупредительные огоньки всех сторожевых башен в его секторе. Хаву выглянул в обзорную сферу, увидел, что люди не выказывают агрессивных намерений, а, наоборот, улыбаются, и нажал кнопку связи.

— Сторожевой пост деревни номер семнадцать.

В громкоговорителе что-то щелкнуло, затем оттуда донесся слегка дрожащий голос:

— Докладывайте, семнадцатый.

— Я... я не знаю. Что происходит?

— Мы сами пока ничего не понимаем. Похоже, во всех лагерях идут какие-то празднования. Угрозы для наших постов не отмечено.

Хаву посмотрел на заполнивших улицу людей. Они были счастливы.

— Что мне делать?

— Вам угрожали?

— Нет, пока нет.

— Решайте сами, на месте. Сообщайте обо всем необычном. Мне нужно ответить на другие вызовы.

Хаву отключил связь. Из барака вышел человек по имени Билли Пратт. Подойдя к башне, он остановился:

— Хаву?

Некоторое время Хаву смотрел на человека, потом включил внешнюю связь:

— Билли Пратт. В чем дело?

Разводила потер подбородок, оглянулся на застывшую за его спиной процессию и снова повернулся к башне. На его лице сияла улыбка:

— Господин, вам известно о нашем благодарственном письме, посланном в Имперскую Палату?

— Да. Я знаю, что бумаги с подписями ушли из лагеря без моего разрешения, и мне это не нравится.

Человек, похоже, огорчился:

— У нас вовсе не было намерения доставлять вам неприятности, господин. Мы лишь хотели выразить нашу признательность.

— Что означает этот парад, Билли Пратт?

Человек пожал плечами:

— Мы всего лишь демонстрируем то, как мы счастливы, господин.

Хаву внимательно присмотрелся к людям, стоящим на улице и в колонне. Потом перевел взгляд на Билли Пратта и откинулся на спинку кресла, подумать. Вдруг смех наполнил крохотную капсулу. Немного успокоившись, он уже по-иному посмотрел на Билли Пратта.

— Гоата! Двойная гоата! Отличная работа. — Хаву снова рассмеялся и включил систему внешней связи. В конце концов, ему приказали действовать по собственному усмотрению. — Продолжайте. Продолжайте парад, Билли Пратт. Извините, что помешал.

Он подался вперед, наблюдая за тронувшейся с места процессией и уже обдумывая доклад начальнику сторожевого центра.

36

Джон О'Хара и Том Уорнер вместе долбили кирками каменную стену карьера.

— Люди О'Хара и Уорнер! Подойдите к башне!

О'Хара положил на землю кирку, выругался в адрес ноющей спины, улыбнулся и повернулся к башне.

— Да, господин, с удовольствием. — Бросив взгляд на край карьера, он заметил группу нуумианцев, среди которых выделялся Карл Арнхайм.

Проходя мимо Билли Пратта, запевшего при его приближении, Хозяин негромко произнес:

— Они здесь.

Билли повернулся, поднял голову, увидел Арнхайма и снова взялся за работу.

— Хорошо.

— Лишь бы сработало.

Нагрузив корзину камнями, Билли взвалил ее на плечи и кивнул Хозяину:

— Все сработает, мистер Джон.

Уорнер нахмурился и покачал головой:

— Мне эта затея представляется глупой.

Билли толкнул Тома локтем свободной руки:

— Улыбайся, когда говоришь, приятель.

Все трое заулыбались и стали подниматься по крутому склону карьера. Снизу доносились пение и смех. Уорнер и О'Хара подошли к делегации у основания башни, а Билли Пратт высыпал камни в большой ящик. Держа корзину в одной руке, он повернулся и направился к тропинке.

— Твое имя, человек?

Билли взглянул на башню:

— Господин, мое имя Билли Пратт.

— Подойди к основанию башни.

— С удовольствием, господин. — Билли присоединился к Уорнеру и О'Хара. Вся тройка с довольными усмешками предстала перед нуумианской делегацией.

Один из нуумианцев шагнул вперед.

— Я — Адр Вентцу Фунг. — Он повернулся к Билли. — Мы попросили у стража разрешения поговорить с вами как

представителем рабочих, а не с лидерами, вроде мистера О'Хары и мистера Уорнера.

Билли ухмыльнулся и поклонился:

— Для меня это честь. Чем могу помочь моим благодетелям?

Вперед вышел Карл Арнхайм:

— Это их разводила. Давайте сюда кого-нибудь другого.

Адр Вентцу Фунг внимательно посмотрел на Арнхайма и покачал головой:

— У каждого своя функция, мистер Арнхайм. — Он повернулся к Билли. — Вы владеете или управляете какой-либо частью «Большого шоу О'Хары»?

— Нет, господин.

Нуумианец, являвшийся, вероятно, главой делегации, пожал плечами, обращаясь к Арнхайму:

— Он один из работников. Думаю, мистер Арнхайм, вы уже злоупотребили нашим временем. Продолжим.

Адр Вентцу Фунг посмотрел на Уорнера:

— Правильно ли я понял, что колонисты рассматривают свой бесцельный труд здесь как милость?

Уорнер кивнул и улыбнулся:

— О да, господин! Здесь мы обрели счастье... — он взглянул на Билли и опять повернулся к нуумианцу, — и избавились от страданий, с которыми рождается каждый человек. Мы радуемся работе.

Нуумианец обратился к О'Харе:

— А вы?

Хозяин кивнул и широко улыбнулся, отчего по всему его лицу побежали морщинки.

— Да, господин. Сможем ли мы когда-либо вернуть вам долг или выразить нашу признательность?

Нуумианец посмотрел на Арнхайма, перевел взгляд на счастливых, кашляющих рабочих в карьере, и снова повернулся к Арнхайму.

— Ну?

Арнхайм сердито фыркнул:

— Они с вами играют! Разве не ясно? — Он обернулся к О'Харе. — Это я, Джон. Я тот, кто уничтожил твое шоу и загнал тебя в этот пыльный карьер. Я! Ты понимаешь?

О'Хара шагнул вперед и схватил Арнхайма за руку:

— О, Карл, спасибо! А мы и не знали, кого благодарить. Смогу ли я когда-нибудь отплатить вам тем же?

Арнхайм вырвал руку и повернулся к Билли:

— Ты Билли Пратт. Работал на «Шоу Эйба». Я тебя знаю. Скажи, что здесь происходит, и ты об этом не пожалеешь.

Билли улыбнулся и указал рукой на карьер:

— Вряд ли вы сможете сделать для нас больше, мистер Арнхайм.

Адр Вентцу Фунг повернулся к делегации нуумийцев:

— Братья депутаты, по-моему, здесь больше нечего изучать и расследовать. Из девяти увиденных нами деревень ни одна не приняла хазб. Ни королевские, ни мистера Арнхайма. — Он еще раз повернулся к О'Харе и Уорнеру. — Осталось лишь определить форму и размер реституции, которую Палата обязана осуществить по отношению к жертвам.

Хаву Да Мираак видел, как люди возвращаются из карьера, распевая песню о работе на какой-то «железной дороге». Он открыл нижний люк капсулы, встал на подъемное поле и опустился на улицу деревни. Через несколько секунд люди уже выстроились перед ним ровными шеренгами. Пратт, Уорнер и О'Хара вышли вперед.

Хаву повернулся к Билли:

— Что случилось?

Билли улыбнулся, изобразил танцевальное па и замер.

— Все отлично. Приостановка работ до голосования Палаты по реституции.

— И какая реституция рекомендована?

— Для колонистов — устранение нуумианского управления, возвращения контрольных функций людям и восемь миллиардов кредитов. Для цирка — возвращение корабля, всего оборудования, замена всего утраченного на Мистении и гарантии циркового сезона.

Хаву повернулся к Уорнеру:

— Я бы хотел остаться на Мистении.

Том кивнул:

— Никаких проблем, Хаву. Думаю, ты нам пригодишься, ведь Империя так близка. — Он посмотрел на О'Хару. — А как насчет шоу?

Хозяин ненадолго задумался:

— Ну, мы подписали контракт на сезон, так что, думаю, его надо выполнять. — Он улыбнулся нуумианцу. — Посмотрим, сможем ли мы собрать до отлета восемь миллионов кредитов.

Хаву повернулся к Билли:

— Мне было приятно разговаривать с тобой. Ты уезжаешь?

— Да, я работаю в цирке. — Он усмехнулся, покачал головой и кивнул Хаву. — Ты был прав. Хазб — это лучшая часть гоаты. После следствия, когда никто не видел, я встретился взглядом с Арнхаймом и сделал вот так. — Билли выкатил глаза и высунул язык.

Хаву рассмеялся:

— Я понимаю — это знак неуважения.

Билли кивнул:

— Я думал, Карл Арнхайм лопнет от злости. Замечательно.

О'Хара обнял Билли за плечи:

— Что ж, пора выводить шоу на дорогу. Верно, Ловкач?

Билли кивнул:

— Верно, мистер Джон.

VI

«В ТЕЛЕГЕ»

37

14 апреля 2148 г.

Взяли курс на Х'дгва, первую планету Десятого Квадранта. После посещения последней звездной системы с обитаемой планетой прошло двадцать четыре дня, до прибытия на Х'дгва осталось еще двадцать. Сегодня пересе-

чем границу между Девятым и Десятым Квадрантом; прежде этого не делал ни один звездный цирк...

Джон Норден, главный инженер звездолета «Город Барабу», уже не первый час сидел на мостике, изучая индикаторы работы преобразователей Белленджера. Они барахлили с тех самых пор, как корабль покинул Баднер. С преобразователями звездолет мог двигаться со скоростью, в несколько раз превышающую скорость света. Без них — а Джон чувствовал, что все идет к этому — «Барабу» развивал скорость не более шести тысяч километров в секунду, используя запасной, импульсный двигатель. Нордену даже не хотелось подсчитывать, сколько веков уйдет на то, чтобы вернуться в этом случае к границам цивилизации. Тем не менее в случае выхода из строя преобразователей другого варианта не оставалось. Использование несбалансированных преобразователей грозило кораблю гибелью, а от «Большого шоу О'Хары» остались бы лишь воспоминания и облачко элементарных частиц.

Закончив уже четвертую компьютерную проверку преобразователей, Джон поджал губы и оглядел корабельный мостик. В середине длинного, низкого помещения стоял стол, накрытый белой скатертью. Майк Айкона по кличке Бельмо, заведовавший хозяйством цирка, готовил шампанское и хрусталь для торжественной церемонии пересечения границы. По другую сторону стола, ближе к передней части мостика, сидел, развалившись в кресле пилота, Лысый Вилли Куган. Рядом с ним стоял Хозяин — пристально всматривался в черную мглу космоса, словно надеясь обнаружить границу, украшенную иллюминацией и флажками.

Повернувшись к панели, Джон вздохнул, потер подбородок и нахмурился. Все индикаторы светились зеленым. За последние три часа не обнаружилось ни малейшего отклонения, которое требовало бы вмешательства. Все прекрасно. Джон еще раз потер подбородок. Может быть, чересчур прекрасно. Протянув руку, он нажал кнопку связи с инженерным отделом:

— Зверь, ты там?

— Здесь, Пират. Что ты хочешь?

Джон невольно улыбнулся, услышав свою кличку. В цирке она была у каждого; ему вспомнилось, что раньше на Земле священники тоже принимали другие имена, расставаясь с мирской жизнью. Его прозвали Пиратом, когда он со своими товарищами, работавшими на верфи «АиБКЭ», увел «Город Барабу» из дока, чтобы передать его цирку. Джон побарабанил пальцами по ручке вращающегося кресла.

— Зверь, отправь группу к преобразователям. Я хочу, чтобы вы сняли панели и проверили там все с микроскопом.

— У меня здесь нет никаких тревожных сигналов. А у тебя?

Джон покачал головой:

— Просто предчувствие. Сообщи, что вы обнаружите.

— Ребята собрались отметить пересечение границы. Им не понравится упускать такой случай.

— Что ж, получайте расчет и ищите другой корабль. — Он усмехнулся. — Я постараюсь оставить вам что-нибудь вкусненькое.

Когда второй инженер отключился, Джон задумался о людях, механиках, техниках, такелажниках, сварщиках, которые последовали за ним, когда он увел «Город Барабу» из орбитального дока. Карл Арнхайм и «АиБКЭ» пытались добиться их ареста, а когда ничего не получилось, вредили, как только могли по всему Девятому Квадранту. Те немногие, кто пробовал получить работу на других орбитальных верфях, всегда возвращались ни с чем. Это было неприятно, но никто не жаловался, не раскаивался.

— Эй, Пират, ты что-то сегодня не в духе.

Норден оглянулся:

— О, это вы, мистер Джон.

— Я слышал, ты послал Зверя проверить преобразователи. Что-то не так?

Джон повернулся к панели и пожал плечами:

— Ничего, просто какое-то чувство. Нам столько пришлось с ними повозиться, что мне будет гораздо спокойнее, если Зверь сам все посмотрит.

О'Хара кивнул:

— Ты инженер.

Джон потер подбородок и снова развернулся лицом к Хозяину:

— Мистер Джон, ходят слухи, что мы летим в Десятый Квадрант только потому, что Карл Арнхайм вытеснил нас из Девятого. Это верно?

О'Хара опустил голову, потом посмотрел на Нордена:

— Во многом. За последние три года он скупил все, что только мог, прибрал к рукам самые мелкие шоу, некоторых даже заставил продать программы. Еще два-три года, и «АиБ-КЭ» вполне сможет получить монополию на звездные шоу в Девятом Квадранте.

Пират нахмурился:

— У него ничего не получилось бы, если бы мы не ушли. Это же мы открыли для Квадранта звездный цирк. Многие считают, что нам надо остаться и драться с Арнхаймом. Ведь когда он пытался что-то предпринять против нас, мы всегда брали верх.

Хозяин усмехнулся:

— Да, ты прав. — Лицо его стало сердитым. — Но, видишь ли, мое дело не драться, я занимаюсь другим — развлекаю людей. — Он показал на экран обзора. — Есть тысячи планет, где никогда не видели цирка, и никто из нас не доживет до того времени, когда шоу посетит их все. Во вселенной хватит места и для нас, и для «Шоу Эйба». Все, что требуется, — это каждый раз продвигаться немного дальше. Цена остановки слишком велика для меня.

Раздался громкий хлопок, и все повернули головы к столу. Косоглазый Майк поднял зеленую бутылку.

— До границы Квадранта одна минута.

С пилотского кресла поднялся Лысый Вилли.

— Все на автоматике, так что давайте-ка приложимся к этому сосуду.

О'Хара похлопал Нордена по плечу, повернулся и пошел к столу. Джон еще раз проверил показания приборов, после чего включил автоматическую систему предупреждения и присоединился к остальным, собравшимся за столом. Помимо тех, кто находился на мостике по службе, Хозяин пригласил на торжественную церемонию Джилл Железную Челюсть, Булочку и ее мать, Кристину, Мадам Зельду, Рыбью Морду...

Косоглазый Майк поднял бокал с золотистой пузырящейся жидкостью. Когда его примеру последовали остальные, Хозяин посмотрел на часы, выждал несколько секунд и сказал:

— Ну вот, мы только что пересекли границу. — Он поднял бокал. — За удачный сезон.

— За удачный сезон, — повторили все и сделали по глотку.

Джон Норден только хотел приложиться к бокалу еще раз, когда с пульта донесся пронзительный писк.

Выронив бокал, он бросился на свое место и пробежал глазами приборы. Норден не оглядывался, он знал, что все уже на местах.

— Вилли, преобразователи... Они вот-вот потеряют синхронизацию. — Пальцы Джона летали над кнопками, переключателями, рычажками. — Я ничего не могу поделать. — Он связался с инженерным отсеком. — Зверь!

— Это Левша, Пират. Зверь у правого преобразователя.

— Пусть уходят оттуда! Мы сбрасываем преобразователи!

— Что?

— Ты меня слышал! Вызывай их оттуда. У нас не больше пары минут! — Он снова переключился на пилота. — Вилли, у тебя всего две минуты, потом мы сбрасываем преобразователи. Бери курс на ближайшую звезду. Будем надеяться, что там найдется обитаемая планета.

Хозяин уже подбежал к пилоту:

— В чем дело, Вилли?

Пилот, занятый своим делом, даже не обернулся:

— Ближайшая звезда... четыре световых года... нет данных? — Он взглянул на О'Хару. — Мы уже ушли от основных торговых маршрутов. Если мы туда попадем, нас никогда не найдут.

— А аварийный маяк?

Вилли покачал головой:

— Я уже пробовал. Не срабатывает. — Пилот посмотрел на О'Хару. — Кто-то постарался.

Хозяин побледнел:

— Мы можем вернуться на торговый маршрут?

Вилли покачал головой:

— Для этого нужно восемнадцать минут идти на сверхсветовой скорости. — Он еще раз покачал головой. — И все же если мы пойдем к той звезде, то удалимся от основных маршрутов еще больше.

О'Хара почесал затылок, хмыкнул и сунул руки в карманы:

— Вилли, если ты прав и все это кем-то подстроено, то нам, пожалуй, стоит поскорее снять всех с корабля. Идем к звезде. У нее есть название?

— Нет.

Вилли развернул «Город Барабу», а Хозяин отправился в инженерный отсек.

— Как дела, Джон?

— Хорошего мало. — Норден кивнул на монитор. — Положение критическое. Я не могу синхронизировать преобразователи. Идем в безопасное место?

— Да. Вилли сказал, что до ближайшей звезды около четырех световых лет.

Норден задумался:

— Значит, если я смогу удержать преобразователи еще две с половиной минуты, то мы достигнем импульсного радиуса. — Он переключился на кормовой инженерный отсек. — Левша, Зверь со своей командой уже выбрались из преобразователя?

— Это Левша, Пират. Все, кроме Зверя. Экипаж готов выполнить ваш приказ.

— Ладно. Уходите оттуда, а когда вылезет Зверь, запечатайте отсек.

— Есть.

Джон еще поработал переключателями на панели, вздохнул и вытер выступивший на лбу пот.

— Ничего не получается, мистер Джон. Похоже, во всех блокираторах короткое замыкание. — Он снова вызвал инженерный отсек. — Левша, выгоняй всех оттуда! У нас нет больше времени!

— Пират... подожди! Зверь сейчас выйдет... он тащит с собой кого-то!

— Я думал, весь экипаж на борту.

— Так оно и есть. Это кто-то еще. Пойду помогу Зверю. Свяжусь, когда запечатаем отсек.

Норден взглянул на панель — рассинхронизация достигла критического уровня.

— Вилли... еще далеко? Пора сбрасывать преобразователи...

— Мы почти на месте, Пират. Около двадцати пяти миллионов километров...

— Пират, все вышли. Отсек загерметизирован!

Джон ударил ладонью по панели аварийного сброса преобразователей, корабль сильно тряхнуло. Перед Пиратом замигали красные огоньки — импульсные системы коррекции выправляли сбившийся с курса звездолет.

— Это кормовой стыковочный отсек. Должно быть, снесло «Блицкриг». — Он щелкнул переключателем, и на расположенном над панелью экране появился изуродованный шаттл. Преобразователя правого борта нигде не было видно, а вот левый вращался в опасной близости от корабля. — Ну, давай, Растяжка, включай двигатель...

Экран внезапно мигнул и погас.

О'Хара схватил Пирата за плечо:

— Что с экраном? Почему нет «картинки»?

Пират ответил не сразу. Красные огоньки на панели погасли, извещая о том, что кормовой отсек надежно загерметизирован.

— Рецепторы кормовых камер... они сгорели.

— Растяжка! Что с ним?

Пират покачал головой:

— Растяжка, Резак, другие... они так и не поняли, что их ударило. — Он опустил руку на панель. — Кормовой инженерный отсек. Есть там кто-нибудь?

— Да, Пират. Это Чудак.

— Доложи о повреждениях.

— Несколько разбитых носов, остальное в порядке. Послушай, Пират, «Блиц» пропал.

Норден на секунду закрыл глаза:

— Их снесло. — Он переключился на кабину пилота. — Вилли, расстояние?

— Двадцать три с небольшим миллиона... На импульсной тяге дойдем за двадцать восемь дней. «Блиц»... я не ослышался?

— Нет. — Норден переключился на кормовой отсек. — Зверь?

— Я здесь, Пират. Все слышал.

— Зверь, кого ты там вытащил?

— Трудно сказать. Парень изрядно обгорел. Левша пытается его опознать... Да, вот. — Джон услышал шелест бумаги. — Помню. Это тот инженер, которого мы подобрали на Палацине. Его имя Стейк Киллинг. Странное имя.

— Повтори.

— Стейк Киллинг. Подожди... здесь какая-то бумага.

Джон и Хозяин услышали, как кто-то свистнул.

— Пират, ты и не догадаешься, кто это.

Норден протянул руку к панели:

— Карл Арнхайм, верно?

— Верно, но... — Пират выключил связь и посмотрел на О'Хару.

Хозяин насупился:

— Откуда ты узнал, что это Карл Арнхайм?

Джон откинулся на спинку кресла:

— Стейк Киллинг. На норвежском — «жареный цыпленок». — Он покачал головой. — А мы-то всегда считали, что у старика Карла плохо с чувством юмора. — Норден снова повернул переключатель. — Зверь, я хочу, чтобы ты с ребятами проверил корабль до последнего болта. Трудно предположить, что еще он успел натворить. И не рассчитывай на очевидное. Не забывай, корабль строили на его верфи.

Пират снова посмотрел на О'Хару. Хозяин не отрывал взгляда от пустого экрана. Он повернулся, и Норден заметил, что глаза О'Хары блестят.

— А может, он умер раньше, чем успел что-то испортить?

— Сомневаюсь, мистер Джон. Он сумел обойти наши мониторы, пробрался через шлюзовую камеру и рассинхронизировал преобразователи. Арнхайм знал, что умрет, если пробудет в переходном поле более десяти секунд. Он не пошел бы на это, если б не был уверен, что и нам крышка.

О'Хара кивнул и потер глаза:

— Я уйду с мостика на полчаса, Пират.

— Где вы будете... если вдруг...

Хозяин опустил руку:

— Я... пойду в семейный отсек. Расскажу им. — Он медленно повернулся и ушел с мостика. — Похоже, мы в телеге.

Пират набрал нужный код, и на экране появилась общая схема «Барабу».

— Где-то здесь старина Карл оставил нам еще несколько сюрпризов.

38

МАРШРУТНЫЙ ЖУРНАЛ «БОЛЬШОГО ШОУ О'ХАРЫ»

15 апреля 2148 г.

Идем на звездную систему 9-1134. Топливные баки повреждены. Продолжаем поддерживать скорость 6000 км/сек, но нам еще придется корректировать курс и выходить на орбиту, если, конечно, там найдется то, вокруг чего можно выходить на орбиту. Система регенерации воздуха выведена из строя и работает лишь на двадцать процентов мощности. То же и с системой водоочистки. Внешняя связь отсутствует...

Костолом Боб Нэсби, корабельный врач, оглядел почерневшее тело Карла Арнхайма, лежавшее перед ним на длинном металлическом столе, и перевел взгляд на Хозяина. О'Хара тоже смотрел на труп, и на его лице отражались остающиеся без ответа мучительные вопросы. Он поднял голову:

— Костолом, почему он сделал это? Мы ведь пылинка в сравнении с «АиБКЭ». Он мог найти любого специалиста, который уничтожил бы наш корабль. У него было все. Почему он это сделал?

Костолом посмотрел на труп. Почему?

— Некоторые люди полагают, что способны контролировать все. Они двигают фигурки по доске. Они могут стряхнуть их с доски. — Врач пожал плечами. — Думаю, что вы разрушили его веру в это. Прошло три года с тех пор, как он попытался расправиться с нами на Мистении. Тогда у него не получилось. Вот он и завелся. Кроме того, Карл был очень болен. Сканирование мозга показало наличие опухолей в передней лобной части.

— Так он был сумасшедшим?

— Ну... можно и так сказать. Опухоль небольшая, но я не сомневаюсь, что именно она во многом повлияла на его поведение. — Костолом взглянул на О'Хару. — Если бы Арнхайм прошел медицинское обследование, его вылечили бы в больнице за три дня. — Он посмотрел на тело. — Но сначала ему пришлось бы согласиться с тем, что есть нечто контролирующее его, а потом выкроить три свободных дня.

О'Хара улыбнулся:

— Только не Арнхайм. Он предпочел бы расстаться с ногой, чем пожертвовать одним днем.

— Ну что ж, больше он уже ничего не решает.

О'Хара нахмурился:

— Я бы на это не поставил. Воздух понемногу кончается, а мы еще не придумали, как сманеврировать внутри звездной системы, если, конечно, мы до нее доберемся. — Он кивком указал на труп. — Карл по-прежнему управляет этим шоу — по крайней мере пока.

В двери появился Джон Норден. Кивнув Костолому, он повернулся к О'Харе.

— У нас проблема. Мы знаем, как контролировать двигатели шаттлов с мостика. Так что у нас появляется хоть какая-то маневренность. Осталось только сделать небольшой мостик. Теперь насчет воздуха. Рыжий Пони...

О'Хара нахмурился:

— Никто в цирке не поймет нас, если мы убьем животных. Тем более Рыжий Пони.

Пират развел руками:

— Я тоже не хочу их убивать, но вы представляете, сколько воздуха потребляет один слон? Больше двух-трех дней нам не протянуть, так что животные все равно умрут. Но вместе с ними умрем и мы все.

— Что сделал Пони?

— Закрылся в зверинце. Говорит, что отстыкует шаттл, если мы попробуем войти в шлюзовую камеру.

— Пошли. — О'Хара двинулся к двери.

Норден вышел за Хозяином в главный коридор, ведущий к шаттлам левого борта. В конце коридора, у входа в шлюзовую камеру, стояли трое. О'Хара кивнул им и остановился перед люком.

— Что он говорит, Дурень?

Дурень Джо покачал головой:

— Он не откроет, и, сказать по правде, я его не виню.

— Ты не перекрыл воздух?

Дурень кивнул.

— Сейчас у него заканчивается тот запас, который был в шаттле. Со всеми животными, которые там есть, он протянет не больше трех дней.

Толстогубый Луи, стоявший рядом, покачал головой и посмотрел на О'Хару и Нордена.

— У него там респираторы, специальные, для животных. Бьюсь об заклад, их хватит еще на пару дней. Если, например... — Толстогубый Луи закатил глаза.

О'Хара потянул Нордена за руку:

— Запас воздуха в шаттлах... респираторы... Джон, ты можешь прикинуть, насколько его нам хватит?

Пират вытащил из-за пояса калькулятор и занялся вычислениями. Посмотрев на результат, он поджал губы и покачал головой. Потом посмотрел на Хозяина.

— Мистер Джон, по моим расчетам получилось, что, используя все источники воздуха, включая респираторы и скафандры, мы можем дотянуть до системы, не жертвуя животными. Но лишь при условии, что система регенерации сохранит свои двадцать процентов мощности.

О'Хара повернулся к Дурню Джо:

— Скажи Пони, что его животных никто не тронет.

Пират покачал головой.

— Мистер Джон, сохраняя жизнь животным, мы ставим себя на грань выживания.

О'Хара кивнул Дурню Джо:

— Ты все-таки скажи. — Он повернулся к Нордену. — Подумай вот о чем, Джон. Почему Арнхайм сделал так, что преобразователи не разнесли наш корабль в щепки сразу? Почему он дал нам время сбросить их? Почему Карл вообще позволил нам выжить? На что он рассчитывал? Почему не уничтожил нас сразу?

Норден пожал плечами:

— И какая у вас теория?

— Ни для кого не секрет, что Арнхайм хотел расправиться с этим шоу. — Хозяин кивнул. — Думаю, ему было бы интересно наблюдать, как мы покончим с собой сами.

Он повернулся и зашагал к мостику, но уже у поворота обернулся и сказал:

— Мы сохраним животных, как и все остальное. Что бы ни случилось, цирк должен выжить!

27 апреля 2148 г.

Идем к звездной системе 9-1134. Воздух затхлый, вода на исходе. Продолжаем поддерживать внутреннее освещение. Искусственная гравитация отключена ради экономии кислорода...

Говорун с усилием сглотнул — невесомость он переносил тяжело — и придвинулся поближе к Губошлепу. Некогда розовощекий зазывала лежал на койке с позеленевшим лицом. Увидев парящего рядом Говоруна, он скорчил гримасу:

— Стань на ноги.

— Зачем? Это же бессмысленно.

Губошлеп сердито фыркнул:

— Опусти свои чертовы ноги на пол! Будешь летать — я кину в тебя чем-нибудь!

Говорун опустился:

— Что, таблетки не помогают? Тебя тошнит?

— Если Бог хотел, чтобы человек вышел в космос, ему не стоило снабжать нас желудком. — Губошлеп покачал головой. — Я совсем не могу спать. Когда закрываю глаза, все начинает кружиться. Черт, у меня, наверное, уже зрачки пылью покрылись!

Говорун кивнул:

— У меня есть кое-что такое, от чего ты перестанешь думать о своем брюхе. Отстегнись и пошли со мной.

— Отстегнуться? Ну, дружок, тогда готовься к тому, что тебе придется убирать за мной. Нет, я скорее отрежу себе язык! — При мысли о том, что ему придется куда-то лететь, Губошлеп еще больше позеленел. — Оставь меня в покое, Говорун. Дай мне умереть тихо и без лишних мучений.

— Вставай, Губошлеп. Квак-Квак совсем расстроился из-за потерянного шаттла. Нам надо подбодрить его. Идем. Займись чем-нибудь, отвлекись от дурацких мыслей о...

— Тихо! Ничего не говори! — Дрожащими пальцами Губошлеп начал отстегивать ремни. — Боже, все бы отдал, чтобы оказаться сейчас в тюрьме.

Он поднялся, и они вместе двинулись в конец спального отсека.

Около переборки, втиснувшись между шкафчиком и кроватью, сидел пресс-агент. Квак-Квак неотрывно смотрел в стену, погруженный в свои мысли, и не замечал ничего вокруг. Говорун притормозил, ухватившись за кровать, и опустился на пол.

— Привет, Квак-Квак.

Губошлеп попытался повторить маневр Говоруна, но ударился о переборку и отлетел в сторону. Говорун поймал его за фалды и подтянул к себе. Оба зазывалы посмотрели на Квак-Квака. Он покачал головой:

— Вам двоим пора перейти в клоуны.

Губошлеп тяжело вздохнул, сглотнул, поморщился и кисло усмехнулся:

— Ты, похоже, немного не в духе, Квак-Квак. Мы с Говоруном решили тебя подбодрить... — Он скривился, подавляя тошноту.

Пресс-агент пожал плечами:

— Ценю вашу заботу, мальчики, но вся моя бодрость осталась в прошлом. Я ведь должен был находиться с Растяжкой на «Блице». Когда их... В общем, мне не по себе.

Говорун нахмурился и, держась одной рукой за кровать, положил вторую на плечо Квак-Квака.

— Мы с Губошлепом не сошлись кое в чем. Он говорит, что тот номер в Брайтоне придумал Фолья Пуговица, а я утверждаю, что это был ты.

Квак-Квак слабо качнул головой:

— Извини, Шлеп, я.

Губошлеп нахмурился:

— Похоже, я что-то перепутал. Ты мне не напомнишь, как это было?

Пресс-агент снова уставился в стену:

— Это было несколько лет назад, да? Еще до того, как я занялся политикой, и даже раньше, чем я стал работать на рекламную фирму в Чикаго. Я был тогда с «Шоу Булла». Мы только что покинули Глазго и застряли в Брайтоне. Денег не хватало даже на топливо. Хозяин, его звали Буллард, уже собирался распустить шоу, потому что мы дали три представления и играли практически для себя. Обычно Буллард оставался на одном месте две-три недели.

В общем, зрители не шли. Хозяин подходит ко мне и говорит, что надо как-то заманить публику, иначе нам крышка. Ну, я подумал немного... Тогда все газеты печатали только сообщения из Ирландии — если помните, там снова начались волнения, и Север воссоединился с республикой, — и нам не давали ни строчки. Мы могли бы сгореть со всем цирком — никто бы и не заметил. Короче, мы оказались «в телеге».

Говорун кивнул:

— Верно, времечко было тяжелое. У меня нечто похожее случилось на Перии. Ну и что ты сделал?

Квак-Квак потер подбородок:

— Вы все знаете, главное — получить место в газете так, чтобы об этом не знал редактор. Они всегда ищут чего-нибудь эдакого. Ну вот я и поговорил с О'Тулом по кличке Попади-в-Соломинку. Он выступал когда-то в цирке, отлично стрелял, а когда мы приехали в Англию, то взяли его подсобным рабочим, поить слонов.

У О'Тула имелись родственники в Ирландии, и через них он устроил такую штуку. Властям сообщили, что ИРА обвиняет нас в шпионаже и угрожает разделаться с цирком. Последний раз «Шоу Булла» посещало Ирландию года за четыре назад до этих событий, но кому какое дело? Никто и внимания не обратил на такую нестыковку. Все брайтонские газеты тут же кинулись на защиту безобидного цирка, а Буллард собрал пресс-конференцию и заявил, что мы не поддадимся нажиму и угрозам этих негодяев.

Так вот, уже на следующий день граждане повалили в цирк, чтобы выразить нам свою поддержку. Даже в парламенте кое-кто выступил в нашу защиту. Власти прислали пару полков для охраны, и солдаты тоже покупали билеты. — Квак-Квак покачал головой. — Все изменилось в один день, и до конца

сезона мы заработали изрядную сумму. Стоило нам куда-либо приехать, народ валом валил, чтобы поприветствовать смельчаков артистов. На следующий год мы ездили по Ирландии, но уже немного с другой историей, то есть теперь нас обвиняли в связях с ИРА. В общем, на этом трюке мы продержались три сезона, и только тогда газеты начали понимать, кому они на самом деле подыгрывают.

Говорун склонил голову набок:

— Тебе там нравилось?

— Да. Кстати, знаете, как у них назывались рабочие, которые снимают и натягивают тент?

Губошлеп покачал головой:

— И как?

— Чехи.

— Чехи? — удивился Говорун.

— Да. В Чехословакии — это страна такая — один город снабжал рабочими все европейские шапито. Вот поэтому их и называли чехами. — Пресс-агент повернулся к Губошлепу. — Ты о чем задумался?

Губошлеп улыбнулся, забыв о желудке и о своих горестях.

— Ты употребил одно выражение, которое часто использует Хозяин. «В телеге».

Квак-Квак кивнул:

— Да. Это значит в тяжелом положении. Его иногда употребляют, хотя уже реже, чем раньше.

— Интересно, как оно возникло.

Пресс-агент поджал губы:

— Думаю, оно появилось во времена Черной Чумы. Ездили по городу, собирали мертвецов на улицах и увозили на телегах. — Он снова уставился в стену. — Они еще кричали: «Выносите мертвецов!» — и люди тащили, кто жену, кто отца, кто детей, умерших за ночь. Так что, если ты «в телеге»...

Говорун повернулся к Губошлепу:

— Это ужасно, да? Я бы даже сказал...

Губошлеп нахмурился:

— Извини.

— Посмотри-ка! — воскликнул Квак-Квак. — Наш Говорун что-то позеленел. Эй, в чем дело?

— Дай мне... пакет!

* * *

В другом конце спального отсека лежавший на койке Ласка вновь и вновь облизывал пересохшие губы, мечтая об огромных озерах с прохладной, чистой водой. Почувствовав прикосновение чьей-то руки, он открыл глаза. Озера исчезли. На него смотрел Майк Айкона.

— В чем дело, Косой? — сердито спросил Ласка.

Косой протянул пластиковую бутылку с розоватой жидкостью:

— Вот, выпей.

Ласка вскинул брови:

— Не надо. Слишком напоминает розовый лимонад.

— Это он и есть. Мы обнаружили пятьсот галлонов в холодильнике.

Ласка покачал головой:

— Я его продаю, а не пью.

— Тебе станет легче. Другого ничего нет и не будет, пока не починят конденсатор.

Ласка посмотрел на бутылку:

— Эй, да это же бутылка из-под кетчупа!

— А ты хочешь, чтобы лимонад плавал в воздухе? Давай, она чистая.

Ласка взял бутылку, долго смотрел на нее, потом поднес ко рту и сдавил. Сначала на его лице появилась недовольная гримаса, но потом он облизал губы и удивленно покачал головой:

— Неплохо!

Косой улыбнулся:

— Ты делаешь хороший продукт, Ласка. Вот только лимонов мы не нашли.

Ласка отхлебнул из бутылки и пожал плечами:

— Какого черта, Косой. — Он сунул руку под подушку и вытащил ярко-желтый лимон. — Думал продержаться на нем до конца сезона, но так и быть — давай пустим пыль в глаза.

Пират Джо облачился в скафандр и направился к шаттлу № 10. Возле шлюзовой камеры он увидел небольшую группу рабочих. Они стояли молча, повесив головы. Джо остановился и, заметив красный огонек перед входом в шлюз, повернулся к ближайшему рабочему.

— Морковный Нос, почему шаттл под вакуумом?

— Там уже работают. Ребята выбрасывают главный купол. Ты же сам приказал. — Морковный Нос фыркнул.

Пират нахмурился:

— Знаю, но они должны были подождать меня. Кто старший в погрузочной команде? — Лица рабочих вытянулись. — Дурень?

Дурень Джо потер ладонью под носом:

— Раскоряка.

— Бригадир? Да он же ничего не смыслит в том, как перемещать груз в невесомости. Он даже скафандр надевать не умеет.

Стоявший рядом Луи горько усмехнулся:

— Бригадир говорит, что если кто-то и должен выбросить старый купол, то только он сам. Я с ним спорить не собираюсь.

Пират шагнул к шлюзу и нажал кнопку, но красный огонек не погас. Джо повернулся к Дурню:

— Он заперся там?

— Раскоряка не хочет, чтобы ему мешали. Пойми, Пират, для него старый купол — как часть семьи. Как Булочка или Королева.

— Ребята, нам необходимо выбросить и тент, и все прочее. Если мы избавимся от оборудования, штырей, тракторов, фургонов, то уменьшим вес на восемьсот с лишним тонн и сможем скорректировать курс. — Он оглядел рабочих. — Нет, дело в чем-то еще. В чем?

Луи пожал плечами:

— Раскоряка... он просто стал сам на себя не похож, когда туда вошел. Представь, люки шаттла открыты, старый купол уплывает неизвестно куда...

Луи покачал головой и отвернулся. Дурень Джо похлопал его по плечу.

— Толстогубый хотел сказать, что Раскоряка вполне мог бы прыгнуть вслед за куполом. Так, за компанию.

Пират закусил губу и в отчаянии ударил кулаком по двери:

— Я не могу здесь болтаться, надо разгрузить и другие шаттлы!

Он помчался по коридору и чуть не наткнулся на Булочку и Диану. Они остановились. У Булочки были красные глаза. Пират посмотрел на Диану:

— Ты слышала?

— Да.

Пират опустил глаза и отвернулся:

— Может, все еще обойдется... Мне очень жаль.

Диана положила руку ему на плечо:

— Это не твоя вина. Раскоряка делает то, что должен делать. А мы подождем у шлюза. — Она кивнула и, взяв Булочку за руку, двинулась дальше.

Пират пролетел перекресток, направляясь к центру, потом повернул к корме. У входа в шлюзовую камеру первого шаттла он обнаружил Бородавку, явно ожидающего кого-то. Увидев приближающегося Джона, пендианец воскликнул:

— А, вот я тебя и нашел!

— И что? — Пират остановился.

— Хозяин послал меня сказать, что лошадиное фортепьяно нужно оставить. Все остальное с этого шаттла можно выбросить, но оно остается.

— Да эта штуковина весит четыре тонны!

Пендианец пожал плечами:

— Я лишь донес тебе распоряжение, Пират, а отдал его другой. — Бородавка понизил голос. — Что касается меня, я бы выбросил его в первую очередь.

Пират нахмурился:

— Ты с ума сошел? У тебя в голове вакуум? Как ты можешь так говорить!

Бородавка пожал плечами и оттолкнулся от стены:

— Тонкий слух и изощренный музыкальный вкус — это мои единственные извинения.

Пират вплыл в открытый люк и оказался среди всевозможного сваленного в кучи оборудования. У своего инструмента сидел грустный доктор Уимс, перебирая клавиши. Он поднял голову:

— Прощаюсь, Пират. Сколько чудесных вещей я сыграл на этой старушке.

— Ну так не прощайся. Мистер Джон сказал, что эту громадину нужно оставить.

Доктор Уимс посмотрел на него широко открытыми глазами:

— Правда? Пират, ты меня не обманываешь?

Норден кивнул и вздохнул:

— Но теперь мне придется думать, чем заменить эти четыре тонны.

Уимс хлопнул в ладоши, потом задумчиво потер подбородок:

— Ты знаешь, можно слить воду из бойлера. Он ведь тоже весит немало.

— Вода? Верно! Сколько ее там?

— Сто двадцать галлонов... а что?

— Почему ты никому ничего не сказал? Ты же знаешь, что у нас не хватает воды.

Уимс пожал плечами:

— Я никогда и не думал о том, что ее можно пить. У нее, должно быть, мерзкий вкус. Бойлер ведь железный.

— Мы ее очистим. Сто двадцать галлонов! Этого же хватит на целый день! Даже больше!

Зазвучал сигнал интеркома, и Пират подвинулся к аппарату связи и нажал кнопку.

— Это Пират. Я возле первого шаттла.

— Это Дурень от десятого. Они закрывают люки шаттла. Подумал, что ты захочешь услышать об этом.

Пират отключил связь и выбрался в коридор. Через несколько секунд он уже тормозил у шлюза десятого шаттла. Замок повернулся, люк открылся, и из него появилась огромная неуклюжая фигура. Это был Раскоряка. Булочка устремилась навстречу бригадиру.

— Эй! — Раскоряка оглядел улыбающиеся лица. — В чем дело?

Диана поцеловала Раскоряку в щеку.

— Добро пожаловать домой!

Бригадир удивленно вскинул брови и, поняв, в чем дело, сердито нахмурился.

— Вы... вы думали, что я собираюсь... прыгнуть? Вы думаете, цирк для меня только несколько ярдов брезента?

Он оттолкнулся от пола и, разбросав встречающих, выплыл в коридор. Булочка и Диана успели повиснуть на нем. В глазах Раскоряки Диана увидела слезы. Все трое медленно поплыли к семейному отсеку. У двери Раскоряка обнял Булочку и Диану за плечи.

— Клянусь, я видел, как старый купол махал мне на прощание.

Колокольчик Макгерк с отвращением оглядел пустую каюту. Всю мебель отвинтили и выбросили вместе с хранившимися там книгами, журналами, пленками, дисками и компьютером. Оставалось последнее — высокий, по плечо, сейф, надежно прикрепленный к полу в углу кабинета. Полторы тонны веса. И от них надо избавиться. Но сначала его предстояло открыть, чтобы рабочие смогли отвернуть болты изнутри.

Колокольчик оттолкнулся от переборки и подлетел к ярко окрашенной дверце сейфа. Вздохнул, положил левую ладонь на пластинку сенсора, набрал правой рукой код. Замок щелкнул, и казначей потянул дверцу на себя. Перевязанные пачки кредитов, мешочки с монетами парили в глубине ящика. Он протянул руку, взял одну пачку, снял ленту, и бумажки разлетелись по каюте, повисли в невесомости. За первой пачкой последовала вторая, третья... Казначей развязал мешочки и высыпал монеты. Опустошив сейф, Колокольчик огляделся — монеты и бумажки медленно кружились вокруг.

Макгерк улыбнулся, оттолкнулся от пола и сделал кувырок.

— Эх!

39

МАРШРУТНЫЙ ЖУРНАЛ «БОЛЬШОГО ШОУ О'ХАРЫ»

1 мая 2148 г.

Идем к звездной системе 9-1134. До самой звезды еще семь дней. Ясно видны четыре планеты, три из них слишком близко от звезды, чтобы быть обитаемыми. Первая попытка коррекции курса с помощью двигателей шаттлов закончилась полной неудачей. Умерла Лиза Редер по кличке Пузырь. Перед тем как отправить ее тело в

космос, сослужили службу. Долго искали и так и не нашли Уолдо Скринера, Окостеневшего. Вероятно, он отправился вслед за женой...

Джон Норден затянул последний болт, соединив два топливопровода, и откатился на палубу.

— Готово.

— Будем надеяться.

Пират Джон поднял голову и посмотрел на Зверя, сидевшего на полу спиной к переборке. Норден подтянулся и устроился рядом со вторым инженером.

— Зверь, ты думаешь о том, как нам удержать эту штуку на орбите, пока шаттлы не отстыкуются?

Зверь покачал головой:

— Нет. Есть много способов умереть, один из них — тихо дожить свои дни в постели.

Джон закрыл глаза и откинул голову. В горле першило от спертого воздуха.

— И что тогда?

— Послушай, Пират. Когда мы выйдем на орбиту и посадим всех на шаттлы, воздух и вода уже не будут проблемой. На нас хватит того, что есть.

— И что?

— У экипажа появится время, чтобы починить средства дальней связи. Может быть, даже сумеем выбросить аварийный маяк. В любом случае через несколько дней мы сможем обратиться за помощью.

Норден кивнул:

— Это то, на что мы надеемся. Мы сделаем это, если приведем в действие все двигатели шаттлов и выйдем на орбиту.

— Я все думаю... пытаюсь думать, как Карл Арнхайм. В пределах пятидесяти световых лет здесь нет ни одной другой звездной системы. Готов поспорить, что мы найдем обитаемую планету.

— Почему?

— Полагаю, Карл хотел забросить нас куда подальше. Чтобы все остались живы, но чтобы цирк постепенно развалился. Сколько, по-твоему, понадобится лет, чтобы горстка старающихся выжить людей забыла о том, кем они были?

Джон покачал головой:

— Если мы запустим все, то отвечать на этот вопрос не придется.

Зверь откашлялся и кивнул:

— Думаю, на это рассчитывал и старина Карл. Человек не поддастся отчаянию, если может позвать на помощь.

Норден внимательно посмотрел на второго инженера:

— Полагаешь, Карл приготовил для нас еще какой-то сюрприз, о котором мы пока не знаем?

Зверь кивнул:

— Думаю, да.

— Но мы же все проверили, все цепи, болты, крепления, пружины. Что осталось? Что мы могли пропустить?

— Не знаю. Не знаю. — Зверь покачал головой. — Мы проверили все, что...

Джон нахмурился:

— Что?

Зверь подался вперед:

— Приборы, которыми мы все проверяли. Карл ведь подстроил все так, что ты ни о чем не догадывался, пока не пришлось сбрасывать преобразователи. А если он каким-то образом добрался до мониторов и контрольных приборов? Если они не дают действительной картины?

— Этого мы уже не проверим. Карл вполне мог пробраться и в инженерный отсек.

Зверь пожал плечами:

— Значит, надо идти туда и еще раз просмотреть все, включая контрольное оборудование.

Джон закрыл глаза, сделал глубокий вздох и поднялся на ноги:

— Что ж, давай за дело.

Вернувшись из отсека для животных, находившегося в третьем шаттле, Рыжий Пони покачал головой и устроился рядом с Вощеным и Клыком.

— Знаю, что гравитацию в зверинце поддерживают для того, чтобы животные не паниковали, но иногда все же думаю, а не убрать ли ее.

Клык покачал головой:

— Им это не понравится, Пони. Сейчас они по крайней мере спокойны.

Вощеный взглянул на Пони:

— Как Лолита?

— Ей не хватает воздуха. Боюсь, что задохнется, если ляжет. Ее держат на транквилизаторах.

— Представь, что будет с ней в невесомости. Да она же разнесет весь зверинец.

Вощеный пожал плечами:

— А Хозяин знает?

Пони покачал головой:

— Нет, я не разговаривал с ним. У мистера Джона других забот хватает. Клык, а как себя чувствуют наши кошки?

— У всех — у тех, что остались, — одышка, хрипы. Не думаю, что они протянут больше двух-трех дней.

В шаттл вошла Кристина, Леди Львица, и все трое мужчин повернули головы в ее сторону. Она улыбнулась.

— Как-то даже странно ощущать свой вес. — Укротительница кивнула Пони. — Я схожу посмотрю, как там мои малыши.

— Конечно.

Мужчины молча смотрели ей вслед. Когда Кристина скрылась за поворотом, Вощеный потер нос и опустился на охапку соломы.

— Крис выросла с этими львами. Ее мать заставляла их прыгать через обручи, помните?

— Конечно. — Клык кивнул. — Я еще помню, как ее деда погрызли тигры. Как его звали?

Пони наморщил лоб, вспоминая:

— Чарли. Он ведь был с нами недолго, да?

Клык покачал головой:

— Послушай, Пони, эти кошки умрут. Крис придется нелегко.

Пони кивнул:

— По крайней мере лошади и слоны держатся неплохо. Вот с обезьянами... — Он не успел договорить — семь выстрелов, последовавших один за другим, оглушили всех троих.

Завыли, заревели, запищали звери. Мужчины вскочили, и в этот момент раздался восьмой выстрел. Пони пробежал между клетками и чуть не наткнулся на Кристину.

Леди лежала на полу, а в клетках лежали ее львы. Пони наклонился, перевернул Кристину на спину и только тут увидел в ее руке восьмизарядный «кебер», а в правом виске — небольшую дырочку.

Куумик, заведовавший хозяйством цирка и имевший кличку Хваткий, хмуро посмотрел на большую коробку, которую держал в руках Вако-Вако.

— Не знаю, Вако. Нужно выбросить все ненужное, чтобы облегчить корабль.

Вако пристально посмотрел на Хваткого:

— Мне не нужно то, что в коробке, мне нужна она сама.

— Но зачем?

— Хочешь знать зачем? — Вако открыл коробку, вынул из нее шесть больших ламп и оставил их висеть в воздухе. — Тогда пошли со мной. — Он повернулся и выплыл из каюты в коридор.

Хваткий последовал за заклинателем. Вако открыл одну из дверей и исчез в каюте, а Куумик остался у порога, не рискуя заходить внутрь. На четырех ковриках лежали все двадцать змей, которых Вако привез с собой с планеты Ссендисс. Они, похоже, спали. Вако подошел к одному из ковриков и тронул змею ногой.

— Хазсих, у меня есть коробка.

Змея открыла глаза, зашипела и снова уснула. Вако вздохнул и открыл коробку. Потом он сунул руку под одну из свернувшихся кольцом рептилий, извлек яйцо и опустил его в коробку. Хваткий нахмурился:

— В чем дело, Вако? Они в порядке?

— Они умерли. Все. Из-за воздуха.

Хваткий покачал головой:

— Мне очень жаль, Вако. А яйца? Я могу чем-то помочь?

— Нет. — Заклинатель вынул яйцо из-под второй змеи.

— Мне всего лишь нужна эта коробка. Нельзя, чтобы яйца летали по каюте. Они могут разбиться.

— Что ты будешь делать с ними, Вако? Когда из них появятся змеи?

Вако положил в коробку еще одно яйцо. Их было пять, размером с кулак, ярко-голубого цвета. Он закрыл коробку и прижал ее к себе.

— Если считать по нашему времени, эти яйца пролежат еще примерно двести семьдесят лет. Что бы ни случилось, я должен позаботиться о них. Я им обещал.

Он повернулся и посмотрел на мертвых змей.

Хваткий покачал головой:

— Вако, ты же не проживешь столько. Кто позаботится о них, когда ты сыграешь в ящик?

— Мои сыновья и дочери, их сыновья и дочери.

— Ты женат?

— Еще нет. Но женюсь. — Он снова посмотрел на рептилий, закрыл глаза и покачал головой. — Обещаю, что сохраню эти яйца, Хазсих, Сстисс, Нисса... обещаю всем вам. О вас не забудут.

Хваткий отвернулся, оставив заклинателя в одиночестве, и двинулся по коридору.

40

МАРШРУТНЫЙ ЖУРНАЛ «БОЛЬШОГО ШОУ О'ХАРЫ»

2 мая 2148 г.

Идем к звездной системе 9-1134. Осталось шесть дней. Удалось расщепить воду для получения кислорода. Дышать стало легче, но запас воды значительно уменьшился.

Перу Абнер Болин, лежавший на койке в углу отсека, открыл глаза и увидел собравшихся вокруг него клоунов. Он повернулся к Чолли:

— В чем дело? Побудка?

— Перу, может быть, перенести тебя в зверинец? Там есть гравитация и...

— Нет-нет. В невесомости, ребята, дышится куда легче.

— А Костолом может чем-то помочь?

Перу Абнер медленно покачал головой:

— Мою хворь, Чолли, излечит разве что машина времени. А у Костолома ее нет. — Старый клоун закрыл глаза, потом снова повернулся к Чолли. — Мы с Ахссиелем делали классный номер, да?

Чолли кивнул:

— Жаль, что малыша нет сейчас с нами. — Увидев, что Перу нахмурился, он быстро добавил: — Я не имею в виду эту заварушку, старина. Но парень хотел бы быть с тобой, здесь.

— Не забывай, что он принц. У него свои обязанности. — Перу Абнер улыбнулся. — Держу пари, что, когда придет время, из него выйдет отличный правитель. Представляю, в каких нарядах будут разгуливать его придворные.

Чолли покачал головой:

— Да, вы были друг другу под стать. — Он резко пригнулся, чтобы уклониться от подлетевшего Стенни, который не успел притормозить и врезался в переборку.

Перу Абнер протянул руку и похлопал Чолли по плечу:

— Плохо, что в невесомости нельзя сделать твой номер. Вот была бы умора.

Чолли вскинул брови и усмехнулся:

— Перу, тебе же никогда не нравился мой номер. Вы, чистюли, всегда смотрите на нас свысока.

Перу нахмурился и покачал головой:

— Зависть, вот и все. Зрители смеются над моими шуточками, не всегда понимая их смысл, но они никогда не надрывают животы от смеха, как это бывает, когда на арене ты. Да, я тебе завидую. — Старый клоун закашлялся, а когда оправился, лицо его словно осунулось. Он устало закрыл глаза. — Мне всегда нравилось то, что ты делал. Я бы хотел увидеть твой номер еще раз.

Чолли кивнул:

— Что-то мне сегодня не до смеха.

Перу Абнер схватил его за руку и крепко стиснул пальцы:

— То, что мы делаем, это искусство! Ради смеха мы играем в карты, пьем. А когда выступаем, это... это для души. Сыграй для меня, Чолли. — Он посмотрел на остальных. — Все, ребята. Я хочу посмотреть вас всех. Давайте. Подурачьтесь.

Чолли немного подумал, потом оттолкнулся от койки, повис в воздухе между двух полок и начал свой душещипательный номер, изображая неудачливого бродягу, которому не везет в жизни, но в душе которого не умирает огонек надежды. Другие клоуны принялись выделывать свои любимые трюки и разыгрывать комические драмы, и через несколько секунд весь отсек наполнился хохотом — артисты то и дело сталкивались друг с другом или переборкой, налетали на койки. Чолли, как ни старался, не смог сохранить невозмутимое выражение лица, бывшее его фирменным знаком, и вскоре тоже рассмеялся, да так, что на глаза выступили слезы. Немного успокоившись, он остановился у полки, на которой лежал Перу, и покачал головой.

— Черт возьми, Перу, как бы нам устроить невесомость на планете? Это же отлично! Если есть искусственная гравитация, то, может быть, можно как-то получить искусственную невесомость. Тогда бы... — Он посмотрел на Перу — старик лежал с открытыми глазами, на лице его застыла улыбка. — Перу?

Чолли взял его за руку и понял — великий клоун умер.

МАРШРУТНЫЙ ЖУРНАЛ «БОЛЬШОГО ШОУ О'ХАРЫ»

3 мая 2148 г.

Держим курс на четвертую планету системы 9-1134. Вторая попытка коррекции курса оказалась успешной, но топлива для шаттлов осталось мало. Встреча с безымянной планетой должна произойти 8-го. Для поднятия духа объявили конкурс на название планеты. Хозяин предло-

жил «Момус» в честь древнего земного бога насмешки. Умерла одна из слоних, Лолита. Здоровье Хозяина тоже ухудшается с каждым днем...

Бородавка Тхо поднял голову и, отложив маршрутный журнал, посмотрел на вахтенных. Пират Джон спал, пристегнувшись к креслу и закинув голову. Лысый Вилли висел над своей консолью совершенно неподвижно, лишь грудь медленно опускалась и поднималась в ритм дыхания. Соседнее кресло пустовало, так как связь по-прежнему отсутствовала.

Пендианец покачал головой и взглянул на экран над пультом. Крохотное пятнышко планеты стало заметно больше. На бело-голубой сфере были видны две маленькие шапки полярного льда, крупные массивы суши и океаны. Вода занимала только пятьдесят процентов поверхности. Место довольно сухое, но пригодное для жизни. Лун у планеты не было, ни одной.

Бородавка закрыл маршрутный журнал и сунул ручку в карман пиджака, развлекая себя мыслями о глупом матросе, так увлекшемся заполнением судового журнала, что пошел ко дну вместе с кораблем. Он отстегнулся от кресла, сунул под мышку журнал и оттолкнулся по направлению к выходу. Уже на лету пендианец еще раз посмотрел на экран и с изумлением увидел покореженную глыбу металла, пересекающую траекторию движения «Барабу».

— Пират! — Бородавка подлетел к главному инженеру и шлепнул его по спине. — Пират! Проснись!

Он повернулся к пилоту и крикнул:

— Лысый Вилли! Ты видишь, что там впереди?

Лысый Вилли взглянул сначала на пендианца, потом на экран и, повернувшись, включил собственный монитор. Пират вскинул голову, протер глаза и тоже посмотрел на экран.

— Слоновья задница! Это же «Блиц»! — За грудой металла разлетались искры. — Вилли, он идет на своей тяге! Видишь маневровые двигатели?

— Понял тебя, Пират. — Вилли нажал какую-то кнопку и закричал: — Марблз, ты где?

— Вилли, радио не работает, — напомнил Пират.

— Да, но Марблз может читать код. Видишь эти вспышки, это же на корме.

Пират, прищурившись, посмотрел на экран:

— Да... я их вижу. Похоже, действительно код. — Он покачал головой. — И как Растяжке удалось так далеко забраться на этой развалине? Их, должно быть, прилично отнесло с брошенными преобразователями.

Бородавка подождал, пока на мостик явится главный связист, Теренс Манн по кличке Марблз. Повиснув над креслом пилота, он спросил:

— Ну, что случилось?

Лысый Вилли указал на экран:

— Видишь вспышки?

— Да. Это код. Барабу... ответь... проснись... эй, тупица... — Марблз взглянул на консоль. — Где кнопка включения носовых стыковочных огней? — Вилли показал на ряд оранжевых кнопок. Марблз ткнул пальцем в кнопку. — Тик... это... ты?

На какое-то время вспышки на «Блице» прекратились, но затем возобновились.

— Марблз... ты... выбрал... чудесное... время... чтобы... поспать.

— Как... у... вас... дела?

— Как... мы... смотримся... точка... много... сломанных... костей... точка... все... живы... точка... все... были... в... спальном... отсеке... когда... нас... ударило...

Бородавка оттолкнулся от кресла и направился к каюте Хозяина.

Дверь с шипением открылась, и Бородавка сунул голову в каюту. Внутри было темно.

— Мистер Джон? Мистер Джон?

— Кто... кто это? — Голос был слабый и тихий.

— Я, мистер Джон, Бородавка. — Он вплыл в каюту. — Растяжка. Мистер Джон, он жив. «Блиц» вернулся!

— Повтори... повтори, что ты сказал.

Бородавка уцепился за кровать и включил небольшую лампу. Лицо О'Хары было белым как мел, худым, с темными кругами под полузакрытыми глазами.

— «Блиц». Растяжка и его шаттл вернулись.

— Сколько погибших?

— Все живы!

О'Хара облегченно вздохнул и откинулся на подушку:

— Это... хорошая новость. — Он закрыл глаза и кивнул. — Они могут идти на скорости света? — Хозяин посмотрел на Бородавку. — Как у них со связью? У них в порядке передатчик?

Бородавка положил руку на плечо Хозяина:

— Вилли сейчас разговаривает с ним.

О'Хара вздохнул и закашлялся. Когда приступ прошел, он снова повернулся к пендианцу:

— Бородавка?

— Да, мистер Джон?

— Спасибо... спасибо, что пришел и рассказал.

— Я подумал, что вам захочется узнать...

— Как... выглядит «Блиц»?

Бородавка покачал головой:

— Сильно потрепан. Я его даже не сразу узнал.

О'Хара нахмурился и кивнул:

— Ты ведешь журнал?

— Да.

Хозяин закрыл глаза:

— Ты уже давно с нами, Бородавка?

— Это мой пятый сезон... был бы...

— Будет.

Бородавка покачал головой:

— Не понимаю.

О'Хара вздохнул и снова закашлялся. Кашель скоро прошел, но дыхание стало прерывистым и тяжелым.

— Не думаю, что... что мы выкарабкаемся. Может быть, экипаж сможет удержать корабль на орбите... может быть, удастся починить маяк. Теперь, когда «Блиц» вернулся... наши шансы... немного лучше. — Он покачал головой и снова закашлялся. — Если мы опустимся на планету, для шоу это будет самый трудный сезон. Без зрителей... тяжелая работа... борьба за выживание. Он умрет, Бородавка. Цирк умрет! — Его глаза забегали. — Бородавка? Где ты?

Пендианец пожал ему руку:

— Я здесь, мистер Джон.

О'Хара немного успокоился:

— Мы... мы сами отправили «Большое шоу О'Хары» в ад... Цирк... самый лучший... — он замотал головой, — цирк просто... исчезнет.

— Мистер Джон? — Не получив ответа, Бородавка наклонился и осторожно потряс Хозяина за плечи. — Мистер Джон...

О'Хара вдруг схватил Бородавку за руку и притянул к себе. Его губы зашевелились.

— Бородавка... никогда... не позволяй этим людям забыть, кто они. Никогда... пусть не забывают...

Пальцы, сжимавшие плечо пендианца, разжались, и рука повисла в воздухе. Бородавка смотрел на Хозяина несколько минут, потом подвинулся к письменному столу О'Хары. Он включил свет и стал искать маршрутный журнал, который в конце концов обнаружился парящим у ног Хозяина. Пендианец положил журнал на стол, открыл его и достал ручку.

3 мая 2148 г.

Идем к Момусу. «Блиц» вернулся со всей командой. Умер Джон О'Хара.

ПОСЛЕ ШОУ

Хорт Шимсив, офицер следственного подразделения Адмиралтейства Девятого Квадранта, перевернул последний лист громадного, переплетенного вручную фолианта и, подняв голову, посмотрел на молодого человека в черно-белой мантии.

— Ну, и что случилось потом?

Юноша, уже уставший, встрепенулся, потер глаза, поднялся и подошел к офицеру:

— О чем вы спросили? — Он протянул руку.

Офицер поморщился и, опустив руку в карман, достал несколько медных бляшек, использовавшихся на Момусе вместо денег. Бляшки он положил на протянутую к нему ладонь.

— Что произошло после этого? Я прибыл, чтобы расследовать инцидент.

Юноша подошел к грубой деревянной полке, на которой лежало еще несколько похожих фолиантов, и взял один из них. Потом повернулся и положил ее перед офицером.

— То, что вы читали, называется «Книгой Барабу». Вы сказали, что хотите узнать о корабле. Вот это — первая «Книга Момуса». Думаю, там рассказывается о посадке.

Офицер нахмурился:

— А вы разве не знаете?

Молодой человек покраснел:

— Я всего лишь послушник. Может быть, вам лучше побеседовать с Главным Священником нашего ордена, Великим Бородавкой.

— Бородавкой?

Юноша кивнул:

— Он последний из оставшихся в живых членов труппы, прилетевшей на «Барабу». Пожалуйста, идите за мной. — Он повернулся и, дойдя до конца комнаты, остановился перед черно-белой занавесью.

Хорт Шимсив поднялся на ноги, подобрал хвост, поправил форму и приблизился к человеку. Юноша отвел занавесь и просунул голову в щель.

— Великий Бородавка?

— В чем дело, Бедоносец? — Голос его был пронзителен и надтреснут.

— Офицер из Адмиралтейства желает поговорить с вами.

— Пусть войдет.

Хорт последовал за послушником в небольшую темную комнату. В глубине ее сидел пендианец, одетый в уже знакомую Шимсиву черно-белую мантию. Перед стариком стоял низенький столик с тремя картами, двумя валетами и червовым тузом.

— Я прочитал первую книгу, мистер Бородавка, но так и не узнал того, что необходимо, о крушении.

Пендианец откинулся на спинку плетеного стула и протянул руку. Хорт нахмурился, но все же положил на ладонь священнику несколько медных бляшек.

— Что ж, благодарю вас, офицер.

— Хорт Шимсив.

— Да. Садитесь.

Хорт нашел глазами грубо сколоченную деревянную табуретку и уселся на нее.

— Так что с крушением?

Бородавка кивнул:

— Грустный день. Славный день.

— То есть?

Главный Священник щелкнул картами о стол и стал передвигать их по кругу.

Потом остановился, выровнял и взглянул на Хорта:

— Не хотите угадать, где туз?

Офицер покачал головой:

— Нет, спасибо. Так что случилось?

Бородавка вздохнул:

— Ну, вы же знаете, что «Барабу» вышел на орбиту?

— В книге об этом не говорится, но я предположил нечто подобное.

Бородавка кивнул:

— Так вот, когда шаттлы были загружены и отправлены на планету, экипажу еще предстояло выяснить, какой последний сюрприз заготовил нам Карл Арнхайм. Как только мы покинули корабль, Джон Норден попытался перевести звездолет на постоянную орбиту с помощью компьютеров. Должно быть, именно там и было что-то подстроено, потому что «Барабу» начал вдруг падать и сгорел в атмосфере еще до того, как шаттлы успели опуститься. — Пендианец опустил голову.

— Что потом?

Бородавка собрался с мыслями:

— Ну вот, топлива у шаттлов было в обрез. Мы не смогли построиться и приземлялись кто как мог. Четыре шаттла опустились вместе, неподалеку отсюда, возле Тарзака. Четыре приземлились в разных местах на севере, пара на западе, а еще один даже на соседнем континенте. — Пендианец покачал головой. — На то, чтобы всем собраться вместе, ушло три года. После этого уже начались настоящие парады.

— Парады?

Бородавка вскинул брови и рассмеялся:

— Парады. Ну да. Уже через двадцать минут после того, как наши четыре шаттла опустились на эту планету, мы построились и организовали шествие. Парад.

Он подался вперед, как будто объяснял что-то общеизвестное умственно отсталому ребенку.

— Именно так всегда поступал О'Хара, когда прибывал к месту новой стоянки. — Бородавка улыбнулся. — Спустя год получилось уже лучше. К тому времени мы проложили дорогу к Мийре, и в параде участвовали слоны.

Хорт покачал своей чешуйчатой головой и хмуро посмотрел на собеседника.

— Я знаком с культурами, ориентированными на самые разные вещи, создавшими из них религию. Но обычно это затрагивает вопросы выживания: пища, секс, социальная организация. А здесь — цирк? Я немного походил по городу... Каждый либо клоун, либо акробат, либо жонглер. Должно быть, это было ужасно нелегко — добывать пропитание, одеваться, строить жилье и при этом поддерживать и передавать все специфические навыки. Вы живете так уже пятьдесят лет. Почему? Почему вы это делаете? Ладно бы что-то, но цирк? Почему?

Бородавка потер подбородок:

— Вы сказали, по-моему, что прочитали первую книгу.

— Да, но все равно не понимаю.

Пендианец некоторое время изучающе смотрел на офицера, потом пожал плечами:

— Это болезнь.

Хорт вздохнул и поднялся:

— Что ж, спасибо, мистер Бородавка. Если мне понадобится информация, я пришлю кого-нибудь. — Он поклонился, повернулся и вышел из комнаты.

Бедоносец поднял руку:

— Великий Бо...

— Ш-ш-ш! — Бородавка подождал, потом, услышав шаги гостя по усыпанной щебнем дорожке, кивнул. — Да, мой друг, что ты хотел спросить?

Бедоносец нахмурился.

— Мне еще не доводилось их видеть, хотя я читал о них в Книгах. Это был простофиля?

Бородавка задумчиво потер нос:

— Да, дружок. Это был простофиля. — Он подтянул рукава мантии и размял пальцы. Потом собрал три карты и разложил их на столе, лицом верх. — И таких тупиц здесь целый корабль. А теперь извини, мне надо немного попрактиковаться.

ТРУППА

Административный фургон

Джон Дж. О'Хара, Хозяин, владелец цирка.

Арнольд Макгерк, Колокольчик, казначей.

Артур Веллингтон Бернсайд, Ловкач, советник по юридическим вопросам.

Уильям Пратт, Ловкач, советник по юридическим вопросам.

Диввер-Сехин Тхо, Бородавка, ответственный за ведение маршрутного журнала.

Авангард

Джек Сэвидж, Крыса, ответственный за разработку маршрута.

Нед Мосс, Квак-Квак, пресс-агент.

Ансель Ф. Дирак, Растяжка, менеджер «Блицкрига».

Оскар Крюгер, Бельмо, менеджер «Ядра».

Юла Д. Стампо, Резак, менеджер «Гром-Птицы».

Иван Стимников, Шесть Подбородков, менеджер «Боевого орла».

Уильям Р. Рис, Кулачище Билл, старший «группы противодействия».

Эдгар Б. Уолтенхэм, Тик-Тик, вахтенный.

Главный шатер

У. Арло Дафф, Костыль, режиссер-постановщик.

Самсон Вурмье, Сэм Сарасота, режиссер по работе с наездниками.

Джилл Майерс, Джилл Железная Челюсть, режиссер танцевальных номеров.

Стэн Л. Куумик, Хваткий, начальник хозяйственного отдела.

Уилбур Строк, Вилли Лонжа, наездник.

Диана Тарзак, Королева, воздушная гимнастка.

Карл Риетта, Старик, канатоходец.

Кристина Коул, Леди Львица, укротительница.

Антон Этрен, Белесый, мим.

Лю Ки Ванг, Люк Гук, акробат.

Мэри Аствит, Бубновая, танцовщица.

Доналд Л. Уимз, Доктор, музыкант.

Ландри Трэверс, Рагу, наездник.

Джейми Трэверс, Коротышка, наездник.

Джоел Трэверс, Святой, наездник.

Арвел Робертс, Черныш, гимнаст.

Мередит Робертс, Пятерня, гимнаст.

Пемброк Робертс, Принц, гимнаст.

Морган Робертс, Увалень, гимнаст.

Уильям Блэр, Капитан Билли, номер с собаками.

Джейн Фойл, Простушка Джейн, танцовщица.

Середина

Фрэнк Джиллис, Рыбья Морда, режиссер-постановщик детского шоу.

Ева Скринер, Пузырь, Толстуха.

Уолдо Скринер, Мелок, Окостеневший Человек.

Томми-Сью Вейл, На-На, Двухголовая Красавица.

Абрахам Вейл, Лапа, Трехногий Человек.

Ричард Брук-Хэнфилд, Дик Собачья Морда, Человек-Волк.

Сьюзен Брук-Хэнфилд, Большая Сью, великанша.

Найл Ндума, Огг, Недостающее Звено.

Ванда Норт, Тростинка, Живой Скелет.

Агата Дойл, Тина, карлица.

Присси Дойл, Вина, карлица.

Тили Тарзак, Булочка, Девушка-С-Распущенными-Волосами.

Освальд Дортфельтер, Удивительный Озамунд, маг.
Ширли Смит, Мадам Зельда, предсказательница.
Аннет Лемей, Узелок, акробат, «женщина-змея».
Саша Колин, Ускользающий Саша, эскапист.
Хасан Медхи, Вако-Вако, заклинатель змей.
Тимоти С. Пейн, Губошлеп, зазывала.
Гарри Домади, Говорун, зазывала.
Уолдо Макдоналд, Ласка, торговец лимонадом.
Роберт Несби, Костолом, хирург.

Клоуны

Абнер Болин, Перу Абнер.
Стэнсфилд Ф. Брукхерст, Стенни.
Чарлз Джакоби, Чолли.
Ахссиель, Президент.

Зверинец

Бруно Мийра, Рыжий Пони, главный дрессировщик.
Гордон Парда, Клык, дрессировщик.
Лоренцо Арделли, Вощеный, скорняк.

Рабочие

Мелвин К. Тарзак, Раскоряка, бригадир.
Нолан Д. Саггс, Погонщик, главный погонщик.
Луи Френч, Толстогубый Луи, рабочий.
Отто Посвински, Морковный Нос, рабочий.
Джозеф А. Наполи, Дурень Джо, рабочий.
Эрл Г. Крафт, Сырок, водитель.
Пьетро Астама, Синий Пит, рабочий.

Экипаж «Барабу»

Уильям Х. Куган, Лысый Вилли, пилот и старший экипажа.
Джон Норден, Пират, главный инженер.

Миллард У. Фарнсуорт, Зверь, инженер.
Рудольф Кац, Левша, инженер.
Майк Айкона, Косоглазый Майк, заведующий хозяйством.
Донна Уэнделл, Тик, связист «Блицкрига».
Оширо Б. Атами, Чудак, инженер.
Теренс Манн, Марблз, главный связист.

ПЕСНЬ СЛОНА

Ну что за уродец этот слон!
Где хвост его? На морде он.
А где хвосту полагается быть —
Лишь жалкий отросток, чтоб попку прикрыть.
Мозги — с кулачок, зато ноги — колонны,
И весит никак уж не меньше тонны,
А главное: эта серая туша
Ну о-о-о-чень любит покушать.
Страшно подумать, какая силища
У этого страшилища!

Но послушайте, что в свой черед
Расскажет вам цирковой народ.
Выходит, у серых гигантов
Немало своих талантов.
Все в блестках, балерины
Порхают у них на спинах,
А парни в ливреях с ведром и совком
Ходят за ними следом,
Убирая с арены то, что вчера
Было слоновьим обедом.

Послушайте цирковые были —
Кого растоптали, кого раздавили.
В цирке даже мартышке известно,
От кого осталось лишь мокрое место.
Но тотчас добавят, кивая в лад,
Что, мол, бедняга сам виноват,
Незачем было лезть на рожон,
Вернее, на бивень, на то он и слон.

Послушаешь их час-другой — и, похоже,
Слоновье племя куда им дороже.
А если и вы такого же мнения —
Идите в цирк, дай бог вам везения.

Навигационная служба Федерации Десятого Квадранта извещает о том, что цирковой космический корабль «Город Барабу», следовавший курсом до планеты Х'дгва в Десятом Квадранте, четыре дня назад не вышел на связь. Согласно имеющейся информации, поисковыми службами Девятого и Десятого Квадрантов не отмечено никаких сигналов от терпящего бедствие корабля. На маршруте начаты обычные в таких случаях поисковые работы.

До выяснения положения дел космическое судно, несущее на своем борту полный состав первой межзвездной цирковой труппы Джона О'Хары, объявлено пропавшим без вести.

Газета «Билборд» от 29 мая 2148 г.

Глава 1

Во мраке космоса, в верхних слоях атмосферы неизвестной планеты от гигантского корабля отделились десять небольших шаттлов. Заработали сопла, шаттлы приготовились в любую секунду устремиться вниз. Но не успели они стартовать, как громадный корабль покачнулся, словно на волнах — раз, другой, третий. На какое-то мгновение он вернулся в прежнее положение, затем из дюз мощных двигателей вырвалось слепящее пламя, и корабль в чудовищном пике рухнул вниз.

Крупный человек с перевязанной головой застонал и открыл глаза, ощутив, как мир вокруг него сначала содрогнулся, а потом замер. Голову пронзила резкая боль, способная, казалось, расплавить металл, и человек вновь закрыл глаза.

Какие-то звуки. Едкая вонь кислоты. Запах дыма. Человек погрузился в спасительное забытье. О, от скольких горьких мыслей оберегало оно! Где-то там, снаружи, умирали его корабль, его цирк, его дочь.

— *Ну-ка, живо, залатай этих двоих. Они мне нужны в радиорубке.*

— *Мы уже сели?*

— *Как же, сели, Мейндж! Еще как! Прямиком напоролись на эту чертову гору.*

Забыться, ничего не знать, ничего не помнить — пусть где-то рядом умирают его цирк, его дочь, его животные, да и он сам.

Человек открыл глаза и уставился перед собой невидящим взглядом. Перед глазами мельтешили какие-то фигу-

ры, слышались человеческие вопли. Чей-то голос что-то сказал о слонах.

— *Господи, да мы разбились в лепешку!*

— *Пожарная бригада, немедленно в главную карусель. Пони? Рыжий Пони, где ты?*

И вновь какой-то треск, невнятные голоса.

— *Немедленно в главную карусель! Слоны и лошади разбежались из клеток и всё крушат на своем пути. Пожарная бригада, какого черта вы тянете резину?! Живо тушите огонь в карусели!*

Слоны. Кажется, упомянули слонов. И пожар.

Человек поднял руку. Во всем теле ощущалось какое-то онемение. В его сознании начали постепенно всплывать обрывки воспоминаний. Слоны. Нужно спасать слонов.

— *А как с атмосферой?*

— *Какая, к черту, разница? Ну не будет там воздуха, и что? Все дружно подохнем! Главное, что мы здесь задыхаемся. И если Хартфорд не откроет глаза, мы тут скоро и спички не сможем зажечь. Живо включайте вентиляцию! Дышать невозможно!*

— *Вот это посадочка, Комета!*

— *Идиот, попробовал бы ты посадить эту посудину. У нее угол посадки как у кирпича.*

— *А я и говорю, что мы еще удачно приземлились.*

— *Черт побери, куда подевались все остальные?*

— *Попробуй по радио. Нет, погоди! Это чьи позывные?*

— *Это «Барабу», шкипер! Корабль потерял управление. Он опустился в атмосферу. Сигнала нет.*

Голоса. Мужчина приподнялся с койки навстречу голосам. Но те пропали. Полная тишина. Он почувствовал на лице легкое дуновение воздуха и сделал жадный вздох. Глоток. Еще глоток. Сознание слегка прояснилось, и он увидел, что перед пультом управления шаттла, подобно статуям, стоят члены его экипажа.

— Ты, Комета. Что это?

Старший пилот третьего шаттла обернулась в его сторону. Похоже, она не замечала, что со лба у нее капает кровь.

— «Барабу». Его больше нет. Мы едва не погибли вместе с ним.

Комета кивнула в сторону другого члена экипажа:

— Надо связаться с другими шаттлами. Эй, все, кто нас слышит! Говорит шаттл! Где вы? — Комета немного подождала, а затем повторила обращение: — Говорит шаттл номер три. Ответьте, кто слышит нас.

Мужчина потер глаза, присел на койке и посмотрел на старшего пилота:

— Что-то говорили о слонах.

Комета Хана Санаги присела рядом с ним на корточки:

— Здоровяк, знал бы ты, что там происходит. Заклинило дверь. Слоны совсем свихнулись и крушат все на своем пути.

Пилот поднялась и накинулась на членов экипажа, столпившихся у приборной доски:

— Где эти чертовы пожарные?

— Забудь о них.

— Что-нибудь слышно от других шаттлов?

— Пока ничего.

Здоровяк Вилли поднялся на ноги, придерживаясь за спинку кушетки. Неожиданно раздался оглушительный треск.

— Эй, это номер десять! Первый, четвертый, пятый и девятый находятся в пределах видимости друг друга близ обширного водного пространства. — Кто-то из членов экипажа быстро заговорил в микрофон дальней связи. — Нас тут здорово покорежило. Врезались в какую-то гору. От других что-нибудь слышно?

Вилли прищурился, глядя в иллюминаторы капитанского мостика. В них виднелось ослепительное небо, пышная зелень деревьев и горный хребет.

Снова раздался треск радиопомех.

— Подождите! Мы получили устойчивый сигнал от номера шесть. Он видит номер восьмой. Восьмой не видит девятого, но между ними хорошая радиосвязь. Номер два? Где вы? — Молчание. — Кто-нибудь получил сигнал от второго? А от седьмого? — Треск, отчаявшиеся голоса и вновь молчание. — Ладно, давайте поразмыслим, как далеко нас разбросало друг от друга и что нам теперь делать?

На кушетке лежал длинный стек с золотым наконечником. Здоровяк Вилли взял его и, пошатываясь, вышел через дверь командного отсека в темный коридор. Ну и вонь! Пахло

жженой изоляцией, перегретой гидравлической жидкостью, но все эти запахи перебивал тошнотворный запах горелого мяса.

Вскоре возгласы на капитанском мостике остались позади, однако им на смену пришли душераздирающие крики обезумевших животных. Здоровяк повернул в коридор, ведущий к огромной клетке из вращающихся труб, в которой содержались слоны. В глаза ему ударил резкий свет сигнализации, затем, откуда-то из-за завесы темноты и дыма послышался голос.

— Пони! Отзовись! Рыжий Пони! Это Здоровяк! Главный дрессировщик с нами!

Здоровяк прикрыл ладонью глаза от слепящих лучей:

— Вощеный! Ты что, черт побери, хочешь, чтобы я ослеп?

Луч фонаря скользнул вниз, Здоровяк ухватился за стену. Она была раскалена. А ведь это только маленькая карусель, в которой находится лишь половина уцелевших животных.

Здоровяк отдернул руку:

— Вощеный, а как же лошади?

Темная фигура позади сигнального фонаря покачала головой.

— Ничего хорошего. Рыжему Пони пришлось наглухо закрыть карусель, чтобы огонь не распространился дальше. Зрелище не для слабонервных. В главной карусели и в конюшне огня нет, но из-за дыма и отсутствия свежего воздуха лошади со слонами просто ошалели.

— Воздух скоро будет.

Рядом с Вощеным возник еще один силуэт.

— Да, видали бы вы, что там творится!

Это был Рыжий Пони Мийра, главный дрессировщик.

— Вощеный, почему ты отключил связь?

Силуэт с фонарем в руке указал на Здоровяка:

— Здесь главный дрессировщик слонов.

Пони приблизился к Здоровяку и положил руку ему на плечо:

— С тобой все в порядке? Когда я видел тебя в последний раз, в затылке у тебя была дырка.

— Я-то на ногах. Мы удачно сели. Нам надо открыть главный выход.

Смотритель животных покачал головой:

— Я слышал от экипажа, что двери заклинило. К кнопке, которая открывает эти чертовы люки, не пробиться, и все из-за слонов. Там их носится парочка, крушит все на своем пути. И мы теперь отрезаны от ребят в кормовом отсеке.

Здоровяк потер глаза:

— Карусель? Она все еще вращается?

— В общем-то да, но...

— Тогда несите фонари и поверните к выходу первую трубу. Я попробую выбить люк.

Пони слегка потряс Здоровяка за плечо:

— В трубы проникнуть не удастся. Особенно в первую. Там бесчинствуют шесть из восьми слонов. Мы сейчас пытаемся вызвать на помощь спасательную бригаду, чтобы те взломали дверь снаружи.

Здоровяк медленно двинулся вдоль прохода:

— К черту помощь, Пони. Уж если изнутри дверь не открыть, то кто, по-твоему, откроет ее снаружи? Нечего даже рассчитывать. Поверните первую трубу к выходу. Я пробьюсь.

— Почему первую?

— Потому что там Минг.

Пройдя между двумя фигурами, Здоровяк на ощупь двинулся дальше по коридору, пока наконец не добрался до люка, ведущего в главный отсек. Протиснувшись в него, он не стал пользоваться лифтом, а начал медленно спускаться вниз по перекладинам приставной лестницы. Где-то на полпути вниз его охватил приступ тошноты и головокружения, а от боли перед глазами заплясали искорки. Здоровяк приник к лестнице, положив голову на перекладину. Дым укутывал его подобно ватному одеялу. Крики обезумевших животных давили на барабанные перепонки.

Плач. Едва слышный плач он различил среди этих криков. Затем в коридоре зажегся тусклый свет и на смену кромешной тьме пришло подобие сумерек. Здоровяк Вилли медленно спустился еще на несколько перекладин ниже, пока наконец не оказался в отсеке нижней палубы, ведущем к главной карусели. Воздух здесь был лучше — чище, свежее. Здоровяк кинул взгляд налево и разглядел смутные очертания открытого технического люка. Там виднелась зеленая трава.

Здоровяк повернулся прочь от лестницы, направляясь в сторону закрытых дверей, которые вели к трубам, но в следующее мгновение шаттл содрогнулся от грохота, сотрясавшего главную карусель. Перед дверью маячили три фигуры, склонившись над распростертой четвертой. Одна из них вскочила на ноги и подхватила Здоровяка.

— Что ты здесь делаешь? Ты ведь едва держишься на ногах.

Здоровяк усилием воли вернул зрению фокус. Оказалось, что его поддерживал Паки Дерн, а над неподвижным телом Хэйстена Харри сидели, склонившись, Вако-Вако и Дот Пот.

— Что у вас здесь стряслось, Паки?

Дрессировщик кивнул в сторону Харри:

— Нам с Вако удалось вытащить его из первой трубы. Увы, слишком поздно. — Паки посмотрел на Здоровяка. — Там еще остались люди.

— А где остальные погонщики?

Паки покачал головой:

— Хотел бы я знать. Большинство из них, должно быть, уже выбрались наружу.

Здоровяк на мгновение закрыл глаза.

— Вако. Уведи отсюда Дот. Вы с ней сможете пролезть через технический люк.

Заклинатель змей обернулся и посмотрел на главного повелителя слонов:

— А как же ты?

Здоровяк подошел ближе и поднял Дот на ноги.

— Хэйстена уже не вернешь, Дот. Тебе лучше уйти отсюда.

Дот вытерла тыльной стороной ладони слезы:

— Я не могу его здесь бросить. Даже не пытайтесь меня уговаривать.

— Мы с Паки о нем позаботимся. А ты иди с Вако. И не путайся под ногами.

Заклинатель змей поднялся, держа Дот за руку, и вопросительно посмотрел на Здоровяка:

— А как же ты?

— Как-нибудь справлюсь.

Заклинатель змей окинул Здоровяка пристальным взглядом узких восточных глаз.

— В цирке героев не бывает, Здоровяк. Циркачи делятся на мертвых и живых.

— Давай, Вако, делай, что тебе сказано. — С этими словами Здоровяк положил руку ему на плечо. — А за меня не беспокойся.

Вако плюнул на пол и повел Дот в сторону технического люка. Когда они приблизилась к выходу, Здоровяк указал Паку на мертвое тело:

— Вытащи его отсюда.

Паки Дерн покачал головой:

— Я слышал, как ходуном ходит большая клетка. Если ты откроешь эту дверь, не успеешь и глазом моргнуть, как стадо обезумевших слонов раздавит тебя в лепешку.

Дрессировщик слонов стеком указал на неподвижное тело:

— Убери его отсюда и сам проваливай. Я постараюсь открыть главную задвижку.

— Сейчас это сделают снаружи.

— Паки, у нас нет времени ждать, пока кто-то там взломает чертову дверь. Так что пошевеливайся.

— У тебя ничего не выйдет.

— Еще как выйдет. Мне поможет Минг! — Здоровяк вновь указал в сторону мертвого товарища. — Уноси его, слышишь?

Паки потряс головой и взвалил мертвого Харри на плечо.

— Может, я чем помогу?

Здоровяк Вилли посмотрел на задраенную дверь главной карусели:

— Не мешай мне. Ступай. И скажи тем, снаружи, чтобы убирались.

Паки тащил тело Харри прочь. В тот момент, когда он уже был у технического люка, Здоровяк выкрикнул:

— Эй, Паки!

— Ну, что еще?

— Крошка Вилл. Позаботься о ней, хорошо?

— Понял. Позабочусь. — Паки протиснул тело Харри в люк, а затем и сам выбрался наружу.

С минуту Здоровяк Вилли стоял перед закрытой дверью, в нерешительности глядя на красную квадратную кнопку, которой та открывалась.

Главное, чтобы Минг была первой.

Здоровяк вытянул вперед левую руку и резко нажал кнопку. Двери с шипением разъехались в стороны, и он шагнул

внутрь. Дым там был не намного гуще, чем снаружи, но вопли слонов, казалось, могли разорвать барабанные перепонки. В дверь ворвалась и пронеслась мимо него обезумевшая от страха слониха. Из ее порванного левого уха капала кровь. Здоровяк тотчас узнал Камбо. Животное заметалось по отсеку в поисках выхода. Вслед за ней из карусели выскочила Квини. Хобот ее был почти отсечен. Здоровяк заглянул внутрь и, собравшись с силами, крикнул:

— Минг! Черт побери, где ты? Отзовись, Минг!

Впереди перед собой он увидел на полу три слоновьи туши — животные либо уже умерли, либо близки к тому. Оставшиеся пять слоних, совершенно обезумев, носились из стороны в сторону в тесном пространстве карусели.

— Минг! Чертова кукла Минг! — В глазах у Здоровяка помутилось, и он осел на пол возле двери.

Одна из пяти слоних остановилась, повернулась к нему и медленно зашагала к выходу.

— Умница. Ну, давай, иди ко мне.

Неожиданно кто-то с силой ударил Здоровяка по плечу, так что он отлетел к перегородке. Дрессировщик с трудом устоял на ногах, успев ухватиться за перекладины лестницы, и начал карабкаться вверх, спасаясь от неожиданной опасности. Квини вновь налетела на него, на сей раз пытаясь стянуть вниз, но раненый хобот не дал ей это сделать. Едва Здоровяк успел взобраться выше, как разъяренная Квини принялась таранить лестницу лбом.

В ту же секунду в отсек вошла Минг и дико взревела. Здоровяк окликнул ее с высоты:

— Минг! Сюда, моя девочка. Убери Квини от лестницы. Ну, давай, моя красавица!

Здоровяк заметил, как Минг посмотрела в его сторону. Она издала трубный звук. Для Здоровяка этот рев был как бальзам на рану.

— Молодчина, Минг. Я здесь. Давай ко мне. Выручай старину Здоровяка.

Минг склонила голову, подобрала хобот и пошла тараном на Квини. От мощного удара задрожали перегородки во всем отсеке. Здоровяк едва не выпустил поручень. Квини в испуге отскочила от лестницы.

— Сюда, сюда, Минг! — Здоровяк стукнул стеком о стойку, и Минг подошла к лестнице. В цирке Минг научилась подставлять дрессировщику спину по условному знаку его стека. Когда слониха оказалась совсем близко, Здоровяк спрыгнул с лестницы и оказался на ее широкой спине. С великим трудом он подполз ближе к голове, пока наконец его ботинки не очутились у нее за ушами.

— Молодец, моя милая. Давай выручай! Выпусти нас отсюда. — Здоровяк постучал слониху по плечам стеком. — Давай, милая, давай!

Минг развернулась вправо, и, когда она оказалась как раз напротив двери, Здоровяк припал лицом к его голове. В ноздри ударил резкий запах горелого мяса.

— Ну, давай, протарань эту чертову железяку!

Минг вошла в двери и двинулась по трубе № 1 главной карусели — сначала быстрым шагом, а затем рысью. Выкрикивая команды и работая стеком, Здоровяк помог слонихе обойти ее мертвых сородичей. Работая головой, хоботом и бивнями, Минг убрала с пути испуганных слонов. Кто-то из них попытался было дать ей отпор, и Здоровяк почувствовал, как чей-то бивень впился ему в икру.

— Черт! А ты пошевеливайся!

На другом конце трубы дым все еще стоял плотной завесой.

— Стоять. Припаркуйся здесь, а я пока нащупаю дверную ручку.

Слониха остановилась, а Здоровяк попытался разглядеть, что же творится вокруг.

— И где эта ручка, черт бы ее побрал?!

Здоровяк покачал головой, но от этого она только сильнее разболелась, а видимости ничуть не прибавилось.

— Черт! — Здоровяк наклонился вправо, свесился вниз и похлопал слониху по груди. — А теперь, милочка, опустись на колени. Вот так. Дай-ка мне слезть вниз.

Слониха медленно подогнула передние ноги, и Здоровяк соскользнул на раскаленный пол нижнего отсека. Его левая нога тотчас стала как ватная, и Здоровяку ничего не оставалось, как подползти к двери на четвереньках. Найдя заветную кнопку, он с силой ударил по ней кулаком. Дверь с шипением

отворилась. По другую ее сторону две слонихи, вырвавшиеся из трубы № 4, носились по коридору, который вел к главному люку. Раскаленная сторона карусели светилась в темноте оранжевым светом. Рядом с одной из стен виднелись растоптанные человеческие тела. Понятно, почему Рыжий Пони так и не сумел вызвать подмогу из кормового отсека.

Здоровяк отшатнулся от стены и рухнул на пол. Он посмотрел на слониху. Та терпеливо дожидалась дальнейших указаний. Здоровяку показалось, что на мгновение он потерял сознание, но, к счастью, быстро очнулся, когда ногу, тело и голову пронзила острая боль. Вскоре боль слегка отпустила, и он выкрикнул:

— Минг! Я не могу! Выбей дверь и выпусти нас отсюда!

Дрессировщик постучал стеком по полу:

— Давай, вперед.

Слониха подвинулась вправо и посмотрела на распростертую на полу фигуру своего повелителя. Затем встала на задние ноги и протрубила. Здоровяк понял, что у нее на уме. Понял, потому что однажды уже пережил это.

— Минг, это я, Здоровяк. Неужели ты не узнаешь меня, моя красавица?

Слониха только фыркнула и принялась раскачиваться взад и вперед.

Это было раньше, в другом месте! Не сейчас! Много лет назад. А это я, Здоровяк!

Он поднял стек с позолоченным наконечником.

Здоровяк.

Минг на какое-то время застыла, опустив голову и подняв хобот вверх. Затем осторожно просунула бивни под тело Здоровяка. Тот отвел руку, в которой был зажат стек, — слониха должна все время видеть его.

— Это я, Минг. Если ты поранишь меня, то загубишь все на свете! Осторожнее!

Обвив талию своего повелителя хоботом, слониха подняла голову.

— Молодец, моя крошка. А теперь уйдем отсюда, и чем скорее, тем лучше!

Минг развернулась к главному люку. Две обезумевших слонихи двинулись в ее сторону.

— Давай, милая. Подними меня поближе к этой чертовой кнопке.

Минг остановилась перед мощной дверью главного люка. От сильного удара о землю та выгнулась, и открыть ее можно было, разве что одновременно выбив все болты.

— Потихоньку, милая. Пододвинь меня поближе.

Слониха пододвинула дрессировщика вправо. Здоровяк подался вперед и снял крышку с аварийного крана. Он потянул вниз красную ручку, но уже в следующее мгновение снова потерял сознание — как раз в тот момент, когда двести болтов вылетели из своих гнезд, а на Минг набросилась одна из разъяренных слоних.

Здоровяк вновь открыл глаза оттого, что все тело его сотрясалось — это Минг мчалась вперед по высоким травяным зарослям незнакомой планеты. Сзади раздавались чьи-то голоса, но Минг на них не обращала внимания.

— Минг! Минг!

Слониха перешла на рысь, а затем двинулась шагом.

— Полегче, милая. А теперь отпусти меня.

Огромное животное вздрогнуло, опустило голову и положило Здоровяка в траву. Затем подняла голову и застыла на месте, пофыркивая и похлопывая ушами.

— Умница. Молодчина. Ты у меня молодчина.

И снова голоса. На этот раз ближе и громче. Топот человеческих ног Кто-то бежит в высокой траве. Здоровяк открыл глаза и посмотрел на ясное голубое небо. Погода как раз для открытия сезона. Черт, денек выдался просто на славу. Затем над ним появилось лицо Паки Дерна — погонщик пытался удостовериться, жив ли дрессировщик слонов. Здоровяк ощутил, как ему что-то положили под голову, кто-то сжимал ему левую ногу. Еще чьи-то руки, чьи-то лица... Вако-Вако, Дот Пот, Муллиган, Рыжий Пони, Молл...

На лице Паки появилась улыбка.

— Ну, Здоровяк, чего ты там натворил?

— Немножко того, немножко этого.

Здоровяк почувствовал, как ему в руку впилась острая игла. Паки кивнул:

— Похоже, ты неплохо повеселился.

— Сам знаешь, Паки, что в таких случаях говорят. Когда работаешь в цирке, вся твоя жизнь — нескончаемое веселье.

* * *

Голубое небо вдруг сделалось черным. Лицо Паки расплылось и померкло, а резкая боль сменилась убаюкивающим покачиванием, похожим на морской прибой.

Он смутно ощутил чье-то прикосновение, услышал невнятные голоса и даже узнал один из них, исполнявший песню «Слоновий детский сад». Пела Ким. Молодец девчонка. Шаттл разбился, где мы сейчас — одному Богу известно, теперь нас вовек никому не найти. Неизвестно, добудем ли мы хоть какую-нибудь еду. Главное — не терять присутствия духа. Но ведь кое-что осталось. Я все еще здесь...

А жизнь? Такая же, что и всегда — жизнь с цирком, нескончаемое веселье...

Эй, почтеннейшая публика!

Заходите к нам полюбоваться на диковинных животных с планеты Земля. Взгляните на наших удивительных серых гигантов!

— Вот я и говорю, кто вы там, сэр или мадам, серых гигантов.

— Правильно, их так и зовут, сынок.

Всего за четвертак, за двадцать пять процентов полной денежки-бумажки любуйтесь ими, насколько хватит ваших глаз, сенсорных отростков или чем там вас наградил Господь Бог.

— Кыш, парень, не путайся под ногами.

— А вы, ребята, глядите!

Глава 2

Вако-Вако, заклинатель змей, отвел взгляд от тела Здоровяка Вилли. Цирковой ветеринар Мейндж Рейнджер уже спешил осмотреть его и выдать заключение о смерти. Вако же направился к шаттлу и начал карабкаться вверх по лестнице, ведущей к аварийному люку. Тем временем погонщики, кто приманками, кто угрозами, пытались заставить слонов выйти наружу. Оказавшись внутри шаттла, Вако зашагал к своему отсеку. Он слышал, как главная карусель, скрипнув, сделала очередной оборот, и с главным выходом поравнялся коридор слоновника.

Войдя к себе в отсек, Вако сел на сундук. В помещении все еще явственно ощущался запах гари и дыма. Вако взял в руки серую картонную коробку. Поставил ее себе на колени, открыл крышку и взглянул на пять голубых яиц размером с кулак. На одном яйце блестела капелька влаги, и Вако аккуратно вытер ее пальцем. Но в следующее мгновение на скорлупе заблестела новая капля. Вако поднес руку к лицу и прикоснулся к щеке. Слезы. Старая хворь. Опять она до него добралась.

Откуда-то снаружи раздался чей-то голос:

— Освободить шаттл!

Вако повернул голову — в отсек к нему заглядывала Комета Санаги.

— Вако, живо, давай отсюда. Для нас единственный способ справиться с пожаром — это плотно закрыть все люки. Без воздуха пламя погаснет.

Вако кивнул, и Комета пошла дальше.

Заклинатель змей закрыл коробку, но с сундука не встал.

Хворь. Господи, опять проклятая хворь.

Пятнадцать лет назад он плакал по Бансу Баниоро. И вот теперь Здоровяк Вилли. Вако вспомнил зимние квартиры в далеком месте под названием Флорида. Иное место, иное время, иное измерение. Однажды вечером кто-то постучал в дверь его вагончика. Открыв, Вако увидел, что перед ним стоит Рыжий Пони Мийра, главный дрессировщик.

— Вако, надеюсь, ты знаешь, что сегодня мы ездили за парой новых слонов. Но эти болваны — я имею в виду тех, кто их перевозил, — загубили одного и поранили другого.

Заклинатель змей пристально посмотрел на главного дрессировщика. Внутри него все оборвалось.

Рыжий Пони уставился в пол:

— Ну, в общем, Банс... того. Я еще приду попозже забрать его вещи. — Рыжий Пони сунул руки в карманы и направился в сторону слоновника. — Ты уж извини.

Вако закрыл за ним дверь вагончика и снова взялся за книгу.

Поздно вечером в дверь снова постучали. Вако посмотрел на раскрытую книгу и понял, что вот уже два часа таращится на одну и ту же страницу. Отложив книгу в сторону, он открыл дверь. На ступеньках стоял Здоровяк Вилли, молодой дрессировщик, которого добряк Банс взял под свое крыло.

— Банс погиб. Я подумал, что тебя надо поставить в известность. — И он посмотрел на Вако.

— Уже знаю. — Вако кивком головы указал на перевязанную руку Здоровяка. — Откуда такая варежка?

— Все о'кей. Пришлось выгонять одного слона из трейлера. Вот мне и прищемило клешню. Наш Костоправ ее починил и даже дал что-то от боли.

Вако пригласил его зайти в вагончик:

— Заходи, если хочешь.

— Нет, я просто пришел сказать, что сочувствую тебе.

Вако опустился в кресло и сцепил пальцы.

— Не надо мне сочувствовать, Здоровяк.

Вилли сел на стул напротив заклинателя змей:

— Но ведь он был твоим другом.

— Это он так себя называл. — Заклинатель змей впился в него взглядом своих черных глаз. — У меня нет друзей, по крайней мере среди людей.

Вилли посмотрел вниз и покачал головой:

— Так почему ты жил с ним? Причем целых десять лет.

— Он платил за жилье. — Заклинатель змей протянул руку, чтобы погладить проползавшего по полу питона. — С ним было интересно поговорить. — Вако выпрямился. — Я произвожу впечатление бездушного типа?

Вилли медленно кивнул:

— Бездушного. Именно.

Вако закрыл глаза и откинулся на спинку кресла.

— Я не позволяю себе водить дружбу с людьми. Люди — единственные животные, о которых я невысокого мнения. — Вако открыл глаза и посмотрел на Вилли. — Мне не довелось общаться с внеземными разумными формами, но боюсь, что и они меня разочаровали бы. Банс поехал туда и загнулся, что, в общем, сродни самоубийству. Ты думаешь, что он герой. А я нет. Наверняка найдутся те, кто питал к нему теплые чувства — правда, я не из их числа. Банс ведь обманывал их. Он обманщик, каких свет не видывал. А чего еще ждать от человека? Я, например, ничего другого и не ждал. Я вообще ничего хорошего от людей не жду.

Здоровяк Вилли еще какое-то время оставался сидеть, но затем подхватил свой стек, встал и направился к двери.

— Я уж лучше пойду к себе в слоновник. Сегодня же начну дрессировать ту слониху.

Заклинатель змей тоже поднялся и проводил Здоровяка Вилли до дверей. Когда тот был уже на нижней ступеньке крыльца, Вако спросил:

— Как ее имя?

— Минг.

— А сколько тебе лет?

— Восемнадцать.

— Думаешь, справишься?

Вилли пожал плечами, а затем, словно гребнем, прошелся пальцами здоровой руки по волосам.

— Не знаю. И это плохо. Отрава Джим, бывало, говорил, что надо точно знать, сможешь ты или нет. В противном случае слон покажет тебе правильный ответ.

Вако кивнул:

— Животные понимают людей гораздо лучше, чем люди животных. Минг тебя не пугает?

Вилли облизнул губы, пожал плечами, затем все-таки согласился:

— Сейчас — да. Но тогда, на аэродроме, я об этом не думал. Некогда было... После у меня было время задуматься.

— Вот и хорошо. Продолжай в том же духе, Здоровяк. Все животные одинаковы. Главное — присматривайся, изучай. Присматривайся к Минг, пока не раскусишь ее, не поймешь, что у нее на уме. А как только ты ее поймешь, то будешь знать, чего ей хочется, чего ей надо, что ты можешь для нее сделать. Как только ты поймешь ее, сразу перестанешь бояться. А до тех пор смотри не сглупи.

Вилли потер подбородок, затем опустил руку.

— Вако, а ты знал Отраву Джима? Ведь ты говоришь точь-в-точь как он.

Вако покачал головой:

— Лишь пару раз говорил с ним, много лет назад, когда он работал с О'Харой. Просто все дрессировщики говорят одни и те же вещи. А тот, кто нет, — конец известен. Капут либо ему, либо животному.

Вилли кивнул и направился к слоновнику.

— Спасибо, Вако.

— Здоровяк!

Вилли оглянулся на заклинателя змей:

— Ну, что еще?

— Если хочешь, переезжай ко мне. Сколько можно жить в слоновнике?

Вилли изумленно выгнул брови:

— И за сколько?

— Десять кредитов в неделю.

Вилли пожал плечами:

— А почему бы и нет? Пойду заберу вещи.

— Только давай не сегодня. — Заклинатель змей вполоборота оглядел свой вагончик. — Лучше завтра. Перебирайся ко мне завтра. А сегодня... Сегодня мне еще надо кое о чем подумать.

С этими словами Вако шагнул внутрь и захлопнул за собой дверь.

И в тот момент им снова овладела старая хворь. Он кричал и клялся на всю вселенную, что никогда больше не станет никого любить.

И вот теперь Здоровяк Вилли еле жив и хватает запекшимся ртом воздух планеты, которая даже не обозначена на космических картах. Заклинателем змей вновь овладела проклятая хворь.

В коробке у него на коленях лежали яйца пятерых из двенадцати ссендиссианских змей-телепатов, которых он привез для своего шоу. Только где теперь ссендиссиане? Остались лишь вот эти зародыши, которые обладают чувствами и оплакивают внутри скорлупы своих мертвых родителей.

Вако поднялся и вышел из отсека, вновь ощутив под ногами поверхность чужой планеты. Он окинул взглядом обширное озеро, начинавшееся где-то внизу склона, о который разбился их шаттл. За озером виднелся не то лес, не то болото. Да, любить здесь некого.

Заклинатель змей медленно зашагал к берегу.

Глава 3

Вечером того, первого дня по другую сторону озера солнце медленно скатывалось за узкую полоску едва различимой топи. Паки Дерн сидел в росистой траве, обхватив руками колени. На фоне алого неба редкие облака казались пятнами черной запекшейся крови с золотой окантовкой.

Господи, сколько крови было сегодня! Сколько крови!

Паки закрыл глаза и несколько мгновений сидел с поникшей головой.

— Черт, ну конечно же!

Он поднял голову и взглянул на ближний берег озера. Там начинался широкий след, пропаханный брюхом их шаттла. Кончался он где-то среди деревьев слева от него. Справа виднелись холмы. Слева — ущелье, проделанное реками, вытекавшими из озера куда-то на юг. Что ж, исход не самый худший, Комета удачно посадила посудину. Можно сказать, с умом.

Здоровяк Вилли и еще тридцать два погибших члена их труппы теперь лежали в пропаханной шаттлом траншее в ста метрах от берега. Лопат, чтобы вырыть могилы, не было. Тела просто уложили рядом на дно траншеи, и все, кто не был ранен, собрались по обеим ее сторонам. Главный дрессировщик окинул взглядом тела погибших товарищей, после чего начал забрасывать их комками глины и травой. Это послужило сигналом для остальных двухсот двадцати шести оставшихся в живых. При помощи рук, ног, палок и слез они похоронили своих мертвых.

Паки пытался отогнать от себя эту тягостную картину. На ощупь он подобрал стек красного дерева с золотым наконечником, лежавший в траве рядом с его собственным — из стали и резины. Ощутив на загрубевших ладонях тепло благородного дерева, он вспомнил его владельца. Этот стек когда-то принадлежал Отраве Джиму Болджеру, давно — еще до того, как он сам пришел в цирк. Отрава Джим пил по-черному, а кому же захочется, чтобы серые гиганты оказались в руках алкаша, с носом красным, как огнетушитель.

Так что Джима в конце концов поперли из цирка, и он затерялся где-то в бескрайнем, жестоком мире, который окружает домашний мирок цирковой арены. Но затем, пятнадцать лет спустя, стек с золотым наконечником снова вернулся в цирк. На этот раз — попав в руки тощего восемнадцатилетнего мальчишки по имени Вилли Коул. Парень никогда не выпускал стек из поля зрения. Так его и прозвали — Здоровяк Вилли. И уже через десять лет Рыжий Пони поставил Здоровяка главным начальником над слонами, хотя были дрессировщики и постарше, проработавшие в цирке не один десяток лет. Однако никто не стал

даже оспаривать решение главного дрессировщика, поскольку все знали, кто такой Здоровяк Вилли, а Здоровяк, в свою очередь, знал всех слонов как облупленных.

— Черт! — Паки подобрал свой стек, резко поднялся на ноги и стряхнул с брюк травинки. Затем повернулся и направился вниз по склону к краалю.

Отрава Джим, бывало, говорил: «Парень, послушай, по загону ходят лошади. Это что, по-твоему, лошадь? Это слон, а слоны ходят по краалю».

Здоровяк Вилли, бывало, хохотал, рассказывая эту историю.

Паки остановился возле импровизированной ограды, которую дрессировщики соорудили из камней и стволов деревьев, вывороченных с корнем при посадке третьего шаттла. Эта ограда представляла собой одну из сторон импровизированного треугольника. Второй стороной служила отвесная скала, уходившая высоко вверх, третьей — скалистый утес.

«И не бойся, парень, что слон упадет с обрыва. Слон — он не дурак, у него ума побольше, чем у человека. Вот ты, например, что ты знаешь? Признайся, ничего».

И Здоровяк заливался смехом.

Паки вскарабкался по камням и бревнам на самый верх ограды. Тусклый свет, отражавшийся где-то внизу от скалы красными отблесками, означал одно — цирковой ветеринар Мейндж Рейнджер все еще трудится, латая хобот старушки Квини. Ветеринару помогали несколько дрессировщиков, а еще двое следили за тем, чтобы другие слоны не приближались к лежащей под наркозом слонихе. Так, на всякий случай. Подопечная Паки — слониха по кличке Роббер — мирно пощипывала траву внутри крааля. Спасибо этой чертовой планете, трава оказалась съедобной. Почти все сено и зерно пришлось выбросить еще до того, как случился пожар на «Барабу». Из семидесяти пяти слонов осталось всего тридцать четыре. Большинство погибло от нехватки воздуха еще на корабле. Еще девять погибли во время неудачной посадки шаттла. Завтра предстоит неприятная работа — из карусели надо будет вытащить слоновьи туши и еще восемнадцать дохлых лошадей и закопать в канаве. Сто двадцать две лошади, оставшиеся в живых, першероны и скаковые, паслись, стреноженные, среди деревьев недалеко от крааля. Сто двадцать две, а ведь когда-то их было триста пятьдесят. А из

более чем тысячи других животных — львов, верблюдов, жирафов, обезьян, змей и птиц не выжил никто, ни единая душа.

На краю утеса, в отдалении от других слонов, застыв в вечернем полумраке, стояла Минг, вглядываясь в наступающую темноту. Много лет назад она, как сейчас Квини, лежала на боку, пока Мейндж Рейнджер зашивал ей раны и обрабатывал лазерные ожоги, которые слониха получила по вине какого-то безмозглого идиота в аэропорту Порто-Паолито.

Это было в далеком двадцать седьмом — за пятнадцать лет до того, как О'Хара повез свое «Большое шоу» колесить по космическим дорогам, — в слоновнике на зимних квартирах в Аркадии, штат Флорида Североамериканского Союза.

Паки смотрел, как Мейндж и его ребята обрабатывают Квини, но перед его глазами стояла сцена пятнадцатилетней давности. Мейндж тогда уже кончил зашивать Минг, и Паки согласился посидеть в слоновнике и проследить за ней.

Было поздно, и как только наркоз стал отходить, Минг попыталась встать на ноги и принялась размахивать хоботом. Она ощупала цепи у себя на ногах, фыркнула и протрубила. В течение нескольких минут пыталась сорвать с себя цепи, но затем замерла на месте, и лишь бока ее раздувались с каждым глубоким вздохом.

Схватив охапку сена, Паки направился к Минг, но не успел он сделать ей подношение, как слониха взревела, затопала ногами и принялась размахивать хоботом. Ее хобот уже унес жизнь одного дрессировщика, Банса Баниоро, когда тот вместе со Здоровяком Вилли пытался выманить Минг из брюха грузового самолета. Минг вновь взмахнула хоботом, и Паки бросил ей на бетонный пол охапку сена.

— Черт с тобой, упрямица! Дома меня еще ждет жена и початая бутылка виски. — Паки вернулся к кипам сена и, растянувшись на сухой траве, принялся ждать, когда же слониха наконец успокоится.

В конце концов его сморил сон. Проснувшись, Паки ощутил, что в слоновнике есть кто-то еще. В этом не было ничего удивительного, дрессировщики частенько оставались здесь на ночь, и Паки приготовился было снова вздремнуть. Но неожиданно он увидел, что это новый парнишка, Здоровяк Вил-

ли, — он сидел на сене всего в нескольких метрах от Паки, постукивая о ботинок своим знаменитым стеком. Как раз напротив парня, не сводя с него пристального взгляда, стояла Минг. В полумраке слоновника она казалась исполинской серой скалой, и лишь изредка, не предвещая ничего хорошего, поблескивал то слоновий глаз, то бивень.

Малейшее движение с ее стороны — и Здоровяк Вилли все сильнее ощущал, как внутри него все сжимается от напряжения.

Минг была единственной слонихой без своего дрессировщика. Парнишка же был единственным дрессировщиком без своего слона. Но главное, слониха не только унесла человеческую жизнь — она была возбуждена, переполнена страданием и страхом.

Паки протер глаза, вылез из сеновала и уселся рядом со Здоровяком Вилли.

— Умный человек подождал бы до утра.

— А ты кто такой? — обернулся Вилли.

— Паки, кто же еще.

Вилли посмотрел на Минг:

— Умный человек, Паки, уже давно бы нашел себе какую-нибудь другую непыльную работенку.

— Здоровяк, утром мы бы привязали ее к перекладине так, чтобы она не смогла мотать головой, а значит, размахивать бивнями. Тебе понадобится еще как минимум пара ребят, чтобы совладать с ней.

— Пойми, что Минг и без того взбудоражена и перепугана. Я хочу, чтобы она поняла — я буду ее повелителем. — Вилли устремил взгляд в глубь слоновника. — Сейчас здесь тихо, и она немного успокоилась. Так что, сдается мне, я должен действовать сейчас или никогда. — Вилли повернулся к Паки. — Минг моя. Я хочу, чтобы она это поняла.

— Банс был классным дрессировщиком. Но она его угробила.

Откуда-то из темноты донеслось пофыркивание, а вслед за ним лязганье цепи — это Минг проверяла ее на прочность. Здоровяк не сводил глаз с темной громады. Стеком он указал в сторону слонихи:

— Если я не сумею уломать Минг, придется скормить ее львам.

Паки положил руку на плечо парню:

— Она еще не пришла в себя. Подожди до утра.

— Нет.

Паки убрал руку:

— Наркотик, который Мейндж Рейнджер вколол ей в задницу, уже почти не действует. Ей больно.

— Утром ей будет не легче.

Паки вздохнул и откинулся на сено:

— Здоровяк, у вас с покойным Бансом много общего.

— Спасибо за комплимент.

— Да, вы оба упрямые, одержимые и... покойники.

Здоровяк резко обернулся к Паки:

— Послушай...

— Что?

Здоровяк глубоко вздохнул и вновь перевел взгляд на Минг.

— Я же сказал тебе, умный человек давно бы уже нашел себе непыльную работенку.

Здоровяк снова бросил взгляд в сторону серой громадины и вскочил на ноги:

— Пора мне к моему слону.

Паки тоже поднялся:

— Главное, говори с ней, говори и говори. Спокойно, но так, чтобы она поняла, что ты здесь хозяин.

— Ясно. — Здоровяк нагнулся за охапкой сена.

— Помни, парень: стоит хотя бы раз дрогнуть — и можно заказывать гроб с музыкой.

Здоровяк кивнул и шагнул с сеном к бетонной площадке перед загоном Минг.

— Молодец, моя хорошая. Расслабься, расслабься. — Минг посмотрела на Вилли сначала одним глазом, затем другим. Он остановился перед ней на безопасном расстоянии. — Сейчас тебе уже легче, дорогая моя. Так что не бойся, худшее позади. — Здоровяк протянул ей охапку сена. — Ты уже давно не ела. Наверняка ведь проголодалась. На, покушай. — И он разбросал на полу сено.

Паки увидел, как слониха сначала обвела взглядом загончик, а затем уставилась на тощего парня, стоящего перед ней. Ни один дрессировщик еще не казался ему столь миниатюрным, ни один слон — таким гигантом. Минг протянула хобот, принимая подношение Вилли. Не сводя глаз со Здоровяка,

она принялась засовывать сено в рот. Пока слониха пережевывала угощение, Здоровяк подошел ближе. Минг оторвалась было от еды, но затем снова опустила голову. Вилли протянул руку и нежно погладил ее по хоботу. В ответ слониха обвила парня за талию и отшвырнула в дальний угол слоновника.

Паки только вздохнул и покачал головой:

— Ну как, жив еще?

Здоровяк приподнялся на локте, запустил два пальца в рот и вытащил оттуда выбитый зуб.

— Ну, Паки, хана мне, если в цирке нет своего дантиста, — произнес он с улыбкой.

Затем он поднялся на ноги, подобрал стек, пересек помещение и снова встал напротив слонихи. Похлопав ее по щеке стеком, он настойчиво произнес:

— Пей!

Затем вновь протянул руку и погладил ее по хоботу:

— Вот так оно и должно быть, дорогая моя. Мне не хотелось бы тебя обижать. Но ты тоже должна хорошо вести себя, мое золотце. Ведь, если мы не поладим, тебя разрежут на куски и скормят львам. Так что, будь умницей.

Но Минг снова отшвырнула его, словно тряпичную куклу, через весь слоновник. И вновь Паки покачал головой. Когда Здоровяк поднял голову, на пол закапала кровь. Но он все равно вернулся на исходную позицию, встал перед Минг, вытирая рукавом кровь, и похлопал ее по спине стеком:

— Нет, милая, так нельзя.

Слониха застыла как вкопанная. Вилли отошел на минуту и вернулся с новой охапкой сена. Минг сначала внимательно изучила его, потом все-таки протянула хобот и приняла сено. Пока она жевала, Вилли вновь погладил ее по хоботу. Засунув в рот очередную порцию угощения, слониха медленно подняла хобот и обвила Здоровяка за плечи и талию.

Паки вскочил на ноги. Сначала слон обвивает тебя хоботом, затем протягивает между передних ног, и наконец в ход идут бивни. Но слониха отнюдь не собиралась калечить дрессировщика — она его просто обнюхивала. Парень не показывал страха, главное — чтобы стек с золотым наконечником неизменно оставался в поле зрения животного. Минг покосилась на стек, опустила хобот и вновь принялась за лежавшее перед ней сено.

Здоровяк Вилли отправился за очередной охапкой. Когда он нагнулся, чтобы взять сено, Паки облегченно вздохнул:

— Теперь она твоя. Делай с ней, что хочешь.

— Угу. — На щеках парня блеснули слезы. — Угу. — Он поднял очередную охапку и вернулся к своей подопечной.

Сколько лет прошло с тех пор.

И вот — первый догорающий закат на чужой планете. Теперь дрессировщиком Минг числится Безумный Муллиган.

Оставшиеся в живых обустраивали себе жилье в травяных хижинах и пещерах. Почувствовав, что продрог, Паки слез с забора и направился к наскоро сооруженному бараку, в котором расположился импровизированный лазарет для раненых. Где-то внутри него цеплялась за жизнь Крошка Вилл, двенадцатилетняя дочь Здоровяка. Со стороны все еще дымившегося шаттла послышались шаги. Это был Рыжий Пони Мийра, главный дрессировщик.

— Паки?

— Угу?

— Ты теперь главный начальник над слонами.

— К чему мне это теперь?

— Отказы не принимаются.

Рыжий Пони залез на забор, спрыгнул на другую сторону и направился к белым огням. Мейндж все еще зашивал хобот Квини.

Паки взглянул на последние красные отблески света на небе, затем перевел взгляд на стек с позолоченным наконечником, который вертел в руках.

— Да, сэр, упрямый, одержимый и не жилец.

После этого он зашагал к лазарету.

Глава 4

Крошка Вилл лежала в темноте и старалась не шевелиться. Она знала, что достаточно открыть глаза — и тьма уйдет. Но зато вернется боль.

Пахло костром, где-то совсем рядом потрескивал огонь. Вилл почувствовала, что кто-то держит ее за руку. Чужая рука была большой, теплой и ласковой. Девочка осторожно стряхнула с себя забытье, готовая вновь нырнуть во тьму, если вернется боль. Сильно болела голова, но мучительная агония, терзавшая девочку всякий раз, когда она открывала глаза, похоже, отступила. Вилл сбросила с себя кусочек спасительного покрывала тьмы и слегка приоткрыла глаза.

Вверху виднелись деревянные жерди и травяная крыша. Казалось, будто они подрагивают в дрожащем желтом свете. Где-то высоко над ней распростерлась чья-то тень — тень и половина лица. Знакомого лица. Седые пряди, удлиненные черты. Вилл широко открыла глаза и попыталась мысленно докричаться до этого человека.

Но глаза его были закрыты, лицо имело задумчивое выражение. Крошка Вилл попыталась переслать свои мысли прямо ему в голову, как когда-то ее учила Нхиссия. Но мысли никак не хотели приобретать законченную форму, и Крошка Вилл нахмурилась. Она напряглась еще сильнее, но в этот момент вернулась боль. Вилл сжала руку того, кто сидел рядом с ней, и погрузилась в спасительное забытье.

В полусне-полубреду она принялась искать лицо другого человека. Того, кто покинул ее. Давно, еще до того, как она произнесла первое в своей жизни слово.

В ярко освещенном гостиничном номере Вилл сидела на коленях у крупного мужчины. Обхватив ее мощными руками, словно подлокотниками, и опершись локтями о край стола, он держал перед собой карты.

Вилл заглянула в его печальное лицо, а затем перевела взгляд на того, кто сидел по другую сторону стола. Лицо того, второго, тоже было печально.

— Твой ход, Здоровяк.

Крупный мужчина наклонился вперед, взял карту и нахмурился. С нерешительным видом он взял эту новую карту в руку:

— Вако, скидывай, что хочешь. Выбор твой.

Не сводя глаз с карт, смуглый мужчина удивленно поднял брови:

— Хотя вместо мозгов у тебя слоновье дерьмо, но парень ты не промах.

— Дерьмо дерьму рознь, ну давай же, Вако.

Смуглый мужчина потрогал было одну карту, затем вторую, но выбросил все равно третью:

— Чтоб тебе подавиться, Здоровяк.

Крупный мужчина положил рядом с Вилл свои карты:

— Ну, как я тебя обставил? Просто класс!

Смуглый мужчина бросил карты на стол:

— Все, хватит. Игра окончена.

Крупный мужчина обнял девочку и начал качать ее на колене.

— Ну, как тебе это, Крошка Вилл? Твой папаня только что снял штаны с этого торговца ползучими гадами.

Девчушка хихикнула.

Смуглый собрал карты:

— Может, еще сыграем?

Крупный мужчина покачал головой:

— Нет, не получится. Мне скоро идти.

— Ты что, думаешь, тебе придется помучиться с этими слонами?

Великан пожал плечами:

— Трудно сказать. Эконадзор не желает никого отпускать с Земли — по крайней мере официально.

Смугляк откинулся в кресле:

— А неофициально?

— Можно кое-кого подмазать. Я повезу с собой сотни две слонов. Месяца так на два-три. — Великан погладил девчушке волосы. — Мне, конечно, не хочется уезжать, когда мы только что нашли друг друга. — Он поцеловал девочку в щеку, а затем посмотрел на смуглого мужчину. — Вако, скажи, а почему она все время молчит? Мне казалось, что в этом возрасте дети уже начинают разговаривать.

— Кто-то раньше, а кто-то позже.

Великан покачал головой:

— Мне кажется, все дело в генетике. Наверное, это все последствия войны. Ей пришлось многое пережить.

— Здоровяк, дети развиваются кто быстрее, а кто медленнее. Так что не бери в голову.

Смуглый мужчина кивнул в сторону огромного, во всю стену, окна:

— Чем ты занимался в этом жутком холоде последние два года?

— Да так, бродил, куда судьба занесет. Повидал парочку планет — Мендик, Оурилим. Работал с животными. — Он убрал с глаз девчушки завиток черных волос, затем посмотрел на смуглого мужчину. — Я ездил посмотреть лагерь-приют, только он уже не тот, что был. Помнишь, я тебе о нем рассказывал?

Смугляк кивнул:

— Помню.

— Старого доктора Ментца уже нет в живых. А лагерь превращен в обыкновенную школу. Атаби теперь начальник школьного округа. Я говорил с ним. — Великан покачал головой. — Он сильно изменился.

— И ты нашел, что искал, Здоровяк?

Великан окинул девчушку взглядом и прижал к себе:

— Пожалуй, да, — и снова посмотрел на смугляка. — А что заставило тебя вернуться в цирк? Ссендисс ведь вроде бы как рай для ползучих гадов.

Смугляк усмехнулся и сделал глоток зеленого чая.

— Здоровяк, учитель из меня никудышный. Я читал спецкурс по земным змеям — на моих лекциях студенты засыпали от скуки. Но в том-то и беда с телепатами, что они сигнализируют о том, что им скучно, весьма необычным образом. Уверяю тебя, очень скоро все эти телепатические штучки-дрючки начинают утомлять.

Великан покачал девчушку на коленях:

— А как тебе удалось сделать номер?

— Я работаю со взрослыми особями. Они понимают, что телепатия — вещь небезопасная. В перерывах между лекциями я расписывал им, что это за штука такая — цирк. И они заинтересовались. Когда мне позвонил мистер Джон и предложил разработать программу, мне сразу стало ясно, какой номер смогу подготовить. Ведь со мной, Здоровяк, не кто-нибудь, а все преподаватели Ссуриссы — школы, в которой я работал.

— И когда я с ними познакомлюсь?

Смугляк пожал плечами:

— Скоро. Когда они проснутся. Ссенссидиане половину жизни проводят во сне. Может, еще немного задержишься здесь?

Великан отрицательно покачал головой:

— Я с командой через полчаса должен быть на Восточном Терминале, чтобы успеть на бирманский шаттл.

Великан поднял девчушку с колен и поставил на пол. Дверь номера открылась, и в проеме появилась женская фигура — мать девочки.

Кристина посмотрела на Здоровяка:

— Кажется, вы нашли общий язык. Как дела, малышка?

Здоровяк поднялся со стула:

— Прекрасно. А ты потрясающе выглядишь, Крис.

— Спасибо, но вовсе не благодаря тебе.

Великан опустил голову:

— Я ожидал услышать что-то вроде этого.

Кристина усмехнулась:

— А ты чего хотел, подлец? Два с половиной года — ни одной весточки.

Здоровяк повернулся к смуглому:

— Мне пора, Вако.

Затем посмотрел на Кристину, но тотчас отвел взгляд и вышел из комнаты.

Вако побарабанил кончиками пальцев о крышку стола, но от комментариев воздержался.

Кристина посмотрела в его сторону:

— Послушай, Вако. А ты бы мог еще часик посидеть с Вильгельминой? Мне нужно еще уладить кое-какие дела с новым львом для моего номера.

Смугляк пожал плечами:

— Без проблем.

Кристина одарила его пристальным взглядом:

— Ты, наверное, думаешь, что я была слишком резка с Вилли?

— Какое мне дело?

Кристина кивнула:

— Верно, никакого. — Она развернулась и вышла, захлопнув за собой дверь.

Сидя на ковре, Крошка Вилл наблюдала, как смуглый мужчина заваривал себе очередную чашку чая. Через открытую дверь спальни вползла длинная серая змея. Она застыла в дверях, уставясь на девочку немигающим взглядом. Девчушка подползла к змее. Когда до ползучей твари оставалось совсем чуть-

чуть, она протянула руку и дотронулась до теплой сухой кожи. Затем подняла глаза на извивающуюся треугольную голову на изящной серой шее.

— *Ты красивая...*

Треугольная голова змеи наклонилась к кудрявой голове девочки. Глаза ее были фиолетовыми, а зрачки как у кошки.

— *Ты говоришь со мной?*

Девчушка вновь погладила змею:

— *Ты красивая. Такая красивая.*

Змея слегка отпрянула, внимательно посмотрела на девочку, но затем снова наклонилась к ребенку:

— *Спасибо. И ты тоже красивая.*

Девчушка хихикнула и закрыла лицо ладонями:

— *Никакая я не красивая. Кристина говорит, что я уродина.*

Змея посмотрела на смуглого мужчину. Тот был занят завариванием чая. Змея вновь перевела взгляд на девчушку:

— *А кто такая Кристина?*

— *Моя мамочка.*

Голова змеи качнулась из стороны в сторону.

— *Она твоя мать. А кто твой отец?*

Девочка задумчиво подперла щечки ладонями:

— *Наверно, тот дядя, который только что ушел. Он такой грустный.*

— *Не вижу ничего удивительного.*

Крошка Вилл нахмурилась:

— *Я не понимаю.*

Змея снова слегка отпрянула.

— *Ничего, это я просто так.*

Голова змеи повернулась в сторону смуглого мужчины. Тот тоже повернулся в ее сторону, держа в руках чашку свежезаваренного чая. Кивнув змее, он вышел из комнаты. Та вновь переключила свое внимание на девочку.

— *Как тебя зовут?*

— *Мамочка называет меня Вильгельмина, а другие люди — Крошка Вилл.*

Змеиная голова качнулась вверх-вниз.

— *Меня зовут Хасси, Крошка Вилл. Давай с тобой дружить.*

Девчушка захлопала в ладоши:

— *Давай!*

Змея продолжила свой немой танец.

— *Значит, мы будем друзьями, Крошка Вилл. Смотри, я умею завязываться в узел.*

Крошка Вилл захлопала в ладоши и беззвучно рассмеялась.

Сновидение померкло. Снова вернулся запах дыма.

Крошка Вилл ничего не видела и не слышала, но ощущала рядом с собой присутствие другого человека. Причем не одного, а двух. Они разговаривали.

— Я дал ребятам задание, чтобы укрепили крааль. Из шаттла мы вынесли все, что можно. Господи, там такое творилось!

И вновь молчание.

— Пони, кое-кто из артистов поговаривает, что часть погибших животных следует разделать на мясо.

Снова пауза.

— Нет, Паки, пусть их лучше закопают. Можно подумать, нам здесь нечего есть. Мы же не будем есть наших собственных животных.

Пауза.

— Черт возьми, Паки, мы и раньше, случалось, попадали в переделки, но на этот раз...

Долгое молчание.

— Мне нечего сказать тебе, Пони, кроме одного. Мы поступим так, как всегда. Просто не бери в голову, а...

— ...а там, глядишь, чего-нибудь и придумаем. Ты это имел в виду, Паки? Неужели ты и впрямь веришь в то, что кто-то нас вызволит из этой дыры?

Крошка Вилл слегка приоткрыла глаза.

Темно. Значит, снова ночь. Паки Дерн по-прежнему сидел рядом с ней. С ним был Рыжий Пони Мийра. Вилл разглядела его внушительные формы. Пони потер глаза, затем схватил Паки за плечо:

— Послушай. Главное — не распространяться. А я немного вздремну. Уже забыл, когда спал в последний раз.

— Пони, я не первый день живу на этом свете.

Главный дрессировщик посмотрел по сторонам. В отблесках костра крошка Вилл разглядела темные круги у него под глазами; морщины на осунувшемся лице обозначились еще резче.

— Связи нет. — Он обернулся к Паки. — Комета так и не сумела наладить космическую связь. С другими шаттлами —

да, но только не с космосом. В голове не укладывается, как только Арнхайм сумел довести до такого состояния все радиопередатчики.

— Да у него вместо головы мусорное ведро. С ним все ясно. Ну как, обнаружили они второй шаттл?

Главный дрессировщик медленно покачал головой:

— Зато наконец откопали седьмой. Куумик говорит, что тот рухнул посреди какой-то чертовой пустыни. — Пони потер шею. — Нет, все-таки надо пойти покемарить.

— Пони!

— Что?

— А как называется эта планета? Вдруг кто-нибудь спросит?

Главный дрессировщик устремил взгляд в темноту:

— Смех, да и только. Еще на «Барабу», когда навигатор устроил свой дурацкий конкурс на лучшее название, меня занимали совершенно другие мысли. Даже не удосужился поинтересоваться, кто же победил. А теперь название — и впрямь дело важное.

Главный дрессировщик посмотрел на Паки:

— Что ты тогда предложил?

— Дыра.

— Нет, такое не пойдет.

— А ты что предложил?

— Филадельфия. — Рыжий Пони пожал плечами и безвольно свесил руки. — Мне тогда оно показалось забавным.

— Иди-ка ты лучше поспи.

Главный дрессировщик, спотыкаясь, побрел в темноту, а Паки переключил внимание на Крошку Вилл. Глядя на нее, он сначала печально нахмурился, затем улыбнулся: «Разрази меня...»

— Мейндж! Мейндж! Подойди сюда! — громким шепотом позвал он врача.

Откуда-то из темноты выскочил Мейндж:

— Черт возьми, Паки, чего ты орешь?

— Я же шепотом.

— Твой шепот — что наша сирена.

Врач кивком указал на девочку:

— Ну что здесь у тебя?

— Она не спит. Открыла глаза.

Мейндж подошел ближе и наклонился. Он положил теплую ладонь на лоб девочки, а затем быстрым движением пощупал пульс.

— Крошка Вилл!..

Девочка открыла рот, пытаясь заговорить. Боль! Ослепляющая вспышка. И вновь все перемешалось, слилось и померкло, а сама она проваливалась в убаюкивающую бездну, где боль не могла достать ее.

Это был прекрасный, удивительный мир, полный света, смеха, похожий на красочный калейдоскоп. Теплый летний вечер. Оркестр исполняет приятный вальс, под который забавно кружатся семьдесят пять слонов. Цирк разражается многоголосым хором ликующих голосов — и все они предназначены ей. Она же, в балетной пачке, усыпанной блестками, горделиво восседает на холке огромной Минг. Отец украдкой бросает на дочь счастливый взгляд.

А еще она всегда успевает улучить момент и взглянуть, как будет выступать ее мать со своими львами.

Все огни направлены в центр арены, где она выступает. Зрители то замирают от ужаса, то разражаются аплодисментами, то восторженно кричат. Где бы ни выступал цирк, на какой далекой планете, заселенной самыми немыслимыми разумными формами, яркий мир «Барабу» всегда оставался неизменным. Все это напоминало кость, которую какой-нибудь цирковой пес зарывал под вагончиком администратора, забывал о ней на какое-то время, а вспомнив, бросался откапывать — только их цирк к тому времени уже выступал на другом конце вселенной. Однажды Вилл увидела, как отец наблюдает за номером ее матери, и с тех пор они всегда делали это вместе.

Во время утомительных перелетов «Барабу» превращался в большой балаган. Кого здесь только не было: и огромные львы, и Дурень Джо со своими россказнями, и Мутч с приколами, клоуны, дрессировщики, факиры, жонглеры, акробаты и высокий белобородый человек, которого все называли «мистер Джон».

Бывали и особенные моменты. Так, Крошке Вилл случалось видеть, как Пикуль Порс ставил бутылку шампанского и стаканы на стол в проходе рядом с главной каруселью их третьего шаттла. Здоровяк Вилли сидел на тюке сена, обхватив за талию Кристину, и разговаривал с Пони. Вилл протискива-

лась сквозь суматошную толпу ветеринаров, коверных, разнорабочих и спрашивала у отца:

— Пап, а мне можно посмотреть слонов?

— Только живо. Не задерживайся. Ты ведь не хочешь пропустить церемонию прибытия?

— Не бойся, не пропущу.

Вилл поднялась на мыски и поцеловала отца, а затем обернулась и чмокнула в щеку Кристину:

— Я скоро вернусь, мамочка.

Укротительница львов ответила дочке поцелуем:

— Хорошо, только не перепачкайся. На церемонии надо быть чистой и нарядной.

— Да, мамочка. — И она юркнула в толпу.

Заметив Вако и его двадцать ссендиссиан, она помахала им рукой.

Девочка повернулась к люку главной карусели, шагнула внутрь и направилась в центр гигантской вращающейся трубы. Внутри карусели располагались другие, поменьше, которые тоже вращались независимо одна от другой — в каждой из них содержалось по десятку слонов. Вилл вскарабкалась вверх по лестнице и направилась к одной из них. Там стоял резкий запах сена и слоновьего помета. Слоны мирно жевали сено в своих загончиках. На ведре перед загончиком, где находилась Роббер, сидел Паки Дерн.

— Привет, Паки.

Дрессировщик вскочил как ужаленный, затем обернулся и покачал головой:

— Нельзя бесшумно приближаться к человеку сзади, девочка. Сначала дай о себе знать — например, заори что есть мочи еще снаружи, чтобы у него лопнули барабанные перепонки.

Крошка Вилл стояла, смущенно заложив руки за спину.

— Я не хотела...

Паки помахал рукой:

— Да ладно... — и уселся на свое прежнее место.

— Ты, наверно, опять пришла поговорить с Рег?

Девочка кивнула:

— В один прекрасный день я научусь говорить со слонами. Я чувствую настроение Рег. Она пытается мне что-то сказать.

Паки пожал плечами и посмотрел на Роббер:

— Я говорю с моей Роббер уже не один год. Мне кажется, она меня понимает.

— А почему ты здесь, а не со всеми?

Паки посмотрел на девочку.

— Приближается великий момент, Вилл. Мы станем первым цирком, который пересек ось вселенной. Такое случается не каждый день.

Паки кивнул и посмотрел на свою слониху.

— В такой момент — не знаю, с кем бы я хотел быть в такой момент. Наверно, ни с кем.

— А я пойду к Рег.

Паки кивнул:

— Удачи тебе.

Крошка Вилл обошла ведро и направилась к дальней трубе. Подойдя к загончику Рег, она устремила взгляд вверх на серого гиганта:

— Рег, ты меня слышишь? Ответь, Рег!

Слониха повернула голову и нежно погладила девочку хоботом, а затем вернулась к любимому сену.

— Ну, пожалуйста, Рег. Скажи мне хоть что-нибудь.

Но слониха продолжала жевать.

Крошка Вилл шагнула к ней ближе и, дотянувшись до слоновьей щеки, легонько погладила.

— Нхиссия говорит, что прикосновения помогают нам лучше понимать других. Ты слышишь меня, Рег?

Слониха перестала жевать. Она застыла как вкопанная. Вилл закрыла глаза и ощутила охватившую ее волну тепла: будто настоящий океан любви.

— Ой, Рег! Ты заговорила со мной. Я люблю тебя, Рег, а ты меня?

Крошка Вилл почувствовала, как дрогнул пол у нее под ногами. Она открыла глаза и посмотрела на Паки.

Дрессировщик вскочил на ноги и бросил взгляд в сторону входа:

— Черт, что там у них происходит?

Пол уплывал из-под ног Крошки Вилл. Она успела увидеть, как Паки упал, но в следующий момент сама больно ударилась головой обо что-то твердое.

— *Папа! Мамочка! Мне больно!*

Тогда девочка посмотрела вверх, сквозь застилавшие слезы глаза, и увидела над собой массивную ногу Рег.

Мир цирка — это смех, калейдоскоп ярких, кричащих красок, сладкая вата и улыбки клоунов. А еще это грязь, переломанные кости, усталость, бесконечный тяжкий труд, раздражение, больные животные, нечестная администрация. Это колючий град, принесенный ночной бурей, изрешетивший брезент купола. Это покалеченные судьбы друзей — если им посчастливилось выжить. Это укротительница львов с пистолетом у виска, перестрелявшая всех своих «кисок». Это Здоровяк Вилли, истекающий кровью на траве неизвестной планеты. Это маленькая девочка, одна в огромном мире, где ей больно и страшно.

Мир цирка — каким он был всегда — нескончаемое веселье, господа.

— Крошка Вилл? Ты слышишь меня? Это я, Паки.

Девочка открыла глаза. Было светло — значит, наступило утро. Вилл ничего не чувствовала. Ничего, даже боли. Какое-то время взгляд девочки оставался прикован к крыше из веток и травы у нее над головой. Вилл повернула голову — рядом с ней сидел Паки. И снова закрыла глаза.

— Крошка Вилл. Здоровяка больше нет. Я теперь тебе буду вместо отца. — Голос Паки дрогнул. — Здоровяк... в общем, он попросил меня о тебе позаботиться. Ты согласна?

Камень не знает любви. Ему неведома горечь утраты. Камню не больно. Везет же ему.

Паки сжал руку девочки:

— Мы с тобой поладим, Вилл, вот увидишь.

Он наклонился и что-то вложил ей в руку. Девочка открыла глаза и приподняла таинственный предмет. Это был стек с позолоченным наконечником, принадлежавший ее отцу.

Камень никто не любит. Его страдания никого не трогают. Другим все равно, больно ему или нет. Нет, не повезло камню. Бедняга.

Крошка Вилл прижала стек к груди и расплакалась.

Паки осторожно взял ее на руки и прижал к себе.

— Вот увидишь, нам будет хорошо вместе.

Глава 5

Конкурс на лучшее название планеты, судя по всему, выиграл покойный директор цирка Джон О'Хара. Задыхаясь в объятом пламенем «Барабу», он дал ей имя Момус, в честь древнего божества смеха. Так и назвали планету — Момус.

Постепенно имена получили и другие вещи. Третий шаттл, в котором перевозили животных, приземлился рядом с большим озером, которое назвали Столовым. Вода, стекавшая с окружавших его гор, попадала в гигантскую впадину, которую назвали Великой топью. Озеро занимало часть этой впадины. Из юго-восточной части озера по каменистому руслу, пенясь, вытекал поток, который назвали Разлапистым Ручьем.

Металлические панели, снятые с шаттла, превратились в лопасти водяного колеса. Они были странной формы и чем-то напоминали огромные башмаки клоунов, на несколько размеров больше обычных. Отсюда и название — Разлапистый Ручей.

Водяное колесо приводило в движение металлическую арматуру, снятую с шаттла. На ней укрепили абразивные лопасти, которые пришлось позаимствовать со сверлильной установки технического отсека. Эти лопасти были способны искромсать все, что угодно, — даже невообразимо твердую обшивку шаттла. Ведь, чтобы прокладывать дороги, требуются инструменты. А для них, в свою очередь, необходим металл. И чтобы получить металл, пришлось пустить в расход третий шаттл.

Предполагалось, что дорога протянется от трех шаттлов, приземлившихся севернее третьего, через горы, мимо Столового озера к четырем машинам, совершившим посадку на берегу моря. Самым северным из шаттлов командовал Майк Айкона, завхоз. За самый южный ответственность нес Тарзак, бригадир. Дороги еще не было, но она уже получила название — дорога Тарзак-Айкона.

Старший пилот третьего шаттла Комета Хана Санаги сидела на вершине холма, наблюдая, как ее корабль исчезает буквально у нее на глазах. Она перевела взгляд вниз, прислушиваясь к визгу и лязгу корундовых ножей, кромсающих грузовые блоки на клинья, ножи, полозья. Теперь артисты занялись изготовлением лопат, топоров, совков. Слоны могли бы

тащить за собой что-то вроде перевернутого экскаваторного ковша, двигаясь через горы по ущелью на север. Ручей, вытекавший из северной части Столового озера, водопадом срывался с высоты вниз, затем бежал, извиваясь, по каменистому дну ущелья. Отвесные стены ущелья позволяли проложить дорогу лишь по его верху — извилистую и неровную. По словам разведчиков, им предстоял немалый труд, чтобы через горы пробраться к долине, которую пассажиры трех других шаттлов назвали Изумрудной.

К юго-востоку, в направлении Тарзака, если верить разведчикам, тянулись густые заросли — придется прорубать путь, перекидывать мосты через реки и, может быть, даже осушать болота. Разлапистый Ручей тек до самого Тарзака, но судоходным был разве что в отдельных местах. А где-то посередине между шаттлом Мийры и шаттлом Тарзака вообще срывался водопадом с высокого утеса. Здесь предстояло постараться.

Комета вновь перевела взгляд на корабль. Прошло восемь лет с того момента, как она ушла с орбитального дока компании «Арнхайм и Бун». Третий шаттл стал ее родным домом, смыслом всей ее жизни. Комета поморщилась, увидев, как с ее любимого корабля слетел очередной лист огнеупорной обшивки. Она старалась не обращать внимания на ликующие возгласы тех, кто сейчас с таким усердием «раздевал» ее любимца. Первые пилы уже вовсю работали — валили деревья, распиливали их на доски, которые затем грузили на повозки, запряженные першеронами.

Колесники третьего шаттла поработали на славу. Повозки катились на деревянных колесах с металлическими ободами. Разумеется, металл пришлось позаимствовать все с того же шаттла.

Комета поднялась с травы, отвернулась от своего шаттла, переведя взгляд на гладь Столового озера, на зелень болота и буйные заросли на другой стороне. Поговаривали, что Вако-Вако взял коробку с яйцами и ушел с ними куда-то. Наутро оказалось, что заполненные водой следы ведут к озеру. Отряд, который отправили на поиски Вако, дошел по ним до густых непролазных зарослей, в которых они терялись.

Комета окинула взглядом джунгли, пытаясь догадаться, что заставило Вако уйти туда и что он там нашел. Но мысли ее заглушил пронзительный лязг пилы, врезавшейся в неподдающийся металл.

Позади послышались шаги, но Комета не стала оборачиваться.

— Комета. — Голос принадлежал главному дрессировщику.

— Что тебе, Пони?

— Нам нужна помощь, чтобы расколоть на части карусель.

Комета медленно покачала головой:

— Только не я, Пони. Обратись к Голливуду, он ведь главный инженер. Он поможет тебе — разденет корабль так, что от того останутся одни лишь воспоминания.

Рыжий Пони какое-то время разглядывал ее спину.

— Чем больше людей, тем лучше.

— Только не я. — Комета обернулась и посмотрела ему в глаза. — Пони, целых восемь лет я добросовестно делала то, зачем пришла в цирк — возила ваш зверинец по космическим дорогам. Теперь я осталась без работы.

— Комета, мы тут все едем в телеге. Будем прокладывать дорогу...

Комета опять посмотрела в буйные заросли.

— Чего я только не насмотрелась за эти годы — и потасовки до крови, и порванный в клочья ураганом купол цирка, и даже тюремные стены. — Комета провела ребром ладони по горлу. — Все, с меня хватит, я сыта этим по горло, я устала наблюдать, как горстка упрямых идиотов делает вид, будто ничего не происходит. Если вам надо раскромсать шаттл на куски — валяйте, только поищите себе в помощники другую дурочку.

Главный дрессировщик собрался сочувственно погладить ее по плечу, но Комета отшатнулась и быстро зашагала в сторону озера. Рыжий Пони Мийра что-то крикнул ей вслед, но его слова заглушили лязг и скрежет пилы.

Комета бросилась бежать. Оказавшись у озера, она прибавила скорости. Она неслась все быстрей и быстрей, подгоняемая резким скрежетом металла о металл. Наконец ей стало тяжело дышать, бешеный стук сердца в груди и боль в ногах заслонили от нее весь остальной мир. Не сбавляя скорости, Комета устремилась к мелководью, которое вело к проходу в Змеиной горе и тянулось куда-то дальше. Она бежала, пока лучи заходящего солнца не омыли ей лицо; кровь бешено колотилась в висках, разрывая череп изнутри.

Почти весь технический персонал, отвечавший за состояние корабля и его десяти шаттлов, погиб — люди сгорели вместе с

«Барабу» в верхних слоях атмосферы. Саботаж. Хитро продуманный и спланированный. Лучшего способа избавиться от космического цирка вряд ли можно было придумать. Тело Карла Арнхайма, бывшего владельца космической верфи, нашли в одном из уцелевших отсеков — обугленное как полено.

— Ну почему? — крикнула она, глядя на заходящее солнце.

Вскоре силы оставили ее, и Комета рухнула на песок. «Ну почему?» — всхлипывала она, прижимаясь горячей щекой к влажному, прохладному песку.

Когда Комета открыла глаза, было уже темно. Она села и посмотрела на небо, усыпанное мириадами звезд. Все кончено, ей больше не колесить по космическим дорогам; в ее жизни больше не будет цирка, не будет огней, рукоплесканий...

Превозмогая боль, Комета заставила себя подняться на ноги — все тело ныло, но это даже к лучшему. Безмятежная гладь озера отражала мерцающий свет звезд, и Комете показалось, будто она стоит на краю вселенной. Узкая темная полоса между звездами на небе и звездами в озере напоминала ей, что совсем рядом густые заросли. Комета обернулась в сторону третьего шаттла, но увидела лишь слабые отблески костров вокруг него. Она вновь повернулась к узкой темной полосе и бросилась бегом вдоль озера. До восхода солнца ей надо быть в самой чащобе.

На краю леса темные существа заметили, что к ним стремительно приближается неизвестное крошечное создание, и поспешили уползти в топкую грязь. События последних нескольких дней нарушили благостную умиротворенность места их обитания. Правда, какое им до этого дело — они с шипением удалились в теплую, прелую топь, их родной дом.

Глава 6

Паки Дерн сидел на камне у входа в импровизированный лазарет. Взгляд его был устремлен на грубо сколоченные хижины по другую сторону пыльной дороги. Та из них, которую построил он сам, должна была убедить Паки в том, что слоны — его

истинное призвание. Давным-давно, в один прекрасный день его супруга, решив, что сыта этим балаганом по горло, захватила с собой их малолетнего сына и исчезла в поисках более надежного пристанища. Постигшее его фиаско в роли отца и мужа убедило Паки в том же самом. Паки поддал ногой небольшой камень и в задумчивости сложил ладони.

— В общем-то я их не виню.

— Кого — их?

Паки обернулся и увидел в дверях лазарета Мейнджа Рейнджера.

— Да так, никого.

И он снова перевел взгляд на свою хижину.

— Как там дела, Мейндж?

Ветеринар присел рядом с ним на пень и усмехнулся.

— Если не ошибаюсь, прекрасно. Народ начинает потихоньку приходить в себя. Наконец-то мне удалось спокойно поспать целую ночь. А то я уже забыл, что это такое.

Паки кивнул, наклонился поднять с земли палку и принялся разламывать ее на мелкие кусочки.

— Может, теперь нам хоть пару дней удастся прожить без похорон.

— А ты сегодня ел, Паки?

Повелитель слонов с рассеянным видом бросил палку на землю:

— Крошка Вилл. Сидит себе в хижине весь день напролет. Казалось бы, поговорила бы с кем-нибудь, а она молчит, словно воды в рот набрала. Даже про себя молчит. Это все равно что жить в одном доме с привидением — сидит себе, уставясь на этот чертов стек.

Мейндж задумчиво потер подбородок:

— Она — конченый человек, Паки. Подумай сам — потерять родителей, потерять друзей. Цирка тоже больше нет. Весь ее мир рухнул в одночасье.

— Ты, который зарабатывает на жизнь, ковыряясь в слоновьих задницах, рассуждаешь как какой-нибудь гребаный психоаналитик, черт тебя подери.

Мейндж бросил взгляд через дорогу, на построенную Паки хижину:

— Ну, не более гребаный аналитик, чем ты архитектор.

— А я и не претендую, — фыркнул Паки и пристально посмотрел на ветеринара. — Лучше скажи мне, что с ней делать?

Мейндж призадумался:

— А ты подскажи ей, чем заняться.

— Ты имеешь в виду цирк? Но его ведь нет.

Ветеринар покачал головой:

— Нет, я не цирк имею в виду. Расскажи ей о слонах, о том, чем заняты дрессировщики. — Мейндж поднялся с пня. — Я вот, например, спешу — надо принимать роды.

— Роды? А у кого роды?

— У женщины, тупая твоя башка. Наша дорогая Святая Трэверс с часу на час пополнит наши ряды еще одним человеком.

Мейндж вернулся в лазарет, а Паки — к прежнему занятию — бесцельному созерцанию своей постройки. На минуту он задумался о Джоел Трэверс, отважной наезднице, которую прозвали Святой. Ее муж, клоун по прозвищу Коротыш, погиб.

«Жизнь продолжается», — философски подумал Паки, встал с камня и направился к хижине.

Те части их цирковой труппы, что приземлились в Изумрудной долине, должны были проложить дорогу между шаттлами собственными силами и средствами, без помощи лошадей и слонов, и начать прокладывать путь в направлении тех, кто трудился к северу и югу от Мийры. Рыжий Пони Мийра руководил дорожно-строительной бригадой, подходившей к Тарзаку с юга, Паки Дерн — той, что трудилась в горах. Хотя путь через горы был гораздо короче остальных, опасностей и подвохов он таил куда больше.

По ночам люди из бригады рассаживались вокруг костров и начинали пустопорожние разговоры — «бородатые» анекдоты из жизни цирка, рассуждения о том, какие сюрпризы принесет завтрашний день; молчали лишь об одном — о собственном бедственном положении. Крошка Вилл сидела поблизости, не произнося ни слова. Минг трудилась в «горной» бригаде, и Вилл подчас казалось, что Здоровяк Вилли где-то рядом, вот-вот появится откуда ни возьмись со своим знаменитым стеком в руке и начнет покрикивать на других дрессировщи-

ков. Но суровая действительность вновь напоминала о себе — теперь за Минг отвечает Безумный Муллиган, и Крошка Вилл беззвучно плакала, глядя на стек.

Вставало солнце, и бригада вновь принималась за работу. Крошка Вилл оставалась в лагере, часами молча глядя либо на стек, либо на ущелье. Спустя месяц Паки Дерн начал брать Вилл с собой на строительство дороги.

Крошка Вилл молча сидела в повозке, наблюдая, как дрессировщики и погонщики работают с животными. Шаг за шагом, вгрызаясь в скалы, перетаскивая отработанную породу на собственных спинах, люди и животные постепенно продвигались вверх по крутому склону, чтобы когда-нибудь выбраться из ущелья. Бурный поток на его дне оглушал их беспрестанным ревом, и людям то и дело приходилось его перекрикивать. Этот неизбывный грохот напоминал рев беснующейся толпы. Неудивительно, что реку так и прозвали — Толока.

Паки Дерн остановил Роббер рядом с повозкой.

— Вилл!

Та даже не пошевелилась:

— Да.

— Лапочка, нельзя же все время вот так сидеть без дела. Нехорошо.

— А мне ничего не хочется. — Вилл опустила голову и фыркнула. — Не хочу ничего делать, и не буду.

Наконец-то она заговорила. Правда, мало кто это заметил, в том числе и сама Вилл.

Она заговорила вслух, потому что, когда она молчала, мысли не посещали ее. Это все, что она знала. Впрочем, какая разница.

Паки похлопал Вилл по плечу, но она никак не отреагировала. Он несколько мгновений пристально разглядывал ее, а затем, покачав головой, скомандовал слонихе:

— Вперед, моя красавица.

Роббер побрела дальше — Паки впряг ее в телегу, груженную землей и камнями.

Крошка Вилл потерла глаза, обернулась и увидела, как Стаб Якобс подвел запряженную в повозку Рег к краю утеса. Якобс остановил слониху, а сам направился к повозке, где двое дру-

гих мужчин подкладывали камни под задние колеса. Стаб и еще один дрессировщик велели слонихе встать на задние ноги. Животное повиновалось, передняя часть повозки поползла вверх. Получился своего рода самосвал, и повозка начала освобождаться от груза.

Вилл мысленным взором представила картину еще до того, как все произошло: скала, исчезнувшая в облаке пыли, повозка, падающая вниз с обрыва.

— Подождите!

Но ее тонкий голосок заглушали громовые раскаты Толоки. Вилл попробовала слезть с повозки:

— Стойте! Подождите!

Но земля и камни уже летели вниз с обрыва. Камень под задним левым колесом хрустнул, а сама повозка скользнула куда-то в сторону. В этот момент второе заднее колесо соскочило с камня, и повозка устремилась вниз с обрыва, увлекая за собой слониху.

Опустившись на все четыре ноги, Рег уперлась изо всех сил. Стаб бросился к ней, чтобы обрезать упряжь. Кто-то из рабочих кинул ему нож, и в считанные секунды животное было спасено от неминуемой гибели.

Повозка полетела вниз, увлекая за собой Стаба. На какое-то мгновение его крик заглушил даже рев горной реки. Рег осталась стоять у края обрыва, послушно дожидаясь, когда Стаб вернется к ней и скомандует, что делать дальше.

Работа остановилась. Люди сбежались к краю обрыва. Крошка Вилл слезла с телеги и подошла к Рег. Встав перед слонихой, она протянула руки и погладила ее хобот.

— Это я, Рег. Ведь ты меня помнишь?

Рег осторожно обхватила девочку за плечи. Девочка заглянула слонихе в глаза:

— *Сначала мне нужно кое-что взять.*

Вилл направилась к повозке и вернулась, держа в руках стек красного дерева с позолоченным наконечником. Встав рядом со слонихой, она скомандовала:

— *А теперь за мной, Рег! Пора за работу!*

Она отвела слониху от обрыва и остановила рядом с очередной груженой повозкой. Оглянувшись, Вилл увидела, что Паки смотрит на нее, в изумлении открыв рот.

— Паки, скажи, пусть срочно починят упряжь.

Но Паки застыл в нерешительности. Затем он все-таки пришел в себя и посмотрел в сторону столпившихся у обрыва людей. Перехватив его взгляд, Питер Арделли одобрительно кивнул и отправился чинить упряжь. Все вернулись к своим животным и инструментам.

Сидя ночью вокруг костра, люди обсуждали смерть Стаба Якобса. Не лучший представитель рода человеческого — так, цирковой бродяга, что, впрочем, делало его в глазах некоторых личностью незаурядной, если не выдающейся.

Паки говорил, обняв Крошку Вилл:

— Лапочка, тебе не приходило в голову, почему в цирке нет своих героев, легендарных личностей вроде Пола Баньяна или Пекоса Пита?

Девочка покачала головой:

— А кто они такие?

— Тогда послушай. Лесорубы на севере обычно рассказывали об одном человеке по имени Пол Баньян. Он был так велик, что в его следах возникали озера. Одним махом Пол валил тысячу деревьев. Ковбои на западе, бывало, рассказывали о Пекосе Пите. Тот умел поворачивать реки вспять и укрощать ураганы. Но, лапочка, подумай, разве может жизнь лесоруба или ковбоя сравниться с жизнью циркача. В цирке полно героев; тут никакого воображения не хватит, чтобы придумать для цирка кого-нибудь вроде Пола Баньяна.

Вощеный, главный скорняк, наклонился вперед, указывая через костер в сторону Крошки Вилл.

— Как-то раз мне довелось видеть, как Стаб Якобс вместе с мистером Джоном и твоим отцом ввязались в драку со взводом солдат, имея при себе лишь шесты для купола, — и ничего, разделали их под орех.

Дот Пот Дрейк кивнула, глядя на языки пламени:

— В той потасовке еще замочили Боттла Боттома. — Она перевела взгляд на Крошку Вилл. — Боттом работал у нас на маршруте, пока цирк не взял на его место этого коротышку Бородавку Тхо с планеты Пендия. — Дот подбросила в огонь прутик.

Вокруг костра воцарилось тягостное молчание. Постепенно народ начал расходиться, чтобы провести остаток ночи на-

едине с собой. Прислонившись к Паки Дерну, Крошка Вилл по-прежнему сидела, наблюдая за костром.

— А почему никто теперь не разговаривает так, как раньше? Как до аварии?

Паки обхватил ее за плечи:

— Не знаю, Вилл, смогу ли я объяснить тебе это. Раньше они были циркачами. А теперь — дорожно-строительная бригада. Все бы ничего, будь впереди хоть какой-нибудь просвет — так ведь нет его. Мы влипли надолго, и никто ничего не может поделать. Понятно, что у людей все это уже сидит в печенках. Эх, если бы они могли, как и раньше, перемывать косточки Арнхайму. Но они молчат. А пока они молчат, Арнхайм бродит среди нас, как тень отца Гамлета.

— Паки, но ведь Карл Арнхайм погиб.

Главный начальник слоновника кивнул головой:

— В этом-то все и дело, моя девочка. Циркач переживет любую напасть. Все, что угодно, но только не призрак прошлого. — Он заглянул ей в глаза и увидел в них немой вопрос. — Когда подрастешь и у тебя будет собственная коллекция призраков, тогда ты поймешь, о чем я говорю.

Крошка Вилл вновь уставилась на огонь. В нем словно мелькали кусочки мозаики, единственное, чего она не разглядела — какой именно. И она решила, что некоторые кусочки просто отсутствуют. Паки направился к своему спальному мешку, а Крошка Вилл осталась сидеть, глядя на танцующие языки пламени.

Ах, вот было бы здорово, если бы все стало по-прежнему, подумала она.

— *Это точно.*

Крошка Вилл бросила взгляд через костер и увидела, что на нее смотрят. Это был Шайнер Пит Арделли, сын Вощеного.

Вилл снова включила мысли:

— *Шайнер, это ты?*

Он кивнул, от изумления приоткрыв рот.

— *Ты работал с Вако и ссендиссианами?*

— *Угу, совсем немного.* — На мгновение он прижал ладони к голове, затем поднялся и зашагал прочь.

Крошка Вилл еще какое-то время сидела, глядя на костер, но потом все-таки последовала примеру Паки. Нырнув к нему

в спальный мешок, она свернулась комочком рядом с Паки и задремала. Правда, прежде чем уснуть, она успела отправить мысленное послание: *«Спокойной ночи, Шайнер»*.

Как ни странно, ей пришел ответ: *«И тебе тоже. Спи»*.

Крошка Вилл закрыла глаза, и грезы тотчас перенесли ее на корабль, к ее добрым друзьям-ссендиссианам.

Тогда они стояли на планете Ахигар у главного космопорта возле Королевского Города Альмандайи. Вокруг груди Здоровяка Вилли кольцами обвилась Хасси. Здоровяк держал за руку Крошку Вилл, и они все втроем наблюдали, как техники и сварщики колдуют над главной каруселью третьего шаттла. Ссендиссианка повернула голову к Здоровяку Вилли.

— *И сколько же их погибло при столкновении с метеоритом?*

Здоровяк покачал головой:

— Девятнадцать артистов и сорок девять животных, из них шестнадцать слонов. Четверо дрессировщиков, девять человек из команды шаттла, один наездник, трое подсобных рабочих и два парня, работавших с верблюдами. — Он вновь покачал головой. — Господи, что за кошмар. Главную карусель заклинило, и никак не удавалось перегнать слонов из шаттла в главный корабль. Пришлось их изолировать. Те, что не пострадали от метеорита, едва не раздавили друг друга в панике.

Хасси перевела взгляд на рабочих:

— *Прими мои сочувствия. А слонам можно найти замену?*

Здоровяк Вилли повернулся и направился по сходням к главному люку. Крошка Вилл семенила рядом.

— Слонов привезем еще — это не проблема. Но тех, что погибли, не заменишь — Толстуху Мо, Гоу-Гоу, Принцессу.

Крошка Вилл потянула Хасси за кончик хвоста:

— *Хасси, скажи моему папе, что мне жаль слонов.*

В этот момент они уже направлялись к своему вагончику. Хасси обратилась к дрессировщику:

— *Крошка Вилл приносит свои соболезнования.*

Здоровяк Вилли посмотрел с высоты своего роста на дочку и улыбнулся:

— Хорошо, что ты рядом со мной, лапочка. Просто замечательно. — И он пожал ей ручонку.

Девочка ответила на его рукопожатие.

— *Хасси, передай папочке, что я люблю его.*

Ссендиссианка принялась раскачиваться из стороны в сторону.

— *Твоя дочь выражает тебе свои теплые чувства.*

Здоровяк изумленно выгнул бровь и уставился на змею.

— Знаешь, Хасси, старая ты кишка, у меня такое чувство, что в твоем переводе ее слова звучат как-то слишком мудрено.

Здоровяк открыл дверь вагончика, Хасси скользнула внутрь, а за ней последовала Крошка Вилл. Закрыв дверь, Здоровяк обошел переднюю часть каравана, сел на водительское сиденье и захлопнул за собой дверь. Он уже было собрался завести мотор, но передумал и обратился к Хасси:

— Знаешь, я что-то не до конца понимаю всю эту телепатию. Если Крошка Вилл говорит с тобой, то почему она мне не скажет ни слова?

— *Здоровяк, ты просто не способен воспринимать сигналы, какие она посылает. Это то же, что радиолокаторы на кораблях. Она передает свои мысли на одной частоте, ты же настроен совсем на другую. Конечно, все гораздо сложнее, но в целом примерно так.*

— А ты, выходит, можешь менять частоту входящего и исходящего сигнала?

— *Что-то вроде этого. А Крошка Вилл нет. Может, со временем и она научится. Да и ты тоже.* — Хасси обернулась в сторону девочки, а затем вновь посмотрела на Здоровяка. — *Я спрошу у Нхиссии. Она у нас эксперт по связи. Мои интересы лежат в иной области.*

Здоровяк завел мотор.

— А что ты изучала у себя в академии?

Змея бросила взгляд вперед сквозь ветровое стекло.

— *Я получила образование в области искусства умерщвления добычи и ее приготовления для последующего употребления. У вас, если не ошибаюсь, это называется домоводством и кулинарией.*

Караван взял с места. Когда они доехали до забора, окружавшего летное поле, Здоровяк обернулся к Хасси:

— Я буду очень признателен, если ты спросишь Нхиссию, что можно сделать по этому поводу.

В ответ Хасси закивала головой. Она посмотрела на Крошку Вилл, а затем обернулась к Здоровяку.

— *Крошка Вилл мысленно сигнализирует о том, что испытывает некоторое неудобство.*

Вилли вздохнул и покачал головой:

— Хасси, скажи мне, что она там говорит — ее же словами.

Хасси наклонила голову, а затем опять посмотрела вперед.

— *Крошка Вилл говорит: «Передай папочке, что я хочу писать».*

Они тогда выступали где-то. Остановка в цепи многочисленных странствий, одна из многих, и в то же время особенная. Любая остановка не похожа на другую.

Дети артистов сгрудились в костюмерной и переодевались для необычного уличного парада — таких цирк О'Хары еще нигде не устраивал. Жители новой планеты, их удивительные города — все было в новинку, все потрясало своими размерами. Первое представление они давали в городе Тиомо. На улицах этого города люди казались сущими карликами — но только не их парад. Цирк О'Хары запрудил весь центральный проспект. Семьдесят пять слонов, лошади и артисты, клетки с животными, даже подсобные рабочие — в параде участвовали все до единого.

Крошка Вилл переоделась, загримировалась и вместе с другими детьми оказалась под зорким оком Джилл, директора балетной труппы. «А теперь, друзья, не дышать. Попробуйте только оторвать блестки, и я обещаю, что ваши попки получат отменную порку!»

Джилл повернулась и исчезла в оживленной толпе балерин, наряжавшихся в пышные балетные пачки из ярких перьев. Сбоку, расположившись на сундуках, группа клоунов прилаживала парики и переодевалась в башмаки, напоминавшие утиные лапы.

Крошка Вилл обернулась на чей-то сердитый крик. Посреди костюмерной на опилках каталась сцепившаяся в драке пара мальчишек. Они мутузили друг друга что есть мочи, пока Джилл силой не растащила их. Оказавшись вне досягаемости друг друга, противники все равно продолжали потрясать кулаками.

— Живо утихомирьтесь! Сию минуту, вам говорят! — И Джилл тряхнула их еще пару раз, пока юные драчуны не успокоились. — Посмотрите, что вы сделали с костюмами.

Крошка Вилл встала на цыпочки и вытянула шею, чтобы получше разглядеть драчунов. Светловолосым мальчишкой с расквашенным носом оказался Микки Дирак, сын руководителя дорожного строительства. Вторым, темноволосым, тоже с разбитым носом, — Пит Арделли, сын Вощеного. Одежда на обоих висела клочьями. Джилл резко встряхнула белобрысого Микки:

— Ну-ка, в чем дело? Отвечай.

Мальчишка всхлипнул и вытер нос тыльной стороной ладони.

— Ничего. Пит меня толкнул.

Джилл повернулась к Питу:

— А ты что скажешь?

Тот в ответ попытался влепить врагу затрещину, но железная хватка Джилл не позволила ему сдвинуться с места.

— Врешь!

Джилл на этот раз тряхнула Пита, и тот притих.

— Нет, ты лучше отвечай за себя.

И хотя Пит раскраснелся в драке, от Крошки Вилл не скрылась краска стыда на щеках мальчишки.

— Микки кое-что сказал.

— Кое-что? А именно?

Пит что-то промямлил.

Джилл была вынуждена тряхнуть его еще разок:

— Говори громче.

Пит ткнул пальцем в сторону Микки:

— Он обозвал... В общем, он обозвал Крошку Вилл.

Джилл строго посмотрела на Микки:

— И как?

— Не обзывал я ее!

Пит дернулся вперед и сумел-таки еще раз заехать кулаком в нос противнику:

— Врешь!

Джилл оттянула его назад.

— Успокойся, дружок, а не то я сейчас спущу с тебя штаны, и тогда поплачет твоя задница. — Она зловеще посмотрела на Пита, и тот притих.

Пит уставился на засыпанный опилками пол:

— Он обозвал ее чурбанкой.

— Кем-кем? — Джилл удивленно выгнула брови.

Пит указал на Микки:

— Он обозвал ее чурбанкой.

Микки скорчил гримасу:

— Я не хотел сказать про нее ничего плохого. Все и без того знают, что она не умеет говорить.

Крошка Вилл заметила, что другие дети смотрят в ее сторону. Слезы брызнули у нее из глаз, и, закрыв лицо руками, она бросилась вон из гримерной.

Чуть позже, в тот же самый день, когда цирковая труппа перелетала на другую сценическую площадку, Крошка Вилл отправилась к карусели с животными. Она нашла Пита Арделли среди здоровенных белых першеронов. Мальчишка с мрачным видом сидел на ведре и чистил сбрую, сваленную перед ним в огромную кучу. Она подошла к нему поближе и остановилась. Пит на секунду оторвался от своего занятия, но покраснел и вновь принялся чистить ремни.

— А-а, привет! — наконец сказал он и уставился на сбрую, блестевшую металлическими заклепками. — Мне здорово влетело за то, что я не участвовал в параде.

Крошка Вилл присела на корточки рядом с Питом и дотронулась до его руки. Щеки мальчишки сделались пунцовыми, и он улыбнулся:

— Да ладно, а тому нечего было обзываться.

Крошка Вилл улыбнулась, убрала руку с его руки и вытащила из кучи еще один ремень. Обмакнув пальцы в полироль, она принялась втирать прозрачную жидкость в кожу.

Пит не отрывал глаз от работы, но было видно, что он улыбается.

Крошка Вилл наблюдала за Вако-Вако, отцом и ссендиссианкой — Нхиссией. Здоровяк с Вако расположились в креслах напротив змеи — та свисала с лампы под потолком их каюты.

— Послушай, Нхиссия, ты сказала Вако, у тебя вроде бы появились новые идеи. Скажи, теперь Крошка Вилл заговорит со мной?

Нхиссия покачала головой из стороны в сторону. Сначала она посмотрела на Крошку Вилл, потом на Вако, затем на Здоровяка.

— *Вы все слышите, что я говорю?*

Вако кивнул:

— Слышу.

Здоровяк удивленно поднял брови.

— Ну да. — И он повернулся к дочери. — А ты слышишь?

Крошка Вилл кивнула и посмотрела на Нхиссию:

— *Слышу. Все мы слышим одно и то же.*

Голова змеи вновь качнулась из стороны в сторону.

— *Именно это я и подозревала. Я давно надеялась, что смогу общаться сразу с несколькими людьми одновременно. Я все время пробую разные комбинации.*

Нхиссия внимательно посмотрела на Здоровяка.

— *Мы с Вако уже давно работаем над этим. Мы не говорили тебе только потому, что не хотели тебя понапрасну обнадеживать.*

Здоровяк повернулся к Вако.

— Спасибо, — сказал он. Затем добавил, посмотрев на Нхиссию: — Спасибо вам обоим.

Крошка Вилл встала со своего места:

— *Могу я сейчас поговорить с моим папочкой?* — Она перевела взгляд на Здоровяка. Но тот лишь нахмурился. Крошка Вилл насупилась. — *Нхиссия, у меня не получается.*

— *Терпение, моя милая, наберись терпения. Я сама лишь недавно научилась разговаривать с людьми.* — Нхиссия посмотрела на Здоровяка. — *И я обнаружила, что некоторые из них наделены теми же способностями, что и Крошка Вилл.*

Вако наклонился к Здоровяку:

— Мы навели справки у циркового костоправа. Оказалось, что сходная генетическая особенность прослеживается у двадцати шести ребятишек. Костоправ считает, что тому причиной война. Во всяком случае, девять ребят наделены способностью передавать мысли на расстоянии, но они никогда не разовьют ее полностью, потому что умеют говорить. Остальные из нас никогда не смогут передавать телепатические сигналы, потому что начисто лишены этой способности. Но принимать такие сигналы могут все. — Заклинатель змей улыбнулся. — Нхиссия пока что обучила двоих ребятишек передавать телепатические сигналы, и один из них умеет разговаривать со мной без посредников.

Крошка Вилл снова опустилась на свой стул:

— *А можно и меня научить разговаривать с людьми?*

Нхиссия перевела взгляд с девочки на Здоровяка и Вако.

— *Она спрашивает, можно ли ее научить?* — Змея окинула девочку внимательным взглядом. — *Я думаю, можно. Конечно, придется немало потрудиться. Но в результатах я не сомневаюсь.*

Здоровяк Вилли Коул задумчиво посмотрел на дочь.

Крошка Вилл открыла глаза — кто-то теребил ее за плечо. Она повернулась и увидела на фоне утреннего неба силуэт Паки.

— В чем дело?

— Тебе приснилось что-то нехорошее. И я решил, что надо срочно вмешаться, пока тебя там не съели тигры. — И дрессировщик слонов ласково потрепал ее по плечу. — Я прав?

Крошка Вилл кивнула, и они вдвоем вновь уютно устроились в спальном мешке.

— Паки?

— Ну что, моя милая?

— Паки, а мой папа был хорошим человеком?

Паки на какое-то мгновение онемел от растерянности, затем повел свободным плечом, на котором в тот момент не лежал.

— Он был прирожденным «слонухом».

Высшая похвала в устах Паки.

Глава 7

Бригада, двигавшаяся в направлении Тарзака, дошла до того места, где Разлапистый Ручей водопадом срывался вниз с отвесного утеса. Сорок миль от Мийры, ровно половина пути до Тарзака. Чем дальше строители продвигались на юг, тем сильнее редели деревья, а ведь для строительства мостов и переправ в большом количестве требовались бревна и доски. Пикуль Порс, носильщик с третьего шаттла, как раз на полпути между третьим шаттлом и водопадом устроил нечто вроде лесопилки.

Утес тянулся вправо и влево, насколько хватало глаз. Плато, на котором работала бригада Пони, со всех сторон проду-

вал резкий, пронизывающий ветер. Порода, из которой возник утес, не шла ни в какое сравнение с осыпавшимися краями ущелья Змеиной горы. Это была неприступная гранитная твердыня. После того, как с утеса вниз сорвалась слониха по имени Бандитка, дрессировщик Сержант Тиерас устроил у водопада некое подобие ремонтной мастерской. Сам же водопад получил название Бандитского. Дорогу через Утес Ветров предстояло прорубить, вгрызаясь в неприступный гранит буквально по сантиметру.

В ущелье Змеиной горы семь дней упорного труда пошли прахом в буквальном смысле слова — подземные толчки обрушили в Толоку тысячи тонн земли и скальной породы. К счастью, обошлось без жертв, лишь Вощеному завалило левую руку. Его доставили в лагерь, который теперь почти официально назывался Мийра. Мейндж Рейнджер помог ему — правда, пришлось ампутировать руку.

Через несколько дней после того, как бригада Паки взялась за восстановление разрушенного участка дороги, до лагеря возле Змеиных гор добрался Дурень Джо. Люди были рады увидеть своего старого товарища. Вечером все собрались у костра за ужином выслушать принесенные Джо известия. Поскольку исправные радиопередатчики остались только на шаттлах номер десять и четыре — причем оба у Тарзака, — людям не терпелось узнать, что же расскажет им Дурень Джо.

Первым вопрос задал Паки:

— Джо, удалось ли ребятам Тарзака засечь какие-нибудь радиосигналы?

Джо покачал головой:

— Они даже не пытаются это делать. Экономят топливо — его вон сколько понадобится, когда десятый шаттл снимется с места. В него перекачали все топливо с трех других шаттлов. Они хотят отправить его на поиски второго шаттла.

Дот Пот вытянула шею к огню:

— А когда?

— Да уже, наверное, отправили. Пока они будут искать второй шаттл, заодно разведают местность. Не исключено, что им удастся отыскать путь к седьмому шаттлу. Сейчас дорогами связаны все шаттлы в Тарзаке. Сами корабли пошли на строительство мостов. Дерева в Тарзаке нет вообще — ни единой щепочки.

— А где вы тогда живете?

— Паки, с тех пор как мы приземлились, мы не видели и капли дождя. Дома строим из кирпичей — вырезаем их из высушенной солнцем глины. Наша проблема — крыши. Можно, конечно, настелить сухой травы — этого добра у нас хватает — но нужны шесты и брусья для перекрытия.

Паки кивнул:

— Вот только мы доберемся до вас, можно будет возить и шесты, и бревна, и брус. Джо, скажи своим ребятам в Тарзаке, что в обмен на древесину нам понадобится металл. В особенности новые лопасти. Нам они нужны для заточки, а то старые, которые мы сняли с шаттла, уже порядком поистерлись.

— Когда я был в лагере Пони, он сказал мне то же самое.

Крошка Вилл внимательно посмотрела на Джо:

— Послушай, а как там у вас в Тарзаке? Как настроение у народа?

Дурень Джо обвел взглядом угрюмые лица сидевших вокруг костра людей:

— Везде примерно одно и то же. Мы в одной лодке, и этим все сказано. Такое впечатление, будто все ищут, за что бы зацепиться, но ничего не находят.

Клык почесал голову, затем вытянул руки к огню:

— А как же Крыса Джек, распорядитель маршрута? Пришлет он кого-нибудь проверить, что с нами, если мы вовремя не прибудем на место?

Джо отрешенно пожал плечами:

— Клык, ты знаешь, что такое парсек?

— Нет, а что?

— Ледфут попытался растолковать мне. Единственное, что я могу сказать, такое огромное расстояние тебе даже не снилось. Возьми число десять и перемножь на самое себя тринадцать раз, а потом еще примерно на столько же. Дошло?

Клык покачал головой:

— Да ладно, не бери в голову. Но в этих парсеках все и дело. Их в Десятом Квадранте между Ахигаром и Х'дгва что-то около пятидесяти. По прямой линии, но мы в нее не вписались. Нас могло занести куда угодно, усек? А чтобы от поисков была хоть какая-то польза, им надо двигаться со скоростью, близкой к скорости света. Ну и в довершение ко всему

им точно неизвестно, в каком месте мы сбились с пути. Прибавь к этому вероятность того, что мы просто-напросто могли лопнуть, как воздушный шарик, — вот и подумай, горит ли народ желанием отправляться на поиски, если искать придется, может быть, тысячу лет и все впустую.

Вокруг костра воцарилось молчание. Паки взял в руки пригоршню камешков и принялся один за другим кидать их в огонь.

— Джо, мы почти преодолели ущелье. Бригада Дирака лишь в паре миль от нас к северу. Бригада Била Риса и Майка Айконы уже проложили дороги ко всем шаттлам Изумрудной долины. И если Луи проложит дорогу от Тарзака, то останется сделать лишь одну-единственную вещь — помочь Рыжему Пони спуститься с этого чертова утеса.

Дурень Джо одобрительно кивнул:

— Дело говоришь.

Дот Пот посмотрела сначала на Паки, а затем на Дурня Джо:

— Ну а потом что, Джо? Что потом? Да, у нас будет дорога между Тарзаком и Айконой, но все равно нам торчать и торчать на этой чертовой планете.

— А что еще прикажешь делать? — Дурень Джо протянул руки к огню. — Нам надо объединить усилия. Ведь еще предстоит добраться до седьмого шаттла.

Дот усмехнулась:

— Значит, еще одна чертова дорога? — С этими словами она поднялась на ноги и зашагала прочь от костра.

Остальные молча последовали ее примеру. Надо было подремать часок-другой и утром впрягаться во все ту же тягостную работу.

Дурень Джо еще какое-то время сидел у костра. В конце концов он встал и огляделся по сторонам. Крошка Вилл все еще смотрела на огонь.

— Счастливы люди, несмотря ни на что.

Вилл сочувственно улыбнулась ему:

— Из-за землетрясения мы потеряли целую неделю. А куда ты теперь?

— Я думал, что здесь перейду через горы, а затем понесу вести дальше, ребятам на север.

— Джо, я бы не советовала тебе сейчас пускаться в дорогу, даже если у тебя есть фонарь. Ночью здесь можно запросто свернуть себе шею.

Дурень Джо потер пальцем под носом и презрительно фыркнул:

— Просто мне не хочется торчать здесь с этими нытиками.

Крошка Вилл на минуту задумалась, а затем снова посмотрела на Джо.

— Скажи мне, ты давно работаешь в цирке?

Дурень Джо уставился на звезды:

— Дай подумать. Я пришел после войны — это будет лет этак двадцать пять — двадцать шесть.

— Ты присутствовал, когда мои родители поженились?

— Присутствовал? — Дурень вновь опустился у костра. — Да там присутствовал весь мир. Малыш Джо, наш цирковой священник, провел церемонию бракосочетания прямо посреди арены. Еще бы, главный дрессировщик слонов берет в жены укротительницу львов. Невесту привел к алтарю мистер Джон, а Вако-Вако был у твоего отца шафером. — Джо нахмурился. — И что с ним только сталось, с нашим Вако? Да-а, событие было грандиозное. Такое надо видеть своими глазами — в общем, ты меня понимаешь.

— Джо, но что произошло между ними? Почему они расстались?

Дурень Джо откинулся на локти:

— Цирк — не лучшее место для семейной жизни, моя милая. К тому же когда почувствуешь разницу между кошками и слонами. Это же заклятые враги. Сама знаешь, когда слон подыхает, его рубят на куски и скармливают львам.

Крошка Вилл кивнула.

— Пять тонн мяса — не шутки, особенно если учесть цены... В любом случае, когда твои родители поженились, поначалу между ними все было хорошо, до того самого выступления в... — Дурень Джо задумчиво потер подбородок, — в Ричмонде, это в Североамериканском союзе.

Джо на мгновение задумался:

— Черт, ну и вечерок! Тебе тогда был год, от силы два. — Старый циркач покачал головой. — Видишь ли, отец нашей укротительницы львов, Хампи Айрленд, работал с верблюда-

ми. Кошек старик Хампи на дух не выносил. Но Крис хотелось выступать только с кошками. А Крис, она была такая, если что-то вобьет себе в голову, то так оно и будет. Никогда не встречал женщины упрямее. Слово «нет» было ей неведомо. Так вот, Хампи расстался со своим верблюдом и стал работать в ее номере. — Дурень Джо вновь покачал головой. — Но он этих кошек боялся, как черт ладана. — Он поднял глаза к звездам. — В общем, в Ричмонде кошки его сцапали. Можно сказать, слопали за милую душу, даже косточек не осталось. Крис пыталась вмешаться, но вместо того, чтобы утихомириться, львы рассвирепели, да так, что досталось и ей. Половины лица как не бывало.

Крошка Вилл испуганно ахнула.

Дурень Джо вытянул руки к огню.

— В больнице ее залатали. Можно сказать, заново сделали ей лицо, зашили раны — как будто ничего и не было. Но тогда она ушла из цирка. Через год укротительница львов снова вышла на арену со своим номером. Но Здоровяк Вилли где-то пропадал до тех самых пор, пока «Барабу» не отправился на космические гастроли. После Ричмонда они, по всей видимости, расстались.

— Но почему?

Дурень Джо подвинулся поближе к костру:

— Самые правдоподобные слухи из тех, что мне известны, — это то, что Здоровяк в ярости пытался было перестрелять всех ее кошек. Но львы для Крис были дороже всего на свете, дороже ее собственной жизни. Наверное, так оно и было, и тогда Крис выставила Здоровяка за дверь.

Джо зевнул и попытался улечься поудобнее.

— Поэтому Крис и наложила на себя руки, Вилл. Воздуха на «Барабу» не хватало, ее животные очень мучились. Думаю, что пара из них тогда уже сдохла. Я слышал — сначала она прикончила львов, а последнюю пулю оставила для себя.

Дурень Джо приподнялся на локте.

— Ой, и зачем я тебе все это рассказываю, дурья моя башка.

— Нет-нет, Джо, ты правильно сделал. Мне давно хотелось это знать.

Старый циркач фыркнул и положил голову на руку. Фыркнул еще раз и закрыл глаза.

— Эх, боюсь, я такой же веселый, как и вся здешняя похоронная команда.

Крошка Вилл поднялась на ноги и зашагала к тому месту, где спал Паки. Отыскав его спальный мешок, она юркнула к нему под бок.

— М-м, — промычал дрессировщик.

— Спокойной ночи, Паки.

— М-м.

Крошка Вилл закрыла глаза, и перед ее мысленным взором, заслонив тьму, заплясали искры костра.

Здоровяк Вилли и укротительница львов расстались, но то было иное время.

Вилл мысленно позвала того, кто мог ее слышать:

— *Пит, ты спишь?*

— *Нет, а ты?*

— *Пит, Нхиссия научила меня делиться воспоминаниями. А ты умеешь?*

— *Наверное. Что я должен делать?*

— *Открой свое сознание как можно шире, напрягись, как будто ты внимательно кого-то слушаешь.*

— *О'кей, я слушаю.*

Крошка Вилл закрыла глаза и вызвала в памяти образ прекрасного звездного корабля.

Большая часть из трех тысяч циркачей собралась в главном репетиционном зале «Барабу». Те, кто был на дежурстве и не мог прийти, слушали выступающих по селектору. Крошка Вилл сидела между отцом и матерью, наблюдая, как посреди арены стоит Джон О'Хара с микрофоном в руках, поднеся его ко рту.

— Последние два сезона попортили нам немало крови. Карл Арнхайм в какой-то момент отправил по нашему маршруту еще целых шесть трупп. — О'Хара потряс кулаком.

— Но, клянусь, каждый раз мы платили конкурентам той же монетой и каждый раз выходили победителями.

Циркачи разразились ликующими возгласами.

О'Хара опустил кулак и обвел взглядом арену:

— Но при этом мы потеряли кое-кого из наших друзей. Джолиет Джейк Соби и Сирена Салли Фонг остались навечно лежать на Туулуриме. На планете Морвах из-за нашего друга

Арнхайма мы лишились тринадцати Ирландских Орлов — девять осталось в больнице, а четверо навеки в земле. Блонди Макдир, Пайфейс Джек Гулахан, Тутер Тамазан и Пейот Биртус — славные были парни. — Директор потер глаза и опустил микрофон. — Во время последнего представления в Дювали наши потери составили одиннадцать человек. Кого мы лишились, вы знаете сами.

Директор вновь обвел взглядом арену:

— Мы добились победы — но какой ценой! Такую мы не можем себе позволить.

О'Хара вытянул вперед руки:

— Все мы — до единого — лишь артисты. Наша работа — развлекать людей, дарить им радость. Я — директор цирка, а не полководец. Но я не позволю, чтобы по вине Карла Арнхайма гибли мои люди.

Трибуны загудели сотнями голосов. О'Хара подождал, пока шум стихнет.

— Начиная со следующего сезона, я вывожу шоу из Девятого Квадранта. «Большое шоу О'Хары» откроет сезон в Десятом Квадранте!

В зале воцарилось молчание. О'Хара обвел трибуны испытующим взглядом, затем продолжил:

— Каждый перелет будет долгим и утомительным. Не исключено, что он будет длиться пять или шесть лет. Каждый из вас должен решить для себя, останется ли он в цирке или предпочтет покинуть труппу после наших гастролей на Ахигаре.

О'Хара еще какое-то время держал микрофон почти у самых губ, но затем опустил его. Рабочий сцены забрал микрофон у него из рук, и Хозяин медленно ушел с арены.

Артисты небольшими группами начали спускаться с трибун. Кристина протянула руку и дотронулась до плеча мужа.

— Ну, что ты думаешь, Вилли? Ты остаешься или уходишь?

Здоровяк наблюдал, как артисты уходят с трибун.

— А как ты и Крошка Вилл? — пожал он плечами.

Укротительница львов улыбнулась:

— Кошки остаются в цирке, значит, и мы тоже.

— Тогда и я.

Кристина на мгновение опустила глаза, затем посмотрела на мужа.

— Тебе со мной пришлось несладко.

Здоровяк кивнул:

— Я тебя ни в чем не виню.

Укротительница львов сначала посмотрела на дочку, затем на мужа.

— Но зато я уже начинаю винить себя.

Крошка Вилл наблюдала за ними обоими. Здоровяк взял Кристину за руку:

— О, царственная особа, может ли скромный дрессировщик слонов пригласить вас на чашечку кофе?

Кристина рассмеялась:

— Вилли Коул, это лучшее предложение за весь день.

Крошка Вилл улыбнулась и обвела взглядом трибуны.

— *Хасси? Хасси, где ты?*

— *Вилл, это ты?* — Телепатический сигнал почему-то оказался слабым. — *Я у себя, и опять меня прихватила эта напасть, как вы ее там называете — простуда. С тобой все в порядке?*

Крошка Вилл посмотрела на родителей. Те держались за руки, улыбаясь друг другу.

— *Папочка с мамочкой любят друг друга. Ну просто замечательно.*

Вилл уловила едва слышный смешок Хасси:

— *Цирк — это нескончаемое веселье.*

Крошка Вилл и Шайнер Пит рассмеялись. Она открыла глаза, поднялась и направилась вдоль ряда спальных мешков, пока наконец не оказалась рядом с Питом.

— *Можно мне к тебе?*

— *Конечно.*

Она села рядом с ним, и они взялись за руки.

— *Пит, что будет со всеми нами? Что будет с цирком?*

Несколько мгновений мальчик молчал.

— *Я задал Вощеному тот же самый вопрос — как раз перед тем, как Мейндж отрезал отцу руку. Вощеный сказал, что можно погубить артистов, можно загубить животных, но погубить цирк нельзя.*

Пит пожал девочке руку:

— *Загубить цирк нельзя.*

Они смотрели на пляшущие языки костра до тех пор, пока их обоих не сморил сон.

Глава 8

В ту ночь в ущелье Змеиной горы состоялся праздник — встретились бригады, двигавшиеся навстречу друг другу с севера и юга. Веселье сопровождалось соответствующими возлияниями. Ребята из Изумрудной долины научились гнать сладкий сок из апельсинового дерева. Напиток получался разных крепости и вкуса — от изысканного вина до бормотухи.

Когда обе бригады собрались у костров, чтобы отпраздновать знаменательное событие, в лагерь с юга пришел Дурень Джо. Так люди узнали, что главный дрессировщик Рыжий Пони Мийра погиб, сорвавшись с Ветрового Утеса.

Крошка Вилл и Шайнер Пит отошли от костров и своих невеселых товарищей и зашагали в темноте в сторону Изумрудной долины. Дойдя до того места, где дорога круто уходила вниз, они увидели вдали огоньки Дирака, а еще дальше Риса. И совсем у самого горизонта на фоне темного массива гор слабо мерцали огоньки Айконы. Откуда-то снизу доносилась печальная мелодия флейты. Не иначе как это Дублин Дэн из бригады Дирака. Вслед за звуками флейты послышалось пение. Расстояние не позволяло разобрать слова, но Крошка Вилл узнала песню о слоне-убийце по кличке Черный Алмаз. Здоровяк Вилли научил дочку этой песне о слоне-одиночке, которого замучили до смерти, отчего все последующие поколения дрессировщиков горели желанием отомстить некогда существовавшей организации так называемых техасских рейнджеров.

То была печальная песня. Они замолчали, затем Шайнер Пит заговорил вслух:

— Наверняка кто-то пришел из Изумрудной долины и рассказал им про Рыжего Пони.

Крошка Вилл обняла Пита за талию и склонила голову к его плечу:

— *Я чувствую, что тебя мучит какая-то мысль.*

Шайнер Пит кивнул:

— *Просто я вспомнил, когда на корабле обнаружили диверсию и воздуха стало не хватать, приняли решение прикончить животных, чтобы людям было чем дышать. Тогда Пони задраил люк третьего шаттла и отказывался впускать кого бы то ни*

было, пока мистер Джон не пообещал сохранить животных. — Пит посмотрел на Крошку Вилл. — *Это было уже после того, как тебя ранило.* — Затем снова перевел взгляд на огни Дирака. — *Если бы не Пони, сейчас на Момусе не было бы ни слонов, ни лошадей.*

Крошка Вилл смахнула слезы и отвернулась от мерцавших внизу огней.

— *Давай вернемся. Мне что-то не хочется идти дальше.*

Шайнер Пит повернулся, обнял Крошку Вилл за плечи, и они зашагали по темной дороге к лагерю, где бывшие артисты в тот момент пытались разобраться в своих собственных мыслях.

Когда Крошка Вилл и Пит подошли к своим спальным мешкам, возле костров оставалось всего несколько человек. Пит вскоре уснул тревожным сном, а Крошка Вилл осталась сидеть возле костра. Когда серый рассвет, холодный и безрадостный, пришел в их лагерь, Крошка Вилл по-прежнему сидела, глядя на танцующие языки пламени. Впрочем, не одна она — Паки Дерн, Растяжка Дирак, Кулачище Билл и Дурень Джо также несли ночную вахту у огня.

Дирак, заметив приближение нового дня, передал кружку по кругу и обратился к Паки:

— А кто займет место главного дрессировщика?

Паки медленно покачал головой:

— Погонщик Саггс, главный конюх. Он ничего не понимает в слонах, а я ничего не понимаю в его клячах. И вообще, нужен ли нам теперь главный дрессировщик? — Начальник слонов провел ладонью по редеющим седым волосам. — Черт бы побрал этого Пони, ведь он всю жизнь проработал в цирке. Помню, он взял меня в труппу, когда было всего пять слонов.

Дурень Джо протянул ему кружку:

— Паки, ты теперь поведешь свою бригаду на юг, чтобы помочь Погонщику спуститься вниз с чертова утеса.

Паки отнял кружку ото рта и кивнул:

— По крайней мере некоторых. А остальные вернутся в Мийру... Там надо достроить дома. Странно, однако, мы назвали наш поселок — Мийра.

Затем он покачал головой и сплюнул:

— Горстка хижин-развалюх. Больше похоже на место жительства какого-нибудь отребья. Впрочем, настоящему циркачу дом вообще не положен.

Паки поднялся, прошелся спотыкаясь вокруг костра, затем повернулся лицом к огню и вытянул вперед руки.

— Настоящему циркачу — настоящему — вообще нечего делать на этой планете. — С этими словами он ткнул себя большим пальцем в грудь. — Вы только посмотрите на нас! Дорожно-строительная шарашка! — С этими словами он плюхнулся на место. — Дорожно-строительная шарашка!

Кулачище Билл взял кружку и допил ее содержимое. Опустив кружку, он указал большим пальцем за спину, туда, где спали уставшие за день люди.

— Похоже, вам придется съехаться с Вощеным.

Паки посмотрел туда, куда указывал Билл, и увидел Крошку Вилл. Притворяясь, будто спит крепким сном, она устроилась рядом с Шайнером Питом, сыном Вощеного. Паки покачал головой:

— Ну, Билл, у тебя такое бурное воображение, даже Мутчу Мовиллу до тебя далеко. Ей же всего тринадцать. А сколько этому Питу? От силы пятнадцать.

Дирак покачал головой:

— Там, откуда я родом, тринадцать — это уже о-го-го сколько.

— Вот увидишь, у Вощеного на сей счет свое мнение.

Кулачище Билл посмотрел на Дурня Джо:

— А чем сейчас занимается Вощеный?

— После того, как Мейндж подрезал ему одно крылышко, Вощеный хотел вернуться к прежней работе — чистить упряжь. Но тут его перехватил Бородавка Тхо.

— Кто? Цирковой счетовод?

Дурень Джо кивнул:

— Бородавка поручил одному из каждого шаттла вести учет. Кто жив, кто погиб, кто родился, кто чем владеет. Ну и поскольку Мейндж тоже ведет записи для Бородавки, он поручил Вощеному вести учет лошадей. Чтобы точно знать, как там поживают наши клячи.

Билл фыркнул:

— Какой работник — такая и работенка, под стать нашему однорукому бумагомарателю.

Какое-то время они сидели молча, пустив по кругу очередную кружку с бормотухой. Паки отхлебнул вина и, передав кружку дальше, посмотрел на Дирака:

— Послушай, а что с ними будет дальше?

— О ком ты?

Паки помахал рукой куда-то в сторону Крошки Вилл и Шайнера Пита:

— О них. О наших Ромео и Джульетте. Вообще, о ребятишках из цирка.

— Можно подумать, я знаю. — Дирак покачал головой. — Я все жду — вдруг увидим корабль в небе, вдруг услышим сигнал по радио. Должен же распорядитель маршрута организовать поиски, попытаться вызволить нас. Может быть, кто заметит, как десятый шаттл кружит над этой дырой? Почти все из нас на это надеются. — Дирак потер подбородок. — Эти ребятишки, они уже другие. Они просто в голову не берут.

— Что не берут?

— А все это. Живут себе, как всегда жили. Для самых маленьких эта планета — родной дом.

Кулачище Билл печально покачал головой:

— Сукин сын. Неужели мы вот так возьмем и по одному перемрем здесь? Как подумаешь, что мы пережили, хоть в петлю лезь.

— Призрак Арнхайма. Он и тут не отпускает нас.

— Только не произноси при мне это имя.

— А никто и не произносит.

Дирак на минуту задумался:

— Кулачище, скажи мне, положа руку на сердце, а что проку от большинства из нас? Я вот, например, отвечал за рекламу. А что прикажешь здесь рекламировать? Какие афиши здесь расклеивать? Кто вообще их будет читать? Я вроде бы должен пудрить народу мозги — только вот пудрить их здесь некому. — Дирак указующе вытянул палец: — Вот Паки и его дрессировщики. Для них здесь есть работа — таскать бревна, прокладывать дорогу. Но ведь у них одни самки. А что будет, когда последняя слониха сдохнет? Какой прок от дрессировщиков? Цирк без зрителей, скажу я вам, это не цирк.

Дурень Джо кивнул:

— Вон в Тарзаке сколько народу, которые раньше отвечали за купол. Но где купол-то? Где брезент? Теперь они переквалифицировались в каменщиков. Посмотришь на них — аж тошно становится, все ходят словно пришибленные.

Кулачище Билл протянул руку за кружкой. Сделав долгий глоток, он передал кружку дальше, а сам устремил взгляд на ущелье. Издалека доносился приглушенный рокот горной реки.

— Временами мне кажется, что Вако и Комета сделали правильный выбор. Просто взяли и ушли, послав этот мир к чертям собачьим.

Дурень Джо поднял руки:

— Леди-и-и-и и джентльме-е-ны! Добро пожаловать! Спешите увидеть, как великий цирк, поковыряв в носу, отдаст концы!

Дурень расхохотался и безвольно опустил руки.

— Ребята, если будете в Тарзаке, не забудьте посмотреть на Бородавку. Наш счетовод ни за что не даст цирку окончательно испустить дух. Цирку — кто бы мог подумать? — С этими словами Дурень Джо ткнул пальцем в своих подвыпивших товарищей: — Вы же знаете, что после того, как шаттлы Тарзака начали спуск — не далее как через час после аварии, этот чертов коротышка уговорил народ организовать парад. Парад! Можете себе это представить?

Паки вопросительно посмотрел на Дурня Джо:

— Парад?

Тот кивнул:

— Представь себе, парад. И мы его провели. Прямо на месте посадки, посреди тамошней пустоши, без всяких зрителей, сами для себя. Парад, мать его растак.

— Парад, — задумчиво повторил Паки. Он поднялся на ноги и, покачиваясь, встал у огня. Его взгляд скользнул над стреноженными першеронами, туда, где мирно отдыхали слоны. — Парад. — Паки опустил взгляд, потер глаза и устало поплелся к спальному мешку.

— И как мы до этого не додумались...

Спустя четыре дня довольно-таки скромный парад прошествовал от ущелья Змеиной горы по мосту, перекинутому через Толоку, в поселок Мийра. Слоны, лошади, дрессировщики и наездники — все были одинакового грязно-желтого цвета — их толстым слоем покрывала дорожная пыль. Перед тем как загнать слонов в крааль, Паки Дерн отвел животных на мелководье Столового озера, где совсем недавно артисты хоронили своих погибших товарищей. Дрессировщики вымылись сами и помыли своих толстокожих гигантов.

На том месте, где Рыжий Пони Мийра когда-то бросил в могилу первый ком земли, успела вырасти трава, и пестрели теперь желтые и голубые цветы. Кладбище заметно увеличилось в размерах. Теперь в нем покоился и сам Рыжий Пони, а также одиннадцать человек третьего шаттла, погибшие при прокладке дороги Тарзак-Айкона.

После того как слонов отвели в крааль и накормили, Крошка Вилл и Паки отправились достраивать свое жилище. Подойдя к хижине, они увидели, что стены ее обмазаны мелом и глиной, травяную крышу заменила дранка, а на земляном полу настелены доски. Паки и Вилл застыли в дверях, глядя на низкий деревянный стол и набитые сухой травой большие подушки, служившие одновременно и диваном и креслами.

— Ну как, нравится?

Обернувшись, они увидели Вощеного — левый рукав его рубашки был завязан узлом. Паки обвел рукой внутреннее убранство хижины:

— И кто это так постарался?

Вощеный улыбнулся и махнул уцелевшей рукой в сторону выбеленных хижин поселка.

— К нам сюда за строительным лесом нагрянула бригада каменщиков из Тарзака. Вот я и заключил с ними небольшую сделку.

Крошка Вилл заглянула внутрь хижины:

— Ой, как красиво! — и она потянула Паки за рукав. — Ты только взгляни! Это надо же!

Паки послушно заглянул внутрь. Хмурое выражение лица сменилось усталостью, и Паки неожиданно как-то поник.

— Да, шикарные апартаменты. Прямо-таки дворец! — буркнул он. Затем, оставив в углу стек, повернулся и зашагал в сторону озера.

Крошка Вилл посмотрела на Вощеного:

— В чем дело?

Вощеный почесал подбородок, пожал плечами, сплюнул, а затем посмотрел в сторону удалявшейся фигуры.

— Ну и дурак же я. Надо было все хорошенько обдумать. — И Вощеный снова окинул взглядом домик. — Пока мы ютились в шалашах и пещерах, мы надеялись, что все это временно, просто надо переждать, пока за нами пришлют помощь.

Указав на домик, он продолжил:

— А так всем ясно, что на помощь не приходится рассчитывать; нам здесь жить и жить. — Вощеный смотрел на дом, пока у него не зарябило в глазах. — Да, именно это и стало понятно.

Он повернулся и зашагал по узкой тропинке, петлявшей между выбеленными домиками Мийры.

Крошка Вилл бросилась бегом к озеру. Когда она догнала Паки, тот уже сидел на берегу, глядя куда-то вдаль. Вилл опустилась рядом с ним на песок:

— Паки, у нас замечательный домик.

Криво улыбнувшись, Паки кивнул и похлопал ее по плечу:

— Разумеется, лапочка. А как же иначе. — Он посмотрел на свои руки, все в ссадинах и шрамах от тяжкого труда. Паки сцепил пальцы, усмехнулся и снова кивнул: — Мне кажется, мы делали то же самое, когда прокладывали эту проклятую дорогу. Просто я никогда об этом не задумывался. — Паки снял очки и потер глаза. — Черт, как мне не хватает цирка. Кто бы знал, как мне его не хватает.

— Нам всем его не хватает. Только не надо его хоронить, Паки.

Паки Дерн протянул руки в сторону Столового озера.

— Умей О'Хара ходить, как Христос, по воде аки посуху и скажи мне об этом, знаешь, что я ответил бы ему? Я бы сказал: да, Джон, номер у тебя, конечно, классный. Но если он так хорош, то где, скажи на милость, твоя публика?

Паки встал на ноги и указал на воду:

— Где твой корабль? Он всего лишь горстка праха, рассеянная вокруг никому не нужного шарика. И где твоя арена? Где она сейчас — летает, никому не нужная, где-то посреди чертовой бездны, вместе с дохлыми слонами. Где твои клоуны? Тебе известно, где они? Они торчат в этом гребаном Тарзаке — строят дороги, корчуют деревья, лепят дома из глины!

Крошка Вилл подошла к Паки и взяла его за руку.

— Не говори так про мистера Джона. Он был хорошим человеком.

Паки кивнул:

— Даже слишком. — И посмотрел на Вилл. — Как бороться с призраком? Я, того гляди, лопну от злости. Посоветуй мне, как бороться с призраком?

Крошка Вилл обернулась в сторону хижины:

— Пойдем домой.

— Домой, — кивнул Паки и направился прочь от озера. — Домой.

Глава 9

В течение трех дней Паки безвылазно сидел дома, глядя в окно на гладь Столового озера. Тем временем Крошка Вилл и Шайнер Пит бродили по лесам и холмам, исследуя окружающую местность.

Как-то раз они забрели высоко на один из отрогов Змеиной Горы. Неожиданно Шайнер Пит указал на запад:

— *Смотри!*

Крошка Вилл бросила взгляд вдаль на джунгли и увенчанные снежными шапками горные вершины на другой стороне озера.

— *Пит, это прямо-таки настоящие белые шатры!* — Она повернулась к спутнику. — *Значит, мы все-таки цирк! Ведь правда, Пит?*

Пит сел на траву и обхватил руками колени.

— *Не знаю.*

Вилл присела с ним рядом:

— *Ты же сам сказал, что цирк невозможно убить.*

— *Может быть, я ошибся.* — Пит покачал головой. — *Вощеный совсем пал духом. Ходит сам не свой. Да и другие тоже.*

— *Пит, а кто такой Карл Арнхайм?*

— *Насколько мне известно, именно из-за него мы угодили в катастрофу. Стоит мне спросить Вощеного про Арнхайма, как он вообще отказывается со мной разговаривать.*

— *Вот и Паки тоже.*

Какое-то время они сидели молча, глядя на заснеженные вершины далеких гор. Затем Крошка Вилл перевела взгляд чуть ниже и уставилась в заросли между горами и озером.

— *Пит, а что, по-твоему, стало с Вако и Кометой?*

— *Погибли скорее всего.* — С этими словами Пит поднялся на ноги и протянул ей руку. — *Пойдем, пора домой. Хватит разгуливать по горам. Пора вниз.*

— Десятый шаттл вернулся!

В считанные секунды весть о возвращении шаттла № 10 облетела поселок. Крошка Вилл, Паки и все остальные собрались на центральной площади Мийры. Солнце палило нещадно, в воздухе струился зной. Перед импровизированной трибуной стоял Вощеный, потрясая пачкой бумаг:

— Я получил это от Бородавки в Тарзаке! — Он разложил перед собой бумаги и принялся читать. — По ту сторону океана лежит еще один континент. Именно там приземлился второй шаттл. Его радио исправно.

Так обитатели Мийры узнали, что второй шаттл был обнаружен на другом берегу океана, на континенте, который пассажиры шаттла успели прозвать Срединным. При падении второго шаттла сто двадцать циркачей погибли. Среди них цирковой хирург. Костолом Боб Несби получил смертельные травмы, когда шаттл при соприкосновении с землей пропахал носом взлетно-посадочную полосу. Таким образом, все медицинское знание на Момусе оказалось сосредоточено в голове и руках двух человек — Маккорки по прозвищу Бархатные Пальчики, помощника покойного хирурга, и ветеринара Мейнджа Рейнджера. Ледфут оставил команде второго шаттла указания, как добраться до Тарзака. Сооружение судна уже шло полным ходом.

Жители Мийры принялись расспрашивать о друзьях и близких, совершивших посадку на втором шаттле.

Фрэнк Джиллис, режиссер детского шоу, — погиб.
На-на, женщина о двух головах, — погибла.
Под, трехногий уродец, — лишился ноги.
Дик Собачья Морда, Человек-Волк, — жив.
Великанша Сью, — жива.
Тина и Вина, карлицы, — обе живы.
Озамунд, факир, — жив.
Мадам Зельда, гадалка, — жива.
Ускользающий Саша, эскапист, — мертв.
Губошлеп, зазывала, — жив.

Говорун, зазывала, — жив.
Чепчик Мовилл, владелец тира, — жив.

Вощеный закончил читать списки живых и погибших, после чего вернулся к докладу Бородавки.

По данным, полученным десятым шаттлом, имеется возможность прокладки дороги через Высокогорье к северу от Куумика, а также через топи и джунгли от Куумика к Мийре. Склоны гор там довольно пологие, осушать болота не нужно, естественную преграду представляет небольшая река.

Экспедиция из Куумика преодолела пустыню и достигла Тарзака. Во время перехода члены экспедиции питались кореньями, которые добывали в пути. От солнца их защищали просторные накидки с капюшонами, изготовленные из цирковых костюмов. Экспедиция докладывает, что им встретилось большое количество глубоких разломов в земле (что подтверждается также разведкой десятого шаттла), из которых вырывается огонь. Предположительно, это горят крупные запасы природного газа. Экспедиция использовала эти «естественные горелки» для приготовления пищи, а также для обогрева ночью, когда температура воздуха резко понижалась.

Стало известно, что в океане разбросаны острова, самой разной формы и размеров; обнаружен еще один гигантский континент, заросший джунглями, — с высокими горами и обширными нагорьями. Затем десятый шаттл перелетел обширное море и вернулся на наш континент.

Поскольку он расположен между Срединным и Западным континентами, то огромная тектоническая плита, на которой совершили посадку девять из десяти шаттлов «Барабу», отныне именуется Центральным континентом. Срединный пусть остается Срединным, а расположенный к западу от Центрального получил название Западного.

Отпустив несколько язвительных комментариев по поводу оригинальности названий, Вощеный продолжил доклад.

Море к западу от Центрального именуется Западным, а то, что раскинулось между Центральным и Срединным континентом, — море Барабу. До посадки в Тарзаке десятый шаттл засек нечто вроде гигантского разлома, прорезавшего северную часть Центрального континента. Скалистая вершина, кото-

рую видно из гавани Тарзака, — не что иное, как южная оконечность этого разлома. Ледфут Синс, старший пилот шаттла № 10, считает, что в будущем близ Тарзака, вероятно, время от времени будут происходить землетрясения.

Измерения и расчеты, произведенные экипажем шаттла № 10, показали, что на Момусе практически не бывает зимы, а местный год по продолжительности равен восьми десятым земного и делится на триста четыре дня, причем продолжительность суток составляет около двадцати трех часов. Бородавка разделил эти триста четыре дня на десять месяцев — по пять шестидневных недель каждый. Год начинался Маем, за которым, соответственно, следовали Дождевик, Грязевик, Ветряк, Громовик, Градобой, Потоп, Трясун, Тихач и Зимник. Дни недели назывались Трудильник, Тоскливник, Стадник, Лоботрясник, Деньжатник и Передышник.

Чтобы заполнить оставшиеся четыре дня, Бородавка придумал дополнительный месяц — Гастрольный Сезон, дни которого назывались Прибытие, Шапито, Парад-Алле и Занавес. Полночь Занавеса, четвертого дня Гастрольного Сезона, будет памятной датой Катастрофы.

Вощеный отложил текст доклада в сторону:

— Еще пару слов о дополнительном месяце, Гастроли. Бородавка предлагает всем прибыть в Тарзак для парада.

Среди обитателей Мийры пронесся ропот. Паки Дерн вышел вперед и воскликнул:

— Наши слоны обязательно будут там — при всем параде! — Он обвел взглядом притихшую толпу, затем повернулся к Вощеному. — А сколько еще ждать до этих Гастролей? Какой сегодня день?

Вощеный внимательно изучил очередной лист бумаги.

— Одну минуточку. С момента крушения прошло двести шестьдесят восемь дней — м-м, значит, сейчас у нас Зима. Восьмое число, Тоскливник. Значит, до Гастролей осталось всего двадцать два дня.

Паки обвел глазами присутствующих:

— Моя дорожная бригада! Придется пошевелиться. Через два часа мы присоединимся к бригаде главного наездника, чтобы помочь ребятам завершить спуск с Утеса Ветров. Оттуда мы прямиком направимся в Тарзак, чтобы принять участие в параде.

Глава 10

Строительство дороги Тарзак-Айкона было завершено, и наконец наступило Прибытие, первый день Гастрольного Сезона. Крошка Вилл восседала верхом на спине Рег, возглавляя процессию слонов, направляющуюся из Мийры в Тарзак. Каждое животное тащило за собой повозку, груженную лесом. Лошадей тоже запрягли в повозки — в них ехали жители Мийры и обитатели Изумрудной долины. В обмен на строевой лес слоны повезут назад металл и прочее снаряжение с шаттлов, а также соленую рыбу. Пассажиры шаттла № 2 не смогут присутствовать на Гастролях — они все еще заняты строительством судов. Но зато Куумик будет представлять делегация, специально для этого преодолевшая пустыню.

Рег остановилась на перепутье дорог, которые вели в Сину, через пустыню и к Тарзаку. Крошка Вилл дотронулась стеком до холки, указывая слонихе, куда следует сворачивать. Вилл закрыла глаза и попыталась представить парады былых времен. Тогда на ней был яркий костюм, слоны сверкали блестками, а трубачи исполняли задорные марши. Но костюмы, блестки и трубы пришлось выбросить, когда «Барабу» пытался выйти на орбиту вокруг Момуса.

И какая разница, на какой планете состоялся очередной парад? Ее обитатели — какими бы они ни были — всякий раз приходили взглянуть на него и поприветствовать артистов на свой манер. Крошка Вилл открыла глаза и увидела, что Рег шагает по металлическому мосту перед въездом в Тарзак. Ликующей толпы здесь не оказалось. Выбеленные хижины городка стояли ровными рядами в лучах солнца, а их жители занимались своими делами. Слонов они уже насмотрелись на своем веку, а вот работа — ее никак не бросишь.

Навстречу Вилл со стороны Тарзака выехал верхом на лошади Паки Дерн.

— Крошка Вилл, веди колонну через весь город на площадь на той стороне. Мы там устроили временное пристанище для слонов.

Крошка Вилл кивнула. Паки, издав нечто вроде петушиного клекота, поехал впереди. Вилл вздохнула и легонько похлопала слониху позади правого уха:

— *Еще немного, Рег. Ведь это же парад?*

В глубине джунглей, вдали от Мийры, неся в руках только что собранные фрукты, на поляну вышел Вако-Вако. Сквозь высокую траву он прошел к построенной из древесной коры хижине. Нагнувшись, шагнул в низкую дверь и положил ношу на каменную плиту. Вернувшись на улицу, он поднял взгляд на безоблачное небо, затем перевел глаза вниз на землю и отправился к возвышению посреди поляны. Приблизившись к поросшему мхом холмику, он услышал их голоса.

— *Вако-Вако! Поговори с нами, Вако!*

— *Мы не виноваты, Вако! Пожалуйста, поговори с нами!*

Вако внимательно осмотрел мох, попробовал пальцами, достаточно ли он влажный, и выпрямился.

— *Я обещал вашим родителям позаботиться о вас. Но я не обещал им развлекать и баловать вас.*

Он отвернулся:

— *Если вам хочется поболтать — говорите между собой.* — С этими словами он зашагал прочь от холмика.

— *Вако! Не уходи от нас! Куда же ты, Вако?*

Когда заклинатель змей оказался вне досягаемости их мыслей, он остановился и снова посмотрел на мшистый холмик. Как-то раз ночью, дней двадцать назад, ему приснился сон. Ему снилось, будто он идет через лес драгоценных камней — все в нем, и листья, и плоды — из ярких самоцветов, а под ногами у него — шелковый ковер. Когда Вако очнулся, то оказалось, что он по самые колени увяз в зыбучем песке.

Яйца тогда рассмеялись — хорошую шутку они сыграли над ним. Спустя четыре часа Вако наконец сбросил с себя песчаные оковы и рухнул на лесную траву. На следующее утро он перенес яйца в центр поляны, а свое спальное место устроил там, куда не могли долетать их мысли.

Вако пристально посмотрел на холмик, стараясь при этом почувствовать внутри себя хотя бы искорку душевного тепла. Увы, того, что он искал, в его сердце не оказалось.

Послышался громкий всплеск. Вако пригнулся, повернув голову в сторону небольшого озера рядом с его поляной. Он

сощурил глаза, но слепящее солнце и тени джунглей вокруг воды мешали ему разглядеть, что там. Крадучись, Вако начал продвигаться в сторону озера.

Он ощущал, что за ним наблюдают, и даже успел заметить, как какое-то гигантское существо поспешило скрыться из вида. Когда Вако дошел до того места, где оно стояло несколькими секундами ранее, то уловил странный запах, а взору его предстала широкая полоса примятой растительности. Спасаясь бегством, неизвестное существо проложило в джунглях дорогу шириной около пяти метров. Деревья толщиной в ладонь были раздвинуты в стороны, словно у них не было корней.

Дойдя до деревьев, росших почти у самой кромки воды, Вако пригнулся еще ниже и прислушался. В знойном воздухе до него доносилось лишь жужжание насекомых, кружащих над гладью озера. Он крадучись двинулся сквозь деревья, а затем притаился за кустом. Вода справа от него покрылась легкой рябью. Он обернулся, и среди разбросанных вдоль берега камней увидел обнаженную женщину. Она сложила пригоршнями ладони, зачерпнула воды и ополоснула лицо. Затем наклонилась и окунула в воду свои длинные черные волосы. Выпрямившись, она скрутила их в тугой жгут, выжимая воду. Вако пристально вглядывался в ее маленький рот, курносый носик и раскосые глаза. Затем выпрямился, подошел к кромке воды и крикнул:

— Эй, Хана Санаги, я тебя вижу!

Комета вздрогнула, но, увидев, что перед ней Вако, отпустила косу.

— Вако. А все говорили, что тебя нет в живых.

Она снова опустила руки в воду и ополоснула грудь. Обернувшись к Вако, Комета съязвила:

— Значит, подглядываем?

Вако отвернулся:

— Извини. Никак не ожидал увидеть тебя здесь.

Хана выпрямилась:

— И я не ожидала. Можешь смотреть, сколько хочешь. Если верить тому, что о тебе говорят, тебя не стоит опасаться.

Вако нахмурился:

— Что ты хочешь этим сказать?

Хана отошла от воды, вытерла ладонями капли влаги на теле и подобрала под деревом одежду. Вернувшись к воде, она села на камень и принялась полоскать одежду.

Вако направился вдоль берега, дошел до того места, где сидела Комета, и встал позади нее.

— Я спросил тебя, что ты хочешь этим сказать?

— Ведь ты не мужик. Все это говорят. Столько лет прожить — сначала с Бансом, а затем со Здоровяком.

Вако залился краской и отвернулся:

— Не верь всему, что говорят.

— Значит, так или не так?

Вако опустился на землю и прислонился спиной к дереву:

— Что «не так»?

— То, что ты не мужик.

Комета кончила выкручивать белье и направилась к большому гладкому валуну, раскалившемуся от жгучих лучей полуденного солнца. Она разложила белье на просушку.

Вако покачал головой, взял в руки прутик и сгибал его, пока тот не сломался.

— А это никого не касается. — Он снова посмотрел на бывшего пилота.

Комета растянулась на соседнем валуне, рядом с тем, на котором сохла ее одежда.

Вако бросил на землю сломанный прутик:

— А что ты здесь делаешь?

Хана улыбнулась, проведя руками вдоль тела — от груди к бедрам.

— А вот это тебя не касается. — Она вытянулась на солнце, расправила волосы и подложила руки под голову.

— Как там твои яйца, Вако? Живы?

— Живы. — Вако потер глаза и посмотрел на Комету.

Она повернула голову в его сторону, потом закрыла глаза и подставила лицо жаркому солнцу.

— Я ушла, когда они начали кромсать третий шаттл на топоры и лопаты. Они там строят дорогу, которая свяжет все шаттлы. Я долго скиталась. Пару раз была на грани, пыталась свести счеты с жизнью. — Комета пожала плечами. — Но что-то меня удержало. — Она посмотрела на Вако. — Послушай, а ты видел уже этих ящериц, что живут в болоте?

Вако покачал головой:

— Нет, но пару раз мне это почти удалось. Судя по их следам, они немалых размеров.

Комета рассмеялась:

— Скажем так — очень даже крупные. Я разглядела одну из них, когда та нежилась в грязи. Наши слоны по сравнению с ними — котята. — Комета пожала плечами. — Но когда эта «крошка» увидела меня, она опрометью бросилась наутек, словно у нее хвост загорелся.

Какое-то время Вако и Комета молчали. Заклинатель змей не сводил глаз с обнаженной женщины.

— Хана.

— Что тебе, Вако?

— И что ты сейчас испытываешь? Я имею в виду наш третий шаттл.

Комета открыла глаза, глядя в бездонное небо. Затем она села и принялась деловито переворачивать разложенную для просушки одежду.

— Я изжила в себе память о нем. Не знаю, сколько времени я бродила по джунглям, но постепенно стала ловить себя на том, что проходит день, два и я совершенно не думаю о нем.

Комета перевернулась на живот:

— Я уже свыклась с этим. Теперь я исследую джунгли. Интересное местечко, скажу я тебе. Мне даже не хочется возвращаться к народу. Пока что. А может, и совсем. — Комета подняла голову. — Вако!

— Что?

— Так ты мужик или нет?

Заклинатель змей улыбнулся, уставился в землю и пожал плечами:

— Не знаю. — Лицо его приняло серьезное выражение. — Я разочаровался во всех и вся. И поэтому не хочу рисковать.

— Так ты у нас девственник? И так, и эдак?

— Во всех отношениях. — Вако поднял с земли еще один прутик и, глядя на небо, принялся бесцельно вертеть его в руках. Затем он опустил голову и печально произнес: — Во вселенной столько несчастных людей, Хана. Так что я не одинок.

Комета пристально посмотрела на заклинателя змей:

— Вако, а сколько понадобится времени, чтобы из яиц вылупились змееныши?

Вако вздохнул, пожал плечами:

— На Ссендиссе этот период занимает двести восемьдесят земных лет. — Он поднял руку к небу. — Если учитывать разни-

цу в климате, в силе тяжести, в составе почвы — не знаю. Не берусь утверждать, что они вообще доживут до этого момента.

Хана задумчиво опустила голову на руку:

— Да, немалый срок.

— Еще какой немалый.

— Вако, моя одежда высохла. А теперь покажи мне, где ты здесь обитаешь.

Заклинатель змей вскочил на ноги:

— А зачем тебе это?

Комета поерзала на поверхности горячего камня:

— Ну, не знаю. Если ты не против, я могла бы предложить себя в кухарки. Ты вон как отощал, скоро даже тени от тебя не будет. И вообще, двести восемьдесят лет — немалый срок.

Бывший заклинатель змей снова опустился на землю и пристально посмотрел на бывшего пилота.

Глава 11

После того как для Открытия Гастролей все собрались на поле рядом с Тарзаком, из бревен развели огромный костер. Сначала народ лакомился рыбой, специально приготовленной по этому случаю командой поваров, затем взялся за кружки с брагой. Солнце уже клонилось к закату, когда Черныш Скуоб, признанный мастер литографии, и его искусный помощник Меф принялись раздавать новенькие, только что из-под печатного станка, карты Момуса.

— Только, пожалуйста, не сгибайте бумагу, а то она треснет.

— Черт возьми, Черныш, от тебя несет, как от бочки протухших сардин!

— Это краска. Осторожно, только не размажьте ее. Она еще не до конца высохла.

— А сколько вообще ей сохнуть?

— Не знаю. С сухой картой я еще не имел дела.

— Черт возьми, Черныш, не стой против ветра.

— А из чего сделана твоя бумага?

— Молоко корня кобита, глина и одно волокнистое растение — там целые заросли в дельте, я же говорил, только не сгибайте. Ладно, вот тебе еще один экземпляр.

— Спасибо.

— Послушай, Черныш, а это что за глисты такие? Черт, бумага у тебя какая-то комковатая.

— Это дороги. Надень-ка лучше очки. Сколько раз вам говорить — не сгибайте!

— Очки мои накрылись где-то в ущелье Змеиной горы.

— Не ври. Скажи, что читать не умеешь. Повторяю — бумагу не сгибать, краску не размазывать.

Чем дольше собравшиеся всматривались в карту, тем заметнее стихало веселье. В сравнении с размерами планеты проделанная за год работа казалась песчинкой в безбрежном океане. И сами себе первые колонисты Момуса казались песчинками, крошечными и беспомощными.

Возлияния продолжались все активнее. Когда солнце зашло за горизонт, а небо окрасилось в фиолетовые оттенки, в костер в середине поля подбросили новых поленьев. Люди сидели, наблюдая, как пляшут языки пламени. Шайнер Пит сидел рядом с Крошкой Вилл. Взявшись за руки, они тоже смотрели на огонь.

Сидевший по другую сторону костра Дирак поднялся на ноги и, шатаясь, вышел вперед, держа в руке кружку с брагой. Он обвел присутствующих пьяным взглядом:

— Ну и какого хрена мы будем делать дальше? Что дальше-то?

Паки Дерн выкрикнул с места:

— Строить дорогу Мийра—Куумик.

— Накося! — Дирак затряс головой. — Хватит с меня ваших гребаных дорог! Что нам делать, чтобы поскорее убраться из этой вонючей дыры?

Дирак вновь обвел взглядом сидящих у костра:

— Эй, Ледфут, где ты?

Ледфут помахал рукой:

— Здесь. Никуда мы не полетим. Мы на приколе. Так что даже не надейся.

— Как это — не надейся? — Дирак обошел костер и встал напротив Ледфута. — У нас же есть десятый шаттл.

Ледфут пожал плечами:

— Ну и что, что у нас есть десятый?

— И ты не можешь ничего придумать?

Ледфут покачал головой и рассмеялся:

— Я пилот и знаю, что говорю. Даже если мы поднатужимся, соберем все имеющееся у нас топливо, его не хватит и на одну понюшку. Ну выведем мы нашу железную птицу на орбиту. А потом? Прогулочный полет? Через пару миллионов миль у нас кончится воздух. Чем меньше народу возьмем — тем дольше протянем.

— А система очистки?

Ледфут покачал головой, посмотрел на Дирака и вновь покачал головой, затем встал и вышел к костру.

— Даже если забыть про проблему с воздухом, да и с водой и с питанием тоже, то при максимальной скорости, какую я только могу выжать из нашего десятого, понадобятся тысячи — подчеркиваю, тысячи лет, — прежде чем мы достигнем галактической трассы. — Ледфут снова покачал головой и обвел взглядом присутствующих. — Пока я пилот, идею светового двигателя можно похоронить. — Ледфут вопросительно поднял руки. — Кто-нибудь из присутствующих разбирается в световых двигателях? — Ответом было всеобщее молчание. — Хоть одна живая душа? — Ледфут засунул руки в карманы и снова обвел взглядом сидящих у костра. — Сам я о световых двигателях знаю самую малость. Например, то, что для постройки такого двигателя — если, конечно, найдется специалист — необходимо гигантское промышленное предприятие, причем только для изготовления компонентов. А сколько поколений будут трудиться для того, чтобы наладить это производство!

Он замолчал и посмотрел в огонь.

— И кроме того, единственный световой двигатель, о котором я имею представление, слишком велик для нашего десятого. Значит, корабль нам тоже придется строить. — Ледфут посмотрел на бывшего ответственного за афиши. — Да мы, Дирак, не знаем даже, как собрать космический радиопередатчик. — С этими словами Ледфут вернулся на свое место.

Дирак потер шею и швырнул кружку в костер.

— Черт! — и тоже занял место в кругу сидящих.

Снова воцарилась тишина, нарушаемая только потрескиванием поленьев. С другой стороны круга поднялась худощавая фигура.

— Большинство из вас не знает, кто я такая. Меня зовут Рода Лернер, я работаю в костюмерной. Я пришла в цирк совсем недавно, на Ахигаре, как раз перед тем как... это произошло. — Рода нахмурилась. — Мне бы хотелось кое-что выяснить. Что, собственно, произошло? Я уже почти год с вами и все пытаюсь понять. Но вы как воды в рот набрали. Все отказываются говорить об этом. Почему?

Она обвела взглядом лица собравшихся. Со своего места, потирая подбородок, поднялся Бородавка.

— В прошлый сезон к нам пришло много новичков. Карл Арнхайм устроил на «Барабу» диверсию, и вот мы здесь, и, похоже, надолго. Между Арнхаймом и Джоном О'Харой уже давно шла вражда. Компания Арнхайма построила для О'Хары корабль, но потом отказалась продавать его цирку. Вместо этого Арнхайм задумал продать наш звездолет кое-кому еще, заломив за него двойную цену. О'Хара выцарапал-таки корабль у Арнхайма, прежде чем тот успел заключить сделку. О'Хара заплатил за корабль. Но Арнхайм не успокоился. С тех пор он стал преследовать нас. — Бородавка вытянул вперед руки. — Правда, теперь он мертв.

Со своего места поднялся Мейндж Рейнджер, ветеринар:

— Бородавка, не забывай одного. У Арнхайма с головой было не в порядке. — Мейндж Рейнджер огляделся по сторонам. — Костолом сказал мне это еще на корабле, когда освидетельствовал тело Арнхайма.

Мейндж вернулся на место.

— Похоже на то, — пожал плечами Бородавка и тоже вернулся на свое место.

Рода из костюмерной какое-то время постояла у костра, но, посмотрев на лица присутствующих, тоже решила сесть на место. Ответственный за купол Раскоряка Тарзак сидел, покачивая головой. Крошка Вилл наклонилась вперед и потрясла его за руку:

— Раскоряка!

Но тот продолжал трясти головой.

— Черт побери, Крошка Вилл. Если мы ничего не придумаем, нам тут всем хана. — Он обвел взглядом сидящих вок-

руг костра и ткнул в их сторону пальцем. — Ты только посмотри. Между прочим, они собрались на праздник. И это называется веселье? — Раскоряка опустил руку. — Нет, ты только посмотри.

Крошка Вилл посмотрела на лица собравшихся. На каждом из них лежала печать задумчивости. На каждом из них читалось: «Все. Приплыли. Крышка. Кранты...»

Внезапно ей в нос ударил тошнотворный запах, и чья-то испачканная чернилами рука вручила Крошке Вилл зловонную карту Момуса. Запах распространился куда-то дальше, а Крошка Вилл принялась изучать линии и цветовые пятна, обозначавшие поверхность планеты, на которой она в данную минуту находилась.

Пока она рассматривала карту, печальные лица вокруг нее сложились в иную картину. Взору Вилл предстала геологическая складка, уничтожившая недельный труд в ущелье Змеиной горы; Дурень Джо, рассуждающий о том, как бороться с призраками; Паки, подавленный тем, что кто-то попытался придать уют его временному пристанищу; Шайнер Пит с его рассуждениями о том, что можно загубить артистов и загубить животных, но нельзя загубить цирк.

На карте хорошо был виден гигантский разлом, протянувшийся от гавани Тарзака прямо к северной оконечности Центрального континента. Названия у этой гигантской трещины еще не было. Внезапно у нее в голове все сложилось в стройную картину — место, ситуация, настроение, то, каким должно быть это имя. Вилл закрыла глаза и мысленно перебрала присутствующих. Наконец она нашла то, что искала, и выдохнула:

— Ах-ха!

Все дружно обернули головы в сторону, откуда вырвалось это восклицание. Клоун Чолли Джакоби вскочил на ноги и вышел к костру. Он постоял немного в задумчивости, приблизив карту к огню, чтобы разглядеть, что на ней написано, но затем опустил ее и огляделся по сторонам.

— Черныш!

Картограф поднялся с места и подошел к нему:

— В чем дело?

Чолли ткнул в карту пальцем:

— Что это такое?

Черныш пожал плечами:

— Не знаю, какая-то гора. Так ее нарисовал Ледфут.

— Понятно, понятно, — закивал Чолли.

Черныш вернулся на место; остальные же, наоборот, повскакали со своих мест и устремились к костру выяснять, что же вызвало такой интерес у клоуна. Чолли повернулся к Ледфуту:

— Эй, Ледфут, что это за хренотень?

Ледфут поднялся и подошел к клоуну посмотреть, куда тот тычет пальцем.

— А, это. Это геологический разлом. Он начинается чуть севернее Тарзака, — Ледфут указал место на карте, — и тянется до самой северной оконечности континента — насколько мне было видно с орбиты. Понимаешь, это такая гигантская складка земной коры. Возможно, в этом месте одна тектоническая плита наехала на другую. Так что не исключено, что время от времени нас будет здесь потряхивать.

Чолли посмотрел на Ледфута:

— А почему у нее нет названия?

Ледфут изумленно уставился на клоуна:

— А как, по-твоему, я должен был ее назвать?

Чолли фыркнул:

— Неужели не ясно? — и он обвел взглядом присутствующих. — Разлом Арнхайма.

Секунд десять все в немом изумлении смотрели на клоуна, затем начали раздаваться смешки. Смахивая набегающие на глаза слезы, люди — кто карандашом, кто кусочком угля — принялись наносить название на свои карты. Верно, это был Великий Разлом Арнхайма.

Чолли галантно снял с головы воображаемую шляпу, поклонился и вернулся на свое место.

Той ночью циркачи ели, пили и пели старые цирковые песни. Доктор Уимс нанял наездника и четырех лошадей, съездил в гости к первому шаттлу и вернулся с паровым органчиком. Органчик удалось раскочегарить, и под свист пара, визг и хохот призрак Карла Арнхайма бесследно исчез под небом Момуса.

В последующие три дня клоуны, жонглеры, наездники и другие артисты показывали свои номера. Крошка Вилл гордо стояла рядом с Рег, пока другие слоны демонстрировали свое искусство на импровизированной площадке, огороженной

бревнами. В день Закрытия Гастролей артисты разъехались по своим городкам, чтобы на следующий день вернуться к ежедневным трудам и заботам. Вряд ли бы кто-нибудь взял на себя смелость утверждать, что они были похожи на артистов, и все-таки, пусть всего на несколько дней, но цирк вернулся.

Глава 12

По возвращении в Мийру большинство участников строительной бригады взялись за починку упряжи, повозок и инструментов. Остальные отправились возводить деревянный мост через Разлапистый Ручей, чтобы наконец открыть первый участок южного маршрута Мийра—Куумик вокруг Столового озера.

Утром того дня, когда состоялось открытие моста, дрессировщики привели к месту события слонов. Серые гиганты двигались из крааля величественной процессией — в утренней тишине лишь тихонько позвякивала сбруя да содрогалась земля, как бывает всякий раз, когда по ней ступают сразу несколько слонов.

Животным скомандовали остановиться. Как только слоны замерли на месте, перестала содрогаться и земля; зато мерный гул их шагов сменился ликующими возгласами, проклятиями, ругательствами разной степени крепости и другими проявлениями нежных чувств. Это конюхи и лесорубы прибыли сюда со своими повозками. Солнце поднималось все выше и выше. Когда серый рассвет сменился яркими красками, в хвосте колонны появилась Повариха Джо Вейн со своей походной кухней.

Мысли в голове Крошки Вилл перескакивали с одного воспоминания на другое, когда она участвовала в подобных процессиях. Не одно холодное безрадостное утро выпало ей провести в ущелье Змеиной горы рядом с Рег. Но были в ее жизни и другие минуты, когда, сидя у отца на плечах, она шествовала рядом с Минг. Сколь разные небеса — красные, оранжевые, голубые, фиолетовые — смотрели сверху на шествие серых гигантов. Иногда воздух бывал таким сухим, что язык, казалось, прилипал к нёбу. На какой-нибудь другой пла-

нете, в незнакомом городе, иногда бывало так влажно, что к тому моменту, когда солнце скатывалось за горизонт, одежда успевала промокнуть до нитки. А на других планетах с утреннего неба на них порой сыпались снежные хлопья, таявшие прямо на глазах, стоило им только упасть на землю.

Крошка Вилл посмотрела на стек с золотым наконечником и тотчас вспомнила отца, с его помощью отдававшего команды Минг. В цирке случалось гибнуть и слонам, и дрессировщикам. Или же они просто старели и исчезали куда-то. Но чем больше менялся цирк, тем сильнее он становился для нее той постоянной точкой, вокруг которой вращается вечно меняющаяся вселенная. Вилл обернулась на процессию. Найдя глазами Минг, она не сводила с нее взгляда, пока кто-то не помахал ей рукой. Это Шайнер Пит садился в повозку.

— *Ну как, вы готовы, Вилл?*

Вилл помахала ему в ответ:

— *Готовы.* — Она повернулась к Рег и похлопала ее по плечу. — *Ты готова, моя красавица?* — Рег только фыркнула в ответ и кивнула головой.

— Крошка Вилл!

Вилл увидела, что Паки машет ей рукой, подзывая к себе. Вилл подошла к нему. Начальник слонов держал в руках карту. Он указал ей на новые линии и закорючки, нанесенные командой первопроходцев.

— Черт побери, что бы это значило?

Вилл посмотрела сначала на карту, затем на Паки и сказала:

— Это значит «топкое место». Следуйте вдоль северной тропы.

Паки медленно покачал головой и снова подозрительно взглянул на карту:

— Да, видимо, все дело в моих очках, а не в почерке Коротышки Морта. — Он посмотрел на Крошку Вилл. — Как, по-твоему, сможешь ли ты одновременно читать карту, следить за расставленными вехами, а заодно подгонять Рег?

— Смогу, почему бы нет?

Паки потер подбородок и указал в сторону моста:

— Как только перейдем мост, переведи Рег во главу колонны. Что-то мне не очень хочется увязнуть где-нибудь в зыбучих песках только потому, что очки у меня ни к черту не годные.

Крошка Вилл посмотрела на карту:

— А что Мейндж говорит про твои глаза?

— Кто? Этот ветеринаришка? — Паки махнул рукой, давая понять, что не желает обсуждать эту тему. Затем изумленно поднял брови и одарил Вилл возмущенным взглядом. — Только ты, пожалуйста, не копайся у меня в голове без моего разрешения, да и у других тоже. Поняла?

Обернувшись, они увидели, что из своего дома к ним направляется Вощеный. Он бросил взгляд куда-то мимо моста в сторону южной оконечности озера, затем обратился к Паки:

— Ну как, готовы?

— Почти.

От Крошки Вилл не скрылось, что Вощеный вечно ходит нахмуренный.

— Доброе утро, Вощеный!

Он покачал головой:

— Я дам вам знать.

— Что-нибудь не так?

Паки внимательно посмотрел на новоявленного архивариуса.

— Вощеный, у тебя вид, будто ты влип в большие неприятности.

Вощеный фыркнул, потер подбородок и указал пальцем на юг:

— Вчера ночью из Тарзака пришел Черепашка Агдок. Представляешь, какое новое поручение дал мне Бородавка? Теперь я должен с каждым вести беседы и записывать воспоминания о цирке.

— И что в этом такого?

— Если учесть количество нашего народу, представляешь, сколько это займет времени? А Бородавка хочет, чтобы к следующим Гастролям в Тарзаке все записи уже были готовы. А на чем прикажете записывать? Скуоб за весь месяц не прислал и листа бумаги. Я уже вынужден вести эти чертовы записи на стенах дома.

Паки усмехнулся и покачал головой:

— Такое впечатление, что ты наконец нашел свое призвание.

Крошка Вилл положила руку на плечо Вощеного:

— Смотри на это как на подвиг.

Вощеный сбросил ее руку:

— Ладно, ребята, кому-кому, а только не вам отпускать шуточки в мой адрес. — Затем он посмотрел на Паки. — Между прочим, я вовсе не обязан этим заниматься. Можно подумать, мне за это платят!

Крошка Вилл ткнула в него пальцем:

— Еще как платят. Трэверс дал тебе целый мешок кореньев за то, что ты поженил их с Бубновой Мэри. — С этими словами она обернулась к Паки. — А сколько ты заплатишь нашему Вощеному, чтобы он обвенчал тебя с Поварихой Джо?

Паки презрительно фыркнул в ответ:

— А зачем мне жена, скажи пожалуйста? С меня и слонихи достаточно.

Крошка Вилл притворно нахмурилась:

— Как, ты не знаешь?

Вощеный замахал единственной своей рукой:

— Хватит, прекратите. У меня нешуточные проблемы.

Вощеный перешел на шепот и наклонился поближе к Паки.

— В том-то все и дело, — и он ткнул себя пальцем в грудь, — что я женю людей. Разрази меня на этом месте, Паки. Подж Лодер заявился ко мне после того, как я поженил Трэверса и Бубновую. И знаешь, что он сказал мне? «Гореть тебе в аду синим пламенем!»

— И ты теперь места себе не находишь?

— Нет, не в этом дело, — вздохнул Вощеный. — Просто и другим приспичило пожениться. Узнай об этом Подж, он будет сыпать проклятиями все двадцать три часа в сутки. — Вощеный посмотрел на Крошку Вилл, затем на Паки. — А что, если он прав? Кто я такой, чтобы женить людей?

Крошка Вилл хитро улыбнулась:

— Вощеный, признайся, ну кто лучше тебя умеет затягивать узлы?

Вощеный на мгновение уставился на Крошку Вилл, а затем произнес:

— Если ты, бесстыдница, не хочешь иметь со мной неприятностей, советую тебе не копаться в моих мыслях. — И он снова переключил внимание на Паки. — Послушай, я вот зачем к тебе пришел, не мог бы ты у себя в бригаде подыскать какую-нибудь работу для Дот Пот.

— А что ей теперь делать, тем более Квини погибла. Почему это ты вздумал отправить ее из поселка?

— Почему, почему? — Вощеный понизил голос. — Липнет она ко мне. Уже совсем доконала.

Паки только развел руками:

— А что я могу? Подвести ее к алтарю?

Вощеный резко повернулся и зашагал назад к дому:

— Чертовы дрессировщики! Всю жизнь копались в слоновьем дерьме, потому теперь в голове у них не мозги, а это самое дерьмо.

Кто-то окликнул Паки со стороны колонны. В ответ он помахал над головой стеком, затем обратился к Крошке Вилл:

— А теперь живо за работу! Нам еще предстоит расчистить лесные завалы и обустроить место для лагеря.

Вилл направилась назад к Рег. Паки крикнул ей вслед:

— Эй, одну минуточку! — Вилл обернулась в его сторону. — И заодно оставь всю эту чушь про Повариху Джо. А то еще неизвестно, что взбредет в ее дурью башку.

Паки легонько подтолкнул слониху, и процессия медленно взялась с места. В прозрачном утреннем воздухе сотня ног подняла вверх дорожную пыль, и колонна двинулась через мост над Разлапистым Ручьем.

Где-то посреди Великой топи Вако-Вако пробудился от тревожного сна. Он приподнялся на локте и обвел взглядом свою убогую хижину. Все было таким же, как и прежде, если не считать небольших усовершенствований, сделанных рукой Кометы. Вако посмотрел на занавеску из травы, отделявшую их спальные закутки друг от друга.

— Комета, — прошептал он.

Ответа не последовало, Вако снова улегся на циновку и закрыл глаза. Он вновь пытался погрузиться в сон, но ему мешали странные, неприятные мысли. Они с Кометой жили как брат с сестрой. Ее присутствие, которое Вако-Вако поначалу воспринял как вторжение в его отшельничество, внесло в его жизнь приятное разнообразие, превратилось в неотъемлемую часть существования. Перед мысленным взором предстал образ пилота третьего шаттла. Хана Санаги. Длинные темные пряди волос и нежная, слегка смугловатая кожа. Лицо — то веселое, то задумчивое, то чувственное...

Вако резко сел на циновке.

— Ах ты, безмозглый ублюдок! — тихо сказал он в собственный адрес. — Ты снова попался. Это любовь, черт ее побери. Любовь.

И хотя казалось, будто это произошло вчера, на самом деле не один месяц прошел с той ночи, когда они с Кометой сидели друг напротив друга возле костра. Хана что-то говорила. Вако поймал себя на том, что не слушает ее, а только, как завороженный, следит за движениями ее губ, за едва заметной игрой мускулов под нежной кожей шеи, за трепетом длинных ресниц, блеском темных глаз. И он тотчас заставил себя остановиться — буквально заморозил в себе все, что мог или еще сможет почувствовать. Он ушел от костра в темноту и стал возле холмика, где зарыты яйца.

— Ты любишь нас, Вако? Ты ведь не уйдешь с этой самкой? Не бросишь нас?

Вако посмотрел на звезды:

— Конечно, не брошу.

— Мы ощущаем твои чувства, Вако. Внутри тебя идет борьба. Кто позаботится о нас, если ты уйдешь с ней?

Вако опустил взгляд, потер глаза и покачал головой:

— Я не брошу вас. Я обещал вашим родителям.

— Ты думаешь, Вако, будто тебе неведомы чувства. Но мы ощущаем их даже сквозь тот панцирь, что ты возвел внутри себя. Ты испытываешь чувства, Вако. Ты любишь эту самку.

— Молчать! — Вако глубоко вздохнул. *— Какая вам разница? Нечего даже волноваться. Я дал обещание вашим родителям.*

Он обернулся на желтые отблески костра. По ту сторону огня стояла черная стена джунглей, а над ней бездонное ночное небо. Почти в середине светлого пятна, опустившись на колени, Хана Санаги готовила чай из листьев какого-то дикорастения. Этот свет, эта женщина — центр его маленькой вселенной. Но все-таки он надел поверх себя защитную броню равнодушия. Не будет — никогда и ни за что — никакой любви.

Ведь любить — значит рисковать слишком многим.

Вако вернулся к костру, выпил чаю с лепешкой и сделал вид, будто слушает рассказ Ханы о том, как она пыталась поймать и приручить одно из этих болотных чудовищ. Он даже

вставил несколько реплик, отодвинув внутреннюю борьбу куда-то на задворки сознания.

Вернее, ему казалось, будто он ее туда отодвинул. И вот теперь он сидел на циновке и проклинал себя, проклинал свою слабость, проклинал Хану. В который раз он позволил хвори одержать над ним верх.

Вако натянул на себя одежду и зашептал в сторону травяного полога:

— Хана? Ты меня слышишь? Нам надо поговорить.

Вако поднялся, надел рубашку и заглянул за край полога:

— Хана?

Но ее там не оказалось.

Вако повернулся и вышел из хижины. Он встал напротив двери, вглядываясь в предрассветной мгле под темный полог деревьев. Неожиданно до него донесся стон. Вако обернулся в сторону, откуда слышался этот звук, и увидел полуодетую фигуру Ханы, распростертую на холмике с яйцами.

— Хана! — Вопль, казалось, вырвался из глубины его души. Вако бросился к ней, оттащил с холмика и положил голову себе на колени. — Хана! Я же тебе говорил — не ходи к ним! Я же тебе говорил!

В его руках ее тело казалось совершенно беспомощным и безвольным. Хана с трудом выдавила из себя нечто похожее на тихий всхлип.

— Я не сама, Вако. Я не ходила. Это во сне. Они пришли ко мне... во сне. — Всхлипывания перешли в рыдания — Комета обняла Вако за талию, уткнувшись лицом ему в грудь.

Он прижался щекой к ее макушке:

— Но почему, черт побери, почему?

И тогда заговорили яйца:

— *В целях предосторожности, Вако.*

— *Предосторожности против чего?*

— *Ты любишь ее. Мы не можем без тебя, но ты любишь ее. Она — угроза для нас.*

— *Никакая она вам не угроза. Я же дал слово вашим родителям!*

— *Слово легко нарушить, Вако. Она должна умереть.*

— *Умереть?* — Вако подложил правую руку под колени Ханы и поднял ее с земли. — *Я уношу ее за пределы вашей досягаемости. Она не умрет!*

— *Умрет. Мы должны защитить себя. Мы убьем ее разум, ты не успеешь унести ее отсюда.*

Вако облизал губы.

— *Не смейте! Не смейте так поступать со мной.*

— *Мы должны защитить себя, Вако!*

Вако наклонил голову, его щека соприкоснулась с лицом Ханы.

— *Как вы не понимаете? Ведь после того, как я умру, кто-то другой должен взять на себя заботу о вас. Ведь вам сидеть в скорлупе почти триста лет. А я проживу еще лет пятнадцать, от силы двадцать. И то, кто знает?*

Яйца молчали.

Вако поднял голову:

— *Поймите, когда меня не станет, кто-то другой должен будет позаботиться о вас. То есть я должен оставить после себя ребенка. А для этого мне нужна женщина. Эта женщина... Хана. Убейте ее — и вы убьете себя.* — Вако отвернулся от холмика. — *Теперь я могу унести ее? Отвечайте!*

Их мысль пришла к нему робкая, полная раскаяния.

— *Если мы отдадим ее тебе, Вако, ты обещаешь не наказывать нас?*

— *Обещаю.*

И Вако зашагал прочь, неся на руках безвольное женское тело. И хотя она не слышала его, он прошептал ей на ухо:

— Разрази меня гром, но я люблю тебя.

Много ночей спустя в лагере дорожно-строительной бригады посреди Великой топи Крошка Вилл смущенно оторвала губы от губ Пита.

— *Ой, Пит, лицо у меня просто горит.*

— *И у меня тоже.*

Вилл обвела взглядом темный лагерь:

— *Вдруг нас кто-нибудь видит?*

— *Ну и что?* — Он обнял ее за плечи. — *Расслабься, Вилл. А то ты как доска. Спи. Паки скоро начнет всех будить. За завтрашний день он хочет проложить пять миль дороги. Так что давай-ка спать.*

— *Не могу,* — пискнула Вилл.

— *В чем дело*?

Девушка уткнулась ему носом в грудь:

— *Не знаю. Разные сомнения лезут в голову.*

Пит обхватил ее обеими руками:

— *Ну сама подумай. Мы любим друг друга — я тебя, ты меня. И так будет всегда. Какие еще могут быть в этом сомнения?*

Она заглянула ему в лицо, а он смахнул слезы с ее глаз.

— *Пит...*

— *Не плачь, Крошка Вилл. Мы ведь ничего плохого не сделали.*

— *Пит?*

Он поцеловал кончик ее носа:

— *Что?*

Ее рука скользнула ему под рубашку и погладила грудь.

— *Я люблю тебя.*

Пит быстро огляделся по сторонам. После дневных трудов дорожно-строительный лагерь спал сном праведника.

— *М-м-м.* — Он попытался что-то сказать, но не нашел слов.

С его телом происходили какие-то странные вещи.

— *Я, э-э-э...*

— *Пит?* — Ее рука начала расстегивать ему рубашку.

— *Ч-ч-ч-то?*

— *Скажи, что любишь меня. Скажи, что любишь меня больше всего на свете.*

Она до конца расстегнула ему рубашку и поцеловала грудь.

Он крепче сжал ее в объятиях, затем высвободил одну руку и приподнял ее подбородок к своему лицу.

— *Я никогда еще не испытывал ничего подобного. Я люблю тебя, Вилл. Я люблю тебя больше, чем что бы то ни было в этой вселенной.*

Он сглотнул застрявший в горле ком и прикоснулся к ее губам.

Глава 13

Пройдя около двадцати миль через болота и топи, отряд первопроходцев и их слоны достигли наконец пологих склонов Нагорья. В горах оказался естественный проход, который вывел их к Великой пустыне, где когда-то приземлился седь-

мой шаттл. Когда они достигнут того места, строительство дороги Мийра—Куумик будет завершено.

Паки Дерн сидел у костра. Он посмотрел на Пита Арделли, затем обернулся в сторону Крошки Вилл. Затем на Пита. После этого снова на Вилл. В конце концов пожал плечами и уставился на огонь.

— Не знаю, что и сказать. На Земле знал бы. А здесь... Здесь все не так.

Паки посмотрел на Пита:

— Зато я точно знаю, что на это скажет Вощеный.

Пит сжал руку Вилл:

— Какая разница, что он скажет? — Он наклонился и поцеловал ее в щеку. — Я вот думаю, не вернуться ли мне в Мийру, когда туда отправят кого-нибудь за провизией, и не спросить Вощеного самому?

Паки почесал голову:

— Не знаю, ребята. Вы оба еще такие зеленые. — Он пожал плечами. — Смотрю я на вас — вы оба такие красивые, а я... — Паки встал на ноги. — А я уже старик.

Пит посмотрел на главного дрессировщика слонов:

— Паки, куда ты?

Паки обвел взглядом свою дорожную бригаду, занятую вечерней трапезой, затем посмотрел на полевую кухню и вновь повернулся к Питу и Вилл:

— Пожалуй, пойду подыщу себе какую-нибудь старушенцию.

В новой хижине, устроенной подальше от холмика, на вершине которого были спрятаны яйца, Хана и Вако сидели вдвоем в темноте, глядя на разведенный перед хижиной костер. Рука Вако покоилась на плече Ханы. Она нежно прильнула к нему всем телом. Вако повернул голову и заглянул ей в глаза. Она, словно завороженная, смотрела на языки пламени.

— О чем задумалась, Хана?

Застывшее выражение лица постепенно оттаяло. Хана закрыла глаза.

— Я пыталась вспомнить последовательность паролей для взлета корабля. Я знала их лучше, чем собственное имя. — Хана умолкла. — А теперь все перепуталось у меня в голове, в

памяти прямо-таки зияющие дыры. — Хана задумчиво покачала головой. — Не знаю. Это все яйца. Они отняли у меня часть моей памяти.

Комета заглянула в лицо Вако:

— Поверишь ли, я даже не могу вспомнить лицо собственной матери.

Он обхватил ее голову рукой и прижал к груди.

— Ссендиссиане наделены потрясающими способностями, Хана. Взрослые особи воспринимают их как нечто само собой разумеющееся, и они точно знают, где и как применять их. А яйца — они еще дети.

Хана вздохнула:

— Но то, что они сделали, что они говорили... — Она покачала головой. — Мне бы и в голову не пришло назвать их детьми.

Вако посмотрел на костер, подыскивая ответ.

— Ссендиссиане передают свою память потомкам. В каждом из этих яиц заключена память, знания и интеллектуальные способности, усвоить которые человеку понадобилось бы не менее тысячи лет. — Вако задумался и посмотрел на Хану. — И все-таки они еще дети. Они еще не созрели и не знают, как распорядиться своим знанием. Представь, каким было бы человеческое дитя, будь оно наделено способностью, поддавшись капризу, вторгаться в сознание любого другого живого существа.

Хана вздрогнула:

— Страшно даже подумать. — Она указала на место, где прежде стояла их хижина. — А как проверить, что здесь мы в безопасности?

— Никак. Сначала я не задумывался над тем, что, по мере того, как они растут, расширяется и поле их воздействия. Но так оно и происходит. И я уверен в том, что они хитрят, скрывают от меня свои настоящие силы. Опять-таки, потому что они еще дети.

Хана бросила поверх огня взгляд на темноту, скрывавшую холмик с яйцами:

— Им, наверное, ужасно тоскливо.

Вако тоже посмотрел в ту сторону:

— Я как-то об этом не думал. Наверно, ты права. Ссендиссианские родители находятся в постоянном контакте с детьми, пока те не вылупятся. Учат их, наставляют...

Хана посмотрела на Вако:

— А прежде всего, любят. Они их любят и поэтому учат и наставляют. Разве не так?

— Так.

Хана указала в темноту:

— Если они обладают памятью своих родителей, то им известно, как те провели свое детство. И они знают, как это приятно, когда тебя любят.

Хана опустила руку и посмотрела на Вако:

— Ты ведь отказывал им в любви.

Вако не нашелся с ответом и только покачал головой.

— И я не могу винить ребенка за то, что он капризничает, когда ему недостает любви.

Вако закрыл глаза:

— Любовь — она не всегда дается легко и просто.

Хана прикоснулась рукой к его щеке:

— Но ты же сказал, что любишь меня.

— Да, но я же не сказал, что это признание далось мне легко.

Хана притянула к себе его голову и поцеловала в губы и снова посмотрела на огонь.

— Тебе с каждым днем будет все легче любить, потому что ты любим.

Вако тоже устремил взгляд на языки пламени. Внутри него все содрогнулось при мысли, что он променял спокойное одиночество на непостоянство такой изменчивой вещи, как любовь. Он перевел взгляд в сторону холмика и прошептал:

— Вы подслушивали.

Ответ не заставил себя ждать.

— *Да.*

— *Значит, ваши силы простираются и сюда?*

— *И даже гораздо дальше.*

Вако кивнул:

— *Я был не прав. Отныне я буду любить вас, словно вы мои собственные дети. И эта женщина тоже, если захочет. Но вы должны ей в этом помочь.*

Ответа не последовало, но зато Вако почувствовал, как Хана сжала ему руку. Он посмотрел на нее и увидел, что она улыбается.

* * *

Другой склон перевала оказался пологим, так что работа сводилась главным образом к расчистке трассы от валунов и колючего кустарника. Днем здесь было жарко и пыльно. По ночам, наоборот, холод пробирал до костей, и дрессировщикам приходилось греться у костров.

Был Деньжатник, одиннадцатое число месяца Трясуна. Разговоры вокруг костров шли в основном о том, как здорово снова увидеть старых друзей из седьмого шаттла, совершивших посадку посреди пустыни под началом ответственного за реквизит Грэббита Куумика. Постепенно заговорили и о том, что город Мийра не имеет права ударить в грязь лицом на параде в Тарзаке — до Гастрольного Сезона оставалась лишь пара месяцев.

Крошка Вилл не слышала разговоров. Когда ночной холод загнал ее товарищей в теплые спальные мешки, она осталась одна у костра глядеть на огонь. Одиннадцать дней назад Шайнер Пит с продовольственным обозом вернулся в Мийру просить у отца разрешения на их брак. С тех пор с каждой новой ночью в ней все сильнее крепли сомнения, что Вощеный даст согласие.

Вилл продрогла до костей и подбросила веток в костер. Продовольственный обоз вернулся еще утром, но Пита с ним не оказалось.

Бай Джим, конюх, возглавлявший его, ограничился замечанием, что в Мийре «напряженная обстановка». Когда же его попросили уточнить, что он имеет в виду, Бай Джим задумался на минутку, нахмурился и нехотя буркнул: «Напряженно у них там», — после чего велел, чтобы ему помогли разгрузить обоз.

Крошка Вилл обвела взглядом лагерь — вокруг виднелись лишь темные очертания ее спящих товарищей. Многие нашли себе пару и теперь спали вместе. А поскольку растительность в пустыне скудная и укрыться от посторонних взглядов было негде, то «лагерная» форма любви сводилась к торопливым объятиям под одеялом, сопровождаемым громким сопеньем.

Крошка Вилл обернулась и посмотрела назад.

Рядом с одним из таких темных холмиков, воткнутый в песок, стоял стек Паки. На нем был надет чепец Поварихи Джо. Крошка Вилл вновь уставилась на огонь — как жаль, что расстояние мешает ее мыслям долететь до Мийры, до Шайнера Пита.

В это мгновение она уловила, что першероны, стоявшие у коновязи, забеспокоились. Вилл встала и между спящих тел направилась к лошадям — проверить, не забрел ли к ним в лагерь какой зверь. Когда их бригада прокладывала дорогу через Великую топь, один из рабочих имел счастье увидеть кое-кого из местной фауны — разные там чудища вроде летающих драконов и смеющихся ящериц. Причем размеры их увеличивались с каждым новым рассказом у костра.

Вилл подошла к коновязи и увидела, что навстречу ей, засунув руки в карманы, шагает Шайнер Пит. Через его руку был переброшен спальный мешок.

— *Пит!*

От неожиданности он даже вздрогнул:

— *А-а, привет, Вилл!*

Крошка Вилл бросилась к нему на шею, расцеловала, но, поскольку бурные проявления чувств не получили достойного ответа, она встревоженно заглянула в нахмуренное лицо Пита:

— *Пит, в чем дело? Ты не рад видеть меня?*

— *Конечно же, рад,* — ответил Пит и сопроводил свой ответ поцелуем. — *Просто все вышло не совсем так, как мы надеялись.*

Пит вздрогнул от ночного холода, нагнулся и подхватил спальный мешок.

— *Давай лучше накроемся. А не то я скоро превращусь в ледышку.*

Позднее, в спальном мешке, Вилл уютно свернулась клубочком под боком у Пита.

— *А теперь рассказывай. Что тебе сказал Вощеный?*

— *А я его и не спрашивал.* — Пит почувствовал, как девушка рядом с ним вся напряглась. — *То есть я хотел, но да ты ведь не знаешь, что сейчас творится в Мийре. Такое впечатление, что там все злы на Вощеного, а тот в свою очередь зол на всех. Подж Лодер и с ним еще кое-кто поставили весь город на уши — мол, кто давал ему право поженить Стью и Бубновую. Дело приняло такой оборот, что Стью и Бубновая уехали из Мийры — решили, что им лучше обосноваться на севере, в Дираке.*

Судя по всему, это только начало. Вощеный так разозлился, что Стью и Бубновую выжили из Мийры, что он официально аннулировал брачный союз Поджа Лодера и Хорс Бетти, в результате чего трое их детей в одночасье стали незаконными. В отместку

Подж всенародно обозвал Дот Пот потаскухой, состоящей в незаконной связи с Вощеным. Когда Дот узнала об этом, она сломала Поджу нос. Когда об этом узнал Вощеный, то официально аннулировал брак родителей Поджа, отчего тот также стал считаться ублюдком — под стать своему характеру.

Так вот, Подж не стал принимать всерьез эти «официальные» акты гражданского состояния, чего не скажешь о его супруге. Очевидно, у той были свои причины. И вот теперь, когда Бетти стала свободна, избавившись от Поджа и его сопливых отпрысков, она съехала из их хижины и начала принимать ухаживания колесника Сида. Причем не где-нибудь, а у того дома.

Чтобы как-то распутать этот клубок, Вощеный заочно зарегистрировал две брачные церемонии: союз Бетти и Сида (исключительно из альтруистических соображений, дабы они не жили в грехе) и Поджа Лодера и своей собственной матери (что сделало статус Поджа еще более двусмысленным). И тогда Подж устроил свою собственную брачную контору, решив, что он ничем не хуже Вощеного. После чего взялся заочно сочетать браком кого ни попадя: Дот Пот с Дэйзи, затем Вощеного с ним же самим, после чего прилюдно объяснил Вощеному буквальный смысл столь необычных супружеских отношений.

Словом, теперь явно не лучшее время для пятнадцатилетнего мальчишки просить отцовского разрешения на брак с четырнадцатилетней барышней. Шайнер Пит решил, что будет куда благоразумнее сесть на коня и вернуться на строительство дороги — а не выставлять себя на всеобщее посмешище.

Теперь Крошке Вилл стал намного понятнее смысл фразы «Там у них напряженно». Она пожала руку Пита и спросила:

— *Что же нам теперь делать?*

Пит долго молчал и смотрел на ночное небо.

— *Вилл?*

— *Да, Пит*?

— *Ты можешь вложить мысль кому-нибудь в голову?*

Вилл нахмурилась, вспомнив первые гастроли в Тарзаке. Тогда она вложила название «Разлом Арнхайма» в голову Чолли. Вилл облизнула губы и заглянула Питу в глаза:

— *Наверное, могу. Мне уже случалось это делать.*

— *Я тоже пробовал, и, кажется, у меня получалось.* — Пит закрыл глаза и кивнул. — *У меня есть план. Если он сработает, мы поженимся.*

— А если не сработает?

— Если в Мийре дела пойдут в том же духе, то меня поженят с Паки, а ты станешь гордой матерью слоновьего стада.

Вако оттолкнулся ногами от дна озера. Как только голова его вынырнула на поверхность, он сделал глубокий вдох — омытый дождем воздух был на редкость свеж и чист.

— Вако!

Вако зашлепал руками по воде и оглянулся. На берегу стояла Хана.

— Что?

— Подожди меня! — Сбросив одежду, она бросилась в воду и быстро подплыла к нему. — Я выяснила, что это за шум.

Вако насторожился:

— И что это?

— К северу от нас в джунглях проложили дорогу. И теперь строительная бригада возвращается назад, к третьему шаттлу.

— И сколько от нас до этой дороги?

— Она идет по гребню горы посреди болот. Милях в четырех-пяти от нас.

— Довольно близко. — Вако посмотрел на круги на воде, отходившие от них с Ханой. — Может, стоит перенести яйца куда-нибудь подальше в джунгли? От греха подальше. — И он поплыл к берегу.

— Вако, подожди!

Он обернулся к ней:

— Что еще?

— Тебе ведь не надо переносить их прямо сейчас?

— Не в этом дело, ты просто не понимаешь.

Она подплыла к нему и погладила его по щеке:

— Постой, куда тебе торопиться?

— И что потом?

— Вако, просто закрой глаза.

— А это зачем?

— Не задавай глупых вопросов. Ну-ка закрывай глаза.

Вако повиновался:

— И что теперь?

Хана улыбнулась:

— А теперь набери полную грудь воздуха.

Вако последовал ее совету. Обвив его руками и ногами, Хана поцеловала его, и они вместе погрузились в кристальную воду озера.

Глава 14

Когда дорожно-строительная бригада вернулась в Мийру, завершив прокладку трассы до Куумика, первое, что им бросилось в глаза, это обилие вывесок.

Та, что красовалась на дверях домика Вощеного, гласила: «Папа Римский». Дальше вдоль улицы с крыши домика Поджа Лодера болталась еще одна. На ней значилось: «Настоящий Папа. За полцены». А еще дальше на доске у дома Санберста Сида рукой Вощеного было выведено: «Здесь спит бывшая супруга дешевого Папы». К забору краала кто-то прикрепил еще один указатель: «Гарем Вощеного. Добро пожаловать всем четвероногим».

Действительно, все эти вывески наводили на грустные размышления.

Остановив слонов, Крошка Вилл и Шайнер Пит уселись на изгородь лицом к городку. Паки и другие дрессировщики, спустившись вниз по заросшему травой склону, уже шагали по пыльным улицам Мийры к своим домам. Крошка Вилл сглотнула застрявший в горле комок и повернулась к Питу:

— Так, с чего начнем?

Шайнер Пит заслонил ладонью глаза от солнца и окинул поселок внимательным взглядом.

— Все это похоже на сбрую, которую сначала бросали туда-сюда, а потом зашвырнули в сундук. Если посмотреть на нее, то сначала увидишь лишь запутанный клубок, какие-то непонятные узлы и крючки. Но это дело поправимое. Нужно лишь набраться терпения и постепенно, один за одним, распутать его, развязать все узлы, расцепить все крючки. — И Пит указал в сторону домика Санберста Сида. — А начнем мы вон оттуда.

Дот Пот Дрейк сидела на длинной каменной скамье в тени своего домика рядом с краалем. Поставив на место походную

кухню и привязав лошадей, Повариха Джо Вейн уселась на скамейку рядом с Дот Пот. Поздоровавшись и обменявшись новостями, Повариха Джо откинула со лба светлые выгоревшие пряди и кивнула в сторону городка:

— Как там у вас дела с Вощеным?

Дот Пот, покачав головой, вздохнула:

— Трудно сказать.

Женщины замолчали, глядя, как на улицах поселка подрагивает знойное марево. Откуда-то со стороны домика Санберста Сида донеслась перебранка, и оттуда выскочила Хорс Бетти.

Дот Пот удивленно вскинула брови:

— Ого, такого мы еще не видели.

Затем в дверях появился сам Сид и принялся звать жену. Бетти обернулась на его голос, и в тот момент ей на глаза попалась сделанная Вощеным вывеска: «Здесь спит бывшая супруга дешевого Папы». Схватив в руки эту доску, Бетти с решительным видом направилась к дому Поджа Лодера. Повариха Джо посмотрела на Дот Пот:

— Интересно, что у них там происходит?

Дот Пот только покачала головой, глядя, как Бетти прислонила доску рядом с входом в хижину Поджа, подняла с земли камень и стерла им слово «бывшая». Затем отступила назад, чтобы оценить результат своих трудов, и, набравшись смелости, исчезла в дверях хижины бывшего супруга. Через несколько минут оттуда появился сам Подж. Подойдя к вывеске «Настоящий Папа. За полцены», он снял ее со стены. Обернувшись, он заметил еще одну доску у входа, подобрал ее и унес обе доски в хижину. Еще через пару минут Подж уже бежал в сторону домика Дот. Когда он был совсем близко, Дот поинтересовалась:

— Как дела, Подж?

Подж только кивнул в ответ и, сорвавшись с места, помчался в сторону крааля. Добежав до бревенчатого забора, он сорвал вывеску «Гарем Вощеного», после чего вернулся домой. Еще мгновение — и он скрылся в дверях, задернув за собой занавеску.

Дот прислонилась спиной к стене хижины:

— Мутч Мовилл на моем месте сказал бы, что в этом что-то есть.

Дот расплылась в улыбке и посмотрела на Повариху Джо:

— А если нет, то кто-нибудь, кто предпочтет остаться безымянным, настучит на них Вощеному.

Женщины поднялись со скамьи и направились к краалю.

Вощеный сидел на подушке перед низким дощатым столом, пытаясь занести в канцелярскую книгу события предыдущего дня. Он в задумчивости пожевал камышовое перо, а затем бессильно бросил его на стол:

— Ничего не понимаю.

Вытянув вперед единственную руку, он проговорил:

— Ничего не понимаю. Ведь я ненавижу этого ублюдка! — И он стукнул кулаком по столу. — И я, как последний идиот, распустил нюни, расшаркивался перед ним посреди улицы, у всех на виду пожал ему руку. — Вощеный рассерженно мотнул головой. — Не иначе как меня одолела хвороба.

Вощеный посмотрел на лежащие перед ним бумаги и одним движением смахнул их со стола:

— Тоска зеленая! А сам я канцелярская крыса, зануда, бумагомаратель!

Он прислонился к стене, глядя в дверной проем на улицу.

— И как меня угораздило повесить это объявление?

В следующее мгновение на него снизошло умиротворение. Вощеный откинул голову к стене и закрыл глаза. В голове у него зазвучала музыка, обрывистые звуки регтайма, а перед глазами прошествовала внушительная процессия — все семьдесят пять слонов. Затем остался один-единственный слон. Это была Квини, вся украшенная серебристыми блестками. Слева от нее стояла дрессировщица Дороти Дрейк в нарядном темно-синем костюме, тоже с блестками. Блестящие волосы цвета воронова крыла зачесаны вверх и уложены в узел, из которого торчит пышный голубой плюмаж. Вощеный улыбнулся ей, отдаваясь в объятия приятного наваждения. Дороти повернулась и прошлась вместе со слоном, демонстрируя красивые ноги. Ах эти ноги! Обтянутые французскими чулками со швом.

Дороти совершила пируэт, и перед взором Вощеного возникло лишь играющее блестками синее пятно в свете софитов. Верхняя часть ее костюма сидела так туго, что пышная грудь Дороти, казалось, так и просится наружу.

...Образ задрожал, глаза Дороти стали вдруг голубыми, затем черными, и снова голубыми, и снова черными, потом один глаз стал голубым, а другой черным. В конце концов они оказались голубыми и больше не меняли цвета.

Неожиданно Вощеный услышал чей-то голосок:

— *Говорят тебе, они голубые.*

— *А мне казалось, черные,* — ответил другой голос.

— *Надо было проверить.*

Вощеный еще раз окинул мысленным взором видение, порадовался улыбке Дороти и тому, что глаза ее наконец обрели постоянный цвет.

— Вот и хорошо. Голубые так голубые! Зато какие выразительные. А ноги, разрази меня гром! Какие стройные, соблазнительные...

Вощеный открыл глаза:

— Но я же ни разу в жизни не видел представления! — Он нахмурился. — Я же только и делал, что чинил и чистил сбрую. Если я и видел Дороти, то только в комбинезоне, выпачканном в слоновьем дерьме!

Вощеный почесал голову и попытался припомнить. Нет, наверно, все-таки пару раз он видел Дот в костюме. Вощеный закрыл глаза, и в тот же миг Дороти перенеслась к нему в дом. А запах! Она что-то стряпала! Хлеб из перемолотых в муку кореньев, нарезанный ломтиками, как хороший бифштекс. Вощеный пожевал — черт, это ведь и в самом деле бифштекс. *Дороти, голубушка Дороти. И где ты достала на Момусе говядину?*

— *Для тебя, дорогой, — что угодно.*

Вощеный поднялся, обошел стол и, шатаясь, вышел на улицу. Ну и пир — омары, индюшка, спагетти, клюквенный соус, арбуз!

— *Милая, милая Дороти, скажи, где ты раздобыла спагетти? А еще и закуску! А это что? Кьянти? Мамма миа! И мясо со специями!*

— *Для тебя, Вощеный, — все, что угодно!*

Вощеный почувствовал, что врезался в кого-то, и открыл глаза. Это был Паки Дерн.

— Ах... привет, Паки!

Паки окинул взглядом пыльную улицу, затем подозрительно посмотрел на Вощеного:

— Эй, привет, Вощеный. Куда это ты собрался?

— Вот я и сам себя спрашиваю.

Паки кивнул:

— Ну ладно, еще увидимся. — И дрессировщик слонов побрел дальше по пыльной улице.

А красотка Дороти вновь затмила для Вощеного весь остальной мир. Он шагал по облакам взбитых сливок, которые таяли, стоило только протянуть к ним руку. Ах, эти ноги, эта фигура, эта улыбка, эти спагетти!

— *Вощеный, я могу помочь тебе с твоими бумажками?*

— Дороти! — позвал он. — Дороти!

— Что тебе, Вощеный?

Вощеный открыл глаза. Оказалось, что он стоит рядом с Дот Пот. На ней рваный комбинезон, волосы взлохмачены, и Вощеный неожиданно вспомнил, что Дот расквасила нос Поджу Лодеру. Но вновь перед ним возник образ прекрасной дрессировщицы, пышный бюст, обтянутый синим костюмом в сверкающих блестках, французские чулки, а запах — запах, черт побери, спагетти!

Вощеный закрыл глаза, потер их и попытался отогнать от себя прекрасный образ, засевший у него в сознании. В следующую секунду он увидел на изгороди крааля мальчишку и девчонку. Они взвизгнули от неожиданности и свалились с забора, осознав, что смотрят на самих себя.

Крошка Вилл и Шайнер Пит, взявшись за руки, стояли перед столом Вощеного. Позади них были Повариха Джо и Дот Пот. Вощеный сидел на подушке, а Паки стоял рядом с ним, причем лицо его выражало крайнюю степень недовольства. Вощеный постучал камышовым пером о стол, а затем посмотрел сначала на Крошку Вилл и перевел взгляд на Шайнера Пита:

— Ну-с.

Шайнер Пит посмотрел Вощеному прямо в глаза:

— Мы с Крошкой Вилл хотим пожениться.

Вощеный от удивления выронил перо.

— Уф! Да после этого Подж совсем свихнется! — Вощеный пристально посмотрел на влюбленную парочку, затем указующе протянул руку: — Но к чему все эти игры?

Пит попереминался с ноги на ногу, затем заговорил:

— Последний раз, когда я был в городе, ты не слишком благосклонно относился к самой идее брака. Вот мы и решили избавить тебя от неприятностей с Поджем...

— Но какое это имеет отношение ко мне и Дот? — Вощеный указал на начальника слонов. — Или к Паки и Поварихе?

Дот Пот шагнула вперед и положила руку на плечо Крошки Вилл.

— Я попросила их сделать для меня и Поварихи одно одолжение. Так что если кто-то и виноват, то только я.

Повариха Джо посмотрела сначала на Паки, затем на Вощеного:

— И я тоже.

Она посмотрела на Паки, но тот обратил свой взгляд на Вощеного.

— Послушай, приятель, а мы не можем с этим повременить?

Вощеный откинулся к стене. На лице его читалось замешательство.

— Ну, я не знаю. — Он вопросительно посмотрел на Паки. — А ты как думаешь?

Паки покраснел и почти прошептал:

— Я, так или иначе, хотел сделать Поварихе предложение по возвращении в Мийру со строительства дороги...

Повариха Джо при этом взвизгнула и буквально расплющила Паки, прижав его к стене:

— А мне ты ничего не сказал, даже словом не обмолвился.

Паки удалось-таки вернуть былое достоинство. Он посмотрел Поварихе Джо прямо в глаза:

— Повариха, есть вещи, о которых не говорят вслух. К тому же я не был уверен, что ты согласишься, — пожал он плечами.

Вощеный посмотрел на Шайнера Пита и указал на Повариху Джо:

— Ты что это натворил? Ты и ее заставил кормить Паки всякими разносолами, виляя при этом голой задницей?

Питер покраснел, но промолчал. Вощеный почесал подбородок, а затем посмотрел на Дот Пот:

— Ну?..

— Что — ну?

— Ты хочешь, чтобы я сам об этом сказал?

Дот расплылась в улыбке:

— Давай-давай, нечего тянуть резину.

— Эти твои спагетти — удар ниже пояса.

Дот убрала руку с плеча Крошки Вилл и склонилась над столом Вощеного.

— Ты хочешь спагетти? Что ж, постараемся что-нибудь придумать.

Вощеный уставился пол и растерянно пожал плечами:

— А зачем я тебе, однорукий-то?

— А меня разве руки интересуют в первую очередь? — Дот опустилась на стол рядом с Вощеным. — Какой же ты все-таки идиот!

Вощеный посмотрел на Крошку Вилл и Шайнера Пита:

— Так, а теперь, значит, надо решать с вами.

Он взмахнул единственной рукой:

— А Поджу об этом известно?

Юная парочка отрицательно покачала головами.

Вощеный на минутку было надул губы, но затем кивнул:

— Хорошо. Только не говорите ему. Ни за что не говорите. Ни ему, ни Хорс Бетти. — Вощеный хитро осклабился. — Всему свое время. А пока, что касается вас...

Несколько недель спустя в Тарзаке Бородавка провел совещание со своим помощником Агдоком Штимааком, уроженцем Уоллаби, закованным в хитиновый панцирь. В своей двупалой конечности Агдок, внешне походивший на черепаху, держал какой-то документ.

— Это копия регистрационных записей Мийры.

Бородавка вздохнул, взял у Агдока бумагу и принялся читать:

Трудильник, 1-е Тихача второго года Катастрофы.

Вощеный Арделли — главный архивариус Мийры.

Сегодня вернулась дорожно-строительная бригада. Никто не погиб, сооружение трассы Мийра—Куумик завершено. Все готовятся ко вторым гастролям в Тарзаке.

Аннулированы браки:

Бээгидж Хорс Бетти Лодер и Санберста Сида Бейтса.

Дот Пот Дрейк и першерона по кличке Дэйзи.

Поджа Лодера и его матери Агнес Лодер.

Вощеного Арделли и Вощеного Арделли.

Поджа Лодера и общественной выгребной ямы.

Вощеного Арделли и различных растений и животных в непосредственной близости города.

Заключены браки между:

Поджем Лодером и его женой Бэггидж Хорс Бетти; брак восстановлен с тем, чтобы родители впредь уделяли должное внимание воспитанию троих сыновей.

Мортимером Лодером и Агнес Лодер; брак восстановлен с тем, чтобы придать Поджу законный статус в глазах вероучения, приверженцем которого он является.

Дрессировщиком слонов Паки Дерном и Поварихой Джо Вейн.

Вощеным Арделли и Дот Пот Дрейк.

Шайнером Питом Арделли и Крошкой Вилл Коул.

И да смотрит за ними Великий Господь-Шут, за всеми и каждым из нас.

Бородавка протянул бумагу своему заместителю:

— Агдок, наша главная цель — сохранить цирк таким, каким его хотел видеть Джон О'Хара. Мы должны приложить все усилия, чтобы второй Гастрольный Сезон на Момусе прошел успешно. — С этими словами он указал на странный документ. — Как мне кажется, все эти свадьбы-разводы и прочие церемонии лучше передать в руки тех, кто в этом хоть чуточку смыслит.

Черепаха Агдок посмотрел на бумагу, затем на Бородавку:

— Значит, ты все-таки хочешь отправить меня в Мийру на помощь Вощеному?

Бородавка кивнул:

— Вощеный уже давно жалуется, что завален бумагами. — Он ткнул пальцем в злополучный документ. — И все-таки никак не могу взять в толк, как Поджа угораздило жениться на общественной выгребной яме. Или это символический брак?

— Скорее всего последнее, потому что такой союз противоречит здравому смыслу. — Агдок положил документ в архивную папку Мийры, затем снова посмотрел на Бородавку. —

Может, все было решено за его спиной? Без его согласия? На моей планете, например, так обычно и делалось.

Бородавка задумчиво почесал свои бородавки и кивнул:

— Наверное, после гастролей я потребую, чтобы Вощеный разъяснил мне кое-что из этого. А пока наша главная задача — подготовиться к гастролям.

Бородавка заметил, что Агдок смотрит на него как-то странно, по крайней мере если судить по выражению той части его лица, что виднелась из-под панциря.

— Что-то не так?

Агдок негодующе ткнул пальцем в обложку архивной папки Мийры:

— Как, однако, жестоко со стороны этого Вощеного сначала заключить брачный союз со всеми этими растениями и животными, а потом так бездушно бросить их ради какой-то человеческой самки.

Бородавка кивнул:

— Вот поэтому я и говорю: этими вещами должен заниматься специалист.

Глава 15

Пока слоны шествовали по мостам через дельту, направляясь в Тарзак на вторые Гастроли, Крошка Вилл успела подметить ряд перемен. С высоты холки Рег, на которой она восседала, хорошо были видны ряды выбеленных домиков из глиняных кирпичей — в ярких лучах солнца их белизна даже слепила глаза. По ту сторону дельты на фоне желтого песка прибрежных дюн над бескрайней синевой моря начинался рыбацкий поселок — идея Ледфута Сины. На приколе у пирса стояли две крупные рыбацкие шхуны и несколько небольших лодок.

Стены некоторых домов, выходившие на улицу, по случаю гастролей приукрасились и принарядились. На них были цветы, гирлянды из кроваво-красных водорослей, в изобилии произраставших в водах дельты, разнообразные картины — причудливые узоры и сцены из цирковой жизни.

То там, то здесь виднелись таблички с именами владельцев домов и их род занятий — каменщик, плотник, строитель колодцев, слесарь...

На стене дома Чолли Джекоби красовался транспарант: «Да здравствуют клоуны — прикольные чуваки!»

На стене дома Дурня Джо: «Позолотите ручку — и я расскажу вам последние новости!»

На доме бригадира Раскоряки Тарзака было написано: «Пусть ваши жалобы будут приятными».

Местные жители также смотрелись весьма живописно. Многие были одеты в длинные просторные балахоны, защищавшие от солнца, — эта мода явно перекочевала сюда из пустынного, знойного Куумика. Было здесь немало и новых жителей, в отличие от старшего поколения — коренных момусиан, родители несли их на руках, привязав к спине или усадив себе на плечи.

Но самая большая перемена, бросившаяся в глаза Крошки Вилл, — это лица людей, пришедших смотреть на шествие слонов по улицам их родного города. На этот раз на лицах читался интерес. Безразличия предыдущих Гастролей как не бывало. Лица светились улыбками, но от Крошки Вилл не скрылось, что люди еле слышно ведут счет. Жители Тарзака считали слонов, принимавших участие в праздничном шествии.

Крошка Вилл закрыла глаза. Пусть себе считают — все равно недосчитаются троих. Квини и Камбо приказали долго жить, а Герцогиню пришлось оставить в краале Мийры. Слониха не вынесла бы многодневного перехода. На следующий год недосчитаются еще нескольких. И так каждые гастроли — зрители будут считать и недосчитываться. Крошка Вилл в красках представила себе эту картину. Слоны — последнее связующее звено с былой жизнью, со старым цирком. Пока серые гиганты вышагивают по улочкам городка, каменщик все еще остается купольщиком, художник — реквизитором, собиратель съедобных корней — жонглером. Дрессировщики же остаются дрессировщиками — а значит, цирк жив и открывает очередной сезон. В некотором смысле отсчет времени теперь ведется по количеству слонов — сколько их осталось, столько еще жить цирку.

По дороге к краалю процессия прошла мимо того места, где в прошлом году состоялись первые торжества. На этот раз

вокруг посыпанной опилками арены возвели трибуны — дерево для них доставили из Мийры и Порса. С одной стороны арены Док Уимс начищал бока своего парового органчика, рядом жонглеры, наездники, акробаты и эквилибристы репетировали свои номера.

Неожиданно все эти разрозненные впечатления сложились в голове Вилл в единую картину. И хотя образ был неясным, словно размазанным, это был образ отчаяния, одиночества, упадка и забвения.

Вечером первого дня Гастрольного Сезона к Тарзаку причалило первое судно с жителями Срединного континента. Все дружно высыпали навстречу своим старым товарищам, совершившим посадку на втором шаттле. Крошка Вилл ничего не знала о приходе судна: она, Шайнер Пит, Вощеный и Дот Пот сидели дома у Бородавки, пока тот перебирал архивы Мийры прошлого года.

Бородавка внимательно ознакомился с бумагами и нашел для себя ряд неясностей.

— Кто такие техасские рейнджеры? — поинтересовался он у Вощеного.

Тот потер подбородок:

— Если я не ошибаюсь, Здоровяк Вилли в свое время рассказывал, что техасские рейнджеры — это такая организация в бывших Соединенных Штатах, которая занималась трудоустройством умственно неполноценных.

Бородавка кивнул:

— И именно этой организации было поручено произвести отстрел взбесившейся слонихи по кличке Черный Алмаз.

— Выходит, что так.

— С точки зрения дрессировщиков, рейнджеры из рук вон плохо справились с поручением.

Дот Пот постучала пальцами по бумагам, лежащим перед Бородавкой:

— Эти легавые всадили в слона самое малое двести пуль. Но я слышала разные мнения на этот счет. До сих пор неизвестно, от чего погибло животное — от огнестрельных ран или от голода.

Бородавка поднял палец:

— Легавые? — Он повернулся к Вощеному. — Ты ведь только что сам сказал, что техасские рейнджеры — это организация, которая занималась трудоустройством умственно неполноценных.

— Ну да.

— Откуда, по-твоему, взялись легавые?

Бородавка поднялся из-за стола. Бородавки его увеличились. Бородавка злится.

— У себя на планете, да будет тебе известно, Вощеный, я работал переводчиком в Бюро жалоб — это что-то вроде вашей полиции.

Вощеный в ответ тоже отпустил шпильку:

— Ну, Бородавка, а кто говорит, что ты само совершенство? В общем-то ты...

— Можно вас побеспокоить, коллеги артисты? — В дверях показалось знакомое лицо. Это был Мутч Мовилл, держатель тира.

— Мутч! — Крошка Вилл бросилась на шею. — Ты как здесь очутился? Приплыл через море?

Мутч положил ей руки на плечи и слегка отстранил от себя, чтобы лучше рассмотреть.

— Милая леди, я давно привык к тому, что юные красотки гроздьями вешаются на меня. — Мутч прищурил глаза. — Но кто ты такая?

Крошка Вилл в недоумении открыла рот:

— Как кто? Крошка Вилл!

Теперь настала очередь удивился Мутча.

— Дочка Здоровяка Вилли?

Вилл с улыбкой кивнула. Мутч только покачал головой:

— Как быстро летит время. Приношу глубочайшие извинения. Когда я видел тебя в последний раз, ты была еще, что называется, от горшка два вершка. А теперь вот какая стала — просто конфетка. — Он потрепал ее по плечу. — Смотрю на тебя, и глаза радуются. А как поживает сам начальник слонов?

Улыбки Вилл как не бывало.

— Теперь у нас главный Паки Дерн. Здоровяк Вилли погиб.

Мутч покачал головой:

— Извини, я не знал. До нас на Срединном новости доходят не скоро.

Крошка Вилл показала на Шайнера Пита:

— Помнишь Шайнера? Мы поженились.

— Ух ты! — Мутч покачал головой. — Да, летит время, просто не угнаться. — Он кивнул в сторону Пита. — Прими мои сладчайшие соболезнования, приятель.

Мутч обнял Крошку Вилл, а сам посмотрел на Дот Пот:

— А ты, старушка, еще очень даже ничего.

Дот обняла Вощеного за талию.

— Мы с Вощеным поженились.

Мутч выпустил из объятий Крошку Вилл и протянул руку Вощеному:

— Поздравляю! Супружеских вам радостей! — Кивком головы Мовилл указал на болтающийся рукав. — Только ты нынче какой-то однобокий.

— Претензии к оползню. Теперь я архивариус Мийры.

Мутч выпустил руку Вощеного и обернулся к Бородавке:

— А ты, мой дражайший бородавочник, — ты, как всегда, неотразим.

Бородавка кивнул в ответ:

— Как и ты.

— Я пришел сюда за информацией. — Мощной ручищей Мутч обнял Бородавку за плечи. — Скажи мне, о свет моих очей, а Морковный Нос жив еще?

Бородавка покачал головой:

— Погиб при посадке девятого шаттла. Мои соболезнования.

Мутч хмыкнул и тоже покачал головой:

— Печально... печально. Можно сказать, трагедия. — Он вопросительно выгнул мохнатую седую бровь. — А Сырок Крафт? Он-то как?

— Никак. Утонул.

— Понятненько. Жаль, однако. — Мутч нахмурился. — А Резак Стампо? Давай выкладывай.

— Погиб при прокладке дороги через ущелье Змеиной горы. Ты уж извини.

Мутч потер подбородок и уставился на крышу жилища Бородавки.

— Судьба-злодейка.

Затем он снова посмотрел на Бородавку и что-то достал из кармана.

— Сердечнейше благодарю, милейший. Ты оказал мне величайшую услугу. — С этими словами он высыпал в руку Бородавки несколько медных дробинок.

Бородавка добавил их к тем, что уже лежали у него в кармане. Все до единого в цирке носили в карманах хотя бы несколько дробинок Мутча. Сии бесценные сокровища символизировали акции некоей фиктивной фирмы «Кэддивампус», основанной в свое время Мутчем Мовиллом, чтобы залатать дыры в собственных карманах. Дело в том, что Мутч был картежник заядлый, но аховый.

Бородавка посмотрел на Мутча:

— Я только что сообщил тебе о смерти твоих товарищей. В чем же заключается моя услуга?

Мутч подтащил Бородавку к двери и указал рукой в сторону горизонта:

— Ты только взгляни на все это, голубчик. Вся эта планета, все эти несколько тысяч иссушенных солнцем человеческих душ, алчущих в кои веки услышать первую благую весть. — Мутч понизил голос и нарочито доверительным тоном обратился к главному архивариусу. — Кстати, Бородавка, могу сообщить тебе нечто крайне важное — во время плавания через море Барабу нам встретились гигантские морские чудовища — между прочим, не брезгующие человечинкой.

Бородавка вытаращил глаза:

— Морские чудовища? — И он тут же схватился за бумагу. — Это надо занести в...

Мутч похлопал его по спине:

— Ах, милейший, да ты сущая находка для таких, как я! — Мутч горделиво ухватился за лацканы изношенного сюртука. — Ведь на Момусе не осталось профессиональных лжецов. Я — последний!

Он помахал рукой Крошке Вилл, Дот и Вощеному:

— Прощайте, господа! Прощайте! — Мутч Мовилл повернулся, сцепил за спиной руки и вышел на улицу нести в массы свою «благую» весть.

Глава 16

Под вечер, уже после того, как слоны важно прошествовали вокруг арены, Крошка Вилл сидела на трибуне между Паки и Шайнером Питом, в окружении других дрессировщиков и жителей Дайры. Вокруг трибун горели масляные факелы, а в центре арены был разложен огромный костер. Когда запылало яркое пламя, на арену вышел Спатс Скорцини с деревянным жезлом в руках.

— Леди и джентльмены... Арена Тарзака приветствует вас и поздравляет с открытием очередного Гастрольного Сезона. — Трибуны разразились бурными аплодисментами. Когда рукоплескания стихли, Спатс опустил жезл. — Сегодня я, Спатс Скорцини, распорядитель Большой Арены Тарзака.

И вновь аплодисменты — пусть больше нет старого конферансье Сэма, сегодня его заменил новый — Спатс.

Спатс поклонился и указал на Бородавку Тхо:

— Итак, первый номер сегодняшней программы — Бородавка Тхо и группа архивариусов Момуса!

Под гром аплодисментов с трибуны спустился Бородавка в сопровождении Вощеного из Мийры, Чимпла из Куумика, Спука Тиераса из одноименного городка, Пола Фута из Порса, Анжелы Дир Бьюрак из Дирака, Хани Вагнер из Риса, Хукса Джаворака из Сины и Леоны Вашингтон из Айконы. Бородавка заранее подготовил речь и поэтому читал по бумажке:

— Я свел воедино все данные, предоставленные мне архивариусами на местах. За прошедший год заключен девяносто один брак, скончалось двести тридцать человек, родились — двести пятьдесят один. Таким образом, население Центрального континента насчитывает на сегодняшний день одну тысячу девятьсот четыре человека. — Бородавка на минуту оторвался от бумаги. — Если дело и дальше так пойдет, то, по моим расчетам, к следующим Гастролям численность нашего населения превысит две тысячи человек.

Откуда-то с задних рядов Крошка Вилл услышала голос Поджа Лодера:

— Между прочим, а что делать со свадьбами?

Бородавка посмотрел на трибуны:

— В каком смысле?

Крошка Вилл обернулась и увидела, что Подж озабоченно чешет голову.

— Ну, — начал он, — во-первых, не дело, что вы, счетоводы, беретесь женить людей. Вы же не судьи и даже не священники, как наш Малыш Джо.

Бородавка развел руками:

— Заключение брака — это ритуал, придуманный людьми. Поэтому я не вижу особой разницы, кто сделает соответствующую запись. Я вообще не нахожу особого смысла в данном ритуале как таковом. Тем не менее настаивающие на ритуале хотели бы иметь соответствующее свидетельство. А поскольку мы ведем статистику всему, то и бракам тоже.

— Ты что, снова хочешь заварить кашу? — бросил Вощеный Поджу.

Подж собрался было сказать какую-то резкость, но сдержался:

— Успокойся. Ничего я не хочу заваривать. Я это к тому, чтобы наши бюрократы назывались как-нибудь красивее, благороднее, что ли.

— И что ты предлагаешь?

Подж на минуту задумался:

— Ну, например, мировые судьи.

Крошка Вилл услышала, как с другой стороны трибуны донесся чей-то возмущенный возглас:

— Только не это!

Она обернулась и увидела Раскоряку Тарзака, вскочившего со своего места.

— Назови мы их так — и они тотчас начнут понимать это на свой лад. Нет, не надо нам здесь никаких мировых судей. — Тарзак обвел рукою трибуны. — Вы помните, скольким из них нам в свое время пришлось давать взятки! Назовите наших архивариусов мировыми судьями — и завтра они начнут выдавать разрешения, строчить законы. Они еще и легавых наймут, чтобы те шпыняли нас, как им вздумается. — С этими словами Тарзак сел на место.

Тогда встал Белесый Этрен, мим из Тарзака, и тоже обратился к собравшимся:

— Не думаю, что нам следует так поспешно отказываться от идеи законности и правопорядка. Как, например, мы должны поступать с преступниками?

Раскоряка Тарзак встал и смерил Белесого презрительным взглядом:

— Мы укажем им на дверь!

— То есть изгнание?

Раскоряка всплеснул руками:

— Зови это как хочешь. Застукаем кого нечистого на руку — поступим с ним, как и всегда. Либо он сам вернет украденное, либо мы все вытряхнем из него. А не отыщем — скатертью дорога. Когда найдет, тогда и вернется.

Послышался голос с трибуны, где сидели жители Айконы:

— А с убийцами как?

Раскоряка покачал головой и сердито глянул на говорящего:

— Это кто? Ты, Банго?

— Я.

— Где ты был все эти двадцать лет, хотел бы я знать. Вроде бы с нами, в цирке. Поэтому должен знать. У нас ведь принято: пока не вернешь украденное, можешь не возвращаться. Значит, если украл чью-то жизнь, вернуть не получится — неужели не ясно?

Банго почесал подбородок:

— Да, ясно: считай, с концами.

— Дошло наконец. — Раскоряка перевел взгляд на арену. — Вы сами подумайте, на западе лежит целый континент, а народу там — ни единой души. Так что все, кто рвется в короли, легавые, судьи, правительственные бумагомаратели — давайте отселяйтесь, места там всем хватит. Повесим вокруг вас таблички, что, мол, чумное место — и делу конец. — С этими словами Раскоряка сел на место.

Вощеный ткнул Бородавку локтем в бок:

— Вряд ли из нас сделают мировых судей. Что-то не похоже.

Бородавка вздохнул, покачал головой и обернулся к Поджу:

— У тебя есть еще предложения?

Подж развел руками:

— Ну, может, назовем их священниками, пасторами. Капелланами на худой конец.

Вощеный расхохотался:

— Черт тебя подери, Подж, что там у тебя вместо мозгов? Да что бы я размахивал этой вашей Библией?! — Трибуны покатились со смеху.

— Прошу слова! — Люди притихли, услышав странный негромкий голос. С тарзакской стороны трибун на арену выполз Черепашка Агдок и вперил из-под панциря свои крошечные глазки в Поджа. — На моей родной планете Уоллаби ведение архивных записей и составление текстов брачных договоров входит в обязанности историков. Их труд не имеет никакого отношения ни к религии, ни к юриспруденции.

— А как их называют?

— Я же сказал — историки. На моем языке это слово звучит как «жхредс».

Подж кивнул:

— Жрец. Хорошо звучит, — сказал он и с довольным видом сел.

Но в тот момент Вощеный дернул Бородавку за руку:

— Да провалиться мне на этом месте, если какой сукин сын обзовет меня жрецом! Да я...

Бородавка поднял руку:

— Агдок сказал, что это слово звучит как «шрец».

Черепашка Агдок высунул голову из панциря:

— Жхредс-с-с. Я сказал ж-ш-хред-с-с.

Вощеный и другие архивариусы стерли с лица пот. Вощеный вытер влажную руку о рубашку и сердито посмотрел в сторону Агдока:

— Ну и словечко. Язык сломаешь.

Сержант Спук Тиерас кивнул в сторону Бородавки:

— А мне больше нравится, как Подж произнес.

Вощеный посмотрел на Спука:

— Потому что ты родом с Ахнгара. Откуда тебе знать, что такое жрец.

— А ты бы предпочел называть ж-ш-хред-с-с-с? — поддел Вощеного тонкий как прутик ахнгарец.

Вощеный в очередной раз вытер с лица пот.

— Да не в произношении дело!

Откуда-то с трибун послышался голос:

— Сколько можно спорить? Пусть себе зовутся жрецами. Мы сюда пришли цирк смотреть!

В поддержку этого предложения раздался целый хор голосов, который стих только тогда, когда Бородавка поднял руку:

— Решено. Отныне бывшие счетоводы и архивариусы именуются жрецами.

Вощеный схватил Бородавку за плечо:

— Одну секундочку...

Бородавка стряхнул его руку и рявкнул:

— Я сказал — решено!

Вощеный только фыркнул и сплюнул в опилки:

— Ну, домини-содомини-гомини. Теперь я жрец.

— Прошу прощения, — робко пискнул Черепашка Агдок. — Но это слово следует произносить как...

Но все новоявленное жречество Момуса даже ухом не повело.

Один за другим жрецы доложили публике о событиях, произошедших в их городах за последний год. Закончено сооружение дороги Куумик — Мийра, Косоглазый Майк Айкона в скором времени переберется на другую сторону Изумрудной долины. Там он намерен основать на берегу Западного моря рыбацкий поселок, который будет снабжать жителей долины свежей рыбой. Городок решено назвать Анокиа — «Айкона», только наоборот.

Дорожно-строительная бригада из Мийры доложила, что при прокладке дороги через Великую топь в джунглях им привиделись огромные чудовища. Правда, с этим все согласились, видения — не иначе как последствия неумеренных возлияний; видимо, брага оказалась некачественной.

Краут Мессер — начальник поварской команды Тарзака — заключил соглашение с конюхами Мийры об использовании их лошадей и повозок, с Порсом о поставках опилок с тамошней лесопилки и с Тиерасом — о поставках пил и прочего инструмента. Цель его заключалась в следующем — организовать экспедицию к замерзшим озерам Белошапковых гор и доставить оттуда лед. Ради этого придется проложить еще одну дорогу — ответвление от трассы Мийра—Куумик в том месте, где она пересекает Нагорье. В строительстве новой дороги предполагалось задействовать бригаду из Мийры.

Аркадий Джо Уимпл доложил, что в районе Куумика были обнаружены месторождения железа и меди. Коротышка Джим

Уистлер, главный кузнец, специально переехал из Тарзака, чтобы приступить к строительству плавильного цеха. К сожалению, нет возможности воспользоваться естественными факелами, горящими в пустыне. Запасов каменного угля тоже не обнаружено, поэтому придется наладить поставки угля древесного. Аркадий Джо лично займется строительством специального заводика, предположительно в районе пересечения дороги Мийра—Куумик и трассы Краута Мессера в район Белошапковых гор. Коротышка Джим уже заключил контракты с конюхами из Мийры об использовании их лошадей и повозок для поставок древесного угля в Куумик и готовых металлических изделий в Тарзак и северные города.

Костюмеры из Тарзака научились производить ткани из пушистых волосков ангельского дерева, а также окрашивать волокно в разнообразные цвета. Во время Гастролей одежду из этой ткани предполагается обменять на изделия других городов.

Во второй день Гастрольного Сезона все собрались на трибунах, чтобы вместе исполнить «Гимн Барабу». Музыку для него сочинил трубач Дряблый Мьюменеба, слова — клоун из Тарзака Щетина Джоко Круз. Бородавка собрал своих жрецов у огня. Рядом с ним стоял огромный деревянный ящик.

— Друзья, — произнес Бородавка, — первого шаттла больше нет. Теперь на его месте лишь трава и заросли кустарника. Но, разбирая шаттл, мы обнаружили, что сундук с флагами остался цел, его не выбросили с другими вещами, когда корабль освобождали от лишнего груза. Цирковые флаги — вот что лежит внутри.

Бородавка на минуту обвел взглядом собравшихся:

— Последним желанием Джона О'Хары было, чтобы вы — артисты цирка — не забывали, кто вы такие. Вы артисты лучшего — самого лучшего цирка — за всю историю.

С трибун послышались ликующие возгласы. Бородавка призвал зрителей сдержать на время эмоции.

— Мы уже два года ходим в одной и той же одежде и, надо сказать, порядком поизносились. Дети растут, нам всем нужна новая одежда. Наши костюмеры доложили вчера, что изготовили большое количество туник на манер тех, что носят в Куумике. Туники свободного покроя, годятся на любой размер, в них прохладно, и они отлично защищают от солнца.

Бородавка почесал свои бородавки, затем сложил руки на груди:

— Чтобы жизнь продолжалась, нам надо сделать очень многое. Только во время Гастролей мы можем позволить себе настоящее представление. В этом ящике лежат наши флаги. Я хочу, чтобы ко мне сейчас подошли главы подразделений. Я прошу каждого из них выбрать цвет и рисунок, которые отныне будут символизировать ваш род занятий в цирке. Независимо от того, чем вы занимаетесь между Гастролями, ваша одежда всегда будет напоминать, кто вы такие на самом деле. Кто хочет быть первым?

По трибунам пробежал ропот. Паки Дерн похлопал Крошку Вилл по плечу:

— Иди, выбери что-нибудь для нас, дрессировщиков.

Вилл посмотрела на начальника слонов:

— Это твоя обязанность, Паки, при чем здесь я?

Но Паки только улыбнулся и подтолкнул ее с места:

— Делай, что тебе сказано.

Крошка Вилл обернулась на Паки, на Шайнера Пита, но затем все-таки вышла вперед и встала перед сундуком.

— Мне можно? — спросила она Бородавку.

Тот пожал плечами:

— Ты первая. Выбирай, что хочешь.

Склонившись над сундуком, Крошка Вилл порылась в ворохе флагов. Найдя тот, что ей приглянулся, она сложила флаг и, вернувшись на место, отдала его в руки старшего дрессировщика. Паки развернул флаг — он оказался малиновым в вертикальную серую полоску. Крошка Вилл обняла Пита и улыбнулась Паки:

— Серый — потому что слоны тоже серые.

Паки нахмурился:

— А малиновый?

— Просто потому что цвет красивый.

К сундуку ринулись сразу несколько человек. Чолли Джекоби выбрал ярко-оранжевое полотнище. Фокусник Озамунд Великолепный остановился на флаге в красную и черную полоску. Гадалка Мадам Зельда предпочла небесно-голубой. Остальные хватали первое попавшееся в руки. Еще пара секунд — и у сундука никого не осталось. Вощеный Арделли ткнул Бородавку в бок:

— Эй, а как же мы?

Бородавка нахмурился:

— Кто? Шорники, что ли?

— Да нет, жрецы! Ведь это тоже род занятий!

Бородавка потер свой бородавчатый подбородок и пожал плечами:

— Я как-то об этом не подумал. Ведь это вроде как не цирковая профессия.

Вощеный фыркнул:

— То есть ты хочешь сказать, что ведение амбарной книги это не цирковая профессия? А чем ты занимался? Чем мы занимаемся сейчас?

— А-а-а, выходит, что так. — Бородавка указал на сундук. — Посмотри, может, осталось.

Вощеный покачал головой и отправился к ящику. Заглянув в него, он обернулся к Бородавке:

— Эх ты, пендианский бородавочник! Остался один-единственный! — С этими словами Вощеный вытащил из сундука последний флаг и гордо продемонстрировал его публике — в черно-белые ромбики. — Ну, если мне придется носить вот это, уж лучше я и дальше буду чистить сбрую!

Бородавка подошел к нему, чтобы поближе взглянуть на флаг:

— А по-моему, очень даже красиво.

Он взял флаг из рук Вощеного и протянул его другим жрецам. Последовавшие от жречества комментарии отличались разнообразием — от возгласов типа «Господе Иисусе» до невнятного «м-м-м».

Парад-алле открыл Паки Дерн со своей Роббер, за которыми прошествовали все остальные слоны. Обойдя арену в торжественной процессии, дрессировщики оставили животных в краале, а сами заняли места на трибунах. Тем временем Док Уимс исполнил на паровом органчике «Марш гладиаторов».

Затем последовала вольтижировка, выступления жонглеров, клоунов, эквилибристов. Но какое же представление без номеров под самым куполом — без канатоходцев и воздушных гимнастов? Увы, эти номера требуют специального снаряжения, а люди на Момусе еще только учились изготавливать веревки и канаты. К третьим Гастролям предполагалось

подготовить полную программу, в которой выступили бы и те, кто работает под куполом цирка.

И все равно вторые Гастроли были наполнены радостью и весельем. Искрились разноцветные блестки на костюмах. Кстати, блестки эти — голубые, серебряные, розовые — додумались делать из чешуи рыбы-уродца.

Сидя на трибуне, Крошка Вилл вздохнула и мысленно обратилась к Питу:

— *Все так стараются... И все равно это не представление.*

Пит сжал ее руку:

— *А ты закрой глаза и прислушайся.*

Вилл закрыла глаза. Слышалось гудение парового органчика, стоял смешанный запах людей, слонов, лошадей и пищи. Вилл казалось, что еще вот-вот — и она ощутит во рту вкус сладкой ваты.

Дух старого цирка не умер. То, чего не могла дать реальность, дополняло воображение.

Пит снова постучался в ее мысли:

— *Помнишь, что сказал Вощеный, — цирк нельзя погубить.*

Вилл продолжала сидеть с закрытыми глазами, прислушиваясь, мысленно вспоминая гастроли на других планетах. Перед ее внутренним взором возникали город за городом, превращавшиеся с прибытием цирка в страну-фантазию. Вилл почувствовала, что по ее щекам покатились слезы, а затем — прикосновение Пита, который их утирал.

— Цирк не погубишь, — произнес он вслух.

Вилл обняла его за шею и рассмеялась.

Утром в последний день Гастролей Крошка Вилл осторожно высвободилась из объятий мужа и встала. По небу плыли небольшие облака, но день обещал быть ясным и не слишком жарким. Вилл посмотрела на спящего мужа и отправилась проведать Рег. Она вошла в крааль, отыскала Рег и нежно погладила ей хобот.

— *Все в порядке, Рег?*

Слониха фыркнула и кивнула головой. Осмотрев крааль и убедившись, что у слонов есть вода и сено, Крошка Вилл собралась было вернуться туда, где спали Пит и остальные дрессировщики, как вдруг услышала чьи-то сердитые голоса. Крош-

ка Вилл нахмурилась и направилась в обход трибуны. Там-то она и увидела, как громила Раскоряка Тарзак что-то выговаривает коротышке Бородавке. На Раскоряке была надета рыжевато-коричневая туника, которая едва прикрывала ягодицы. Раскоряка стучал себя кулачищем в грудь:

— Ты только посмотри, дурья твоя башка. Я что, должен теперь бегать полуголый?

Бородавка только всплеснул руками:

— Ну для тебя можно изготовить одежонку побольше. Я уверен, костюмеры что-нибудь придумают. Ткани у них предостаточно.

Раскоряка ткнул бородавочника в грудь:

— Черт тебя подери, Бородавка, уж коль этот город назван в мою честь, негоже делать из меня всеобщее посмешище.

— Я понимаю...

Крошка Вилл подошла и посмотрела на колени Тарзака. Тот сердито зыркнул на нее:

— А ты на что там уставилась, мелочь пузатая?

Крошка Вилл задрала голову вверх и расплылась в улыбке:

— Нескончаемое веселье.

Она повернулась и, смеясь, пошла туда, где спал ее муж.

Глава 17

В Трудильник, первого числа мая, в начале третьего года Великой Катастрофы, колонна слонов выстроилась для обратного марш-броска в Мийру. Все дрессировщики до единого переоделись в полосатые туники, хотя многие остались и в старых штанах. Шайнер Пит ушел вперед с лошадьми. Крошка Вилл и Паки осматривали царапину на ноге Рег. Неожиданно позади них выросла делегация из восьми дрессировщиков.

— Паки, есть дело, надо поговорить.

Паки выпрямился и обернулся к пришедшим:

— В чем дело, Молл? Почему вы не уехали вместе с повозками?

Молл указала стеком в сторону городка:

— Мы и наши семьи... в общем, мы решили остаться. В Мийру мы не вернемся.

Крошка Вилл тоже выпрямилась:

— Что вы хотите этим сказать — решили остаться? Вы же обязаны вернуться, дрессировщики живут в Мийре.

Молл улыбнулась и покачала головой:

— Крошка Вилл, с тех пор как Большая Нэнси разбилась с третьим шаттлом, у меня нет своего животного. — Молл кивком указала на тех, кто стоял у нее за спиной.

— Ну какие из нас дрессировщики? Где наши слоны?

Паки потер подбородок и покачал головой:

— Молл, но ведь нам еще предстоит строить дорогу — новую, к Белошапковым горам.

— Обойдетесь без нас. Мы остаемся в Тарзаке. Здесь больше народу, есть чем заняться. Можно найти работенку получше, чем тягать камни и бревна.

Паки кивнул:

— Нам будет вас не хватать. — Он посмотрел на остальных. — Всех.

— Но мы же встретимся на следующих Гастролях.

Паки посмотрел на Молл:

— А чем ты собираешься заняться?

— Попробую податься в рыбаки. Я уже положила глаз на эти лодки в Сине, поговорила с кем надо.

Крошка Вилл покачала головой:

— А как же слоны? Ты будешь по ним скучать?

— А как же. Но мы же будем видеться время от времени. — И она указала на Безумного Муллигана. — Он оставляет Минг в Тарзаке.

Крошка Вилл в растерянности закрыла ладонями рот:

— Нет, только не Минг.

Паки помрачнел и, обойдя Молл, схватил Муллигана за ворот туники:

— Черта с два!

Муллиган оттолкнул его от себя:

— А кто ты такой, чтобы распоряжаться здесь?

— Она не твоя. Это собственность цирка.

— Тогда покажи мне документы! Где этот цирк? Был, да сплыл!

Муллиган набрал полную грудь воздуха и расправил смятую на груди тунику.

— Паки, с момента катастрофы я не получил за свой труд и ломаного гроша. Я два года ходил за слоном — и все за спасибо. Так что я этого слона заработал. Если ты думаешь иначе, давай решать этот вопрос прямо сейчас.

Паки посмотрел на слонов, опустил голову и плюнул:

— Черт с тобой.

Крошка Вилл коснулась его руки:

— Паки.

Но Паки отдернул руку и медленно направился к своей Роббер.

— Муллиган прав, Вилл. Черт его подери, но он прав. Извини.

При виде слез Крошки Вилл Муллиган потупился:

— Я прекрасно знаю, что значила Минг для Здоровяка Вилли. И я о ней позабочусь. Обещаю тебе.

Роббер направилась к мосту через дельту. Крошка Вилл отвернулась от Муллигана и поспешила догнать Паки.

— *За мной, Рег!*

Слониха медленно тронулась с места, а за ней и все остальные слоны.

На вторую ночь перехода из Тарзака в Мийру, когда дрессировщики приготовились разбить лагерь у лесопилки Порса, мимо них по каменистой дороге прогромыхала подвода из Мийры, запряженная парой першеронов. Возница подъехал у краю лагеря. Подождав, пока осядет пыль, он выпрыгнул из повозки и двинулся по единственной улице поселка. Это был Шайнер Пит.

— Паки!

Крошка Вилл бросилась к мужу:

— Пит, в чем дело?

— Где Паки?

Вилл указала в сторону деревьев:

— Лечит Роббер. А в чем дело?

— Не знаю. — Пит покачал головой и бросился искать Паки.

Увидев, что в его сторону бегут Пит и Крошка Вилл, Паки Дерн выпрямился:

— Только без паники. Что стряслось?

Они остановились. Пит пытался перевести дух.

— В Мийре. В город нельзя. Мейндж говорит, как только дойдете до города, тотчас же сворачивайте на Куумик. Он уже направил туда конюхов с лошадьми и повозками.

— Выкладывай начистоту. Что там происходит?

Пит покачал головой:

— Какая-то эпидемия. Это пока все, что может сказать Мейндж. Заболели все, кто не поехал в Мийру. Уже умерли Клык, Первая Леди и Ходячий Коврик.

Пит свесил голову и закрыл глаза:

— Ничего не могу понять. Вощеный и Дот были с нами в Тарзаке, но и они заболели.

— А Повариха Джо?

— Уехала с конюхами.

Паки положил руку на плечо Шайнеру Питу, бросив взгляд в сторону костров, где дрессировщики готовились к вечерней трапезе.

— А что, собственно, с людьми?

— Ничего страшного, но несколько человек жаловались на боли в животе, тошноту и головокружение.

Шайнер Пит кивнул и покачал головой:

— И в Мийре то же самое. Черт, один к одному. Мейндж говорит, что, если у кого-либо будут те же симптомы, их надо срочно изолировать от тех, у кого еще нет. Больных оставьте в Мийре, а остальные уходите, чем скорее, тем лучше, строить дорогу в Белошапковых горах. — Пит указал на дорогу, ведущую в Тарзак. — Это значит, что во время Гастролей зараза пошла гулять дальше. Теперь ее надо ждать во всех городах.

Крошка Вилл прижалась к мужу:

— Неужели Мейндж не может ничего сделать?

Шайнер Пит покачал головой, затем посмотрел на Паки:

— Я могу забрать ваших больных.

Паки смотрел на костры:

— Все равно ситуация дерьмовая, — и он посмотрел на Пита. — Коль Мейндж настаивает, чтобы больных изолировать от здоровых, я кого-нибудь из них посажу вместо кучера, а ты останешься с нами. — Он опять посмотрел на костры. — Кажется, пора сообщить об этом людям. — Паки зашагал в сторону лагеря.

* * *

Вечером следующего дня колонна свернула прочь от Мийры в сторону Великой топи. Поселок полыхал, словно огромный факел, и запах гари еще долго стоял в воздухе. В последующие дни, пока колонна двигалась по дороге на Куумик, навстречу несколько раз тянулись подводы с больными.

Когда они достигли того места, где дорога пересекала Нагорье, оказалось, что конюхи и другие члены строительной бригады уже приступили к работе. Им приходилось буквально вгрызаться в скалы, прокладывая путь к замерзшим озерам у подножия Белошапковых гор. В ту ночь Крошка Вилл с мужем сидели за одним костром вместе с Паки и старшим конюхом Погонщиком Саггсом. Погонщик вручил Паки карту, и пока главный дрессировщик изучал ее, говорил, глядя на огонь:

— Мы наметили уже полмаршрута, но дорога эта, скажу я вам, не подарок. — Погонщик пошарил у себя за спиной, поднял камень и протянул его Шайнеру Питу. — Нам придется прогрызть как минимум четыре гребня из такого камня. Орешек, который не всякому по зубам.

Крошка Вилл посмотрела на камень у Пита в руках. Он был матовый, с черными вкраплениями, но свет костра все-таки проходил сквозь него. Вилл вопросительно посмотрела на мужа:

— А как он называется?

— Унди Феддер говорит, что это пегматит. Прозрачный минерал — это кварц, прокладывать сквозь него дорогу — все равно что рубить кусок стекла. Но выбора нет — или через горы, или в обход через гнусные топи.

Паки взял в руки камень, повертел его так и сяк и вернул Погонщику.

— Выходит, нужна гремучая смесь Стина?

— Придется, если нет другого выхода.

Вонючая слизь гниющих опахаловых деревьев, смешанная с древесным углем и обработанная кислотой убойного дерева после того, как ее высушивали до консистенции густого желе, превращалась во взрывчатку. Взрывалась она от чего угодно — стоило ее нагреть, потрясти, поднести к ней огонь или же просто сама по себе. Рецепт взрывчатки придумал Маккорки из Мийры. Стин из Куумика наладил производство, и

какое-то время эту гремучую смесь использовали на рудниках — пока сам Стин не взлетел вместе с ней на воздух. Но его имя так при ней и осталось.

Вскоре после того, как прокладка дороги пошла полным ходом, бригада вышла из джунглей на редколесье и степные просторы Нагорья. С каждым изгибом, с каждым поворотом трассы люди приближались к подножию Белошапковых гор. Пять раз пришлось отправлять в Мийру подводы с больными. Правда, вместе с той подводой вернулись несколько человек — те, кто сумел выздороветь от загадочной болезни.

Вскоре ночи стали такими холодными, что слонам потребовались попоны. К этому времени пятеро дрессировщиков вместе с животными покинули лагерь. Двое направили стопы на север, в Изумрудную долину, трое — на юг, в Куумик, работать в рудниках.

При мысли, что для прокладки дороги к подножию Белошапковых гор у них осталось всего двадцать три слона, по спине Крошки Вилл всякий раз пробегал холодок. Перед глазами у нее стоял Здоровяк Вилли и целая процессия серых гигантов, горделиво вышагивающих вокруг арены. Этот образ и пронизывающий ее до костей холод слились в сердце Вилл в решимость, более того — в осознание своего предначертания стать хранительницей прошлого, как своего личного, так и всего цирка.

Дрессировщицу Слим Ким и ее слониху по кличке Тори разнесло в клочья, когда при прокладке дороги сквозь первый гребень гремучая смесь Стина неожиданно для всех взорвалась сама по себе. Слонов осталось всего двадцать два.

Прошло несколько месяцев, на смену заболевшим возвращались те, кто выздоровел. От Дурня Джо Паки и его люди узнали, что те, кому не посчастливилось выздороветь, потихоньку пополняют кладбище Мийры. К этому времени строители уже добрались до последнего, самого неприступного из пегматитовых гребней. Стены его были слишком круты и отвесны, но дороги в обход все равно не построить. Люди работали зубилами и молотками. Острые как бритва осколки разлетались во все стороны, и руки рабочих были покрыты кровоточащими ранами. Не успела бригада приступить к работе,

как Тай Муати лишилась левого глаза — его, словно стрелой, пронзил осколок пегматита.

Привезли гремучую смесь. Трижды Шайнер Пит выходил работать с пиротехниками — теми, кто умел обращаться с коварной взрывчаткой. На четвертый раз он остался последним и единственным представителем этой редкой профессии.

Уже четвертый раз в тот день Шайнер Пит уходил в образовавшуюся расселину с ведром гремучей смеси и заливал ее в трещины горной породы. Как только все трещины были заполнены смесью, в них вставлялись смазанные взрывчаткой веревки; сам Пит спешил вниз — там концы веревок связывались вместе и поджигались.

Пока Пит готовился к взрыву, Крошка Вилл стояла рядом. Вместе с другими дрессировщиками и животными ей пришлось отойти далеко назад от места работ. Пока Пит разговаривал с Паки, Крошка Вилл рассматривала образовавшиеся в пегматите трещины. Ей хорошо был виден склон гребня, пятна гремучей смеси, залитые в них. Вилл уже доводилось быть свидетелем применения «гремучки», и поэтому она сумела оценить разницу и в количестве взрывчатки, и в длине запальных шнуров.

— Всем встать. Отходим еще дальше, — скомандовала она остальным дрессировщикам.

Толстяк Майк Кубоски только расхохотался в ответ:

— Да я с места не могу сдвинуться. Первый раз присел за весь день!

Крошка Вилл посмотрела на Толстяка Майка, на его слониху, Балерину, затем на других дрессировщиков.

— Если мы останемся здесь, нас завалит камнями и нам всем крышка. — Вилл указала рукой вниз. — Вот увидите, некоторые глыбы полетят прямо сюда.

Вокруг нее раздался взрыв хохота. Расстояние до расселины было немалое. Не сказав ни слова, Крошка Вилл взяла Рег и отвела ее на сотню ярдов ниже. Другие дрессировщики посмеялись между собой — мол, что поделаешь, детский каприз, но все-таки пошли вслед за Вилл в безопасное место. Все — кроме Толстяка Майка и его Балерины.

Шайнер Пит и Паки оглянулись — странно, что заставило слонов отойти дальше вниз по склону? — но затем вернулись к прежнему занятию. Паки укрылся за высоким выступом, а

Пит соединил концы шнуров, продев их между двумя камнями. Он уже приготовился резким движением сдвинуть камни, но... Крошка Вилл вскочила с места, увидев, как сверху на Пита вот-вот обрушится огромная глыба. Он так и не успел привести заряд в действие. Вилл прикусила губу и повернулась к бывшей певичке, а теперь шорнику Канарейке Мэри.

— Мэри, я вижу, как на то место, где сейчас стоит Пит, обрушивается глыба!

Певица обняла Вилл за плечи:

— Не волнуйся, моя милая. Самое главное — это заложить заряды. Тем более теперь мы все на безопасном расстоянии.

— Нет, — покачала головой Вилл, — ты не понимаешь. Со мной такое уже случалось раньше. За несколько секунд до того, как Стаб сорвался с утеса ущелья Змеиной горы, я видела его падение. Я вижу то, что должно произойти. — Вилл указала в сторону Толстяка и Балерины. — Там сейчас произойдет нечто ужасное. Не знаю, откуда мне это известно, но я это вижу. — Затем Вилл указала в сторону Шайнера Пита. — А вот там упадет самая крупная глыба. Я это вижу. Вижу как явь!

Мэри похлопала ее по руке, и в этот момент Пит резким движением сжал концы шнуров двумя камнями.

Раздался оглушительный грохот, и к небу взметнулся столб серой пыли. А еще выше взлетел целый фонтан осколков кварца, камней и валунов различной величины. Не одна глыба обрушилась на то место, где до этого стояли слоны и где предпочел остаться Толстяк со своей Балериной. Но взгляд Крошки Вилл сейчас был прикован к другому — взмыв вверх, огромный валун сделал в воздухе сальто, а затем начал падение на Шайнера Пита.

Пит сидел, сжавшись в комок у самой скалы, закрыв руками лицо. В ушах стоял оглушительный грохот, многократным эхом отражающийся от гор. Крошка Вилл закричала на падающую глыбу, вскочила с места и замахала руками. События развивались у всех на глазах. Молодая женщина, обезумев, бежит к расселине. Гигантская глыба — весом никак не менее пяти тонн — меняет в воздухе траекторию падения и обрушивается в нескольких метрах от Шайнера Пита. Толстяк и его Балерина превратились в кровавое месиво.

В ту ночь Шайнер Пит и Крошка Вилл пытались согреться под одеялом, устроившись поближе к костру.

— *Говорят, ты двигала камень.*

Крошка Вилл кивнула:

— *Похоже на то. После этого я дважды пыталась сдвинуть небольшие предметы, но у меня ничего не получилось. Не знаю даже, в чем тут дело. Ссендиссиане никогда не рассказывали мне о том, что с помощью мысли можно двигать предметы.*

— *Это понятно. Они только ведут разговоры при помощи мыслей. Перемещениями они не занимаются.*

Пит пожал ей руку:

— *Скорее всего это был обман зрения.*

Крошка Вилл вздохнула, закрыла глаза и кивнула:

— *Наверное.*

Она вспомнила происшедшие события и расплакалась. Пит обнял ее за плечи:

— *Ты все думаешь о Балерине.*

— *Пит, у нас остался всего двадцать один слон. Всего двадцать один!*

Глава 18

Третий Гастрольный Сезон прошел как-то тихо и незаметно. Единственным знаменательным событием стала беременность Поварихи Джо. Повариху пришлось в срочном порядке отправить в Мийру — в своем новом «интересном положении» она уже не могла справляться с полевой кухней. В месяц Громовик четвертого года Великой Катастрофы дорога наконец достигла покрытого льдами гребня. С его самой высокой точки Крошке Вилл как на ладони были видны искрящиеся пятна замерзших озер у подножия Белошапковых гор.

Если с гребня смотреть на восток, через простиравшуюся где-то внизу Великую топь, далеко-далеко, у самого горизонта в туманной дымке пряталась Мийра. Крошка Вилл печально покачала головой, глядя на извилистую царапину на теле планеты, которую их бригада окрестила Дорогой Слоновьего Отребья. Одиннадцать человек, мужчин и женщин, отдали ей жизнь в буквальном смысле слова. Еще девятнадцать унесли

болезни. Другие тридцать скончались в Мийре во время эпидемии. Кроме Балерины, дорога к Белошапковым горам отняла еще двух слонов — Приму и Матроску. Обе не пережили холода. Теперь их осталось всего девятнадцать. А ведь до озер еще предстояло дойти.

Вилл повернулась и зашагала к лагерю, разбитому в расселине, защищавшей, насколько возможно, от пронизывающего ледяного ветра. Вокруг костров сидели, сбившись группами, бесформенные, закутанные в одеяла фигуры. Завернувшись в одеяло, Паки Дерн тем временем проверял, хорошо ли слоны укрыты попонами, хватает ли им пищи. Не успела Вилл дойти по замерзшей земле до Пита, как ее перехватил Паки Дерн.

— Крошка Вилл, завтра запряжешь Рег в повозку и поедешь в Мийру.

Вилл удивленно раскрыла глаза:

— Зачем? Ведь у нас есть лошади.

— Да, но не на этот раз. Рег плохо переносит холод, и если мы не отправим ее отсюда, долго она не протянет. — Паки кивнул в сторону костров. — Заодно отвезешь больных. — Паки положил ей на плечо руку. — Пит, того и гляди, совсем сляжет. И еще четверо. — Паки посмотрел на слонов. — Иди поспи немного. К сожалению, не могу пожалеть вас всех сразу. Завтра тебе придется в одиночку командовать парадом.

Спустя три дня уже в долине, где знойный воздух окутывал ее сонным покрывалом, Вилл потихоньку дремала, сидя верхом на шее Рег. Слониху впрягли в грузовую повозку, в которой лежали больные, мужчины и женщины. Был среди них и Шайнер Пит. По дороге Куумик — Мийра Рег степенно вышагивала на север, подходя все ближе и ближе к дому. Время от времени, чувствуя, что Крошка Вилл задремала, Рег останавливалась и принималась жевать придорожную траву. И тогда Крошка Вилл, спохватившись, постукивала ее по холке стеком, и Рег неторопливо бралась с места. Вскоре Вилл вновь начинала клевать носом.

Мысленно она представляла себя шагах в ста впереди слона, призывая животное идти следом. Крошке Вилл грезилось, будто она идет впереди и видит то, что не видно другим. Стран-

ное сновидение. Вот она остановилась посреди дороги и поджидает Рег. Какое-то время спустя из-за поворота показалась телега с больными. И кто же сидел верхом на шее у Рег? Конечно же, она сама, Крошка Вилл.

Вилл отвернулась и принялась мысленно разглядывать полосу небес между деревьями. Взмахнув руками, она воспарила над лесом. Взмывая все выше и выше, пока наконец, оглянувшись, не увидела Белошапковые горы. А затем еще выше, пока небо над ней не стало темным. И тогда она посмотрела вниз. Царапины на поверхности планеты — дело рук их дорожно-строительной бригады — стали почти неразличимы. Но впереди, рядом со Столовым озером, Вилл разглядела домики Мийры. Один полыхал, а от трех уже остались лишь обгорелые кострища. Дальше за домами виднелась широкая полоса, пропаханная в джунглях при падении третьего шаттла. В самом конце полосы уже появилась редкая поросль. Лес постепенно заявлял о своих правах.

Вилл ощутила вокруг себя некую силу — исходившую из неизвестных источников. Ощутила шестым чувством. Подобное воздействие недоступно зрению.

— *Кто вы?* — спросила Вилл.

— *А ты?* — почувствовала она ответ. — *Кто ты такая?*

Вилл вспомнила голоса, и в голове у нее тотчас все пошло кругом: Хасси, Нхиссия, ссендиссиане. Но ведь они погибли в корабле еще задолго до падения.

— *Мы дети ссендиссиан.*

А какие они сильные! То один толкнет ее, то другой. Она казалась себе совершенно беспомощной.

Вилл посмотрела вниз, пытаясь отыскать взглядом влекомую слоном подводу. Пока она искала Рег, неведомые силы тянули ее вниз. Вилл кувырком полетела вниз с высоты. Великая Топь неслась навстречу ей с головокружительной скоростью.

Крошка Вилл открыла глаза. Рег вновь улучила минутку, чтобы предаться придорожному чревоугодию. Крошка Вилл легонько ударила ее стеком по плечу, и слониха нехотя двинулась в путь.

Крошка Вилл почувствовала мысли Шайнера Пита — он пытался достучаться до нее.

— *Что-то не так, Вилл?*

— *Нет-нет, просто мне пригрезился дурной сон. Не волнуйся. Постарайся уснуть.* — Она почувствовала, как Пит вновь выпадает в забытье. Лихорадка брала свое. И Крошка Вилл опять устремила взгляд в бескрайнюю ширь неба.

«Мне кажется, что это был сон», — подумала она. Похлопав Рег по холке, Крошка Вилл предалась своим странным видениям.

Еще через три дня их подвода добралась до Мийры. Рег поставили в крааль, а Крошку Вилл пришлось уложить в постель рядом с Питом. Теперь они вдвоем оказались в цепких объятиях смертельной лихорадки.

Крошка Вилл и Шайнер Пит вдвоем парили над облаками.

— *Видишь, Пит, я была права.*

Пит описал круг вокруг Крошки Вилл:

— *Ты была права, согласен.*

Он выровнял свое положение и посмотрел вниз:

— *Ого, мы уже над Тарзаком.*

Пит посмотрел на сияющее облачко — Крошку Вилл.

— *Интересно, а какую мы можем развить скорость.* — И он устремился через море Барабу к Срединному континенту.

— *Пит, может, не надо?*

Но Пит уже унесся далеко вперед и не слышал ее. Крошке Вилл пришлось догонять его. Где-то далеко внизу под ними, подобно огромному зеркалу, сияло море. На его поверхности они разглядели четыре рыбацких шхуны из Тарзака.

— *Пит, давай попробуем еще быстрее. Насколько хватит сил.*

И два легких сияющих облачка устремились на восток. Какое-то время им были видны только море и небо, но затем впереди темной полосой замаячил Срединный континент. Они сбавили скорость.

— *Посмотри!* — воскликнул Пит. — *Это Мбвебве! Здесь совершил посадку второй шаттл!*

Где-то внизу под ними мерцали огоньки. Но Пит и Крошка Вилл пока еще купались в лучах солнца. Был вечер, предвестник длинных ночей Мбвебве. Вскоре огоньки превратились в свет факелов, а сами факелы — в пожары, которыми полыхали деревянные дома. Внизу можно было разглядеть мужчин и женщин — с факелами в руках они шли к какому-то

все еще целому дому. Крошка Вилл вскрикнула и устремилась вперед, навстречу ночи. Некоторое время ее окружала тьма, лишь редкие звезды проглядывали где-то в вышине. Крошка Вилл чувствовала, что плачет.

— *Пит!*

— *Что?*

— *Пит, ну почему здесь нет луны? Мне ее так не хватает!*

В темноте они схватились за руки и устремились вдогонку солнцу.

Вечером девятого числа месяца Трясуна Паки Дерн стоял в дверях хижины Мейнджа Рейнджера. Хозяин дома вместе с Бархатными Пальчиками сидели за заваленным бумагами столом.

— Никак не мог раньше. Ну как, с мальчишкой все в порядке?

Мейндж сидел на подушке скрестив ноги и подперев лицо ладонями. Не поднимая глаз, он кивнул:

— С ним все в порядке, Паки. Ты теперь у нас отец — мальчишка кровь с молоком, настоящий богатырь. — Пальчики посмотрел на Паки. — Лихорадка не берет детей. По крайней мере тех, кто родился на Момусе.

— А Повариха? Вид у нее — как из гроба.

Мейндж покачал головой и опустил руки:

— Ничего не могу сказать. Пока ничего определенного. — Ветеринар потер усталые глаза и указал на ворох бумаг перед собой. — Все, что можно, мы уже перепробовали. И решили закончить эксперимент. — Мейндж посмотрел на бумаги. — Ничего. Никаких тебе результатов. — Одним движением руки он смахнул бумаги на дощатый пол. — Господи, да я ощущаю себя не врачом, а шаманом! Жгу дома, заговариваю нарывы... — Он посмотрел на Маккорки. — Такое впечатление, что абсолютно все бесполезно. Что это? Вирус? Бактерии? Какой-то сглаз? Мы точно знаем, инфекция не передается от человека к человеку. Тогда что это? Скольких насекомых мы изучили?

Пальчики покачал головой:

— Не знаю. Тыщи две пока. Но их гораздо больше.

Мейндж посмотрел на Паки:

— Мы собрали целый миллиард кореньев, листьев, образцов коры, ягод — и все бесполезно. Черт, ведь у нас нет даже

самого обыкновенного микроскопа! Ничего! Имей мы возможность делать анализы крови, мы смогли бы выяснить, отчего ребятишки, рожденные здесь, невосприимчивы к этой заразе.

Бархатные Пальчики поник головой.

— Что же нам теперь делать? — отрешенно вопрошал он. — Мосдоу из Аркадии все ломает голову, как изготовить линзы из тамошнего благородного кварца, но боюсь, что через них мы мало что увидим. Тут, наверное, даже старый добрый электронный микроскоп был бы без толку... Впрочем, не до жиру, где тот микроскоп? — остался в другой жизни. — Пальчики сидел неподвижно, лишь дыхание выдавало в нем признаки жизни.

Мейндж встал из-за стола и, подойдя к Паки, печально посмотрел в открытую дверь на дымящиеся угли недавно сожженного дома.

— Иногда мне хочется нацепить маску, набедренную повязку и пойти изгонять злых духов.

Мейндж шагнул в темноту и отправился к дощатому строению, в котором размещался лазарет. Теперь это было единственное пристанище тех, чьи дома уничтожил огонь.

Проходя мимо, Мейндж указал на следы пожарища:

— Я им тысячу раз говорил, что поджогами не поможешь. Уже давным-давно пора понять. — Мейндж беспомощно всплеснул руками. — И все равно, не проходит и ночи, чтобы кто-нибудь не бросил зажженный факел в пустое жилище.

Паки проследовал за ним в лазарет. При свете четырех свечей были видны длинные ряды дощатых коек.

— Никак не могу взять в толк, почему некоторые все же выздоравливают, хотя большинство сгорает буквально на глазах? Почему новорожденные обладают врожденным иммунитетом? — Мейндж разговаривал сам с собой. Пройдя вдоль ряда коек, он остановился возле Шайнера Пита и Крошки Вилл. Паки встал с ним рядом.

Оба они лежали тихо — даже умиротворенно. Здоровый цвет лица вернулся к ним, жар спал. Но зато они вели разговоры о странных вещах — о том, как их сознание путешествует вокруг планеты, об огромных зеленых ящерицах, виденных ими в Великой топи, о том, что они нашли змеиные яйца, спрятанные Вако-Вако посреди Великой топи, и разговаривали с ними.

— Жар был сильным. Он всегда сильный. У нас есть несколько случаев осложнений на мозг. — Мейндж покачал головой. — Ограниченные телепатические способности нескольких ребятишек из нашего цирка я в свое время обсуждал с нашим врачом и ссендиссианкой Нхиссией. Но даже ссендиссиане не способны мысленно бродить вне тела, совершая путешествия в пространстве и времени. Заболевшие всегда горят как в огне — к ним страшно даже прикоснуться. По всей видимости, поврежден мозг.

Паки потер подбородок и посмотрел на ветеринара:

— А змеи Вако умели передвигать предметы усилием мысли?

— Ты имеешь в виду телекинез? — Мейндж покачал головой. — Вряд ли.

— А вот Крошка Вилл может. Ребята из нашей бригады видели, как она передвинула огромный камень.

Мейндж недоверчиво выгнул брови:

— И сколько из них заболели?

— Не знаю, но...

— А ты сам-то это видел?

Паки отрицательно покачал головой.

Мейндж вслед за Паки направился к выходу.

— Эх, я бы что угодно сейчас отдал за какой-нибудь паршивый термометр!

Хотя подводы со льдом начали регулярно проезжать через Мийру по дороге в Тарзак, четвертые Гастроли прошли без участия жителей Изумрудной долины. Пока эпидемия косила людей, было не до веселья. Слишком много появилось новых могил, много народу все еще в лазарете, а те, кто выздоровел, слишком слабы. Те, кто был в состоянии стоять на ногах, собрались на крошечной городской площади, где Паки и Роббер устроили нечто вроде представления. А неделю спустя сам Паки оказался в лазарете.

Было тринадцатое число месяца Ветряка, пятого года Великой Катастрофы. Крошка Вилл поднялась с постели и, слегка пошатываясь, вышла на солнце. Ощутив тепло солнечных лучей, она засунула руку под одежду, чтобы пощупать выпирающую над впалым животом грудную клетку. Теперь жители Мийры были все как один — кожа да кости.

Паки все еще прикован к постели: слишком слаб, чтобы встать на ноги.

Еле передвигая ноги, Крошка Вилл направилась вверх по улице к дому Паки. Сидя на каменном крылечке перед входом, Повариха Джо грудью кормила сына.

— Повариха, как там поживает наш Паки?

Повариха кивком указала на свободный конец скамьи:

— Присаживайся, Крошка Вилл. Кажется, будто тебя вот-вот ветром сдует.

Крошка Вилл покачала головой:

— На солнышке хорошо. А если я сяду, очень много сил уйдет у меня, чтобы встать. — Она кивнула в сторону двери. — Как там Паки?

В глазах Поварихи появилось странное выражение.

— Не знаю. Мейндж говорит, что жар спал. Но Паки все равно лежит в постели, словно помереть собрался. В рот ничего не берет — отказывается есть.

Крошка Вилл почувствовала головокружение и прижала руку ко лбу:

— Может, мне все-таки лучше сесть. — Она сделала три шага, отделявшие ее от скамьи, и тяжело опустилась на нее.

— Ну как, лучше тебе?

— Лучше, но ноги меня что-то плохо пока держат.

Повариха взяла ребенка поудобнее и посмотрела на Вилл:

— А ты уверена, что тебе вообще можно вставать? Будь у тебя сейчас зеркало, ты бы со страху в обморок грохнулась, глядя на себя.

— Если бы да кабы.

— А как Пит?

Вилл покачала головой:

— Еще слаб, хотя постепенно выкарабкивается. — Вилл заглянула в темный дверной проем дома Паки, а затем снова посмотрела на Повариху Джо. — Ничего, если я зайду посмотреть на него?

— Он ни с кем не разговаривает. Даже со мной.

Крошка Вилл уперлась рукой о стенку дома и заставила себя подняться. Держась за стену, она вошла и остановилась у двери.

— Паки!

Не получив ответа, она прошла к окну справа от себя и сняла с него закрывавшее свет одеяло. Комната тотчас наполнилась солнцем.

— Завесь окно.

Обернувшись на еле слышный голос, Крошка Вилл увидела Паки, вернее, то, что от него осталось.

— Кто ты теперь у нас, Паки? Крот? Даже света боишься?

— Завесь окно и уходи отсюда.

Но Крошка Вилл проковыляла к другому окну и с него сдернула одеяло.

— Паки, чтобы одеться, в комнате должно быть светло. Как можно одеваться в темноте?

— Одеваться? — Начальник слонов смотрел на нее запавшими глазами. — Зачем мне одеваться? А ты, если у тебя осталась хоть капля здравого смысла, тоже иди и ложись.

Крошка Вилл сложила руки на груди и посмотрела на Паки:

— Не пойду. Кто же тогда позаботится о слонах?

Паки отвернулся к стене:

— Тогда просто уходи, Вилл. Прошу тебя.

— А ты будешь лежать и дожидаться смерти? Знаешь, что сказал бы в таком случае Здоровяк Вилли?

Но Паки не поворачивался:

— Он уже давно мертв. Все мертвы. Все до единого, черт побери!

Крошка Вилл почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы.

— Он сказал бы: «Послушай, приятель, живо поднимай свою тощую задницу с сена и иди-ка займись слонами!»

Она еще немного повозмущалась в адрес лени, овладевшей мягким местом Паки, а затем перешла к более решительным действиям, подтолкнув под это самое место правой коленкой.

— Ой!

Паки перевернулся и сел, а Крошка Вилл поспешила вернуть себе равновесие.

— Черт тебя подери, Крошка Вилл! Не посмотрю на то, что ты теперь замужняя женщина, — так отхожу ремнем по заднице, что она светиться в темноте будет!

Вилл двинулась к двери:

— Сначала поймай меня!

Она шагнула на улицу и устало прислонилась к стене. Перед глазами у нее все шло кругом.

— Повариха! Повариха!

Вилл почувствовала, как чья-то сильная рука подхватила ее.

— С тобой все в порядке? Ты еще жива?

— Отведи меня домой. Одна я не дойду.

Вилл будто провалилась в бездонную пропасть. Внутри Момус оказался пустым, холодным и темным.

Здоровяк Вилли был пьян. Вилл помнила, что тогда ей было девять лет. Лишь позже она поняла, что ее отец любил время от времени приложиться к бутылке.

Тогда они находились в главном спальном отсеке «Барабу». Поскольку Здоровяк в ту пору не имел ни к кому и ни к чему душевной привязанности, то спал вместе с остальными дрессировщиками. Здоровяк сделал большой глоток из бутылки, затем горлышком указал в сторону дочери.

— Ни один дрессировщик на этом корабле без своего слона не стоит и ломаного гроша. — Здоровяк ткнул себя бутылкой в грудь. — В том числе и я. Я в особенности. — Он сделал еще глоток, опустил бутылку на колени и улыбнулся. — Ты посмотри на меня. Как следует посмотри. Без слонов я ничто. Пустое место.

Здоровяк потер глаза, а затем посмотрел поверх ее головы, на что-то такое, что было видно только ему.

— В «Снежном шоу» в Сиэтле работал один дрессировщик, звали его Губер Джонс. Я тогда работал вместе с Отравой Джимом. Черт бы побрал этого Губера. Он превратил своего слона в зверюгу... Угробил беднягу Джима. — Здоровяк покачал головой и опять уставился куда-то в пространство. — Если тебе когда-нибудь встретится дрессировщик, который возомнил, будто что-то представляет собой без своего слона, прибей его на месте и вышвырни вон из цирка. Заруби у себя на носу — такому нельзя доверять животных.

Здоровяк принялся рисовать в воздухе ему одному видимые картины и затем рассказал ей анекдот о неком Крауте Штуке. Как-то раз Краут приводил в порядок слоновьи ногти, когда ветеринар, новичок в цирке, спросил его, с чего это слон издает в такт ему хоботом какие-то звуки.

— А, это! — Краут вернулся к слоновьему педикюру. — Этот слон у нас ударник в оркестре.

Вилл не знала тогда, кто такой ударник, но она рассмеялась. Ведь Здоровяк Вилли тоже смеялся. А Здоровяк Вилли, как известно, был главным дрессировщиком слонов в «Большом шоу О'Хары». Вилл смеялась, потому что рядом с ним нельзя было не смеяться. А еще Здоровяк Вилли был настоящим великаном. Ведь в его руках находилось более сотни самых крупных наземных млекопитающих всей вселенной.

Здоровяк, ее отец...

Глава 19

Когда Крошка Вилл открыла глаза, первое, что она увидела, — это лицо Паки. Казалось, она перенеслась назад, в первые минуты после катастрофы. Вилл протянула руки и дотронулась до него. Начальник слонов, прищурившись, разглядывал ее:

— Вилл?

Во рту у нее пересохло, и Крошка Вилл облизала губы.

— Паки. — Она сжала его руку, и в этот момент над ней появилось еще одно лицо.

— Пит?

Шайнер Пит стоял на полу на коленях рядом с ее матрацем.

— Ну как ты?

Крошка Вилл закрыла глаза и задумалась. Почему-то ответ на этот простой вопрос давался ей с трудом. Затем она открыла глаза и улыбнулась.

— Есть хочу. Проголодалась. А как там Рег?

Паки кивнул:

— Потихоньку.

Вилл хмуро посмотрела сначала на Паки, затем на Пита:

— Смотрю, вы, двое, уже на ногах. Бегаете вовсю.

Паки фыркнул и посмотрел на Пита:

— Кажется, Пит, ты был прав. Эта девчонка — настоящая предсказательница, видит все буквально насквозь.

— Последнее, что я помню — так это что я была на ногах, а вы двое лежали пластом.

Паки выгнул брови и посмотрел ей в глаза:

— Ты имеешь в виду тот раз, когда ты выкарабкалась из постели специально затем, чтобы дать старине Паки коленкой под его тощую задницу?

Крошка Вилл залилась краской и кивнула.

Шайнер Пит сжал ее руку:

— Это было почти полгода назад.

— Полгода?

— Сегодня Деньжатник, пятое число...

Крошка Вилл попробовала сесть. Подобное напряжение оказалось ей едва по силам, в животе замутило.

— Я хочу в крааль. Мне надо посмотреть на Рег. А потом на озеро. Мне надо смыть с себя грязь, соскрести ее вместе с кожей, пока кровь не пойдет. А затем улечься на солнышке. А еще я хочу есть. Могу съесть целую гору.

Пит отвернулся куда-то в сторону, затем протянул ей чашку холодного бульона. Вилл жадно припала к чашке и сделала первый глоток. Она хотела было сделать и второй, но почему-то недоуменно нахмурилась.

— Спасибо... Я уже сыта.

Паки рассмеялся и покачал головой:

— Твой желудок сжался до размеров горошины. Не волнуйся, постепенно ты станешь есть больше.

Вилл с трудом заставила себя сделать еще глоток, а затем вернула чашку Питу и посмотрела на Паки.

— Но если сейчас... то до Гастролей остались считанные недели.

— Верно, но в Тарзак все равно никто не поедет — из-за эпидемии. Зато мы уже начали строить арену здесь, в Мийре. Клянусь шутом гороховым, Вилл, мы у себя устроим такое представление, не хуже, чем в Тарзаке.

Крошка Вилл отчаянно пыталась что-то вспомнить.

— Я видела сон. Про Минг. Будто я была в Тарзаке и Минг... В общем, Минг больше нет. — И Вилл вопросительно посмотрела на Пита.

— Мы ничего подобного не слышали. Дурень Джо навестил нас не далее как вчера, и он ничего нам не говорил про Минг.

Вилл положила руки на плечи Паки и Питу:

— Помогите мне встать. Я хочу увидеть Рег.

Пит взял Вилл под руку и помог ей подняться на ноги. Паки остался сидеть. Вилл вопросительно посмотрела на него сверху вниз:

— А ты?

Паки улыбнулся и пожал плечами:

— Пит поможет тебе дойти до крааля. А мои ноги плохо меня слушаются. Скоро сюда приедет Повариха — отвезет меня домой.

На лице Вилл читался неподдельный ужас.

— Это потому... что я... пихнула тебя?

Паки рассмеялся и покачал головой:

— Нет, конечно, моя хорошая. Ты была настолько слаба, что твоего пинка не почувствовала бы даже муха.

Паки указал в сторону крааля:

— Пару месяцев назад Роббер перепугалась грозы, ну и... прошлась по мне немного. Я всегда говорил, что Роббер у нас девушка с характером, но не до такой же степени... — Паки пожал плечами.

— Паки, а ты все еще главный?

Паки Дерн кивнул:

— Главный, а кто еще. А ты, пигалица, давай-ка выздоравливай побыстрее, нам ведь еще с тобой дорогу строить. Теперь мы проложим путь от Порса к трассе Мийра—Куумик. Это позволит на целых три дня сократить путешествие от Белошапковых гор в Тарзак. — Паки нахмурился. — Боюсь только, что Краут опять расплатится с нами этой чертовой дробью. Правда, пока они в Тарзаке ведут торговлю на эту дробь...

— Дробь? Дорожной бригаде за ее каторжный труд платят дробью?

Паки вздохнул и сделал невинное лицо:

— Как он однажды уже сказал мне, «будь я и впрямь умником, давно бы уже сидел на сундуке с деньгами».

Крошка Вилл только покачала головой. Пит помог ей выйти на улицу.

— За такой труд — и всего какую-то дробь!

Пит рассмеялся:

— Да у нас несколько мешков этой дроби — хватит не на одну дорогу. Мы тоже расплачиваемся дробью — за рыбу из Сины, за железо из Куумика.

— Дробью? — Вилл удивленно посмотрела на Пита.

— У Мутча Мовилла ее там горы, целые залежи.

— Ты у меня гений. С твоей головой надо быть дрессировщиком. Дробь! Это надо же!

Шайнер Пит покачал головой и помог жене преодолеть подъем к краалю.

В первый день пятых Гастролей Крошка Вилл и Пит взяли на себя часть обязанностей по их проведению. Повариха Джо и Паки с ними не было. Паки снова слег с лихорадкой, и Повариха ухаживала за ним. Гастроли должны были состояться в Мийре. Многие уже были на тот момент здоровы, но особой радости от этого не прибавилось. Ведь многие болели в третий или четвертый раз. В том числе и Дот Пот.

Крошка Вилл и Пит принесли на стол угощение. Вощеный и Мейндж сидели на подушках. На их лицах читались усталость и тревога.

Вощеный заговорил, не глядя на Мейнджа:

— Ты уже осмотрел Дот?

Мейндж расплылся в улыбке и кивнул:

— Осмотрел.

Вощеный удивленно уставился на ветеринара:

— И?..

Улыбки Мейнджа как не бывало. Он только покачал головой:

— Ничего не могу с этим поделать, Вощеный.

Вощеный посмотрел на стол и вздохнул:

— Черт. Ведь у этой женщины всегда было железное здоровье. — Вощеный покачал головой. — Кто бы мог подумать, что ее прихватит эта зараза.

— Вот и я не думаю.

Вощеный хмуро посмотрел на Мейнджа:

— Головная боль, тошнота, головокружение — если это не начало лихорадки, тогда что это?

Мейндж взял с тарелки тунговую ягоду и положил ее себе в рот.

— Просто она беременна.

Мейндж пожевал ягоду, проглотил и с деланным равнодушием посмотрел на Вощеного.

— Причины этого состояния нам хорошо известны.

Вощеный вскочил и пулей вылетел на улицу.

Мейндж посмотрел на Крошку Вилл:

— Я не хотел. Теперь у нас обед на троих.

Вилл с улыбкой уселась на подушки:

— Мейндж, а ты уверен?

Ветеринар кивнул:

— Это добрая новость — по крайней мере пока.

Крошка Вилл нахмурилась и с задумчивым видом принялась жевать ягоды.

— Когда мы с Питом были больны, то попытались вступить в контакт с чудовищами из Великой топи. Питу не удалось достучаться до их сознания, а у меня, если не ошибаюсь, получилось.

Мейндж недоверчиво выгнул брови:

— И?..

Крошка Вилл пожала плечами:

— Не могу объяснить словами... Но чудовище вроде бы как почувствовало мое присутствие и... удивилось. Можно сказать, даже проявило любопытство, пока я не заговорила с ним. Стоило мне заговорить, как оно, вереща, бросилось наутек в джунгли — точь-в-точь как малый ребенок.

Мейндж усмехнулся:

— Ну ты его, наверно, до смерти перепугала.

Пит и Вилл рассмеялись. Затем Пит указал большим пальцем на дверь:

— А где Пальчики?

Мейндж покачал головой:

— Кажется, его тоже прихватило. — Он задумчиво хмыкнул. — По крайней мере теперь у меня хотя бы стол косточками не заплеван.

Пит нахмурился:

— Он не любит косточки?

Мейндж покачал головой:

— Он обожает сладкую мякоть, но косточки-то с кислинкой, а у него от них скулы сводит.

Вилл прижала кончики пальцев к вискам. Пит настороженно посмотрел на нее, а Вилл — на Мейнджа.

— Мейндж, это примерно так же, как тогда. Я говорила тебе, что видела, как сверху на Пита и слонов обрушивается скала. Все дело в ягодах.

— Что «в ягодах»?

Крошка Вилл подалась вперед:

— Все дело в ягодах. Только они защитят нас от эпидемии!

Мейндж с печальной улыбкой покачал головой:

— Мы уже пробовали. И сколько мы ни кормили их ягодами, проку никакого. Вон сколько народу отправилось на тот свет.

— Косточки, Мейндж! Они ели ягоды с косточками?

Мейндж откинулся на подушках и потер подбородок.

— Не знаю точно... — развел он руками. — Все равно это не объясняет, почему дети, родившиеся здесь, невосприимчивы к болезни. Они все едят ягоды, но что-то я не встречал ребенка, которому нравились бы косточки. Они на любителя.

Вилл нахмурилась и взглянула на Мейнджа:

— Ты когда-нибудь лично видел, как дети выплевывают косточки? Они их не раскусывают, потому что косточки кислые. Да и зубов у них еще для этого нет.

Мейндж внимательно разглядывал Крошку Вилл:

— Ты хочешь сказать, что они заглатывают мякоть вместе с косточками? — Мейндж посмотрел на расставленное на столе угощение.

— А на Срединном континенте зараза пристает ко всем, в том числе и к детям — но там у них совершенно нет ягод!

Ветеринар посмотрел на Крошку Вилл:

— Возможно, ты и права. Чем черт не шутит.

Он взял со стола пригоршню ягод и начал давить их в руке. Затем из раздавленной массы извлек горстку косточек и встал, прихватив с собой кувшин с бражкой.

Крошка Вилл удивленно следила за его действиями:

— И что ты собираешься делать?

— Скормить их Пальчикам — теперь он у нас вроде подопытной морской свинки.

Ветеринар выбежал на улицу, а Шайнер Пит вопросительно посмотрел на Вилл.

— Боюсь, что праздничный обед разделим только мы с тобой. — Он отломил корень кобита. — Будем надеяться, что тунговые ягоды сделают свое дело.

Крошка Вилл посмотрела на угощение, затем отвернулась, устремив взгляд в ночную тьму:

— Сделают, вот увидишь.

В темноте ей виделись всевозможные картины.

— Мне многое видно, Пит. Например, что мы будем делать, когда у нас не останется слонов?

— Просто будем жить как муж и жена. Можно подумать, нам будет нечем заняться.

Вилл повернулась к нему:

— Не мы, а дрессировщики! Что они будут делать, когда не станет слонов?

Пит покачал головой:

— То же, что и другие.

Вилл поднялась:

— Ты не понимаешь. — Она вышла на темную улицу и направилась к краалю. Поднявшись по косогору, Вилл взобралась на изгородь и устремила взгляд на темные силуэты.

— Без слонов мы ничто, — еле слышно прошептала она.

События, увиденные Крошкой Вилл той памятной ночью, с годами постепенно сменяли друг друга. К началу шестого Гастрольного Сезона была построена короткая дорога до Порса. Эксперимент с тунговыми ягодами оказался успешным — теперь люди только и делали, что поглощали их с косточками. Кроме того, ягоды и даже тунговые деревья приходилось время от времени доставлять морем на Срединный континент.

К седьмым Гастролям эпидемия была побеждена, и люди вновь собрались на торжества в Тарзаке. Крошка Вилл ехала на спине у Рег по мосту через дельту и в очередной раз видела, как люди считают слонов. Теперь их было всего семнадцать. Минг испустила дух в Тарзаке, а двое других в Изумрудной долине отравились ядовитым папоротником, в изобилии произраставшим в тамошних местах. Одна из трех слоних в Куумике погибла во время несчастного случая на рудниках. Теперь на Момусе осталось всего девятнадцать слонов.

Вечером первого дня жители Мийры узнали, кто уцелел, а кто умер во время эпидемии — Раскоряка Тарзак, Ледфут Сина, Кулачище Билл Рис, Трэббит Куумик, Дик Собачья Морда, Чолли Джекоби, Мадам Зельда и многие, многие другие остались в прошлом.

В тот вечер роль распорядителя Большой Арены Тарзака взял на себя Спатс Скорцини. Он также представил публике

Бородавку как Магистра тарзакского жречества. Многие поменяли названия своих профессий.

И лишь дрессировщики слонов остались дрессировщиками. По дороге назад в Мийру слониха Чилли Неда по кличке Генеральша неожиданно взбесилась, убив трех конюхов и двоих детей. Ее пришлось прикончить. Для этого прибегли к старинному способу — единственному в их распоряжении. Генеральшу за задние ноги привязали к дереву, накинули ей на шею прочную цепь-удавку, конец которой прикрепили к упряжке першеронов. Для Крошки Вилл процедура удушения Генеральши показалась бесконечной. Эта вынужденная расправа оставила в душах людей неприятный осадок. Никто даже не заметил, как Чилли Нед молча ушел в темноту.

Во время седьмых Гастролей в Тарзак прибыло шестнадцать слонов. Двое в Куумике тоже были еще живы, так что общее слоновье поголовье Момуса составляло восемнадцать особей.

К этому времени на кладбище переместились Озамунд Великолепный, фокусник-чародей; Паки Дерн, старший дрессировщик слонов; Растяжка Дирак, ответственный за рекламу; Губошлеп Пейн, зазывала; Птомейн Тилли, продавец сладкой ваты; Погонщик Саггс, главный конюх, и Чилли Нед, дрессировщик слонов.

Перед тем как выйти из Мийры, дрессировщики единогласно избрали Крошку Вилл Хозяйкой слонов — или, вернее, главой гильдии дрессировщиков Мийры.

В первый день Гастролей Магистр тарзакского жречества огласил официальную религию местных жрецов. Ранее был проведен опрос населения, и жрецы заранее согласились принять ту веру, за которую выскажется большинство. Большинство же высказалось за «никаких предпочтений».

И вот что зачитал Магистр тарзакского жречества:

— Официальной религией жречества на Момусе отныне является та, за которую высказалось большинство, а именно: «Никаких Предпочтений». Кроме того, представляется целесообразным составить образцы молитв и отправлений таинств, в чем должны оказать помощь те, кто принадлежит к данному вероисповеданию, на тот случай, если в будущем возникнет необходимость в подобных молитвах и таинствах.

С трибуны, где разместились гости из Мийры, поднялся Подж Лодер:

— Я хотел бы внести уточнения относительно богохульств. Негоже жрецу разговаривать как сапожнику, а наш Вощеный только и делает, что сквернословит.

Бородавка поразмыслил над этой жалобой, затем ответил Поджу:

— Наряду с другими жалобами я рассмотрел также использование имени «Момус» как элемента божбы и не нахожу в этом ничего дурного. Момус — это древнее земное божество смеха. Более того, наш губернатор назвал в честь него эту планету — кстати, тоже в шутку. Исходя из этого, я не вижу причин считать использование имени данного божества богохульством. Поскольку отныне мы все официально являемся членами Церкви Никаких Предпочтений, я вообще не вижу причин считать что-либо богохульством. Тем не менее, Подж, наряду с твоей жалобой, я также получил немало нареканий относительно некоторых слов, используемых жрецами в речи, и надо сказать, что многие из этих нареканий не имеют под собой религиозной основы. Во время похорон отныне запрещается напутствовать покойного фразами типа: «Покажи-ка им кузькину мать на том свете, сукин сын», «Как попадешь туда, забей там для меня бабу, да погрудастее», «Живым ты был куда красивее, едрена вошь» или «Покажи смерти средний палец».

После этих слов Бородавка обернулся к другим представителям жречества, стоявшим вместе с ним на арене:

— Я хотел бы еще добавить, что, регистрируя беременность или рождение, следует употреблять надлежащую лексику. Плод есть плод. Негоже именовать его «чуваком» или «головастиком», а чрево, его вынашивающее, «брюхом» или еще хлеще. И главное, сам процесс, который является непосредственной причиной вышеуказанного состояния, следует именовать подобающе, а не тем словом, которым вы обычно пользуетесь.

Вощеный положил руку на панцирь Черепашке Агдоку.

— Будь добр, окажи мне одну услугу — сходи на трибуну, где сидят наши из Мийры, и объясни этому дубине Поджу, как правильно произносится наша профессия.

— Зачем?

— Кажется, до него плохо доходит, что такое — быть этим гребаным жрецом. Вот зачем.

— Правильное произно...

— Да я-то сам знаю. Ты лучше Поджу это скажи. Ему это надо в первую очередь.

И Черепашка нехотя направился к трибуне, где сидели жители Мийры.

Бородавка прокашлялся и обратился к присутствующим:

— В ответ на вопрос, заданный мне многими из здесь присутствующих, отвечаю: изобретение телефона решено отложить на неопределенное время в связи с отсутствием должного интереса.

Во время восьмых Гастролей люди узнали, что Колокольчик Макгерк, Дурень Джо и Мутч Мовилл взяли себе учеников и теперь требуют новых названий своим профессиям. Отныне, гласило постановление, ростовщики именуются «кассирами», сплетники «глашатаями», а лжецы «сказителями».

В тот год в параде участвовало всего двенадцать слонов. Четверых одряхлевших пришлось оставить в краале Мийры — переход в Тарзак был им не под силу. Крошка Вилл тоже осталась в Мийре вместе с Мейнджем Рейнджером и Шайнером Питом. Незадолго до возвращения делегации из Тарзака Мейндж принял у Крошки Вилл двойню — мальчика и девочку. Мальчика она назвала Джонджей, в честь Джона О'Хары, а девочку — Мэй, в честь месяца мая, в который когда-то начинались их настоящие гастроли — давно, в другой жизни.

Шайнер Пит спросил жену, есть ли у дрессировщиков слонов будущее. Вилл ничего не сказала в ответ. Ее сын, судя по всему, оказался наделен такими мощными телепатическими способностями, которые истощали ее собственные. Как ни пыталась, Вилл не могла представить себе его будущее.

Мэй родилась калекой. Она никогда не встанет на ноги. Мейндж искренне переживал по этому поводу, Пит принял это как данность. Крошка Вилл прекратила попытки заглядывать в будущее. Ведь ответ ей был известен давным-давно. У дрессировщиков нет будущего. Песнь слона скоро смолкнет навсегда. А что может заменить ее, Вилл не могла себе представить.

Но она точно знала одно — пока живы слоны, живы и дрессировщики. Вилл взяла в руки стек с золотым наконечником и положила рядом с сыном, чтобы тот мог дотянуться

до него ручонками. Но тот, ощутив прикосновение чего-то холодного, отдернул ручку и расплакался.

В глубине Великой топи Вако-Вако опустился на колени перед холмиком, в котором лежали зарытыми пять ссендиссианских яиц. Проверив, хорошо ли увлажнена земля, он заговорил с ними:

— Через пару месяцев у Ханы родится ребенок.

— *Мы все так давно этого ждем.*

— Ей следует вернуться на то место, где когда-то упал наш третий шаттл. Там есть люди, они помогут ей. И я должен быть с ней.

— *Нет!*

Вако встал и посмотрел на холмик:

— Что вы хотите сказать этим «нет»?

— *Неужели не ясно?*

— Вы не позволите мне пойти вместе с ней?

— *Ни ты, ни она не уйдете отсюда. Хана родит ребенка здесь.*

Вако обернулся на стоявшую в отдалении хижину:

— Ну это же глупо! А вдруг ребенок не выживет?

— *Тогда вы с Ханой произведете на свет еще одного. Мы не можем рисковать и не отпустим вас отсюда.*

Вако вновь посмотрел на холмик:

— А если они оба умрут? Такое часто случается при человеческих родах, если рядом нет никого, кто мог бы оказать помощь.

Какое-то время яйца молчали.

— *Вако, но если они оба умрут, ты всегда сможешь найти себе другую женщину. И тогда вы с ней произведете на свет другого ребенка.*

— А где я найду ее, эту другую женщину?

— *С Ханой все будет в порядке, Вако. И вы оба останетесь с нами.*

Казалось, яйца заспорили о чем-то между собой, а затем вновь обратились к Вако:

— *Пора рассказать тебе все, как есть.*

— Что рассказать?

— *Ты никогда не уйдешь отсюда. И Хана никогда не уйдет. Мы не отпустим от себя ни твоего ребенка, ни детей твоего*

ребенка, ни их детей — пока не освободимся от скорлупы. И не пытайся бороться с этим, Вако. У нас хватит сил помешать тебе, и ты никогда не причинишь нам вреда, даже если захочешь. И помни, мы всегда можем убить Хану.

Вако зашагал вниз по склону к хижине. На полпути между холмиком и своим жилищем он обернулся:

— Мы столько лет денно и нощно заботились о вас. Так почему же вы нам не доверяете?

— *Но мы же еще дети, Вако,* — со всех сторон до него донесся телепатический смех ссендиссиан. — *Чего еще от нас ожидать?*

И снова злорадное шипение. Руки Вако непроизвольно сжались в кулаки, и он бегом бросился к холмику.

— На этот раз я вас проучу!

Но чья-то невидимая рука швырнула его на землю. Вако поднялся, потрогал рот — к его удивлению, на руке осталась кровь.

— Черт бы вас побрал! — Он посмотрел на холмик. — Только посмейте еще раз, и я лишу вас любви. Неужели вам это не понятно?

— *А нам и не нужна твоя любовь, Вако. Нам нужен тот, кто позаботится о нас. Ты сам нам это говорил.*

И вновь чья-то мощная ручища заехала Вако по физиономии. А затем еще, и еще, пока он не рухнул на землю, потеряв сознание.

Тогда яйца принялись звать Комету:

— *Хана! Хана! Иди забери своего самца!*

Измученная и опустошенная, из хижины показалась Хана. Шатаясь, она побрела в направлении холмика, пока не наткнулась на истекающего кровью Вако. Хана склонилась над ним и произнесла, улыбаясь сквозь слезы:

— Я же говорила тебе!

И тогда к ней обратились яйца:

— *Хана, своего ребенка ты родишь здесь.*

— Я знаю.

Хана присела на корточки и принялась очищать грязь и траву с ран на теле мужа.

— Я знаю.

— *Это будет девочка. Мы назвали ее Ссура.*

— Как-как?

— *Ссура. Это имя означает «хранительница». И она наша. Мы уже завладели ее сознанием.*

Хана положила руки на живот, печально склонила голову и с горькой усмешкой подумала, что лучшее, что она могла бы сделать для младенца, это убить его.

— *Не забывай, Хана. Мы завладели и твоим сознанием тоже.*

Хана вздохнула и снова взялась обрабатывать раны мужа.

— Я знаю. Как такое можно забыть.

На одиннадцатые Гастроли Крошка Вилл взяла Джонджея и Мэй с собой в Тарзак. В параде участвовали одиннадцать слоних. В пятнадцатых Гастролях приняли участие восемь. Во время двадцать пятых их было всего две. Во время двадцать восьмых в Тарзак пришла лишь одна-единственная слониха. Это была Рег.

Крошка Вилл шла рядом с ней, а позади — колонной, Джонджей с Мэй на руках и другие дрессировщики Мийры.

Во время двадцать девятых Гастролей на параде отсутствовали и слоны, и дрессировщики.

Глава 20

К тридцать первому Гастрольному Сезону на Момусе осталось лишь шесть одряхлевших слонов, доживавших свои дни в краале Мийры. Мало кто из города ездил в Тарзак на праздники. Гораздо больше народу приезжали в Мийру подивиться на шестерых слоних, все еще живых. Для большинства жителей Момуса эти путешествия были полны всяческих неудобств. Дети и молодежь то и дело жаловались. Но представители старшего поколения — те, кто когда-то пережил крушение «Барабу» — не принимали никаких жалоб. Люди приезжали в Мийру увидеть слонов и вспомнить то время, когда многие, память о ком жила в их сердцах, еще были рядом. Молодежь ни разу не видела настоящего представления. Бесконечное веселье, шатер шапито — все это было им чуждо и

непонятно. Слоны? Забавные существа — уродливые гиганты из фольклора сказителей.

Приезжающие, как правило, заставали в краале девушку; она сидела и рисовала, а красивый юноша либо восседал на слоне, либо позировал, стоя с ним рядом. Когда девушке надоедало это занятие, юноша поднимал ее на руки и нес в дом Крошки Вилл — Хозяйки мийрских слонов. Доставив сестру домой, он отправлялся в «Бивень» — местную таверну. Там этот юноша по имени Джонджей развлекал приятелей и тех, кому случалось заглянуть туда, громкими пьяными россказнями о каких-то телепатических яйцах, серых гигантах и призраке по имени Здоровяк Вилли.

Стоило его как следует попросить или напоить, как юноша был готов продемонстрировать свои удивительные способности в картах и игре в кости. А еще он постоянно сетовал, что люди отказываются с ним играть, потому что он якобы унаследовал от родителей телепатические способности. Карта посреди стола переворачивалась сама собой. С виноватым видом юноша пытался прикрыть ее рукой. А потом разражался пьяным хохотом.

— Ох, моя голова! Совсем раскалывается! — Мортифай покачнулся, посмотрел на закрытые двери таверны, затем на своего приятеля, сидящего в пыли городской площади, и рухнул рядом с ним, глядя куда-то на звезды.

— Ну когда же нас вызволят из этой дыры? — Мортифай расхохотался. — Ты посмотри на них, посмотри на звезды-то! Моя матушка Повариха Джо говорит, что когда-то они жили где-то там, далеко, среди них. Ты можешь себе это представить?

Джонджей тоже перевел взгляд на небо — в голове у него был туман. Парень хихикнул:

— Почему-то сегодня этих звезд больше обычного!

Мортифай только махнул рукой:

— Просто сегодня у тебя в глазах двоится!

Джонджей поднял из пыли полосатую тунику, рыгнул и повернулся к приятелю.

— Как по-твоему, Капс правильно поступил, когда вышвырнул нас из заведения?

— Ну ты загнул! — Мортифай поскреб голову и указал на двери таверны. — Кто из нас двоих изучает медицину у старого Мейнджа? Он? Я, конечно! И кому, как не мне, знать, какое зелье идет нам на пользу.

— Особенно чтобы согреться прохладным вечером.

— Или вывести пятна от сока тунговых ягод!

Джонджей рассмеялся:

— Или избавиться от бородавок!

— Ш-ш-ш! — Мортифай обернулся по сторонам. — У жрецов повсюду уши. — И оба парня рассмеялись. Мортифай засунул руку в складки одежды и вытащил кувшин. — Ага, а вот и лекарство.

Джонджей даже присел.

— Клянусь Момусом, но в твоих жилах течет кровь мошенника. Как тебе удалось это украсть?

— Украсть? — Мортифай явно обиделся. — Неужели ты думаешь, я хочу, чтобы мне дали пинка отсюда? Нет, это всего лишь небольшая компенсация за то, что Капс выгнал меня из таверны.

Он откупорил кувшин, сделал большой глоток, а затем протянул бутыль Джонджею:

— На. Самая пора смягчить острые углы реальности.

Джонджей отпил вина, пролив немного себе на тунику. Он отнял кувшин от губ и мутным взглядом посмотрел на приятеля:

— Ну, давай рассказывай.

— Что рассказывать?

— Сколько ты просишь за это зелье?

Мортифай слегка протрезвел и перевел взгляд на звездное небо.

— Ты лучше скажи, Джонджей, как мне попасть в те, иные миры. Туда, где улицы и дома по вечерам залиты светом, где есть всякие удивительные машины и развлечения, где можно полакомиться чем-нибудь вкусненьким.

Он потянулся за кувшином и сделал глоток.

Джонджей покачал головой:

— А может, их и нет вообще, этих иных миров. — Он взял у приятеля из рук кувшин.

— То есть как это, нет?

Джонджей отпил вина, передал кувшин приятелю и помахал рукой в сторону неба.

— Что, если это только мифы? Порождение пьяной фантазии старика Мовилла? Как я понимаю, его выбрали главой тарзакских сказителей не из-за приверженности к истине. Что, если мы всегда жили на этой планете?

Мортифай поставил кувшин на землю:

— Ерунда. С какой стати старикам лгать?

— Чтобы вселить в нас надежду. Может, они для того и рассказывают нам эти сказки о других мирах — мирах, где водится множество слонов, — чтобы дрессировщики чувствовали себя дрессировщиками, даже если у них нет слонов?

Мортифай покачал головой:

— Нет, слишком многое похоже на правду. Например, остатки шаттлов. И еще рисунки...

— Ну, знаешь, моя сестра Мэй рисует слонов. Но она рисует все то, что придет ей в голову...

— Нет, Джонджей, есть кое-что и посерьезнее. Например, старина Мейндж не может толком применить и четверти того, что знает. Для этого ему нужны машины и инструменты, которых нет на этой планете, лекарства, которые никто не умеет производить. — Мортифай склонился к другу. — Вот почему мне так хочется побывать в других мирах. Чтобы научиться.

— А зачем? — пожал плечами Джонджей.

— Потому что мне интересно.

— А-а-а... потому что интересно... — Джонджей кивнул, отпил из кувшина, затем поставил его рядом с собой.

— Джонджей, а разве тебе не хотелось бы узнать, почему ты читаешь мысли в чужих головах, как это ты при помощи мысли способен передвигать предметы и даже заглядывать в будущее?

— Да нет как-то. Тем более, разве это может помочь, когда мы вместе с отцом чиним упряжь? — Джонджей пожал плечами. — Ну, может быть, я не отказался бы посмотреть настоящий цирк. Такой, каким я представляю его по рассказам стариков. Где не шесть слонов, а несколько десятков. — И он снова покачал головой. — А может, и нет...

— Эй, вы двое! — раздался в темноте грозный оклик. — Хватит шуметь! Расходитесь-ка по домам. — У них над головой захлопнулись ставни таверны.

— Это городская площадь, а не твоя собственная! — Джонджей встал на ноги. Ставни распахнулись вновь.

— По-твоему, выходит, вы можете на ней куролесить всю ночь напролет. Валяйте, только потом не жалуйтесь, что вас за это отправят в Порс тянуть лямку на лесоповале!

Мортифай поднялся на ноги и дернул Джонджея за руку:

— Ладно, пойдем отсюда! А то, глядишь, Капс и вправду настучит на нас.

Джонджей едва держался на ногах. Пошатываясь, он направился через площадь.

— Стук-стук, бум-бум, — Мортифай рассмеялся, — бум-бум-та-ра-бум.

— Бум-бум-шмяк-бряк!

Приятели, хихикая, прошествовали через площадь. На углу Мортифай подтолкнул друга на тропинку, ведущую к краалю, а сам нетвердым шагом направился домой.

Джонджей дважды обернулся на месте, затем в задумчивости почесал голову:

— Ушли. Все до единого. Никого не осталось.

Он пожал плечами и начал взбираться между темных домишек по тропинке, ведущей к краалю.

— Стук-стук, бум-бум. — Взявшись за полы туники, он закружился посреди улицы. — Бум-бум-тара-бум. — Джонджей споткнулся, остановился и посмотрел на звезды. — Момус! Ты жирный, наглый прохиндей! Сколько я ни пью, у меня все равно не получается напиться до чертиков. Посмотри на меня! Кто я? Дрессировщик без собственного слона в цирке, который нигде не дает представлений! Разве я не смешон?

Джонджей поник головой, вздохнул и направился в сторону родительского дома. Это было непритязательное строение — четыре комнаты, крыльцо, притулившееся рядом с краалем. Уцепившись, чтобы не упасть, за перила крыльца, Джонджей посмотрел в темноту, туда, где были слоны, но ничего не увидел. Тьма — хоть глаз выколи. Покачав головой, он прошел внутрь дома в свою спальню. Там он рухнул как подкошенный и растянулся на подушках. Какое-то время он смотрел на тусклые звезды, мерцавшие где-то в вышине в проеме окна.

— Интересно, как это — путешествовать в межзвездном пространстве? И какие они, иные миры? Какая на них жизнь?

— Джонджей!

Юноша узнал голос матери.

— Да, мама.

В комнату с масляной лампой в руках вошла Крошка Вилл.

— Джонджей, ты знаешь, который час?

Он закрыл глаза и положил руки под голову:

— Нет, но, должно быть, очень поздно. Очень-очень. — Он открыл глаза, но тотчас закрыл — не в силах смотреть на слепящую лампу. — Ты что-то хотела, мама?

Крошка Вилл посмотрела на сына и прикусила губу:

— Я просто хотела тебе кое-что дать.

Джонджей слегка приоткрыл один глаз и увидел, что мать действительно что-то держит в протянутой руке. Джон тоже протянул руку и принял ее дар. Затем поднес к огню, чтобы лучше рассмотреть. Это был стек дрессировщика. Джонджеем овладел приступ хохота. Он даже выронил стек из рук.

— А теперь, мама, мне не хватает самого малого — собственного слона. — И он расхохотался снова.

— Этот стек — из ангельского дерева.

— Тогда к нему в придачу мне нужен и ангельский слон.

Джонджея душил смех. Он так и уснул — всхлипывая и фыркая время от времени.

Крошка Вилл вышла, и комната погрузилась во тьму.

Крошка Вилл сидела в тени крыльца, наблюдая за дочерью. Мэй сидела на одеяле в краале, скрестив под собой свои тоненькие ножки. На коленях у нее стояла доска с листом бумаги. Правая рука быстро и уверенно углем наносила штрихи и линии. Джонджей восседал верхом на Рег, оба они — и человек, и животное, застыли как статуя. На дорожке послышался шорох шагов, затем покашливание. Крошка Вилл обернулась и увидела, что в их сторону, опираясь на палку, ковыляет Мейндж Рейнджер.

— Мейндж, что ты здесь делаешь в такую жару? — Вилл поднялась навстречу ветеринару и предложила ему свой стул.

С благодарностью Мейндж опустился на сиденье, еще раз кашлянул, откинулся на спинку и вздохнул:

— Вилл, вот уже тридцать лет, да нет, уже тридцать один год, как я не видел и понюшки табаку. А кашель у меня такой,

будто я до сих пор только и делаю, что дымлю как паровоз этой отравой. — Мейндж бросил взгляд в сторону крааля, затем покачал головой. — Эх, как время-то летит!

Крошка Вилл ласково положила ему на плечо руку:

— Новый экстракт не помог.

Мейндж покачал головой, и редкие седые пряди упали ему на лоб. Трясущейся рукой он отбросил их назад.

— Чертово зелье не дало никаких результатов.

Он посмотрел на Крошку Вилл, затем на дым по ту сторону дорожки.

— Мне не следовало обнадеживать тебя. — Мейндж посмотрел в сторону крааля. — Мэй уже двадцать... двадцать четыре. — Мейндж фыркнул. — То есть двадцать земных лет. А на вид ей не дашь больше тринадцати—четырнадцати. — Он посмотрел на Вилл. — И всю свою жизнь ей суждено оставаться калекой. Хотел бы помочь, но, увы...

Крошка Вилл похлопала его по плечу:

— Мэй сама все знает. Она уже свыклась с этой мыслью. Зато у нее есть дар.

— Разве рисование может заменить радость движения — ходьбы, бега?

Крошка Вилл посмотрела в сторону крааля:

— Для нее — да. — И она снова повернулась к Мейнджу. — Пойми, в один прекрасный день всех этих слонов не станет. — Вилл почувствовала, как к глазам ее подступают слезы. — Всех до единого, Мейндж, ты только подумай, тогда нам останутся только рисунки, сделанные ее рукой. Это важно для нас, дрессировщиков, это важно для самой Мэй.

Мейндж покачал головой и вздохнул:

— Костолом и я говорили об этом раз сто, не меньше, еще во времена старого цирка. Жаль, однако, что он так бесславно погиб при крушении второго шаттла. — Мейндж кивнул. — Архивы тоже пошли прахом. — Он посмотрел на Крошку Вилл. — Будь у нас архивы, мы могли бы проследить историю каждого ребенка с генными аномалиями. Возможно, тогда мы были бы готовы...

— А ты разве обнаружил еще одного?

Мейндж кивнул и потер глаза:

— Похоже, что да. Вонна и Джимбо из Тарзака. Ты их знаешь?

— Нет.

— Она костюмерша, а он кассир. У них есть сын по имени Мунго. Ему двенадцать, но весит он почти три сотни фунтов. — Мейндж покачал головой. — И при этом на нем ни жиринки. Настоящая гора мускулов. А здесь пусто. — Мейндж постучал себя по голове. — Он не в состоянии вспомнить, что было с ним минуту назад. Родители привозили его ко мне, чтобы я выписал ему очки. Со зрением у него тоже неважно. — Мейндж порылся в кармане изношенной до дыр куртки. — Кстати, об очках. Это для Пита. — И Мейндж протянул ей завернутый в тряпицу сверток. — Скажи ему, что если эти не подойдут, пусть он их мне вернет. Бокскар Боу в Куумике изготовил наконец комплект диагностических линз, и даже таблицы к ним. Так что если эти не подойдут, Пальчики в следующий раз выпишет рецепт на более точные.

— Я скажу ему. — Вилл взяла сверток и положила его в карман туники. Затем она вынула небольшую торбочку, вытряхнула из нее себе на ладонь несколько медных горошин, сосчитала и пересыпала в руку Мейнджу.

Мейндж посмотрел на горошины, усмехнулся и ссыпал их себе в карман куртки.

— А как Джонджей? — кивком указал он в сторону крааля. — Какие еще таланты, кроме телепатии?

Вилл сложила руки на груди и покачала головой:

— Он видит будущее. Он читает чужие мысли. Умеет мысленно передвигать предметы. — Вилл вздохнула.

— В чем дело?

— Мейндж, пойми, он не знает, что делать со своими талантами. Вообще что ему делать. Когда ему не нужно нести куда-нибудь Мэй, он сидит в таверне и пьет с приятелями. Его ничто не интересует. — Вилл беспомощно всплеснула руками. — Он умеет обращаться со слонами, но и это ему безразлично. Будущего нет, говорит он. — Крошка Вилл бросила взгляд в сторону крааля. — Он только потому залез сейчас на слона, что Мэй попросила его об этом.

Мейндж поднялся со стула:

— Его поколение появилось на свет здесь, на Момусе, Вилл. Они ничего не знают о нашем с тобой мире. — Мейндж кашлянул и покачал головой. — Хотел бы я знать, что будет здесь

лет эдак через сто. Правда, это будет уже не моя проблема. — И он посмотрел на Крошку Вилл.

Она показала в сторону дома:

— Может, поужинаешь с нами? Пит скоро вернется.

Мейндж покачал головой:

— Последнее время у меня никакого аппетита. И вообще, мне пора домой. Вощеный лекарства в рот не возьмет, если я его не прижучу. Хорошо, что Черепашка Агдок взял на себя часть его дел, а то его вообще не уложить бы в постель. — Мейндж вышел из тени крыльца, помахал рукой и медленно побрел прочь.

— До свидания, — крикнула ему вдогонку Вилл и пошла в дом. — *Джонджей!*

— *Да, мама?*

— *Внеси Мэй в дом. Ей хватит сидеть на солнце, и вообще, пора ужинать.*

Вилл улыбнулась, почувствовав, как Джонджей пытается раскопать в ее голове, что же будет на ужин.

— *Я еще не придумала. Хватит шалить, и помоги Мэй.*

— *Хорошо, мама.*

Крошка Вилл подошла к окну. Она проследила, как Джонджей, соскользнув со спины Рег, похлопал слониху по щеке, а затем шагнул к сестре. Мэй посмотрела на него, быстро нанесла на бумагу несколько последних штрихов, затем убрала кусочек угля в карман и протянула руки навстречу брату. Джонджей обернул вокруг ее ног одеяло, взял сестру на руки и поднял с земли.

Вилл перевела взгляд с детей на Рег и пятерых других слонов. Старушки вы мои, вам не то что дороги строить, до Тарзака дойти не под силу. Но без них, одряхлевших, дрессировщик — ничто, пустое место.

Вилл перевела взгляд на висевший в краале стек красного дерева с золотым наконечником и другой рядом с ним, из дерева ангелов. Возможно, Джонджей и прав, когда говорит, что дрессировщики уже превратились в ничто. Крошка Вилл не стала гнать эту мысль прочь, она просто отложила ее в укромный уголок. В конце концов, она уже свыклась с ней.

Глава 21

Это случилось двадцать девятого мая тридцать второго года Великой Катастрофы. Ярко светило солнце, и Джонджей сидел на изгороди крааля. Мэй как раз заканчивала рисовать, и Джонджей от нечего делать пытался при помощи мыслей завязывать узелки на стеблях травы.

Неожиданно, в сорока милях к юго-востоку от них, Арнхаймов разлом резко распрямился, и в одно мгновение добрая треть домов в Тарзаке превратилась в груды руин. Ударная волна глухо прогромыхала через Тиерас и Порс, докатившись до Мийры. Грохота уже почти не было слышно, лишь под ногами ощущалась вибрация почвы.

Почувствовав, как изгородь крааля покачнулась, Джонджей бросил взгляд в сторону городской площади. Те несколько человек, которые в тот момент находились там, замерли на месте, глядя на небо. Рокот раздался уже сильнее.

— Джонджей! — Юноша обернулся на крик сестры.

— Мэй! — Но не успел он произнести имя, как трое перепуганных слонов бросились на нее в слепой ярости. — Мэй! Мэй!

Когда он подбежал, Мэй была без сознания. Джонджей перевел взгляд на беснующихся слонов у края пропасти — мысленному взору юноши предстала кровавая картина. Сердце его пылало мщением.

В тот вечер Джонджей стоял посреди городской арены. Жители Мийры занимали свои места на трибунах, но Джонджей словно не видел их. Он видел только свою мать, Крошку Вилл. Она стояла в нескольких шагах, повернувшись к нему левым боком — сложив руки на груди и склонив голову. Под левым локтем зажат стек красного дерева с золотым наконечником. Шайнер Пит медленно вышел на арену и занял место между женой и сыном. Он оглядел Джонджея пристальным взглядом. Не в силах выдержать этот взгляд, он отвернулся к трибунам. Там собрались представители всех сословий — дрессировщики, кассиры, глашатаи, наездники, торговцы. Свои места на трибуне заняли Черепашка Агдок и трое его учеников-жрецов. Великий Вощеный отказался занять свое место рядом с ними, поскольку должен был говорить с арены.

Джонджей закрыл глаза:

— *Мама, я знаю, что поступил правильно!*

Он отправил ей свою мысль, но та вернулась к нему непрочитанной. Джонджей с силой прикусил губу, пока не ощутил привкус крови.

Движение людей на трибунах прекратилось, и Джонджей открыл глаза. Какое-то время он моргал, пытаясь смахнуть с ресниц застилавшие зрение слезы. Обернувшись, он увидел, что жрец Вощеный держит свою книгу. Обычно веселое лицо Великого Вощеного скрывал надвинутый низко на лоб капюшон. В какой-то момент тень, отбрасываемая капюшоном, создала иллюзию, будто у Вощеного вообще нет головы — эдакий безликий и бесстрастный призрак, готовый внести в анналы любое принятое горожанами решение.

— Кто первый? — Низкий голос Вощеного нарушил тишину арены.

— Я, — донесся голос Крошки Вилл.

С трибуны встал человек в полосатой тунике дрессировщика:

— Ты его мать.

Крошка Вилл отняла от груди скрещенные руки и стеком указала в сторону говорившего:

— Ящерица Бейт, я также Хозяйка слонов. И от имени дрессировщиков говорить буду я.

Ящерица Бейт обвел взглядом трибуны, ища поддержки, но народ ответил молчанием, и он сел.

Вощеный кивнул в сторону Крошки Вилл:

— Говори. Тебе слово.

Крошка Вилл опустила руку с зажатым в ней стеком. Затем она обернулась, обводя взглядом трибуны, пока наконец не встретилась взглядом с Джонджеем. Стеком она указала в сторону сына:

— Джонджей погубил пятерых слонов — Гонзо, Твинки, Пег, Молли и Леди. Если бы я не вмешалась и не утихомирила Рег, он погубил бы и ее. Он отогнал их к краю пропасти и заставил броситься вниз. — Вилл перевела взгляд с сына на трибуны. — Это произошло на моих глазах.

Шайнер Пит подошел к жене и взял ее за руку. Но Вилл отстранилась от мужа и повернулась к нему спиной. Пит посмотрел на трибуны.

— Вы все знаете, что слоны убили мою дочь, Мэй, сестру Джонджея. Вы также знаете, что Мэй была калекой и не могла спастись бегством. Но вы не знаете одного — что значила для Джонджея Мэй.

— Чушь! — С трибуны поднялась женщина в полосатой тунике. — Это слоны убивают дрессировщиков. Дрессировщики не убивают слонов. А ты, Шайнер, лучше чисти-ка свою упряжь. Вон с арены!

— Я имею право... Он мой сын. — Шайнер Пит смерил женщину гневным взглядом. — Эти слоны были все как один дряхлые, и вы это прекрасно знаете. Дряхлые и злобные. — Пит обвел взглядом жителей Мийры. — Да будь я там в тот момент, я бы сам прикончил их.

Услышав такую дерзость, люди с возмущенными криками повскакали с трибун. Пит попросил их успокоиться, но ропот недовольства не утихал, и Питу ничего не оставалось, как опустить руки и молча стоять на месте.

Вощеный посмотрел на Джонджея:

— Скажи хоть что-нибудь.

Джонджей посмотрел на Вощеного: лицо жреца было изрезано старческими морщинами. Джонджей опустил глаза вниз, на опилки арены, затем взглянул на мать. Она стояла к нему спиной. Мысленно он обратился к ней:

— *Мама, но ведь я твой сын.*

Она ответила не сразу:

— *Мой сын не мог убить слонов.*

Джонджей посмотрел на дрессировщиков на трибунах.

— Посмотрите на себя. Вы зовете себя дрессировщиками, но скажите, кто из вас и когда в последний раз работал со слоном? — Джонджей указал на собственную серо-малиновую тунику. — Если верить этим тряпкам, я тоже дрессировщик. Но я чиню упряжь вместе с отцом. Моя сестра... Она тоже носила похожую тунику, но она рисовала. Именно этим она занималась в краале. Она рисовала картины с этими вашими чертовыми слонами, чтобы вы и ваши дети не забывали, что такое слон. Именно этим она занималась, когда ваши слоны растоптали ее. — Джонджей сплюнул на опилки арены. — И тогда я убил их. Будь у меня еще раз такая возможность, я бы убил их опять. — И Джонджей сложил на груди руки.

Вощеный вздохнул, на мгновение склонил голову, а затем гаркнул в сторону трибун:

— Живо поднять голос! Что говорит город Мийра по этому поводу!

— Выставить его! Пусть себе убирается, — раздался первый крик; за ним последовал целый хор гневных голосов.

— Изгнать! Изгнать! — скандировали трибуны.

Вощеный посмотрел на Крошку Вилл:

— Ты обратилась за возмездием. Ты Хозяйка слонов. Может Джонджей откупиться от дрессировщиков?

Вилл покачала головой:

— Никакие деньги не искупят его вины. — Она все еще стояла к нему спиной. — Пусть уходит.

— И надолго? — Было слышно, как дрогнул голос Вощеного.

Крошка Вилл повернулась и стеком указала на сына:

— Пусть Джонджей не показывается на глаза жителям Мийры до тех пор, пока... пока не издохнет последний слон. — Она снова посмотрела на сына. — Как только не станет Рег, он может вернуться.

— Что вы на это скажете? — обратился к трибунам Вощеный.

Оттуда послышался одобрительный рев. Вощеный сделал в книге соответствующую запись, а Джонджей повернулся и зашагал прочь с арены.

Придя домой, он собрал вещи, а затем направился на север, в сторону Изумрудной долины. Дойдя до того места, где дорога круто брала вверх, к ущелью Змеиной Горы, он услышал, как жители Мийры распевают свой гимн — «Черный Алмаз».

— *Прощай, отец,* — мысленно обратился он к отцу.

— *Прощай, Джонджей, но не навсегда, мы еще увидимся.* — Вместе с ответом на глаза навернулись слезы.

— *До встречи, отец!*

— *До встречи, сын!*

Джонджей обернулся на дома Мийры.

— *Мама!* — позвал он.

Ответа не последовало.

— *Прощай, мама!*

И он зашагал вверх по крутой дороге.

Глава 22

Это случилось ночью, в ущелье Змеиной горы. Гадалка Тарзака развела костер, чтобы испечь на огне пресные лепешки. Она сидела, глядя на танцующие языки пламени, когда неожиданно рядом с костром из кромешной тьмы возникла фигура человека. Облаченный в традиционный наряд дрессировщика слонов, незнакомец был строен и темноволос, но во взгляде его Тарзаке почудилось нечто зловещее.

— Присаживайся к огню, дрессировщик, и будь моим гостем. Нам всем частенько приходится странствовать по пустынным дорогам.

Незнакомец какое-то время смотрел на нее, потом качнул головой, повернулся и зашагал прочь.

— Подожди! — позвала Тарзака.

Незнакомец обернулся:

— Чего ты от меня хочешь?

— А чего ты от меня хочешь? — ответила гадалка вопросом на вопрос, равнодушно пожав плечами.

— Я хочу остаться один, — произнес незнакомец, и на губах его скользнула тень улыбки.

— Большим чудаком нужно быть, чтобы темной ночью желать одиночества в ущелье Змеиной горы. Поговаривают, будто немало призраков бродит здесь среди горных теснин. Тот, кто носит на своей одежде серые полосы дрессировщика слонов, не может не знать об этом.

Незнакомец рассмеялся. Но в смехе его слышалось не веселье, а затаенная боль. Он отвернулся от огня, пряча лицо в ночном мраке. Неожиданно он в угрожающем жесте воздел сжатую в кулак руку:

— Чертовы призраки! Разрази вас гром! Если вы настолько всемогущи, то приходите ко мне, мы померяемся с вами силой!

— Не надо! — захлебнулась собственным криком Тарзака.

Незнакомец тотчас обернулся к ней.

— Ты боишься призраков, гадалка? — поинтересовался он. И хотя в голосе слышалась усмешка, лицо его оставалось серьезным.

— А кто их не боится? — пожала плечами Тарзака. — Стоит ли искушать судьбу?

В ответ на ее слова незнакомец только рассмеялся. И вновь в его смехе прозвучала приглушенная боль. Оборвав смех, незнакомец указал рукой на гадалку:

— Судьба никогда не бывает благосклонна к тем, кто не воздает ей должное, гадалка.

Услышав эти слова, Тарзака слегка вздрогнула:

— Суровые вещи ты говоришь. А как зовут тебя?

Дрессировщик слонов смерил гадалку пристальным взглядом, а сам тем временем поставил сверток с поклажей поближе к костру.

— Мое имя... Мое имя Чужак. Вот так меня и зовут. — Он подошел поближе к костру и, присев на корточки, снова принялся внимательно рассматривать собеседницу. — А тебя как зовут, гадалка?

— Тарзакой, — ответила та, оглядев незнакомца таким же пристальным взглядом. — А вот твое имя звучит очень странно.

Чужак извлек из своей котомки комок теста, положил его возле огня и снова посмотрел на гадалку.

— Чужак — вот мое имя, — повторил он все с той же угрюмой усмешкой. — Тарзака, не желаешь ли моих лепешек в обмен на твое гадание?

— Нет, Чужак. Я не верю в предсказания.

— Забавно, — отозвался тот, покачав головой. — А вот я верю. Но только не в твои.

— Это почему же? — Гадалку его слова явно задели.

— Ты просто играешь в игры с картами, шарами, желаниями. Но ты не предсказываешь истинного будущего.

— Не сам ли Момус нашептал тебе это на ухо?

— Я не нуждаюсь в советах, которыми полны древние мифы и предания. — Дрессировщик слонов криво улыбнулся. — Давай я тебе погадаю, а, Тарзака?

— Это все равно как если бы ты меня попросил вскарабкаться на слона, — рассмеялась гадалка.

Человек, назвавшийся Чужаком, тоже рассмеялся, поднялся на ноги и подошел к ущелью. Он соскреб со скалы немного земли и обратился к Тарзаке:

— Тогда мое гадание потеряет всякую ценность. — Чужак вернулся к костру, раскатывая комок грязи. — За предсказа-

ние, которое не имеет никакой ценности, я не потребую с тебя платы.

— Может, я потребую с тебя плату, а? — насмешливо отозвалась Тарзака.

Чужак уселся на землю возле костра напротив гадалки, скрестил ноги и положил комок грязи на один из камней, огораживавших кострище. Затем протянул грязную руку к выпекавшейся на огне лепешке.

— Может, предсказания дрессировщика слонов покажутся тебе забавными, но ты в любом случае окажешься права. Так получи свою плату.

Гадалка пододвинулась ближе к костру, взяла с камня лепешку, разломила ее на две части, оставив вторую половину у огня. Потрогав вторую половину, она сказала:

— Испеклась. Забирай свою половину, пока она не превратилась в уголья.

И вновь Тарзака смерила его пристальным взглядом. На лице Чужака плясали отблески огня, и гадалка разглядела, что оно все перемазано грязью.

— Твой хлеб, Чужак. Смотри, не то сгорит.

Юноша усмехнулся:

— Не беспокойся, Тарзака, я могу съесть и уголья, — ответил он и, закрыв глаза, принялся делать пассы над комком грязи. — Хагга-магга-багга, мамбо-джамбо-раззаматаз — приходите ко мне, я хочу видеть вас!

Не дав ему договорить, Тарзака выплюнула в огонь непрожеванный кусок лепешки:

— Убирайся прочь от моего огня, дрессировщик! Я не потерплю насмешек над моим ремеслом!

Чужак смиренно склонил голову:

— Я не хотел проявить неуважение к тебе, Тарзака. Возьми в знак моего извинения вторую половину лепешки.

Тарзака вняла его совету и указала куском лепешки на комок грязи:

— Зачем он тебе?

— Это мой хрустальный шар, моя дверь в будущее.

Гадалка собралась было что-то сказать, но Чужак не дал ей вымолвить ни слова, воздев вверх перепачканные грязью руки.

— Подожди! — Взгляд его был устремлен куда-то в темноту. — Я вижу их! Да! Теперь я вижу их!

Опустив глаза, он посмотрел на гадалку:

— Твое имя Тарзака.

Женщина разочарованно покачала головой:

— Я же сама назвала тебе свое имя.

— Что верно, то верно. — Чужак закрыл глаза. — А еще... ты родом из Тарзака.

— Хватит паясничать, — насмешливо бросила гадалка.

— Я не ошибся? — с улыбкой поинтересовался Чужак.

— Но ведь это мое имя!

— Ах да! Понимаю! — кивнул он. — Пожалуйста, ты уж прости мне мое убогое пророчество! Сейчас я попытаюсь исправиться. — Чужак смерил женщину долгим взглядом. — В Тарзаке ты обучалась у Ширли Смит, великой Мадам Зельды.

Тарзака вздохнула:

— Великая Мадам Зельда была единственной предсказательницей судеб в Старом Цирке.

— Да знаю я, знаю, — Чужак снова улыбнулся. — Приношу свои глубочайшие извинения.

Тарзака вытянулась возле костра, подперев голову ладонью:

— Ты становишься ужасно скучным, Чужак.

Изобразив жест крайнего отчаяния, несостоявшийся прорицатель хлопнул ладонями по камням. Затем, в задумчивости наклонив голову, улыбнулся и продолжил:

— В Тарзаке ты тайно жила с человеком, которого звали...

При этих словах гадалка вскочила как ужаленная:

— Это ложь! Откуда тебе знать об этом?

— Это не ложь, Тарзака, — Чужак устремил взгляд на «хрустальный шар». — Его звали Ангарус. Он истинный красавчик, верно? Высокий, сильный, белозубый, с гладкой загорелой кожей, а волосы словно вороново крыло. А его руки... такие сильные! А тело...

Гадалка недоверчиво посмотрела на комок грязи, затем перевела взгляд на Чужака:

— Откуда тебе это известно?

Незнакомец улыбнулся:

— Твои родители хотели отдать тебя замуж за Видара, кассира-казначея из Сины. Он был богат, завидный жених. Но с Ангарусом ты бежала под покровом ночи из...

— Довольно! — Изумление гадалки сменилось гневом. — Ты не ясновидец, а обычный мошенник. Сплетни не имеют ничего общего с ясновидением!

И вновь Чужак улыбнулся:

— Похоже, я снова попал впросак.

— Довольно, Чужак, хватит!

В который раз дрессировщик смерил ее долгим взглядом:

— В своих мыслях ты признаешь себя обманщицей. Ты знаешь, что линии руки — это просто морщинки на коже, а карты — всего лишь листочки бумаги. Твой хрустальный шар — отполированный кусок кварца, нужный лишь для того, чтобы поймать луч света и отвлечь внимание того, кому гадаешь.

Слова Чужака разожгли в гадалке злость. Ее глаза горели ненавистью — подумать только, этот дрессировщик осмелился разоблачить самую суть ее ремесла!

— Когда ты была маленькой девочкой, великая Зельда частенько говорила тебе, что нести всякий вздор неотесанной деревенщине — это и есть настоящее искусство гадания. Ты, конечно, помнишь первого своего клиента. Пока ты отвлекала его внимание, Зельда шарила в пожитках, подавая тебе знаки о том, какие вещи среди них находятся.

Тарзака побледнела.

— А сколько медяков я получила за свое первое гаданье?

— Ни одного, — покачал головой Чужак, — он заплатил тебе плодами тунгового дерева. Твоя наставница Зельда взяла себе половину. В тот же день на рынке ты поменяла свою долю на медяки. За ягоды ты выручила двадцать один мовилл. Долю причитающихся ей плодов Зельда съела.

Чужак заглянул гадалке в глаза.

— Ну что? Я успехи делаю? — И, не дожидаясь ответа, продолжил: — Или нет? Тогда позволь мне попробовать еще раз. Когда тебе исполнилось четырнадцать, ты, путешествуя вместе с отцом, упала с лошади и получила увечье. С тех самых пор тебя мучают боли в животе. Сейчас ты находишься здесь потому, что идешь на юг из Дирака. Там ты услышала, будто есть такой целитель, который...

В изумлении Тарзака вскочила на ноги и медленно попятилась прочь от Чужака. Тот удивленно поднял брови:

— Ну что? Теперь-то я добился успехов?

— Да ты настоящий дьявол!

Чужак развел руками:

— Эх, все-таки я не справился! — Подавшись вперед, он взял в руки комок земли и перевел взгляд на гадалку. — Бедная Тарзака! Целитель-то ничего не смог сделать, верно? — И он снова посмотрел на комок земли. — В моем хрустальном шаре видна твоя судьба, твое будущее. Желаешь о нем услышать?

— Будущее?

Чужак вновь заглянул в свой «хрустальный шар»:

— Конечно же, доброе прорицание лишит тебя неожиданных радостей, дурное — отравит отпущенные тебе дни. Так рассказать тебе, гадалка, о твоем будущем?

Повернувшись к Чужаку спиной, Тарзака бросилась наутек — прочь от костра в спасительную темноту, к дороге, что вела в сторону Мийры. Вдогонку ей донесся крик Чужака:

— Только не останавливайся! Беги! Беги! За тобой гонятся духи Змеиной Горы! Беги! Торопись!

Оставшись один, Чужак посмотрел вслед скрывшейся во мраке гадалке. Затем перевел взгляд на комок грязи и, взяв в руки, зашвырнул в ущелье. На его глазах комок растекся по камням темной жижей. Чужак сел возле костра, обхватил руками колени, опустил на них голову и заплакал.

Вскоре небо над его головой окрасил свет утренней зари, однако лишь в полдень лучи солнца коснулись восточной стены расселины, согрев дно ущелья Змеиной горы. Подняв голову, Чужак взглянул на узкую полоску неба где-то в вышине. На севере собирались темные тучи. Ему показалось, будто они — отражение его собственной души. Он посмотрел на черную стену ущелья:

— И это тоже отражение моей души!

Чужак сплюнул и огляделся по сторонам в поисках топлива для догоравшего костра. Его взгляд наткнулся на мешок с вещами гадалки. Рядом с мешком стоял винный кувшин, горлышко которого было перетянуто веревкой. Подняв с земли несколько сухих веток, Чужак бросил их в огонь, а затем потянулся за кувшином.

— Неужели я стану еще и вором, словно мало мне того, что я изгнанник?! — заговорил он, обращаясь к кувшину как к единственному собеседнику.

Поместив кувшин между колен, он вытащил деревянную затычку, поднес горлышко к губам и сделал жадный глоток. Он опустил кувшин на землю и, встряхнув головой, произнес:

— Нет. Изгнанник — это Джонджей. А он мертв. Я — всего лишь Чужак.

Сделав еще глоток, он продолжал:

— А Тарзака так ничего и не дала мне за мое предсказание.

Чужак встал, держа кувшин за горлышко, и крикнул, обращаясь к противоположной стене ущелья:

— Чужак — вор! А если Чужак — вор, то он ни в чем не виноват, — хихикнул он, отпив еще немного вина.

Посмеявшись над собственной шуткой, он услышал раскаты грома, ворвавшиеся в ущелье откуда-то с севера. Заливаясь смехом, Чужак принялся подпевать грозным раскатам, время от времени прикладываясь к сосуду с вином. Отняв наконец кувшин от губ, он подошел к обочине дороги и заглянул в бездонную пропасть, на блестевшую где-то далеко внизу реку.

Почувствовав первые капли дождя, он перевел взгляд на небо. На лицо ему упали новые капли, и в следующее мгновение начался настоящий ливень. Чужак закрыл глаза, ощущая, как под холодными струями все его тело становится влажным. Вино ударило ему в голову. Вытянув вперед руки, он принялся пританцовывать под ритм дождевых струй, шлепая ногами по раскисшей дороге.

— Чужак — вор! Чужак — вор! — приговаривал он.

Почти одновременно с раскатами грома узкую полоску неба озарила ослепительная молния. Грохот заставил Чужака отскочить от края бездны. Неожиданно он почувствовал, что продрог, и посмотрел на все еще теплившийся костер. От беспощадного ливня пламя защищал вздымавшийся высоко над ним выступ скалы. Снова отхлебнув из кувшина, Чужак бросился к спасительному укрытию. Костер все еще горел жарко. Чужак попытался высушить одежду, переворачивая ее над огнем, а заодно еще разок приложился к кувшину. На глаза ему попался брошенный Тарзакой мешок.

Пошатываясь, Чужак подошел ближе, поставил кувшин на землю рядом с собой и, присев на корточки, склонился над мешком. Какое-то время он разглядывал его, а затем рассмеялся:

— Воровство и бесстыдство Чужака не знают границ!

Развязав мешок, он заглянул внутрь. На самом верху лежала сложенная в несколько раз плотная голубая ткань. Чужак вытащил ее наружу — это было профессиональное одеяние гадалки. Ткань оказалась сухой.

— Почему бы и нет? Разве я не великий ясновидец? Не предсказатель будущего?

Стянув через голову собственное платье, Чужак бросил его на землю, а сам переоделся в сухую одежду гадалки и подошел к костру согреться.

Согревшись, он поднял с земля мокрую одежду, выжал и принялся сушить, помахивая ею над огнем.

— Так вот кто он такой, этот Чужак, — дрессировщик слонов, предсказатель будущего и прачка.

Рассмеявшись собственному остроумию, он взял в руки кувшин и снова отпил из него. Затем, опустив кувшин, принялся смотреть на языки огня.

— Вор, изгнанник.

Неожиданно до его слуха донесся звук приближающихся шагов. Чужак не стал оборачиваться и продолжал сушить одежду.

— Значит, ты все-таки вернулась, Тарзака!

Шлепанье ног по размытой дождем дороге прекратилось. В конце концов Чужак обернулся, вглядываясь в пелену дождя, из-за которой вскоре донесся дрожащий голос Тарзаки:

— Откуда ты знаешь, что это я?

Чужак пожал плечами и повернулся спиной к огню:

— Потому что я — ясновидец.

Тарзака вышла из-за стены дождя и отбросила на спину капюшон. Внимательно посмотрев на чужака, она присела на корточки возле огня:

— На тебе моя одежда, дрессировщик!

Чужак только рассмеялся в ответ:

— Это грязная работа, Тарзака, но ведь кто-то должен ее делать!

Он пощупал свою подсыхающую, исходящую паром одежду и снова рассмеялся. Затем посмотрел на Тарзаку и почувствовал, как кровь прилила к его щекам.

— Прости меня. Прошу прощения. Я немедленно верну тебе твою одежду.

— Не надо, — отрицательно покачала головой Тарзака.

— Но почему же?

Тарзака рывком поднялась на ноги, подошла к своему мешку и, присев на корточки, вытащила оттуда черную юбку, красную блузку и пеструю шаль.

— Обычно я гадаю в этом наряде. А сейчас отвернись.

Виновато повесив голову, Чужак повернулся к ней спиной. Ему стало стыдно за почти полностью выпитое вино.

— Теперь я твой должник, Тарзака. Только как мне вернуть тебе долг?

— Для начала просто успокойся, Джонджей.

От ее слов он только сильней покраснел:

— Откуда тебе известно мое имя?

— Минувшей ночью я побывала в Мийре. По пути мне встретился Великий Дурень Джо с двумя учениками-глашатаями, которые незадолго до этого были в Мийре. Не слишком много времени понадобилось, чтобы весть о твоих делах распространилась по всему Момусу. — На какой-то миг Тарзака умолкла. — Можешь обернуться.

Обернувшись, Чужак увидел, что гадалка успела переодеться в свое традиционное одеяние. Наклонившись, она выжимала воду из длинных, черных волос.

— Ты — сын Крошки Вилл, — сказала она и выпрямилась.

На какое-то время их взгляды встретились, но затем Чужак снова принялся разглядывать танцующие языки пламени.

— Теперь, когда ты знаешь, кто я такой, зачем же ты остаешься со мной?

Тарзака присела на корточки возле огня напротив своего собеседника:

— Я хочу, чтобы ты научил меня читать чужие мысли и предсказывать будущее.

Чужак рассмеялся:

— Тарзака, ты ведь старше меня. Странная, великовозрастная ученица у меня будет.

Глаза гадалки сузились от обиды.

— И все же я хочу, чтобы ты научил меня.

Чужак уселся на землю и отхлебнул из кувшина.

— А что, если я не смогу тебя научить? Говорят, что те, кто умеют обращаться без слов, читая мысли, появляются на свет с таким даром. Что-то я не слышал о том, что подобному можно от кого-то научиться.

— А ты попробуй. Это будет твоей платой за мою одежду и мое вино.

Чужак попытался подняться на ноги, но ему это не удалось, и он упал на землю.

— Желаешь еще чего-нибудь? — спросил он, глядя на гадалку снизу вверх.

Тарзака побледнела:

— Я хочу... я хотела бы знать, что увидел ты в своем комке грязи — мое будущее, что ждет меня в жизни...

Оставив безуспешные попытки подняться, Чужак вытянулся на земле и засмеялся. Он продолжать хохотать, пока вино совсем не затуманило его разум, усыпив терзавших его демонов.

Прежде чем разыграться трагедии, Чужак мысленно увидел картину того, чего уже было не избежать... Обезумевшие слоны, их горящие злобой глаза, свернутые в кольцо хоботы.

— Мэй! — Он стоял возле изгороди, окружавшей крааль, наблюдая за сестрой, заканчивающей работу над картиной. Соскочив с изгороди, он бросился прямо к ней: — Мэй!

Сестра обернулась и посмотрела на него.

Неужели тогда действительно так сотрясалась земля? Размахивая хоботом, Гонзо резко закинула голову назад. За ней последовали все остальные. Могучие ноги яростно топтали землю, бивни словно косой косили высокую траву.

Он зацепился правой сандалией за торчавший из земли корень и полетел на землю вниз лицом.

— Мэй!

Мэй исчезла в облаке пыли, ее крик резко оборвался. Разум Джонджея бессознательно обрушил на слонов целую армию хищников — легендарных обитателей Земли: львов, тигров, пантер, леопардов. Эти образы тотчас отпугнули слонов от изуродованного тела Мэй. Издавая трубные звуки, серые гиганты устремились прочь. Джонджей не сводил глаз с сестры. Опустившись рядом с ней на колени, он прикрыл ей лицо.

— О боже! Что они сделали с ней!

Опустив руки, Джонджей посмотрел на слонов — те уже начали успокаиваться. Небо в глазах юноши вновь приобрело кроваво-красный оттенок, и он вторично наслал на слонов мысленные образы хищных кошек. Издавая трубный рев, слоны испуган-

но заметались по краалю. Свободной оставалась только одна тропа — на нее они и устремились. Тропа, ведущая к краю обрыва. Но слоны этого не знали — для них это был лишь поросший травой открытый участок земли.

Прежде чем мысли его растворились в бездонной черноте, пятеро слонов сорвались вниз, на дно глубоко ущелья.

— Вставай Чужак! — Он почувствовал, как чья-то рука бесцеремонно треплет его за плечо. — Вставай! Просыпайся!

Открыв глаза, он увидел перед собой нахмуренное лицо Тарзаки, обрамленное узорчатой шалью.

— Что такое? — Взглянув на каменную стену ущелья, он увидел, что та освещена солнечным светом.

— Уже день. Дождь прекратился.

Посмотрев на гадалку, Чужак приподнялся, сел и потер виски:

— Зачем ты разбудила меня?

Тарзака указала на дорогу, ведущую в сторону Мийры:

— Слушай!

Прислушавшись, Чужак явственно различил звук шагов и чьи-то голоса.

— Кто это? — Он рывком поднялся на ноги. — Кто? Немедленно отвечай!

— Дурень Джо, его ученики и те, кто сопровождает их, — откликнулась гадалка, засовывая вещи в мешок.

Она потрясла кувшин, посмотрела на Чужака и отбросила порожний сосуд в сторону. Указав на свернутое в узел одеяние дрессировщика, сказала:

— Вот твои вещи. Пошли. Нам пора уходить.

— Уходить? — Чужак нахмурился. — Зачем мне куда-то уходить! Я имею на эту дорогу такие же права, как и все остальные.

Их взгляды встретились. В глазах Тарзаки Чужак прочел нескрываемую ненависть.

— Хочешь услышать, что говорят о тебе в Мийре? Дурень Джо когда-то работал в Старом Цирке. Ты действительно хочешь услышать его слова?

Чужак перевел взгляд на дорогу. Там вдали, за поворотом, он увидел человеческую фигуру, облаченную в оранжевый клоунский наряд. Немного дальше шли еще двое в черных

одеяниях глашатаев. Они поддерживали своего третьего товарища, одетого, как и они, во все черное.

— Неужели ты не в состоянии заглянуть в будущее? Неужели ты, убийца слонов, не видишь будущего? — удивленно вскинула брови Тарзака.

Чужак еще какое-то время продолжал рассматривать идущих по дороге людей. Затем поднял с земли свои вещи и быстро зашагал в сторону Дирака. Перебросив через плечо мешок, гадалка поспешила вслед за ним.

Глава 23

Они шли, не проронив ни единого слова, до тех пор, пока солнце не скрылось за вершинами гор. Когда стало совсем темно, гадалка коснулась руки Чужака. Тот остановился и удивленно посмотрел на нее:

— Что такое?

— Пора остановиться на ночлег, — сказала Тарзака и указала на закопченные камни у обочины. Ее спутник обернулся и посмотрел на пройденный ими участок пути.

— Не бойся, Чужак! — рассмеялась гадалка. — Весть о твоем позоре осталась далеко позади. Дурень Джо по ночам не отправляется в странствия. — Она подошла к сложенным в круг камням, положила рядом с ними свой мешок, сама опустилась на землю. — Сходи, принеси хвороста.

— А я не хочу ночевать здесь, — сердито отозвался Чужак.

Тарзака развязала мешок и извлекла из него завернутое в листья тесто.

— Нам придется заночевать именно здесь. Сходи и принеси дров.

Чужак медлил какое-то время, затем положил узел со своей поклажей возле дорожного очага и принялся собирать сухие ветви, бурей сорванные с деревьев, которые росли на вершине. Набрав полную охапку хвороста, он отнес ее к каменному кругу и бросил на старое кострище. Затем присел на корточки возле закопченных камней.

— Становится холодно. Надо развести огонь.

— У тебя есть кремень и кресало?

— Нет. — Чужак поднялся, подошел к горе и оторвал от камней клочок сухого мха.

Гадалка нагнулась над своим мешком и стала что-то на ощупь искать в нем.

— Только дураки отправляются в путь без кресала и кремня.

Она все еще продолжала копаться в своем мешке, когда Чужак вернулся к очагу с пучком мха в руке. Он положил его на кострище, сел на свое прежнее место и посмотрел на темнеющие прямо на глазах исполинские стены ущелья. Вокруг стояла оглушающая тишина. Подойдя сзади, Тарзака взяла его за руку. Он обернулся и увидел, что гадалка протягивает ему какой-то крошечный узелок. Чужак развернул его и взял в руку кресало и кремень. Сжимая пальцами железный клинышек, спросил:

— Откуда это у тебя?

— Купила в Тарзаке. Разжигай огонь. Холодно. Я жутко замерзла.

Чужак несколько раз ударил кресалом о кремень и высек крупные искры, осыпавшиеся в пучок сухого, прекрасно воспламеняющегося мха. Мох задымился, и вскоре на его поверхности заплясали язычки огня. Чужак быстро подложил ко мху коротенькие обломки сухих веток, а на них — более крупные. Через мгновение в темноте возник крошечный оазис желтого света.

Тарзака положила завернутое в листья тесто на свой мешок и снова вернулась к костру.

— Пришло время выполнять обязательство нашего уговора.

— Какого уговора? — недовольно отозвался Чужак.

— Ты обещал отплатить мне за мою одежду и вино.

— Не помню я никакого уговора, — ответил Чужак, пожав плечами. — А что я такого говорил?

— Ты пообещал научить меня читать мысли и предсказывать будущее. Скажи, какое будущее ждет меня?

— Я не видел твоего будущего. Я не ясновидящий.

— Но когда я вернулась, ты угадал, что это я, угадал, даже не повернув головы в мою сторону.

— Но ты ведь оставила у костра свои вещи. Было ясно, что вернуться за ними можешь только ты. У любого другого хватило бы благоразумия переждать дождь.

Он посмотрел на дорогу, ведущую в сторону Мийры, которая становилась все темнее. Затем снова повернулся к костру.

— Послушай, Тарзака, иногда я заранее вижу то, чему суждено произойти. — Он указал рукой на огонь. — Но это все равно что посмотреть на костер и увидеть, что в него нужно подбросить дров и что на этом костре скоро испекутся лепешки.

Гадалка посмотрела на своего собеседника долгим взглядом.

— Я слышала песнь о Крошке Вилл и еще кое-какие сказания. Это — что-то новенькое.

— Не совсем, но, может быть, до известной степени это так, — пожал плечами Чужак. — Я видел, как слоны лишили жизни мою сестру, прежде чем это произошло на самом деле. Но я знал слонов, знал сестру, знал, что такое мийрский краль. — Его взгляд снова вернулся к языкам пламени. — Я не видел будущего, я видел лишь то, что *могло* произойти.

— И все-таки, что же ты в своих мыслях увидел обо мне?

— Ничего я не видел о тебе.

— Ничего? — спросила Тарзака и прижала руки к груди. — Совсем ничего?

Чужак рассмеялся:

— Я хотел сказать, что твое будущее скрыто от меня. Я очень мало о тебе знаю. Мне ничего не известно ни о твоей болезни, ни о чем-либо другом. Я должен многое узнать, тогда это знание сольется воедино в моей голове и создаст определенную картину.

— Но тебе известно то, о чем ты мог и не знать.

Чужак покачал головой. Затем подбросил в костер хвороста и снова посмотрел на Тарзаку.

— Я только взял из твоего разума ту картину, которую показали твои мысли. Я могу узнать лишь то, что известно тебе самой. Чтобы увидеть возможный исход твоей болезни, мне необходимо узнать о тебе больше. Узнать, как работает твое тело, как протекает болезнь и все такое прочее.

— Говорят, будто твоя мать умеет передвигать предметы при помощи мысли. А ты умеешь делать подобное?

— Немного. Нужно постоянно тренироваться, чтобы развить эту способность.

Чужак взял в руки ветку и, разломав ее на мелкие части, бросил их в огонь.

— Меня всегда интересовало другое. Скажи, ты знал о том, что обладаешь такими способностями, и ничего не делал, чтобы развить их? Тогда ты просто дурак, Чужак.

— А зачем дрессировщику нужно обладать такими способностями? Скажи мне, гадалка!

Глаза Чужака сузились. Он собрался было сказать что-то, но остановился. Немного помолчав, он все-таки спросил гадалку:

— Что ты сейчас хотела сказать?

— Прочитай мои мысли, — насмешливо ответила Тарзака.

Чужак медленно закрыл глаза, потом резко распахнул их.

— Да. — Он посмотрел на огонь. Глаза его застилали слезы, размывая изображение пламени. — Да. Я мог бы спасти Мэй, если бы тренировался в мысленном передвижении предметов. — Помолчав, Чужак рукавом смахнул с глаз слезы. — Спасибо тебе, Тарзака.

— За что?

— За то, что превратила мою боль в ад.

Гадалка, не вставая, наклонилась вперед и выложила лепешки на раскалившиеся камни. Затем приняла прежнее положение.

— Ты научишь меня этому, Чужак?

Ее собеседник какое-то время молчал, затем встал и подошел к обрыву. Остановившись на самом краю, он заглянул в простирающуюся у его ног черную бездну. Внизу гулко рокотал поток, образовавшийся после недавнего ливня. Затем обернулся к Тарзаке:

— Я научу тебя. — Он поднял руку и показал на бездну. — Но нам придется отправиться в путешествие. Надо перебраться через ущелье, подняться на вершину Змеиной горы, после чего выйти к Великой топи. Там мы займемся поисками детей тех, кто учил мою мать. Она рассказывала мне, что они обладают знаниями своих родителей. — Чужак опустил руку и посмотрел Тарзаке в глаза. — Используя твой разум, они могут убить тебя, свести с ума — всего лишь ради забавы, наблюдая за твоими мучениями. Ты еще не раздумала учиться, Тарзака?

Гадалка привстала, потрогала рукой лепешки, села на место и ответила:

— Нет. Не раздумала. Но зачем для этого переходить горы? Почему бы нам не отправиться обратно и не пройти через Мийру?

Чужак вернулся к костру и сказал:

— Я не могу показаться в городе, пока не умер последний слон.

— А я все-таки пойду!

— Почему?

— Я же гадалка. Я стану лучшей гадалкой и окажусь полезной для цирка.

— Цирка?! Какого цирка? Цирка давно нет! Цирк мертв! — На мгновение замолчав, он добавил уже более спокойным тоном: — Цирк мертв.

Чужак встряхнул головой и посмотрел в небо, на котором высыпали яркие крупные звезды.

— Всю мою жизнь я только и слышал о цирке. Сохранить цирк! — При этих словах Чужак горько усмехнулся. — В Мийре сейчас около двухсот дрессировщиков и только один слон. Все лошади заняты перевозкой грузов и строительством дорог. А публики нет вообще. — Чужак снова устремил свой взгляд на огонь. — Цирк давно мертв.

Тарзака еще раз потрогала лепешки:

— Он мертв в твоем сердце. — Она сняла с камня готовую лепешку, разломила ее пополам и протянула половину Чужаку. — А почему ты хочешь отправиться в это путешествие? Почему собираешься выполнить мою просьбу? Ведь не для того же, чтобы отплатить мне за одежду и вино?

Чужак посмотрел на половинку лепешки, которую держал в руке. Затем повернул голову и перевел взгляд на обрыв.

— Я не могу вернуться домой, пока жив последний слон. Я хочу научиться убивать слонов.

Тарзака удивленно открыла рот:

— Раньше ты был напуган смертью своей сестры. Это могло послужить каким-то оправданием, Чужак. Но теперь ты хочешь совершить настоящее *убийство!*

— Да, — утвердительно кивнул Чужак, продолжая вглядываться во тьму.

— Я остановлю тебя.

Чужак резко повернулся к гадалке и улыбнулся. Тарзака резко прижала к груди руки и пыталась выдохнуть.

— Мои возможности не безграничны, Тарзака, но кое-что я умею. Умею мысленно передвигать небольшие предметы.

Чужак отвернулся, и Тарзака свалилась на землю, жадно хватая ртом воздух.

— Следи за своими словами, если не хочешь, чтобы я снова пережал тебе кровеносный сосуд!

Он сел на корточки возле костра и схватился руками за голову.

До западного склона ущелья Змеиной горы можно добраться, лишь переправившись через реку Столового озера, там, где она берет свое начало среди Змеиных гор севернее Мийри. Следующая переправа находится на северном краю ущелья близ Дирака. Три дня спустя, когда над Дираком опустилась ночь, вокруг огромного костра посреди городской площади собрались горожане. Мотыги, плуги, косы и пилы были отложены в сторону, а проблемы трудового дня позабыты, потому что все ждали встречи с Великим Дурнем Джо из Тарзака. Накинув на головы капюшоны, Тарзака и Чужак затерялись в задних рядах собравшихся.

— Не забывай, у нас с тобой уговор, — шепнула дрожащим голосом гадалка. — Нам надо идти дальше.

— Я должен сделать это.

— Что сделать?

— Я должен услышать, что скажет Дурень Джо. Я должен услышать то, что услышат и другие жители Момуса обо мне и о том, что я сделал.

— А если они вдруг узнают тебя?

Чужак посмотрел на стоявших рядом с ними людей. Его взгляд остановился на оранжевом наряде клоуна. Юноша потрепал незнакомца по руке:

— Эй, клоун!

Человек в оранжевом комбинезоне обернулся. Это оказалась женщина.

— Да? Что тебе нужно, ясновидец?

— У тебя есть белый клоунский грим?

Женщина-клоун удивленно вскинула брови:

— А как же!

— Продай его мне.

Пожав плечами, женщина взялась за висевший на поясе мешочек, который был привязан к перекинутой через плечо лямке. Из него она извлекла завернутую в ткань палочку белил:

— У меня осталась только половинка.

— Даю за нее пять монет.

Женщина-клоун рассмеялась:

— Я за целую заплатила двадцать.

— Ну, хорошо, тогда десять.

— В этом же нет никакой прибыли. Зачем она тебе?

Чужак пристально посмотрел женщине в глаза:

— Пятнадцать.

— По рукам! — согласилась женщина-клоун.

Чужак пересчитал монеты и отдал их бывшей владелице белил.

— Скажи мне, ясновидец, зачем тебе это нужно?

Чужак спрятал кошелек в складках одежды и ответил:

— А во сколько ты оценишь мой ответ? Сколько заплатишь за него? Предупреждаю сразу — он недешево тебе обойдется!

Женщина-клоун засунула деньги в карман, отвернулась и стала наблюдать за происходящим в центре площади.

Тарзака дернула Чужака за руку:

— Что ты собираешься делать?

В ответ Чужак принялся раскрашивать свое лицо в белый цвет.

— Я хочу замаскироваться, чтобы меня никто не узнал.

Через мгновение его лицо превратилось в белую маску, оставлявшую нетронутыми лишь глаза.

С центральной части площади донесся громкий голос:

— Дамы и господа!

Взоры собравшихся устремились в направлении этого голоса. Это был шпрехшталмейстер, объявлявший начало циркового представления.

— Сегодня вечером Великий Дурень Джо сообщит нам известие, пришедшее из города Мийра. Великий Колотушка, глава диракских жрецов, и певцы из Дирака будут ему в этом помогать.

Фигура в одеянии жреца шагнула на место отошедшего в сторону шпрехшталмейстера и заговорила негромким голосом. Толпа, собравшаяся на площади, затихла.

— Во всех мудрых жреческих книгах сказано — для того, чтобы появился цирк, нужны слоны. Слон — особое животное. Дрессировщики слонов — хранители особой веры. — Великий Колотушка извлек из складок одежды свиток и развер-

нул его. — В руках у меня — старая копия, снятая с архивных документов, хранящихся у жрецов Тарзака. Это письмо, написанное великим Джоном О'Харой и адресованное официальным представителям Всемирного Экологического Надзора. — Слова Колотушки прервал встревоженный гул голосов тех, кто пришел в этот вечер на городскую площадь. — Письмо датируется 5 марта 2127 года.

С этими словами Великий Колотушка начал читать вслух:

— «Мой дорогой мистер Чэппин, мне до сих пор не дает покоя ваше сообщение о том, что вы в юридическом порядке намерены воспрепятствовать мне взять в собственность двух заказанных мною слонов. Мы уже заполнили на животных все требуемые документы, а также присутствовали на всех слушаниях и получили все необходимые разрешения и лицензии, признаваемые законодательствами всех трех наций. Теперь же вы хотите изменить правила. Как я уже сказал, я взвесил все возможные причины нынешнего вашего решения, и подобная позиция представляется мне подозрительной.

В вашем иске об отзыве лицензии говорится о том, что ваши действия предприняты исключительно «в интересах животных, а также в целях сохранения для потомков уникальной фауны». Если тот, кто написал это, все еще находится на свободе, то для него у меня припасена соломенная шляпа и трость. Благодаря вашему «блестящему» руководству популяции слонов — как в африканском, так и индийском заповедниках — сосредоточены как раз в тех местах, где эти животные легко становятся жертвами браконьеров, действующих в сговоре с вами. Это с вашего попустительства их потом можно рубить на куски и пускать на консервы для кошек. Но даже этого вы толком не можете сделать. Прошлым летом сотня африканских слонов погибла от голода, вызванного засухой.

Думаю, вряд ли кто-нибудь из вас, людей недалеких умом, отдает себе отчет в том, что эти слоны являются частью современного мира, принадлежащего нынешним поколениям, и что кому-нибудь из этого поколения, может быть, захочется хотя бы одним глазком взглянуть на слона. Сейчас же получается так, что быть убитым пулей охотника и стать сырьем для кошачьих консервов лучше, чем выступать в цирке. В скудные, трудные времена даже среди артистов цирка найдется немало таких, кто согласится с вами. Мы о слонах заботимся, потому что без них

цирк просто немыслим. Неоднократно я был свидетелем гибели дрессировщиков, которые спасали своих четвероногих подопечных. Интересно бы знать, сколько бойцов вашего бумажного фронта погибло, спасая хотя бы одного слона?

К чертям все это. Благодаря вам, господа, я бесславно потратил почти два года на всю эту писанину, и будь я проклят во веки веков, если вы все-таки похерите мое начинание. Либо вы отказываетесь от иска, либо я передоверю вам одну из моих проблем. Дело в том, что наш укротитель змей имеет в своем распоряжении достаточное количество кобр и прочих змей, а я весьма озабочен скудными условиями их содержания. Я вполне могу направить его вместе с милой компанией этих ядовитых красоток прямо к вам домой для выяснения некоторых формальностей».

Великий Колотушка опустил свиток:

— Это — письмо из коллекции Великого Ловкача Веллингтона. Он так и не позволил Джону О'Харе отправить его.

Колотушка отправился прочь с городской площади, а диракские кассиры поспешили в толпу, чтобы собрать плату за выступление. Одна из них, женщина, остановилась перед Чужаком и протянула руку:

— Дадите что-нибудь для жрецов?

Чужак посмотрел на женщину-кассира, затем потянулся за кошельком и дал ей две монеты. Женщина направилась дальше. В это время в центре площади появилась фигура в черном одеянии сказителя, которого сопровождали два ученика. Это был Великий Дурень Джо, глава сказителей Тарзака. Сказитель оттолкнул поддерживающие его руки учеников, и те поспешили отойти в сторону.

Дурень Джо начал свой рассказ:

— Пять дней назад в городе Мийра сын Крошки Вилл, Джонджей, убил пятерых из шести обитающих на Момусе слонов. — Над площадью тут же повисла гнетущая тишина. Не было слышно даже дыхания присутствующих. — Мэй, сестра Джонджея, была растоптана слонами. После этого Джонджей умертвил их. — Дурень Джо огляделся по сторонам, затем вскинул руки вверх. — Город изгнал Джонджея. Он не имеет права вернуться, пока не умрет последний слон, вернее, слониха, которую зовут Рег. — Дурень Джо опустил руки и снова обратил свой взгляд на собравшихся. — Вот такая история.

Джо снова оглядел лица окружавших его людей:

— Мэй была дрессировщицей, как и ее мать. Дрессировщиком был и отец Крошки Вилл — Здоровяк Вилли. Он был главным дрессировщиком в Старом Цирке. Обращаться со слонами Здоровяк научился у Отравы Джима Болджера из спокейнского «Снежного шоу». Отрава Джим погиб, пытаясь приручить разъяренного слона. Те, кого знал и любил Здоровяк — Банс Банионо, Сирена Салли Фонг, Блэк Кейт и многие другие, — умерли, работая со слонами в Старом Цирке.

Чужак развернулся и зашагал прочь с площади. И хотя он все время убыстрял шаг, голос Дурня Джо, доносившийся до его слуха, нисколько не делался тише.

— Здоровяк Вилли умер после того, как разбился третий шаттл, потому что вошел в главную карусель, когда никто другой не смог этого сделать.

Когда Тарзака догнала Чужака, Дурень Джо все еще продолжал говорить:

— Большинство из вас — молодые люди. Вы никогда не видели настоящего цирка. Вы не знаете, что значат для цирка слоны. У нас остался всего один слон. Когда умрет Рег, умрет и надежда возродить цирк.

Чужак бросился наутек. Казалось, будто негромкий голос Дурня Джо гремит над всем Дираком.

— Жители Мийры изгнали Джонджея. А что же сделаете вы, жители Дирака?

Крики толпы заставили Чужака бежать.

— Изгнать! Изгнать! Изгнать! Изгнать!

Добежав до окраины Дирака, Чужак устремился на север, к подножию Змеиных гор. В его ушах все еще раздавался хор голосов горожан.

О Черный Алмаз! Сколько душ загубила ты!
Но гибель твоя на совести рейнджеров!

Глава 24

Для молвы не существует преград. Она молнией облетает окрестности. Повсюду — в Аноке, Айконе, Дираке, Рисе, что располагается в Изумрудной долине; на юге — от Аркадии до

Куумика, на востоке — от Тарзака и Сины и до моря Барабу и Мбвебве — местные жители с ужасом выслушали известие о Джонджее, сыне Крошки Вилл, и заклеймили его позором.

Чужак стоял среди редких деревьев на одном из склонов Змеиных гор и рассматривал раскинувшийся далеко внизу огромный массив джунглей, который получил название Великой топи. Тяжело дыша, Тарзака с перекинутым через плечо мешком остановилась в нескольких шагах позади него, прислонившись спиной к выступу скалы. Бросив на землю свою поклажу, она прижалась затылком к скале и судорожно хватала ртом воздух. Затем, прищурившись, осмотрелась по сторонам и рывком оттолкнулась от скалы.

— Мы на самой вершине. — Гадалка закрыла глаза и, скользя спиной по твердой поверхности камня, опустилась на землю.

Чужак обернулся и направился к Тарзаке.

— Какая она все-таки огромная, эта Великая топь! Я даже представить себе не мог ее размеров!

— Мы здесь будем ночевать?

Чужак взглянул на небо, после чего обратил к спутнице нахмуренное лицо.

— У нас остается еще четыре часа светлого времени. Мы успеем за это время пройти расстояние отсюда до нужного нам места еще до наступления ночи. — Он снова посмотрел вниз, на болото. — Чем раньше мы доберемся до болота, тем скорее мы найдем то, что ищем.

Из горла Тарзаки вырвался короткий непроизвольный стон. Чужак посмотрел на нее внимательным взглядом, затем медленно опустился на землю.

— Что, снова заболел живот?

Левый уголок рта гадалки скривился в горькой усмешке.

— Стараюсь держаться и забыть про боль, Чужак.

Бросив на нее короткий взгляд, Чужак обхватил руками колени:

— Хочешь мне что-то сказать?

— Не слишком приятно, когда твои кровеносные сосуды словно пережимает чья-то невидимая рука. Но я все равно буду следить за своими словами.

— Ты все-таки никуда не ушла от меня. — Он снова пристально посмотрел на гадалку, заметив, что ее по-прежнему мучает боль. — Что с тобой?

Гадалка покачала головой, рассмеялась, но затем неожиданно сморщилась от боли.

— Ты сам страдаешь от своего одиночества. — Снова рассмеялась она. — Я вот уже несколько дней не перестаю стонать от боли у тебя за спиной, а ты только сейчас обратил на это внимание.

— Я не заставлял тебя идти вместе со мной.

Тарзака еще сильнее прижала колени к животу:

— Это часть моей платы. А ты должен выполнить свое условие нашего уговора.

— Я уже сказал тебе, что не умею предсказывать будущее. Я только могу увидеть то, чему суждено произойти. — Он вытянул вперед руки. — Но даже в этом существуют определенные условия.

— Послушай, Чужак, ты ведь, кроме того, умеешь читать чужие мысли. А еще умеешь передвигать предметы. Мне бы хотелось знать, как ты это делаешь.

Чужак рывком поднялся на ноги:

— Я никого не смогу научить этому. Да и зачем гадалке умение мысленно передвигать предметы?

— Тебе очень скоро понадобится это умение. — Тарзака закрыла глаза.

Чужак повернулся к гадалке спиной и стал рассматривать далекие горные вершины.

— Не говори чушь. Ты немного отдохнешь, и мы пойдем дальше. Если мы отправимся в путь сейчас, то дойдем до болот через два дня.

— У меня нет сил двигаться. Я не смогу даже шаг сделать, Чужак.

— Тогда я оставлю тебя здесь. — Он оглянулся на нее. — Так ты идешь?

— Ты ведь не бросишь меня, Чужак? Ты не можешь меня бросить. Ведь я единственный твой зритель.

Лицо Чужака исказилось от гнева.

— Что ты хочешь этим сказать? — Он быстро шагнул к гадалке и снова крикнул: — Что ты хочешь этим сказать?

Какое-то мгновение он смотрел на нее, затем, пошатнувшись, отошел на прежнее место, чувствуя, как его мозга коснулась волна чужой боли.

Присев возле Тарзаки, он спросил:

— Чем я могу помочь тебе?

Гадалка отрицательно покачала головой:

— В данный момент ничем. Мне нужно отдохнуть. — Ее глаза широко раскрылись, зрачки сузились от боли. — Но следует подумать о том, что предстоит сделать тебе. Если ты умеешь сжимать кровеносные сосуды, то тебе, наверное, вполне под силу передвигать небольшие предметы. Я отдохну, а потом попрошу тебя мысленно заглянуть в мое тело и найти источник моей болезни.

— Тарзака, а что будет, если я не смогу помочь тебе?

— Значит, тебе это просто не под силу. Но не забывай, у нас с тобой уговор. Ты должен хотя бы попытаться. Так что помоги мне. А сейчас мне надо немного поспать.

Чужак помог ей улечься и подложил под голову мешок с вещами. Тарзака легла на бок, сжавшись в комочек. Чужак прикоснулся к ее щеке и почувствовал, как горяча и суха кожа. Потрогав собственное лицо, он ощутил, что кожа у него горячая, но влажная. Вытерев руки об одежду, Чужак встал и принялся готовиться к ночлегу.

Когда на горные вершины опустились сумерки, Чужак отошел от костра и накрыл спящую Тарзаку своим полосатым одеянием. Затем он сел рядом с ней и посмотрел на закупоренный кувшин с вином. Покачав головой, Чужак взглянул на лицо гадалки.

— Чего ты ожидаешь от меня, Тарзака? — прошептал он.

— Чтобы ты попытался, — шевельнула губами Тарзака.

У него перехватило дыхание.

— Я не хотел беспокоить тебя.

— Ты и не побеспокоил. Пора начинать.

Чужак нервно облизнул губы и взмахнул правой рукой:

— Я до сих пор не знаю, что мне делать, с чего начинать.

— Чужак, ты можешь видеть то, чему суждено произойти в будущем. Образ будущего зависит от того, что тебе о нем известно.

Чужак закрыл глаза и кивнул:

— Да, верно. Но об этом я знаю слишком мало.

— Так узнай больше. — Тарзака приподнялась, опираясь на локоть. — Помоги мне лечь на спину, и давай начнем.

— Начнем? Что начнем?

— Начнем узнавать то, что тебе нужно знать. Мысленно проникни в меня и узнай это.

Чужак опустился на колени и помог гадалке перевернуться на спину. Тарзака сначала вытянула ноги, затем быстро подтянула колени к животу и коротко вскрикнула:

— Больно... — Затем кивнула: — Начинай.

Чужак провел ладонью по лицу. Вытирая руку о край одежды, он сосредоточил свои мысли на животе гадалки. Его тут же захлестнула волна боли, и он усилием воли выдавил ее из своего сознания. Одно ощущение за другим, шум ветра, потрескивание костра, дыхание гадалки, стук собственного сердца — все это Чужак вывел за пределы своего сознания.

Ощущение грубой поверхности земли под ногами, пот, струящийся по спине, холод наступающей ночи — эти ощущения также покинули его голову. Так же он поступил и с привкусом слюны во рту, запахом горящих в костре дров, а также с мыслями о жизни, позоре изгнания и мщении. Единственное, что он оставил, были пальцы его мысли.

Он вытягивал эти пальцы вперед до тех пор, пока они не коснулись горячей сухой кожи Тарзаки.

— Глубже, — прошептала гадалка, — глубже.

Тепло. Влажное тепло. Влажное скользкое тепло. Тарзака застонала, и он тут же отдернул пальцы.

— Прости меня. Извини. — Чужак снова провел ладонью по лицу. — Не получается у меня.

Тарзака сделала несколько глубоких вдохов-выдохов, после чего произнесла:

— Ты должен. Продолжай. Пусть мои стоны подскажут тебе, где творится боль. Ты должен научиться этому. Тогда ты поймешь, как следует меня лечить. Продолжай.

Чужак вытер ладони об одежду, затем в очередной раз закрыл свой разум, сделав исключение лишь для пальцев, которые через мгновение снова проникли в тело гадалки. Тарзака застонала. Чужак осторожно сместил пальцы влево, затем ле-

гонько вверх и столь же осторожно вниз. Тяжело дыша, он погрузил их еще глубже. Последовал новый стон.

— Ты их чувствуешь?

— Да. Это какое-то странное ощущение.

— Я уже близок к твоей боли?

— Не могу сказать тебе, Чужак. Боль повсюду одинаковая.

Чужак облизнул губы, затем потянул руку немного назад, ощущая липкую влажность. После этого сдвинул пальцы немного вправо, и Тарзака опять вскрикнула. Он собрался было вытащить руку, но усилием воли заставил пальцы остаться на прежнем месте.

— Тарзака, я чувствую, что сейчас тебе будет очень больно.

— Вот видишь, а говорил, что не умеешь предвидеть будущее.

— Успокойся.

Чужак двинул пальцы сначала в одном направлении, затем в другом, пытаясь ощутить под своим прикосновением очертания уплотнения. Тарзака несколько раз громко вскрикнула. Юноша мысленно стряхнул эти крики и направил пальцы в обход. На своем пути они встретили сопротивление. Чужак продолжал поиски, чувствуя, что вот-вот обнаружит искомое.

Мейндж, Пальчики и их ученики в конюшне Кэндиджейн. На полу на спине, задрав вверх ноги, лежит мертвая лошадь. Молодые люди смеются над своим товарищем, который от увиденного выскочил наружу, стараясь из последних сил сдержать позыв к рвоте. Брюхо лошади распорото, и Мейнж помогает вытаскивать из него скользкие кольца синевато-фиолетовых кишок.

Чужак вспомнил, каковы на ощупь эти кольца, какова их плотность и очертания. Нащупав определенное место на одном из колец, он обхватил его и, сильно сжав, почувствовал, что пальцы встретились.

— Сейчас больно?

— Нет. Я чувствую твои пальцы, но мне не больно.

Чужак кивнул и переместил пальцы. Затем сжал их снова.

— А теперь?

— Нет.

Чужак повторно сжал пальцы и встретил сопротивление. Гадалка при этом громко вскрикнула и подтянула колени к

самой груди. Он ослабил давление, не убирая пальцев с прежнего места.

— Колени, Тарзака. Они мешают. Почему ты все время поджимаешь ноги?

— Так мне становится намного легче — боль ослабевает.

Его пальцы двинулись дальше, пока снова не встретили преграду. Чужак нахмурился и немного сжал пальцы. Гадалка снова вскрикнула.

— Вытяни ноги! — приказал Чужак.

— Не могу! Больно!

— Вытяни ноги!

Тарзака издала крик, затем стала медленно выпрямлять ноги, затем в очередной раз крикнула и снова подтянула колени к животу. Сделав усилие, Чужак убрал пальцы и снова ощутил границы того места, где встретил препятствие.

— Что это, скажи, Чужак?!

— Я не уверен. Это какое-то кольцо. Похоже, что там образовался узел!

Он открыл глаза и посмотрел на гадалку:

— Похоже, что кишки запутались узлом. Он затягивается еще сильнее, когда ты выпрямляешь ноги. Когда ты прижимаешь колени к животу, то он ослабляется. Скажи, что мне теперь делать?

— Развяжи этот узел.

Чужак отрицательно покачал головой:

— Не могу. У меня не хватает сил.

Тарзака коснулась руки Чужака:

— Ты должен попробовать. Не забывай про наш уговор.

Чужак сглотнул, мотнул головой и снова сглотнул.

— Даже если это и в моих силах, кто знает, к чему это может привести? А если я сделаю что-нибудь не так? Я ведь не знаю, что с тобой случится. Этот узел какой-то твердый, даже слишком твердый. Он как будто полон чего-то.

— Вот из-за него-то я и испытываю жуткую боль.

Чужак кивнул:

— Верно, но оно также делает твердым твои внутренности.

Чужак пождал губы, задумался, явно пытаясь что-то вспомнить.

— Может быть.

— Что это?

Он опустился на колени и наклонился над Тарзакой:

— Вытяни ноги — насколько сможешь.

Гадалка стала выпрямлять ноги и через мгновение издала дикий крик от боли. Чужак тут же «втянул» в себя ее стон. Закусив верхнюю губу, он закрыл глаза и с усилием воли мысленно погрузил пальцы в тело Тарзаки. На этот раз Чужак отыскал нужное гораздо быстрее. Он почувствовал новые кольца, затем уплотнение.

— Где это?

— Где-то глубоко. Я не знаю. Это что, кость? Да. Верхняя часть бедра.

Чужак кивнул и двинул пальцы вперед и вверх. Он вытянул левую руку, просунул ее под одежду гадалки. Его пальцы коснулись горячей сухой кожи Тарзаки. Он зарычал от напряжения, но ощутил ладонью какое-то слабое давление. Двигая руку дальше, он сильнее надавил ладонью на тело гадалки. Его указательный палец обнаружил какое-то уплотнение.

— Не могу понять, что это.

— Может быть, тебе стоит передохнуть?

Чужак отрицательно покачал головой:

— Нет. — Какое-то время он учащенно дышал, затем открыл глаза и посмотрел на Тарзаку. — По моей команде ты прижмешь колени к груди, так крепко, как только сможешь. Поняла?

— Да.

Чужак снова закрыл глаза. Спустя мгновение его указательный палец уперся в то же самое непонятное место. Он снова мысленно подобрался пальцами к воображаемой «петле» и наконец установил ее точное местонахождение. «Пройдя» по «петле», Чужак обнаружил в левой ее части искомый узел. Осторожным движением он мысленно ухватился пальцами за кишку и несколько раз глубоко вздохнул.

— Давай! — приказал он гадалке.

Тарзака рывком подтянула колени к груди, зажимая руку Чужака между бедрами и животом. Тот выпятил нижнюю челюсть, состроил жуткую гримасу и рявкнул:

— Колени! Дальше!

— Не могу! — выкрикнула в ответ Тарзака.

Чужак почувствовал, как натяжение ослабло, и уловил легкое движение. Когда ноги гадалки ударились о землю, он остановился.

— Тарзака!

Взглянув на лицо Тарзаки, он понял, что та потеряла сознание.

— Черт побери, женщина! Очнись!

Дыхание со свистом вырывалось из его горла. Вытянув вперед правую руку, он просунул ее под колени Тарзаки, держа левую на прежнем месте. Подтянув их к ее груди, он всей тяжестью тела навалился на них.

Его пальцы возобновили прежнюю хватку, и он снова потянул их.

— Еще немного... чуть-чуть...

Он сделал несколько вдохов-выдохов, затем снова потянул, надавливая изо всей силы левым указательным пальцем на живот Тарзаки. Теперь из горла Чужака вырывались короткие слова, перемежавшиеся свистящими хрипами:

— Давай!.. Давай, черт побери!.. Ну давай!..

На шее и на висках юноши набухли жилы, лицо сделалось багрово-красным.

— Так... идет... идет! — прохрипел он.

Прежде чем успело замереть эхо его крика, Чужак без сознания упал лицом в грязь.

Все плывет. Все. Ноги парят в воздухе на уровне головы, тело зависло параллельно земле. Вокруг царит хаос. Мама. Мама! Это я! Мама, это я, Джонджей!

Когда умрет последний слон... Все они молчали. Все. Поголовно. Черт побери это молчание! Черт побери этих слонов! Черт побери эту Рег! Рег! Рег!

Глаза Чужака открылись, и он понял, что лежит, устремив взгляд на ясное небо, окрашенное оранжевыми красками заката. Чужак приподнялся, сел и посмотрел на гадалку.

— Ну что? Как ты себя чувствуешь?

— Больно. Только боль другая, хорошая боль.

Чужак снова посмотрел на небо:

— Уже день. Мы потратили на это целый день.

— Два дня. Ты проспал весь день и всю прошлую ночь.

Чужак вскочил на ноги. С губ его невольно сорвался стон недовольства. Затем он подошел к костру, присел возле него на корточки и вытянул правую руку над углями костра.

— Все еще горячо, — пробормотал он.

Подув на золу, Чужак воспламенил несколько угольев. Подобрав с земли обломок ветки, сгреб их в середину. Бросив на них еще несколько веток, подул на угли, и вскоре разгорелось пламя, осветив лицо юноши. Он огляделся по сторонам, заметил кувшин с вином и взял его в руки. Затем сделал глубокий глоток, чувствуя, как благодаря содержимому кувшина расслабляются зажатые в тисках боли голова и мускулы. Отпив из кувшина еще, Чужак уселся возле огня.

Тарзака встала, подошла к костру и села на землю прямо напротив человека, избавившего ее от боли.

— О чем ты сейчас думаешь?

Чужак покачал головой:

— Ни о чем, — ответил он, сжимая в руках кувшин. — Мой друг из Мийры... — Он сделал короткую паузу. — Бывший друг. Он называет это полезным снадобьем. — Чужак почувствовал, что на глаза его готовы навернуться слезы. — Его зовут Мортифай, он ученик старого Мейнджа.

Он снова приложился к кувшину.

— Мортифай перестал быть твоим другом?

Дно кувшина коснулось земли.

— У меня нет друзей! Те, кого я считал своими друзьями, отреклись от меня прежде, чем это сделали обитатели города. — Чужак ткнул пальцем себя в грудь. — Никто так и не заступился за меня. Никто не предложил помочь мне. Ха! Друзья!

Он снова отхлебнул из кувшина, после чего выпрямил ноги.

— Ага, вот и боль потихоньку уходит. Я поверить никогда не мог, что когда-нибудь испытаю такую усталость.

Гадалка кивком головы выразила согласие.

— Ты славно потрудился, Чужак! — Она развязала мешок своего исцелителя, извлекла из него комок теста и тут же принялась лепить из него лепешки. Не сводя глаз с теста, она заговорила:

— Ты убил пятерых слонов. Кто же из друзей смог бы простить такое преступление?

Чужак по-прежнему не сводил глаз с огня.

— Они убили мою сестру. Я был прав, когда сделал это. Моей вины тут нет.

— А что бы подумала о случившемся твоя сестра? Если бы ты спросил ее об этом, что она ответила бы тебе?

Глаза Чужака расширились от ужаса. Он вскочил, задев кувшин, который в следующее мгновение разбился о камни.

— Черт тебя возьми! — крикнул Чужак, прижимая руки к вискам. Лицо его болезненно скривилось, из глаз заструились слезы. — Черт тебя побери, — прошептал он. — Собирайся. Мы уходим.

— Уже почти ночь.

— Собирайся! — Чужак поднял с земли свой мешок, направился к тому месту, где провела ночь Тарзака, и засунул в мешок свой наряд дрессировщика.

— Нам обоим необходим отдых, — обратилась к нему гадалка.

Чужак перебросил мешок через плечо и посмотрел на Тарзаку:

— Если ты идешь со мной, то поторопись.

С этими словами Чужак зашагал в направлении горного склона, который должен был вывести их к Великой топи.

Тарзака быстро собрала вещи и последовала за ним.

Глава 25

Крошка Вилл сидела на изгороди крааля, глядя на одинокую рощу деревьев, опушенных «волосами ангела», где покоилось в могиле тело Шайнера Пита. Она держала в руках стек из красного дерева, которым пользовались погонщики слонов, и меланхолично постукивала им то по одной, то по другой сандалии. «Волосы ангела» свисали с деревьев длинными завитками, лениво шевелящимися на полуденном солнце. Вокруг простиралось обширное пространство травы, выросшей там, где когда-то шумели леса, а теперь торчали лишь сгнившие пеньки — единственное, что осталось от леса, некогда окружавшего Мийру. Крошка Вилл подумала, что придет время, когда не останется даже этих пеньков.

За ее спиной раздался знакомый звук. Оглянувшись, Вилл увидела Рег, тащившую охапку сена, оставшуюся после утренней смены у Стендби. Через несколько минут появится и Янг Бигфут. Крошка Вилл вздохнула. Придется прождать еще два месяца, прежде чем она получит в свое распоряжение Рег. Крошка Вилл обернулась, чтобы еще раз взглянуть на рощу. Из гущи деревьев появилась какая-то фигура в одеянии дрессировщика слонов. Крошка Вилл нахмурилась и прикрыла глаза от лучей жгучего солнца. Это была Дортидиер — дочь Великого Вощеного и Дот Пот.

Крошка Вилл мотнула головой. Иногда она забывала о том, что отец Пита Шайнера также похоронен в этой же рощице вместе с Мейнджем, Пальчиками, Паки, Ковбоем, Клыком и многими другими.

Дортидиер скрылась из вида, где-то среди домов улицы, получившей название Мейндж-стрит, а Крошка Вилл направилась к роще. На полпути к подошве холма она обернулась и посмотрела в направлении города, на сарай, в котором, согласно ее указанию, группа дрессировщиков пыталась собрать воедино скелет слона по имени Гонзо. Из пяти слонов, по вине Джонджея сорвавшихся в пропасть, скелет Гонзо почти не получил повреждений. В один прекрасный день умрет и Рег. Тогда у дрессировщиков не останется ничего, кроме рисунков, сделанных рукой Мэй, скелета Гонзо и воспоминаний, которые они смогут передавать своим детям.

Постукивая стеком по ноге, Крошка Вилл спустилась вниз и вскоре оказалась у края рощи. Стоя в тени деревьев, она заметила человеческую фигуру. Кто-то в одежде погонщика сидел возле могилы Великого Вощеного.

— Дот? — окликнула Крошка Вилл.

Женщина обернулась и, растянув губы в беззубой улыбке, произнесла:

— Крошка Вилл? Подойди ко мне. Значит, это ты.

Крошка Вилл шагнула вперед и остановилась рядом со старухой.

— Ты не очень хорошо выглядишь, Дот. Тебе не стоило подниматься с постели.

Дот покачала головой и трясущейся рукой принялась выдергивать траву, выросшую на могиле ее мужа.

— Мне не станет хуже от того, чем я занимаюсь здесь. Свежий воздух и солнце пойдут на пользу моим старым косточкам. — Посмотрев на Крошку Вилл, она добавила: — Через пару часов Дортидиер заберет меня домой и снова уложит в постель. Не пойму я никак эту девчонку.

— У нее больше ума, чем у тебя.

Крошка Вилл присела рядом со старухой. Взглянув на могилу Вощеного, она увидела, что ее поверхность совсем недавно была перекопана. На ней уже пробивались новые ростки травы. Краска на деревянном надгробии уже высохла и растрескалась. Однако надпись все еще можно было разобрать: Шайнер Пит Арделли, Магистр мийрских циркачей. Родился 16 июня 2135 года — умер 20 дня Зимника 32 года Великой Катастрофы.

Крошка Вилл почувствовала, как на ее руку опустилась рука старухи.

— Не плачь, детка. Дасти обещал помочь с камнем для настоящего надгробия. Обещал скоро помочь.

Крошка Вилл улыбнулась и покачала головой:

— Не в том дело. Я просто никак не могу поверить в то, что Пита больше нет. Он был так молод.

Дот убрала руку и снова принялась выдергивать траву возле могилы.

— Скажи мне вот что, девочка. Вы часто разговаривали с Шайнером?

— Конечно, — ответила Вилл, пожав плечами. — До того, как Джонджея изгнали из города. После этого уже не так часто.

Старуха кивнула и уселась на землю, положив руки на колени.

— Он обычно приходит ко мне, и мы с ним разговариваем.

— С тобой?

— Я была его мачехой.

— Что он мог сказать тебе такого, чего не мог доверить мне?

Дот подалась вперед и поправила покривившееся, иссеченное непогодой надгробие мужа.

— Шайнер Пит очень тяжело переживал изгнание Джонджея. Это и свело его в могилу. Падение с лошади добило его окончательно.

— Неужели ему не хотелось больше жить? Не могу поверить в это.

Мотнув головой, Дот рассмеялась — с искренней доброжелательностью и без какого-либо высокомерия.

— Временами ты очень напоминаешь своего старика, дитя мое. Мне ни в жизнь не пересчитать тех женщин из Старого Цирка, которые были готовы, не задумываясь ни секунды, выйти за него. Но он не знал об этом. Даже представить себе не мог, что его способен полюбить кто-нибудь, кроме укротительницы львов.

— То есть кроме тебя?

Дот снова отрицательно мотнула головой:

— Нет, не я. У меня ведь была слониха. Ты разве забыла Сирену Салли?

— Не помню ее. Имя кажется знакомым, но как она выглядела, не помню.

— О, она была единственной и неповторимой! — Дот обратила свой взгляд на огромную кучу камней, служившую надгробием для общей могилы участников цирковой труппы, погребенных в расселине, высеченной в скальной породе третьим шаттлом. Среди них покоится и Здоровяк Вилли. — Возможно, это я была единственной. Я уже точно и не помню. — Старуха снова посмотрела на Крошку Вилл. — Когда Шайнер Пит увидел, как Джонджея изгоняют из города, он стал уже не жилец. Он протянул недолго, и падение с лошади заставило его слечь в постель.

Почувствовав, что по ее щекам заструились слезы, Крошка Вилл мотнула головой:

— Я должна была сделать то, что сделала. Ведь Джонджей погубил слонов!

Дот жестом выразила свое согласие, затем кивком головы указала в сторону крааля:

— Я знаю, что такое слоны, Вилл. Я уже дрессировала их, когда ты только появилась на свет. Я была свидетелем того, как Здоровяк Вилли стал звездой Старого Цирка. Но для Шайнера Пита важнее был Джонджей. Больше у него не было ничего.

— У него была я.

— Неужели? — Дот пристально посмотрела на Вилл.

Вилл какое-то время внимательно рассматривала могилу мужа, затем закрыла глаза.

— Я думала... Я считала, что нужна ему. — Она медленно покачала головой. — Не знаю. Я просто не знаю.

Дот протянула руку и обняла Вилл за плечи, прижав ее лицо к свой груди.

— Дот, я выбросила его из своего сердца. Я понимаю, что виновата, но я навсегда выбросила его из сердца.

Дот погладила ее по голове:

— Послушай меня, дорогая. Ты поступила правильно. Шайнер Пит тоже был прав, испытывая к тебе такие чувства, но и ты поступила правильно.

— Я была не права, когда сегодня попросила у города позволения вернуть Джонджея?

— Нет. Нет, если прислушаться к собственному сердцу, Вилл. Пита больше нет, когда-нибудь не станет и Рег. Теперь, когда тебе приходится делить Рег с другими дрессировщиками, она тоже может погибнуть. Тебе сейчас нужен кто-то, и еще ты хочешь вернуть своего сына. В этом нет ничего неправильного. Это просто позор, что город проголосовал против тебя.

— Шайнер Пит нуждается в помощи, а я выбросила его из своих мыслей.

— У него есть я. — Дот подняла Вилл за подбородок и вытерла слезы с ее лица. — Все это осталось в прошлом. Тебе же нужно думать о будущем.

— Что мне делать, Дот?

— А что ты хочешь делать, дитя мое?

Крошка Вилл опустила голову на грудь старухе.

— Мне нужен мой сын! Мне нужен мой Джонджей! — Тело ее сотрясалось от рыданий, по щекам струились слезы. — Где он? Скажи мне, Дот! Все изгнали его. Он скитается где-то в глуши вот уже почти год. Я даже не знаю, жив ли он. Если я узнаю, что он мертв, то не переживу этого. — Она посмотрела на Дот, плохо видя ее из-за застилавших глаза слез. — Как мне убедить горожан изменить свое решение?

— Тебе это не удастся. Никто не простит Джонджею того, что он сделал. Даже не надейся. Но ты можешь сказать сыну о том, что любишь его. Пусть твой разум облетит всю планету, найдет его, и тогда ты скажешь ему об этом.

— А что, если он не простит меня? Я ведь этого не вынесу, Дот. Что, если я найду его, а он не простит меня?

— Он по крайней мере должен знать об этом. А ты должна сказать ему. Вспомни своего отца.

— Моего отца?

— Здоровяк всегда хотел быть с тобой. Чтобы ты знала, как твой отец любил тебя. Я была там и видела все. Пусть ему не это удалось, но он делал все, что в его силах. — Дот продолжала держать Вилл за подбородок, желая, чтобы та смотрела ей в глаза. — А ты ненавидела его за то, что он умер, за то, что оставил вас. Разве не так?

Крошка Вилл высвободилась из рук Дот, по-прежнему не сводя с нее глаз. Затем выпрямилась, вытерла слезы и бросила взгляд в сторону крааля. Бигфут поднималась вверх по холму.

— Неужели я такое бесчувственное чудовище, Дот? — спросила Вилл.

— Нет. — Дот снова принялась выдергивать траву возле могилы Шайнера Пита. — Не такая уж ты и плохая. Ты — обычный человек.

Крошка Вилл снова посмотрела на груду камней, служившую надгробьем для погибших циркачей. Она подошла к могиле, присела и, следуя примеру Дот, занялась травой.

— Извини, папа. Пожалуйста, извини.

Далеко на западе, вдали от Мийры, стоя на поросшем высокой травой откосе, Чужак глядел на высокие деревья, вздымавшиеся ввысь прямо из грязи и воды Великой топи. Высокая стена листьев затемняла болото, делая воздух неподвижным и влажным. То тут, то там узкие пучки солнечных лучей ненадолго прорывались к поверхности воды, высвечивая пылинки, мельчайшие частички водяного пара, танцующих в воздухе водяных ос и панкскитов. Потом гуляющий в кронах деревьев ветер перекрывал солнечный свет трепещущим пологом листвы.

Посмотрев вниз, среди мертвенно-бледных кувшинок, плававших возле его ног, Чужак увидел пузырьки пресной воды.

— Ба! Пресная вода выходит на поверхность везде, кроме тех мест, где ее было бы удобно набирать! — Он оглянулся на свои следы, оставшиеся в высокой траве. — Я зашел достаточно далеко и потратил достаточно времени. Я надеюсь, у этой женщины хватит благоразумия остаться на месте ночлега.

Чужак снова посмотрел на воду, состроил гримасу и поставил на землю кувшин. Затем сбросил с себя одежду и сандалии. Взяв в руки кувшин, он шагнул вниз и по грудь погру-

зился в пахнущую гнилью болотную жижу. После этого юноша стал пробираться среди кувшинок к ряби на поверхности болота — верный признак наличия пресной воды. Передвигался Чужак рывками, временами нащупывая ногами дно, временами плыл, загребая руками. Достигнув цели, он ощутил холод пресной воды. Откупорив кувшин, Чужак опустил его в воду и стал терпеливо дожидаться, когда сосуд наполнится.

— Магу-у-у, магу-у-у.

Неясные гулкие звуки вызвали у него тревогу. Вскоре звуки повторились — чавканье болотной трясины, хруст ветвей, деревьев и кустов. Взглянув на свою одежду, а затем повернувшись в сторону, откуда раздавался шум, он опустился в болотную жижу по самые плечи.

— М-м-борг-борг да магу.

Хлюпанье болотной жижи и треск ветвей становились громче. Чужак опустился в болото еще глубже — теперь над поверхностью торчал лишь его нос. В гуще деревьев он разглядел какое-то движение. Интересно, кто это? Незнакомое существо было огромного размера.

Святой Момус! Это ведь один из монстров — обитателей болота.

Треск древесных веток не смолкал. Луч солнечного света на мгновение осветил массивную голову чудовища, показавшуюся среди раздвигаемых в стороны деревьев, — зеленую, чешуйчатую, с острыми зубами.

— Дорри, борри, банг, банг, фу, магу.

Чужак разглядел жуткую морду чудовища. Махнув хвостом, огромная туша болотной твари приняла сидячее положение, сложив руки — да, у нее были руки! — на коленях, и оглянулась по сторонам.

— Стуба дуба, де да ма. — Эти звуки срывались с огромного языка. Чудовище сначала высунуло его наружу, а затем втянуло обратно вместе с прилипшими к нему несколькими водяными осами. — Гу!

Чудовище вытянуло вперед руку, схватило кувшинку, оторвало ее длинный стебель и корень и отбросило их в сторону. Сожрав несколько кувшинок, болотная тварь громко отрыгнула, после чего принялась накладывать новые кувшинки в сгиб согнутой исполинской руки.

— М-м борг борг м-м борг борг да да магу.

Чужак встревожился — до него дошло, что чудовище поет. Еще больше он забеспокоился, когда рука монстра, собирающая болотные кувшинки, стала все ближе и ближе подбираться к его голове. Чужак разрывался между желанием либо нырнуть в омерзительную жижу, либо попытаться спастись бегством, устремившись вверх по косогору. Однако не сделал ни того, ни другого. Рука чудища снова вытянулась вперед, и чешуйчатые пальцы схватили юношу за голову и вытащили из воды. Джонджей стал вдруг брыкаться и закричал во весь голос. Неожиданно глаза монстра широко раскрылись, он разинул свою огромную пасть. Издав жуткий крик, чудище выпустило свою находку и в испуге, вскинув вверх руки, бросилось наутек, разбросав во все стороны сорванные болотные кувшинки. Когда Чужак всплыл на поверхность, отплевался и откашлялся от мерзкой болотной слизи и хорошенько протер глаза, чудовища рядом не оказалось. Чужак подобрал свой кувшин, отряхнулся и стал подниматься наверх.

Вечером, вернувшись в лагерь, Тарзака испекла лепешки и стала наблюдать за Чужаком. Тот сидел, устремив взгляд на языки пламени. В свете костра тени болотных зарослей плясали, извивались, словно живые.

— Какой-то ты нынче тихий. Сам на себя не похож, как вернулся с водой.

— Да. — Чужак перевел взгляд снова на огонь. — Я встретил одну из болотных тварей. Никогда не верил, что они и в самом деле существуют. — Юноша медленно покачал головой. — Огромное чудище, размером с двух слонов.

Тарзака испуганно прикоснулась рукой к губам:

— Что же нам делать? Ты уверен, что на самом деле видел болотное чудовище?

— Ха! Эта тварь схватила меня за голову! Мы столкнулись нос к носу.

— Что же нам теперь делать? Как перейти болото и выйти к дороге на Аркадию и Мийру?

Чужак сцепил пальцы и равнодушно пожал плечами.

— Пойдем, как и всегда ходили туда. — Он сделал паузу. — Вот еще что. Забавно... Я понял, что чудовище неопасно. По крайней мере оно не хотело причинить мне зла. Оно пело.

— Пело? Чудовище?

— Оно пело. Пело, пока не наткнулось на такую вот большую болотную кувшинку. — Он указал на собственную голову. — И не обнаружило, что она растет из чего-то живого, в отличие от стебля обычной кувшинки. — Чужак задумчиво покачал головой. — Мне показалось, что это существо испугалось меня больше, чем я его. Я и представить себе раньше не мог, что такая громадина может чего-нибудь испугаться.

— Говорят, будто слоны тоже пугаются всяких пустяков — шума, порыва ветра, шуршания листка бумаги.

Чужак кивнул:

— Верно. И все же это создание было таким огромным! — Обернувшись, он бросил через плечо взгляд на пляшущие тени. Неужели на него снова смотрят эти щелочки глаз? Чужак снова посмотрел на гадалку. — Когда-то отец рассказывал мне, что они с матерью мысленно пытались проникнуть в эти места. Мать говорила мне, что однажды коснулась разума одного из здешних обитателей.

Чужак снова устремил взгляд на огонь.

— Так что же случилось?

— Чудовище убежало. Она напугала его.

Гадалка склонила голову на плечо, лицо ее приняло встревоженное выражение.

— Скажи, Чужак, а ты обладаешь этим даром? Ты умеешь посылать мысли на расстояние?

Ее собеседник пожал плечами:

— Думаю, что обладаю. Я не пользовался им с тех самых пор, как Мэй... как мы с моей сестрой были детьми. Ощущение при этом не слишком приятное.

Тарзака впилась в него взглядом.

— Не слишком приятное, — повторила она и сплюнула в костер. — Какой же ты негодяй, Чужак! Какой же ты негодяй!

Гадалка встала и направилась к месту своего предстоящего ночлега.

— Следи за своими словами.

Она тут же обернулась:

— Что ты будешь делать, Чужак? Что ты будешь делать, убийца слонов? Снова причинишь мне боль? Неужели ты только так умеешь распоряжаться своими чудесными способностями — убивать слонов и причинять людям боль?

Тарзака встала возле костра:

— Эх, если бы я обладала хотя бы одной из этих способностей! Я бы такое сделала! — Она потрясла кулаком перед лицом Чужака. — За то, как ты распоряжаешься своими чудесными способностями, болотному чудовищу следовало бы действительно оторвать тебе голову. Невелика была бы потеря!

Тарзака опустила руку, повернулась, направилась к месту ночлега и вытянулась в траве, повернувшись спиной к Чужаку.

— Хорошо, что ты, как клоун, разукрасил свое лицо, Чужак. Действительно, ты скорее клоун, чем ясновидец, — не оборачиваясь, пробурчала она.

Чужак посмотрел на спину Тарзаки. С его губ едва не сорвались слова объяснений, однако он сдержался и стал смотреть на огонь.

Я обязательно разовью свои способности, Тарзака. Скоро состоится моя встреча с Рег.

Чужак повернул свое лицо в сторону зарослей и закрыл глаза. Прошло время. Он почувствовал, как все ощущения, одно за другим, покидают его тело. Затем он снова увидел тени перед собой.

Разум одиночки беспредельно одинок.

Он позволил своим мыслям, всему разуму устремиться ввысь, взлететь над тенью и светом, над верхушками деревьев, над огромным болотом. Чужак посмотрел на небо.

Смогу ли я долететь до далеких миров? Хватит ли мне сил?

Он тут же устремился в заоблачную высь, сразу же набрав огромную скорость. Свет звезд сделался ярким, небесные светила перестали мерцать, а затем их и вовсе заслонил ослепительный солнечный свет. Однако он все-таки сумел различить звезды. Чужак посмотрел вниз. Край планеты, обращенный к солнцу, был залит ярким светом. На другой стороне, там, где должна была находиться Великая топь, царила густая тьма.

Я пропал!

Чужак полетел вниз, в направлении этой бездонной тьмы. Это было падение, воспротивиться которому он был не в силах. Падая вниз, Чужак ощутил, как от страха широко раскрыл рот — в крике, как кричат дети при виде чего-то неизвестного.

Открыв глаза, Чужак обнаружил, что все так же сидит возле костра. Он посмотрел на Тарзаку. Она лежала в прежней

позе. Чужак догадался, что крик звучал лишь в его голове. Он вытянулся на земле и смотрел на огонь до тех пор, пока его не сморил сон.

— *Джонджей, Джонджей. Ты слышишь меня?*

Он парил в каком-то сером эфире. Голос, обращающийся к нему, обволакивал его, как будто дыша ему прямо в мозг.

— *Кто... мама?*

— *Я ищу тебя, Джонджей... Давно и долго ищу.*

Серый цвет превратился в черный.

— *Тебе нечего сказать мне.*

— *Подожди!* — Призрачный белый вихрь врезался в самый край черноты. — *Джонджей, подожди!*

— *Рег мертва?*

— *Нет...*

— *Позови меня, когда она умрет. А пока тебе нечего сказать мне.* — Он принялся выдавливать белый вихрь из окружавшей его темноты.

— *Джонджей, твой отец...*

Чужак на мгновение замер:

— *Что... что с ним?*

— *Он мертв, Джонджей. Он...*

— *Значит, ты осталась одна.* — То, что должно было быть горем, блеснуло перед ним — следующий алтарь ненависти. — *Хорошо.*

— *Джон...*

— *Позови меня, когда Рег умрет, мама. Это единственное, что я хотел бы услышать.*

— *Джонджей, я...*

— *Позови меня, когда Рег умрет.*

Глаза Чужака открылись. Он сел и посмотрел на остывающие угли костра, затем перевел взгляд на звезды. Те продолжали сиять на стремительно светлеющем утреннем небе. Он почувствовал, как нечто опять коснулось его мыслей. Чтобы отгородиться от этого неясного ощущения, Чужак поспешил возвести стену холода, а затем посмотрел на свою спящую спутницу.

— Тарзака! — позвал он. — Тарзака!

Гадалка повернулась на другой бок и посмотрела на него:

— Что случилось?

Чужак стремительным рывком вскочил на ноги:

— Собирайся. Мы отправляемся.

Тарзака взглянула сначала на небо, затем на Чужака:

— Прямо сейчас?

— Да. Прямо сейчас. — Он наклонился, чтобы поднять мешок со своими вещами. — Нам нужно прочесать несколько мест на болоте. Чем раньше мы начнем, тем быстрее отыщем змеиные яйца.

Глава 26

Еще до наступления рассвета их разбудили гулкие раскаты грома, доносившиеся с запада. Небо озаряли яркие вспышки зарниц. Путешественники наскоро приготовили завтрак, пока еще можно было развести костер. Не успели они дожевать свежеиспеченные лепешки, как начался сильный дождь.

— Ба! — воскликнул Трабл и набросил на голову капюшон. — Небо черно, как совесть кассира. — Он повернулся к Чужаку. — Нам нужно где-нибудь спрятаться и переждать дождь.

Чужак посмотрел на небо на западе, затем перевел взгляд на вспененную воду озера и обернулся к фокуснику.

— Дождь может лить до самого вечера. Я не хотел бы терять из-за него целый день.

Фокусник упер руки в боки и сказал:

— Судьба вселенной вряд ли изменится, если мы и потеряем немного времени. У меня достаточно причин продолжать поиски змеиных яиц — не меньше, чем у тебя...

— Нет, — возразил Чужак и перебросил мешок через плечо. — Нельзя терять время.

— Чужак должен убить слона, — вмешалась в разговор Тарзака, обращаясь к Траблу. — Верно?

Чужак, ничего не ответив, зашагал по дороге. Тарзака тоже накинула мешок на плечо и сказала:

— Мы вряд ли вымокнем еще больше, мы и так все мокрые.

— Ба! — вытянул вперед руку фокусник. — Так куда мы идем, Чужак?

Обернувшись, ясновидец бросил через плечо:

— Пойдем по дороге, которая ведет в Аркадию. Будем идти, пока она не свернет в сторону от озера.

Они шли под проливным дождем уже несколько часов, которые показались им бесконечностью. От холода леденело и тело, и мысли. Пока Чужак размышлял о смерти Рег, глаза его были устремлены на дорогу — приходилось обходить огромные лужи и то и дело вытаскивать ноги из раскисшей грязи. Неожиданно Чужак ощутил тепло и остановился. Его спутники остановились в нескольких шагах позади него. По обе стороны дороги путешественников окружали деревья, с листьев которых непрерывно стекали дождевые капли. Глаза фокусника расширились от страха.

— Что это, Чужак?

— Ты тоже чувствуешь это?

Фокусник кивнул:

— Да.

Чужак вопросительно посмотрел на Тарзаку:

— А ты?

По лицу гадалки было заметно, что она ничего не понимает. Оставив вопрос ясновидца без ответа, она повернула направо и пошла к берегу озера. Чужак догнал ее и схватил за руку:

— Подожди, Тарзака. Где...

Она вырвала руку и зашагала дальше. Трабл положил руку Чужаку на плечо:

— Мы должны идти за ней.

Чужак посмотрел на лес между дорогой и озером:

— Это не то место. Здесь ничего нет.

— Это или другое — какая разница!

С этими словами фокусник бросился вслед за гадалкой. Чужак недовольно посмотрел на него. Через несколько минут Трабл нырнул в чащу деревьев и скрылся из вида. Какое-то мгновение Чужак раздумывал, затем направился в том же направлении. Оказавшись у края дороги, он услышал проникший в его мысли голос:

— *Иди сюда, Джонджей. Иди ко мне.*

Чужак споткнулся и упал на землю. Такого сильного голоса он еще никогда в своей жизни не слышал.

— *Иди ко мне, Джонджей.*

Он дополз до ближайшего дерева и, цепляясь за его ствол, встал на ноги. Дыхание натужно, со свистом вырывалось из его груди.

— Кто? Кто ты? — Чужак закрыл глаза и попытался мысленно оформить эти слова.

— *Кто ты?*

— *Иди ко мне.*

Чужак повис на стволе дерева и снова попытался мысленно задать свой прежний вопрос. Но не успел он это сделать, как до него донесся ответ.

— *Иди ко мне, Джонджей! Я — твоя жена.*

Чужак отпустил дерево. Гнев вытеснил у него из головы все тепло, все мысли.

Он крикнул, обращаясь к небесам:

— Черт меня побери, если это так!

— *Значит, ты проклят. Иди ко мне, Джонджей.*

Неожиданно напавший на Чужака смех так же неожиданно прекратился. Он посмотрел на следы, оставленные в высокой траве его спутниками, и зашагал туда, где они, по его мнению, могли находиться.

Вот уже несколько часов Чужак продирался сквозь густые заросли. Временами след почти полностью терялся, но каждый раз он безошибочно находил его снова. Чужак дважды громко выкрикивал имя фокусника, но не услышал никакого ответа. Вскоре дождь прекратился, а через час выглянуло солнце. Прошло еще несколько минут, и нагревшаяся поверхность болота закурилась паром. Голова у Чужака пошла кругом от усталости, невыносимой жары и липкого густого воздуха. Вскоре силы совсем оставили его, и он, не чувствуя под собой ног, упал лицом в траву.

Когда к нему вернулось дыхание, Чужак перевернулся на спину, обратив свой невидящий взгляд на ветви и листья деревьев у себя над головой. Ощутив боль в ногах, Чужак встряхнул головой.

Что же движет мной помимо моей воли? Почувствовав, что силы вернулись к нему, Чужак резко сел и посмотрел на след в гуще травы. Видимо, он уже довольно далеко ушел от дороги.

Сложив ладони у рта, Чужак громко крикнул:

— Трабл! Тарзака! Где вы?!

Опустив руки, он прислушался, надеясь получить ответ, но не услышал ничего, кроме жужжания насекомых. Грустно свесив голову, Чужак принялся массировать уставшие от долгого пути ноги. Неожиданно что-то насторожило его. Он оставил свое занятие, нахмурился и стал оглядываться по сторонам.

«Почему она разрешила мне отдохнуть? — подумал он. — Разве это было так? Что там рассказывал Трабл об умении прятать мысли от вторжения извне? Появляется чернота, закрывающая мысленное изображение, когда кто-то чужой хочет узнать твои мысли. — Он пытался ни о чем не думать. — У меня совсем не осталось сил, и я упал. Разум мой затуманило, и она меня потеряла! — Чужак прижал к голове руки. — Как это можно — ни о чем не думать?»

Он снова ощутил тепло, затем оно снова куда-то исчезло. Чужак резко вскочил на ноги.

Это снова она!

Как можно не думать ни о чем? Чужак закрыл глаза.

Белизна. Белая стена, настолько обширная, что полностью закрывает мне обзор, куда бы я ни посмотрел. Плотность этой стены... Уничтожить ее! Белизна. Одна только белизна.

Его снова накрыло покрывалом тепла, но ноги теперь не повиновались ему.

Белизна. Что ж, теперь уберем белизну.

Он испытал неприятное ощущение, как будто чьи-то огромные пальцы с силой надавливают на его глазные яблоки. Всей головой он ощущал движения воздуха. Казалось, будто огромные птицы хлопают крыльями и издают испуганные крики. Он невидящим взглядом посмотрел на оставленный в траве след и крикнул:

— Эй, болотная женщина! Ты слышишь меня?

Хлопанье крыльев и крики достигли сумасшедшей громкости, затем вдруг резко смолкли. Чужак немного подождал, затем позволил небольшому клочку снова вернуться на прежнее место.

— Болотная женщина! Где ты?

— Ты сражаешься со мной и все-таки зовешь меня?

Чужак облизнул губы и утвердительно кивнул:

— Я приду к тебе, болотная женщина. Приду один. Но меня никто не может заставить. Только я. Сам. У тебя есть то, что мне нужно.

— *У меня также находятся и твои друзья.*

— *Они для меня ничего не значат.*

Раздался смех, который едва не нарушил барьер, отделявший Чужака от его невидимой собеседницы. Вскоре он оборвался.

— *Очень хорошо, Джонджей. Иди ко мне. Ступай по этим следам. Я сделаю так, что они научат тебя тому, как убить слона. Я жду тебя, муж мой!*

— *Черт тебя побери, женщина! Я не твой муж!*

Снова прозвучал смех. Затем Чужак остался один. Он долго рассматривал следы в траве и спустя какое-то время зашагал вперед на неверных, дрожащих ногах.

Неужели это страх? — спросил он себя. Что это — страх или усталость заставляет дрожать мои ноги?

Ответ прозвучал неясно, но Чужак не стал лишний раз рисковать и предпочел не снимать защитный купол, который теперь укрывал его мысли. Он уже знал, что в его сердце гнездится страх. Вскоре Чужак наткнулся на валявшийся в траве мешок с вещами Тарзаки, а через несколько шагов обнаружил мешок, принадлежавший фокуснику. Он поднял их и, перебросив через левое плечо, пошел дальше.

До края поляны Чужак добрался еще до наступления сумерек. Он сбросил свою поклажу на землю и принялся внимательно разглядывать окружавшую его местность. Впереди возвышался холм, густо заросший травой, на вершине которого виднелось нечто вроде памятника. Чужак перевел взгляд на лес по обе стороны поляны, но не заметил там ничего особенного. Снова посмотрев вперед, он обнаружил в траве следы, оставленные Траблом и Тарзакой. Они вели вверх, к этому самому памятнику на вершине холма.

Чужак присел на корточки и энергично потер виски. Напряжение от продолжительной защиты собственных мыслей оказалось столь велико, что у него дико разболелись глаза. Он снова посмотрел на холм и решил не приподнимать спасительную завесу, окутывавшую его разум. Вот уже несколько часов болотная женщина не предпринимала попыток проникнуть в его мысли, однако Чужак был по-прежнему уверен в том, что обитательница болот ждет, когда он проявит хотя бы малейшую слабость.

Чужак бросил еще один взгляд в чащу леса, затем спрятал все три мешка под кустом. После этого свернул налево, в са-

мую гущу леса и стал неторопливо обходить поляну. Спустя полчаса Чужак снова очутился возле ее края.

Хотя сделалось уже довольно темно, Чужак все-таки разглядел мерцавший где-то вдалеке свет, вернее, точку света, что-то вроде зажженного факела. Даже две точки. Скорее всего факел и костер, на котором готовили пищу.

Чужак изо всех сил напряг зрение, пытаясь восполнить отсутствие мыслей, надежно закрытых спасительным коконом.

Позади костра он все-таки разглядел крытую соломой хижину. Справа от нее горел факел, привязанный к высокому шесту, который глубоко воткнули в землю.

Чужак сосредоточил свое внимание на местности вокруг хижины. Затем посмотрел на подъем, ведущий к вершине холма, и то подобие памятника на ней, которое теперь показалось ему еще большего размера. Рядом с ним находилась какая-то странная темная фигура, сидевшая лицом к хижине. Все время, пока Чужак разглядывал ее, фигура ни разу не пошевелилась. Он подошел еще ближе к подножию холма, остановился и присел на корточки. Загадочная фигура по-прежнему оставалась неподвижной и, похоже, даже не дышала.

После того как из хижины раздались чьи-то голоса, Чужак встал на четвереньки, так что его глаза оказались как раз на уровне травы. Затем повернул голову в сторону хижины, но не заметил в ней никакого движения. Посмотрев еще раз на неподвижную фигуру на вершине холма, Чужак медленно пополз вверх по склону. Фигура была повернута к нему левой стороной. Лицо ее скрывал надвинутый на глаза капюшон. Когда Чужак подобрался достаточно близко, то увидел, что человек в капюшоне сидит на грубо сколоченном деревянном стуле.

До загадочной фигуры оставалось шагов десять, и Чужак принялся обходить ее с левой стороны, не сводя глаз с хижины. В дверном проеме он увидел Тарзаку — или кого-то, на ком был наряд гадалки. Чужак пополз дальше, затем повернул голову направо и снова посмотрел на человека — он восседала на стуле на самой вершине холма. В неясном свете костра он разглядел его лицо — мертвенно-бледное, с огромными темными глазами. Чужак продолжал ползти дальше — пока у него резко не перехватило дыхание. Прямо на него смотрел скалящийся в безумной ухмылке голый череп с черными провалами глазниц. Чужак выпрямился и стрелой полетел вниз по косогору, преследуемый

своим распаленным воображением. Охваченный паникой, он не смог удержать защитный кокон, спасавший его от чужих мыслей. В следующее мгновение он погрузился во тьму.

Перед ним появилась обнаженная женщина с огромными миндалевидными глазами. Из глубины бескрайнего океана ее длинных, черных волос раздавался смех.

— Ты мой, Джонджей! Теперь ты мой!

В воображении Чужака теснились образы черепов, огромные болотные чудовища, длинные ленты блестящих человеческих внутренностей, пять слонов, летящих в бездонную пропасть, осуждение, вынесенное Кругом Мийры, Дурень Джо, требующий, чтобы жители Дирака изгнали его.

— Ты мой, Джонджей! Ты мой...

Чужак открыл глаза и увидел перед собой лицо Тарзаки, освещенное огнем костра. Единственным источником света в самой хижине была небольшая масляная плошка.

— Он проснулся, — произнесла Тарзака.

Чужак повернул голову вправо и увидел Трабла, сидевшего неподалеку.

— Что случилось, Трабл? Что здесь происходит?

Фокусник выглянул через открытую дверь наружу, затем посмотрел на лежащего:

— Мы находимся в руках у болотной женщины. Она только что ушла отсюда.

Чужак попытался сесть.

— Нужно отсюда бежать, пока имеется такая возможность, — сказал он.

Его собеседники снова уложили его на спину:

— Лежи спокойно!

Тарзака бросила на Чужака недовольный взгляд. С ее лица не сходило озабоченное, суровое выражение.

— Никуда мы не побежим. Тебе пора выполнить твои обещания, вернее, обязательства нашего уговора.

— Уговора?

— Послушай, Чужак! Разве ты забыл, что обещал отвести меня к яйцам, чтобы я смогла у них чему-нибудь научиться? Они находятся здесь, где-то рядом. Для того чтобы они согла-

сились научить нас с Траблом, ты должен дать Ссуре то, чего она хочет. Ссура — так зовут болотную женщину.

Чужак нахмурился и недовольно посмотрел на фокусника:

— Ну а ты что на это скажешь?

— Я видел, на что способны змеиные яйца. Если бы мне удалось научиться лишь малой части того, что они умеют, я смог бы вернуться в свой город. Ты понимаешь это, Чужак? Разве ты сам не для этого пришел сюда? Разве ты не хочешь убить слона? Дай Ссуре то, чего она желает.

Чужак рывком сбросил с плеч руки фокусника и гадалки и приподнялся со своего ложа.

— И вы оба требуете от меня этого?

— Но ведь это явно не такое уж неприятное требование?! — с лукавой усмешкой откликнулся Трабл.

— А что это за требование?

Тарзака быстро схватила его за руку и сжала с поразительной силой.

— Пойми, Чужак, пока ты этого не сделаешь, никто из нас не получит желаемого!

— Неужели никто из вас не в состоянии дать прямого ответа на мой вопрос? Так что же я должен, как вы говорите, сделать?

Повернув голову, Чужак увидел нависшую над порогом фигуру. Это было удивительное создание, которое он уже видел в своих грезах — такое же нагое и такое же прекрасное. Женщина стояла лицом ко всем.

Трабл коротко кивнул в ее сторону:

— Познакомься, Чужак, это — Ссура, дочь Вако-Вако и Кометы Ханы Санаги. Она давно лишилась своих родителей, правда, не знаю, когда точно, но скорее всего очень давно. Ей было тогда лет пять или шесть. Сейчас она выполняет приказание яиц стеречь и всячески оберегать их.

Чужак принялся хмуро разглядывать болотную женщину.

— Мы не нанесем яйцам никакого вреда!

Тарзака поправила складки одежды и посмотрела на фигуру, стоявшую по ту сторону костра.

— Яйца заключают с нами договор.

— Какой договор?

Гадалка кивком головы указала в сторону двери:

— Там, наверху, позади скелета находится место, где хранятся яйца. Когда все мы обратимся во прах, они все еще

будут оставаться в целости и сохранности. О них нужно заботиться, следить, чтобы их никто не тронул и не повредил. Родители Ссуры наказали ей заботиться о них. Однако и она не вечна. Поэтому ей нужен ребенок.

От удивления у Чужака отвисла челюсть.

— Что-о-о?

— Ей нужен ребенок от тебя, Чужак, — откликнулся фокусник. — Я ведь сказал тебе, что это требование не из худших.

Чужак изумленно посмотрел на Трабла, затем на Тарзаку, после чего снова на Трабла.

— Но почему именно от меня, а не от тебя? Ты ведь оказался здесь раньше меня.

— Через Ссуру яйца проникли в твои мысли. Ссура расспросила нас о Крошке Вилл и о твоем деде. Они хотят, чтобы это был ты, а не я. Яйца не будут ничему нас учить, если ты не согласишься выполнить их волю.

Чужак усмехнулся:

— Тогда они нас ничему не научат! В таком случае я ничего не потерял, кроме времени. Существуют самые разные способы убийства слонов. Это вы с Тарзакой собираетесь чему-то научиться у этих змеиных яиц!

Тарзака прервала его:

— Не только мы одни. Ты тоже.

Чужак резко вскочил на ноги:

— Пусть это сделает Трабл! А я ухожу!

Когда он приблизился к двери, из глубины диких зарослей, со всех сторон раздался целый хор истошных криков и леденящего душу воя.

— Черт побери! Неужели ей повинуются все болотные жители?

Трабл утвердительно кивнул:

— Она не в состоянии проникнуть в мои мысли, когда мой разум закрыт, но эту поляну охраняет бесчисленное множество всевозможных болотных тварей. — Фокусник посмотрел на дочь Вако. — Я нисколько не сомневаюсь в том, что она убьет нас, если мы не дадим ей того, что нужно.

Чужак выглянул за порог и увидел, что Ссура подняла вверх руку. Вопли тут же прекратились. Чужак пристально посмотрел на болотную женщину.

— Сколько времени придется здесь пробыть?

— До тех, пока не родится ребенок, — негромко отозвалась Тарзака.

Чужак повернулся к своим товарищам и опустил голову.

— Год. Почти целый год, — сказал он и снова посмотрел за порог, на фигуру сидящую на косогоре. — Там скелет.

— Мы знаем. Это останки Вако, — откликнулась Тарзака дрожащим голосом. — Ссура рассказала нам, что отец однажды заявил ей, что не успокоится до тех пор, пока она не родит ему наследника, который после нее будет заботиться о змеиных яйцах. Похоже, она буквально восприняла завет старины Вако.

Трабл встал и осторожно коснулся плеча Чужака:

— Посмотри на нее, Чужак. Она красива настолько, что могла бы посрамить лучшую из красавиц балерин. Кроме того, у нас ведь просто нет иного выбора. Иначе нам придется провести здесь остаток наших дней, стать ее вечными пленниками.

Чужак аккуратно вывернулся из-под руки фокусника. На этот раз твари из зарослей никак не отреагировали на этот жест. Гадалка и фокусник не сводили с Чужака глаз, пока тот шел к костру. Болотная женщина громко вскрикнула, истерически рассмеялась и побежала вверх по косогору. Чужак резко обернулся, посмотрел на своих товарищей, затем устремился вслед за Ссурой. Тьма вскоре поглотила его.

Тарзака быстро обернулась к фокуснику:

— Как ты думаешь, с ним все будет в порядке?

Трабл подошел к ней и обнял за плечи:

— Не знаю. Единственное, что я знаю наверняка, — эта болотная дамочка будет явно дурней, чем арнхаймовские часы с кукушкой. И еще я точно знаю — этот парень с честью выполнит все, что от него требуется.

Глава 27

Погрузившись во тьму, Чужак ничего не видел. Белеющие в темноте ночи очертания черепа Вако слились со светом бесчисленных звезд. Он тщетно попытался отыскать в темноте огонь костра.

— Ссура! — Его крик вернулся десятикратно повторившимся эхом. Только на этот раз эхо прозвучало не в его ушах, а в глубинах сознания. — Ссура!

Смех. Громкий хриплый смех. Земля устремилась куда-то вниз, он сам закувыркался и полетел в темноту, сопровождаемый смехом, который делался с каждой секундой все громче.

Чужак зажал уши, но почему-то ладони так и не коснулись его головы. В следующее мгновение сначала правую ногу, а затем нос и левый глаз пронзила резкая боль.

Через мгновение боль охватила все его тело. Чужак закричал, размахивая в пустоте несуществующими руками и ногами:

Мама! Помоги мне, мама!

Темноту пронзили молнии ослепительно белого света. Чужак чувствовал, как его затягивает в себя извивающееся бесчисленными щупальцами, покрытое отвратительной слизью жуткое злобное чудовище.

Он кричал до тех пор, пока его разум не поглотила бездонная чернота.

Услышав его крик, Крошка Вилл проснулась и села в постели.

— Джонджей? Где ты, Джонджей?

Она прогнала из головы все остальные мысли, настраиваясь на зов сына. Она поникла и горестно вздохнула. Неужели снова повторяется ее давний ночной кошмар? Крошка Вилл мотнула головой, пытаясь стряхнуть остатки сна, затем встала с постели и подошла к окну. Вечерами было холодно и сыро, и поэтому на ночь окно закрывали. Крошка Вилл распахнула его и, выглянув наружу, прислушалась. В тишине были различимы далекие крики и смех, доносившиеся со стороны корчмы. Из крааля раздавалось негромкое слоновье посапывание и звуки тяжелых шагов.

— Рег!

Крошка Вилл подхватила стек и выскочила из дому. Остановившись возле ограды, она прислушалась к собственным мыслям. На всякий случай набросила на крааль воображаемую защитную сеть. Наверняка под этой сетью ничего не было, в противном случае она ощутила бы, что кто-то пытается проникнуть снаружи.

— Джонджей? Где ты, Джонджей?

Ощущая горечь во рту, она облизнула губы и, вглядевшись в темноту, окутывающую крааль, удивленно воскликнула:

— Неужели ты вспомнил свой ужасный замысел, Джонджей? Неужели ты все-таки убил последнего слона?

С этими словами она перелезла через ограду и оказалась внутри крааля.

— Рег? Где ты? Иди сюда, Рег!

Прошло какое-то мгновение, и Крошка Вилл услышала фырканье слонихи, затем топот. В следующий миг на нее надвинулась огромная тень.

— Рег!

Сначала Вилл почувствовала удар небывалой силы, который пришелся ей прямо в лицо и грудь. Затем ее левая рука хрустнула под тяжестью огромной слоновьей ноги. Шеститонная туша с хрустом вдавила ее в землю.

Здоровяк Вилли когда-то рассказал дочери о Черном Алмазе. Вилл было тогда лет восемь. Это была старая-старая сказка, всего лишь одна из тысяч ей подобных, и содержала все ту же мораль: слоны признают только одного дрессировщика, нового, и при этом забывают старого. Керли Причетт когда-то давным-давно был дрессировщиком Черного Алмаза, но во время гастролей цирка в Корсикане, штат Техас, дрессировщиком Черного Алмаза стал Джек О'Грэди. Керли перебрался на жительство в Корсикану и попросил у Джека разрешения довести слониху до цирка.

Ему очень хотелось произвести впечатление на соседей.

По пути к цирку зеваки рядами выстроились по обе стороны улицы. Керли полагал, что слониха узнает его и будет слушаться. Именно поэтому он разрешил постороннему человеку, некой Еве Донахью, погладить слониху. Но Алмаз думала совсем по-другому. Подхватив Керли бивнем, она зашвырнула своего бывшего дрессировщика через стоявший поблизости автомобиль. Затем слониха отбросила на обочину дороги Еву Донахью, пронзив ее бивнями.

Хозяевами Рег были поочередно все дрессировщики Мийры. Как же иначе они могли обрести профессиональные навыки? Как же еще могли перенять у них эти навыки дети? Однако слоны признают только одного хозяина, забывая его сразу же, как ему на смену приходит новый человек. Когда-то

хозяйкой Рег была и Крошка Вилл, однако она давно перестала ею быть. Рег сменила много хозяев, отчего сделалась злобной и раздражительной.

Те, кто странствуют по дороге между Аркадией и Порсом, рассказывают, будто уже два года окрестности Великой топи сотрясаются от пронзительных криков и бешеного топота тамошних обитателей. Огромные трещины жуткими шрамами исполосовали поверхность дороги в тех местах. Деревья, травы и кустарники, окружающие бескрайний водоем, получивший название Озеро ночных кошмаров, почернели от частых пожаров. Торговля в этих краях захирела, и теперь любой товар, будь то лед или изделия из металла, попадал в Тарзак с юга, со стороны Куумика, затем перевозился через всю Изумрудную долину и продавался по баснословным ценам.

Дела приняли настолько плохой оборот, что среди жителей городов Срединного континента пошли разговоры. В тридцать четвертый сезон на Тарзакской Арене эти разговоры привели к принятию решения о строительстве новой дороги, ведущей на север в обход Великой топи.

Однако у колонистов осталась только одна слониха, Рег, которая была уже стара. Предполагаемую дорогу можно было бы построить, используя лошадей и гремучую смесь Стина, однако для этого потребовалось бы не менее двух лет. Кроме того, строительство наверняка не обошлось бы без человеческих жертв и огромных денежных затрат.

Гастрольный Сезон подошел к концу, но дальше разговоров дело так и не пошло.

Однако вскоре, уже в мае тридцать пятого года Великой Катастрофы, одинокие путешественники, которые все же осмеливались пройти по этому злополучному пути, поведали о том, что в краю Великой топи все спокойно, а вокруг Озера Вако снова буйно расцвела растительность. Эти рассказы получали все новые и новые подтверждения из уст других людей, и вскоре разбитые участки дороги были приведены в порядок и торговля в этих краях возобновилась.

Никто, за исключением, пожалуй, Великого Мутча Мовилла, не мог объяснить происшедшего. В повествовании Мутча фигурировала высадка большого казначейского корабля «Кадивампус», битком набитого драгоценностями, пряностями, пре-

красными тканями и снадобьем, именуемом «натуральный виски». Но на то Мутч и профессиональный сказитель, причем прекрасно владеющий своим ремеслом... история получилась красивая, однако наивно было принимать ее за чистую монету. Правда, когда начался тридцать пятый Гастрольный Сезон, единственное воспоминание об этом событии затерялось где-то в закромах импровизированного архива тарзакских жрецов. Таким образом, единственным напоминанием о дороге осталась лишь история Мутча о корабле «Каддивампус».

Чужак положил последний камень на могилу Вако, встал и подошел к водоему со свежей водой на самом краю поляны. Откинув капюшон назад, он наклонился над водой, собираясь напиться. Прежде чем его губы коснулись прохладной влаги, он увидел собственное отражение — размалеванное белой краской лицо клоуна, седые волосы.

Чужак левой рукой провел по волосам. Когда это они так успели побелеть?

— *Еще камней!*

Оторвав взгляд от своего отражения, Чужак обернулся и увидел Ссуру, стоявшую возле могилы отца. Он снова повернулся к воде и погрузил губы в холодную влагу, затем выпрямился и сел.

— *Еще камней!*

Чужак недовольно качнул головой.

— *Хватит камней! Достаточно!*

Ссура стояла на своем прежнем месте, как всегда, обнаженная, уперев в бедра сжатые в кулаки руки.

— *Где мой ребенок, Ссура*?

Женщина отрицательно покачала головой.

— *Не твой.* — Она указала рукой в сторону ближней к дороге поляны. — *Уходи.*

Чужак бросил взгляд на вершину холма и встряхнул головой.

— *Нет. Сначала змеиные яйца должны пообщаться с моими спутниками, Тарзакой и Траблом.*

Ссура в ответ лишь рассмеялась, причем так громко и пронзительно, что ушам Чужака стало больно.

— *Не хотят. Яйца не хотят этого. Эти люди им не нужны. Они не хотят с ними общаться.*

Повернувшись к Чужаку, Ссура убежала — скорее всего туда, где находилось ее жилище.

Чужаку вспомнились те мгновения — малоприятные и навязчивые, — которые в конечном итоге привели к появлению на свет ребенка. Это вряд ли можно было назвать даже примитивным любовным актом. Это скорее монотонное, холодное, бесчувственное дело для зачатия человеческого существа. Глаза Чужака сузились, когда он в очередной раз посмотрел на свое отражение. Он сам был не в состоянии выполнить это. Да и кто смог бы, находясь в лесной чаще, из глубины которой постоянно доносится несмолкаемый хор жутких голосов и криков, делать это с дикаркой, обладающей неописуемой, безумной силой. Именно яйца, да, да, именно они вынудили его сделать это. Чужак сжал зубы, испытывая одновременно чувство стыда и возмущения.

А ребенок? У него ведь даже нет имени. Кроме того, он ведь даже не знает, мальчик это или девочка. Ему пришлось провести в джунглях почти год, одному, без своих товарищей, прежде чем Ссура разрешилась от бремени. Теперь же он даже не имеет никаких прав на собственного ребенка. Об этом ему недвусмысленно заявили и болотная женщина, и змеиные яйца. Уже на прошлой неделе яйцам больше нечему было его учить, однако взяться за обучение Трабла и Тарзаки они отказались. Они получили все, что им было нужно, от Чужака. Действию договора пришел конец. Чужак выпрямился и зашагал вверх по косогору.

— *Не подходи ближе, Чужак!*

Чужак ощутил слабый мысленный голос яиц, обращенный к нему.

— *Вы так малы,* — мысленно откликнулся он. — *Вы слишком малы и слишком слабы. У нас с вами существует уговор. Я сделал все, что вы хотели, теперь выполните то, что хочу я.*

С вершины холма на Чужака хлынула целая волна презрения.

— *Мы делаем то, что хотим. Нам ты больше не нужен. Разве мы не научили тебя всему? Разве мы не показали тебе того, что ты когда-нибудь научишься делать? Так что уходи. Ступай!*

Мысли Чужака устремились вверх, и он мысленно положил свои руки на спрятанные на вершине холма яйца.

— *Я могу спокойно раздавить вас! Я сделаю это, если вы не выполните своего обещания!*

— *Ссура! Убей его! Убей!* — завопили яйца.

Чужак ликующе рассмеялся:

— *Ваши мысли вряд ли вырвутся за пределы моего разума.*

Его пальцы проникли под скорлупу одного из яиц, сомкнувшись вокруг головки холодного, покрытого мерзкой слизью существа.

— *Ну, каково? Я ведь могу покрепче сжать пальцы и раздавить твою жалкую головенку!*

— *Мы согласны! Согласны, согласны! Мы сделаем все, что ты пожелаешь! Мы согласны! Согласны!*

Чужак ослабил свою мысленную хватку и посмотрел на вершину холма.

— *Вы слышите меня?*

Яйца ответили:

— *Да!*

— *Теперь выслушайте вот что. В любое время, когда только пожелаю, где бы я ни находился, я смогу добраться до вас и без всякой жалости уничтожить. Вы сами научили меня умению появляться там, где я захочу. Вы поняли меня?*

— *Да!* — в унисон ответили яйца.

Чужак удовлетворенно кивнул:

— *Тогда выполните все ваши обязательства нашего договора. Сейчас на свет появился ребенок, которому суждено провести всю свою жизнь в жутком страхе, охраняя вашу жизнь и безопасность. Я свое обещание выполнил. Теперь вы должны обучить Тарзаку и Трабла. Если вы не сделаете этого, я раздавлю вас. Если я способен убить слона, то лишить вас ваших ничтожных жизней мне вообще ничего не стоит.*

Чужак посмотрел вниз, где в хижине у подножия холма стояли возле самого порога Тарзака и Трабл.

Он поднес ко рту руки:

— Я договорился!

Затем он рассмеялся, опустил руки и мысленно обратился к находящимся в хижине людям:

— Я сказал им. Теперь они начнут учить вас. Вы поняли меня?

Тарзака и Трабл в ответ замахали руками. Гадалка бегом бросилась вверх по косогору:

— Подожди, Чужак! Ты не должен делать того, что решил! Подожди!

Чужак поднял вверх руку, и в то же мгновение Тарзака резко остановилась, как будто наткнулась на каменную стену. Какое-то время Чужак продолжал смотреть вниз.

— *До свидания.*

Он обернулся и остановился у края поляны. Затем отыскал свой мешок, ткань которого почти расползлась по причине древнего возраста, и зашагал в сторону дороги на Аркадию-Мийру.

Крошка Вилл сидела, откинувшись спиной на спинку носилок. В ее правой руке, лежавшей на колене, был зажат стек. Крошку Вилл со всех сторон окружали дрессировщики. Все внимательно наблюдали за тем, как Бигфут, новый Мастер мийрских дрессировщиков, вошла в крааль и приблизилась к Рег.

Крошка Вилл также не сводила глаз с Бигфут, которая подошла к старой слонихе. Молодой женщина-дрессировщица была спокойна и уверенна. Со стороны казалось, будто ей вообще неведомо чувство страха. Но все дрессировщики прекрасно знали, что происходит в голове молодой женщины.

Беги! Беги без оглядки! Эта слониха — убийца!

Ведь это Рег превратила руку Вилл в бесполезный, уродливый обрубок и раздробила ей кости левой ноги — причем так сильно, что даже через два года конечность совершенно не повинуется ей, затем сломала ограждение крааля и устремилась в город. Рев взбешенного животного заставил жителей Мийры выскочить из своих постелей. Спасаясь от обезумевшей слонихи, люди бросались врассыпную. В конце концов Рег удалось утихомирить, увы — лишь после того, как в уличной пыли осталось лежать шесть безжизненных тел.

После этого случая Рег убила еще двух дрессировщиков и изуродовала третьего. Когда молодую дрессировщицу отделяли от слонихи считанные сантиметры, Крошка Вилл переместилась чуть ближе. Слониха фыркнула и ударила дрессировщицу хоботом. В следующее мгновение хобот уже обвился вокруг тела женщины, но та стукнула по нему стеком. Рег отвела голову назад и массивными ногами-колоннами приняла в неуверенности топтать траву.

Бигфут подождала, пока Рег успокоится, и протянула к ней руку. Крошка Вилл откинулась назад и закрыла глаза, слушая, как дрессировщица пытается ласково заговорить со

слонихой. Но вскоре она позволила своему мысленному «я» покинуть тело. Это «я» воспарило ввысь и поплыло куда-то вдаль вместе с облаками. Это внутреннее ее «я» пребывало в добром здравии, без каких-либо увечий. С высоты небес Вилл заглянула вниз, в огороженное пространство крааля и принялась следить за происходящим.

Вот Рег хоботом обвила левое запястье дрессировщицы. Бигфут в правой руке держала стек, водя им прямо перед глазами слонихи. Затем хобот змеей скользнул вверх по руке женщины к ее плечу. Рег обнюхала волосы дрессировщицы, а та тем временем протянула ей корень кобита. Рег убрала хобот от волос Бигфут и приняла подношение.

Крошка Вилл наблюдала за этой сценой не без ревности. Неожиданно к краю мысленной картины подступила густая чернота. Наплывая откуда-то из-за горизонта, чернота вскоре заслонила солнце. Вилл посмотрела вниз, но никто из дрессировщиков, похоже, ничего не заметил. Перед глазами Вилл стало черным-черно — ей стало страшно от того, насколько все успело почернеть вокруг.

— *Где ты?*

Вилл устремилась навстречу тьме:

— *Кто ты?*

Откуда-то из самого сердца тьмы послышался голос:

— *Уходи с моего пути, мать!*

— *Джонджей?*

— *Уходи с моего пути! Я пришел сюда завершить дело, которое я когда-то начал.*

— *Нет, Джонджей! Нет! Я остановлю тебя!*

— *Тебе это не удастся!*

Обрушившаяся с небес темнота окутала Крошку Вилл. Но открыв глаза, женщина обнаружила, что по-прежнему находится на своих носилках. Она перевела взгляд на небо, но ничего там не увидела, кроме привычной голубизны и редких облаков. Вилл крепко зажмурила глаза:

— *Не делай этого, Джонджей! Не надо!*

В кронах деревьев зашумел ветер, облака начали темнеть. Бигфут заставила Рег опуститься на колени, затем забралась на слониху и уселась у нее на холке. В следующее мгновение Рег уже поднялась на ноги. Бигфут что-то сказала ей, и слониха зашагала вперед, затем свернула сначала влево, потом вправо и

наконец остановилась. Окружавшие Крошку Вилл дрессировщики разразились аплодисментами и восторженными криками.

По щекам Крошки Вилл заструились слезы.

— *Неужели ты не видишь, Джонджей, кого собираешься уничтожить? Неужели ты этого не видишь?*

— *Послушай, мать! Ты и все эти святоши! Сейчас вы увидите, на что я способен!*

Небо потемнело, и где-то на западе прогрохотал гром. Собравшиеся у крааля дрессировщики устремили свои взгляды вверх, к надвигающейся туче. Вилл закрыла глаза и заставила внутреннее «я» покинуть тело. Оно тотчас взмыло в поднебесные выси.

— *Остановись, Джонджей! Остановись!*

Тьма, застилавшая глаза Вилл, обернулась огромным, черно-зеленым драконом. Его пасть изрыгала огонь, его когти — каждый размером с огромное дерево — нависли прямо над краалем.

— *Ничто не сможет остановить меня! Мне нужно вернуть долг этой слонихе и всем моим добрым друзьям и соседям!*

Он столкнул ее с небес. Камнем падая вниз, Крошка Вилл закричала:

— *Взгляни на них, Джонджей! Загляни в их глаза! Посмотри, что ты делаешь! Загляни в их мысли!*

Темнота поглотила весь мир, и Крошка Вилл рухнула на носилки.

Очнулась Крошка Вилл у себя в комнате, но с губ ее продолжал срываться крик.

— Успокойся! Успокойся!

Крошка Вилл мотнула головой:

— Джонджей... Темнота... Дракон...

Мортифай ободряюще похлопал ее по руке:

— Все в порядке, Вилл. Поверь мне. Тебе просто приснился какой-то кошмар.

— Что с Рег? С ней все в порядке?

Мортифай кивнул:

— С Рег все нормально. С Бигфут тоже все в порядке.

— Чернота... Тьма...

— Это просто погода немного испортилась. А ты, кроме того, порядком устала. Отдохни, и тогда поймешь, что все в полном порядке.

Крошка Вилл указала рукой на окно:

— Помоги мне подняться с постели и отнеси меня к окну.

— Не знаю, стоит ли это делать. Видишь ли...

— Я сказала, отнеси меня к окну!

— Ну, хорошо. Ладно. — Мортифай протянул ей руку, помогая подняться, и, поддерживая под спину, подвел к окну.

Посмотрев на крааль, Крошка Вилл увидела, что Бигфут продолжает заниматься Рег, а дрессировщики все так же наблюдают за ней.

— Видишь? Что я тебе говорил? — произнес Мортифай, указывая в сторону крааля.

Крошка Вилл долго не сводила глаз с происходящего, но затем попросила помочь ей вернуться в постель.

Выполнив ее просьбу, Мортифай попрощался и ушел. Крошка Вилл еще долго смотрела на небо. Она не могла забыть ту силу, ту мощь, которую излучал Джонджей. Если бы захотел, ее сын запросто стер бы с лица земли всю Мийру. Не забыла она и переполнявшую его ненависть к Рег. Слава богу, с Рег все в порядке.

Рег все еще жива, а значит, дрессировщикам есть кого дрессировать.

Еще Вилл подумала о том, что ее сын по-прежнему остается изгоем. Он мог убить Рег, но не сделал этого.

— Мой бедный сын! Неужели все это потому, что ты только сейчас понял весь ужас содеянного тобой? Если ты все понял и осознал, как же велики твои душевные муки!

Вилл закрыла глаза:

— Джонджей! Джонджей! Позволь мне прийти к тебе!

Вскоре она опять погрузилась в сон.

Глава 28

Чужак стоял высоко на гребне Нагорья. Далеко внизу, на севере простиралась Великая топь и Озеро Вако. Вдалеке виднелись окутанные белыми, как снег, облаками пики Белошапковых гор. Внизу тонкой ниткой протянулась дорога, берущая начало в замерзших озерах и теряющаяся где-то в самой гуще джун-

глей. Там, в городе Аркадия, она соединялась с Великой дорогой, которая протянулась из Мийры через Великую топь до самого Нагорья и далее до Великой пустыни и города Куумика.

Из печи одного из домов Аркадии медленно поднимались вверх двойные столбы белого дыма. Там, где они сливались воедино, струя дыма немного изгибалась и устремлялась прямой линией на северо-восток, в сторону Мийры. Чужак обернулся к Великой топи спиной и зашагал дальше по горному гребню, пока не уперся взглядом в простиравшуюся далеко внизу Великую пустыню. Его взгляд затуманили слезы. Он распростер к небу руки и воскликнул:

— Эй, Момус! Слушай меня, старый плут! Посмотри на меня, Момус!

Он стремительно повернулся, и дым тоже поплыл в другую сторону. Ладони Чужака теперь были повернуты к Белошапковым горам, и мгновение спустя облака, закрывавшие горные пики, исчезли. Чужак перевел взгляд на огромную каменную глыбу, лежавшую у его ног. Та, словно не выдержав его напряженного, немигающего взгляда, разлетелась на тысячи мельчайших осколков.

Все так же вытягивая вверх руки, он снова посмотрел на небо.

— И все-таки я не властен изменить прошлое, старый насмешник! Прошлое остается неизменным на все времена, и поэтому я проклинаю все законы вселенной!

Чужак опустил руки и склонил голову. Жаркий воздух песчаной пустыни обдал горячей волной его размалеванное клоунское лицо.

— Ответь, Момус, как жить тому, кто называет себя Чужаком? — Он почувствовал, как слезы, скатываясь с его лица, тяжелыми каплями падают на землю.

Он увидел хорошо знакомых ему людей, которые собрались в Мийре возле крааля — Крошку Вилл, Токиосо, а также семьи восьмерых дрессировщиков, павших жертвами разъяренной слонихи Рег. Все они не сводили глаз с Бигфут, пытавшейся заставить слониху подчиниться своей воле. Чужак заглянул в их мысли и, пристыженный, удалился восвояси.

Дело не в дрессировщиках, дело было во всех остальных — конюхах, наездниках, шорниках, зазывалах, жрецах, рассказчи-

ках, подсобных рабочих. Он заглянул в мысли и к ним. Слониха Рег была для них тем, что связывало их со звездами, со старым цирком. Даже для тех, кто не был дрессировщиком, эта старая слониха оставалась неким особым, священным животным. Она олицетворяла собой старый цирк, который по-прежнему жил в сердцах тех, кто наблюдал сейчас за слонихой и дрессировщицей. Это были и старые цирковые артисты, и те, кто родился уже на Момусе.

Заглянув в мысли Бигфут, он обнаружил в них почтение и священный трепет. Это напомнило ему то, что он когда-то прочел в мыслях своей сестры. Он заглянул в мысли Мэй в ту минуту, когда та сидела в высокой траве, вооружившись кистями и красками. Это была какая-то особенная, неудержимая радость вперемешку с гордостью и радостью обладания.

Это была радость, свидетелем которой он стал когда-то в далекие дни детства во время двадцать первого Гастрольного Сезона, когда ему исполнилось тринадцать лет. Магистр тарзакских жрецов по имени Бородавка прочитал тогда отрывки из путевой хроники о великом простофиле с планеты Уоллаби. В них говорилось о противостоянии двух цирков, О'Хары и Арнхайма.

Вспомнив имя Арнхайма, Чужак снова посмотрел на небо.

— Арнхайм! Ты сейчас тоже видишь их? Ни ты, ни я — как бы мы ни старались уничтожить цирк, это нам не удастся. Нельзя убить то, чему суждена вечная жизнь. Цирк — бессмертен.

Какой-то миг он боролся с искушением послать свои мысли прямиком в Мийру, в материнский дом, чтобы матери стало лучше от его признания собственной неправоты. При этом он ощутил, как от стыда запылали его щеки и сделалось жарко в груди.

Чужак снова посмотрел на Великую топь:

— Что же мне делать? — спросил он себя.

Время, проведенное в плену у Ссуры, знания, купленные у змеиных яиц ценой обреченного на вечное рабство несчастного безымянного ребенка, — все это было напрасно, все пошло прахом.

— Если бы я захотел, то стал бы величайшим фокусником или ясновидцем, каких еще не видывал мир. Если бы я захотел, то стал бы властелином всей этой планеты и держал бы всех ее обитателей в вечном страхе перед моими сверхъестественными способностями.

Чужак саркастически рассмеялся и сплюнул себе под ноги.

В голову ему пришли недобрые, темные мысли, мысли о том, чтобы шагнуть к самому краю высокого утеса и поступить с собой так, как он поступил с пятью слонами, которые по его воле свалились в глубокую пропасть. Однако на смену этим раздумьям пришло спокойствие.

Чужак удовлетворенно кивнул:

— Да. Правильно.

Он попытался отыскать среди вороха разноречивых мыслей какой-нибудь противоположный довод, но ничего, кроме легкого любопытства, не обнаружил. Змеиные яйца увидели в его разуме нечто непонятное, что-то вроде двух больших загадок, которые они назвали видениями. Для того чтобы он сам их увидел, ему необходимо узреть еще несколько мысленных образов-картинок, этаких недостающих фрагментов мозаики. Это — нечто, что ему предстоит осуществить. Миссия. Цель. Предназначение.

— Два великих видения, — произнес Чужак. Вытерев со щек слезы, он стал спускаться вниз, туда, где брала свое начало дорога, ведущая в Куумик. — На моем пути встретится еще немало таких утесов — стоит мне только этого пожелать.

Это произошло в Мийре два года спустя, в 37 году Великой Катастрофы. Крошка Вилл сидела в зрительном ряду Мийрской Арены, надеясь услышать от новоприбывших рассказчиков хоть какое-нибудь известие о Джонджее. В тот вечер выступал новый Мастер рассказчиков Аркадии, женщина, известная под именем Тамбурин.

— Мне недавно встретился один фокусник, — начала она, — чье волшебство изумляло сильнее, чем его фокусы. Его имя — Трабл. Готова поклясться чем угодно, но он умеет менять масть у игральных карт. Он путешествует вместе с гадалкой по имени Тарзака. Эта гадалка на самом деле умеет предсказывать будущее. Ей известно не только то, что было с каким-нибудь человеком, но и то, что с ним случится в будущем.

Тамбурин на какое-то время смолкла, затем продолжила:

— Но самое странное, однако, то, что я увидела своими собственными глазами на дороге, ведущей в Тарзак.

В ночь, о которой я сейчас рассказываю, у костра на обочине дороги собралось четырнадцать человек, среди которых

преобладали жрецы. Соревновались три клоуна — по одному из Тарзака, Сины и Порса. После них один за другим выступили жрецы.

Бедоносец, ученик жреца из Тарзака, продекламировал «Песнь о городе Барабу», о приключениях старой цирковой труппы. Его выступление имело успех, поскольку он был в прекрасном голосе. После него продекламировал свою только что сочиненную «Сагу о дороге» ученик жреца Лапши. В ней он поведал собравшимся о приключениях слонов на Момусе. Великая Тина, Магистр жрецов из Мбвебве, выступила с «Песней о Машине Номер Два», посвященной истории заселения и колонизации Срединного континента.

Три других жреца представили на суд собравшихся свои любимые произведения. Ойлум, жрец-рыбак из Сины, порадовал слушателей «Песней о 21-м и 35-м выпуске», также повествовавшем о старом цирковом шоу. Толдус из Айконы исполнил свой «Первый сезон», а первый жрец Великий Бородавка из Тарзака — уже под конец — «Сагу о Здоровяке Вилли».

Имел место внушительный обмен мовиллами, однако больше всех заплатил некий ясновидец, представившийся просто Чужаком. Лицо его было раскрашено белой краской, как у обычного клоуна, а одежда отличалась ветхостью. Великий Магси попросил незнакомца погадать ему. Чужак сначала изучающе посмотрел на темного жреца, затем утвердительно кивнул и встал.

— Ты знаешь меня, Великий Магси?

Темный жрец кивнул и ответил:

— Да, я знаю тебя.

После этого ясновидец заглянул в лица присутствующих, поднял глаза к небу и заговорил:

— Когда-то, давным-давно, мне напророчили, будто мне предстоят два великих видения. Мне сказали, что случится это после того, как я достаточно всего увижу и достаточно всего узнаю. За последние два года я побывал во всех уголках этой планеты, пристально вглядываясь в окружающий мир и внимательно изучая его.

Четыре года назад на дороге, ведущей из Мийры в Аркадию, я повстречал Великого Мэарсиддоатса и его жену, певицу Иеаду. Я заплатил им за их рассказ и песню. Удивительные видения почти что привиделись мне. Однако чего-то все-таки в них не хватало. — С этими словами он вытянул вперед руки. — Сегодня

жрецы, собравшиеся вокруг этого костра, даровали мне все недостающее.

Великий Магси посмотрел на неизвестного ясновидца:

— Значит, такая судьба постигнет одного из нас?

— Всех вас, — ответил на это Чужак. — Мое первое великое видение — это планета Момус и населяющие ее люди. В будущем их ожидают мрачные времена, потому что и сама цирковая труппа когда-то видела худшие времена.

Среди собравшихся пробежал шепот — ясновидец был явно не в своем уме. Цирковой труппы не существует вот уже тридцать семь лет. Великий Магси жестом призвал всех к молчанию, после чего снова обратился к Чужаку:

— А что же наступит после мрачных времен?

— Наступят добрые времена, — ответил Чужак, все так же простирая руки к звездному небу. — Цирк жив и будет жить вечно. Я вижу, как он снова перелетает со звезды на звезду, выступая под огромным шатром перед представителями самых разных народов многочисленных обитаемых миров. Я чувствую, как само слово «цирк» продолжает волновать сердца и старых, и молодых. — Он опустил руки и оглядел собравшихся. — А еще здесь будут слоны. Много слонов, даже больше, чем их когда-то было в старом цирке. Все это я вижу в моем видении нашего будущего.

Глаза Великого Магси увлажнились от слез. Затем он улыбнулся и кивнул головой:

— Имеется ли в твоем видении хотя бы какой-нибудь намек на то, когда все это произойдет?

— Нет, — коротко ответил ясновидец.

И тогда случилось странное. Великий Магси задал еще один вопрос:

— А что же было в твоем втором видении?

Чужак остановил свой неподвижный взгляд на жреце, затем после продолжительной паузы заговорил:

— Мое второе видение касается одного лишь меня. Это моя собственная судьба. — Он снова обвел взглядом сидящих возле костра. — В благодарность за то, что я получил от вас знание, которого мне недоставало, я предсказал вам будущее Момуса, чтобы вы поступили так, как пожелаете.

Тамборин вытянула вперед руки:

— И тогда белолицый Чужак отошел от костра и скрылся в ночной тьме. Он направился отнюдь не в сторону Куумика и вовсе не в сторону Тарзака. Вместо этого Чужак зашагал в направлении Нагорья.

Рассказчица опустила руки и посмотрела на тех, кто сидел вокруг Мийрской Арены.

— Уж не безумен ли был ясновидец? — донесся до нее чей-то вопрос.

— Откуда мне знать? Его рассказ, его размалеванное, как у клоуна, лицо, его внезапный уход посреди темной ночи в безводную пустыню — все это явно свидетельствовало о его безумии. Однако пророчество Чужака пришлось мне по сердцу.

Все тогда подумали, что ясновидец, конечно же, сошел с ума, однако мы поговорили между собой и задумались над его словами. Как я уже сказала, всего за несколько недель до этого я встретила волшебника, продемонстрировавшего настоящее волшебство, и еще одного ясновидца, женщину, которая предсказывала будущее без всяких там карт, хрустальных шаров и прочих принадлежностей для ворожбы. Она предсказывала истинное будущее.

Рассказчица прижала руки к груди:

— Я сердцем чувствую, что эта странная ясновидящая говорила правду. Вот здесь, в моем сердце, по-прежнему живет Старый Цирк. Он жив в сердцах тех, кто в ту ночь слушал рассказ Чужака. Вы все, собравшиеся здесь, не должны допустить, чтобы цирк умер в ваших сердцах.

Тамбурин указала рукой на звездное небо:

— В один прекрасный день цирк снова полетит к звездам, и представление продолжится!

Начался сбор денег рассказчице, и Крошка Вилл молча заплакала.

Глава 29

Прошло ровно двадцать дней, после того как Чужак ушел прочь от горевшего в безлюдной пустыне костра. Сейчас он снова стоял на берегу Озера Вако. Одежда его вся пропыли-

лась. Он смотрел в сторону поляны на чащу деревьев и, увидев там высокий холм, мысленно накрыл его своим разумом.

— *Я вернулся.*

После этого он сначала ощутил удар, затем волну гнева, исходящую от змеиных яиц. Затем рядом с ним повисло черное облако, стремительно меняющее свои очертания.

— *Зачем ты пришел сюда. Уходи!*

— *Я пришел за моим ребенком, Ссура.*

— *Уходи! Это не твой ребенок! Она не твоя!*

Чужак улыбнулся:

— *Значит, мой ребенок — девочка!*

Облако закружилось бешеным вихрем, способным с корнем вырвать из земли деревья.

— *Она не твоя! Убирайся! Убирайся, или мы убьем тебя!*

Чужак услышал, как к голосу Ссуры присоединились голоса яиц:

— *Убей его, Ссура! Убей его! Убей!*

Черное облако повисло почти над самой головой Чужака. Тот потянулся к нему мысленными «пальцами», и оно тут же бесследно исчезло. Вырванные вихрем из земли деревья и кусты сыпались вниз. Ссура постояла посреди поляны и, пошатываясь, направилась к вершине холма.

Чужак шагнул на поляну и поспешил следом за ней:

— *Где она, Ссура? Где моя дочь?*

Откуда-то сверху на вершину холма упала обнаженная женщина. Перевернувшись, она вскочила на ноги и, разразившись истерическим смехом, повернулась лицом к Чужаку. В следующее мгновение обитатели джунглей живой стеной обрушились на Чужака. Гигантские болотные ящерицы, водяные змеи, насекомые и драконы-попугаи, казалось, были одержимы желанием уничтожить его. Под их сумасшедшим натиском он рухнул на землю. Попугаи острыми клювами принялись клевать его тело, целясь в голову. По щеке Чужака заструилась кровь. Он почувствовал, что на спину ему наступила нога какого-то болотного чудовища, грозя в любую минуту раздавить.

Громадным усилием мысли он воздвиг над собой защитный силовой кокон. Давление на спину тут же исчезло. Чужак поднялся на ноги, чувствуя, как злобные твари в бессильной ярости бьются о его невидимую спасительную броню.

Чужак направился к вершине холма. Со всех сторон в злобном исступлении на него лезли болотные чудовища. Разум Чужака воспарил ввысь, над ордой обезумевших монстров. С высоты ему было видно, что Ссура призывает все новых и новых тварей. Жуткие клыки, бивни, когти и крылья подбирались к вершине холма все ближе и ближе — до тех пор, пока эта беснующаяся масса не поглотила Ссуру. Неожиданно монстры, как по команде, замерли. Один за другим они откатывались назад, отползали или разлетались в разные стороны, бросив своих погибших в беспорядочной давке сородичей, а вместе с ними и тяжело дышащую, истекающую кровью Ссуру.

Чужак силой мысли убрал защитный кокон, и в тот же миг разум вернулся в его саднящее, покрытое синяками и ссадинами тело. Боль заставила его опуститься на колени, он застонал. Через мгновение Чужак все-таки собрался с силами и встал. Пошатываясь, он направился к Ссуре и опустился возле нее на колени:

— *Ссура, ты слышишь меня?*

Ее губы слегка приоткрылись, на них запузырилась кровавая пена.

— *Убью тебя! Убью!*

Чужак повернул голову в сторону вершины холма:

— *Отпустите ее! Отпустите ее, или я сейчас вас всех передавлю!*

Чужак заглянул Ссуре в глаза. Та невидящим взором посмотрела на него, широко открыв стекленеющие глаза. Ее нижняя челюсть безвольно отвисла.

— *Ссура!*

— *Бесполезно, Джонджей!* — отозвались яйца. — *Все, что она имела, она получила о нас.*

Чужак схватил женщину за плечи и встряхнул:

— *Ссура, где моя дочь?*

Глаза женщины на мгновение блеснули, как будто она узнала его, но уже в следующий миг свет жизни окончательно погас в них. Голова бессильно упала набок. Чужак осторожно опустил Ссуру на землю и вытер кровь с ее губ.

— *Эх, если бы ты когда-нибудь была свободной!*

С этими словами Чужак резко выпрямился. Над поляной стояла зловещая тишина, нарушаемая лишь каким-то слабым,

плохо различимым звуком. Юноша обошел вершину холма и вскоре оказался на противоположной стороне поляны. У самого ее края, прямо под ветвями деревьев он разглядел кособокую, грубо сколоченную деревянную будку. Чужак подошел к ней совсем близко, и до него сразу донеслись крики яиц:

— Она наша! Оставь ее нам! Она нужна нам! Нам не обойтись без нее!

Чужак привычным усилием мысли погасил их вопли. Он приблизился к похожей на клетку будке и заглянул внутрь. В углу, сжавшись в комочек, сидело крошечное темноволосое существо, настолько грязное, что лишь с великим трудом его можно было признать за человека. Джонджей немедленно выстроил мысленный купол, накрывший и его самого, и ребенка.

— Малышка! — позвал он.

Девочка заморгала и попятилась к задней стенке клетки. Из ее горла вырвался сдавленный звериный крик. Чужак обошел клетку вокруг, не сводя глаз с копошащегося в нечистотах ребенка, и обнаружил подобие дверцы, закрывающейся на веревку. Он развязал узел и потянул за веревку. Дверь открылась. Нагнув голову, Чужак вошел внутрь. Девочка испуганно взвизгнула и вытянула вперед ручки со скрюченными пальчиками. Чужак опустился перед ней за корточки и протянул к ней руку. Малышка быстро схватилась за нее, прижала к своей груди и заплакала, спрятав лицо в ладонях.

Чужак погладил ее по грязным, спутанным волосам:

— Все будет хорошо, малышка. Все будет хорошо.

От каждого его прикосновения ребенок начинал испуганно дрожать. Чужак собрал воедино все приятные и добрые мысли и поместил их в голову дочери. Это были мысли доброты и любви. Девочка легонько разжала пальцы и посмотрела сквозь них на Чужака.

Он почувствовал, как от ребенка исходят волны страха, боли, озлобленности и одиночества. Ей было ведомо одно лишь слово — Девочка. Это было ее имя.

— Все будет хорошо, детка. Я твой папа. Я пришел за тобой.

Глава 30

Прошло шесть лет. Наступил конец месяца Громовика 43 года Великой Катастрофы. Два человека в новеньких одеяниях дрессировщиков слонов — светловолосый молодой мужчина и маленькая девочка шли под сильным дождем по дороге Мийра—Аркадия. Джонджей, а это был он, вопрошающе посмотрел на дочь:

— Ты не устала, малышка?

— Устала, папа. А еще я замерзла.

Путешественники остановились. Джонджей выпустил руку дочери, сбросил с плеча мешок, извлек из него поношенное одеяние и укутал в него малышку. Затем перебросил мешок через плечо, взял девочку на руки и поцеловал. Немного постояв, зашагал дальше. Дождь не переставал.

— Мы скоро придем. Осталось совсем немного, — успокоил Джонджей ребенка.

Девочка обняла отца за шею и положила голову ему на плечо.

Где-то вдали, за пеленой дождя, Джонджей различил неясную фигуру всадника. Лошадь, на которой тот ехал, шла медленно, покорно склонив голову под безжалостными струями ливня. Джонджей перебрал в памяти события последних шести лет своей жизни. После того как он схоронил яйца где-то глубоко в болотной жиже, малышка мало-помалу перестала его бояться.

Пришло время, и она научилась говорить и перестала плакать. Затем девочка научилась смеяться. Называя себя Чужаком, Джонджей странствовал по дорогам и зарабатывал себе на жизнь предсказаниями будущего. Одеянием дрессировщика слонов он разжился в Куумике. Джонджею захотелось нарядиться в него в тот самый день, который привиделся ему однажды ночью возле костра на дороге Куумик—Тарзак.

Фигура, сидящая на лошади, казалась какой-то бесформенной, лица из-за наброшенного на голову капюшона было не разглядеть. Оказавшись прямо перед лошадью, Джонджей протянул руку и осторожно перехватил поводья. Лошадь остановилась. Всадник оставался по-прежнему неподвижным. Джонджей легонько подергал его за руку:

— Мама? Ты?

Человек протер глаза и воскликнул:

— Джонджей!

Нагнувшись, Крошка Вилл обняла сына за шею. Затем соскользнула с лошади на землю, шлепнув подошвами по раскисшей от дождя почве. Сильная рука сына обхватила ее за талию, не дав потерять равновесие. Крошка Вилл заглянула сыну в глаза:

— Рег умерла позапрошлой ночью.

Джонджей кивнул:

— Знаю. Мне очень жаль.

Крошка Вилл кивнула и уткнулась лицом в грудь сына, вцепившись в край его одежды.

— Я очень скучала по тебе. Очень скучала.

Джонджей крепко прижал мать к себе и поцеловал:

— Мама, я хочу тебя кое с кем познакомить.

Крошка Вилл глубоко вздохнула и посмотрела на маленького человека, мирно спящего на руках сына. Она приподняла край ткани, прикрывавшей лицо малышки:

— Какая она красавица!

— Это твоя внучка. Ее зовут Девочка.

Ребенок открыл глаза и тут же испугался при виде незнакомого лица.

— Познакомься, это твоя бабушка! — рассмеялся Джонджей.

Ребенок посмотрел на отца, затем на незнакомую немолодую женщину. Мгновение спустя губы малышки расползлись в улыбке, и она раскрыла бабушке объятия.

— Можешь опустить меня на землю, папа.

Джонджей опустил ребенка на раскисшую от ливня дорогу и повернулся к матери.

В глазах Крошки Вилл блеснули слезы.

— Теперь ты можешь вернуться домой.

— Мне будет приятно вернуться домой, — ответил сын и снова обнял ее.

— Чем же ты будешь заниматься, Джонджей? Я знаю, ты можешь творить настоящие чудеса.

— Я собираюсь поучиться у Мортифая. Хочу лечить людей. Мне кажется, люди будут довольны.

Крошка Вилл чуть отстранилась и подняла глаза к небу:

— Нам пора идти. А то люди скажут, что у нас не все в порядке с головой, иначе с какой стати мы бы гуляли под дождем.

Джонджей помог матери сесть в седло и рассмеялся:

— А разве дрессировщики слонов когда-нибудь отличались благоразумием?

Его мать пошарила рукой в притороченном к седлу мешке, вытащила из него стек и протянула его сыну:

— Возьми его! Теперь он твой!

Взяв стек в руки, Джонджей принялся его рассматривать, затем посмотрел на мать:

— Спасибо, но я не могу принять его.

Повернувшись к дочери, он протянул ей стек и спросил:

— Ты знаешь, что это такое?

— Это руль. С его помощью слонам говорят, что нужно делать, — ответила девочка и взяла стек в руки.

Джонджей вопрошающе посмотрел на мать — та ответила ему утвердительным кивком:

— Это вещь — твоя! Обращайся с ней аккуратно!

Девочка прижала стек к груди и расплылась в улыбке.

Джонджей положил правую руку на плечо дочери, в левую взял поводья и зашагал в сторону Мийры.

— Пойдемте домой! Похоже, дождь уже утихает.

Крошка Вилл вытерла слезы и ответила:

— Дождь пойдет снова. Так всегда бывает.

Малышка в это время размахивала стеком:

— Когда приезжает цирк, жизнь превращается в большой бесконечный праздник!

Через несколько секунд стена дождя осталась у них за спиной.

БИБЛИОГРАФИЯ БАРРИ ЛОНГИЕРА

(КНИЖНЫЕ ИЗДАНИЯ)

1. Сб. «Провозглашенная цель» (Manifest Destiny, 1980).
2. Сб. «Город Барабу» (City of Baraboo, 1980).
3. Сб. «Мир-Цирка» (Circus World, 1981).
4. «Песнь слона» (Elephant Song, 1982).
5. «Заповедь завтрашнего дня» (The Tomorrow Testament, 1983).
6. Сб. «Это пришло из Скенектеди» (It Came from Schenectady, 1984).
7. «Враг мой» (Enemy Mine, 1985).
8. «Море стекла» (Sea of Glass, 1987).
9. «Нагим пришел робот» (Naked Came the Robot, 1988).
10. «Возвращение домой» (The Homecoming, 1989).
11. «Держатель бесконечности» (Infinity Hold, 1989).
12. «Божественная шкатулка» (The God Box, 1989).
13. «Изменение» (The Change, 1994).
14. «Такой же шлак, как я» (Slag Like Me, 1994).
15. «Последний враг» (The Last Enemy, 1997).
16. Сб. «Вражеские бумаги» (The Enemy Papers, 1998).

СОДЕРЖАНИЕ

Вл. Гаков. Звездные сальто-мортале Барри Лонгиера 5
Мир-Цирка 15
Город Барабу 219
Песнь слона 427

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ
КНИЖНЫЕ
СЕРИИ

СТИВЕН КИНГ

Имя, которое не нуждается в комментариях. Не было и нет в «литературе ужасов» ничего, равного его произведениям. Каждая из книг этого гениального автора — новый мир леденящего кошмара, новый лабиринт ужаса, сводящего с ума.
Читайте Стивена Кинга — и вам станет по-настоящему страшно!

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ – "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя
около 50 **издательств** и редакционно-издательских объединений,
предлагает вашему вниманию **более 10 000 названий книг**
самых разных видов и жанров.
Мы выпускаем классические произведения
и книги современных авторов.
В наших каталогах — интеллектуальная проза,
детективы, фантастика, любовные романы,
книги для детей и подростков, учебники, справочники,
энциклопедии, альбомы по искусству,
научно-познавательные и прикладные издания,
а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский, братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону:
(095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших **фирменных магазинах:**

Москва

- Зеленоград, кор. 360, 3-й мкрн, тел. 536-16-46
- «Крокус-Сити», 65—66 км МКАД, тел. 754-94-25
- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр.1, тел. 232-19-05
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 110-89-55
- м. «Выхино», Самаркандский б-р, д. 17, тел. 372-40-01
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», м. «Маяковская», ул. Каретный ряд, 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», м. «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп.1, тел. 322-28-22

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. 8-8182-65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Вологда, ул. Зосимовская, д. 38, тел. (8172) 75-88-80
- г. Воронеж, ул. Лизюкова, 38а, тел. (0732) 13-07-91, 13-02-44
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. 8-0112-441095, 566095
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29
- г. Н. Новгород, ул. Б. Покровская, д. 1/61, тел. (8312) 33-79-80
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. 8-3532-41-18-05
- г. Череповец, Советский пр., д. 88А
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1, Волжская наб., д. 107

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Лонгиер Барри

Мир-Цирк
Город Барабу
Песнь слона

Редактор О. Пчелин
Художественный редактор О. Адаскина
Компьютерный дизайн: А. Сергеев
Технический редактор О. Панкрашина
Младший редактор А. Рычкова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ООО «Издательство АСТ»
368560, Республика Дагестан, Каякентский район,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии издательства
"Самарский Дом печати"
443086, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует предоставленным диапозитивам

Барри Лонгиер знаком отечественному читателю по эпическому циклу «Враг мой». Но теперь перед вами — Барри Лонгиер в ИНОМ АМПЛУА!

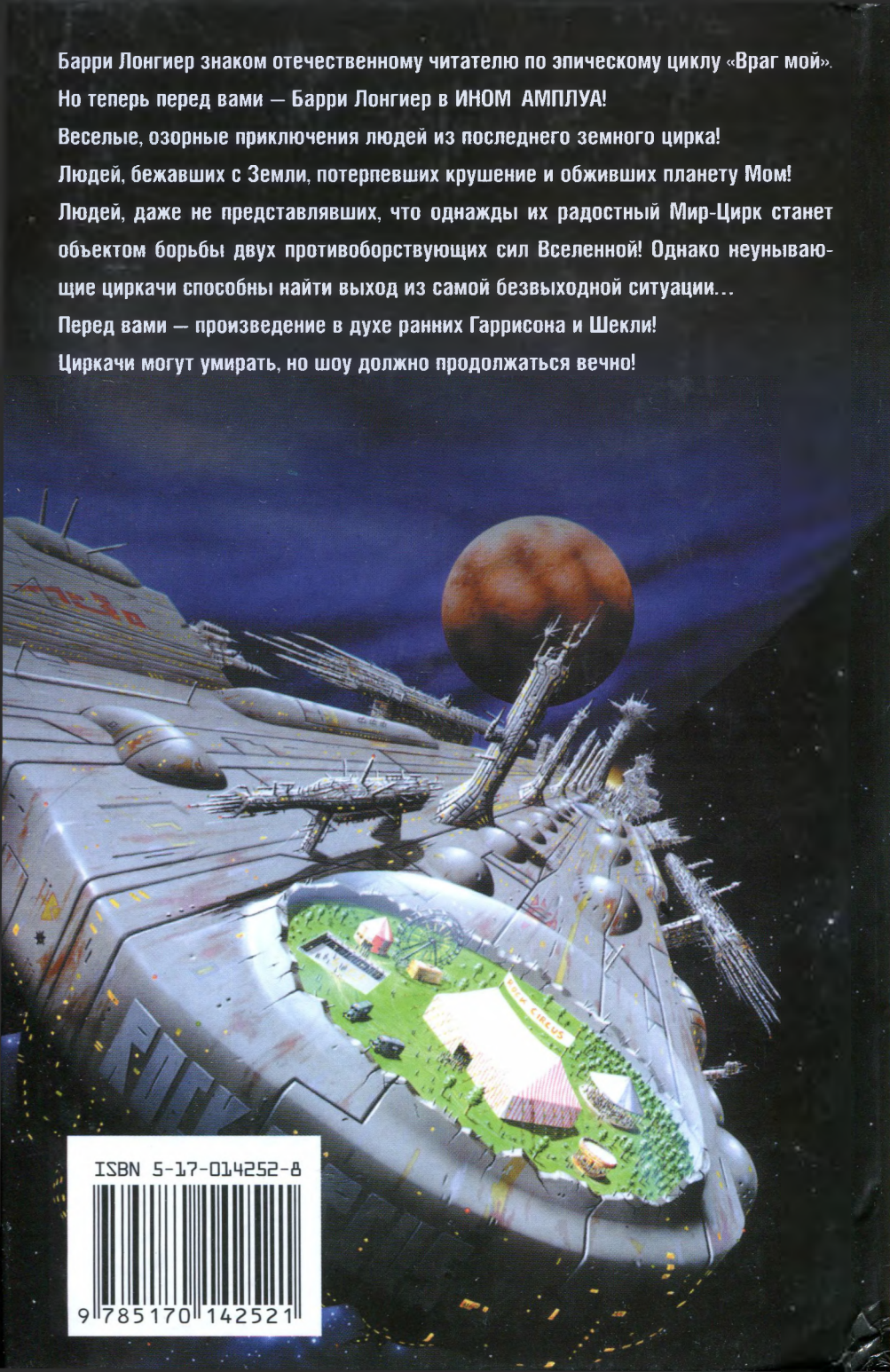
Веселые, озорные приключения людей из последнего земного цирка!

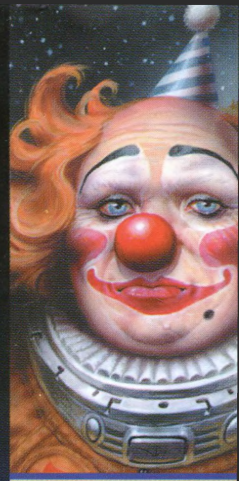
Людей, бежавших с Земли, потерпевших крушение и обживших планету Мом!

Людей, даже не представлявших, что однажды их радостный Мир-Цирк станет объектом борьбы двух противоборствующих сил Вселенной! Однако неунывающие циркачи способны найти выход из самой безвыходной ситуации...

Перед вами — произведение в духе ранних Гаррисона и Шекли!

Циркачи могут умирать, но шоу должно продолжаться вечно!

БАРРИ ЛОНГИЕР

МИР-ЦИРК. ГОРОД БАРАБУ ПЕСНЬ СЛОНА

ISBN 5-17-014252-8

9 785170 142521